
Юрий Нестеренко
Время Меча

Юрий Нестеренко

Время меча

Роман

Иллюстрированная интернет-версия, вторая редакция

© Юрий Нестеренко, 1999–2000

Сайт автора: yun.complife.info

Содержание

Интродукция для дотошного читателя 1

Часть первая. Тарвилон 5

Часть вторая. Дорога на Тургунай 75

Часть третья. Зурбестан 329

Интродукция для дотошного читателя

Читать эту интродукцию совершенно не обязательно.

Собственно, будет даже лучше, если вы не станете ее читать, а перейдете непосредственно к роману. Не то чтобы я в нескольких нижеследующих абзацах собирался раскрыть сюжет и идеи, но – некоторый элемент неожиданности может быть утрачен. В конце концов, если у вас возникнут какие-то вопросы, вы можете вернуться сюда и позже.

Если вы все еще читаете, значит, вы действительно принадлежите к той дотошной категории, которая предпочитает всегда получать четкие ответы – и желательно прежде, чем возникнут сами вопросы. Впрочем, один вопрос у вас уже мог возникнуть: как это автора статьи «Фэнтези – это диагноз» угораздило написать фэнтези? Отрекся от своих убеждений? Погнался за модой? Заключил пари?

Ни то, ни другое и даже ни третье. Вообще-то полагаю, что дочитавшие роман до конца сами смогут ответить на этот вопрос. Пока лишь намекну, что «Время меча» – это не совсем фэнтези... особенно если под фэнтези понимать то, что я описывал в своей статье. И если вы и встретите здесь привычные штампы, то, скорее всего, они окажутся вывернутыми наизнанку.

Тем не менее, я писал не пародию. И не сказку. «Время меча» – это реалистический роман, насколько может быть реалистичной фантастика. Я исходил из того, что все описанное – будь то исторические события, характеры героев или социальные системы – могло существовать на самом деле в мире с описываемой физикой (или, если угодно, метафизикой).

Самое время ответить на следующий вопрос – что это за мир? Где происходит действие? Это Земля в далеком прошлом или будущем?

Нет, не Земля, хотя и похоже. Это некий параллельный мир – то, чем могла бы стать Земля, если бы некогда на ней реально существовала магия. Географическое сходство, разумеется, не случайно и продиктовано вовсе не отсутствием у меня воображения. Просто я считаю дурным тоном моду (особенно распространенную среди авторов фэнтези) сопровождать свои романы кучей приложений, непосредственно к литературе не относящихся – картами, словарями и т.п. Следует все же отличать художественное произведение от научной монографии. Не то чтобы я считал такие приложения вообще недопустимыми – просто книга должна быть понятна и без них. И в этом плане знакомый ландшафт облегчает читателю ориентацию в мире романа.

Тем не менее, географические отличия есть, и порою значительные. Вот основные (в скобках – земные аналоги): Хурлуцкое море (Черное) представляет собой озеро и смещено к западу, Омола/Ильт-Ка(Волга/Итиль) впадает непосредственно в Срединное море (Средиземное), которое, в свою очередь, смещено к востоку и соединяется на востоке с океаном широким проливом; Агабейский полуостров меньше Аравийского и значительно меньше выдается на юг; Кунд и Занг (Инд и Ганг) берут начало из одного озера; Памир, Тянь-Шань и Гиндукуш объединены в Хадир, а Гималаи и Куньлунь – в Бхиланаи; при этом Куньлунь подтянут к югу и соответственно Тибет из огромной страны вырождается в Зурбестанскую котловину в несколько десятков миль в поперечнике.

Это что касается физической географии. Политическая отличается сильнее; ни у одного города в романе нет конкретного прототипа, и даже у стран они достаточно условны. Например, Тарвилон и Тирлонд не имеют точных прообразов, это просто некие усредненные сильные западноевропейские королевства. Пралецкое княжество – нечто среднее между Польшей и Чехией, Варсалия – между Испанией и Италией. Тургунай, пожалуй, дальше всего от реальной истории – этакий вариант окультуренной империи Чингисидов, причем завоеватели-кочевники приходят не из Монголии (которой вообще нет), а с запада, откуда-то из западноказахских степей. Другие страны имеют более конкретные аналоги: Кундистан – Хиндустан, Цань – Хань (Китай) и т.п. Границы между расами в романе аналогичны границам между религиями в нашем мире: где у нас мусульмане, там – монголоиды («восточная раса»).

Хотя страны и народы описаны во «Времени меча» достаточно подробно (исходя из того же принципа – я описывал реальный мир, а не картонную декорацию к сказке или ролевой игре), и хотя мною использовались факты и детали из подлинного прошлого Земли, еще раз подчеркиваю, что это фантастический роман, а не исторический. Так что не пытайтесь изучать по «Времени меча» историю, равно как и не предъявляйте претензий типа «у такого-то народа в средние века то-то и то-то было не так».

Термин «меч» используется в романе в широком западном смысле, который также широко распространен в русскоязычной художественной литературе, хотя в русскоязычном оружиеведении это понятие трактуют более узко, включая в него только оружие с прямым обоюдоострым клинком (кривой клинок означает саблю, односторонняя заточка – палаш).

Есть ли в романе политические аллюзии, параллели с сегодняшней реальностью? В отличие от Толкиена, не буду открещиваться от таковых – но не

буду и настаивать на них. То есть, если вы их видите – значит, они есть, если нет, то нет.

Несколько замечаний по произношению имен собственных. Оно вроде бы интуитивно очевидно, но, как показывает практика, интуиция не у всех работает одинаково. В названиях стран ударение, как правило, падает на последний слог; исключение составляют страны на «-ия» (ударный 3-й слог от конца), Пра́лецкое княжество и Агабе́я. Женские и западные двусложные мужские имена имеют ударение на второй от конца слог (исключения – «Сэ́лия», «Карлу́нг»), многосложные и восточные двусложные мужские – на последний (исключения – «Мику́та», «Тедора́ух», а также варсалийские и гриндазийские имена, где ударение падает на предпоследний слог). Имя «Йо́лленге́л» двухударное: основное ударение приходится на последний слог, дополнительное – на первый. Имя «Артен» читается твердо: [тэ].

В заключение – пара фактов для любителей странных совпадений. Первое касается зурбестанского герба: солнце над вершиной не то горы, не то пирамиды. Этот герб я попросту выдумал. И вот уже после завершения романа я увидел по ТВ какую-то правозащитную демонстрацию, где несли флаг Тибета. Оказалось, он действительно выглядит так!

Второе. Я старался давать персонажам имена, похожие на имена нашего мира, но все же отличающиеся. Иногда прототипом служило конкретное имя (Эйрих – Эрик, Редрих – Фридрих), иногда этимология была не столь явной, скорее интуитивной – ко второму случаю относится и имя главной героини. Когда я писал роман, то полагал, что имени «Элина» в нашем мире не существует. Позже, однако, я обнаружил в интернете англоязычный сайт об именах разных народов, с описанием происхождения и значения для каждого. Набрав там, интереса ради, «Elina», я с удивлением увидел, что такое имя есть. Логично было бы предположить, что имя это родственно Елене, Элизе, Алине и т.п. – в других случаях сайт приводит длинные подобные списки. Но в данном случае информация сайта оказалась совсем короткой: «Элина, женское имя. Происхождение неизвестно. Значение неизвестно.»

Часть первая
Тарвилон

Солнце уже низко склонилось над островерхими крышами и шпилями Роллендаля, когда через Северные ворота в окружении эскорта конных гвардейцев в столицу въехала роскошная карета с золотыми гербами на дверцах, запряженная четверкой великолепных белых коней. Занавески на окнах кареты были полузадернуты, но гербы недвусмысленно указывали на августейшее происхождение пассажиров, а потому встречные простолюдины исправно снимали шляпы, а солдаты, даже успевшие уже слегка набраться в одном из кабачков, отдавали честь. Кортеж быстро проследовал по городским улицам и остановился перед воротами дворца. После кратких формальностей с дежурным офицером ворота отворились, и карета въехала во двор мимо застывших в приветственном салюте стражников. Экипаж остановился у северного крыла, и из него вышел вовсе не седой благообразный монарх или царственная дама, а молодой человек немногим старше 20 лет, чье лишенное излишней пышности одеяние заметно контрастировало с роскошью кареты. Принц Артен Вангейский в очередной раз приехал погостить к своим родственникам, властителям Тарвилона. В этом событии не было ничего неожиданного или необычного; если в особняках аристократов о нем и перебросились парой слов, то в трактирах, казармах и домах простолюдинов оно, как правило, не заслужило и этого.

Вечерняя встреча принца с его августейшими родственниками была краткой: Артен устал с дороги и не был расположен к светским беседам, что, впрочем, не помешало ему потребовать, как обычно, на ночь в свою спальню книгу и свечей. Лишь на другой день, проснувшись, по своему обыкновению, заполдень, он нанес визит королеве, приходившейся ему троюродной теткой. Королева сидела в высоком кресле, отложив на столик вышивание и поглаживая толстого пушистого кота, по-хозяйски расположившегося у нее на коленях.

– Вы еще более возмужали, милый принц, – отпустила она по придворной привычке дежурный комплимент.

– Мой отец так не считает, – усмехнулся Артен. – Все ворчит, что в мои годы он сутками не вылезал из седла, а я только и умею, что читать книги, и не знаю, с какой стороны берутся за меч. А зачем, спрашивается, мне сдался этот кусок железа? Как будто и без того в наши времена не достаточно любителей размахивать им по поводу и без повода.

– Ох, Артен, слышала бы вас ваша кузина, – вздохнула королева.

– Как она, кстати, поживает?

– Все так же и еще хуже. Вся в своего отца. Граф Айзендорг, конечно, благородный человек и прославленный герой, но разве такое воспитание следует давать юной леди?

В этот момент со стороны лестницы донеслись голоса: один тихий и увещевающий, другой звонкий и возмущенный.

– А я вам говорю, что это чепуха! Мне нет дела до ваших столетних предрассудков! Я буду жаловаться королю! – и вслед за этими словами на пороге залы появилась Элина Айзендорг собственной персоной.

Шестнадцатилетнюю дочь графа Айзендорга легко можно было принять за юношу. На ней была темно-коричневая кожаная куртка, кожаные штаны и сапоги; темные волосы были коротко подстрижены. На поясе Элины висел меч в ножнах – не такой широкий и длинный, как у большинства рыцарей, но все же совершенно настоящее боевое оружие. Элина была одной из немногих, обладавших привилегией входить с оружием в королевские покои. Лишь большие карие глаза с длинными ресницами несколько выбивались из общего образа юного воина, но сейчас и эти глаза сверкали гневом.

– А, добрый день, тет... Ваше Величество. Привет, кузен Артен.

– Здравствуйте, кузина. Рад вас видеть.

– Я тоже рада, принц, мы непременно с вами побеседуем. Но сейчас я хочу видеть Его Величество.

– Боюсь, сейчас это невозможно, – ответила королева. – Король занят государственными делами. Но чем вы так раздосадованы, дитя мое?

На лице Элины красноречиво отразилось, что ее вовсе не радует подобное обращение и она готова стерпеть его только от королевы.

– Все дело в вашем маршале. Он не желает допускать меня до полноправного участия в Большом турнире! Он пытается отделаться от меня выступлением вне конкурса!

– Но, Элина, вы и так уже потрясли все устои, – улыбнулась королева. – Слыханное ли дело, чтобы девушка вашего круга выступала в Большом рыцарском турнире наравне с мужчинами?

– Я и не надеялась, что вы меня поймете, – заявила Элина, не утруждая себя условностями этикета. – Учителя и придворные мне все уши прожужжали о том, что я девушка. Ну и что с того? Я, кажется, собираюсь участвовать в турнире, а не выбирать себе жену. Так какое значение имеет мой пол? Важно, насколько хорошо я владею мечом. Или мужчины уже такие трусы, что боятся честной конкуренции?

– Графиня, вам следует придержать ваш острый язычок.

– Что же делать, Ваше Величество, если мне не дают воспользоваться другим оружием?

– Принц, хоть бы вы с ней поговорили...

– Боюсь, что мое влияние на кузину сильно ограничено, – усмехнулся принц. – К тому же, будь это и не так, результат все равно сильно отличался бы от классического образа галантной леди.

– Ну да, кузен, вы бы сделали из меня книжного червя. Что ж, даже это лучше, чем весь день сидеть за вышиванием, танцевать на балах и выслушивать глупые комплименты. О, простите, Ваше Величество, я не вас имела в виду.

Королева печально покачала головой. «Ох уж этот Айзендорг», говорил весь ее вид.

– Ну ладно, я еще дойду до Его Величества, – пообещала Элина. – Принц, как раз сейчас у меня полно свободного времени. Когда вы освободитесь?

Артен бросил взгляд на королеву.

– Идите, принц, – печально улыбнулась она. – Вы давно не виделись с кузиной.

Молодые люди вышли из королевских покоев. Элина быстро сбежала по лестнице; Артен едва поспевал за ней.

– Принц, ну что вы там копаетесь?

– Полагаю, мы уже не дети, чтобы носиться сломя голову.

– Неужели и вы собираетесь учить меня этикету? Кажется, ваши книги совсем отучили вас радоваться жизни. Догоняйте!

Элина пробежала мимо стражников и выскочила в сад. Артен вышел следом за ней.

Королевский сад был одной из достопримечательностей дворца. Здесь произрастали деревья и кустарники из самых разных районов Великого континента и даже из-за моря. С ранней весны и до поздней осени в воздухе почти всегда стоял аромат каких-нибудь экзотических цветов. Буйная зелень свежей листвы окружала принца со всех сторон, и он не имел ни малейшего понятия, где следует искать Элину.

– Кузина, где вы?

Ответом ему был шелест листьев, пение птиц и звон насекомых в траве.

– Я охотно верю, что вы умеете прятаться. Кстати, если вы пользуетесь магией, то это нечестно.

Какая-то птица защелкала у него над головой. Артен посмотрел вверх и увидел Элину, в непринужденной позе сидящую на дереве.

– Отлично, вы уже понимаете условные сигналы! – воскликнула она. – Забирайтесь сюда.

Дерево было ветвистое, и влезть на него не составляло труда даже для человека, презиравшего, подобно Артену, физические упражнения.

– Никакой магии, – сказала юная воительница. – Какой теперь от нее прок? Ну, кое-какой еще есть, я даже училась... Но, знаете, как говорит мой отец: надо отличать оружие, которое делает тебя сильнее, от оружия, которое делает тебя слабее. А магия может подвести в любую минуту.

– Вот именно, поэтому я и не стал тратить на нее время. Будущее человечества принадлежит науке. Это огромный мир, пока еще практически не исследованный, и мне очень жаль, кузина, что вы не понимаете, как это интересно.

– Почему не понимаю? «Девушки моего круга», эти сентиментальные набитые дуры, считают вас занудой и вообще... Но мне-то с вами интересно! Мы оба, как говорится, родственные души – оба не такие, как все. Но я уважаю вашу любовь к науке, а вы отказываете в уважении моей любви к боевым искусствам.

– Нельзя ставить на одну доску мозги и мускулы. Человек тем и отличается от животных, что у него есть кое-что важнее физической силы.

– Разве я говорю о грубой силе? Вот, смотрите! – Элина повисла на ветке на руках, а потом легко спрыгнула на землю. – Идите сюда!

– Давайте все же выберем какое-нибудь одно место для разговора, – проворчал принц, слезая с дерева.

Элина вышла из тени деревьев на солнечный свет. Артен, прислонившись к стволу и скрестив руки на груди, смотрел на нее. Девушка насмешливо поклонилась ему, а затем молниеносным движением выхватила из ножен меч. Солнце сверкнуло по всей длине отточенного лезвия. Элина схватила рукоять меча двумя руками и нанесла несколько стремительных свистящих ударов по воздуху – сверху, сбоку, с разворота и колющий удар снизу. Затем, взяв меч в правую руку, в прыжке тройным ударом словно прочертила в воздухе сверкающую букву Z, потом перебросила оружие в левую руку и, отскакивая на пружинящих ногах, парировала несколько атак невидимого противника. Казалось, враг оттеснил ее в тень – но Элина сделала внезапное сальто через голову, и вот она снова на свету, с мечом в правой руке. Ловким движением кисти она принялась вращать меч, наступая на принца. Сверкающее лезвие со свистом чертило круги и восьмерки, все более приближаясь к Артену. Принц по-прежнему стоял неподвижно, наблюдая этот смертоносный танец. Наконец Элина замерла столь же внезапно, как и начала свое представление. Острие меча застыло в какой-нибудь паре дюймов от груди молодого человека. Графиня Айзендорг сделала сложный реверанс с мечом и убрала оружие в ножны.

– Ну как? Еще скажите, что это меньшее искусство, чем унылые придворные танцы!

– Однако, вам следовало быть более осторожной. Что, если бы меч вырвался?

– С такой же вероятностью у дерева, под которым вы стоите, может отломиться сук и упасть вам на голову. Но дерево, как видите, совсем не сухое, а я тренируюсь с мечом каждый день. А вы молодец, стояли не дрогнув, хотя могли бы отступить!

– Пожалуй, с моей стороны это было неблагоразумно, – пробормотал принц.

– Значит, и вы не всегда руководствуетесь холодным рассудком. Признайтесь, вам не хотелось показаться трусом в моих глазах!

– Кузина, меня не волнует, кем и кому я кажусь, – ответил Артен тоном более резким, чем хотел. Элина расценила эту резкость как признак смущения и, вполне удовлетворенная, вернулась к теме разговора.

– Как видите, это искусство, а не грубая сила. Сила, конечно, нужна, но она не главное. Я могу справиться с противником гораздо сильнее меня, если он плохо владеет оружием. И мозги тут играют далеко не последнюю роль. Нужна и ловкость, и быстрота реакции... и даже, если хотите, знание психологии.

– Пусть так, но роль разума в подобных забавах второстепенна. Главное все-таки тренировка тела. А ради чего? Ведь все это бессмысленно. Достижения науки на века переживут ученого, а сила и ловкость покинут бойца еще при его жизни. Вы, женщины, обожаете цепляться за все преходящее. Большинство – за красоту, а вы, кузина – за мастерство бойца.

– Можно подумать, рыцари-мужчины не гордятся своим мастерством!

– А я не говорю, что любой мужчина – образец для подражания, особенно в наши времена. Я говорю, что лучшее, чем сейчас можно заняться, имея голову на плечах – это наука. На втором месте искусство в непреходящих его формах: музыка, поэзия... отчасти живопись, но картину уничтожить легче, чем поэму. А махать мечом, даже так умело, как вы – это в лучшем случае удел солдат, вынужденных зарабатывать таким образом себе на жизнь. Но мы-то, с нашим происхождением, избавлены от такой необходимости. Хоть мы и не можем претендовать на престол, однако и о нашем пропитании, и о нашей безопасности есть кому позаботиться.

– А что вы называете худшим случаем?

– Всяких разбойников. Хотя солдат нередко трудно от них отличить.

– Так вот, принц, происхождение моего отца не менее высокое, однако ему пришлось двенадцать лет прослужить солдатом, о которых вы отзываетесь с таким пренебрежением. И, если вас так волнует место в вечности, то баллады о подвигах графа Айзендорга, весьма возможно, переживут не только своих авторов, но и их имена. Люди забудут, кто сложил баллады, но будут помнить, о ком они сложены.

Биография отца Элины и впрямь была незаурядной. Двадцать лет назад граф Эльберт Айзендорг был одной из наиболее заметных фигур в Тарвилонском королевстве. Родственник и друг короля Кларольда, неизменный победитель рыцарских турниров, он, однако, не любил высшего света и больше времени проводил не в столице, а в своем старинном замке к западу от нее. Помимо турниров, любимым развлечением графа была охота; кроме того, он собрал едва ли не лучшую в стране коллекцию оружия. О женщинах Айзендорг отзывался не иначе как с презрением и в свои 32 года не был женат, что многие считали непростительным легкомыслием – не ровен час, что случится, а древний род Айзендоргов продолжить некому. И беда действительно случилась, но не с самим графом. Король Кларольд, с детства не отличавшийся крепким здоровьем, тяжело заболел, и вскоре всем стало ясно, что в государстве грядут серьезные перемены. Как это всегда бывает, у постели умирающего монарха разыгралась отвратительная склока за власть. Унаследовать престол должен был малолетний сын Кларольда; таким образом, вставал вопрос о регентстве. Вопрос тем более не праздный, что вместе с короной мальчику досталось в наследство и слабое отцовское здоровье, так что существовал реальный шанс, что со временем регент станет королем. Айзендорг был одним из наиболее вероятных претендентов от прежней, Кандерлиндской династии; противостояла ей Урмарандская ветвь. Урмаранды также имели довольно сильные позиции при дворе и поспешили избавиться от опасного конкурента. В результате сложной интриги граф Айзендорг был обвинен в измене и заговоре с целью захвата власти, лишен всех владений и изгнан из страны. Враги не посмели казнить его при еще живом короле, однако послали вслед за изгнанником наемных убийц, ни один из которых, впрочем, не вернулся.

Без денег, с опозоренным гербом, граф не стал искать покровительства при дворах соседних монархов. Его не устраивала перспектива быть принятым из милости или служить пешкой в чужой политической игре; он предпочел жизнь простого наемного солдата. Поскольку в этой части континента давно уже было неспокойно, работы для солдат хватало, и граф, превосходно владевший различными видами оружия, быстро делал себе карьеру. Однако нигде он не задерживался надолго; стоило ему дослужиться до достаточно высокого офицерского чина, как он объявлял о своей отставке и вновь отправлялся странствовать и искать приключений. Об этих годах его жизни ходили различные легенды, от самых возвышенных, вроде той, как граф в одиночку спас целый город, пробравшись в лагерь неприятеля и убив военачальника, да не простого, а полукровку, потомка демона, до самых неприглядных, вроде службы Айзендорга на пиратском корабле. Сам граф, впрочем, впоследствии мало рассказывал о своих

приключениях и лишь неоднократно повторял, что видел и пережил многое, но ни разу не посрамил рыцарской чести и имени, а если кто-нибудь в этом сомневается, пусть выйдет и назовет себя. Таковых не находилось, и не только из-за репутации графа как прекрасного фехтовальщика, но и потому, что знавшие его действительно не имели поводов сомневаться в чести и слове Айзендорга.

Тем временем в Тарвилоне обстановка вновь накалилась. Клика Урмарандов восстановила против себя решительно всех: народ – жестокими поборами и притеснениями, дворянство – беззаконием и произволом. Юный король жил фактически пленником в собственном дворце, и надежды, что его скорое совершеннолетие исправит положение, становились все призрачней. Весть о серьезной болезни юноши послужила толчком для выступления против временщиков. Попытка чисто дворцового переворота, однако, провалилась: Урмаранды хорошо заботились о своей безопасности. Тогда уцелевшие заговорщики бежали из столицы, чтобы вернуться с ополчением, а городская беднота подняла мятеж и в самом городе. После двух недель боев власть временщиков пала. Регент был убит во время штурма дворца, еще двое наиболее ненавистных Урмарандов отправились в тюрьму, а затем – на плаху, ряд других ждало изгнание. Однако король, под флагом верности которому все это совершалось, скончался в самый разгар триумфа. В народе, разумеется, никто не сомневался, что проклятые Урмаранды успели-таки извести его ядом и черной магией; как оно было на самом деле, сказать трудно. Здравомыслящие люди, именуемые обычно циниками, не слишком скорбели по поводу этой утраты, понимая, что слабый, воспитанный Урмарандами монарх был бы сейчас наихудшим подарком для страны. Однако кому следовало занять престол? Вожди заговорщиков клялись в верности Кандерлиндской династии, но Урмаранды за годы своего владычества избавились от троих ее представителей, которые могли унаследовать трон по мужской линии: один пал жертвой странного несчастного случая, другой – еще более странной болезни, третий был брошен в тюрьму и, по официальной версии, покончил с собой. Тогда вспомнили о Ринуане, младшей сестре Кларольда, незадолго до его кончины выданной замуж за Анриха, брата Великого герцога Штейнельберского. Поскольку закон о престолонаследии Тарвилона запрещал передачу престола женщине, на царство был призван ее супруг. Новый монарх оправдал надежды приведшей его к власти кандерлиндской партии и восстановил ее прежнее могущественное положение (не без перекосов в другую сторону, разумеется). Среди пострадавших при Урмарандах одним из первых был реабилитирован граф Айзендорг; никто, впрочем, не знал, по какому адресу отправить это известие и жив ли вообще адресат. Четыре месяца спустя, однако, Айзендорг собственной персоной въехал в ворота Роллендаля. Все

имущество, нажитое им за годы странствий и сражений, помещалось на двух лошадях (правда, превосходных). На одной ехал он сам, на другой, навьюченной поклажей – девочка лет восьми, несмотря на столь юный возраст, весьма уверенно державшаяся в седле; на поясе у нее висел длинный кинжал, бывший для ребенка настоящим мечом. На вопросы Айзендорг отвечал, что это его дочь, зовут ее Элина, а мать ее умерла, когда девочка была еще совсем маленькой. Никаких иных подробностей граф не сообщал, так что досужим сплетникам оставалось только догадываться, что за женщина сумела хоть на время преодолеть женоненавистнические воззрения Айзендорга и были ли их отношения оформлены законным образом – догадываться, разумеется, подальше от ушей и меча графа. Так или иначе, король признал Элину законной графиней Айзендорг.

Если в скитаниях граф не нажил никаких богатств, то и дома его ждало пепелище: его имение было полностью разорено урмарандистами, и даже сам замок серьезно пострадал во время какой-то феодальной междоусобицы. Король определил Айзендоргу пенсион, достаточно щедрый, чтобы вести жизнь дворянина, но, конечно, несравнимый с былыми графскими доходами. Средств на восстановление замка было явно недостаточно, продать фамильное поместье граф тоже не мог; кроме того, за годы странствий его характер несколько изменился, и Айзендоргу перестало доставлять удовольствие длительное одиночество. Мысль о необходимости знакомства дочери с высшим светом также сыграла не последнюю роль. Так или иначе, граф принял приглашение короля и поселился в столице, в небольшом особняке возле дворца, и стал вести более светскую жизнь, чем прежде.

Элина, в детстве хлебнувшая всех тягот походной жизни и приученная отцом никогда не теряться, довольно скоро стала чувствовать себя во дворце, как дома, легко покорив его хозяев, в особенности королеву. Начальным толчком к тому послужил этакий романтический ореол вокруг судьбы юной высокородной графини, с раннего детства знакомой с физическим трудом и полной лишений кочевой жизнью. Однако Элина быстро доказала, что не нуждается в жалости. Отцовское воспитание, по всей видимости, хорошо сочеталось с ее природными наклонностями, ибо девочка отличалась гордым и независимым характером, презирала нежности и сантименты, всегда была полна энергии и имела по каждому вопросу свое мнение, которое и дюжине воспитателей не удавалось изменить. Учителя отмечали ее незаурядные способности, однако похоже было, что Элина всерьез намеревалась стать героем, как ее отец. Поначалу ее увлечение боевыми искусствами воспринимали как детскую забаву, пусть и нетривиальную для ее пола, однако после того как она, четырнадцатилетняя девчонка, в честном поединке на Малом турнире одолела одного за другим трех молодых рыцарей, к

ее мужскому наряду и мечу перестали относиться с улыбкой. Подобные улыбки, впрочем, всегда были делом небезопасным, ибо Элина никому не спускала пренебрежительного к себе отношения и умела отомстить, какой-нибудь невинной детской репликой поставив обидчика в глупейшее положение. Единственным авторитетом, который она признавала, был ее отец; и для сурового графа Айзендорга, в свою очередь, дочь оставалась единственным человеком, к которому он был привязан.

Принц, не разделявший героических увлечений своей дальней родственницы, пожал плечами на ее слова.

– Ныне такая эпоха, что героев помнят лучше, чем ученых и художников. Но, не в обиду графу Айзендоргу будь сказано, мало кто решится отрицать, что это эпоха варварства и упадка культуры.

– Вы рассуждаете прямо как наш маг Ральтиван, – усмехнулась Элина, произнося это имя без особого почтения.

– О, давненько я не видел старого ворчуна! – улыбнулся Артен.

– В таком случае можете восполнить этот пробел, – ответила Элина, указывая куда-то в глубину сада. Действительно, по направлению к молодым людям, но, похоже, не замечая их, двигался не кто иной, как придворный маг Ральтиван Зендергаст. Это был довольно высокий худой старик с обвислыми седыми усами и крючковатым носом; не по летам густая шевелюра контрастировала с редкой бороденкой. Камзол королевского советника сидел на нем, как на вешалке. На левой руке его висела небольшая корзинка, а в правой он держал щегольской посох, совсем не похожий на тяжелые суковатые палки, с которыми часто изображают магов. Зендергаст шел, раздвигая посохом траву и что-то бормоча под нос.

– Приветствую вас, почтенный Ральтиван! – крикнул принц.

– А, это вы, ваша светлость... и вы, графиня, – отозвался маг таким тоном, словно его из-за пустяка оторвали от важного дела. Впрочем, все во дворце знали, что старик разговаривает так со всеми, включая короля, и никому не приходило в голову обижаться.

– Собираете травы? – осведомился Артен, глядя на корзинку.

– Да... травки, корешки... что еще остается магу в наше время. Нынче на мага смотрят, как на шута... впрочем, нет, шут как раз обладает нешуточным влиянием.

– Вы, должно быть, решили побить его на его поле, раз изъясняетесь каламбурами? – тут же не удержалась Элина.

– Видите, принц? – старик махнул посохом в сторону девушки. – Никакого почтения. Еще бы, я ведь не учитель фехтования.

– Мы с кузиной как раз спорили о месте фехтования в иерархии ценностей человечества, – заметил Артен.

– Было время, когда оно не занимало никакого места, – старик не упустил случая оседлать любимого конька. – Здесь, кажется, где-то была скамейка?

– Да, на аллее у фонтана, – ответила Элина. Зендергаст был рад заполучить слушателей, но делал вид, будто оказывает им великое одолжение. Молодые люди, в свою очередь, хотя и слышали неоднократно, особенно Элина, разглагольствования королевского мага о старых добрых временах, последовали за ним – отчасти чтобы не обижать старика, отчасти в надежде услышать какую-нибудь новую легенду, которых Зендергаст знал множество и притом большую их часть считал чистой правдой.

– Так вот, дети мои, то была великая эпоха, – провозгласил старый маг, опускаясь на скамью. – Мир был молод, и магия была сильна. Ведь магия – это не что иное, как использование энергии, выплеснувшейся при рождении вселенной. Эта энергия позволяла творить и созидать... и разрушать тоже. Но овладеть ею было непросто, не то что всеми этими железками, – маг брезгливо покосился на меч Элины, и та с трудом сдержала возглас возмущения. – Лишь мудрейшие и способнейшие достигали вершин магического искусства – достигали обычно в том возрасте, когда юношеские страсти уже не отравляют кровь... Зато и власть их была не то что власть нынешних королей. В те времена миром правили великие чародеи. И люди жили, защищенные их могуществом от сил природы и собственной глупости. Мятежи и заговоры были немыслимы, ибо от магов не было тайн – и не было силы, которую простой смертный мог бы им противопоставить. Против мага мог выступить только маг. И такое, конечно, случалось... даже мудрейшие люди остаются людьми. Но все решали колдовские дуэли, в крайнем случае – битвы, в которых из людей участвовали только сами враждующие маги и их помощники. Никаких войн с тысячами трупов с той и другой стороны. Разумеется, не все великие чародеи были филантропами... но мудрец и зло сделает с минимальным вредом, а дурак и ради добра прольет реки крови. Находились, правда, и такие, которым нравилось творить зло ради зла, однако тогда прочие маги объединялись против них, ибо понимали, какой великой силой владеют и какую ответственность это налагает...

Но века сменялись веками, и энергия, идущая от рождения мира, становилась все слабее, подобно тому, как остывают угли костра. Некоторые, впрочем, считают, что энергия осталась прежней, а изменилась структура мира – он как бы затвердел, и силы, которая прежде могла лепить из него что угодно, теперь недостаточно для сколь-нибудь заметных изменений... Так или иначе, могущество магии сокращалось от поколения к поколению... и наконец настал момент, когда

чародеи более не смогли удерживать власть. Люди вырвались из-под многовековой опеки, в которой так нуждались и которую теперь именовали рабством. Наивные, они полагали, что обретут свободу, а на деле лишь попали в настоящее рабство к своим вождям и вождишкам... агрессивным, необразованным, обуреваемым страстями, презирающим профессиональную этику прежних владык. Тогда многие маги были убиты или заточены в подземелья... но вслед за ними очень скоро последовали тысячи и тысячи обычных людей. Древняя культура рухнула, восторжествовал хаос и культ грубой силы, символизируемый этим варварским оружием. На территории прежних держав образовалось множество крохотных княжеств и королевств, непрестанно воюющих друг с другом. Прежде было время мудрости, а теперь – время меча...

– Время мудрости еще вернется, – уверенно сказал принц. – Наука...

– А, вы опять про свою науку, – пренебрежительно прокряхтел Зендергаст. – Магия уходит из мира, как жизнь из тела. Все, что может ваша наука – это дергать безжизненное тело за нитки, словно марионетку. Но вам уже не сделать его живым, нет, никогда...

– Полагаю, со временем наука сможет и оживлять мертвые тела, – невозмутимо ответил принц. – У вашего мира, почтенный Ральтиван, был один серьезный недостаток. В этом мире не было развития, он был обречен на стагнацию. Главной заботой магов было сохранение status quo. И они были по-своему правы, ибо для системы, регулируемой искусственно, нет ничего страшнее потери равновесия. Но человечество не может все время жить в клетке, какой бы сытой и безбедной ни была такая жизнь. Так что то, что произошло, вполне закономерно... думаю, даже если бы магия не потеряла свою силу, в конце концов ваш мир все равно бы не устоял.

– Амбициозные речи самонадеянного юнца, – проворчал старый маг без особого, впрочем, гнева. – Ну что ж, наслаждайтесь. Танцуйте свои дикарские пляски на костях цивилизации.

Некоторое время он молчал, затем продолжил прежним наставительным тоном:

– Между прочим, и в прежние времена находились желающие дать людям опасную побрякушку науки. Ничем хорошим это не кончилось. Приходилось ли вам слышать о Зурбестане?

Принц оживился – похоже, старик собирался рассказать очередную легенду.

– Мне попадалось это название на старых картах, – сказал он. – Далеко на востоке, за Фессарнийскими горами. Но достоверность этих карт более чем сомнительна. На них указано немало легендарных земель, чье существование уже опровергнуто путешественниками нашего времени.

– Например, королевства Куахир-Рот? – язвительно поинтересовался Зендергаст. – Конечно, современные путешественники не могут его найти, ибо оно погрузилось в пучины моря три тысячи лет назад. Но я говорю о Зурбестане. Этой страной правили могущественные жрецы, которым показалось недостаточно в совершенстве владеть магией – они решили развивать еще и науку. В результате там, где прежде лишь избранные и достойные владели силой, появились смертоносные машины, которыми мог управлять любой полуграмотный ремесленник. Появились монстры, которые не были беспомощны вне воли чародея, но, напротив, обладали собственной волей. Устои общества рухнули, равновесие было нарушено, Зурбестан сделался очагом хаоса и разрушения, и его гордые вожди желали принести это безумие и на другие земли. И тогда все прочие маги континента объединились, чтобы отвратить угрозу, и обрушили свою мощь на Зурбестан, похоронив его владык и их деяния. Пики Фессарнийских гор сомкнулись, перекрывая проходы, каменные лавины закупорили русла рек, даже ветры стали облетать стороной проклятую страну Зурбестан, навеки отрезанную от мира.

– И что же, все жители Зурбестана погибли по воле ваших магов? – спросил принц. На сей раз в его голосе звучал гнев; история явно задела его за живое.

– Ну... они и так уже были по большей части превращены в зомби, – неуверенно пробормотал Зендергаст. Старый маг понял, что в полемическом задоре рассказал историю, выставляющую его коллег не в лучшем свете: либо те сами уничтожили вместе с вождями Зурбестана мирных жителей, либо слишком долгим бездействием позволили зурбестанским жрецам погубить свой народ.

– По большей части! – язвительно повторил принц. – А остальных, стало быть, стерли в порошок за компанию? Камня на камне не оставили?

– Ну почему, там много чего должно было сохраниться, – возразил Зендергаст, как будто уцелевшие руины могли служить оправданием. – Старые маги никогда не применяли больше насилия, чем нужно. Стереть в пыль целую страну – это очень много энергии надо. Такая катастрофа могла бы расколоть континент или, по крайней мере, вызвать бесчисленные землетрясения... Просто уничтожили жрецов и... тех, кто им повиновался, и отрезали страну от мира. А каким оружием ваша наука воевать будет, это надо еще посмотреть! – перешел в наступление Ральтиван.

Глаза принца блеснули, но, прежде чем он успел что-либо сказать, возле скамейки раздались шаги, и троица увидела подходившего к ним Эльберта Айзендорга. Прославленный герой был, как всегда, при мече, в высоких сапогах, под его черной кожаной курткой угадывалась жесткая кольчуга, которую граф носил теперь уже не столько из соображений безопасности, сколько для

поддержания формы. Тронутые сединой волосы графа были очень коротко подстрижены, являя контраст с модными прическами до плеч придворных рыцарей; Айзендорг хорошо знал, что в бою длинные волосы приносят одни неудобства, пропитываются потом, лезут в глаза, а зимой и вовсе примерзают к шлему.

В нарушение этикета, требовавшего отдельно приветствовать особ королевской крови, к коим относился Артен, граф поднял руку к плечу в общем приветственном жесте. Артен вежливо встал, отвечая на приветствие, а Зендергаст лишь слегка наклонил голову, удостаивая графа колючим взглядом.

– Слушаете сказки, молодые люди? – не остался в долгу граф. Он был едва ли не единственным человеком при дворе, который относился к старому магу неприязненно. У остальных обычно дело не шло дальше добродушного подтрунивания над безобидным стариком, но Айзендорг, вообще не терпевший магии, чуть ли не в глаза именовал Зендергаста старым брехуном, засушенным пауком и еще как-нибудь покруче. Однажды прямо во дворце случилась неприятная сцена, когда белый от злости маг при свидетелях подскочил к графу и спросил, верно ли, что тот называл его выжившим из ума шарлатаном. «О, это было всего лишь предположение, почтенный Ральтиван, – миролюбивым тоном ответил граф, – и вы легко можете опровергнуть его прямо сейчас, превратив меня в камень или хотя бы обернувшись пауком.» Рыцари, с которыми беседовал Айзендорг, встретили его ответ хохотом, а взбешенный маг, чьей жалкой волшебной силы, конечно же, было недостаточно для подобных чудес – и который к тому же знал, что граф зовет его пауком за глаза – побежал жаловаться королю. Последнему стоило большого труда добиться примирения двух врагов; но хотя в конце концов они и пожали друг другу руки, мир был чисто формальным. Удивительное дело, но неприязнь королевского чародея к графу ничуть не распространялась на его дочь; и Элина, в свою очередь, не раз заступалась за старика перед отцом. «Представь, что ты стал старым и дряхлым и не можешь поднять меч, а другие смеются над тобой,» – говорила она. «Если я, растеряв свою силу, выйду сражаться на турнир – я вполне заслужу осмеяние, – отвечал Айзендорг. – К тому же Зендергаст никогда не был сильным. Он родился спустя много лет после падения власти магов, однако вместо того, чтобы заняться чем-нибудь достойным, предпочел присосаться к жалким остаткам былого могущества. Ты зря думаешь, что этот никчемный шарлатан так уж безобиден. Эти пауки тысячи лет тянули соки из всего мира, и ни о чем так не мечтают, как о возможности вновь опутать его своей паутиной. К счастью, теперь это уже невозможно.»

– Почтенный Ральтиван рассказал нам весьма любопытную историю, – ответил графу принц.

– О старой славной эпохе, разумеется? – продолжал иронизировать Айзендорг.

– Да, сударь, именно о славной эпохе, – отозвался маг. – Об эпохе, когда слава не была пустым звуком, когда великие империи простирались от моря до моря. Не то что сейчас, когда всякий владелец разрушенной башни именуется графом, а ежели ему по недоразумению присягнет пара деревень, так он уже король.

Здесь Зендергаст явно перестарался, ибо его выпад, помимо Айзендорга, задевал короля Анриха и короля Гарлонга, дядю принца Артена. Принц, впрочем, считал себя выше подобных предрассудков, но все же нахмурился, видя закипающую на глазах ссору.

– Вы неосторожны со словами, Ральтиван, – спокойно сказал граф, – хорошо, что вы не владеете более серьезным оружием.

– Ты был во дворце, папа? – спросила Элина, желая изменить направление разговора.

– Да, на утреннем совещании у короля (еще один укол в адрес Зендергаста – его, имевшего официальный статус королевского советника, на это совещание не позвали, в отличие от Айзендорга, у которого формально не было придворного чина).

– Так вот, значит, о каких государственных делах шла речь. А как ты думаешь, сейчас король меня примет?

– Боюсь, Элина, в ближайшие дни ему будет не до тебя.

– Что-то случилось?

(Принц Артен, всем своим видом демонстрируя безразличие к тарвилонским секретам, на всякий случай навострил уши).

– Нет, ничего страшного. Принц, не отворачивайтесь так демонстративно, это уже не тайна. На днях в Тарвилон прибывает посольство с Востока.

Восток! В эпоху чародейских империй это понятие было для жителей Запада немногим экзотичнее, чем соседние провинции. Наиболее могущественные маги способны были перемещаться в любую точку мира; старые легенды утверждали, что некоторые из них побывали даже на луне. Но даже и люди, куда менее смыслившие в волшебстве, могли поддерживать связь с отдаленными районами посредством магических шаров и путешествовать на тысячи миль с помощью ручных драконов. По мере же ослабления магии связи между различными областями континента распадались, и в конечном итоге даже между соседними королевствами исчезло регулярное сообщение, дальние же земли и вовсе отошли в область легенд. В особенности это касалось континентальных районов, ибо вдоль побережья торговые корабли еще поддерживали какую-то связь между портами.

Караваны из стран Востока уже давно не достигали западных королевств, ибо трудности и опасности долгого пути не окупались возможной прибылью; дипломатических отношений тоже не было. Все сведения об этих краях черпались из рассказов немногочисленных путешественников, в которых правду невозможно было отличить от вымысла.

Но вот теперь, очевидно, кто-то из восточных правителей решил установить контакт со странами Запада, и похоже, что первой из этих стран был Тарвилон. Несомненно, прибытию посольства предшествовали переговоры тайных эмиссаров, которые, учитывая расстояния и необходимость получать новые инструкции, должны были тянуться много месяцев – и за все это время не произошло утечек информации; и вот теперь король Анрих мог гордиться своей дипломатической победой. Впрочем, для окончательной гордости следовало дождаться результатов посольства.

– Но ведь Большой турнир состоится? – не оставляла интересующей ее темы Элина.

– Конечно. Он станет едва ли не главным событием в программе для наших гостей. Возможно, они и сами захотят принять в нем участие.

По тому, как вспыхнули глаза Элины, было ясно, что она добьется права выступления на историческом турнире, даже если ей придется сражаться в одиночку против всей дворцовой гвардии. Граф одобрительно улыбнулся. Принц подумал, что в принципе ему, как единственному представителю тирлондского двора, находящемуся сейчас в Тарвилоне, следовало бы немедленно связаться со своим послом и обсудить план дальнейших действий в свете готовящихся событий – однако у него совершенно не было желания влезать в государственные дела; в конце концов, посол разбирается во всех этих тонкостях гораздо лучше принца и сам со всем справится. Четвертый же участник этой сцены, похоже, совершенно не заинтересовался новостью и принялся перебирать травы в своей корзинке.

В течение нескольких дней столица Тарвилона напоминала разворошенный муравейник. Весть о посольстве слишком долго держалась в секрете, и теперь множество купцов и ремесленников воздевало руки к небу, рвало на себе волосы и кляло на чем свет стоит как политиков с их вечными интригами, так и собственных недостаточно расторопных слуг и помощников – все боялись не успеть за те считанные дни, что остались до приезда послов. В самом деле, налаживание связей с полулегендарным Востоком открывало для торговцев захватывающие дух перспективы, и каждый мечтал предстать перед гостями в лучшем свете и в числе первых заключить с ними сказочно выгодные договоры.

Из столицы и в столицу, загоняя лошадей, неслись посланники с донесениями и распоряжениями; купцы из дальних областей, чувствуя, что им никак не поспеть в Роллендаль со своими товарами, приказывали своим столичным представителям, не считаясь с расходами, скупать товар у местных ремесленников и торговцев – однако те, в свою очередь, тоже смекали, что к чему, и взвинчивали цены до небес, к вящему возмущению простых горожан; на базарах в эти дни можно было наблюдать ожесточенные перепалки, весьма активизировались также всяческие воры и мошенники. Однако это ничуть не грозило беспорядками – напротив, настроение в городе было праздничным, и самый последний нищий с нетерпением ждал событий, которые, похоже, пышностью и весельем должны были затмить даже ежегодные карнавалы в честь Праздника Урожая.

Разумеется, вся эта суета захватила не только простолюдинов. Дворяне даже самых захудалых родов, едва заслышав весть о прибывающем посольстве, устремлялись в столицу – многие впервые в жизни, некоторые даже впервые за несколько поколений. Кого-то влекло обычное любопытство, кто-то строил туманные честолюбивые планы, связанные не столько даже с самим посольством, сколько с возможностью завязать выгодные знакомства среди съезжающейся в столицу знати; отцы надеялись представить ко двору подросших сыновей, а маменьки снаряжали в дорогу киснущих в провинциальной глуши девиц на выданье.

Правители и министры соседних королевств, кусавшие локти по поводу тарвилонского успеха, тоже, разумеется, надеялись все же обратить ситуацию себе на пользу. В Роллендаль прибывали как официальные делегации, так и многочисленные частные путешественники. В частности, Большой рыцарский турнир, бывший обычно сугубо внутренним мероприятием Тарвилона (а по большей части и вовсе Роллендаля и окрестностей), теперь должен был принять рекордное количество иностранных гостей.

И вот, наконец, торжественный день настал. Улица, по которой должны были проехать послы, была полна народом; городской страже пришлось потрудиться, очищая проезжую часть и предотвращая давку. Люди высовывались из окон, стояли на каждом балконе, кое-кто расположился даже на крышах. Большинство надело свои лучшие наряды, у многих были разноцветные флажки, которыми они готовились размахивать, приветствуя гостей.

Ровно в полдень под стенами города троекратно протрубили рога, и Восточные ворота, закрытые за час до этого, отворились. Первыми в город въехали две дюжины королевских гвардейцев в сверкающих позолотой панцирях. За ними на некотором расстоянии гарцевали двое герольдов со знаменами; одно – алое, с привычным золотым орлом Тарвилона, а другое совсем необычное, с длинной

бахромой по периметру и тремя конскими хвостами на верхушке древка; на зеленом полотнище с четырьмя звездами по углам разевал пасть белый дракон, а вокруг него шла надпись причудливой вязью неизвестного на Западе языка. Следом, наконец, показались первые представители Востока – это была дюжина всадников в серебряных кольчугах, с кривыми мечами у пояса и круглыми щитами; на пиках их островерхих конических шлемов развевались конские хвосты. Их мохнатые лошади казались неказистыми для западного глаза, но знаток конских статей сразу оценил бы их силу и выносливость. За ними въехало еще шестеро всадников, и при их появлении застывшая в ожидании толпа зашумела, какая-то женщина взвизгнула, передние ряды попятились. Реакция была бы и более бурной, но посольство, как-никак, ехало по территории Тарвилона уже не первый день, и слухи уже успели его опередить. Но все равно открывшееся зрелище было неожиданным, ибо ездовые животные воинов не имели ничего общего с лошадьми, и куда больше походили на демонов из легенд. Ростом около десяти футов, покрытые чешуей, они широко ступали мощными трехпалыми задними лапами, а маленькие передние конечности держали перед грудью, перекрещенной широкими ремнями сбруи. Посредством этих ремней на их спинах были укреплены сложные, похожие на кресла сиденья – тела животных были лишь слегка наклонены вперед, и на них нельзя было просто сидеть, как на лошади. Наклонное положение тела уравновешивал мощный, но кургузый хвост. Но самое жуткое впечатление, конечно, производили усеянные ровными коническими зубами пасти, которым, вероятно, ничего не стоило перекусить человека пополам. Тем не менее, всадники легко управляли этими чудовищами посредством поводьев, продетых в ноздри тварей. У этих всадников, в отличие от первой дюжины, шлемы закрывали лишь затылки, но не лица, и горожане могли рассмотреть их желтую кожу, раскосые глаза и тонкие нитки черных усов.

Следом снова въехали наездники на лошадях – на сей раз без доспехов, в свободных и ярких одеждах, расшитых звездами и драконами. Их было трое, и у каждого на седле была закреплена длинная, в человеческий рост, медная труба с широким раструбом. Едва миновав ворота, они остановили коней, сняли свои трубы с креплений и поднесли их к губам, огласив окрестности резкими и громкими звуками. Затем трубы смолкли, и в наступившей тишине послышались тяжелые ритмичные шаги какого-то огромного существа.

Никогда еще в ворота Роллендаля не входило ничто подобное. Более всего оно походило на дракона, которые сгинули вместе с чародейской эпохой, но сходство было достаточно отдаленным. У чудовища не было крыльев, да и формы тела явно не предназначались для полета; четыре ноги-тумбы также не походили на цепкие

драконьи лапы. Шея была длиннее, а голова – меньше драконьей и не такая свирепая на вид.

На этой шее возле самой головы сидел смуглокожий погонщик в ярко-желтой одежде; у основания шеи на специальных площадках стояли двое воинов с копьями, на которых трепетали зеленые и белые вымпелы; вокруг гигантского горба чудовища были укреплены четыре корзины, и в них стояли четыре воина в золотых кольчугах с луками и колчанами за спиной – в руках каждый из них держал уменьшенную копию зеленого штандарта: и, наконец, на вершине горба, на мягких валиках сиденья под балдахином, восседал, скрестив ноги, тучный человек лет пятидесяти, в расшитых золотом и драгоценными камнями одеждах. На его широком узорчатом поясе висел большой кривой меч в отделанных бриллиантами ножнах, а на его шлеме простирал серебряные крылья дракон, державший в пасти огромный изумруд – пожалуй, равного камня не нашлось бы и в королевской сокровищнице Тарвилона. Это и был глава восточного посольства. Толпа, несколько оправившаяся от всего этого величия и блеска, взорвалась приветственными криками. Посол соизволил милостиво наклонить голову направо и налево и на протяжении дальнейшего пути до дворца сидел неподвижно, как изваяние.

Следом за гигантским животным в обтянутых зеленым шелком закрытых повозках, запряженных лошадьми и сопровождаемых слева и справа конными восточными воинами, ехали другие знатные члены посольства, за ними – еще шестеро воинов на двуногих ящерах, а за ними, также в сопровождении конников, шагали немногим менее экзотичные для жителей Запада двугорбые верблюды, груженые дарами и товарами. Три дюжины кавалеристов Востока замыкали процессию.

Посольский кортеж медленно проследовал по улицам, давая всем желающим возможность насладиться его великолепием, и скрылся в воротах королевского дворца. Горожане, однако, не расходились, ожидая, что после выполнения всех формальностей таинственные пришельцы – ну, конечно, не сам посол, но хотя бы слуги и караванщики – появятся в городе. Однако этого не случилось ни в этот, ни на следующий день. Гости с Востока не покидали стен дворцового комплекса – к большому разочарованию горожан и к немалой радости начальника тайной стражи, которому не надо было ломать голову относительно обеспечения их безопасности на улицах столицы. Даже и из числа знати во дворец могли проникнуть только официальные делегации. Наружу просачивались лишь слухи, более или менее достоверные. Так, точно было известно, что главного посла зовут Фаргалыз-Ахтум-Махтаматир-Забих-ир-Сууни, и представляет он Тургунайское ханство – могущественную восточную империю, которую прилежные архивисты

поспешили нанести на карты. Относительно границ и степени могущества этой державы полагаться приходилось, впрочем, лишь на слова послов, однако привезенные ими сокровища свидетельствовали, что кое-что за этими словами стоит. Говорили также, что огромный зверь, на котором приехал посол, нрав имеет совершенно мирный и питается исключительно травой, каковой, однако, съедает по целому стогу ежедневно; а вот двуногие ездовые чудища, напротив, едят мясо и слушаются только своих хозяев. Утверждалось, что среди желтолицых воинов царит железная дисциплина, на посту они стоят как истуканы, спят на голом полу, не поддерживают попыток завязать разговор и никогда не смеются. На этом основании некоторые делали далеко идущие выводы, что это вообще не люди, а зомби или что-то вроде этого; желтизна их кожи только способствовала таким предположениям. И хотя люди здравомыслящие прекрасно понимали, что ныне, в эпоху умирания магии, никаких зомби быть не может, все же отношение к пришельцам уже не было столь однозначно положительным, как в начале.

Лишь на четвертый день во дворец стали пускать купцов, желавших торговать с пришельцами. Пускали их, во избежание давки и хаоса, по заранее составленным спискам, и немало купеческого золота перекочевало в карманы чиновников в обмен на первые места в этих списках. Впрочем, прорвавшиеся первыми ловкачи радовались недолго: тургунайцы внимательно осматривали товар и выслушивали возносимые ему славословия, но ничего не покупали и не заключали никаких договоров, желая сначала ознакомиться со всеми предложениями, а уж потом делать выводы. Свои товары они также охотно демонстрировали, но не спешили продавать, стремясь разжечь вожделение торговцев. А тем было от чего разжигаться – товар иноземцы и впрямь привезли отменный. Здесь были и ювелирные изделия тонкой работы, и экзотические благовония, и нежные шелка, и оружие из удивительно гибкой и прочной стали, и изящные статуэтки из кости и черного дерева... В основном с купцами общались прибывшие на верблюдах караванщики, но периодически и знатные послы осматривали западные товары, готовя, очевидно, отчет своему государю.

Принц Артен, получивший из дома, от дяди-короля, предписание находиться в гуще событий, смотреть в оба и завязать насколько возможно тесные контакты, взялся за эту миссию с энтузиазмом, ибо ему самому хотелось узнать побольше о таинственных странах Востока. И в скором времени, действительно, один из послов стал его частым собеседником. Это был длиннобородый старик по имени Шииз-Салемах-ир-Рандавани, единственный из своих знатных соплеменников носивший на поясе не меч, а чернильницу. Рандавани был ученым, и общие интересы сблизили его и принца сильнее, чем разделяли их пятьдесят лет разницы в возрасте и тысячи миль в пространстве, простиравшиеся между их странами.

Даже языковой барьер не стал для них препятствием, так как оба в свое время занимались изучением древнего языка, распространенного по всему Великому континенту в период наибольшего расцвета власти чародеев. Время меча не щадило культурные ценности времени магов, и потому и до Артена, и до Рандавани дошли лишь искаженные версии разных диалектов, однако юноше и старику не потребовалось много времени, чтобы выяснить различия в произношении и смысловых оттенках, и дальше они уже изъяснялись практически без помех.

Им было чем поделиться друг с другом. Оказалось, что на Западе было больше знаний в области физики и химии, а на Востоке сильнее продвинулись в математике и астрономии. Запад, хотя и использовал активно лошадиную силу, стремился развивать механику, на Востоке же ей уделяли мало внимания – там не было даже ветряных и водяных мельниц; зато шире применялся труд животных – и рабов. Когда принц понял, что дело не в неточности перевода и что на Востоке, помимо обычных простолюдинов, существует обширный класс рабов, он не стал скрывать своего возмущения. Рандавани же не мог понять неудовольствия принца, находя порядки своей родины совершенно естественными.

– Чем умнее животное, тем более сложным работам его можно обучить, – ответил он. – Очевидно, человек в этом отношении – наилучший вариант.

– Но, подавляя чужую свободу, вы порождаете ответную агрессию. Рабы враждебны своим хозяевам. Только страх заставляет их работать, и только страх удерживает их от бунта.

– А разве бедняки не завидуют богачам? Что, кроме страха, мешает им, вместо того чтобы работать на богатых за кусок хлеба, пойти и силой отобрать у них все? Так отчего же в странах Запада существуют бедняки? Отчего вы не разделите имущество и власть поровну между всеми?

Принц смутился – он не задумывался над этим прежде. Ему, как и его собеседнику, казались совершенно естественными привычные с детства порядки.

– Если бы такое и проделали, государство бы погибло, – ответил он. – Люди не равны по природе своей, да и всякая сложная система требует специализации. Каждый должен заниматься своим делом. Чтобы кто-то мог заниматься наукой, кто-то должен работать в поле.

– Верно, – кивнул Рандавани, – так почему бы этим последним не быть рабами?

– У простого крестьянина есть возможность разбогатеть. Рабу же не на что надеяться. Крестьянина побуждает к работе кнут и пряник, а раба – только кнут.

– За свою долгую жизнь я вполне убедился, что лучший пряник – это временное отсутствие кнута, – пожал плечами Рандавани. – О, конечно, для дел

возвышенных, вроде науки и искусства, такая метода не годится. Но для черной работы она подходит лучше всего, избавляя нас от лишних расходов на пряники. К тому же участь рабов не так уж плоха. Они знают, что если будут хорошо работать, то всегда будут иметь пищу и кров над головой; им не надо заботиться о завтрашнем дне. Свобода есть тяжкое бремя ответственности, которое для низших классов куда хуже, чем принуждение.

Принц приготовился возражать, но тургунаец продолжил:

– Впрочем, нам нет смысла спорить об этом, ибо так мы не придем к истине. Ваша система работает, и наша работает тоже. Какая из них лучше – решить может только время. Может быть, они и вовсе равноценны.

Артен согласился сменить тему и принялся расспрашивать Рандавани об экзотических животных Востока, в частности, о ящерах, произведших такое впечатление на роллендальцев.

– Когда-то таких животных было много в наших краях, – ответил тургунаец, – но их численность сокращается. Им нужно слишком много корма, к тому же они сильно зависимы от температуры – холодными ночами они вялые, а их детеныши слишком долго растут, прежде чем войдут в полную силу. Диких особей уже почти не осталось – этому помогла и многолетняя охота ради шкур и зубов. Да и домашнее поголовье сокращается, лишь ханский двор и наиболее богатые из знати могут позволить себе содержать такой скот. Когда-нибудь эти существа совсем исчезнут, как исчезли их родственники – драконы.

– Разве драконы естественного происхождения? У нас считается, что их породили маги.

– Породили – да, но не создали с нуля. Они лишь модифицировали существовавших в природе летающих ящеров, увеличив их размеры, придав им огнедышащие свойства, снизив уязвимость и повысив их интеллект. Когда магия стала угасать, драконы деградировали, но не до конца; они не смогли ни вернуться в прежнее состояние, ни приспособиться к новому, и вымерли. Люди немало помогли им в этом... после крушения власти чародеев убийство их слуг считалось доблестью.

– Наши рыцари до сих пор вздыхают, что уже не осталось драконов, которых можно убить, дабы уподобиться героям древности.

– Те герои были не так уж неправы... одичавшие драконы несли зло и разрушение. Но уничтожить всех, не сохранив некоторое количество в неволе – это, конечно, было глупостью.

– Несомненно. В эпоху чародеев драконы приносили большую пользу людям. Сохрани мы вид, я уверен, что со временем и без всякой магии смогли бы снова вывести породу с нужными свойствами.

– Легенды утверждают, что зурбестанцам это удалось. Это и многое другое.

– Что вы знаете о Зурбестане? – живо спросил принц.

Рандавани пересказал юноше то, что тот уже слышал от Зендергаста.

– Да, это известно и у нас, – кивнул принц. – Но ведь ваша страна находится куда ближе к Зурбестану. Неужели после падения власти магов не предпринимались попытки проникнуть туда и посмотреть, что там сохранилось?

– Предпринимались, но безрезультатно. Во-первых, существуют серьезные естественные препятствия – страна окружена непроходимыми горами. Во-вторых, хоть магия умирает, но она еще не умерла. И ее остатки по-прежнему блокируют доступ в Зурбестан. Впрочем... вы учились магии, принц?

– Нет. Мой отец счел это бесполезным занятием, и это один из немногих пунктов, по которым я с ним вполне согласен.

– Тогда, возможно, вам бы и удалось преодолеть ослабевшие заклятья. Видите ли, магия – это палка о двух концах. Чем лучше вы владеете ей, тем более вы чувствительны к магии других – и наоборот, соответственно. Конечно, в прежние времена отсутствие магических навыков не могло защитить, скажем, от огня или смерча, обрушенного на вас посредством заклятия. Но ныне чародейские силы слишком слабы, чтобы сотворить что-то подобное...

– А что, разве на Востоке все поголовно учатся магии?

– Нет, конечно. Но есть ряд дополнительных условий – по крайней мере, так говорят легенды. Например, приходилось ли вам совокупляться с женщиной?

– Что?

– О, кажется, я смутил вас. Видите ли, на моей родине куда менее строгие нравы в этом отношении, чем у вас. Но, поверьте, я спросил не из праздного...

– Нет, не приходилось. У меня есть дела поинтересней.

– Ответ, достойный ученого. Но, знаете, вы просто идеально подошли бы для экспедиции в Зурбестан. Дело в том, что еще одно условие – Снимающий Печать должен быть отпрыском царской крови... а у нас освященный веками ритуал предписывает им овладевать магией.

Глаза принца возбужденно сверкнули, но в следующий момент он пренебрежительно произнес: – По-моему, все это сказки. Заклятия, Печати, условия... не верю я во всю эту чародейскую чепуху. Если маги древности так хотели навек запечатать Зурбестан от мира, они не стали бы оставлять лазеек.

– Они и не оставили. Лазейка появилась позже, когда сила заклятий спала. Но вы правы – мы с вами люди науки и не можем полагаться на слова легенд. Мы должны рассматривать факты. А факты таковы, что ни одна экспедиция в Зурбестан не достигла цели. Впрочем, их было немного – с тех пор, как чародеи обрушили свою мощь на Зурбестан, само название этой страны служило

синонимом ужаса, и лишь редкие смельчаки решались пойти против древнего запрета.

– Полагаю, что их скорее остановили горы, нежели заклятья.

– Вполне возможно, принц. В конце концов, у нас нет других сведений, кроме слов тех, кто вернулся оттуда ни с чем... а путешественники любят приврать, особенно когда надо оправдать собственную неудачу. Но горы уже сами по себе могут стать достаточным препятствием. Однако... время властно и над горами.

– Что вы имеете в виду?

– Что вода горных потоков постепенно размывает плотины, воздвигнутые некогда магами в ущельях рек. И что недавно в горах впервые появился проход.

– Значит, будет новая экспедиция?

– Возможно, принц, возможно. Это зависит от того, удастся ли мне убедить хана. Но наш нынешний владыка куда менее консервативен, чем был его отец, и примером тому служит хотя бы наше посольство. А сейчас, принц, прошу меня извинить – я должен присутствовать на очередных переговорах с властями Тарвилона.

Артен шел по коридору дворца, не глядя перед собой. Все его мысли вращались вокруг состоявшегося разговора. Несомненно, Рандавани завел речь о Зурбестане неспроста, и эти его намеки... да какие намеки – он открытым текстом приглашал принять участие в экспедиции! Но... как к этой идее отнесется тирлондский двор? Хотя Артен и не наследник престола, он все-таки племянник короля, и его участие в рискованной экспедиции чужой державы – и не просто чужой, а находящейся на другом конце континента и не имеющей с Тирлондом официальных отношений – не может быть лишь его частным делом. Принц не в первый раз пожалел о своем титуле; что стоило ему родиться в семье знатной и обеспеченной, но не состоящей в прямом родстве с королем и потому избавленной от обязательного участия в государственных делах? Кстати, о государственных делах... очевидно, что найденное в Зурбестане может представлять большую ценность, и Тургунай был бы заинтересован присвоить все это себе. Однако, если они действительно нуждаются в помощи Артена, ситуация меняется. Тургунай и Тирлонд должны заранее договориться о дележе трофеев – во избежание конфликта впоследствии. То есть договариваться надо тогда, когда вообще еще неясно, о чем, собственно, речь. И, конечно же, тургунайцы и слышать не захотят о равных долях: экспедицию организуют они, и Зурбестан находится у них под боком. Последнее обстоятельство вообще делает Тирлондское королевство целиком зависимым от тургунайской доброй воли. И если принц сделает свое дело, открыв дорогу в Зурбестан, то что помешает ханству аннулировать любой договор? И это еще не все проблемы – не постигнет ли страны, нарушившие

древней запрет, судьба самого Зурбестана? Магия, конечно, уже не сможет их покарать, но как поведут себя другие государства, узнав, что кто-то из их соседей овладел грозными тайнами, дающими неведомое могущество? Не объединятся ли все, чтобы идти войной против Тургуная и Тирлонда? До чего же это глупо, думал принц. Насколько жизнь была бы лучше, если бы не было этих дурацких перегородок между учеными разных стран, если бы знания принадлежали всем...

– Ох! Принц, я стала прозрачной, или это новая тирлондская форма приветствия?

Артен, обретя равновесие после столкновения, рассеяно смотрел на Элину.

– Простите, кузина, я вас не заметил.

– Вы вообще не замечаете меня в последнее время, вам не кажется?

– Я сильно занят в эти дни.

– Ну, я тоже занята подготовкой к турниру, но это же не повод совсем не общаться!

– Турнир? Ах, да. У вас ведь были какие-то сложности?

– «Какие-то»! Меня не хотели допускать до полноправного участия, и все только потому, что мне не довелось родиться мужчиной! Собственно... они и сейчас меня не допускают. Но мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним! Знаете, что я сделаю?

– Полагаю, выступите под чужим именем.

– Ну... догадаться действительно легко. Правила турнира позволяют выступать инкогнито. Я откроюсь только, когда выиграю, тут им будет некуда деваться. Но вам я скажу, как меня узнать... хотя нет. Будет интереснее, если вы попробуете угадать сами.

– Вряд ли у меня будет такая возможность, – усмехнулся принц. -Я не собираюсь идти на турнир.

– Вы? Не пойдете на Большой турнир? – глаза Элины округлились от возмущения.

– Кузина, я желаю вам победы, потому что она доставит вам радость, но вы хорошо знаете мое отношение ко всем этим дракам на мечах, и у меня нет желания терять время на зрелище, которое мне неинтересно.

– Чем же таким интересным вы собираетесь заняться?

– Все тем же – буду обмениваться знаниями с нашими восточными гостями. Согласитесь, что ученые с другого конца континента прибывают не каждый день, и надо пользоваться возможностью, пока она есть.

– Послы тоже будут на турнире.

– Меня, собственно, интересует один из них – Шииз Рандавани. А его вряд ли заинтересует это зрелище.

– Ну, как знаете, кузен, – раздраженно повела плечом Элина. – Я, разумеется, одержу победу и без вашего благосклонного внимания.

– Вы что, обиделись?

– С чего вдруг?

– Вот и я о том же, – кивнул принц и зашагал дальше по коридору, возвращаясь к своим мыслям.

Большой рыцарский турнир Роллендаля делился на три основные номинации: конные поединки, пешие поединки в тяжелом вооружении и пешие поединки в легком вооружении. Были еще внеконкурсные показательные выступления, были бои команда на команду, были примыкавшие к турниру состязания лучников, но главные награды выдавались именно в перечисленных трех номинациях. Соревнования в каждой из них занимали один день (так что, в принципе, один участник мог последовательно выступить во всех трех, но такое практиковалось редко) и проходили по классической турнирной схеме, когда жеребьевкой делят противников на пары, и победители в каждой паре выходят на следующий круг. В конных поединках надо было копьем выбить противника из седла; обычно это случалось уже при первом столкновении съезжавшихся на большой скорости навстречу друг другу рыцарей, и немалую роль здесь играла удача. Во второй номинации рыцари в тяжелых доспехах бились на двуручных мечах, алебардах и палицах (последние, впрочем, использовались редко, ибо считались простонародным оружием). Здесь каждый мог выбрать оружие по вкусу, так что нередко можно было наблюдать, к примеру, бой меча с алебардой. Побеждал тот, кому удавалось опрокинуть противника на землю либо прижать его к канатам, окружающим ристалище, и приставить оружие к его груди. Наиболее сильные рыцари королевства любили этот вид соревнований, однако из-за тяжести вооружения и доспехов подобные бои выглядели достаточно неуклюже и обычно продолжались недолго. Самой зрелищной была третья номинация. Ее правила предоставляли полную свободу в выборе доспехов и оружия (исключая, понятно, тяжелые), и ловкость, искусство фехтования, тактика боя значили здесь куда больше, чем грубая сила. Здесь можно было добиться чистой победы, как и во второй номинации, но если поединок слишком затягивался, судьи, считавшие удачные удары каждого соперника, присуждали победу по очкам.

Все турнирные бои проводились тупым оружием, однако почти на каждом турнире случались травмы – а иногда и смертельные случаи. Наибольшей опасности подвергались участники конных поединков, на скорости выбитые из седла и падающие в тяжелых латах с высоты на землю. В стародавние времена, когда власть чародеев только что пала, на турнирах использовалась магия; теперь

же, хотя некоторые аристократы по традиции еще обучались ей, она служила им в лучшем случае для заживления травм уже после турнира, и то лишь если травмы были легкими.

Принц ошибся в своем прогнозе – на третий день ир-Рандавани посетил турнир. Очевидно, не полагаясь целиком на мнение других послов, он решил пополнить собственные знания об обычаях Запада – и его боевых искусствах. В тот же день, день боев в легком вооружении, на турнире должны были выступить и земляки восточного ученого – но не сами послы, а сопровождавшие их гвардейцы: в отличие от западных дворян, гордившихся своими рыцарскими навыками, восточная знать считала ниже своего достоинства махать мечом на потеху публике, да и вообще в основном полагалась на телохранителей, нося мечи больше как символ и украшение, чем как оружие. Тургунайцы участвовали лишь в показательных выступлениях: послы дипломатично рассудили, что в случае борьбы за турнирные награды как победа, так и поражение имели бы слишком большое символическое значение, что вызвало бы неловкость между хозяевами и гостями. Хотя несомненно, что каждой из сторон было интересно померяться силами с воинами другой.

Артен все-таки пришел взглянуть на выступление тургунайцев – тем паче, что его восточный коллега тоже был здесь. Турнир начался рано – в третьей номинации предстояло провести много боев, уложившись при этом до заката солнца – и принц, легший, по обыкновению, далеко заполночь, зевал и подпирал голову рукой. Неподалеку на трибуне он заметил графа Айзендорга – знаменитый герой, перевидавший на своем веку множество турниров и не раз побеждавший в каждой из номинаций, был, напротив, само внимание и заинтересованность. Даже ему в его богатой событиями биографии не доводилось видеть в деле воинов Востока.

И вот, наконец, пропели трубы, и на утоптанную площадку ристалища вышли восемь ханских гвардейцев. Ропот удивления прокатился по трибунам; кое-где послышались смешки. Зрители привыкли, что даже и в этой, легковооруженной номинации участники выступают в металлических, в крайнем случае – кожаных доспехах, с мечами и иным внушительным оружием. Тургунайцы же вышли босиком, в коротких полотняных штанах и рубахах без рукавов, подпоясанных тонкими черными поясами. Никакого оружия у них не было, зато они несли с собой толстые доски и кирпичи.

Смех, однако, быстро поутих, когда один из тургунайцев жестко зафиксировал перед грудью доску двухдюймовой толщины, а другой легко, словно бы даже и не заметив, сломал ее надвое ребром ладони. После досок настала очередь кирпичей. Тургунайцы разбивали их голыми руками и ногами, в то время как воину Запада

потребовалась бы для этого тяжелая палица. Под конец один из восточных солдат, самый свирепый на вид, разбил несколько штук о собственную бритую голову. На трибунах снова засмеялись, но на сей раз одобрительно.

Когда с кирпичами и досками было покончено, тургунайцы, разделившись на пары, провели несколько показательных поединков. Зрители едва успевали следить за молниеносными, подобно броскам кобры, ударами, прыжками и разворотами. Затем один из тургунайцев обратился к зрителям на своем отрывистом языке. Маршал выслушал переводчика и объявил:

– Наш гость приглашает любого желающего выйти и сразиться с ним. Выбор оружия и доспехов за вами.

Трибуны снова зашумели. Чужеземцы уже доказали свою ловкость и чудесные умения; после того, что они проделывали с кирпичами, даже доспех не казался надежной защитой – но что можно сделать голыми руками против меча? Турнирное оружие, конечно, было тупым – но хороший удар оставлял вмятину даже на латах, что уж говорить о человеческой плоти, защищенной лишь тонкой тканью.

Пока зрители переговаривались относительно честности подобного боя, какой-то рыцарь в блестящем на солнце панцире и шлеме, закрывавшем верхнюю половину лица, уже перебрался через ограждение и шагал по направлению к будущему противнику. По обычаю Запада, он отсалютовал тургунайцу мечом; тот в ответ поклонился, сложив руки перед грудью – и мгновенно занял боевую стойку.

Рыцарь медлил; он не привык нападать с мечом на безоружного. Тогда тургунаец с внезапным пронзительным визгом метнулся к нему, разворачиваясь в воздухе, и, прежде чем его противник успел что-то предпринять, нанес ему удар ногой в незащищенную шлемом скулу. Рыцарь отшатнулся и едва не выронил меч, но все же сумел устоять на ногах. Теперь от его нерешительности не осталось и следа: ему, дворянину, на глазах у публики получить пяткой в челюсть от какого-то чужеземного холопа! В ярости он бросился на врага. Тургунаец легко уклонился от удара и оказался за спиной у противника, выкрикивая что-то, по всей видимости, обидное. Рыцарь резко развернулся, нанося удар на звук; меч со свистом рассек воздух – но на том месте, где только что был торс тургунайца, теперь оказалась пустота.

Раз за разом представитель Запада атаковал врага, но тургунаец всякий раз оказывался быстрее свистящей стали. Тяжелый меч требовал замаха, и воин Востока безошибочно определял направление удара и уходил из-под него. Сам он больше не атаковал, давая противнику вымотаться. И действительно, рыцарь, пытавшийся все увеличивать темп в тщетных попытках достать противника, уже

тяжело дышал, а вскоре и удары его стали реже и медленней. Тургунаец же улыбался, подпрыгивая на пружинящих ногах, словно все происходящее было для него лишь легкой разминкой. Не давая рыцарю передохнуть, он сделал несколько ложных выпадов, явно забавляясь запоздалыми попытками противника блокировать их мечом. Похоже, что в ближайшем будущем он собирался этот меч выбить и закончить бой эффектной победой. Но тут случилось непредвиденное.

Рыцарь в очередной раз бросился в атаку, и тургунаец начал снова легко уходить из-под удара. Но тут рыцарь оступился. Неожиданно для него самого меч резко изменил направление движения, и тургунаец, изучивший простой стиль своего противника и не предполагавший ничего подобного, среагировал слишком поздно. Заминка составила долю секунды – но этого хватило, чтобы хоть и тупое, но узкое стальное ребро всей своей тяжестью обрушилось на голень ханского гвардейца. Зрители в первых рядах явственно услышали хруст ломающейся кости.

Оба противника упали на землю. Рыцарь, которому удар помог приостановить падение, рухнул на колено и на руку; тургунаец повалился набок. Последний, не получи он травму, вскочил бы быстрее, чем рыцарь, которому мешала тяжесть панциря; однако теперь он смог лишь сесть, в то время как его противник был уже на ногах и заносил меч. Маршал уже хотел подать знак об окончании поединка, но в этот момент тургунаец, зачерпнув с арены песок, швырнул его рыцарю в глаза. Меч бессильно прочертил дугу над землей, не коснувшись откатившегося тургунайца; левая рука рыцаря метнулась к глазам и наткнулась на шлем. С проклятиями он стал стаскивать одной рукой шлем, слепо и бестолково размахивая мечом; его противник тем временем еще раз перекатился по земле и подсек рыцаря резким рывком здоровой ноги. Воин Запада, все еще не избавившийся от шлема, вторично рухнул наземь, и в следующий миг его руку с мечом уже выкручивали сильные пальцы навалившегося сверху тургунайца. Со стоном рыцарь выпустил оружие; мгновение спустя лезвие было прижато к его горлу. Трубный звук рога возвестил конец поединка.

На трибунах стоял невообразимый шум. Многие были возмущены приемом с песком, считая его подлым и бесчестным; но немало было и тех, кто воздавал должное мужеству чужеземца, который, несмотря на тяжелую травму и сильную боль, сумел довести бой до победы. Он и сейчас стоял, опираясь на плечо одного из своих товарищей, с лицом, похожим на бледную маску, стараясь ничем не выдать своих страданий.

– Что они кричат? – спросил он у переводчика.

– Говорят, что кидать песок в глаза – это нечестно.

– Передай им, что в бою честно все, что ведет к победе.

Услышав эти слова, толпа взорвалась новыми криками. Раздалось несколько оскорбительных выкриков в сторону трибуны, где с непроницаемыми лицами сидели послы. Под королевским балдахином нервно переговаривались, решая, как разрядить обстановку. В этот момент граф Айзендорг поднялся и поднял руку. Ближайшие к нему сразу смолкли; затем волна тишины распространилась дальше – все ждали, что скажет прославленный герой.

– Наш гость не преступил законов турнира, – сказал граф. – Регламент легковооруженных поединков разрешает использовать любое оружие, не превосходящее по весу простого меча для одной руки. Горсть песка полностью удовлетворяет этому условию.

Это было логично, и возразить было нечего; тем не менее, и после слов Айзендорга в толпе остались островки недовольного ропота. Лишь теперь, выслушав одобрительный вердикт, тургунаец покинул арену, опираясь на плечи двух соотечественников.

– Поразительно, – фыркнул принц Артен, – они обвиняют в нечестности человека, который дрался голыми руками против меча! Интересно, многие ли из них решились бы на такое. Полагаю, посол наградит его? – спросил принц у Рандавани.

– Нет, – равнодушно ответил тот, – он будет наказан.

– Наказан? За песок в глаза?

– За то, что позволил ранить себя. Он расслабился с легким противником и допустил ошибку.

– Но ведь он исправил ее!

– Нет. Он выиграл поединок, но его нога будет срастаться еще долго, и все это время он будет только лишней обузой для посольства. Жизнь и здоровье воина не принадлежат ему; они – собственность его господина. Поэтому посол ир-Забих накажет своего слугу за порчу своего имущества.

– Ну и обычаи у вас на Востоке, – пробормотал принц (не в первый, впрочем, уже раз со времени знакомства с Рандавани).

Тем временем маршал, посовещавшись с командиром ханских гвардейцев, объявил, что, раз результат прошлого поединка вызвал нарекания, тургунайцы готовы провести еще один.

– Может, на сей раз они будут биться как люди, с мечом и доспехами? – крикнул кто-то из первого ряда.

– Нет, они хотят поединка по тем же принципам – искусство боя без оружия с вооруженным противником.

Сверкнул вскинутый в воздух меч – кто-то принял вызов. Гибкая юношеская фигурка легко перемахнула через ограждение и направилась к центру ристалища.

Новый рыцарь был облачен в легкий кожаный доспех с нашитыми металлическими бляхами, и меч его был короче и легче стандартного (впрочем, на поясе висел еще кинжал в длинных ножнах – это допускалось). По правилам турнира, чем легче доспех, тем больше очков каждый удачный удар приносил противнику; однако среди бойцов в третьей номинации всегда находилось немало таких, кто жертвовал защищенностью ради быстроты и ловкости. Однако с этим облегченным вооружением слабо сочетался глухой шлем, полностью скрывавший лицо.

Бой начался. С первых же минут тургунаец понял, что ему достался более серьезный противник, чем его предшественнику. У молодого рыцаря не было четко предсказуемого стиля – точнее, его стилем была непредсказуемость. Меч так и порхал в его руках, выписывая сверкающие петли и внезапно устремляясь в атаку из самых неожиданных положений. Более того, юноша одинаково хорошо владел левой и правой рукой и во время поединка несколько раз менял их. Будь у тургунайца в руках оружие, хотя бы простая палка, он бы нашел что противопоставить этому натиску – но теперь был вынужден лишь отступать, огрызаясь короткими махами рук и ног, не достигавшими цели. Юноша медленно, но умело теснил его в угол ристалища, пресекая попытки уйти вбок.

Но и тургунаец был непрост. Взмахнув руками, он сделал подряд два сальто назад, оторвавшись таким образом от противника; затем он дернул свой тонкий пояс, и тот развернулся во всю длину, оказавшись длинным узким ремнем с тяжелыми металлическими шариками на концах. Ханский гвардеец прыгнул на землю, перекатываясь вперед и вбок, и в перекате хлестнул рыцаря своим поясом по ногам. Ремень, увлекаемый инерцией шарика, туго обвился вокруг ног юноши, и тот повалился на землю, не выпустив, однако, меча. Тургунаец уже вскакивал, держа конец пояса за второй шарик, но рыцарь резким рывком спутанных ног вырвал этот шарик из руки противника, заставив того вновь потерять равновесие. Воин Востока взмахнул руками, оказавшись прямо над лежащим юношей, и тут же получил двумя ногами в солнечное сплетение. Надо отдать тургунайцу должное – он не согнулся, тщетно ловя ртом воздух, ибо удар пришелся в твердые, как каменная плита, напряженные мышцы брюшного пресса; однако этот удар позволил рыцарю выиграть пару секунд и, откинув шарик и перекатываясь в нужном направлении, освободить ноги. Меч сверкнул навстречу тургунайцу, пытавшемуся этому помешать. Еще мгновение – и противники снова стояли друг против друга, учащенно дыша. Рыцарь утратил свою выгодную позицию, но это, казалось, его не смутило – он вновь начал оттеснять соперника, теперь уже в другой угол ристалища.

Теперь тургунаец сменил тактику и не подпускал противника близко, кружась вокруг него и не покидая центральной части площадки. Тогда рыцарь демонстративно опустил меч, провоцируя нападение. Тургунаец, однако, не устремился вперед, а продолжал легко подпрыгивать на полусогнутых – постепенно и почти незаметно сокращая дистанцию с противником. Однако юноша прекрасно видел это постепенное приближение и перешел в атаку первым. Впрочем – на атаку это не походило, ибо, после того как клинок взвился в воздух, его обладатель остался стоять на месте, вращая меч в своей необычной манере – неправильными петлями, что требовало, несомненно, немалой силы и ловкости и совсем не походило на обычные фехтовальные приемы. Тургунаец на мгновение замер, словно выбирая дальнейшую тактику – и в этот миг меч словно бы случайно вырвался из руки молодого рыцаря и полетел прямо в живот ханскому гвардейцу.

Тот среагировал мгновенно и прыжком ушел в сторону, но рыцарь, по первому движению уловив направление прыжка, сам бросился под ноги сопернику. И этот бросок, и летящий меч по отдельности не стали бы для ханского гвардейца проблемой – но с двумя внезапными угрозами одновременно он справиться не смог. Рыцарю удалось сбить противника с ног; тот еще попытался заломить правую руку юноши в захват, но левая рука уже воткнула кончик кинжала в горло тургунайца. На сей раз победа досталась Западу.

Хотя меч, брошенный во врага, также нарушал все обычаи турниров, на сей раз трибуны шумели одобрительно: раз тургунайцы сами провозгласили, что честно все, ведущее к победе, им следовало воздать по их же мерке. Среди нестройного шума голосов стали раздаваться выкрики, требовавшие, чтобы победитель открыл лицо и назвал свое имя. Молодой человек, подойдя к маршалу, что-то сказал; он говорил тихо, к тому же шлем заглушал и искажал его голос.

– Рыцарь обещает, что откроет имя и лицо позже, после участия в призовых поединках, – объявил маршал.

«Ну еще бы, кузина, – мысленно усмехнулся Артен, – сейчас вы никак не можете это сделать».

После того, как зрители убедились, что глухой шлем выбран не случайно, их интерес к личности победителя, естественно, возрос – но не настолько, чтобы затмить другое любопытство. Все ждали, что уж теперь-то тургунайцы выступят в своем вооружении; однако остававшиеся еще на арене воины отвесили церемонные поклоны королевской и посольской ложам и покинули ристалище – как выяснилось, окончательно.

«Ловко, – подумал Айзендорг под недовольный гул толпы, – чертовски[1] ловко придумано. Они показали нам, на что способны без оружия – и оставили нас лишь догадываться, что может сотворить тургунаец с мечом в руках.»

Тем временем настала очередь собственно состязаний за приз турнира. Пока шла жеребьевка, Артен, широко зевнув, поднялся со своего места и направился в свои апартаменты, наказав слуге позвать его, когда дойдет до заключительных поединков.

Как и предполагалось, поединки, вместе со всеми перерывами, растянулись на весь день, и когда принц вновь показался на трибунах, солнце уже клонилось к закату. Трибуны были выстроены полуподковой вдоль южной стороны ристалища; утром и вечером над восточным или западным крылом поднимали высокие шесты с натянутой между ними тканью, дабы солнце не било зрителям в глаза. Участники же ранних и поздних поединков могли, выходя из тени, использовать положение светила, занимая позицию спиной к нему. Однако многие рыцари считали ниже своего достоинства пользоваться таким приемом и сражались боком к солнцу или в тени.

Тем не менее, участники боя, на который явился принц (а это был второй полуфинал), этим обычаем пренебрегали. Правда, инициатор нарушения традиции сражался к солнцу лицом – ибо не без оснований полагал, что его надраенный до зеркального блеска круглый щит доставляет больше неприятностей сопернику. Соперником же этим была Элина – принц не сомневался, что это именно она одержала верх над тургунайцем. То, что она добралась до заключительных боев турнира, принца не удивило. Разумеется, в третьей номинации принимала участие не только молодежь, но именно молодые воины, не растерявшие ловкости, гибкости и энергии, часто, как было известно Артену, выходили победителями. В том же, что его кузина владеет мечом как минимум не хуже мужчины, принц уже имел возможность убедиться.

Поединок затягивался. Соперник Элины, сражавшийся со щитом и мечом против меча, был менее уязвим, но в то же время его руки постоянно оттягивала тяжесть металла, Элина же, периодически перекидывая меч из одной руки в другую, давала отдых им обеим – не говоря уже о том обстоятельстве, что фехтовальщик, дерущийся левой, всегда более трудный противник. Постепенно рыцарь со щитом выдохся и перестал атаковать, однако его глухую оборону пробить было непросто. В конце концов поединок был остановлен судьями, и

[1] На самом деле в Тарвилоне нет религии, содержащей понятия бога и черта (подробнее об этом далее), а значит, нет и соответствующих выражений. Тем не менее, в романе иногда такие обороты встречаются, хотя автор старался ими не злоупотреблять; это – не более чем издержки перевода реплик героев на русский язык. Значительно точнее был бы перевод на английский: damned или (в контексте «чертовски неприятно») [I] hate [to do something].

победа по очкам досталась «Отверженному» – принц усмехнулся, услышав этот претенциозный псевдоним, вполне, впрочем, отражавший тщетные попытки Элины добиться права выступить на турнире открыто.

После перерыва, необходимого для восстановления сил победителя, вновь пропели рога, призывая финалистов на решающий бой. Принц, не видевший предыдущих поединков, с удивлением убедился, что соперником Элины является столь же таинственная личность, с лицом, скрытым шлемом, в легком кожаном доспехе, вооруженная одним лишь мечом. Этот претендент на приз, несомненно, также был молод, и избрал себе еще более вызывающий псевдоним «Эрвард» – то было имя одного из легендарных героев старины.

Снова зазвенели, скрещиваясь, клинки. Соперники явно стоили друг друга и дарили публике достойное финала зрелище. Артен, не искушенный в таких делах, вздрогнул, когда «Отверженный» потерял равновесие и едва не выронил меч; но это была лишь уловка, провоцирующая противника. Однако и Эрвард был непрост и атаковал с осторожностью, тотчас отскочив, едва бессильно опустившийся меч рванулся к нему. Позднее, впрочем, он все же получил скользящий удар по боку, но и сам не остался в долгу, минуту спустя кольнув соперника под ребро. Однако в обоих случаях удары потеряли большую часть своей силы, прорываясь через защиту противника, так что, даже будь оружие боевым, пострадали бы доспехи, но не тела.

Довольно долго ни одна из сторон не имела перевеса, но затем постепенно «Отверженный» начал сдавать. Эрвард, почуяв слабину, с удвоенной энергией принялся теснить соперника к канатам. Принц, поначалу решивший, что Элина в очередной раз прибегла к провокации, ждал, что она вот-вот устремится в контратаку. Но похоже было, что на сей раз все было всерьез. Через какое-то время бой шел уже почти в углу, у самых канатов. И хотя принц говорил себе, что самоуверенной девчонке не помешает хороший урок, он все-таки поймал себя на мысли, что надеется на ее победу, что не все еще потеряно и у Элины найдется для Эрварда хороший сюрприз.

И «Отверженный» словно бы услышал его мысли! Когда оружие противника устремилось вперед, нанося едва ли не решающий удар, рука «Отверженного» сделала странное винтообразное движение, словно обвивая своим мечом меч Эрварда. Атакующий меч вжикнул между клинком и гардой обороняющегося, помимо воли хозяина проходя в пустоту мимо кожаного доспеха и застревая в импровизированном захвате у самой рукояти. В следующий миг «Отверженный», продолжая выворачивать кисть, рухнул с разворотом на одно колено. Меч вылетел из руки Эрварда и плашмя упал в пыль. «Отверженный» моментально вскочил и,

прежде чем Эрвард успел рвануться за мечом, грубым тычком отбросил своего соперника на канаты, приставляя острие клинка к его груди.

Трибуны шумели, приветствуя победителя. Теперь «Отверженному» предстояло получить награду из рук самого короля – но сначала, согласно правилам, он должен был открыть свое имя и лицо, и принц заранее улыбался, предвидя, какой поднимется переполох. Впрочем, прежде надлежало открыться проигравшему – второе место тоже считалось почетным, но вознаграждение, разумеется, было скромнее и принималось из рук маршала.

Двое бойцов подошли к королевской ложе. Эрвард с явной неохотой снял шлем.

Принц увидел раскрасневшееся – не столько даже из-за горячки боя, сколько от смущения за свой проигрыш – лицо Элины. Все это время он болел не за того.

Переполох поднялся не сразу – на турнире было много гостей, не знавших Элину и не понявших в первый момент, что стоящий перед ними юноша на самом деле юношей не является; даже и среди тех, кто знал дочь графа, не все сразу поверили в подобную дерзость. Но, пресекая всякие сомнения, девушка гордо подняла голову и звонко провозгласила свое имя:

– Элина, графиня Айзендорг!

Вот тут уже по рядам зрителей прокатился настоящий гул. В нем слышались восхищенные выкрики, но еще больше было тех, кто возмущался таким попранием традиций. Больше всего недовольных было среди участников турнира, узнавших, что они были побеждены женской рукой. Многие оборачивались в сторону Айзендорга, чье лицо оставалось непроницаемым.

Маршал, некогда столь категорично возражавший против участия девушки в турнире, вручил ей приз – серебряный медальон на цепи, кинжал в ножнах и кожаный кошелек с деньгами – едва ли не избегая смотреть Элине в лицо и подчеркнуто казенным тоном произнося поздравление. Однако посрамление маршала не радовало юную воительницу, ибо она была убеждена, что поздравлять ее не с чем. Сейчас она проклинала ту минуту, когда решила взять громкий псевдоним, надеясь победить на этом, самом необычном за много лет, турнире, в присутствии иностранных гостей – и вот вместо этого на глазах у всех потерпела поражение. Теперь ее интересовало только одно – кому же ей пришлось уступить.

Этот интерес, разумеется, разделяли и зрители. Не успели они обсудить личность одного финалиста, как все взоры уже сосредоточились на втором, также снимавшем шлем.

Это был молодой человек лет восемнадцати, не отличавшийся от природы ни богатырской статью – ростом он был не выше Элины – ни красотой округлого лица, черты которого, хоть и лишенные явных изъянов каждая в отдельности,

вместе образовывали достаточно невзрачную комбинацию. Никто в Роллендале не знал этого молодого рыцаря – однако смутное сходство уже зажгло огонек воспоминания в некоторых умах. Но, подобно своей сопернице, юноша не стал дожидаться, пока подозрения перейдут в уверенность, и, глядя прямо в глаза королю, громко и четко произнес:

– Редрих, герцог Урмаранд!

Все всплески волнения, прокатывавшиеся по трибунам в этот богатый на сенсации день, были сущим пустяком по сравнению с бурей, поднявшейся теперь. Правда, иностранные гости в ней не участвовали, с любопытством взирая со стороны; однако тарвилонцы единодушно пылали гневом. Многие вскакивали с мест, кое-где сверкнули даже обнаженные мечи. Как?! Сын казненного узурпатора, навеки изгнанный из страны, осмеливается вернуться – и не стоять вдалеке бледной тенью, скрывая свое лицо, а победить на Большом Роллендальском Турнире! Какая неслыханная наглость!

Тем не менее, формально Редрих не нарушил закона. На турнир были приглашены желающие рыцари из соседних королевств. Идущие с незапамятных времен правила провозглашали, что на время турнира прекращаются все распри и преследования, все участники равны и охраняются законом Тарвилона. Но все равно, какая наглость!

Меж тем молодой герцог стоял неподвижно под шквалом проклятий и оскорбительных выкриков. По его бледному, несмотря на только что законченный бой, лицу текли капли пота, но ни один мускул не дрогнул. Лишь в синих глазах стыла ледяная ненависть.

Пауза затягивалась. Наконец король, понимая, что другого выхода нет, поднялся, чтобы провести церемонию награждения. Редрих шагнул вперед, и взгляд его, точно меч, уперся в лицо Анриха. Молодой герцог должен был получить награду из рук человека, пусть и не виновного непосредственно в гибели его отца – Анрих был призван на царство уже после переворота – но возвысившего и осыпавшего привилегиями его убийц и подписавшего указ о вечном изгнании Урмарандов.

Король, в свою очередь, не испытывал той ненависти, которой пылали теперь его подданные. Не будучи тарвилонцем, он не особо интересовался подробностями внутритарвилонских распрей, которые привели его на трон. Возвышая сторонников Кандерлиндов и преследуя урмарандистов, он просто выполнял соглашение с приведшей его к власти партией и упрочал свое положение. Поэтому вначале он почувствовал не столько гнев, сколько смущение из-за неловкости ситуации; однако королевское смущение быстро переходит в гнев.

За те несколько секунд, что враги молча смотрели друг на друга, король, как ему казалось, нашел верный тон. Поначалу он собирался произнести поздравление подчеркнуто сухо и официально, но – это слишком напомнило бы слова, обращенные маршалом к Элине, и тем уравняло бы девчонку – хотя и слишком дерзкую, однако общую любимицу во дворце и гордость графа Айзендорга – с отпрыском преступного рода, изгнанником, самим своим появлением в Роллендале нанесшим оскорбление короне. Поэтому Анрих произнес поздравительные слова откровенно насмешливым тоном, словно Редрих не победил в честной борьбе, а публично опозорился, и гневные выкрики были притворными, а теперь, вслед за словами короля, должен грянуть взрыв хохота.

Урмаранд выслушал это, по-прежнему не меняя выражение лица, и лишь один раз губы его дернулись. Настал черед вручения призов – золотого медальона, меча с драгоценным камнем на рукояти и кошеля с монетами. Когда король протягивал кошель, тесемки его были развязаны; к тому же Анрих разжал пальцы за мгновение до того, как Редрих принял приз. Монеты посыпались на арену; в руках молодого герцога остался пустой кошель. Зрители радостно загоготали и приготовились смотреть, как Редрих будет ползать в пыли перед королевской ложей, подбирая деньги.

Но молодой человек не доставил им такого удовольствия. Он швырнул кошель на землю, повернулся, и, по-прежнему сжимая в руке рукоять призового меча с алым рубином, зашагал прочь.

В этот момент Элина сделала шаг по направлению к нему.

– Герцог!

Урмаранд обернулся, готовый к новому оскорблению. Трибуны замерли, ожидая, какой укол припасла для врага острая на язык дочь Айзендорга.

– Я хочу поздравить вас с победой. Вы полностью заслужили ее, – сказала девушка, и ни тени насмешки не было в ее словах.

Каменная маска лица Редриха наконец расслабилась. Он улыбнулся.

– Благодарю вас, графиня, и позвольте выразить вам признательность за прекрасно проведенный бой. Вы были достойным соперником.

Он отсалютовал ей мечом. Элина ответила тем же. На трибунах стояла тишина.

Элина нагнала отца на аллее, ведущей к дому Айзендоргов. Граф не стал ждать ее после турнира – может быть, не хотел, чтобы посторонние были свидетелями их разговора, а может, выражал свое неудовольствие. Элина обогнала его – граф по-прежнему шел своим широким шагом – и заглянула в глаза.

– Ты на меня сердишься, папа?

– Хвастовство не делает чести рыцарю. Берущий громкие псевдонимы скорее смешон, нежели страшен. Обычно больше всех хорохорится тот, кто меньше уверен в себе, и опытный противник знает это.

– Я уже и сама жалею, что назвалась Эрвардом. Но... я не об этом. За это я уже достаточно наказана своим проигрышем.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Впрочем, – граф позволил себе улыбнуться, – сегодня ты вполне могла победить, но тебе достался действительно сложный соперник. У него необычный стиль, ломающий правила. Рыцари так не дерутся. Однако во время моих скитаний мне приходилось встречаться с подобным стилем... Тебе не следовало расслабляться под конец боя. Если бы ты была готова, он бы не смог вырвать меч. Правда, тебе, вероятно, пришлось бы упасть, чтобы удержать его, но лучше упасть с мечом, чем остаться на ногах без него.

– Давай не будем уходить от темы, – решительно произнесла Элина. – Я поздравила Урмаранда, когда все готовы были его растерзать. За это ты на меня не сердишься?

Айзендорг, наконец, остановился и положил ей руку на плечо.

– Элина, ты поступила красиво и благородно. Если хочешь знать, ты единственная вела себя достойно среди этой воющей толпы. Каким бы ни было мое отношение к Урмарандам, я воздаю должное мужеству Редриха, который решился приехать сюда и участвовать в турнире, и я считаю низким пытаться принизить честную победу врага. Мне жаль, что мой король повел себя не лучшим образом, и я рад, что моя дочь это исправила. Но... честь и благородство – красивые понятия, а в жизни грязи больше, чем красоты. И я хочу предостеречь тебя, дабы ты не слишком рассчитывала на эти качества и всегда помнила, что ответом на благородный жест может быть удар в спину. Урмаранды – не та фамилия, которой следует доверять. Обрати внимание, что даже сегодня он побеждал за счет коварства. Да, все было в рамках турнирных правил, но тем не менее. На самом деле стиль, которым он пользуется – это стиль боя без правил. Я уже сказал, что встречался с таким. Его использовали наемные убийцы.

– Тем не менее, ты учил меня некоторым из этих приемов.

– Да. Потому что они могут тебе пригодиться, как раз в свете того, что я только что сказал.

– А этот, последний, которым он вырвал меч – ты знаешь?

– Должен признаться, я увидел его впервые. Иначе ты бы уже владела им.

Элина закусила губу. Ей непременно хотелось освоить новый эффективный прием.

– Как ты думаешь, Редрих согласился бы показать мне его? В знак благодарности...

– Элина, я уже предостерег тебя относительно Урмарандов.

– Я приняла к сведению. Но нельзя же впадать в обратную крайность и всюду видеть одно коварство.

– К тому же, если он хотя бы вполовину столь же умен, сколь и смел, ты вряд ли его еще увидишь, – продолжал Айзендорг. – Закон охраняет его еще один день после окончания турнира, но на его месте я бы уже покинул Роллендаль. Слишком многие после сегодняшнего жаждут его крови, и закон в таких случаях – не особенно надежная защита.

Элина, казалось, молча приняла это к сведению и принялась обсуждать с отцом другие турнирные поединки, но уже на пороге дома вдруг, словно что-то неожиданно вспомнив, заявила, что ей надо сегодня еще кое с кем повидаться.

– С кем именно, да еще на ночь глядя? – неодобрительно осведомился граф, обычно предоставлявший дочери широкую свободу, но на сей раз почувствовавший подозрения.

– Да не волнуйся, папа! Может, я даже не приду к ужину, но я не собираюсь влипать ни в какую авантюру.

– Элина, я задал тебе конкретный вопрос и жду конкретного ответа.

– Ну... если тебе так важно знать, с Ральтиваном.

У графа, уже заподозрившего, что Элина хочет встретиться с Урмарандом, отлегло от сердца. Он, конечно, не любил Зендергаста и не одобрял контактов дочери со старым магом, но объективно старик был безопасен – чего никак нельзя было сказать о сыне узурпатора. Кроме того, граф знал, что у его дочери нет привычки врать, в особенности ему. Всего этого было достаточно, чтобы успокоиться.

Однако успокоился он преждевременно. Элина не солгала ему и действительно направилась к дому Зендергаста, но это был лишь промежуточный этап ее плана.

Королевский маг жил в небольшом, давно не ремонтированном одноэтажном домике, скрытым, однако, от посторонних глаз высоким каменным забором. Внутри ограды, помимо дома, размещался также сад и огород Зендергаста, где произрастали различные растения, используемые в магическом деле. Злые языки, впрочем, утверждали, что растения эти давно в запустении, и грядки заросли обычными сорняками. Широкой общественности, однако, это не было известно достоверно, ибо Зендергаст любил напускать на себя таинственность – последнее, что осталось от былого величия его профессии – и пускал к себе далеко не всех. Элина, впрочем, входила в число особо допущенных и даже знала секрет, позволявший открыть хитрый запор на воротах.

В дверь самого дома, тем не менее, ей пришлось стучать довольно долго – другой бы на ее месте решил, что хозяина нет дома – прежде чем Ральтиван

открыл. Взгляд из-под кустистых бровей был воплощением негостеприимства, и не особенно смягчился, даже когда маг увидел, кто его беспокоит.

– Я тоже рада вас видеть, – сказала Элина, – а теперь, может быть, вы пригласите меня войти?

– Элина, я сегодня очень занят, – строго ответил маг.

Графиня мысленно улыбнулась. «Не иначе как мечтами о старых добрых временах», – подумала она, а вслух категорично заявила:

– Это не займет много времени. Мне нужна ваша профессиональная помощь.

Подобные обращения вызывали у старика двойственное чувство: с одной стороны, ему льстило, что в его магических услугах нуждаются, с другой – он боялся, что задача окажется ему не по силам. Тем не менее, он отступил вглубь дома, впуская девушку.

– Мне нужно найти человека в Роллендале, – пояснила она суть проблемы.

– У вас есть какая-нибудь его вещь, а лучше прядь волос или...

– Если бы у меня это было, я бы попыталась решить задачу сама, – нетерпеливо прервала его Элина. – Не забывайте, что я все-таки училась магии. Но, увы, нам было не до обмена сувенирами.

– Значит, вы общались? Уже хорошо. А его настоящее имя вы знаете?

– Да. Его имя – Редрих, герцог Урмаранд.

Старик попытался сделать вид, что это имя ему столь же безразлично, как и любые другие, но ему это не удалось.

– Урмаранд? Победитель турнира?

– Откуда вы знаете? – усмехнулась Элина, намекая на демонстративное презрение старого чародея к варварским забавам эпохи меча.

– Не забывайте, я все-таки маг, – ответил Ральтиван с достоинством, словно и впрямь без магического искусства нельзя было узнать новость, известную каждому мальчишке.

Зендергаст провел гостью в небольшую комнату, похожую на помесь библиотеки с химической лабораторией. На одних полках стояли старые растрепанные фолианты с позеленевшими застежками, на других – закопченные тигли, ступки, склянки с какими-то порошками. На одной из полок среди реторт лежал человеческий череп. Элина знала, что он настоящий, и ее это не смущало. Она еще в детстве навидалась мертвецов.

Маг усадил девушку за небольшой шестиугольный столик, расставил по углам свечи и зажег их, а в центре поставил блюдо, куда налил воды и бросил щепотку серого порошка. Затем он плотно задернул шторы и велел Элине выпить какой-то гадости из колбы.

Графиня сидела, глядя на неверные отблески свечей в воде. Постепенно мерзкий вкус во рту сменился ощущением тепла, которое разлилось по всему телу... хотелось спать... Элина уже сама не знала, действительно ли она видит свечи, или они только снятся ей... потом она поняла, что это не свечи, это рассыпанные золотые монеты блестят на солнце... и некрасивый юноша в кожаном доспехе салютует ей мечом, а потом разворачивается и уходит. Но, в отличие от того, как это было в реальности, теперь Элина пошла за ним. Они вышли с ристалища и направились в город. Юноша шел очень быстро – он знал, что враги в любую минуту могут броситься за ним в погоню, чтобы затеять дуэль прямо на улице – с одним, вторым, третьим, пока он не будет убит. Должно быть, их останавливало лишь то, что, прежде чем силы оставят победителя турнира, от его руки непременно падут эти один, второй, третий... и никому не хотелось оказаться таковыми. Элина почувствовала, что не может угнаться за герцогом. Это удивило ее – в реальной жизни она неплохо бегала, а тут требовалось всего лишь быстро идти. Тем не менее, дистанция между ней и Редрихом увеличивалась – и более того, фигура его с каждым шагом делалась все более прозрачной.

– Вы видите его? Видите? – требовательно произнес откуда-то голос Ральтивана.

– Он уходит... уходит... – слабо откликнулась Элина.

Ральтиван, бормоча непонятные слова, сел напротив девушки и взял ее руки в свои. Лицо его исказила гримаса напряжения.

Элина вновь отыскала Редриха в лабиринте городских улиц, но ненадолго. Картина снова начала терять четкость.

– Не могу найти... не вижу... – пожаловалась Элина.

– Зовите его по имени! – велел маг.

– Редрих! Редрих Урмаранд!

Наконец Элина увидела трехэтажный дом, ютящийся между двумя такими же на одной из кривых улочек. Взгляд ее сосредоточился на крайнем справа окне последнего этажа. В окне не было видно человека, но девушка поняла, что он там.

– Элина, проснитесь!

Вздрогнув, графиня распахнула глаза и увидела перед собой утомленное лицо Ральтивана. Старик достал кружевной платочек и вытер пот со лба.

– Вы нашли его? – спросил он.

– Да.

– Это было труднее, чем вам казалось... Очевидно, он никогда не учился магии. Вам повезло, что вы достаточно долго сражались с ним – и что обратились ко мне вовремя. Еще какой-нибудь час – и уже ничего нельзя было бы сделать.

– Я у вас в долгу, почтенный Ральтиван. Как мне отблагодарить вас?

– После сочтемся, – небрежно ответил Зендергаст.

Элина попрощалась с магом и вышла на улицу. Темнело.

Графиня уверенно шла по быстро пустеющим улицам. Она хорошо знала город и не боялась его ни днем, ни ночью. Смешно даже представить, чтобы обычная девушка из аристократической семьи отправилась одна, в темное время суток, куда-то на окраину – и это было бы действительно небезопасно; но с Элиной был ее меч, и этого было достаточно. Пару раз ей попадались навстречу какие-то подозрительные личности, но, издали заметив дворянина при оружии, предпочитали уступить ему дорогу.

Наконец показался дом, знакомый Элине по ее видению. Наружная дверь не была заперта; хозяин, сдававший комнаты, не хотел, чтобы его всякий раз беспокоили припозднившиеся постояльцы. Элина легко взбежала по еле освещенной лестнице и остановилась перед дверью в конце коридора. Запоздалая мысль о том, что герцог, если он все еще здесь, возможно, уже спит – тем паче что света в окне она не заметила – мелькнула в ее сознании, но не поколебала ее решимость. В конце концов, рассуждала Элина, она оказала Редриху услугу – и окажет еще одну, предупредив об опасности.

На стук долго не было никакой реакции. Затем голос из-за двери спросил:

– Кто там?

– Герцог, это графиня Айзендорг. У меня к вам дело.

– Пожалуйста, говорите тише. И не надо называть титулы. Какое еще дело в это время суток?

– О, – еще одна запоздалая мысль заставила Элину смутиться, – только не воображайте какие-нибудь глупости. Но давайте мы все же не будем разговаривать через дверь?

За дверью помолчали.

– Вы одна?

– Да. Мой приход вам ничем не угрожает. Полагаю, слово графини Айзендорг для вас достаточная гарантия?

По всей видимости, для Урмаранда это было не так уж бесспорно. Еще на некоторое время повисла тишина, потом послышался звук отодвигаемого засова.

Редрих был полностью одет, и рука его лежала на рукояти меча. Он бросил быстрый взгляд в коридор, прежде чем впустить гостью. В комнате горела свеча, но запертые ставни не пропускали ее свет наружу. Постель была смята, но не разобрана.

– Итак?

– Полагаю, вы не будете отрицать, что я сегодня оказала вам услугу, – без обиняков начала Элина.

– Да, и я выразил вам благодарность.

– Думаю, что и вы могли бы оказать услугу мне. Тот прием, который принес вам победу. Научите меня ему.

– Прямо сейчас? – усмехнулся герцог. – И вы за этим шли ко мне? Кстати, как вы меня нашли? Я не заметил слежки.

– Отвечаю в обратном порядке, – обстоятельно пояснила Элина. – Я нашла вас с помощью магии.

– Значит, вы еще более опасны, чем показали себя на турнире, – заметил Редрих, и в голосе его действительно звучало опасение. – Не думал, что эти древние штучки все еще действуют.

– Действуют достаточно плохо, – призналась Элина, – особенно на человека, который сам магии не учился, – она хотела еще признаться, что не сама справилась с этой задачей, но решила не волновать Редриха известием, что о его местопребывании знает кто-то еще. – Мне просто повезло. Ответ на второй вопрос – я пришла именно за этим... и еще затем, чтобы предупредить вас. Из-за этого предупреждения нам придется провести урок прямо сейчас, потому что потом не будет времени.

– Что за предупреждение?

– Вы видели, как в Роллендале реагируют на фамилию «Урмаранд». Это, между прочим, не беспочвенно – у меня самой серьезные претензии к этой фамилии, хотя, с другой стороны, если бы Урмаранды не изгнали моего отца, вряд ли я появилась бы на свет. Так вот, хотя закон защищает вас до конца завтрашнего дня, вам небезопасно здесь оставаться. Чем скорее вы покинете город и страну, тем лучше.

– Меня выследили?

– Нет... ну то есть я думаю, что нет. Но когда они опомнятся и начнут вас искать, это не станет такой уж проблемой. Даже сейчас, когда в городе много приезжих; ведь врагов у вас тоже много.

– Да, я знаю. Я собирался уехать утром. В толпе легче затеряться.

– На турнире в этом году было рекордное количество зрителей. Вас слишком хорошо запомнили. Любая толпа для вас опасна. Вы должны покинуть город ночью. Где ваша лошадь?

– Я оставил ее на постоялом дворе за городом. На этих узких улочках всадник более заметен и уязвим, чем пеший.

– Вот и хорошо. Не придется будить хозяина, чтобы отпер конюшню. Просто оставьте ему плату на столе...

– Графиня, в таких местах, как это, плату берут вперед, – усмехнулся Редрих. – Но как же стража? Ведь ночью ворота закрыты.

– У них нет причин вас не выпустить. Тем более если я провожу вас.

– И в обмен на это я должен обучить вас... что ж, почему бы и нет. Надеюсь, нам не придется встретиться когда-нибудь в реальном бою. Впрочем, мне до сих пор кажется дикой мысль о реальном бое с женщиной.

– Не только вам. Это весьма распространенный предрассудок. Но не будем терять времени.

– Ладно. Здесь тесновато, ну ничего. Хорошо бы еще, чтобы соседей не переполошил звон мечей.

– Здесь достаточно толстые стены. А на пол бросим одеяло.

Обучение не заняло много времени. Элина, с ее уровнем фехтовального мастерства, быстро ухватила суть приема, и после того, как меч Редриха (тот самый, с рубином), вырванный из его руки, несколько раз упал на одеяло, герцог счел, что с дальнейшим оттачиванием техники Элина справится сама. Молодые люди убрали оружие в ножны.

Герцогу не понадобилось много времени на сборы. Он подвесил к поясу тощий кошель, нахлобучил берет, словно тот мог скрыть его лицо, подвесил к поясу меч, вскинул на плечо котомку, где лежал шлем и другие нехитрые пожитки, а затем вслед за Элиной вышел из комнаты.

– Кто учил вас фехтованию? – спросила графиня, когда они вышли на ночную улицу.

– Телохранитель, которого отец приставил ко мне и матери. После того, как мой отец был убит во время переворота, а дядя казнен вскоре после, мой учитель фактически заменил мне отца. Не в том смысле, конечно, что у него были какие-то непозволительные отношения с матерью...

– А ваша мать жива?

– Нет. Она слишком привыкла к роскошной жизни и быстро зачахла в изгнании. Нам ведь пришлось бежать, как говорится, в чем были. Из всех богатств Урмарандов с собой удалось прихватить лишь жалкие крохи, половину из которых украли бросившие нас слуги. Знаете, – герцог криво усмехнулся, но Элина не видела этого в темноте неосвещенных роллендальских улиц, – я чертовски рассчитывал на денежную премию за победу. Конечно, это был не главный мотив, по которому я участвовал в турнире... но мне бы очень пригодились эти деньги. Но, сами понимаете, я не мог подбирать их с земли.

– У вас теперь есть меч с рубином и королевский медальон. Правда, рыцарские обычаи считают недостойным продавать подобные вещи... мой отец говорит

полушутя, полусерьезно, что перестал участвовать в турнирах, потому что ему уже некуда девать призовые мечи.

– А почему вы думаете, что у меня чести меньше, чем у вашего отца? – резко спросил Редрих.

– Простите, герцог, я не хотела вас обидеть.

Некоторое время шли молча.

– Сам не знаю, зачем я вам все это рассказываю... – произнес Урмаранд. – Почему я вообще вам доверяю. Ведь мы, по сути, враги.

– Мы принадлежим к враждебным родам, а это не то же самое. Даже если ваш отец был узурпатором...

– Он не был узурпатором! Он стал регентом с соблюдением всех законных процедур! Он не получил власть в результате переворота, как нынешний король, которого все, однако, считают законным монархом!

– Ну конечно! Никаких переворотов, всего лишь набор грязных интриг и политических убийств!

– А вы можете это доказать?

– И вы осмеливаетесь говорить это мне? Дочери графа Айзендорга, которого только боевое мастерство спасло от наемных убийц, подосланных вашим отцом? Который двенадцать лет скитался в чужих землях, потому что вашему роду очень хотелось заполучить корону?

– Вот видите, – сказал вдруг спокойно Редрих, – а говорите, что мы с вами не враги.

Снова пошли молча. Лишь эхо шагов отдавалось в переулке.

– Не нравится мне это эхо, – тихо заметил Урмаранд.

– Да, – согласилась Элина, – похоже, что за нами идут. Зря мы повышали голос и привлекали внимание. Ну ничего, дадим этим разбойникам хороший урок.

– Это не грабители, – уверенно заявил герцог. – Те бы уже заметили наши мечи и предпочли не связываться. Похоже, меня все-таки выследили.

– Надеюсь, вы не думаете, что это я заманила вас в ловушку?

– Ну что вы, – ответил Редрих, который секунду назад подумал именно это.

Молодые люди ускорили шаг, и в этот момент из переулка впереди вышли четверо с явным намерением загородить им дорогу. Двое из них были вооружены мечами, один держал тяжелый топор и один – палицу. Редрих и Элина синхронно извлекли мечи из ножен. Герцог при этом успел бросить взгляд через плечо и увидеть подходивших сзади преследователей. Тех тоже было четверо.

– Отойдите, юноша, – обратился к Элине тот, что с топором, очевидно, введенный в заблуждение ее мужским нарядом и оружием, – мы вас не тронем. Нам нужен только Урмаранд.

– Зачем он вам понадобился? – спросила Элина, хотя ответ был очевиден.

– Хочу, чтобы он передал весточку моему отцу, повешенному по приказу его отца, – осклабился тип с топором. Упомянутым способом казнили только простолюдинов; впрочем, нападавшие и не походили на дворян.

– На прорыв, – тихо скомандовал Редрих, пока задняя группа нападавших не подошла на опасное расстояние. Элина еле заметно кивнула. Дождавшись этого знака, герцог устремился в атаку. Графиня тоже не заставила себя ждать.

Однако нападавшие явно не впервые держали в руках оружие. Они моментально заняли оборонительную позицию и отбили первый натиск, переходя в контратаку. Сзади уже подбегали другие четверо.

– К стене, – оценила ситуацию Элина. Редрих хотел скомандовать то же самое и ощутил мгновенный укол досады из-за того, что девушка опередила его.

Теперь, когда за спиной у молодых людей была глухая стена дома, а сами они стояли чуть развернувшись по отношению к стене и друг к другу и полностью контролируя таким образом фланги, положение нападающих оказалось крайне невыгодным. Их численное преимущество обернулось против них. Вынужденные все атаковать с одной стороны, они только мешали друг другу.

Элина в первые же секунды выбила меч у одного из них; затем еще двое отступили назад, осознав, что приносят своим больше вреда, чем пользы. Теперь против молодых людей бились пятеро; при этом их движения все равно были стеснены соседями, но, зная, очевидно, что по крайней мере один из противостоящих им – не заурядный мечник, а победитель Большого турнира, нападавшие не решались еще уменьшить свой численный перевес.

Элина без проблем отбивала прямые колющие удары, которые легче всего было наносить в такой позиции. Но вот один из ее противников сделал широкий замах, намереваясь, очевидно, рубануть сверху. Легко, как на тренировке, Элина уклонилась от выпада его товарища и вонзила свой меч замахнувшемуся в живот. Что-то мерзко хрястнуло – очевидно, клинок задел позвоночник. Обратно меч выходил с неожиданным сопротивлением, стиснутый спазматически сжавшимися мышцами брюшного пресса. В тусклом свете ущербной луны покрытый кровью клинок казался черным; в ноздри ударил тяжелый запах.

Второй противник Элины, видя это, взревел и бросился на нее, но девушка отскочила в сторону, и меч нападавшего, звонко лязгнув, сломался о каменную стену. Графиня легко могла проткнуть безоружному врагу бок, но на сей раз замешкалась. Ощущение пронзающего человеческую плоть клинка было еще слишком живо в ее руке, и ей не хотелось испытать его вновь.

Левее, где бился Редрих, раздался истошный вопль. Герцогу удалось рубануть по руке нападавшего с палицей, и тот орал – пока еще больше от ужаса, чем от

боли – глядя на свою окровавленную кисть, болтавшуюся на куске кожи. Тяжелая палица, падая, ударила по ноге мстителя с топором, но тот успел отскочить, прежде чем Редрих воспользовался ситуацией, и теперь морщился от боли, стараясь не опираться на пострадавшую ногу.

Последний оставшийся в строю противник, осознав ситуацию, быстро отступил; одновременно трое других, ждавших своей очереди с начала боя, выдвинулись вперед, но уже менее решительно. Они не нападали, дожидаясь, пока сломавший свой меч подберет оружие поверженного Элиной и присоединится к ним.

Во время этой заминки в конце улицы послышался топот бегущих ног и визг вылетающего из ножен оружия. Новые враги? Но судя по тому, как испуганно оглянулись покушавшиеся, для них это было столь же неожиданно, как и для оборонявшихся. В следующее мгновение они повернулись и бросились наутек – все, включая раненых.

– Именем короля стойте! – крикнул один из подбегавших. Теперь уже ясно можно было различить латы ночного патруля.

– Только их не хватало... – процедил Редрих и, развернувшись, бесстрашно побежал вслед за своими врагами. Через пару шагов он, однако, обернулся через плечо и крикнул Элине: – Спасибо!

Графиня проследила взглядом, как в первом же переулке покушавшиеся свернули налево, а Редрих – направо, затем с облегчением повернулась к подбегавшим стражникам, но, не дождавшись их, перевела взгляд вниз и так и стояла, глядя на труп, скорчившийся у ее ног с прижатыми к животу окровавленными руками. Труп первого человека, которого она убила.

В эту комнату никогда не проникал дневной свет – она находилась ниже уровня земли, в подвале одного из роллендальских домов. Лишь слабые огоньки свечей освещали ее в такие дни, как этот. Вокруг большого круглого стола, стоявшего в середине комнаты, сидели 14 человек, облаченных в белые мантии с глухими капюшонами, почти полностью скрывавшими лица. Перед каждым горела высокая тонкая свеча белого воска, и огонек приходился как раз напротив губ сидевшего. Это была часть древней тренировки – о чем бы ни шла речь, дыхание и голос присутствующих должны оставаться тихими и спокойными, чтобы не погасить (в идеале – даже не колебать) пламя свечи.

– Итак, братья, – сказал один из обладателей мантий, – ситуация вновь изменилась. У нас появился второй кандидат – Редрих Урмаранд.

– Похоже, что судьба благоприятствует нам, – заметил другой. – И это тем более свидетельствует, что мы должны действовать.

– Никогда нельзя забывать об обратной стороне, – напомнил третий. – Пока у нас был только Артен, не возникало проблемы выбора. Теперь она появилась, и важно решить ее правильно. Не забывайте, что стоит на кону.

– Не вижу особенной проблемы, брат, – возразил четвертый. – Если наш выбор окажется ошибочным, мы просто используем второго.

– Если наш выбор окажется ошибочным, мы можем потерять все, – одернул его третий. – Не забывайте, что Отпирающий – это не просто ключ. Он обладает собственной волей.

– Он не владеет Мастерством, – не сдавался четвертый.

– Должен ли я напомнить досточтимому брату историю Проклятья? – язвительно осведомился третий. – И в особенности причины, по которым оно было наложено?

– Твое пламя дрожит, брат, – не менее язвительно ответил четвертый.

– Благодарю, – третий смиренно сбавил тон. – Но по существу тебе нечего возразить?

– Я не против осторожности. Я лишь предлагаю не драматизировать. Я считаю катастрофический исход крайне маловероятным.

– А я вообще не уверен, что Редриха можно рассматривать как кандидата, – вмешался в их спор пятый. – Он герцог и сын регента, но не более чем. А нам нужна королевская кровь.

– Если бы не переворот восемь лет назад, он был бы куда ближе к престолу, нежели Артен, – возразил шестой.

– В Пророчестве ничего не говорится насчет «если бы», – не согласился пятый.

– Но Урмаранды получили регентство и могли претендовать на трон не просто так, а именно на основании родства с королями, – развил свою мысль шестой.

– Беда в том, что в Пророчестве не оговаривается степень родства, – констатировал пятый. – Конечно, идеальным вариантом был бы сам король или наследный принц, но где ж их взять...

– Если с Редрихом просто ничего не выйдет, это нам ничем не грозит, – сказал третий. – Интерес представляют другие варианты.

– Тургунайцам, конечно, выгоднее было бы иметь дело с Редрихом, – произнес седьмой. – В политическом смысле он – ничто. В отличие от Артена, за которым стоит Тирлонд и с которым приходится считаться.

– А нам больше подходит Артен, – сказал восьмой. – Его ничего не интересует, кроме науки. А Редрих непредсказуем и ухватится за власть при первой возможности.

– Напротив, Редрих очень предсказуем, – возразил шестой. – Человек, обуреваемый страстями – готовая марионетка для любого, кто возьмется за ниточки.

– По-моему, мы совсем не то обсуждаем, – сказал девятый. – Вероятность, что Отпирающий успеет чем-то воспользоваться, ничтожна. Наверняка мы сможем устранить его, как только он сделает свое дело. Куда более важно, чтобы с ним ничего не случилось по дороге. И в этом плане умелый боец Редрих надежнее неспособного постоять за себя Артена.

– Не кажется ли вам, братья, что это пустой спор? – вмешался десятый. – Ведь мы пока что не знаем, где находится Редрих.

– Узнаем, – решительно заявил второй.

– Да, сейчас это наша главная задача, – подтвердил первый. Найти и не спускать с него глаз. Не хватало еще, чтобы он погиб на дуэли или спутался с какой-нибудь девкой.

Разумеется, ночное происшествие с Элиной наделало немало шуму в столице. Официальная версия, базировавшаяся на рассказе самой девушки капитану стражи, состояла в том, что юная графиня Айзендорг, идя ночью по улице, услышала шум схватки и крик о помощи. Поспешив на эти звуки, она увидела, что несколько человек разбойного вида с оружием атакуют одного, и встала на его сторону. В бою один из нападавших был убит самой Элиной, другой ранен незнакомцем; затем появился патруль, и злодеи бежали – а следом за ними скрылся и тот, кто был жертвой нападения. Причины для этого у него могли быть разные: он мог оказаться высокопоставленным гостем Роллендаля, не желающим, чтобы его имя фигурировало в подобной истории, или неверным супругом, застигнутым грабителями во время тайного ночного похождения, или даже таким же вором, что-то не поделившим с товарищами. Все это было вполне правдоподобно, но не объясняло одного обстоятельства – а именно, что делала Элина ночью одна в не самой респектабельной части города. Посему почти одновременно с официальной версией родилась неофициальная (вызвавшая у графини Айзендорг бурю возмущения), утверждавшая, что скрывшийся с места происшествия вовсе не был незнакомцем – а, напротив, у Элины было с ним любовное свидание, и бежал он, дабы не компрометировать честь девушки. Впрочем, даже сторонники этой версии сходились на том, что свидание носило вполне невинный характер, и бегство было обусловлено только строгостью тарвилонских нравов. Данная гипотеза, правда, тоже не объясняла столь странного выбора места для свидания, но ее сторонники отвечали, что молодые

люди могли гулять по ночному городу, не особо следя, куда несут их ноги. Близко знавшие Элину, однако, не сомневались, что все это чепуха.

Попытка расследования по горячим следам ничего не дала. Стражники, устремившиеся было в погоню, нашли одного из злоумышленников – кровавый след привел их к тому, что лишился руки; потеря крови и болевой шок не дали ему убежать далеко. Однако нашли его уже мертвым – кто-то из своих же добил его, дабы раненый не попал в руки закона и не выдал остальных.

Правду, помимо самой Элины, знал только граф Айзендорг, применивший свое влияние для распространения официальной версии. У отца с дочерью состоялся достаточно тяжелый разговор, в конце которого, однако, Айзендорг сменил гнев на милость и поздравил Элину с боевым крещением.

– Я был на год старше, когда убил своего первого врага, – сказал он. – Этак ты перещеголяешь отца. Только всегда помни, что меч – оружие обоюдоострое: он не только решает проблемы, но и создает их.

Позже в этот же день заглянул принц Артен. Граф к тому времени уже ушел; Элина сидела дома одна и, вопреки обыкновению, не хотела выходить.

– Вы меня обяжете, принц, если не станете требовать пересказа истории, уже известной всем в десяти вариантах, – с порога заявила она.

– Н-да? Вообще-то я хотел поговорить как раз об этом.

– С чего это вдруг в вас проснулся интерес к дракам на презренных железяках?

– Не к дракам, собственно. Я хотел спросить, как вы себя чувствуете после... всего этого.

– Говорите уж прямо – вам любопытно, что чувствуешь, когда впервые убиваешь человека. Так?

– Ну... – смутился Артен.

– Почему бы вам не расспросить кого-нибудь еще – разве их мало? Разве население Роллендаля, за исключением меня, состоит из небесных созданий, падающих в обморок от вида крови?

– Кузина, если вы не в духе...

– Не обращайте внимания, принц, – смягчилась вдруг Элина. – Вы не виноваты. Просто я действительно не слишком хорошо себя чувствую. Никаких сентиментальных глупостей. Тот тип, которого я заколола, напал на меня с оружием в руках и в полной мере заслуживал смерти. Я ни капли не жалею о нем и предпочла бы увидеть на виселице остальных его дружков. То, что я чувствую – это совсем не жалость... это брезгливость. Словно я голой рукой раздавила большое гадкое насекомое. Словно я в чем-то испачкалась и теперь уже не смогу отмыться. Это не значит, что отныне я намерена провести остаток жизни за вышиванием. Если мне снова потребуется убивать, защищая себя или других, я

буду убивать без колебаний. Но в первый раз... это неприятно. И еще... вы понимаете, я привыкла воспринимать Роллендаль как свой дом. Где все меня знают... и неплохо ко мне относятся. Конечно, я знала, что здесь есть кварталы с сомнительной репутацией, что встречаются воры и грабители, что бывают убийства. Но... это было теоретическое знание. А теперь я чувствую себя так, словно мой город меня предал. Да еще всякие идиоты повторяют дурацкие сплетни... Что ж вы не задаете второй вопрос, принц? – Элина вновь с вызовом уставилась на Артена. – Неужели вам не интересно, с кем это я гуляла ночью по улицам?

– Не вижу смысла задавать вопрос во второй раз, – спокойно сказал принц. – Вы ведь отвечали на него стражникам. И граф Айзендорг говорит то же самое.

– Я солгала, – отрезала Элина. – И мой отец тоже солгал, чтобы выгородить меня. Этот человек не был незнакомцем. Его имя известно даже вам. Хотите, чтобы я назвала его? Ну? Хотите?

– Как вам будет угодно, кузина, – пожал плечами Артен.

– Редрих Урмаранд.

Элина ждала, что это имя произведет эффект удара молнии, но принц лишь усмехнулся.

– Так вы говорите, ваш отец знает об этом?

– Я никогда не лгу своему отцу.

– В таком случае, раз с этим может примириться граф Айзендорг, почему это должно волновать меня? Меня вообще мало заботят все эти внутритарвилонские счеты. Да, наверное, отец Редриха был плохим правителем, а мой троюродный дядя Анрих – хороший король, во всяком случае, не худший. А граф Айзендорг вообще благороднейший человек. Но это не значит, что в роду Урмарандов никогда не было достойных людей, а в роду Кандерлиндов – негодяев. И не значит, что не будет впредь. Может быть, через сотню лет в Тарвилоне сбросят тирана Кандерлинда, чтобы возвести на трон благородного Урмаранда. Через триста лет наши потомки, изучая историю, вообще не увидят разницы между этими двумя династиями, воспринимая их противостояние исключительно как борьбу за власть, каковой оно и является на самом деле, а не как борьбу добра со злом, как это пытаются представить сейчас. Можно испытывать враждебность к конкретной личности за конкретные дела, но к роду в целом – это просто глупо.

– Спасибо, кузен. Наконец-то я слышу разумные слова. Но знаете, что меня еще смущает? Вы ведь понимаете, почему мне пришлось врать – не все же рассуждают, как вы. Но... получилось так, что я выставила себя в более героическом свете, чем на самом деле. Будто бы я бескорыстно пришла на помощь незнакомцу. А ведь, на самом деле, это не была даже бескорыстная помощь

знакомому – это была плата за услугу. Я вызвалась проводить его, если он обучит меня боевому приему. Правда, если бы я действительно увидела, как бандиты нападают на незнакомого человека, я бы встала на его защиту... но ведь «если бы» и на самом деле – большая разница?

– Стало быть, именно за этим вы и встречались с Редрихом? Чтобы взять у него урок фехтования?

– А вы могли подумать что-нибудь иное?

– Кузина, – серьезно сказал Артен, – я слишком уважаю вас, чтобы подозревать в чем-то недостойном.

Элина, не найдя что сказать, ответила ему полным благодарности взглядом.

– Что же касается ваших сомнений... – продолжал принц, – достаточно того, что вы поступили здраво. Разумеется, когда давали показания, а не когда отправлялись за этим уроком – это-то как раз было верхом безрассудства. Впрочем, граф Айзендорг наверняка уже высказал вам все по поводу этой авантюры, так что не буду брать на себя труд повторяться. (Элина улыбнулась.) И вообще, в нынешних обстоятельствах встать на защиту Урмаранда – это большее геройство, чем просто заступиться за незнакомца.

– Но ведь я сделала это тайно...

– Перед этим, на турнире, вы сделали это открыто.

Хорошее настроение постепенно возвращалось к Элине. Она знала, что Артен не стал бы говорить утешающие слова только для того, чтобы сделать ей приятное – не такой он был человек. Если он так говорил, значит, он действительно так думал.

– Скажите, принц, – решила она поделиться последним сомнением, – а вам теперь не... неприятно общаться со мной, зная, что я совсем недавно убила человека? Неважно, что заслуженно... сам факт?

– Ну, это довольно необычно, учитывая ваш пол... – знаю, что вы ненавидите упоминания об этом, уж извините – но, зная ваш воинственный нрав, я предполагал, что это когда-нибудь случится. В конце концов, такое иногда происходит даже на турнирах – а случайно убить невиновного куда хуже, чем сознательно прикончить бандита. Нет, мое отношение к вам ничуть не поменялось. Не забивайте себе голову глупостями.

– Спасибо вам, – сказала Элина с облегчением. – Как хорошо, что вы пришли! Мне надо было кому-то все это высказать. Признаюсь вам, перед своим отцом я боюсь показаться недостаточно сильной. Он – прославленный герой, и я хочу быть во всем достойной его. А с вами я могу говорить на равных, как с другом. И, знаете, я теперь поняла, что со мной произошло. Просто этой ночью кончилось мое детство.

Два дня спустя разговоры о ночном происшествии с дочерью графа Айзендорга начали стихать. О молодом герцоге Урмаранде тем более не вспоминали: сразу после турнира он исчез, и никто не знал, куда; полагали, что он поспешил бежать из Роллендаля и Тарвилона, к вящему разочарованию многих самозваных мстителей. Его победа на Большом Турнире – да еще на глазах иностранных гостей – воспринималась как конфуз, о котором лучше поскорее забыть. Теперь горожан волновали просочившиеся из дворца слухи о скором отъезде тургунайского посольства; хотя ряд купцов и заключили уже вожделенные сделки, многие роллендальцы – в том числе и те, что не имели коммерческих интересов, а всего лишь надеялись на пышные празднества в столице – пока что чувствовали себя разочарованными и гадали, не исправится ли ситуация в последние дни. Как вдруг новое чрезвычайное происшествие заставило горожан вспомнить о недавнем ночном инциденте.

Дело было днем. Принц Артен вышел из здания тирлондского посольства и пошел по направлению к дворцу. Он мог бы пролить свет на многие интересовавшие горожан вопросы – если бы, конечно, не понимал необходимости хранить тайну. Его участие в тургунайской экспедиции из призрачной возможности становилось все более реальной перспективой, и, хотя само это обстоятельство наполняло его радостным волнением, принц с неудовольствием чувствовал, как его все более затягивают жернова большой политики. В его отношениях с августейшими родственниками наметился холодок, и впору было ожидать, что не сегодня-завтра ему начнут намекать, не слишком ли он загостился. Впрочем, знай они все подробности, они бы, напротив, постарались удержать принца подольше.

Погруженный в эти мысли, Артен не сразу заметил графа Айзендорга, который, должно быть, только что покинул дворец и шел навстречу. Принц, знавший, что его пребывание в Роллендале подходит к концу и другой возможности может не представиться, решил кое о чем расспросить знаменитого героя.

Он поздоровался с графом, осведомился, не спешит ли тот (граф ответил отрицательно) и, пристроившись рядом, поинтересовался, не приходилось ли Айзендоргу в его странствиях слышать о Тургунае и Зурбестане.

– Вы спрашиваете как Артен или как принц Вангейский? – чуть усмехнулся граф.

– Увы, я бы сам был рад, если бы мог разделить этих двоих, – развел руками Артен.

– У меня нет желания играть с вами в дипломатические уловки... скорее всего, я просто не знаю того, что вас интересует. Я никогда не забирался слишком

далеко к востоку и не только не был в Тургунае, но и живых тургунайцев увидел в тот же день, что и вы. Конечно, мне приходилось слышать, что такая страна существует... но послы принесли нам куда больше сведений, чем эти смутные слухи. Вы-то должны знать, вы ведь активно общаетесь кое с кем из послов.

– Хотелось бы сведений из независимых источников, – сказал принц.

– Мне тоже, – улыбнулся граф.

Беседуя таким образом, они пересекали площадь и должны были уже вскоре углубиться в одну из разбегавшихся от дворца улочек, как вдруг Айзендорг, резко развернувшись, толкнул Артена в грудь. Молодой человек, не успев даже удивиться, рухнул навзничь, ударившись затылком, и тут же на него навалилось тяжелое (в том числе благодаря кольчуге) тело графа. Артен едва раскрыл рот, когда в воздухе что-то тихо свистнуло, а потом тенькнуло о камни мостовой.

– Стража! – рявкнул Айзендорг во всю мощь своих легких, продолжая лежать на Артене. – Стража!

От дворца уже бежали двое солдат. Граф указал им рукой на один из выходивших на площадь домов.

– Что происходит? – наконец слабо спросил полузадавленный принц.

– Лежите и не дергайтесь, – велел Айзендорг. – У них может быть еще стрелок в другом доме.

Пробежали, грохоча тяжелыми сапогами, еще солдаты.

– Щиты! – приказал граф. – Неужели сами догадаться не можете?

Наконец подоспели гвардейцы с длинными, в половину роста, щитами. Под прикрытием этих щитов и закованных в латы стражников граф и принц, наконец, поднялись. Айзендорг поднял с мостовой стрелу и показал Артену.

– Покушение? – запоздало понял принц.

– Нет, всего лишь чья-то милая шутка, – усмехнулся Айзендорг. – Секундой позже вы походили бы на бабочку на булавке, и наш неизвестный шутник, очевидно, находил весьма забавным заставить Тарвилон объясняться с Тирлондом по этому поводу.

Все так же под прикрытием стражников они дошли до дворца.

– Вы спасли мне жизнь, – сказал Артен, постепенно приходивший в себя, – хотя и чуть не вышибли при этом мозги, – он осторожно потрогал затылок, где явно образовывалась приличная шишка. – Признаться, без них моя жизнь потеряла бы всякую прелесть.

– В следующий раз договоритесь с вашими врагами, чтобы покушались на вас там, где мягко, – ответил граф.

Несмотря на упражнения в остроумии, принц, осознавший наконец всю серьезность произошедшего, почувствовал, что его бьет дрожь. Хуже всего была

даже не мысль о том, что он уже мог быть несколько минут как мертв, а понимание, что покушение может повториться.

– Вы уверены, что их целью был именно я? – спросил он с надеждой на обратное.

– Не думаю, что они метились в меня, – качнул головой Айзендорг. – Некоторые из моих врагов, конечно, вполне могут быть до сих пор живы, и не исключено, что кто-то из них может прибегнуть к услугам наемных убийц – хотя это весьма маловероятно, особенно спустя столько лет. Но стрелять в меня днем посреди дворцовой площади, рискуя попасть в иноземного принца и тем вызывая дополнительный переполох – слишком уж глупо. Меня можно было подстеречь в более удобной обстановке; вы же, напротив, редко покидаете дворец, и наличие рядом меня не мешало, а, наоборот, только запутало бы следствие. К тому же... стрелял явно профессионал. Он рассчитывал только на один выстрел. И этот выстрел был направлен точно в вас.

– Но наличие вас им все-таки помешало... как вы вообще поняли?

– Заметил боковым зрением, как блеснул наконечник стрелы в открытом окне. В принципе это могло быть и что-нибудь безобидное... но мои рефлексы сработали, и, как видите, не зря.

– Граф, я не знаю, как вас благодарить...

– Очень просто: расскажите мне, о чем вы шушукаетесь с тургунайцами, – ответил Айзендорг, и было непонятно, в какой мере это шутка.

Из неловкого положения принца вывели вернувшиеся участники погони за злоумышленником. Солдаты тяжело дышали – может, даже слишком тяжело, чтобы подчеркнуть свое усердие, оказавшееся бесполезным. К тому времени, как они ворвались в указанный графом дом, стрелявший уже покинул его. Сам дом принадлежал одному из тарвилонских вельмож, которого уже два дня не было в городе.

Дальнейшее следствие также не дало результатов. Слуги вельможи были напуганы и искренне хотели помочь дознанию – тем паче что в Тарвилоне, как и в других королевствах, закон разрешал пытки – но ничего не могли сообщить. Никто не видел, как злоумышленник проник в дом и как пробрался на чердак, откуда и был осуществлен выстрел – но возможности такие у него были. Дом был велик, имел много дверей и окон и охранялся не слишком хорошо. Сразу после выстрела преступник, очевидно, пробежал чердак насквозь, выскочил на крышу с другой стороны и перепрыгнул на крышу соседнего дома; дальше его след терялся. Свое оружие он бросил на месте преступления; это был мастерски сделанный арбалет, что лишний раз подтверждало тщательную подготовку к покушению. Вернувшийся через день вельможа также не сообщил ничего

интересного; он выразил живейшее возмущение тем, что негодяй проник в его дом, и обещал, что впредь его слуги будут более тщательно запирать двери и ставни.

Два дня в городе только и судачили о череде странных происшествий последнего времени; возникла даже версия, что спутником Элины во время ее загадочной ночной прогулки был принц Артен. На третий же день на роллендальцев обрушилась очередная новость: тургунайское посольство покидало Тарвилон, причем направлялось не на родину, а в Тирлонд. Принц Вангейский возвращался домой вместе с ними.

В обоих этих фактах не было ничего необычного. Вполне естественно, что посланцы Востока не ограничивали свое знакомство с Западом лишь одним королевством; закономерен был и отъезд принца, для которого пребывание в Роллендале, и без того уже затянувшееся сверх обычного, стало попросту небезопасным. Тем не менее, городские умники с глубокомысленным видом сказали «Ааа!» – что означало «ну теперь-то нам все ясно!» На самом деле им не было ясно ровным счетом ничего.

Четырнадцать свечей озаряли подвальную комнату. Четырнадцать человек в белых мантиях сидели вокруг стола. Это число не было постоянным – обычно их собиралось здесь меньше, но благодаря восточному посольству им удалось съехаться в одном месте, не привлекая внимания.

– Это неспроста, братья, – говорил один из них. – За несколько дней – два покушения, и оба на наших кандидатов.

– Ну, покушение на Редриха вполне прозрачно, – отозвался другой. – Месть пострадавших при Урмарандах...

– Разве видеть скрытую суть за внешней ясностью – это не азы Мастерства?

– Но кто, кто это может быть? – третий едва удержал свою интонацию от восклицания, которое поколебало бы пламя. – Никто из профанов не знает наших планов. Тогда что же, это один из нас? Но он не смог бы этого скрыть. Мы все в равной мере владеем Мастерством.

– Предположим, – спокойно сказал четвертый, – что среди нас есть некто, превосходящий остальных в Мастерстве и скрывший это.

Сразу у нескольких свечей дрогнули огоньки.

– Новый Отрицающий?

– Да. Скажете – не та эпоха? Так ведь ниоткуда не следует, что Отрицающий не может появиться в такую эпоху.

– Если это так, то он еще более безумен, чем его предшественники... – пробормотал третий.

– Многие из наших предшественников сочли бы безумцами нас, – ответил первый.

– Но что же нам делать, если это правда?

– Если Отрицающий среди нас, и если по каким-то причинам он пытается нам помешать, то, отказавшись от своих планов, мы сделаем ему лучший подарок, – рассудил четвертый. – Значит, мы должны продолжать. Раз он скрывается, значит, вместе мы сильнее. И важно лишь не пропустить момент, когда он откроется.

– Я хочу обратиться к нему, – сказал третий. – Одумайся, брат! Одумайся, пока не поздно! Вспомни, чем это всегда кончалось, и подумай, ЧТО стоит на кону сейчас.

Естественно, ответом ему было молчание.

– А может быть, – произнес пятый, – это вовсе не Отрицающий? Может, среди братьев есть те, кто, как и все мы, радеет о судьбе общего дела, однако считает себя мудрее других и хочет устранить неподходящего кандидата? Беда лишь в том, что один считает неподходящим Редриха, а другой Артена.

– Это неразумно. Если их возможности равны нашим, мы сможем это выяснить, – возразил первый.

– Может быть, на то и расчет, что мы сочтем такое неразумным и не станем проверять.

– Меж тем проблема-то как будто решилась сама собой, – проворчал шестой. – Мы так и не можем найти Редриха. Остается Артен.

– Ничто не постоянно, – ответил четвертый. – А сейчас предлагаю провести проверку. Не думаю, что она что-то даст, но...

Перед самым отъездом Артен, все это время проведший в своих апартаментах, забежал проститься с Элиной. Двое гвардейцев из его охраны остались ждать снаружи.

– Кажется, мы поменялись ролями, – грустно усмехнулся он. – Теперь вы можете расспрашивать меня, каково это, когда на тебя впервые покушаются.

– Мне ужасно жаль, кузен. Бой лицом к лицу – это еще куда ни шло, но подлая стрела исподтишка... Я не узнаю Роллендаль. Конечно, здесь и раньше случались скверные дела, но 8 лет, что я здесь прожила, были годами мира и спокойствия...

– Может быть, Роллендаль не так уж и виноват. Здесь сейчас слишком много чужих, из-за этого посольства... Тирлонду надо учесть этот урок. Но главное, я не понимаю – кому это могло понадобиться? У короля Гарлонга двое взрослых сыновей, причем у старшего – свой маленький сын, да и у младшего, наверное, скоро будет. Только если бы что-то случилось с ними всеми, престол перешел бы к моему отцу, а после него – к моему старшему брату, тоже уже женатому. И

только после него, умри он бездетным, очередь дошла бы до меня. Неужели кто-то всерьез считает, что у меня есть шансы стать королем?

– Может быть, дело не в этом?

– А в чем?

– Принц, – вздохнула Элина, – вы ведь все равно не расскажете, что вы там затеваете с тургунайцами?

– Увы, кузина, мне чертовски неприятно что-то от вас утаивать, но эти проклятые государственные интересы...

– Правда, что вы отправляетесь в какую-то экспедицию?

Артен чуть не поперхнулся.

– Откуда вы знаете?

– У меня тоже могут быть свои маленькие тайны, – лукаво улыбнулась Элина.

– Это серьезней, чем вы думаете! Если сведения просочились... Может быть, этот ваш информатор причастен к покушению!

– Нет! Это совершенно невозможно. Поверьте мне. Вы бы сами рассмеялись, если бы знали... но я дала слово не выдавать... мой источник. Да и сами посудите, с какой стати заговорщикам что-то сообщать мне?

– Не знаю. Все это так запутано... всегда ненавидел политику. Право же, кажется, в экспедиции я буду в большей безопасности, чем здесь или дома.

– Как бы мне хотелось поехать с вами... – мечтательно произнесла Элина.

– Вам мало роллендальских приключений?

– Мало! – горячо воскликнула графиня Айзендорг, в секунду отбрасывая недавнюю меланхолию. – Я и не заметила, как меня засасывает обывательское благополучие. Я полжизни провела в военных походах, а теперь вздыхаю об утраченной эпохе мира и спокойствия. Скоро такими темпами превращусь в благовоспитанную девицу из высшего общества, буду носить платье и танцевать на балах, слушая глупые комплименты, – Элина состроила гримасу, красноречиво выражавшую ее отношение к подобному образу жизни. – Мне нужны неизведанные дали, вольный ветер и стук копыт!

– Очень поэтично, – хмыкнул принц. – Вообще-то, кузина, если бы это зависело от меня, я был бы рад иметь такого спутника, – он намеренно не сказал «спутницу». – Но... ни Тургунай, ни Тирлонд не захотят подключать к этому делу еще и третью страну.

Кто-то вежливо, но решительно постучал.

– Ваша светлость! – донесся из-за двери голос гвардейца. – Пора ехать!

– Видите, кузина, даже здесь я не властен, – развел руками Артен. – Все тургунайское посольство не может ждать одного меня. Ну что ж, прощайте. Боюсь, теперь мы увидимся нескоро.

– Обещайте, что напишете мне перед отъездом.

– Непременно.

– Удачи вам.

– Спасибо, она мне пригодится.

Принц вскинул руку в прощальном салюте и вышел. Элина опустилась на стул. Ей было грустно – никогда прежде она не чувствовала такой грусти при расставании. Может быть, потому, что теперь Артен мог и не вернуться? Совсем. Никогда...

С растущим удивлением Элина поняла, что к ее глазам подступают слезы. Такой подлости от своей натуры она не ожидала! Дочь графа Айзендорга в ярости вскочила, схватила меч и устроила прямо посреди комнаты бешеный бой с тенью.

Прибытие ханского посольства в город Тирлонд (в отличие от Тарвилона, соседнее королевство называлось по имени своей столицы) не вызвало того же ажиотажа, что в Роллендале три недели назад. Хотя было и торжественное шествие, и толпы зевак, и горожанки, визжавшие при виде зубастых чудовищ – все это уже не имело аромата новизны и тайны. Многие тирлондцы из числа знати и торговцев уже имели дело с пришельцами в Тарвилоне, другие были премного наслышаны о них и понимали, что никаких особых чудес не предвидится, что послы со своими слугами наглухо запрутся за стенами королевского дворца, где будут идти тайные переговоры с властями, а чужеземные торговцы проявят чрезвычайную разборчивость, к тому же многие выгодные сделки уже перехвачены в Роллендале.

Тирлондский двор меж тем со всем энтузиазмом старался наверстать упущенное из-за большей расторопности соседей. Король Гарлонг поначалу даже не понял важности проекта совместной экспедиции, считая его незначительной частностью на фоне глобальных договоров о торговле и сотрудничестве. Тургунайцы, в свою очередь, заинтересованы были поддерживать его в этом заблуждении, однако принц Артен спутал им карты, разъяснив своему дяде, о чем, собственно, идет речь. Тот не то чтобы сразу ему поверил – ибо, подобно многим владыкам эпохи меча, считал занятия наукой блажью, недостойной члена правящего дома – однако на всякий случай поручил своим советникам, в число коих, конечно, входил и придворный маг, подготовить отчет о Зурбестане. Ознакомившись с отчетом, Гарлонг понял, что, если легенды не врут, то успех экспедиции может дать Тирлонду оружие, равного которому нет на всем континенте – и его тон в разговоре с тургунайцами резко переменился. И хотя последние по-прежнему пытались делать вид, что речь идет о малозначительном частном вопросе, имеющим более познавательную, нежели практическую

ценность, эта тема вызвала, как и предвидел принц, наибольшие затруднения на переговорах. Гарлонг, желая обеспечить гарантии Тирлонду, поначалу настаивал на посылке в Зурбестан чуть ли не целой армии; тургунайцы в ответ предлагали благороднейшему монарху наказать переводчика, который дурно справляется со своими обязанностями, ибо то, что они услышали, не может, конечно же, соответствовать словам мудрейшего владыки Тирлонда. Мудрейший владыка, привыкший к рыцарской прямоте и проклинавший цветистость восточной дипломатии, заявлял, что не позволит водить себя за нос, и сокращал-таки предполагаемую численность солдат до одного полка. Тургунайцы в ответ давали понять, что здесь явно какое-то досадное недоразумение, ибо они, собственно, оказывают Тирлонду услугу, приглашая, в знак дружбы и добрых намерений, тирлондских представителей участвовать в географической экспедиции, но, если подобные экспедиции для достойнейшего королевства малоинтересны и обременительны, то они, конечно же, не смеют настаивать. Гарлонг, не понимавший толком, зачем вообще тургунайцам понадобилось участие Артена и насколько оно для них критично, вынужден был вновь отступать...

Принц, собственно, и сам не до конца понимал свою роль в этом деле. Он знал, что когда-то пророчества и проклятия имели бóльшую силу, чем все указы современных королей, однако его рационалистический ум решительно восставал против подобных вещей в нынешние времена. Нехотя признавая, что остатки магии еще способны на какие-то фокусы, он находил совершенной дикостью рассматривать их как фактор, влияющий на большую политику. Рандавани представлял дело так, словно роль принца была едва ли не чисто символической – присутствие человека, удовлетворяющего трем условиям пророчества, должно было вселить веру в успех экспедиции даже в заядлых скептиков. Но будь это и вправду так, тургунайцам не понадобился бы иноземный принц со всеми сопутствующими проблемами – для его роли подошел бы любой бродячий актер. Выходило, что легенды все же принимаются всерьез. Как-то раз Артен даже задумался, не может ли все тургунайское посольство быть прикрытием для главной цели – заполучить его для зурбестанской экспедиции, однако отверг эту мысль как совершенно нелепую. Даже если предположить, что государство, расположенное на другом конце огромного континента и веками не имевшее связей с Западом, располагало настолько обширными сведениями об Артене, чтобы сделать вывод о его соответствии магическим условиям, и правитель государства во все это верил – неужели нельзя было найти кого-нибудь поближе? Да вырастить собственного принца, подходящего под условия, в конце концов... Правда, это лишние несколько лет (но не так уж много, ведь магии начинают обучать не с рождения, да и в пророчестве не говорится, что принц должен быть

взрослым), зато не пришлось бы делиться зурбестанскими секретами с кем-то еще. А что, однако, если у ханства просто нет этих нескольких лет? Проходы в горах открылись недавно, а Тургунай – не единственная страна на Востоке... Поразмыслив еще, принц решил, что если не зацикливаться на собственной персоне, а считать поиск подходящего принца на Западе одной из задач посольства – не единственной, но, возможно, одной из главных – то все становится куда более правдоподобным. В пользу этого предположения говорил и весьма неприятный аргумент: обмануть западное королевство, уничтожить его представителей и свалить это на несчастный случай в горах было для ханства куда легче и безопаснее, чем поступить таким образом со своими соседями... От подобных мыслей, разумеется, принцу становилось весьма неуютно, и он, обычно относившийся к возне политиков с высокомерием ученого, на сей раз возлагал малодушно большие надежды на таланты своего дяди, который обеспечит гарантии безопасности тирлондцам. Но даже и в такие минуты слабости Артену не приходила в голову мысль отказаться от участия в экспедиции и лишить себя шанса приобщиться к древнему знанию – возможно, величайшему в современном мире, и не утратившему истинности, в отличие от магических премудростей. Всякий настоящий ученый согласился бы рискнуть жизнью ради такого знания – согласен был и Артен.

Наконец тирлондский двор и ханские послы пришли к соглашению. От Тирлонда в экспедицию, помимо принца Артена Вангейского, отправлялось несколько ученых и искусных ремесленников, а также три сотни солдат. Решено было, что участники экспедиции с обеих сторон составят совместный отчет (естественно, к солдатам это не относилось) и представят его обоим монархам, после чего уже, собственно, будет решен вопрос о дележе трофеев. Оговаривалось, однако, что Тирлонд не будет претендовать более чем на десятую часть находок и отказывается от каких-либо территориальных притязаний на Зурбестан. Король Гарлонг чувствовал себя обведенным вокруг пальца, ограбленным и связанным по рукам и ногам, но ничего не мог поделать.

Были, разумеется, подписаны и другие соглашения, не имевшие отношения к экспедиции. Все это было обставлено такой таинственностью, что известие об окончании миссии послов стало неожиданностью даже для Артена. После Тирлонда тургунайцы не собирались посещать еще какие-нибудь королевства Запада, а направлялись прямиком на родину. Вместе с ними должны были отправиться и участники экспедиции.

Принц узнал об этом накануне. В очередной раз выругавшись про себя относительно политиков и их секретов, он сел писать письмо Элине, хотя и понимал, что не успеет получить ответ. Памятуя, однако, об обязанностях,

накладываемых его положением, он зашифровал письмо кодом, который они с Элиной придумали еще в детстве. Код был простой по своей идее, однако вполне надежный: каждой букве сопоставлялся ее номер в алфавите, и номера букв текста складывались с номерами букв известной обоим ключевой фразы; если получалось число больше 28 – количества букв в алфавите западных королевств – из него вычитали 28. Затем обратно заменяли получившиеся числа буквами с соответствующим номером. Закончив, принц воспользовался привилегиями своего положения и отправил с письмом срочного гонца.

На другой день после полудня караван отправился в путь. Столицу он покинул столь же торжественно, как и вступил в нее, но уже в предместьях преобразился, перестроившись в простой походной порядок. Исчезли парадные доспехи, трубы и знамена, золото и драгоценные камни; даже посол ир-Забих покинул своего ящера и ехал в одной из повозок, а гигантская рептилия теперь весьма прозаически везла на себе товары Запада (равно как и верблюды, двое из которых перекочевали ныне в зверинцы Роллендаля и Тирлонда). От столицы тургунайцев и ехавших с ними (тайно, в закрытых повозках) тирлондцев сопровождал лишь небольшой конногвардейский отряд; основная часть тирлондских трех сотен должна была присоединиться позже, дабы не привлекать лишнего внимания.

Принц ожидал, что вечером они остановятся на ночлег, но этого не произошло. Караван шел всю ночь; только теперь Артен понял, почему они выступили в путь во второй половине дня. В конечном счете молодой человек заснул в своей повозке и проснулся только утром, когда караван остановился в одной из тирлондских крепостей. Здесь они должны были отдохнуть и дождаться остальных солдат. Во втором часу пополудни конные сотни прибыли, и караван продолжил свой путь на восток.

На четвертый день пути они подошли к первым отрогам Тарпанских гор. Здесь кончались владения тирлондской короны. В последней из пограничных крепостей сделали особо долгую остановку, ибо отныне караван перестраивался на обычный ритм – днем дорога, ночью отдых. Здесь начинались менее цивилизованные – во всяком случае, по мнению жителей Западных королевств – области, так что нужды в политической конспирации больше не было, зато ночные переходы становились менее безопасны.

Утром пятого дня крепость осталась позади. Принц, как, впрочем, и большинство сопровождавших его соотечественников, впервые в жизни пересекал восточную границу.

Было начало погожего летнего дня. В сочно-голубом небе не было ни облачка; солнце, сияя, точно надраенное, поднималось над заросшими лесом горами. В прозрачном воздухе далеко видны были любые детали, и кое-где на склонах среди

зеленой пены крон и проплешин лугов можно было разглядеть каменные башенки. Там, в горах, обитали гордые и независимые племена, не то чтобы воинственные и кровожадные, однако не признававшие власти западных королей и ставившие лихость и удаль выше законов. Одинокий путник вполне мог рассчитывать на их гостеприимство; ему предоставили бы стол и кров, не спрашивая, кто он и откуда, и не требуя платы за постой. Однако табунщики, перегонявшие лошадей, или торговые караваны имели все основания опасаться разбойных набегов со стороны горцев.

Однако принцу не хотелось в такое утро думать об опасностях. В обычной своей жизни он большую часть ночи проводил за книгами и по утрам, как правило, спал; к тому же вся его жизнь прошла в столице, которую он, не будучи любителем охоты и других подобных забав, покидал крайне редко – разве что для поездок в другие города. И теперь непривычное для горожанина удовольствие от созерцания бескрайних и вольных просторов мешалось в нем с возбуждением от осознания, что он впервые по-настоящему покинул родительский дом, и радостным предвкушением грядущих открытий. В таком состоянии Артен менее всего был склонен анализировать возможные проблемы; ему хотелось просто ехать, высунувшись в окно повозки (он даже почти жалел, что не научился как следует ездить верхом), ощущать тепло солнца на своей коже, слушать монотонный звон цикад и вдыхать ароматы степных трав и горных цветов.

Блаженствуя таким образом, он даже не заметил, что в караване возникло какое-то беспокойство – до тех пор, пока один из солдат не подъехал вплотную к повозке и не нагнулся к окну.

– Ваша светлость, гонец из столицы!

Караван остановился. Принц вышел из повозки и направился к ожидавшему его гонцу в запыленной одежде. То, что посланник ожидал в стороне, говорило о важности и конфиденциальности известия.

Артен принял из его рук свернутую в трубку грамоту, обратив внимание на скреплявшую шнуры официальную королевскую печать. Принц хотел уже сорвать ее, но взглянул еще раз на озабоченное лицо гонца и решил, что тому тоже что-то известно.

– Что-нибудь случилось? – спросил он повелительным тоном.

– Наш благородный король и ваш августейший дядя скончался от сердечного удара, – тихо ответил посланец.

Принц удивленно присвистнул, что было, конечно же, ужасным нарушением этикета.

– Выходит, на троне теперь мой кузен Лодвинг? И это письмо от него?

– Так точно.

Принц лихорадочно размышлял. Он не испытывал особых симпатий к дяде, и само по себе это известие оставило бы его равнодушным, не будь смерть короля столь подозрительно внезапной. Особенно подозрительно это выглядело в свете имевшего место покушения на самого принца. Что же произошло на самом деле, и что хочет Лодвинг? Что, если он счел тургунайские условия неприемлемыми и хочет теперь пересмотреть договор? Покойный король не был гением, однако долгие годы на престоле Тирлонда научили его, что политика – это искусство компромисса; Лодвинг же молод и горяч... (думал с осуждением Артен, который был на пять лет моложе своего взошедшего на трон кузена). Может быть, конечно, что в письме сказано что-то иное, но если Лодвинг не собирается мешать экспедиции, какой смысл было посылать вдогонку это послание, не зная даже, успеет ли оно настигнуть адресата? Только для того, чтобы Артен вовремя оплакал дядюшку? А вдруг в письме содержится предупреждение об опасности? Но если он сорвет печать, обратной дороги уже не будет...

– Когда это случилось?

– Позавчера.

– Ты, должно быть, очень спешил? – спросил Артен, глядя на пыль, покрывавшую одежду и лицо гонца.

– Я загнал четырех коней, ваша светлость.

– Как жаль, что столько усилий пропало даром, – сказал принц и полез в карман.

– Не понимаю, ваша светлость, – удивился посланец.

– Твой пятый конь тебя подвел. Он споткнулся, когда ты уже миновал границу. Ты упал и провалялся без сознания несколько часов. К тому времени, как ты придешь в себя и доберешься до форта, посылать нового гонца станет уже поздно. Ведь неизвестно, какую дорогу мы изберем теперь, – говоря это, принц взял гонца за руку и вложил ему в ладонь несколько золотых монет.

– Но... – ошарашенно пробормотал солдат.

– Мои люди тебя не видели. И я тоже, – принц сжал гонцу кулак с деньгами и сунул ему в другую руку нераспечатанную грамоту.

– Слушаюсь... ваша светлость.

– И правильно делаешь. Ну, ступай.

Гонец влез на коня (которому предстояло вскоре сломать ногу и погибнуть от милосердного удара мечом для достоверности легенды), а принц вернулся к каравану и подошел к капитану, командовавшему тирлондскими гвардейцами.

– Дело государственной важности. Никакого гонца не было.

– Понимаю, – наклонил голову офицер. – Что передать тургунайцам?

– Ничего серьезного, мы продолжаем путь.

«Все-таки быть принцем иногда неплохо», – подумал Артен, занимая свое место в повозке.

Тракт заворачивал к югу, в обход гор. Существовали и другие пути, через ущелья и перевалы, но, несмотря даже на мощный вооруженный эскорт каравана, они не выглядели особенно надежными; тирлондские офицеры и тургунайцы были в этом единодушны.

Таким образом, караван повернул к югу. Горы тянулись теперь слева, и принц, уже насмотревшийся на них, выглянул в правое окно. Мысль о том, что он видит земли Запада в последний раз («не в жизни, конечно» – поправлял себя принц) должна была, казалось бы, наполнить его душу печалью и тревогой перед неизвестным; однако, несмотря на все опасности, несмотря даже на оставшееся нераспечатанным послание Лодвинга, Артен не чувствовал ничего, кроме радостного возбуждения; ему, напротив, хотелось, чтобы эти земли как можно скорее остались позади, а то, чего доброго, объявятся еще какие-нибудь гонцы.

И словно в ответ на эту мысль Артена вдалеке, еще до поворота дороги, показалось облачко пыли. Некоторое время принц всматривался в него, все еще надеясь, что ему лишь мерещится, но вскоре стало ясно, что кто-то скачет во весь опор, догоняя караван. Заметили это и солдаты; некоторые из них решили, что возвращается первый гонец, другие возражали, что это наверняка новый, но один из трех лейтенантов, помня полученный от капитана наказ принца, прикрикнул на них, и солдаты прикусили языки.

Теперь уже очевидно было, что это новый гонец: его лошадь была гнедой, в то время как первый конь был вороной масти. Принц ощутил острое желание, чтобы эта лошадь действительно сломала ногу, а всадник вылетел из седла и потерял сознание. Впрочем, это бы уже не помогло – солдаты осмотрели бы упавшего. «Однако, может быть, это вовсе и не гонец, – подумал Артен. – Может, просто одинокий путник заметил наш караван и спешит догнать, полагая, что ехать вместе с нами безопаснее. Однако что-то он слишком резво спешит...»

Наконец копыта застучали уже совсем рядом. Принц потерял приближавшегося всадника из вида за повозками, однако заметил, как трое солдат устремились ему навстречу. Похоже, они сделали это недостаточно расторопно, ибо вновь прибывший был уже рядом.

– Что вам угодно, суд... – недружелюбным тоном начал один из солдат и удивленно поперхнулся: – сударыня?

– Мне угодно видеть принца Артена Вангейского! – услышал принц знакомый звонкий голос.

Прежде, чем солдат успел ответить, что никакого принца здесь нет, Артен уже высунулся из повозки и велел возничему остановить.

– Кузина, я, конечно, рад вас видеть, но если вы...

– Нет-нет, принц, я вовсе не надеюсь увязаться за вами, – ответила Элина, спрыгивая с коня. – Я уже не ребенок и понимаю, что можно, а что нельзя. Но я подумала, что перед столь дальней дорогой надо все-таки попрощаться.

– Скольких лошадей вы загнали? – усмехнулся Артен.

– Ни одной. Правда, три раза меняла их. Я рассчитала, что успею перехватить вас в районе границы.

Они отошли в сторону от остановившегося каравана.

– Слышали последние тирлондские новости? – осведомился принц.

– Нет. В последнем городке, где я останавливалась, самой большой новостью был ваш караван.

– Мой дядя Гарлонг приказал долго жить.

– О... мои соболезнования.

– Пустое, мы с ним никогда не были близки. Но мне бы чертовски хотелось знать, от чего он на самом деле умер и что за каша заваривается сейчас в Тирлонде.

– Увы, ничем не могу помочь. Значит, тот человек, который при виде меня шарахнулся со своим конем в степь, был гонцом, доставившим вам это известие?

– Да. Но вам лучше о нем забыть. Как и о том, что о смерти Гарлонга вы узнали от меня.

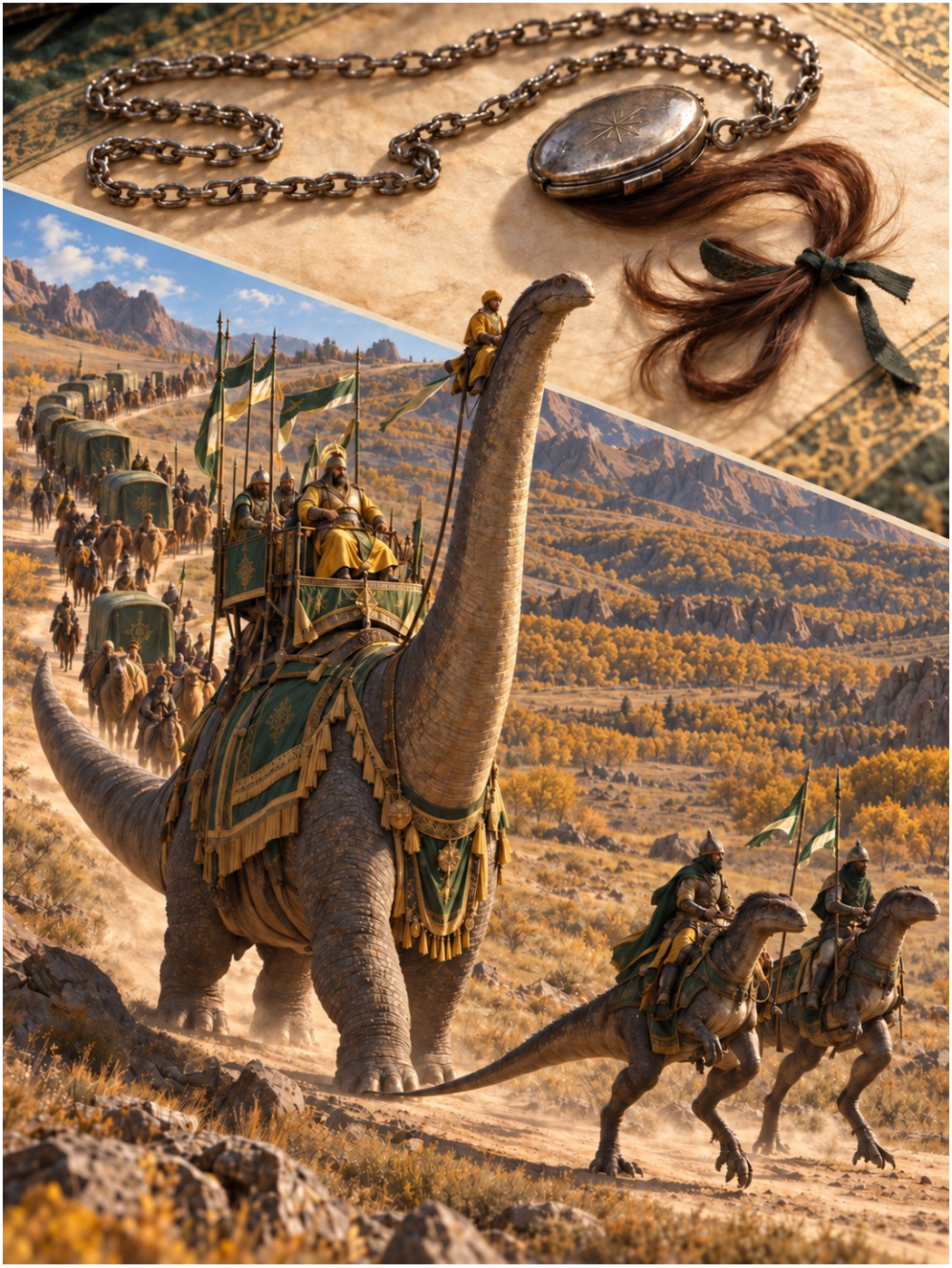
– Политика, политика... – пробормотала Элина. – Иногда мой отец говорит, что те 12 лет, когда он мог себе позволить не думать о политике, были лучшим временем в его жизни. Мы так и будем обсуждать эту тему?

– Я бы с удовольствием побеседовал на другие, но вы же видите, караван ждет. Так что давайте, действительно, прощаться.

– Вообще-то, кузен, я скакала несколько дней не только для того, чтобы лишний раз пожелать вам удачи. У меня есть и конкретная просьба. Мне хотелось бы получить прядь ваших волос. Нет-нет, не думайте, что тут какие-то сентиментальные глупости! – поспешно воскликнула Элина, видя выражение лица принца. – Дело сугубо практическое. Вы же знаете, я училась магии. Пользы от этого немного, но все-таки... если у меня будут ваши волосы, и вы... вам потребуется помощь, я буду знать.

– Не уверен, что это сработает, – пожал плечами принц, – к тому же, когда мы будем за тысячи миль от Роллендаля и Тирлонда, вряд ли кто-нибудь с Запада сможет нам помочь. Но если вы так хотите, почему бы и нет. Надеюсь, вы не собираетесь делать это мечом? – улыбнулся Артен.

– Нет-нет. У меня с собой ножницы. Специально прихватила для этого случая... Не бойтесь, я аккуратно отрежу и не попорчу вам прическу...

– Прически меня волнуют меньше всего, – ответил Артен, сознавая, что несколько кривит душой – ходить с выдранным клоком волос ему бы все-таки не хотелось.

– Ну вот и все, – Элина перетянула срезанные волосы ленточкой и спрятала в карман.

Они посмотрели друг на друга.

– Мне пора, – сказал принц. – Прощайте, кузина.

– Прощайте, Артен. И будьте там поосторожней.

– Кто бы говорил! – усмехнулся принц.

– Отец всегда учил меня не путать смелость с безрассудством, – возразила Элина.

– Надеюсь, вы сами усвоили его уроки. Не нравятся мне последние события в Роллендале и Тирлонде... Впрочем, – оборвал он себя, – так мы никогда не закончим. Прощайте уже окончательно.

– До встречи, принц!

Артен повернулся и зашагал к повозкам, а Элина вскочила в седло. Один из лейтенантов встретил принца понимающей улыбкой – должно быть, он разглядел манипуляции Элины с ножницами и истолковал их именно в том смысле, от которого графиня предостерегала Артена. Молодой человек захотел в резком тоне объяснить лейтенанту, что все это чепуха, но понял, что, оправдываясь, поставит себя в еще более глупое положение. Он сел в повозку и сердито приказал трогаться.

Заскрипели колеса, глухо застучали по земле копыта лошадей, послышались гортанные выкрики погонщиков верблюдов. Караван продолжал свой путь навстречу неизвестности. Принц не удержался и выглянул в выходившее на запад окно, где видна была удалявшаяся фигурка всадника на гнедом коне. Артен следил за ней, пока она не растаяла вдали.

Часть вторая

Дорога на Тургунай

Прошло три месяца с тех пор, как ханское посольство покинуло Тирлонд. Осень вступала в свои права; листва на деревьях пожелтела, и по ночам было холодно, но дни все еще стояли теплые и погожие – последняя агония умирающего лета. Сенсации и тайны конца весны уже во многом изгладились из памяти рядовых тарвилонцев и тирлондцев, привыкших жить сегодняшним днем. В начале лета, конечно, не было такого трактира, рынка, домика ремесленника или дворца вельможи, где не обсуждали бы свежие события. Внезапная смерть короля Гарлонга сама по себе вызвала много слухов; припоминали произошедшее до того покушение на его племянника, кто-то упомянул в этой связи и имя Урмаранда, хотя в этом не было логики – у Урмарандов не было причин мстить королевской семье Тирлонда. Когда же на похоронах короля обнаружилось отсутствие принца Вангейского, это придало разговорам новый импульс; кто-то кстати вспомнил и довольно-таки спешно покинувшее город тургунайское посольство, и дошедшие из окраинных городов слухи о том, что вдали от столицы посольство сопровождал необычно большой конвой. Но даже те, кто связал эти вещи воедино и сделал вывод, что принц Артен вместе с посольством отправился на восток, не шли дальше предположений о тайной дипломатической миссии (удивляясь, впрочем, что ее доверили столь молодому человеку). Большинству жителей Тирлонда, равно как и Роллендаля, слово «Зурбестан» не сказало бы ничего; остальные припомнили бы легенду о темных жрецах, поверженных благородными магами – защитниками мира (удивительно, что несмотря на резко изменившееся отношение к магии в эпоху ее падения, легенда сохранила прежнюю расстановку акцентов) – однако никому не пришло бы в голову связывать старинные байки с современными реалиями. Никому, кроме совсем уже небольшого круга лиц.

Время, однако, шло, а ничего нового не случалось, и разговоры постепенно утихли. В середине лета разразился мятеж в одной из стран на севере, потом дошли сведения о войне на западе – но все это было далеко и ни Тарвилона, ни Тирлонда не касалось. Сейчас горожан больше всего интересовал грядущий Праздник Урожая – праздник этот, по происхождению своему сельский, широко отмечался в столицах обоих королевств.

В один из таких осенних дней – вернее, в одну из ночей – Элина, как обычно, спала в своей комнате на втором этаже дома Айзендорга. Ей снился на редкость

скучный сон – она сидела в комнате для занятий, и учитель обучал ее придворному этикету. За окном сияло солнце и пели птицы, но Элина вынуждена была сидеть и слушать учителя с его противным, приторным от вечного лицемерия голосом. При этом она понимала, что ей уже 16 и в посещении этих уроков нет никакой необходимости, однако почему-то не могла просто встать и уйти. От скуки она начала вслушиваться в бубнеж учителя и обнаружила, что тот повторяет одну и ту же фразу.

Внезапно все переменилось. Исчез учитель, исчезла классная комната, погасли краски дня. Элина видела внутренность полотняного шатра, освещенного тусклым светом масляной плошки. Какой-то человек спал на тюфяке, укрывшись одеялом; он отвернулся к стене, и Элина не видела его лица. С этой спокойной картиной контрастировали крики и звон оружия, доносившиеся снаружи – и становившиеся все ближе. Спящий беспокойно заворочался, и в тот же миг, откинув полог шатра, внутрь ворвался воин с мечом в одной руке и факелом в другой. Всполохи и тени заметались по стенам шатра.

– Ваша светлость, измена!

Человек сел, откинув одеяло и, кажется, еще не вполне понимая, что происходит. Элина увидела, что это принц Артен. Солдат, разбудивший его, судя по всему, принадлежал к тирлондской гвардии.

– Что такое? – воскликнул принц, натягивая сапог. – Где Рандавани?

Совсем близко раздались воинственные вскрики, но их пресек старческий, но властный голос: «Стойте! Прекратите!» В следующий момент, путаясь в полах наскоро надетого халата, в шатер с необычной для его возраста прытью вбежал седобородый старик, в котором Элина узнала одного из послов, частого собеседника принца Артена. Двое следовавших за ним тургунайских солдат ощетинились мечами при виде тирлондского гвардейца.

– В чем дело, принц? – старик говорил не на языке Запада, но Элина каким-то образом его понимала. – Почему ваши люди убивают моих?

– То же самое я хотел бы выяснить у вас, – ответил Артен, заканчивая одеваться. Видно было, что он сильно испуган, но старается держать себя в руках.

– Хан не отдавал такого приказа. Кажется, здесь какая-то роковая ошибка. Мы должны немедленно прекратить это, – сказал Рандавани.

Принц недоверчиво смотрел на двух тургунайцев с обнаженными мечами. Рандавани обернулся к ним и отдал какую-то команду, которую Элина на сей раз не поняла. Те нехотя сунули оружие в ножны. Тогда Артен велел тирлондцу сделать то же самое.

Лязг оружия послышался совсем близко. «Принц, спаса...» – отчаянно крикнул кто-то снаружи, и крик оборвался хрипом. Несколько стальных клинков разом

вспороли стены шатра. Солдаты, только что убравшие оружие, вновь схватились за рукояти мечей, но не успели их вытащить и тут же были зарублены. Ворвавшиеся в шатер – это были воины Востока – переступили через трупы и окружили Артена и Рандавани, держа наготове окровавленные мечи.

В этот момент Элина проснулась. Она сидела на постели, тяжело дыша, ее волосы слиплись. Девушка сунула руку под подушку и извлекла медальон с волосами Артена. Ей показалось, что от медальона исходит пульсирующее тепло.

Элина даже не пыталась убедить себя, что это всего лишь сон. Ее познаний в магии было вполне достаточно, чтобы понять – все увиденное произошло на самом деле. Где-то далеко на востоке в эти самые минуты Артен подвергался смертельной опасности. Может быть... уже был убит.

Элина действовала скорее автоматически, чем сознательно; ею все еще владели остатки магического транса. Она оделась, застегнула пояс с мечом, однако, натянув чулки, не стала сразу обувать сапоги, а взяла их в руку и на цыпочках сбежала по лестнице. Прошло совсем немного времени, и она уже колотила в дверь дома Зендергаста; весь путь она проделала бегом.

Маг не открывал очень долго; у Элины было время, чтобы прийти в себя окончательно и осознать, что глубокая ночь – не лучшее время для визитов. Однако она не отступилась от своего намерения и продолжала стучать.

Наконец Ральтиван отворил ей. Он был полностью одет, считая ниже своего достоинства появляться перед нарушителем спокойствия в затрапезном виде. Элина приготовилась выслушать его возмущенные реплики, однако Зендергаст уже и сам понял, что его не стали бы столь настойчиво поднимать с постели без серьезной на то причины.

– Что случилось? – только и спросил он.

Элина, все еще учащенно дыша после быстрого бега, в нескольких словах пересказала ему свой сон. Зендергаст нахмурился. Похоже, происходящее обеспокоило его не намного меньше, чем Элину.

– И вы хотите, чтобы я узнал побольше, – утвердительно сказал он.

– Да.

– Хорошо. Давайте медальон.

– Я думала, я сама с вашей помощью... как в прошлый раз...

– Нет. Теперь у нас есть волосы, и я могу получить сведения напрямую. Вы были бы только помехой.

Познания Элины в области магии позволяли ей в этом усомниться, однако она пожала плечами и протянула медальон. Зендергаст велел ей подождать, а сам удалился в ту комнату, которую использовал для колдовства в прошлый раз.

Он отсутствовал долго, не менее получаса. Элина уже совсем извелась, когда Ральтиван вернулся. В полумраке трудно было разглядеть выражение его лица.

– Они живы, – сказал он.

– Они? – Элина в эту минуту думала только об Артене.

– Принц и посол ир-Рандавани. Их взяли в плен.

– Кто?

– Нападавшие выглядят, как воины Тургуная, но при этом тургунайцы, защищавшие экспедицию, перебиты, также как и тирлондские солдаты. Похоже, что многие из них убивали друг друга, сбитые с толку напавшими. Трудно сказать, что произошло. Возможно, какой-то заговор, может быть, переворот в самом ханстве.

– Где теперь принц?

– Пока что пленников куда-то везут. Но если их и запрут в какой-нибудь темнице, на таком расстоянии ничего нельзя сказать определенно. Знаю лишь, что экспедиция не успела достичь своей цели. Вам надо отправляться в Тургунай, на месте вы уже сможете отыскать их с помощью медальона и того, чему я вас когда-то учил, – маг говорил об этом, словно о самоочевидном и давно принятом решении, и Элина тоже восприняла это, как само собой разумеющееся.

– Вы можете узнать что-то еще?

– Увы, – развел руками Зендергаст.

– Ну что ж, спасибо. Простите, что разбудила среди ночи, – вспомнила о вежливости Элина. – Где мой медальон?

– Вот он, графиня. И я хочу попросить вас о том же, о чем вы просили принца: ваши волосы...

– Конечно. Мне следовало самой об этом подумать. Будет лучше, если кто-то в Роллендале сможет получить весть обо мне, – здравый смысл дочери Айзендорга оказался сильнее гордыни, нашептывавшей, что настоящие герои со всем справляются в одиночку.

Зендергасту тоже не понадобилось долго искать ножницы.

– Как жаль, что таким способом нельзя поддерживать нормальную двустороннюю связь, – вздохнула Элина, глядя, как маг убирает отстриженную прядь.

– Эпоха цивилизации кончилась, графиня, – назидательно изрек Ральтиван в своей обычной манере. – Во времена варварства даже односторонняя связь возможна лишь от случая к случаю.

– Не говорите никому раньше времени, – попросила девушка. – Я оставлю отцу письмо.

– Об этом не беспокойтесь. Но не спешите, подготовьтесь к путешествию как следует. Ваш отец – не единственный человек, который не хочет, чтобы с вами случилась беда.

Вероятно, это было максимальное проявление теплых чувств, которое Зендергаст мог себе позволить.

Элина вернулась домой, разделась и легла, по-прежнему не потревожив сон графа Айзендорга. Медальон она уже не стала снимать с шеи. Ей не пришло в голову заглянуть внутрь – а если бы она это и сделала, то вряд ли заметила бы, что волос стало меньше.

Следующие два дня ушли у нее на подготовку к пути. Элина заново наточила оружие – свой меч и два кинжала, прикупила в лавке кое-какую походную утварь, уложила теплые вещи и запасную пару сапог; не забыты были также перевязочный материал и снадобья, полезные для заживления ран. В одежду она зашила некоторое количество золотых и серебряных монет, справедливо полагая, что так они будут сохраннее, чем в кошельке. У нее не было проблемы с добыванием денег: граф приучил свою дочь относиться к финансам без расточительства, а потому спокойно доверял ей ключ от ларца. Элина чувствовала, что на сей раз не вполне оправдывает доверие, и это беспокоило ее едва ли не сильнее, чем все опасности предстоящего путешествия.

А меж тем, несмотря на тщательную подготовку, ее затея была безумной авантюрой. Она отправлялась одна на другой конец континента (что для времени меча было равносильно краю света), ее путь лежал через неведомые и, вероятно, дикие земли, притом часть этого пути предстояло проделать зимой; но даже добравшись благополучно, что она собиралась делать дальше? Она оказалась бы в стране, языка и обычаев которой не знала, в стране, где выглядела бы чужой даже внешне, ибо не принадлежала к восточной расе; и в таких условиях она собиралась в одиночку найти и освободить важных, несомненно хорошо охраняемых пленников?

Нельзя сказать, чтобы Элина совсем этого не понимала. Но... человеческая логика отличается от математической. Элина первую половину жизни провела в действующей армии (точнее, в армиях разных стран), с малых лет привыкнув к тяготам походной жизни; она воспитывалась на легендах о подвигах многочисленных героев, свершавших в одиночку куда более внушительные деяния, чем то, что задумала Элина. Одним их этих героев был ее отец, вырастивший ее настоящим бойцом. Однако все эти прославленные личности, как реальные, так и (как догадывалась Элина) вымышленные, были мужчинами. Все до одного. И эту несправедливость следовало исправить.

Вечером накануне отъезда Элина старалась казаться особенно веселой, дабы граф ничего не заподозрил; однако на душе у нее скребли кошки. Мысли о грядущем приключении вызывали у нее не страх, а сладкое замирание в животе; однако она понимала, что через несколько часов расстанется с отцом на много месяцев, и что того, в свою очередь, ждет далеко не лучшее утро в его жизни. Понимала она, что будет скучать и по другим роллендальцам, от королевы до старого Ральтивана. Однако эти мысли не могли поколебать ее решимость; в конце концов, друг ее детства находился в плену на чужбине, возможно, сама жизнь его была в опасности – и кому, как не ей, было спасать его?

Девушка (как, впрочем, и юноша), получившая менее героическое воспитание, несомненно, поняла бы свой долг совершенно по-иному, поставив в известность тирлондский двор и доверив, таким образом, спасение принца официальным структурам. Элина была достаточно рассудительна, чтобы не отвергнуть этот путь категорически, но ограничилась тем, что подробно описала свое видение в письме отцу, решив, что более опытный в политических делах граф сам решит, что с этим делать. Элина, впрочем, не без оснований опасалась, что новый тирлондский монарх не примет реальных мер, во всяком случае, незамедлительно: давно прошли времена, когда магическим озарениям верили больше, чем официальным бумагам с печатью.

За час до рассвета Элина, в последний раз постояв перед дверью спальни своего отца, тихо спустилась по лестнице и выскользнула из дома. Она вывела лошадь из графской конюшни, навьючила поклажу и поехала по пустынным улицам в сторону Восточных ворот.

Удивительное дело, но к полудню о поступке Элины знал уже весь город. Непонятно, кто распустил этот слух – уж конечно не прочитавший письмо Айзендорг; стражники же у ворот, пропустившие Элину, не могли знать, куда она направляется. Тем не менее в скором времени уже повсюду говорили, что дочь графа Айзендорга, тайно покинув родительский дом, одна отправилась на восток выручать из беды тирлондского принца.

Как бы ни относился к случившемуся Айзендорг, дело касалось не только его, ибо проливало свет на судьбу тирлондско-тургунайской экспедиции, а значит, являлось вопросом политическим. Поэтому уже в первой половине дня граф отправился во дворец с докладом королю. Уже выйдя из кабинета Анриха, он встретился в коридоре с королевой.

– Граф, неужели это правда, что Элина... – устремилась она к нему.

– Да, – коротко, не по этикету, ответил Айзендорг.

– Тогда что же вы медлите? Надо скорее послать погоню, мы еще можем успеть ее перехватить! Или вы как раз это и обсуждали?

– Нет. Никакой погони не будет. Элина уже не ребенок. Она приняла сознательное решение, я могу одобрять его или нет, но, в любом случае, я уважаю ее свободу выбора.

– Как вы можете такое говорить? Элине всего 16, и она девушка!

– Элине у ж е 16, и она один из лучших бойцов Тарвилона.

– У вас нет сердца, граф! – возмущенно воскликнула Ринуана и, высоко подняв голову, пошла дальше по коридору.

– Напрасно вы так думаете, ваше величество, – тихо произнес Айзендорг и двинулся в противоположную сторону.

Уже пересекая площадь, он заметил идущего по направлению ко дворцу Ральтивана. Поскольку дело, как ни крути, имело отношение к магии, король послал за своим советником. Маг, заметив издали Айзендорга, попытался свернуть в переулок, но было поздно.

– Зендергаст! – рявкнул граф. – А ну, стойте!

Ральтиван сделал еще несколько шагов вглубь переулка, но затем понял, что спастись бегством не удастся, и с достоинством обернулся навстречу приближавшемуся врагу.

На сей раз Айзендорг не пытался сохранять даже иллюзию вежливости. Он попросту сгреб тщедушного мага за камзол и потащил вверх, так что тому пришлось подняться на цыпочки. Старик попытался обороняться посохом, но граф немедленно вырвал это оружие другой рукой.

– Что вы себе позволяете?! – сипел полузадушенный маг.

– Слушайте, вы, сморчок ядовитый, – процедил граф. – Я прекрасно знаю, что это из-за вас Элина влезла в эту авантюру. Раз в деле замешано магическое видение, значит, без вас не обошлось. Она наверняка консультировалась с вами, и вы могли отговорить ее или хотя бы поставить в известность меня. Чтоб вас сожрали демоны, вы этого не сделали!

– Я... не понимаю... о чем вы... недоразумение...

– Все вы прекрасно понимаете, проклятый лицемер! Это я не понимаю, в какую игру вы играете, но можете не сомневаться, я с этим разберусь и сильно не позавидую вам в тот день! А пока вам следует употребить все ваши умения, чтобы защитить Элину. Потому что, если с ней что-нибудь случится, я затолкаю эту вашу тросточку вам в глотку по самый набалдашник, и не вздумайте решить, что я говорю это для красного словца!

Граф отпустил Ральтивана, швырнул посох на мостовую и зашагал прочь. Маг оправил камзол и, демонстративно держась за поясницу, нагнулся за посохом, не сводя глаз с удалявшейся фигуры Айзендорга.

На сей раз вокруг круглого стола в подвальной комнате сидели всего пятеро.

– Южные братья не уверены, что делать ставку на эту девчонку разумно, – пробормотал один из них.

– Мы ведь не можем отправляться туда сами. Нам нужен разведчик, и у одного человека шансов больше, чем у группы. Группа привлечет больше внимания, – ответил второй.

– Может быть, она и хорошо владеет оружием профанов, но мы предпочли бы в этой роли опытного мужчину, – стоял на своем первый.

– Консервативное мышление один раз уже погубило мир, – наставительно заметил третий. – Вашему опытному мужчине было бы весьма тяжело скрыть свою сущность. А если Элина переоденется мальчишкой-подростком – да и хотя бы даже обычной девушкой – никто не воспримет ее как умелого и опасного бойца.

– Дело не только в этом, – сказал четвертый. – Слух о затее Элины был пущен не случайно. Мы ведь так и не смогли найти Урмаранда, – говоривший хотел печально вздохнуть, но это потушило бы свечу. – Однако, когда этот слух достигнет его ушей, мальчишка, весьма возможно, решит последовать за Элиной.

– Для чего? – удивился третий.

– Чтобы помочь ей. Чтобы защитить ее.

– Урмаранды и Айзендорги – враги.

– Брат, ты забываешь, что психология – неотъемлемая часть Мастерства, – с укором, в котором сквозило сознание собственного превосходства, изрек четвертый. – Я уже говорил, что натурами, подобными Редриху, легко управлять, дергая за ниточки страстей. Не сомневаюсь, что он увлечен Элиной. Долгое время главными чувствами, которые вели Редриха по жизни – а подобных субъектов ведут именно чувства – были ненависть и ущемленная гордость. Он презирал женщин – может быть, потому, что красавицы из высшего общества были для него столь же недоступны, как и прочие привилегии, положенные ему по рождению и утраченные в результате переворота, а довольствоваться чем-то меньшим он не желал. Так или иначе, это оказалось нам на руку, ибо сделало его пригодным для роли Отпирающего. Однако Редрих – не Артен, за его отказом от любви стоит не разум, а чувства. И если кто и мог изменить направление этих чувств, то только Элина. Она высокого рода, она заслужила его уважение мастерством бойца, и она, единственная из роллендальцев – а может быть, вообще

единственная из людей за долгое время – несмотря на фамильную вражду, отнеслась к нему с сочувствием, которое он, как это свойственно некрасивым и несчастным людям, вполне мог принять за пролог к чему-то большему. Несомненно, его гордость восстает против подобных чувств. Он будет убеждать себя, что отправляется вслед за Элиной лишь затем, чтобы отдать ей долг – защитить ее жизнь, как она некогда защитила его. Пусть; для нас главное, что он за ней последует, и она выведет нас на него.

– И в результате оба Отпирающих окажутся в одной ловушке, – скептически изрек первый.

– Это вряд ли. Никто не знает, что Редрих – Отпирающий, включая его самого. Другое дело – обычные опасности. Но и Редрих, и Элина уже доказали, что способны справиться с ними.

– И все же рисковать вторым Отпирающим, когда первый захвачен...

– Что делать, брат. Думаешь, мне легко далось это решение? Для меня подвергать опасности Элину еще тяжелее, чем рисковать Редрихом. Я знал ее еще маленькой девочкой, и я... привязан к ней. Однако ситуация не терпит промедления. Если за нападением на экспедицию на самом деле стоит Отрицающий...

– Все мы люди, у всех нас могут быть привязанности, – подал голос пятый. – Но общее благо может требовать жертв. Помня, что стоит на кону...

– Вы, Северные, повторяете это на каждой нашей встрече, – брюзгливо заметил второй.

– Потому что мы действительно ни на секунду не должны забывать об этом, – с достоинством ответил пятый.

Элина без приключений пересекла восточную границу Тарвилонского королевства и въехала на территорию Пралецкого княжества, лежавшего к югу от Тарпанских гор. Князь Пралецкий формально признавал себя вассалом тарвилонской короны, но фактически его страна была самостоятельной. Здесь уже говорили на ином языке, нежели в Тарвилоне и Тирлонде, однако многие, в первую очередь хозяева постоялых дворов и торговцы, понимали западную речь. Земли княжества были менее густо населены, чем тарвилонские, и некоторые дороги, в особенности нырявшие в чащу леса, считались небезопасными даже днем.

Путешествие Элины, однако, пока что протекало без затруднений. Самой большой неприятностью для нее были удивленные взгляды, которые ей приходилось ловить на собственной персоне. Этих взглядов было бы еще больше, если бы смотревшие невнимательно не принимали ее за юношу. Девушка в

мужской одежде и при мече казалась многим чем-то вроде говорящей собаки. Элину, разумеется, это злило, но она ничего не могла поделать. Когда она отвечала взглядом на взгляд, пялившиеся, особенно если это были простолюдины, поспешно отводили глаза; у одного из дворян графиня поинтересовалась, не выросла ли у нее вторая голова, раз он разглядывает ее с таким изумлением – и тот смущенно рассыпался в извинениях – однако через некоторое время кто-нибудь еще осознавал ее половую принадлежность, и все повторялось. В конце концов это привело и к более серьезным неприятностям.

Элина к тому времени пересекла уже бóльшую часть княжества. Под вечер она въехала в очередной городок и остановилась на постоялом дворе. Хозяин явно уделял недостаточно внимания пропитанию проезжающих, и Элина отправилась поужинать в город. В скором времени она отыскала небольшой трактир. Трактирщик как раз принял заказ от очередного клиента и отправился в погреб за дорогим вином, попросив Элину подождать. Графиня осталась стоять у прилавка, с любопытством, как и всегда на новом месте, осматриваясь вокруг.

Какой-то долговязый парень, сально ухмыляясь, поднялся из-за своего столика и направился к ней. Он был не то чтобы сильно пьян – так, слегка под хмельком; однако мысль о том, что девушка может оказать ему серьезное сопротивление, похоже, просто не приходила ему в голову. Вероятно, он бы все же поостерегся, зная, что перед ним графиня; однако простая дорожная одежда Элины ничего не говорила о ее происхождении, а мечи, которые на западе были атрибутом дворян и солдат, здесь, на границе с менее цивилизованными землями, носили многие. Да и трактир был не самый респектабельный.

– Привет, куколка, – заявил он, облокачиваясь на прилавок рядом с Элиной. Он говорил на языке Тарвилона – должно быть, слышал, как девушка обращалась к трактирщику. – Знаешь, если ты вырядилась так, чтобы кружить головы парням, то ты своего добилась.

– Советую вам, сударь, отправиться домой проспаться, – ответила Элина, намеренно сохраняя принятое в аристократической среде обращение на «вы». – Тогда головокружение пройдет само собой, и, может быть, вашу голову даже случайно посетит какая-нибудь умная мысль.

– Спать – это не такая плохая идея, – сказал парень. – Но дело в том, что я не привык спать один.

– Это не проблема, – заверила его Элина, – за умеренную плату вам подыщут место в любом свинарнике.

Глаза парня сверкнули злобой, но он снова растянул губы в улыбке.

– Не серди меня, крошка, а то отшлепаю. Ну, давай мириться, – он потянулся к ней губами и сделал попытку обнять. Элина брезгливо отстранилась.

– Держите свои слюнявые губы при себе, или мне придется укоротить их моим мечом, – предупредила она, кладя руку на рукоять.

– Нуу, не хочешь же ты сказать, что на самом деле умеешь обращаться с этой шту...

Договорить он не успел. Свистнул вылетающий из ножен металл, сверкнуло лезвие – и в следующий миг несостоявшийся герой-любовник стоял на цыпочках, прижавшись к стене, и изо всех сил тянулся вверх, потому что острие меча упиралось ему под кадык. Элина чуть увеличила нажим, и из-под острия показалась капля крови. Из уст парня вырывалось только нечленораздельное блеяние.

– Вам следует брать уроки красноречия, – сочувственно сказала Элина, не ослабляя нажим. – Боюсь, впрочем, что они вам не помогут. Ну тогда хотя бы вежливости, и первый из них вам только что преподала бесплатно графиня Айзендорг.

– Ва... ваша милость, – наконец обрел дар речи тянувшийся в струнку парень. – Простите, ваше милость... я дурак...

– Вы делаете успехи. Первая здравая мысль.

– По... пожалуйста, пощадите... я... я шутил...

– С вашим чувством юмора, сударь, следует работать могильщиком.

В это время посетители трактира, которые, конечно, с самого начала наблюдали за поединком и встречали одобрительным смехом каждую реплику Элины, принялись хохотать особенно громко. Графиня сначала отнесла это на счет своего остроумия, но затем, скосив глаза вниз, увидела, что на штанах ее оскорбителя расплывается мокрое пятно. Будь Элина только графиней, она не стала бы заострять на этом внимание, но детство, проведенное среди солдат, дало о себе знать.

– О, я вижу, в вашем воспитании были слишком серьезные пробелы, – сокрушенно констатировала она. – Вас не научили не только разговаривать с порядочными людьми, но даже проситься по нужде. Здесь, как вы могли заметить, люди едят и пьют, а не наоборот. Поэтому полагаю дальнейшее ваше пребывание здесь неуместным.

Элина убрала меч, и униженный нелюбитель спать в одиночку стрелой вылетел из трактира под хохот присутствовавших.

– Извините, ваша милость, если этот наглец доставил вам лишние хлопоты, – сказал вернувшийся трактирщик, заставший конец сцены и уже знавший о титуле Элины. – Вы понимаете, я не могу следить за всеми, кто приходит в мой трактир...

– Ничего, я за ним уже последила. А теперь хочу поужинать.

– Конечно-конечно, – заторопился трактирщик. На самом деле он был не в восторге от произошедшего. Парень был его постоянным клиентом, а после нынешнего позора, очевидно, нескоро решится вновь наведаться в этот трактир. Девушка же явно была в городе проездом.

Съев свой ужин и на сей раз не имея ничего против устремленных на нее взглядов, в коих читалось восхищение, графиня расплатилась и вышла в темноту улицы. Короткое время спустя один из посетителей трактира, сидевший за столиком в полутемном углу, вышел следом за ней.

Найти дорогу в незнакомом городе в темное время суток было непростой задачей, но Элина хорошо ориентировалась и помнила, каким путем пришла сюда. Однако, поглощенная дорогой, она не заметила, как из переулка за ее спиной выскользнула какая-то тень.

Человек не решился приблизиться к ней даже сзади, однако это и не требовалось. Он еще с детства умел метко кидаться камнями, разбив таким образом не одно стекло. И сейчас камень удобно лежал в его ладони. Он тщательно прицелился и метнул.

Послышался глухой удар, Элина тихо охнула и без чувств повалилась на мостовую. Нападавший быстро подбежал к ней, схватил обмякшее тело и поволок в подворотню, приговаривая: «Я тебе покажу, сука, ты у меня узнаешь...»

Однако и он, в свою очередь, был слишком поглощен своим занятием, чтобы замечать происходящее за спиной. Едва он уложил Элину на землю и расстегнул ее пояс с мечом, как две сильные руки ухватили его за голову – одна за затылок, другая за подбородок. Он замер, парализованный страхом, и в тот же миг руки сделали резкое движение. Хрустнули сломанные шейные позвонки, и мертвое тело легло на землю рядом с бесчувственным.

Элина открыла глаза, чувствуя резь в носу от острого запаха. Было темно; она смутно различила нависший над ней силуэт. Элина вспомнила удар по голове, и рука ее метнулась к мечу, но схватила пустые ножны.

– Нет-нет, – спокойно сказал склонившийся над ней, – я не тот, кто на вас напал. Тот лежит рядом и больше не опасен.

Элина повернула голову и встретилась с остекленевшим взглядом давешнего парня.

– Вы убили его?

– Да. Вы совершили ошибку. Никогда нельзя оставлять за спиной недобитого врага.

– Я думала, что это уже добитый враг, – пробормотала Элина.

– Враг добит в одном-единственном случае – когда он мертв, и вы сами осмотрели тело. Между прочим, он обмочился неспроста – вы действительно

могли зарезать его там, в трактире. Конечно, это бы вряд ли понравилось хозяину, но проблем с законом у вас бы не возникло. Здешние порядки не запрещают дворянину убить оскорбившего его простолюдина.

– Кто вы?

– Меня зовут Эйрих. Я путешествую, как и вы.

– Эйрих, а дальше?

– Просто Эйрих. У меня нет фамилии. Я не принадлежу ни к дворянскому, ни к купеческому роду.

– Если вы не враг, отдайте меч.

– Конечно, – Элина почувствовала, как холодная рукоять легла в ладонь. – Я убрал его, приводя вас в чувство, дабы не соревноваться с вами в скорости реакции, когда вы очнетесь. Однако, полагаю, вам уже пора подняться. Осенними ночами лучше не лежать подолгу на земле.

Элина села, осторожно потрогала затылок и поморщилась.

– Если вы позволите, я предложу вам одну мазь, – сказал Эйрих. – Очень эффективную. Ее можно втирать прямо сквозь волосы. Потом, конечно, надо будет вымыть голову...

– Она такая же вонючая, как то, что вы совали мне под нос? – улыбнулась Элина.

– Нет, поменьше, – серьезно ответил Эйрих.

– Ладно, давайте, – решилась Элина, поднимаясь на ноги. – Надеюсь, что не распугаю весь постоялый двор.

Когда процедура была закончена (у мази действительно оказался довольно сильный, но не сказать чтобы неприятный запах), Элина и Эйрих вышли на улицу, оставив труп в подворотне. Из некоторых окон падал свет, и графине удалось лучше разглядеть своего спасителя. Эйриху было, как минимум, за сорок, а то и около пятидесяти. Глубокий шрам на лбу и перебитый нос наводили на мысль, что по крайней мере некоторые из этих лет выдались достаточно бурными. В его фигуре угадывалась немалая физическая сила, его осанка была прямой, а походка – необычно плавной, практически неслышной; Элина подумала, что этот человек был либо армейским разведчиком, либо охотником в диких землях.

– Я хочу дать вам совет, – сказал он.

Элина уже не сомневалась, что к советам такого человека стоит прислушаться.

– Но прежде я хотел бы спросить, как далеко вы направляетесь.

– Достаточно далеко, – неопределенно ответила графиня, понимая, что полностью доверять незнакомцу, даже и спасшему ее, все же преждевременно.

– На восток? Можете не отвечать – если бы вы ехали из Тарвилона в другом направлении, как бы оказались здесь? Так вот, если вы едете прочь от западной

цивилизации, вам тем более следует прислушаться к моему совету. Если, конечно, вы не хотите специально привлекать к себе внимание и нарываться на неприятности.

– Что вы имеете в виду?

– Отныне вам следует перевоплотиться в мужчину. В юношу, если быть точнее.

– Ну уж нет! – возмущенно воскликнула Элина. – Если всякие самоуверенные самцы убеждены, что только их пол чего-то стоит, то я не намерена лезть из кожи вон, дабы поддержать их в этом заблуждении и не уязвить их самолюбие!

– Вполне могу вас понять. Вы считаете, что маскироваться унизительно. Но это говорят чувства, а здравый смысл говорит иное. Не нужно дразнить гусей. Вы еще не покинули по-настоящему Запад, а уже влипли в историю. Надеюсь, вы понимаете, что было бы с вами, если бы я не подоспел?

Элину передернуло от этой мысли. Пожалуй, только сейчас она осознала размер опасности, которой избежала.

– Дальше, на востоке, будет еще хуже, – продолжал Эйрих. – Здесь девушка с мечом – всего лишь нарушение традиций, там это могут воспринять как святотатство. Там есть культуры, в которых женщина вообще не имеет свободы – до замужества она считается собственностью родителей, потом ее, как рабыню, покупает у них муж, и она становится его собственностью. Пусть даже местные обычаи не в полной мере распространяются на чужеземцев, все равно вы не сможете появиться на улице с открытым лицом и тем паче при оружии. Наш мир таков, что женщины почти всюду считаются существами второго сорта, чье единственное предназначение – рожать детей и ублажать мужчин; причем во многих странах такое положение закреплено законодательно. Но даже там, где речь не о законах, а лишь о традициях, вам придется постоянно доказывать свои права, плюс к тому подвергаясь опасности со стороны всяких похотливых ублюдков. Вам это надо? Это поможет цели вашего путешествия?

Элина помолчала.

– Вы правы, – сказала она наконец. – Как бы ни было противно играть по мужским правилам...

– Вот и хорошо. Вам надо слегка изменить прическу – хоть вы и не носите длинные волосы, ваш нынешний фасон скорее женский, чем мужской. Ну и, естественно, называться впредь мужским именем и следить за своей речью. Имя, кстати, это отдельный вопрос. Как по-вашему, кого у вас больше – врагов или друзей?

– Друзей, конечно, – не задумываясь, ответила Элина. – У меня нет врагов. Случаи вроде сегодняшнего не в счет, я имею в виду – постоянных.

– Я тоже о них. Хорошо, допустим, вам ничего не известно о личных врагах. Поставим вопрос по-другому: есть ли у вас семейные враги? И есть ли те, кто хочет помешать вашей миссии?

– Что вы знаете о моей миссии? – быстро спросила Элина. Она еще полагала, что эта информация остается в тайне. Впрочем, до восточных областей Пралецкого княжества слухи действительно не дошли, во всяком случае, пока.

– Ничего, потому и спрашиваю, – спокойно ответил Эйрих.

– Ответ – «да» на оба вопроса, – признала графиня. – Я не знаю всех подробностей биографии отца, он не слишком любит об этом рассказывать... но он мог нажить немало врагов. Не так давно я даже встречалась с одним из них, правда, как раз этот вряд ли для меня опасен. В конце концов, я спасла ему жизнь.

– Уж это мне рыцарское благородство, – с неодобрительной насмешкой произнес Эйрих.

– По-вашему, я должна была позволить его убить только потому, что его покойный отец когда-то пытался убить моего?

– Нет – при условии, что он столь же благороден, как и вы, а в этом никогда нельзя быть уверенным.

Элина возмущенно пожала плечами и продолжила:

– Что касается цели моего путешествия, то, конечно, есть те, кто хотел бы мне помешать, иначе не возникло бы нужды в самом путешествии. Но они не здесь... они далеко на востоке.

– Кто может гарантировать, что у них нет своих людей на западе?

– Никто, – признала Элина. В самом деле, если Артен стал жертвой заговора, его нити могли вести куда угодно.

– Таким образом, с вашей стороны было бы неразумно продолжать путешествовать под вашей фамилией, – резюмировал Эйрих. – Вы потеряете возможность щеголять своим графским титулом, но не сегодня-завтра вы все равно покинете земли, где западные титулы имеют значение. С другой стороны, вам следует выбрать псевдоним так, чтобы ваши друзья, если они захотят вам помочь, сумели вас отыскать. Есть ли у вас какое-нибудь прозвище, известное только вашим друзьям?

– Н-нет. Я всегда терпеть не могла прозвища – кроме, понятно, героических, которые дают за подвиги, – последняя оговорка натолкнула Элину на мысль: – Вот разве что на последнем турнире мне уже пришлось притворяться мужчиной, и я выступала под именем Эрвард. Но я уже раскаялась, что взяла такое громкое имя – победа досталась не мне...

– Эрвард – вполне нормальное имя. Так звали легендарного героя, но так зовут и многих обычных людей. Я знавал одного бакалейщика по имени Эрвард. (Элина

явно не пришла в восторг от такого сравнения.) Жаль, конечно, что это имя знают не только друзья... ну да ничего не поделаешь. Осталось выбрать фамилию.

– Эльбертин, – назвалась Элина по имени своего отца.

– Ну что ж, с днем рождения, Эрвард Эльбертин. С этой минуты вы должны пользоваться только этим именем и говорить о себе только в мужском роде. Даже когда считаете, что посторонние вас не слышат.

Элина помолчала, привыкая к этой мысли. Эйрих шагал рядом. До постоялого двора было уже недалеко.

– Вы остановились здесь же? – спросила графиня.

– Возможно, – загадочно ответил Эйрих. – Могу я все-таки спросить, куда вы направляетесь, хотя бы в ближайшей перспективе? Возможно, мы окажемся попутчиками.

Элина взглянула на него с сомнением.

– Я понимаю ваше недоверие, – продолжал ее спутник, – но я кое-что знаю о Востоке и мог бы быть вам полезен. Знакомы ли вы, к примеру, с восточными языками?

– Это, конечно, звучит интересно, но зачем *вам* мое общество?

– Ну, я тоже не каждый день встречаю девушек, которые бы так владели мечом, – улыбнулся Эйрих. – Вы меня заинтересовали. И мне бы не хотелось, чтобы вы попали в беду из-за какой-нибудь нелепой случайности или по неведению.

Подобная опека задевала гордость Элины, да и осторожность нашептывала, что такая благотворительность выглядит несколько странно. С другой стороны, она уже, как-то не задумываясь, доверилась этому человеку, приняла его советы (действительно разумные), сообщила свое новое имя. Это неудивительно, в конце концов он спас ее. В качестве друга Эйрих, с его угадывавшимся опытом и знаниями, был бы безусловно полезен. Но кто знает, что у него на уме и какие планы он строит на будущее? Еще недавно Элина открыто путешествовала под своим именем и не думала о возможной слежке, а теперь у нее мелькнула мысль – уж не была ли вся история в трактире и после подстроена? Она даже пожалела, что не последовала принципу Эйриха и не осмотрела сама тело убитого (убитого?) парня. Тут же, впрочем, она решила, что это чепуха – кто мог знать заранее, что она войдет именно в этот трактир?

– Откуда вы узнали, что я из Тарвилона? – спросила она. – На этом языке говорят в нескольких королевствах.

– Я мог бы ответить, что разница в диалектах позволяет определить не только страну, но и провинцию, а часто и город, – ответил Эйрих. – Вы, например, из

Роллендаля, однако прожили там не всю жизнь. Но дело даже не в этом, а в том, что имя графа Айзендорга достаточно известно.

– Вы знаете моего отца?

– Не раз слышал о нем, но лично встречать не приходилось. Так что вы скажете о моем предложении?

– Я с благодарностью приму его... если, конечно, нам действительно по пути, – Элина выжидательно замолчала. Не было причин отказываться от помощи Эйриха, если их дороги совпали случайно – тем паче что Элина все равно планировала в своем путешествии пользоваться услугами людей, знающих язык и местность. Но если Эйриху не просто по пути, если он собирается сопровождать ее специально, то вряд ли это делается бескорыстно. Элина подумала, что откажется, если Эйрих не сможет назвать точную цель своего путешествия, или если он назовет Тургунай, что было бы слишком уж маловероятным совпадением, учитывая почти полное отсутствие контактов Запада с этой далекой страной.

– Я направляюсь в Дулпур, – сказал Эйрих. – Это достаточно далеко на юго-востоке.

– Я знаю, – кивнула Элина. На карте, лежавшей во внутреннем кармане ее куртки (конечно, карте весьма неточной и приблизительной во всем, что касалось центральных и восточных областей континента), Дулпур был обозначен как небольшая страна на южном побережье, в тысяче миль на юго-запад от границ континентального Тургуная. Купеческие корабли Запада иногда добирались до дулпурских портов, но такое плавание было долгим и небезопасным, так что чаще торговцы избирали в качестве конечных пунктов города и страны, лежавшие существенно западнее, на берегу Срединного моря. Не было однозначного ответа на вопрос, какой путь до Дулпура оптимален – морской или сухопутный; в целом морем путешествовать легче, чем по суше, уже хотя бы потому, что корабль, в отличие от лошадей, не нуждается в отдыхе и пище, однако начиная путешествие, к примеру, из не имевшего выхода к морю Тарвилона, потребовалось бы сначала долго добираться до южных или западных портов и ждать подходящее судно, притом путь вокруг материка оказывался намного длиннее прямой дороги по суше, а часто бушевавшие за пределами Срединного моря бури и активно промышлявшие в южных водах пираты едва ли не уравновешивали опасности дороги через дикие земли центральной части континента.

Так что Эйрих вполне мог выбрать сухопутный маршрут, но Элина, в любом случае, в Дулпур и вообще на побережье не собиралась. Дорога на Тургунай лежала севернее. Однако до тех пор, пока Эйрих не повернет к югу, они могли быть попутчиками, о чем графиня и поставила его в известность, так и не назвав

конечной цели своего путешествия. Эйрих не стал настаивать; в конце концов, он сам только что внушил Элине мысль о необходимости осторожности.

Они вошли в ворота постоялого двора; видимо, Эйрих и в самом деле тоже остановился здесь. Прежде, чем расстаться, Элина решилась обратиться к своему спутнику еще с одной просьбой:

– Я догадываюсь, что вам более приходилось иметь дело с мечом, нежели с ножницами, однако не могли бы вы помочь мне с новой стрижкой? Боюсь, что сама я не справлюсь с собственным затылком.

– Вы даже не представляете себе, с чем мне приходилось иметь дело, – улыбнулся Эйрих. – Я постригу вас. Кстати, не «сама», а «сам».

Требовать горячую воду у хозяина было уже поздно, поэтому Элина ополоснула волосы в кадушке с холодной, избавляясь от остатков мази. Затем Эйрих быстро и ловко исполнил обещанное; оглядев себя в отполированную серебряную пластину зеркала, Элина убедилась, что теперь ее вид стал окончательно мальчишеским. Это не решало всех проблем; если раньше она была «не того пола», то теперь, благодаря не знавшей растительности коже лица и звонкому голосу, оказывалась «не того возраста», так что ее меч – у людей, не знакомых с ним – вновь мог вызвать насмешки и несерьезное отношение. Но, видимо, это все же было меньшее из зол.

Эйрих распрощался и удалился, договорившись, что они отправятся в путь рано утром. У Элины мелькнула мысль проследить, куда он пойдет, но она тут же отругала себя за то, что пытается скомпенсировать недавнюю излишнюю беспечность излишней подозрительностью.

Ее разбудил не слишком громкий, но настойчивый стук в дверь. Элина, наконец, с неудовольствием поверила, что ей это не снится, широко зевнула и разлепила веки, обнаружив за окном серые предрассветные сумерки.

– Кто там? – спросила она, борясь со вторым зевком.

– Эйрих. Пора ехать.

– Так рано?

– После вчерашнего происшествия нам ни к чему задерживаться в городе.

– Ладно... аааау (третий зевок). Ждите меня во дворе.

Не прошло и получаса, как они выехали из города. Рассвело; впрочем, небо, практически совершенно ясное накануне, теперь было сплошь затянуто серыми тучами – как видно, в эту ночь лето умерло окончательно. Наставала отнюдь не лучшая пора для дальних путешествий; но опасность, грозившая Артену, не позволяла Элине ждать до весны, что же касается Эйриха, то кто знает, какие мотивы заставили его пуститься в путь в это время.

Графиня наконец разглядела своего спутника при свете дня и решила, что он, пожалуй, еще старше, чем показался ей накануне – или же на его долю выпали слишком суровые испытания. Последнее казалось наиболее вероятным, ибо осанка Эйриха показывала, что тело еще не утратило силу и гибкость. В трактире у него не было оружия, так что теперь Элина с интересом взглянула на его меч – тот оказался неожиданно коротким, в то время как ей представлялось, что у такого, как Эйрих, должна торчать над плечом длинная рукоять двуручника. Она даже спросила его об этом, и Эйрих с усмешкой ответил, что не любит громоздкое оружие.

– А с каким оружием вам приходилось иметь дело? – тут же поинтересовалась Элина.

– С самым разным. Включая пантайскую вару-васу, ходжеремский бхигар и нва'агские угхе. Но все равно нахожу, что прямой короткий меч наиболее удобен для открытого боя.

– Я даже не слышала... не слышал этих названий, – призналась Элина. – Эти страны далеко?

– Достаточно далеко. Нва'аге, например, лежит на юго-восточном побережье Южного континента. Впрочем, не буду утверждать, что побывал во всех этих землях. Оружие, как и люди, способно путешествовать.

– Но по той дороге, по которой мы едем сейчас, вам уже приходилось ездить?

– Да. Завтра мы доберемся до Растбука – это последний пралецкий город на этом пути. Дальше начинаются сплошные леса; это земли луситов. У луситов нет единого государства; их многочисленные княжества вечно враждуют между собой, нередко заключая союзы с другими народами против собственных собратьев. Территориально эти княжества весьма обширны, но слабо заселены – в каждом несколько отдаленных друг от друга городов и затерянных в лесах сел, до которых нередко можно добраться только звериными тропами. Лесовики – народ угрюмый, страшный не только в гневе, но и в радости; говорят, что они приносят человеческие жертвы своим идолам. Луситы не строят каменных домов, даже городские укрепления у них деревянные, однако металл они добывают и куют оружие. Вообще они считаются неплохими воинами и стали бы реальной угрозой Западу, если бы когда-нибудь объединились. Луситы – самые восточные и наименее цивилизованные представители северной ветви белой расы. На востоке их земли ограничены великой рекой, которую они называют Омола, а на старых картах она именуется Ильт-Ка; эта река берет начало на севере и впадает в Срединное море. К югу от луситских лесов лежат степи кочевников – давних врагов луситов и их же давних союзников в междоусобной борьбе. Кочевники, впрочем, тоже не однородны, в южных степях обитают различные племена –

однако сейчас они, кажется, все признали себя данниками хана Курибая, так что, заручившись ханским ярлыком, можно пересечь их земли относительно безопасно.

Сведения о южных землях были, конечно, небезынтересны Элине, но пока что не представляли практической ценности, и она спросила о территориях к востоку от Ильт-Ка.

– Об этих землях мало что известно, – ответил Эйрих. – Вроде бы там тоже простираются леса, в которых обитают совсем уже дикие племена, не знавшие цивилизации даже в эпоху магов. Говорят, что маги оставили эти земли в диком состоянии, дабы не нарушать равновесия. Вы, должно быть, слышали, что маги считали сохранение равновесия едва ли не главным принципом своего правления.

– Да, Артен часто возмущался этим, – кивнула Элина и тут же прикусила язык. Хоть она и решила довериться Эйриху, пожалуй, не стоило почем зря упоминать имя Артена. Но Эйрих, похоже, не придал этому имени значения.

– Неужели ваш путь лежит в эти дикие края? – спросил он вместо этого.

– Ну, я вовсе не собираюсь в гости к дикарям. Есть ведь и более цивилизованные страны. А скажите, Эйрих, – сменила она тему, – вы знаете луситский язык?

– Не то чтобы хорошо знаю, но объясниться на основном диалекте могу.

– Я знаю совсем чуть-чуть. В детстве нахваталась разных наречий от однополчан моего отца – с ним вместе кто только не служил, были и луситы. (Элина поймала себя на том, что опять употребила женский род, но не стала поправляться, ибо на сей раз говорила от лица себя-настоящей, дочери графа Айзендорга, первую половину жизни кочевавшей с различными армиями.) – Вы не могли бы поучить меня, дабы время в пути не пропадало даром?

– Что ж, почему бы нет, – кивнул ее спутник.

Должно быть, странное это было зрелище – немолодой мужчина и юноша при мечах, едущие по пустынной лесной дороге и по несколько раз повторяющие друг другу фразы типа «как называется этот город?» или «можно ли у вас переночевать?» К концу дня Элина, мобилизовавшая заодно свои детские познания, сделала немалые успехи и уже могла бы задать луситам разнообразные важные для путешественника вопросы так, чтобы ее поняли. Под вопросом, однако, оставалось, поймет ли она их ответы.

Элина и Эйрих переночевали в сельском трактире. Они достигли этого села еще задолго до заката, и Элина была полна готовности ехать дальше и заночевать в лесу, но Эйриху удалось ее отговорить, объяснив, что ночевок под открытым небом будет еще предостаточно. Трактирщик был, похоже, удивлен, что гости, которых он принял за отца и сына – или, возможно, более дальних родственников,

учитывая отсутствие заметного сходства – берут не одну комнату на двоих, а каждый свою. Но он, конечно, ничего не сказал – в конце концов, так ему было только выгоднее.

Они вновь отправились в путь рано утром. Погода продолжала портиться – накрапывал мелкий дождь, пока еще не сильно докучавший, но несомненный предвестник затяжных и холодных осенних дождей, отбивающих всякую охоту не то что путешествовать, а и делать что-либо дома; слушая, как порывы ветра бросают в стекла очередные пригоршни холодной воды, хочется залезть под теплое одеяло и не просыпаться до весны. Но Элина решительно гнала от себя подобные негероические мысли.

Ближе к вечеру они наконец достигли Растбука. Для последнего оплота Запада на границе с варварами (впрочем, Пралецкое княжество, этнически близкое луситам, считалось уже не совсем западным) городок выглядел, пожалуй, слишком скромно; впрочем, здесь стоял довольно приличный воинский гарнизон. На постоялом дворе Эйриху сразу бросились в глаза плотно составленные однотипные крытые повозки, занимавшие половину всего пространства; возле них прохаживались или стояли, болтая друг с другом, несколько человек при оружии – судя по разнобою в обмундировании, скорее наемники, чем солдаты регулярной армии. Эйрих отправил Элину договариваться с хозяином о ночлеге, а сам направился к повозкам.

Элина, вернувшись, не обнаружила своего спутника и вынуждена была его ждать, чувствуя, как постепенно накапливается раздражение. «Мог бы сказать, куда идет! Вот уйду сейчас в комнату, и пусть сам разыскивает свой номер.» Наконец Эйрих показался в сопровождении воина в блестящих доспехах, вислоусого и бритоголового. Тот окинул Элину скептическим взглядом.

– Эрвард, нам очень повезло, – сказал Эйрих. – Мы застали торговый караван, направляющийся в земли луситов. Я договорился с капитаном (в меру почтительный, в меру небрежный жест в сторону вислоусого) о нашем присоединении к охране каравана.

Путешествовать в составе вооруженного эскорта было безопаснее, так что Эйрих был прав, говоря о везении – тем паче что в это время караваны на восток обычно не отправлялись. Луситские дороги и летом-то не особенно хороши, а уж в осеннюю распутицу и подавно; к тому же для закупок основного луситского экспортного товара – пушнины – осень также совершенно не подходящее время. Тем не менее, очевидно, купцы-хозяева каравана знали, что делали, и охранников все это никак не касалось.

– Этот мальчишка и впрямь умеет обращаться с мечом? – осведомился капитан, оборачиваясь к Эйриху.

– Если вы в этом сомневаетесь, прикажите любому из ваших людей сразиться с ним, – улыбнулся тот.

– Я привык сам оценивать тех, кого беру на службу, – буркнул капитан, кладя руку на рукоять меча и вновь поворачиваясь к Элине. – Ну что, парень, ты готов показать, на что способен?

– Не припомню, чтобы мы пили на брудершафт, – возмутилась графиня.

– Эрвард дворянского рода, – пояснил Эйрих.

– Фу-ты ну-ты! Мой отец тоже был барон, что не помешало ему обрюхатить свою служанку. Ну да ладно, биться мы будем на мечах, а не на титулах. Если продержишься против меня хотя бы пять минут, будешь получать по кроне в день, наряду с остальными. Иначе – полкроны, и только из уважения к твоему товарищу.

Мечи скрестились, высекая искры. Капитан был сперва несколько обескуражен натиском противника, но затем быстро перешел в контрнаступление. Элина, однако, то парировала удары, то легко уходила из-под них, заставляя попотеть своего грузного, да еще и облаченного в тяжелые доспехи оппонента. Вокруг тем временем собирались зеваки, в том числе и из сопровождавших караван наемников. Капитану хотелось закончить бой на глазах у подчиненных быстро и эффектно, и он неразумно тратил силы – Элина же старалась до времени беречь свои. Наконец она вновь устремилась в атаку – и капитан, еле успевая парировать быстрые, сыпавшиеся, казалось, отовсюду удары, вынужден был отступать. Это вызвало одобрительные возгласы в адрес его юного противника и пару насмешливых – в адрес самого капитана; тот побагровел и рванулся вперед, надеясь выиграть поединок одним решительным ударом (пожалуй, даже слишком решительным – если бы удар достиг цели, то порвал бы куртку Элины, а возможно, достал бы и до кожи). Но клинок «Эрварда» сделал необычное винтообразное движение, и капитан почувствовал, как рукоять оружия выворачивает из его руки. В следующий миг меч капитана шлепнулся в грязь. Элина улыбнулась – урок Редриха пошел впрок.

– Неплохо, – пробормотал капитан, подбирая свое оружие. – Если бы я знал, что ты так искусен, то дрался бы в полную силу. (В другое время Элина немедленно предложила бы ему новый поединок, но сейчас поняла, что не следует еще больше усугублять неловкость будущего начальника; к тому же по лицам зрителей она видела, что они прекрасно поняли цену словам капитана.) Пожалуй, тебе будут платить полторы кроны, как и Эйриху.

Наемники из числа смотревших поединок подошли приветствовать «Эрварда», притом едва ли не каждый считал своим долгом хлопнуть нового товарища по

плечу, и Элина поняла, что как минимум на ближайшие недели ей следует забыть о своем графском достоинстве и привыкать к фамильярностям.

На другой день они выехали из Растбука. Караван состоял из десятка повозок; в первой и последней ехали торговцы (всего четверо, из них один – хозяин каравана Штрудел, а прочие – его помощники), в остальных везли укрытый под брезентом товар. Караван сопровождали три дюжины охранников под командованием вислоусого капитана Ральда; таким образом, с присоединением Эйриха и Элины отряд стал насчитывать 39 мечей, не считая торговцев, которые, вполне вероятно, в критической ситуации тоже могли постоять за себя, и возниц – нанятых по дешевке простых и безоружных крестьян.

Итак, караван покинул последние земли, считавшиеся еще западными, и углубился в дремучие леса восточных варваров. Внешне, однако, луситский лес ничем не отличался от пралецкого. Разницу Элина поняла позже, когда ни в этот день, ни на следующий, ни даже на третий они так и не встретили никакого жилья. Впрочем, дорога, хотя и заросшая травой между неровных канав колей, доказывала, что кто-то здесь все же ездит.

На третий день зарядил уже полномасштабный осенний дождь, и продвижение вперед замедлилось; охранникам периодически приходилось спешиваться и помогать выворачивать из липкой грязи колеса тяжело груженых повозок. К концу дня на дороге уже попадались лужи, в которых колеса тонули по ступицу. Вечером на привале долго не могли разжечь костры; когда же сырые дрова, обильно проложенные растопкой, наконец, занялись, то давали, казалось, больше дыма, чем тепла. Элина, намерзшаяся и промокшая за день, в заляпанной грязью одежде, вместе с остальными тянула теперь к чадящему огню ноги в мокрых сапогах, и, глядя как над ними лениво завивается пар, с тоской вспоминала чистенькую спальню и удобную кровать в своем роллендальском доме. Ах как мало это походило на красивые мечты о героических приключениях! Поужинав плохо прожаренным мясом, Элина забралась в палатку вместе с Эйрихом и еще тремя бойцами. Было тесно и душно, но по крайней мере появился шанс, что прижавшиеся друг к другу люди смогут согреться. Не прошло и минуты, как намаявшаяся за день графиня уснула под тупую дробь ненавистного дождя по матерчатой крыше.

Утром дождь все еще шел. Шел он и на следующий день. Ближе к вечеру, наконец, впереди показался луситский город, и Элина воспрянула духом. С интересом разглядывала она бревенчатые стены, ощетинившиеся по верху острыми кольями, и квадратные рубленые башни под пирамидальными дощатыми крышами. Скоро, совсем скоро откроются тяжелые ворота, караван пройдет внутрь, и там наконец-то будут теплые сухие помещения, где можно будет

скинуть грязные и мокрые тряпки, переодеться во все сухое и чистое и под потрескивание огня в печи пить, не спеша, горячий луситский медовый напиток из большой деревянной кружки...

Однако надеждам этим не суждено было сбыться. Караван двинулся в обход города. Бородатые стражники на башнях провожали его подозрительными взглядами сквозь бахрому стекавшей с крыш воды.

Когда Элина осознала, что их опять ждет ночь в лесу под дождем, и, похоже, еще не одна, она едва удержалась от возмущенного вопля. Эйрих подъехал к Ральду за разъяснениями и вернулся, по сути, ни с чем: очевидно, торговые партнеры Штрудела жили в другом городе и предлагали достаточно выгодные условия, чтобы иметь дело только с ними. Однако о том, где именно находится цель путешествия и сколько еще до нее добираться, Ральд – а может, и сам Штрудел – не распространялся. «Вам-то что волноваться, – буркнул капитан в ответ на недовольный ропот бойцов, – чем дольше мы в пути, тем больше вы заработаете.»

На седьмой день погода, наконец, дала путешественникам передышку. Было по-прежнему сыро и холодно, на ветках дрожали капли, и все небо застилали набрякшие серые тучи – но дождя не было. Бойцы повеселели, и хотя им по-прежнему приходилось вытаскивать из грязи повозки, жизнь казалась уже не такой отвратительной, как накануне. Элина ехала рядом с Эйрихом, продолжая совершенствовать свои познания в луситском. Еще один наемник, некогда служивший в дружине одного из местных князей и знавший язык, присоединился к этому их занятию, исправляя ошибки не только Элины, но и Эйриха.

Около полудня бойцы, ехавшие впереди каравана, замедлили шаг и повернули обратно. Дорогу преграждало упавшее дерево.

– Мне это не нравится, – мрачно сказал Эйрих, сжимая поводья одной рукой и кладя другую на рукоять меча. – Похоже на засаду.

– Да брось, – беспечно ответил бывший дружинник, – ни одна шайка разбойников не осмелится напасть на такой большой отряд, как...

Договорить он не успел. Стрела пропела в воздухе и пробила ему горло. Теплая кровь брызнула в лицо Элине.

Стрелы засвистели одновременно слева и справа, крики людей слились со ржанием лошадей. После первых секунд замешательства около двух дюжин бойцов развернули коней и устремились в лес, по обе стороны от дороги, дабы на месте изрубить нападавших. Однако сразу несколько лошадей полетели кувырком через головы – между деревьями были натянуты тонкие, но прочные веревки. Засада была подготовлена умело. Отряд оказался на открытом месте под перекрестным огнем укрытого в лесу противника, не имея времени перестроить

повозки в два ряда и укрыться за ними. Стрелы поражали не только всадников, но и лошадей, в том числе запряженных. Бойцы прикрывались щитами (у кого они были), но никакой кавалерийский щит не может закрыть человека целиком, тем паче вместе с конем. Обезумевшие животные, потерявшие наездников, метались вдоль каравана и валились в агонии под ноги еще не пострадавшим собратьям, усиливая общий хаос.

– Эрвард! – перекрывая крики и ржание, рявкнул Ральд. Элина, пригибаясь к холке, устремила коня к нему. Эйриха рядом не было, и графиня не знала, жив ли он.

– По дороге за помощью, город близко, быстро! – залпом выплюнул капитан, для верности указывая вперед мечом. Элине не понадобилось переспрашивать.

– Кульд, Марбор, за ним! – услышала она уже за спиной новый приказ капитана. И затем еще один: – Всем спешиться! Под повозки!

Посылая за помощью Эрварда, капитан заботился вовсе не о спасении его молодой жизни. Он исходил из сугубо практического соображения: юноша весил меньше всех в отряде (а на многих к тому же были и тяжелые доспехи), а значит, лошади было легче его нести, что повышало шансы на успех. Разбойники, в свою очередь, позволили бы беглецу ускакать – им нужен был товар, а не жизни его охранников; однако они тоже знали, что город неподалеку, и понимали, что юноша приведет помощь. Поэтому сразу несколько стрел просвистели над вжавшейся в холку Элиной, когда ее конь перемахивал через поваленное дерево. Следующие выстрелы, вероятно, оказались бы более меткими, но между Элиной и стрелявшими слева и справа оказались двое всадников, посланных Ральдом для прикрытия – посланных, по сути, на гибель. Элина слышала, как вскрикнул один из них, а позже – ржание раненого коня второго. Но она не стала оглядываться, а лишь снова и снова пришпоривала своего коня.

Прошло, наверное, не менее получаса бешеной скачки, прежде чем Элина в первый раз посмотрела назад. Погони не было. Тем не менее, для спасения отряда по-прежнему дорога была каждая секунда. Однако сколько еще конь смог бы выдерживать такой темп? Ральд сказал, что город близко, но «близко» – понятие достаточно растяжимое.

Наконец впереди забрезжил просвет, и несколькими минутами позже измученное животное вынесло Элину на берег неширокой реки. К счастью, город находился на этом ее берегу, а не на противоположном. Элина направила коня к воротам, громко крича по-луситски «На помощь! На помощь!»

Стражники в кольчугах пропустили ее в ворота и здесь остановили, разглядывая с подозрением. Перепачканный грязью и кровью юноша на загнанном коне, говоривший по-луситски с сильным акцентом и призывавший

немедленно вывести из города часть войск якобы на помощь какому-то каравану, вполне мог оказаться вражеским лазутчиком. Один из стражников отправился докладывать начальству, но без той поспешности, на которую рассчитывала Элина. Она попросила напиться; ей принесли кружку ледяной колодезной воды. Отобрать меч у нее не пытались, но Элина чувствовала, что стража применит силу при первом неосторожном движении с ее стороны.

Наконец снаружи караульного помещения застучали по бревенчатому настилу копыта, и через несколько секунд в дверь вошел толстый краснолицый человек в кольчуге и островерхом позолоченном шлеме; его раздвоенная русая борода важно возлежала на кольчужной груди.

– Я князь Микута, – сказал он. – Ты говоришь, разбойники напали на караван?

– Вот именно! И срочно нужна помощь!

– Кто ведет караван?

– Купец Штрудел и капитан Ральд.

– Что ж ты сразу не сказал? – Князь обернулся к стражнику: – Объявляй тревогу!

На сей раз реакция луситов была весьма оперативной. В мгновение ока у ворот выстроились две конные сотни, вооруженные мечами, копьями и луками. Сам князь в экспедиции не участвовал, но поставил во главе отряда своего воеводу. От Элины эти тонкости ускользнули, но она и так поняла, что Штрудела в этом городе ждали и в его благополучном прибытии были весьма и весьма заинтересованы.

Элине подвели свежего коня, и отряд поскакал на выручку каравану. Скорость была поменьше той, на которой графиня неслась сюда, но все равно вполне приличная. Элина подумала, насколько удачной была ее затея с изучением луситского языка. Ральд, впрочем, не ведал о ней, и, посылая Эрварда, надеялся, что тот сможет объясниться жестами. Что, конечно, тоже было возможно, но время было бы потеряно.

Когда они достигли остановленного каравана, там шел бой. Разбойники добились наибольших успехов в начале своего нападения, однако после того, как защитники каравана попрятались под повозками, закрываясь щитами, колесами и трупами лошадей, эффективность обстрела резко упала. Истощив запас стрел, нападавшие попытались было вступить в переговоры, предложив защитникам свободно уйти, оставив оружие и товары, но ответом им была отборная луситская брань, которой владел капитан Ральд. Возможно, его подчиненные и не были бы единодушны по этому вопросу, но, к несчастью для нападавших, они не знали луситского языка. Разбойникам оставалось либо уйти в лес ни с чем, либо идти в рукопашную. Они имели к этому времени численный перевес, но были хуже

вооружены – мечей было мало, в основном тяжелые дубины, кистени, топоры и ножи, притом лишь на некоторых были кольчуги, а щитов не было вовсе. Тем не менее, не все бойцы даже успели выбраться из-под повозок, когда разбойники набросились на караван с двух сторон...

К моменту прибытия луситской конницы положение защитников каравана было достаточно тяжелым. Они были прижаты к различным повозкам и лишены, таким образом, в отличие от врагов, свободы маневра и контакта по флангам между отдельными группками; в принципе они могли бы пробиться все в центр каравана, но это означало бросить крайние повозки и раненых. Разбойники были так увлечены боем, что слишком поздно заметили появление новых всадников. Меж тем луситы, загодя предупрежденные Элиной, сворачивали с дороги в лес там, где между деревьев еще не было веревок, отрезая бросившимся врассыпную разбойникам пути к спасению. Кажется, паре-тройке бандитов все же удалось уйти; четверых схватили живьем, а остальные были перебиты. Последних, вместе с теми, кто пал от рук защитников каравана, оказалось 20 человек. Защитники потеряли убитыми восьмерых; одиннадцать было ранено. Из гражданских ранены были пятеро возниц и двое помощников Штрудела. Сам купец не пострадал; уцелел и капитан Ральд, хотя по нему, угадав начальника, стреляли особенно активно – но прочный доспех позволил своему обладателю отделаться лишь неопасными царапинами. Элину, впрочем, больше интересовала другая фигура из числа уцелевших.

– Я вижу, Эйрих, с вами все в порядке? Я потерял вас в самом начале боя, – за время пути каравана Элина уже освоилась с мужским родом.

– Подо мной убили лошадь в первые же секунды. Я еле успел откатиться под повозку, иначе меня бы затоптали.

Наемники, пролежавшие долгое время в холодной грязи под повозками, мало походили на победителей и вообще пребывали в мрачном расположении духа; они даже не поблагодарили приведшего подмогу «Эрварда», так как им казалось, что он отделался легче всех и вообще мог бы обернуться побыстрее. Штрудел поспешно объявил, что всем будет выплачено дополнительно по 10 крон, а раненым 20. Но, хотя формально условия найма и не позволяли требовать большего, бойцы все равно остались недовольны – их лидеры явно недооценили опасность, позволив каравану попасть в эту ловушку, чуть было не окончившуюся общей гибелью. Теперь они кровожадно смотрели на пленников, предвкушая удовольствие от их казни.

– Что творится в ваших лесах? – недовольно пробурчал Ральд луситскому воеводе. – Прежде не было таких крупных и наглых шаек.

– Худые времена, – ответил лусит. – Всюду неспокойно. Месяц назад Кулгов сожгли до основания...

– Кочевники?

– Какие там кочевники – тарсунцы, – воевода с отвращением произнес название соседнего княжества. – А уж теперь, после смерти Ратомила...

Тем временем совместными усилиями с дороги оттащили дерево. Поскольку караван лишился почти всех лошадей (лишь трех убежавших удалось поймать), нескольким луситам пришлось спешиться, и их коней запрягли в повозки. Боевые кони, непривычные к упряжке, возмущенно фыркали и мотали головами. Раненых и убитых наемников уложили на повозки, поверх укрытых брезентом ящиков с товарами. К одной из повозок прикрутили заарканенных разбойников. Многие предлагали пытать их немедленно, дабы выяснить местонахождение разбойничьего логова и тут же покончить с ним окончательно, но у воеводы был приказ от князя без промедления доставить товары Штрудела в город – тем паче что на сей раз отягощенный повозками отряд не мог мчаться во весь опор, и путь до города занял несколько часов. За это время умер один из раненых, да и состояние еще нескольких внушало серьезные опасения.

Князь лично вышел встретить купца.

– Ну что, привез? – спросил он с нетерпением, пока повозки размещали на широком дворе, с трех сторон окруженном деревянными бараками.

– Товар отменный, – ответил Штрудел; он говорил по-луситски почти без акцента. – Только, думаю, тебе придется добавить. Уж больно накладно стало путешествовать через твои земли.

– Мы обсудим это позже, – отмахнулся князь. – Дай-ка взглянуть.

Он откинул брезент на ближайшей повозке, еще хранивший следы крови раненого, и подсунул свой широкий меч под крышку деревянного ящика. Раздался треск, и крышка отлетела. Взорам присутствующих предстали упакованные в стружку новенькие арбалеты западного образца.

Так вот, значит, какой товар вез Штрудел, держа в секрете не только его сущность, но и место назначения! Помимо арбалетов, в ящиках лежало и другое вооружение – мечи из более легкой и прочной, чем у луситов, стали, осадные крючья, забрасываемые на стену специальными тяжелыми арбалетами, западные панцирные латы...

– Из арбалета можно попасть в цель с вдвое большего расстояния, чем из ваших луков, – нахваливал свой товар Штрудел, – он пробивает любой доспех, его сталь не отсыревает в любую погоду...

– Все это хорошо, – озабоченно качал головой Микута, – но моим молодцам нужно время, чтобы со всем этим освоиться, а Крислав ждать не будет... Эх, если б ты прибыл недельки на две раньше...

– Спешил как мог, – отвечал купец, – увы, на драконах в наше время не полетаешь...

Наконец оба вспомнили о дожидавшихся отдыха наемниках (серьезно раненых унесли раньше), и князь велел одному из своих людей проводить их. Тот изъяснялся на неком ломаном языке, где мешались тарвилонские и пралецкие слова – а иногда и луситские, исковерканные на западный манер; Элина с раздражением подумала, что ей было бы легче понять его, говори он на своем родном языке.

Наемникам отвели две больших комнаты в длинном бревенчатом доме, с нарами вдоль стен, монументальным дубовым столом в середине и маленькими, затянутыми бычьим пузырем оконцами. Едва усталые люди сбросили на пол и на нары свои пожитки, как снова в дверях возник с сияющим лицом княжеский подручный и объявил, что для гостей готова баня. Бойцов, в буквальном смысле покрытых коркой грязи, это известие весьма обрадовало, чего нельзя было сказать об Элине. В самом деле, ее перевоплощение в юношу такого оборота событий как-то не предусматривало.

– А ты что же? – удивленно спросил лусит, когда Элина не последовала к выходу вместе с оживленно переговаривавшимися остальными.

– Ээ... когда мой брат был подло умерщвлен бароном Кроппом, я дал обет, что не стану мыться до тех пор, пока не умоюсь кровью убийцы, – ответила Элина. Подобные обеты действительно периодически давались на Западе – во всяком случае, о них часто упоминали легенды. Похоже, что уходивших наемников, некоторые из которых удивленно обернулись на слова княжеского подручного, это объяснение удовлетворило, хотя один из них и крутанул пальцем у виска.

– И после этого Запад считает нас варварами, – усмехнулся в бороду лусит. – Ну, дело твое. Только смотри, как бы твой Кропп за версту не учуял тебя по запаху.

После чего все, включая Эйриха, удалились, оставив Элину в комнате одну. Несмотря на то, что ей не пришлось больше часа пролежать в холодной грязи под повозками, она была вполне сыта неделей путешествия по осеннему бездорожью и не собиралась выполнять свой «обет» буквально. В углу стояла кадка с водой, а на ее крышке – большой глиняный ковш; в комнате топилась печь. Критическим взглядом оценив прозрачность бычьего пузыря на окнах и на всякий случай все же прикрыв затворявшиеся изнутри ставни, Элина нагрела себе некоторое количество воды и кое-как ополоснулась в кадке, а затем, достав из своей сумки тщательно

упакованные чистые вещи, устроила стирку грязной одежды, к чему была приучена еще в детстве, хотя за последние восемь лет придворной жизни и успела от этого отвыкнуть. Она почти закончила, когда из бани начали возвращаться наемники, красные, распаренные и довольные.

– Как же твой обет? – усмехнулся первый из вошедших.

– Я не давал обета не стирать одежду, – возразила Элина.

Ее отругали за то, что она использовала для этого кадку и воду, предназначенные для питья; затем двое бойцов притащили, плеща на пол, другую кадку и водрузили ее в углу. Впрочем, лишь некоторые из наемников захотели глотнуть чистой воды; судя по густому запаху их дыхания, луситы напоили их чем-то иным. Элина, почувствовавшая, наконец, всю усталость этого тяжелого дня и так и не дождавшись Эйриха, свернулась калачиком на нарах и моментально уснула.

Разбудил ее охрипший крик петуха. Элина открыла глаза и села на нарах, чувствуя себя посвежевшей и зверски голодной. Было почти темно; сквозь бычий пузырь еле сочился тусклый серый свет. Кто-то из спящих наемников громко храпел. Элина почувствовала зуд между лопатками и повела плечами, а когда это не помогло, закинула руку за спину почесаться.

– Проснулись? – услышала она тихий голос Эйриха.

– Это что, уже утро? – спросила Элина, находя его взглядом. Эйрих лежал на нарах неподалеку, заложив руки за голову.

– Да.

– Сколько же я спал?

– Часов двенадцать. Ничего, нам всем нужен был отдых после вчерашнего.

– Ужасно хочется есть.

– Я сохранил для вас вашу вечернюю порцию.

Усевшись за стол, Элина вновь почесалась.

– Что ж это такое, – пробормотала она про себя, – вчера же мылась.

– Не обращайте внимания, – усмехнулся Эйрих, не столько услышавший, сколько догадавшийся о смысле ее слов. Он сунул руку за пазуху, поймал блоху и раздавил ее ногтем. – Луситские жилища славятся своими паразитами. Впрочем, Запад ведь тоже не безгрешен в этом отношении?

– Да, но здешние насекомые какие-то особенно кусачие!

– Что поделать, – философски вздохнул Эйрих, – иногда проще взять вражеский город, чем извести блох в собственном доме. Говорят, только маги умели гарантированно избавляться от этих тварей.

Пока Элина уплетала кусок холодного мяса, заедая его черным ноздреватым хлебом – есть, кстати, приходилось руками, ибо луситы не знали вилок – Эйрих,

не терявший накануне времени даром, разъяснил ей разведанную политическую ситуацию.

Город, в который они прибыли, назывался Чекнев и занимал среди луситских городов среднее положение – в отличие от богатого и могущественного Крислава. Некоторое время назад Ратомил, великий князь Крисла́вский, тяжело заболел, и среди луситских князей, и в более стабильные времена не отличавшихся дружбой, началось заметное шевеление. Дело в том, что формально на крисла́вский престол после смерти Ратомила могли претендовать многие, а выигравший этот приз стал бы едва ли не самым могущественным из луситских правителей. Было вполне очевидно, что вопрос будет решен силой, и что одним сражением дело не ограничится. Потому-то Микута Чекневский, тоже входивший в число претендентов, и торопился обзавестись козырем в виде западного оружия; потому-то и понадобилось в спешке гнать караван по осенней распутице. Но спешка не помогла – Ратомил умер, и весть о его смерти уже успела пересечь луситские леса и болота, достигнув ушей заинтересованных сторон. В особенности беспокоили Микуту южные князья: они в очередной раз могли привлечь в качестве союзников степняков. Но и северных конкурентов не следовало сбрасывать со счетов...

В этой ситуации у Микуты каждый меч был на счету, и он недвусмысленно предложил наемникам Ральда присоединиться к его войску – к вящему неудовольствию Штрудела, который предпочел бы убраться домой до начала заварушки и нуждался в эскорте. В настоящий момент между князем и купцом шла торговля по этому поводу – равно как и по поводу окончательной цены за доставленное оружие.

– Надеюсь, Эйрих, вы не собираетесь ни оставаться у князя, ни возвращаться со Штруделом? – осведомилась Элина, отправив в рот последний кусок и облизав пальцы.

– Я направляюсь в Дулпур, как вы помните, – улыбнулся Эйрих.

– Вот и хорошо. Мы сможем выехать сегодня?

– Вы не хотите еще денек отдохнуть на княжеских харчах?

– Скорее мы сами тут служим харчами для насекомых. И вообще если все так, как вы говорите, то тут скоро может стать не до отдыха. И я право не знаю, что хуже – нарваться в лесах на разбойников или на регулярную армию, которая примет нас за врагов.

– Здравое рассуждение, – одобрил Эйрих. – Правда, борьба за крисла́вский престол уже началась, и я не знаю, где сейчас безопаснее – внутри одного из враждующих городов или между ними. Может быть, самым разумным было бы присоединиться к выступающей в поход армии и пройти с ними часть пути, а потом дезертировать...

– Эйрих! – глаза графини вспыхнули от возмущения. – Как вы можете такое предлагать!

– Ах, ну да, я совсем забыл про вашу рыцарскую честь. Я-то не дворянин, мне можно. Вы не слышали любопытную историю о том, как во время одного из мятежей на Западе нескольких рыцарей в полном вооружении окружили крестьяне с вилами и косами? Так вот эти благородные господа были перебиты все до одного, потому что считали ниже своего достоинства скрестить свой рыцарский меч с мужицкими вилами.

– Ничто не следует доводить до абсурда. Защищаться от бунтовщиков – не бесчестье. Но вообще – да, честь дороже жизни.

– Желаю, чтобы вам не пришлось проверять этот тезис на практике, – усмехнулся Эйрих. – Ну что ж, если вы не хотите вступить в армию Микуты, мы можем выехать уже сегодня. Пойду вытрясу из Ральда наше жалование.

– А я пока прогуляюсь по городу, – ответила Элина.

Чекнев мало походил на западные города, и Элина осматривалась по сторонам с любопытством. Город смахивал скорее на огороженную крепостной стеной деревню. Дома были по большей части одноэтажными массивными бревенчатыми строениями, в отличие от трех-четырехэтажных каменных зданий Роллендаля, и не жались вплотную друг к другу, как там; очевидно, что город, слегка даже превосходивший Роллендаль по площади, вмещал заметно меньшее население. Если на Западе сад вокруг дома могли себе позволить лишь избранные, проживавшие в элитарном центральном районе, то здесь у многих были собственные огороды и сараи для скота; по немощеным улицам важно разгуливали гуси, попадались и возлежавшие в лужах свиньи. Элина оценила, что такой уклад дает городу преимущество в случае осады, зато заметно снижает фортификационные качества в случае штурма. Собственно, теснота западных городов, где порой на улочке с трудом могли разъехаться два всадника, объяснялась не нехваткой земли, а как раз тактическими соображениями – стены меньшего периметра легче оборонять.

Лишь несколько зданий возвышалось над общим уровнем деревянных крыш. Это был княжеский терем, набатная колокольня и еще какие-то сооружения с коническими крышами – возможно, капища луситских идолов. Элина знала, что у луситов есть религия, и это, разумеется, показывало степень варварства этого народа. На Западе религии не было. В прошлом в ней не было нужды, ибо власть чародеев была практически божественной; после же падения магии наступило разочарование во всем сверхъестественном. Конечно, процветали всевозможные суеверия, да и остатки магии все еще сохраняли свою силу, но это весьма мало походило на веру в бога или богов. Луситы же, как видно, не могли жить без веры

и, лишившись могучего покровительства реальных магов, изобрели нереальных божков. Любопытство толкало Элину взглянуть на этих деревянных болванов, но она решила, что лучше этого не делать – вдруг она по незнанию оскорбит религиозные чувства местных фанатиков, да и вообще, мало ли во что можно влипнуть. Слова о возможных человеческих жертвоприношениях у луситов были живы в ее памяти.

Вместо этого Элина решила осмотреть стены. Конечно, часовые могли не пустить ее, но Элина понадеялась, что желание Микуты принять западных наемников под свои знамена послужит ей пропуском.

Подойдя к восточной стене, графиня решительно направилась к двери одной из башен и объявила охранявшим ее воинам, что как раз раздумывает над предложением князя и хотела бы взглянуть на возможное будущее место службы (подобная мелкая ложь не казалась ей уроном для чести). Солдаты, похоже, опешили от решительного натиска юноши, глядевшего на них большими честными глазами, и согласились. Один из них остался внизу на страже, а другой проводил Элину по зигзагообразной (а не винтовой, как на Западе) лестнице на вершину башни, откуда открывалась широкая панорама города, реки и окрестных лесов.

Стены Чекнева были выстроены более основательно, чем частокол предыдущего луситского города. Бревна были уложены горизонтально, в несколько рядов, так что по стене могли свободно пройти, разминувшись, два человека; поверху через равные расстояния укреплены были дощатые щиты для защиты стрелков. В бревнах были проделаны наклонные желоба, ведущие наружу – как поняла Элина, для того, чтобы поливать атакующих кипятком и горячей смолой. На башнях имелись вороты, позволявшие быстро поднять изнутри крепости тяжелый груз – те же котлы со смолой или камни. В общем, Элина ожидала худшего, хотя стена все равно была ниже роллендальской, не говоря уже о недостатках дерева по сравнению с камнем.

Оценив фортификационные качества, графиня устремила взор на восток, за реку. Ее путь лежал туда, но ни моста, ни иной переправы видно не было, да и обрывистый противоположный берег вид имел совершенно дикий и для переправы мало пригодный. Элина задала вопрос сопровождавшему ее воину, и тот ответил, что выше по течению, где другой берег не так крут, имеется паром. «А выстроить мост вы за столько лет так и не сподобились», – с неудовольствием подумала графиня и перевела взгляд на север, надеясь увидеть паром отсюда. Но увидела она нечто иное.

Город стоял в излучине; река огибала его с северо-востока. И вот как раз в этот момент из-за скрытого неровной грядой деревьев поворота показался острый нос

судна, а затем оно выплыло целиком. Это была большая ладья с одним прямым парусом. Длинный ряд весел более-менее ритмично вздымался и вновь опускался в воду. Нос корабля был раскрашен в виде глазастой морды какого-то зверя, вдоль борта висели блестевшие, словно чешуя, щиты. Казалось, что по водной глади ползет удивительный многоногий монстр.

За первым кораблем показался второй. Суда заметили и на других башнях, раздались тревожные крики дозорных.

– Тарсунцы, – с ненавистью сплюнул сопровождавший Элину лусит. – Они, больше некому.

С севера послышались новые крики, в которых Элина не разобралась, но лусит понял, что одновременно с продолжавшими прибывать кораблями на опушке леса показались и наземные силы.

– Похоже, твоя служба начнется прямо сейчас, – сказал он Элине.

– Я должен вернуться к своим, – поспешно ответила она, опасаясь, что ее оставят здесь явочным порядком. – У нас свой командир.

Элина поспешно сбежала вниз по лестнице и помчалась к отведенному наемникам дому. Навстречу ей попадались луситы в полном вооружении, спешившие к стенам. Набатный колокол ронял на город свои мерные тяжелые удары.

Наемники были уже на улице и оживленно переговаривались. Некоторые осматривали свое оружие или подтягивали ремни и застежки доспехов.

– Вот наконец и ты, – недовольным тоном изрек Ральд. – Пошли, нас ждут.

– Что это значит? – обратилась Элина к Эйриху. – Мы нанялись к Микуте?

– Покинуть город сейчас все равно невозможно. Придется драться, – ответил тот. – А заплатить нам заплатят, если, конечно, город выстоит.

– Деньги сейчас интересуют меня не в первую очередь. Однако, если уж речь зашла об этом, получили ли вы то, что нам уже причитается?

– Только 10 крон аванса, – скривился Эйрих. – Ральд заявил, что нам заплатят, как только Штрудел окончательно договорится с князем и получит от него свое. А тут как раз началось нападение...

Ральд привел своих людей на двор, где накануне поставили повозки и где теперь луситы разбирали оружие – не только с повозок, но и из бараков, где размещался в том числе и местный арсенал (многие, впрочем, хранили свое боевое снаряжение по домам). Здесь же находился воевода, отдававший распоряжения группам защитников. Заметив бойцов Ральда, он велел отойти в сторону тем, кто хорошо стреляет из арбалетов. Капитан перевел приказ и сам сделал шаг в сторону. С ним отошло еще 9 человек. Эйрих хотел было шагнуть за ними, но взглянул на оставшуюся на месте Элину и передумал.

Рыцари Запада редко были хорошими арбалетчиками, ибо оружие это, поражающее на большом расстоянии, считалось неблагородным. Разумеется, это не мешало его широкому применению во всех западных армиях, но пользовались им в основном простые солдаты; благородные же дворяне (в том числе этими солдатами непосредственно командовавшие) предпочитали биться на своих традиционных мечах. Граф Айзендорг, считавший, что военные навыки лишними не бывают, обучил свою дочь обращению с арбалетом, но умения Элины в этой области заметно уступали ее искусству мечного боя.

Тех, кто не ушел с арбалетчиками, приписали к другому отряду; его командир, скептически взглянув на кожаные куртки Элины и Эйриха, посоветовал им выбрать себе доспехи. Элина не любила тяжелые панцири и ограничилась тем, что взяла себе шлем и небольшой круглый щит; Эйрих, тоже, по-видимому, не жаловавший тяжелую броню, облачился в луситскую кольчугу, надел шлем и взял щит побольше, ногтевидной формы. У луситских шлемов не было забрал; они оставляли большую часть лица открытой, лишь нос защищала смотревшая вниз металлическая стрелка. Элина нашла, что это удобнее, чем следить за обстановкой сквозь узкие щели или решетку забрала – хотя, конечно, за хороший обзор приходилось платить большей опасностью.

Группа, в которую вошли Элина и Эйрих, заняла позицию в верхнем помещении северо-восточной башни. Отсюда открывались выходы на стену, но там пока что расположились одни лучники. Черед мечников должен был настать позже, когда враги полезут на стены с помощью приставных лестниц. Лучники находились и внутри башни, изготовившись к стрельбе через узкие бойницы двух верхних этажей. Посему возможности смотреть наружу через бойницы у Элины не было, и она удовлетворяла свое любопытство, выглядывая то в один, то в другой из ведущих на стены проходов.

Шесть тарсунских ладей спустились по реке и встали вдоль городской стены, развернувшись поперек течения и закрепившись сброшенными с носа и кормы каменными якорями. На палубе у каждой можно было различить некое деревянное сооружение; вглядевшись, Элина поняла, что это катапульты. Как видно, не только чекневцы проявляли повышенный интерес к иностранным военным технологиям.

Меж тем с севера и северо-запада из леса выходили все новые сухопутные части. Проскакали на юг кавалеристы, довершая окружение города, вытягивались длинной шеренгой лучники, строились под своими хвостатыми знаменами пехотинцы, вооруженные мечами, копьями и боевыми топорами. Постепенно стало ясно, что тарсунцы вовсе не собираются сразу идти на штурм; они расположились на позициях вокруг города и теперь, как видно, отдыхали с

дороги. Лес мешал оценить точное их количество, но, по всей видимости, одних только сухопутных сил было никак не меньше пяти тысяч.

Около двух часов прошло в томительном ожидании, прежде чем тарсунское войско пришло в движение. Тарсунцы наступали с трех сторон тремя колоннами. Это было тактически грамотное решение, ибо, с одной стороны, плотность стрельбы оборонявшихся ограничивалась количеством лучников, способных разместиться на стене – посему выгодно было наступать большими группами на узкие участки, а не идти на приступ по всему периметру стен. С другой стороны, не следовало сосредотачиваться на одном направлении, давая чекневцам возможность перебросить туда основные силы; атака с разных сторон держала их в напряжении повсюду и предоставляла штурмующим возможность для маневра непосредственно под стенами. Вперед шли тяжеловооруженные пехотинцы с длинными приставными лестницами, вперед шли лучники, неся дощатые или сплетенные из веток щиты от стрел; эти щиты были обильно смочены водой, дабы оборонявшиеся не подожгли их горящими стрелами. Кавалеристы пока что держались в отдалении – их черед должен был наступить после того, как пехотинцы тем или иным способом откроют проход в город.

А в это время возле установленных на ладьях катапульт суетились люди. Показались зажженные факелы. Почти сразу же рычаг одной из катапульт распрямился, выбрасывая высоко в воздух свой снаряд. Снаряд, оказавшийся не тяжелым каменным ядром, а запечатанным горшком, оставляя едва различимый дымный след, перелетел на большой высоте через стену и круто спикировал в город, разбившись о стену одного из домов и расплескав мгновенно вспыхнувшее содержимое. Взметнувшиеся языки пламени жадно облизывали сырую после многодневных дождей древесину, постепенно вгрызаясь в нее. Из дома выскочили женщина и трое детей, они побежали с ведрами к колодцу. А через стену уже летели новые зажигательные снаряды... Вновь забил набатный колокол, на сей раз более частыми ударами оповещая горожан о новой опасности. Разумеется, не всякий горшок с горючей смесью попадал в цель – многие просто шлепались в грязь, и Элина подумала, что у просторного расположения домов есть еще одно преимущество. Один горшок угодил прямо в лежавшую свинью, и несчастное животное, превратившееся в живой факел, с истошным визгом помчалось по улице. Зато другой влетел в окно богатого дома, тут же вспыхнувшего изнутри; столб пламени вырвался из печной трубы. Горожане высыпа́ли на улицы, выстраивались цепочками к колодцам, передавая друг другу ведра с водой. Где-то пламя удавалось затушить в зародыше, но в других местах оно, преодолев начальное сопротивление отсыревшего дерева и усилия людей, разгоралось, грозя перекинуться уже и на соседние дома. Элине не приходилось слышать, чтобы на

Западе применялся столь эффективный горючий состав, и она удивленно спросила, откуда он у тарсунцев. Один из чекневцев ответил раздраженным тоном – находя, как видно, праздное любопытство чужеземца неуместным, когда внизу горел его родной город – что проклятые тарсунцы ходят на своих ладьях на юг, до самого Хурлуцкого моря, и там торгуют с выходцами с востока, щедро платя Курибай-хану за охранные грамоты. Элину подмывало спросить, что же мешает чекневцам, вместо того чтобы проклинать тарсунцев, выстроить собственные корабли и самим наладить торговлю с дальними странами, но она поняла, что лишь еще больше рассердит лусита, а вразумительного ответа не получит. Однако ей показалось странным, что западные купцы, совершавшие куда более дальние вояжи, до сих пор не разжились столь интересной для военных технологией. Хурлуцкое море лежало севернее Срединного и было, по сути, не морем, а большим соленым озером, и вокруг него, по представлениям западных географов, не было ничего, кроме степей диких кочевников и пустынь. Как видно, внутренние районы Великого континента таили немало сюрпризов для западных путешественников, имевших представление главным образом о землях вдоль южного побережья материка.

Тем временем, пока катапульты обстреливали город, тарсунские войска подходили к стенам. Они еще были недосягаемы для луков защитников и шли свободно, не прикрываясь. Тут-то в них и полетели стрелы из арбалетов. Так как опытных арбалетчиков было только десять, а остальные были луситские лучники, впервые в жизни державшие западное оружие в руках, то большинство первых стрел летело куда угодно, только не в цель. Однако опыт лучников помог им быстро сориентироваться и с новым оружием, разобравшись, как целиться и какие брать поправки, и дальнейшая стрельба была уже более эффективной.

В рядах наступающих возникло замешательство и суета, но этот эффект был кратковременным. Осознав, что чекневцы владеют более дальнобойным метательным оружием, тарсунцы не обратились вспять, а продолжили идти вперед, теперь уже старательно прикрываясь щитами. Тем не менее, первые потери были ими понесены. Арбалетов, однако, было немного – всего шесть дюжин на весь город, и даже в руках более умелых стрелков они не смогли бы опрокинуть наступавшую армию. К тому же арбалеты, превосходя луки в эффективной дальности и меткости, заметно проигрывали в скорострельности.

Наконец атакующие пересекли черту, за которой в дело вступили чекневские луки. Все новые тарсунцы тяжело валились в грязь, под ноги своим товарищам, или же сворачивали в сторону и брели назад, держась за раненое плечо или хромая. По оборонявшимся доселе не было выпущено ни одной стрелы – ведь даже пользуясь луками того же класса, стоявшие на стене имели преимущество в

дальности. Но еще несколько шагов – и тарсунские лучники стали занимать свои позиции, а пехотинцы устремились вперед бегом.

В отличие от своих чекневских оппонентов, которые могли разместиться на стене лишь в одну линию, тарсунские стрелки выстраивались в несколько рядов, что позволяло им обрушить на защитников стен куда более плотную стрельбу. Несмотря на щиты, не так уж мало из этих стрел нашло свою цель; особенно желанной мишенью для зорких тарсунских лучников были арбалетчики. Луситский воевода, впрочем, перед началом боя отдал остроумный приказ привязать каждый арбалет веревкой к вбитому в стену или стационарный щит гвоздю – дабы поверженный стрелок не ронял вниз дефицитное оружие. Идея срабатывала не всегда – не всякий падавший со стены выпускал оружие из рук, и оно порою просто ломалось – однако к тому времени, как штурмующие полезли вверх по приставленным лестницам, у некоторых арбалетов успел смениться уже второй хозяин.

Чекневские стрелки оставались на своих местах до последнего момента и продолжали бить по врагу, пока вышедшие из башен мечники бежали навстречу друг другу за их спинами; лишь когда шлемы первых штурмующих уже вот-вот должны были показаться над стеной, стрелки побежали к ближайшим башням, в то время как мечники делали шаг вперед, занимая освобождающиеся места. Стрельба со стороны нападавших тоже прекратилась – они боялись попасть по своим.

Но прежде, чем началась жестокая рубка на стенах, заскрипели вороты, наклоняя заранее приготовленные котлы, и из наклонных желобов хлынули на атакующих окутанные паром потоки кипятка. С дикими воплями обваренные люди валились с лестниц.

Однако тарсунские командиры учитывали такую возможность. Лестницы были длинными, тяжелыми и прочными, что позволяло прислонять их к стене с большим наклоном. Мало того, что такую лестницу фактически невозможно было оттолкнуть, так еще и кипяток – или, тем паче, смола – лились лишь на первого из штурмующих, до лезущих следом поток просто не доставал. Разумеется, подобную уловку не удалось бы применить при штурме, скажем, Роллендаля с его более высокими стенами.

Тем не менее, тем вторым на лестницах, которые теперь стали первыми, не хотелось разделить судьбу предшественников, попав под кипящие струи. Возникло некоторое замешательство. Нетерпеливые крики командиров снизу не производили должного впечатления, однако собственные товарищи напирали сзади, вынуждая продвигаться вперед. Вновь хлынул кипяток, однако это уже не было неожиданностью для штурмовавших, и горячие потоки разбивались о

подставленные щиты. Брызги летели во все стороны, клубился пар, но большинство отделалось в худшем случае мелкими ожогами от разлетавшихся капель; однако были и те, кто по недостатку ловкости или везения получил сполна; они падали вниз или, что было хуже для нападавших, с воем шарахались назад, опрокидывая и сталкивая тех, кто лез вслед за ними. В этот момент над укреплениями западной стороны разнесся зычный голос какого-то кряжистого тарсунского богатыря, который, не церемонясь, спихнул с лестницы напиравшего на него в панике неудачника и, возвышаясь с воздетым мечом в облаках пара, возгласил во всю силу могучих легких:

– Кто там стушевался перед чекневскими собаками? Отплатим им за угощение! Тарсунь!

– Тарсууунь! – взревели на лестницах и внизу, и клич этот подхватили части, штурмовавшие стены с севера и с юга.

– Чекнев! – рявкнуло в ответ со стен.

С новой яростью нападавшие устремились вперед и прорвались на стены в нескольких местах. Закипела жестокая рубка.

Тем временем на востоке бойцы у катапульт изменили тактику – теперь они стремились поджечь не город за стеной, а саму стену. Меткость их оставляла желать лучшего; большинство снарядов по-прежнему перелетало через стену или падало на землю, не долетев. Но несколько горшков все же разбились о бревна стены; защитникам, однако, пока удавалось заливать огонь водой. Лучники, немногочисленные на восточной стене, ибо отсюда, с реки, штурма не предвиделось, с самого начала атаки пытались воздать тарсунцам их же монетой, пуская горящие стрелы в их ладьи; однако те стояли на якорях слишком далеко, и стрелы бессильно падали в воду. Затем, однако, чекневский воевода прислал на подмогу арбалетчиков, освободившихся после вынужденного отступления с других стен. Задача, впрочем, была непростой и для них; стрелы в большинстве своем по-прежнему не достигали цели, отнесенные ветром. Развернув свои суда перпендикулярно берегу, тарсунцы убили двух зайцев: во-первых, если бы катапульты были установлены поперек палубы, а не вдоль, то каждый выстрел раскачивал бы ладьи, а во-вторых, так стрелкам на стенах труднее было попасть. Тем не менее, некоторые стрелы втыкались в палубы или, что было более опасно, в борта; однако тарсунцы были начеку и затаптывали огонь или заливали водой из ведер.

Элине, однако, было не до наблюдений за событиями на реке: вместе с другими она дралась на северной стене. Ей приходилось нелегко: на стене было мало места для маневра, здесь нужен был иной стиль – стиль тяжеловооруженного воина, тупо обрушивающего могучие удары на каждый показавшийся над гребнем

шишак шлема. Тем не менее, первого врага ей удалось сразить прямым ударом меча в незащищенное горло, а второго, уже почти забравшегося – оглушить ударом щита; третий влез-таки на стену и вынудил ее отступить вправо, но при этом повернулся к ней лицом, чем немедленно воспользовался дравшийся рядом Эйрих, нанесший ему удар в спину и успевший вновь развернуться к собственному противнику. Элина едва успела вернуться на свое место, чтобы с размаху скрестить мечи с четвертым тарсунцем; худшая сталь луситского клинка не выдержала столкновения с западным мечом и сломалась, но удар был так силен, что у Элины заныла кисть; боль отдалась даже в локте. Лусит, оставшись без оружия, прикрылся щитом и быстро нагнулся за валявшимся на стене мечом своего предшественника. И пожалуй что щит защитил бы его от ожидавшегося рубящего удара сверху, но Элина, чья рука еще не отошла, применила совсем не рыцарский прием, с силой пнув тарсунца сапогом под зад. Тот не удержал равновесия и свалился со стены внутрь крепости. Та же участь ждала и пятого тарсунца, когда Элина, поднырнув под его меч, рубанула его по ногам. Краем глаза она заметила, как Эйрих с натугой поднял облаченное в доспехи тело своего только что поверженного врага и кинул его со стены навстречу новым штурмующим; судя по донесшимся крикам, это сбросило с лестницы двоих.

Но если Элине и Эйриху удавалось пока сдерживать натиск, то не на всем протяжении стены дела защитников обстояли столь же успешно. Правее тарсунцам удалось уже захватить часть стены; трое их орудовали мечами, расширяя свой участок, куда уже взбирался по лестнице четвертый. Элина и Эйрих, таким образом, оказывались отрезаны от ближайшей башни; аналогичный успех тарсунцев слева сделал бы их положение почти безнадежным. Эйрих, умудрявшийся не только разбираться со своими непосредственными противниками, но и следить за общим ходом боя, заметил это и скомандовал отходить влево. В чекневском войске он был никто, но такова была сила его властного голоса, что бившиеся по соседству защитники послушались его, словно законного командира. Остальные увидели пятившихся на них соседей и тоже подались к левой башне; отступление почти сразу превратилось в бегство. Уже прорвавшиеся было на стену слева двое тарсунцев отступили обратно на лестницу, видя, что им отдают стену без боя. Чекневцы справа, увидев происходящее, тоже побежали к своей башне.

Однако столь поспешное оставление позиции – более поспешное, чем ожидал начавший его Эйрих, в результате едва не отставший вместе с Элиной – не было результатом паники; то был заранее отработанный тактический прием. Тарсунцы радостно хлынули на стену, но дальше им дороги не было: проход в каждую из башен был перекрыт тяжелым бревном, из-за которого стреляли лучники и

торчали острые копья. Другие лучники меж тем уже стояли внизу, внутри крепости, и расстреливали тарсунцев, которым внутренняя сторона стены не предоставляла никакого укрытия.

Атакующие попытались было взять штурмом хоть одну из башен, но это было безнадежно: ширина стены позволяла атаковать проход не более чем двоим одновременно, в то время как их в упор били из луков и копьями, а мощное бревно не позволяло навалиться массой, когда мертвые служат щитом давящим сзади живым. Немыслимо было также и перетащить через стену лестницы и спуститься по ним внутрь города, где уже поджидали чекневцы; они бы даже не позволили тарсунцам достичь земли – лестницы, переброшенные на эту сторону, были бы просто выбиты из-под атакующих. Меж тем новые тарсунцы еще лезли по инерции на стену, делая толпу все более плотной, к вящей радости лучников.

В конечном счете, потоптавшись растерянно на стене и потеряв за несколько минут почти сотню бойцов, тарсунцы вынуждены были отступить. Пехота поспешно отошла к лесу вместе со своими лучниками, сопровождаемая стрелами со стен и насмешливыми криками чекневцев, состоявшими по большей части из слов, которым Эйрих Элину не учил.

Так обстояли дела на севере. На юге защитники города отбили все попытки тарсунцев влезть на стену. Наибольших успехов нападавшие достигли на западе; здесь им удалось утвердиться на стене сразу в нескольких местах и перебить отрезанных от башен защитников. Но дальше они оказались в той же ловушке, что и их северные товарищи. Однако командир западных, должно быть, предвидел такую возможность, потому что его бойцы попытались спуститься в город не по лестницам, а по веревкам. Но им было просто некуда приземлиться – снизу их встречал лес копий. Тем не менее, тарсунцы не сдавались и попытались решить проблему, сбрасывая на копья трупы оставшихся на стене чекневцев и своих убитых лучниками товарищей. Чекневцы, однако, стояли под стеной не сгрудившись, а достаточно свободно, и им, как правило, хватало ловкости увернуться от мертвого и тут же встретить копьем живого. Все же некоторым тарсунцам удалось спуститься и продолжить бой на земле; но, окруженные со всех сторон, они не смогли развить успех и были перебиты. Больше всего хлопот защитникам доставил тот самый богатырь, что воодушевил своих товарищей в начале боя; даже когда пали все, кто спустился вместе с ним, он продолжал ломиться сквозь ряды чекневцев, словно разъяренный медведь, подминающий охотников, с ног до головы покрытый своей и чужой кровью, с тяжелым мечом в одной руке и топором в другой. Он сумел пробиться к воротам, но открыть их все же не смог; вцепившись в засов, он вынужден был выпустить меч и был окончательно изрублен. Его подвиг вдохновил тарсунцев на продолжение

захлебнувшегося было штурма; казалось, что победа близка, и все новые бойцы переправлялись через стену. Однако с каждой минутой внизу собиралось все больше чекневских копейщиков и мечников, и атаковавшим так и не удалось захватить плацдарм у стены, куда можно было бы переправить силы, достаточные для захвата ворот изнутри. В конечном итоге, понеся большие потери и узнав, что на других направлениях атака давно отбита, тарсунцы отступили и здесь.

Таким образом, город выдержал первый штурм. Чекневцы, кто весело, кто устало, поздравляли друг друга, хлопали по спинам, утирали кровь и пот и жадными глотками пили холодную воду из ковшей. Кто-то, стараясь не морщиться, перевязывал легкие раны, кто-то, скептически осмотрев иззубренный меч и побитый доспех, ворошил мертвых врагов на предмет подходящих трофеев. Брать у своих покойников не позволял обычай; луситские верования предписывали хоронить доблестно бившегося воина в его броне и с его оружием. Элина едва сдержала возмущение, узнав о подобной глупости. На Западе, правда, тоже случалось, что именной меч прославленного рыцаря хоронили вместе с ним – при условии, что у него не осталось наследников; но ведь то касалось легендарных героев, а не простых солдат. «Похоже, эта страна чересчур богата металлом», – пробурчала графиня. Интересно, что такое отношение к своим мертвецам не помешало тарсунцам сбрасывать их на чекневские копья; впрочем, тут не было противоречия – если живой боец подставляет свою плоть под вражеское железо ради победы своих, почему то же не делать и мертвому?

Еще до того, как тарсунцы отступились от западной стены, прекратили обстрел катапульты: запасы снарядов с горючим составом были не бесконечны. Им так и не удалось поджечь городские укрепления, однако в самом городе пожары по-прежнему полыхали, и кое-где огонь уже перекинулся на соседние строения. В иных местах жители, бросив тщетные попытки спасти уже охваченные пламенем дома, активно поливали водой соседние, в надежде уберечь хоть их. Некоторые пожары удалось уже потушить, или же они гасли сами, сожрав всю доступную пищу. В целом было похоже, что восточной части города не избежать серьезного урона, но на Чекнев в целом огонь не распространится.

В огне погибло около полутора десятков человек, в основном старики и дети. Чекневское войско потеряло 68 бойцов, включая серьезно раненых (в том числе погибли пятеро западных наемников). Потери противника оказались почти вшестеро больше. Однако тарсунская дружина все еще численно превосходила чекневскую, и было вполне очевидно, что за первым штурмом последует второй.

Тарсунцы, однако, не торопились. Победа дорогой ценой их не устраивала – ведь это была лишь первая их битва в борьбе за Крислав. Требовалось дать войску отдых и выработать новую тактику.

Пасмурный день сменился хмурым вечером, а новой атаки все не было. Вряд ли следовало ожидать ее ночью – в темноте слишком легко перепутать своих и чужих, и даже если нападающие ворвутся в город, им будет весьма затруднительно ориентироваться среди его беспорядочно разбросанных домов, не выстроенных, как на Западе, плотными рядами. Поэтому с наступлением темноты на страже остались только дозорные. На башнях и стенах горели факелы, дозорные (держась подальше от источников света, чтобы не служить мишенью лучникам) вглядывались и вслушивались во мрак, готовясь поднять тревогу при первых признаках приближения вражеских лазутчиков.

Элина, Эйрих и другие бойцы их отряда спали на сей раз в каком-то сарае, который был хорош тем, что находился возле самой башни, что позволяло быстро занять места по тревоге. Ночью Элина слышала какой-то шум и крики издалека, но сигнала тревоги не было, и она рассудила, что разумнее всего спать, пока дают.

Утром выяснилось, что ночью чекневцы предприняли дерзкую вылазку. Дюжина их, с ног до головы вымазанных сажей, спустилась по веревке с восточной стены наружу – если бы пришлось выпускать их через ворота, тарсунцы почти наверняка бы это заметили – и прокралась вдоль берега к стоявшей выше всех по течению ладье. Без единого всплеска они подплыли в ледяной воде к кораблю, держа над головой кожаные свертки; в свертках были фитили, пропитанные маслом, и огнива. Каждый фитиль сидел на заостренной металлической пластине; эти пластины диверсанты воткнули между изогнутыми досками бортов, и пока одни перерезали ножами якорные канаты, другие подожгли фитили. Надо отдать чекневцам должное – хотя тарсунцы, разумеется, и выставили на ночь на палубе часовых, те слишком поздно заметили неладное. А диверсанты, не удовлетворившись сделанным, полезли по обрезанным канатам на палубу, чтобы помешать команде тушить огонь. Бой был неравным, высыпавшие наверх по тревоге тарсунцы превосходили диверсантов числом и вооружением, и все же чекневцам (большинству из них – ценой своей жизни) удалось выиграть достаточно времени, чтобы просмоленный корпус корабля загорелся уже основательно. Расчет был на то, что дрейфующее по течению судно столкнется со следующей ладьей и подожжет и ее; и если якорные канаты второго корабля выдержат удар, то уж точно не выдержат пламени, и так эта эстафета огненной смерти будет передана далее и далее...

Однако команда подожженной ладьи нарушила этот план в самом начале. Они не успели спасти свое судно от огня, но успели, налегая на руль и весла, изменить его курс, так что оно проплыло перед носом у второго корабля и ткнулось в берег, где и осталось догорать, бросая кровавые отблески на реку, на прибрежный песок и на чекневские стены. Лишь одному из отряда диверсантов удалось невредимым

добежать до стены, и свои втащили его на веревке в город. Его поздравляли и благодарили так, словно план удался полностью; впрочем, одна ладья с катапультой была все-таки уничтожена, хотя бóльшая часть ее команды и спаслась.

Однако и тарсунцы ночью не теряли времени даром. К утру обнаружилось, что к северным и западным воротам подведены тараны. Подобные тяжелые сооружения было бы весьма нелегко тащить по осенней грязи от самой Тарсуни; поэтому нападавшие привезли станины на кораблях, а собственно сами тараны – подвешенные на канатах заостренные бревна – изготовили накануне, срубив деревья в местном лесу. В отличие от аналогичной осадной техники Запада, ударные части таранов не были обшиты металлом. Рядом размешались деревянные навесы от стрел и укрытия для лучников, похожие на маленькие башенки. Чуть поодаль гарцевала конница, готовая ринуться вперед, если осажденные откроют ворота и предпримут вылазку с целью уничтожить выстроенное под их стенами.

Штурм начался на рассвете; чекневцы едва успели занять места на позициях. Однако, когда луситские бойцы выбегали из сарая, Эйрих остался сидеть и велел Элине делать то же самое.

– В чем дело? – раздраженно спросил командир.

– Ни я, ни мой товарищ не сделаем и шага в сторону стены, пока нам не заплатят то, что нам уже причитается, – ответил Эйрих.

Лусит понимал, что претензии наемников справедливы, но вопрос находился не в его компетенции. Он пожал плечами и предложил западным бойцам разбираться с их капитаном, а затем побежал к ближайшей башне. Со стороны ворот донеслись первые удары тарана.

Эйрих и Элина меж тем отправились на поиски Ральда. Графиня заявила было, что не время утрясать меркантильные вопросы, когда враги штурмуют город, но Эйрих с усмешкой посоветовал ей вернуться на грешную землю и вспомнить, что она здесь – не рыцарь, защищающий родовой замок или бескорыстно отстаивающий высшую справедливость, а всего лишь наемник, волею случая оказавшийся на стороне одних луситов в их битве против других. А наемникам положено платить, и лучше разобраться с этим немедленно, потому что неизвестно, что будет с городом и всеми заинтересованными лицами дальше.

Подобная мысль посетила не только Эйриха; в процессе своих поисков они встретили еще нескольких наемников, озабоченных той же проблемой. В городе царила достаточная неразбериха, усиленная тем, что обстрел зажигательными снарядами вновь возобновился. Наконец им удалось выяснить, в каком доме Ральд располагался на ночь, но самого капитана там уже не было. Не было его, по всей видимости, и на позициях – один из наемников припомнил, что накануне Ральд

был ранен стрелой в руку. Кто-то предложил наведаться на княжеский двор и расспросить там. И действительно, после недолгого препирательства со стражником тот согласился провести их во флигель для гостей, где они и застали капитана, который, с рукой на черной перевязи, как раз наседал на Штрудела, требуя денег. Купец отбивался, заявляя, что он бы с радостью, но Микута до сих пор не расплатился с ним самим.

– А по-моему, ты просто тянешь время, ожидая, пока нас тут перебьют. Чем больше погибнет, тем меньшим тебе придется платить, – заявил один из наемников.

– А вот и не меньше! Пусть долю погибших разделят между остальными! – воскликнул другой.

Прочие охотно поддержали эту идею.

– Слышите, господин Штрудел? – с угрозой произнес Эйрих. – Платите, и немедленно! Мы свое заработали. А с князем разбирайтесь сами.

Окруженный недружелюбно настроенными вооруженными людьми, купец сдался.

– Ну хорошо, хорошо, – брюзгливо произнес он. – Я рассчитывал выхлопотать для вас у князя дополнительный гонорар, но раз вы так нетерпеливы, получите только то, о чем было условлено. Но я нанимал вас только для эскорта, за вчерашний и сегодняшний бой требуйте с Микуты, – Штрудел вышел в другую дверь, один из наемников двинулся было за ним, но Ральд остановил его со словами «Ничего, никуда он не денется». Купец отсутствовал довольно долго, и бойцы уже начинали нервничать, когда он, наконец, возвратился и вручил Ральду тугой кошель.

– Вот, отдаю вашему капитану. Он уже сам их разделит.

– Погодите, господин Штрудел, денежки любят счет, – ответил Ральд, опорожняя кошель на стол.

Золотых и серебряных монет было меньше половины; остальное – медная мелочь, имевшая хождение в отдельных королевствах; в остальных ее пришлось бы менять по не самому выгодному курсу. Наемники выразили свое неудовольствие.

– Ничего не могу поделать, – приложил руки к сердцу Штрудел. – И эти-то набрал с трудом. Если б вы дождались, пока князь расплатится, получили бы золотом и серебром всю сумму. А так – нету, просто нету. Я, знаете ли, деньги не чеканю.

– Ладно, с паршивой овцы... – бросил один из наемников, нетерпеливо следя за пальцами Ральда, сортировавшими монеты по кучкам. Остальные тоже не стали настаивать, хотя и не сомневались, что купец выложил им вовсе не последнее

золотишко. Но хорошо было и то, что он согласился выплатить живым долю погибших. В конце концов, слишком уж недвусмысленно грозить ему силой не следовало: как-никак, купец был княжеским партнером и гостем, и Микута вряд ли оставил бы без последствий насилие над ним.

Получив свое со Штрудела, наемники вышли на улицу с твердым намерением отыскать теперь князя или чекневского воеводу и уладить финансовый вопрос и с ними; об обоих высокопоставленных луситах говорили, что они где-то на позициях. Однако, не пройдя и нескольких шагов, охотники за вознаграждением заметили, что за последние полчаса положение города изменилось не лучшим образом.

Тарсунцы, не дожидаясь даже успеха своих таранов, вновь полезли на стены – но на сей раз не для того, чтобы прорваться внутрь. Некоторые из наступавших несли с собой закрытые горшки. Защитники города поняли, что это такое, и на сей раз бились на стенах куда более яростно. Тем не менее, на севере тарсунцам удалось сбросить их вниз и выдавить в башни. После чего двое тарсунцев швырнули свои горшки в башенные проходы, а другие принялись поливать горючей жидкостью гребень стены. Многие из них пали под сплошным потоком стрел, сыпавшихся снизу, но дело было сделано. Поспешно отступая на лестницы, тарсунцы бросили на стену горящие головни.

Стена вспыхнула поверху; хуже того, пламя ворвалось и внутрь башен, откуда в панике бежали защитники. Не все успели убежать; до некоторых, которых окатило горючей смесью из разбившихся горшков, огонь добрался по следам и каплям и охватил несчастных, начиная с ног. Обреченные мчались по лестницам башен с воплями боли и ужаса, разнося пламя по всем этажам. Из тарсунцев тоже не все успели отступить на безопасное расстояние, и несколько живых факелов свалилось с лестниц к подножью стены.

Конечно, тарсунцы могли сразу попытаться поджечь стены у их основания и обойтись меньшими потерями, но тогда защитники залили бы огонь водой сверху. Теперь же они могли лишь бессильно смотреть, как пылает гребень стены, и пламя рвется из бойниц башен. Башни, благодаря тяге, аналогичной тяге в печной трубе, и сухой древесине внутри, были охвачены огнем особенно быстро.

Эту картину и увидели вышедшие с княжеского двора наемники.

– Похоже, наше жалование под угрозой, – заметил из них.

– И наша работа тоже, – добавил второй. – Махнуть, что ли, к тарсунцам, пока не поздно?

– Они еще не в городе, – осадил его третий. – И вообще, ну их к демонам, этих луситов. Унести бы отсюда ноги и вернуться скорее в цивилизованный мир.

– А по-моему, князь сейчас как никогда нуждается в наших услугах и не станет скупиться, – возразил Ральд. – Пойдем доведем дело до конца.

Мимо них пробежало, брякая оружием, несколько чекневцев. Ральд окликнул их и спросил о местонахождении командования. Один из луситов обернулся и махнул рукой на запад, откуда тоже слышались удары тарана. Тарсунцы, как видно, непременно хотели ворваться в город с разных сторон, и поскорее; их не устраивала перспектива просто сидеть и ждать, пока пожар откроет им проход, так как к тому времени чекневцы организовали бы за этим проходом мощную оборону.

Наемники направились к западной стене и застали там изрядную неразбериху. Одни отряды и одиночные воины прибывали сюда, другие, напротив, отправлялись отсюда на север. Пока непонятно было, где городские укрепления поддадутся раньше. Похоже, пожар на севере основательно нарушил планы чекневского командования, и оно никак не могло выбрать новую стратегию. Меж тем пламя охватило уже и одну из восточных башен – стрельба катапульт увенчалась наконец успехом для тарсунцев.

Несколько раз Ральда и остальных пытались привлечь для нужд обороны, но наемники упорно отвечали, что им необходимо переговорить с князем. В конце концов, побывав на нескольких башнях и еле протолкавшись обратно, они убедились, что того, кого они ищут, здесь нет. Проклиная луситов и их вечную неразбериху, наемники отправились к северной стене. Здесь толпились бойцы и просто жители, готовые встретить врага вилами, рогатинами и дубинами; из тяжелых скамей и бревен напротив обреченной стены сооружали баррикаду. Казалось, каждый принимает участие в кипучей деятельности, хотя на самом деле что-то реальное делала от силы пятая часть собравшихся, а прочие давали им советы, толклись вокруг, потрясали своим оружием и изрыгали проклятия по адресу тарсунцев. Причитали бабы, ржали кони дружинников, бряцали кольчуги и сбруи, над всем этим разносились охрипшие голоса десятников и сотников, пытавшихся – и, как ни странно, не без успеха – командовать своими людьми. Тем не менее, хотя некий порядок в действиях оборонявшихся был, со стороны это выглядело полным хаосом, и Ральд тщетно пытался выяснить, где находится князь.

Внезапно, окруженная со всех сторон возбужденными и озлобленными луситами, полуоглохшая от выкриков бородатых ртов, дышавших ей в лицо луком, брагой и демоны ведают чем еще, Элина настолько остро почувствовала абсурдность происходящего, что оно, несмотря на все его грубые физические черты, показалось ей нереальным. Что она здесь делает? Она, западная графиня, вместо того, чтобы скакать по вольным просторам на выручку другу, как это

описывают в рыцарских легендах, застряла в каком-то затерянном в лесах варварском городе и теперь вместе с кучкой вульгарных наемников, из которых едва ли один умеет читать и писать, проталкивается сквозь толпу разгоряченных аборигенов, чтобы вытребовать жалкие гроши у местного предводителя в обмен на участие в защите тех варваров, что внутри, от тех, что снаружи – участие, которое, как понимала Элина, уже ничего не решает в военном смысле, ибо скоро с той и другой стороны схлестнутся тысячи человек, и что на этом фоне значат еще несколько бойцов, пусть даже с мечами из чуть более хорошей стали? От осознания всего этого уже рукой было подать до мысли об абсурдности и безнадежности всей ее экспедиции, но Элина так цыкнула на эту мысль, что та в испуге бежала в самый дальний угол подсознания. Тем не менее, окружающее по-прежнему казалось ей каким-то душным мороком, от которого можно освободиться волевым усилием, но почему-то для этого-то усилия и не хватает сил. Сколь разительно контрастировало ее теперешнее состояние со вчерашним боевым азартом на стене, когда она в первые же минуты боя убила своего второго в жизни человека, не почувствовав ничего, кроме радости, когда ее меч вспорол опрометчиво открытое горло!

Грохот прогоревшей крыши, обвалившейся внутрь башни, вернул Элине ощущения реальности. Толпа качнулась в одну сторону, затем в другую. Элина быстро огляделась вокруг и не увидела ни одного знакомого лица. Проталкиваясь непонятно куда, она сама не заметила, когда толпа развела ее с остальными.

– Эйрих! – крикнула она, увлекаемая людским водоворотом, но ее голос потонул в вырвавшемся из сотен глоток боевом кличе чекневцев. Где-то совсем рядом раздавались тяжелые удары тарана; затем послышался громкий треск, и волной накатился боевой клич другой армии. Тарсунцы ворвались в город.

Элина верно поняла свою главную задачу: не сопротивляться влекущему ее потоку и остаться на ногах; стоило ей потерять равновесие, и ее бы затоптали. Она была стиснута настолько плотно, что даже не могла достать меч. Звон оружия, ржание коней и крики сражающихся сливались в сплошную какофонию; невозможно было определить, в какой стороне идет бой и кто берет верх. Сначала вломившиеся лавиной тарсунцы как будто оттеснили чекневцев; потом людская масса шатнулась обратно к воротам, и уже чекневские кавалеристы рубили и топтали лошадьми пятящихся врагов. Затем на какой-то момент стало свободнее, Элина наконец выхватила свое оружие, растерянно осознавая, что, пожалуй, не отличит в этой толчее чекневца от тарсунца, да и как отличат ее саму, равно чужую тем и другим? Чекневские командиры попытались было выстроить свои перемешавшиеся подразделения в правильный порядок, но тут окончательно рухнула одна из подожженных башен вместе с куском стены, и через брешь

хлынули встречные потоки стрел, внося новую сумятицу. Вот уже какие-то отчаянные тарсунские конники посылали своих скакунов безумными прыжками через пылающие развалины, вот уже где-то нападавшие прорвались вглубь города, с гиканьем рубя мужиков с дрекольем, а где-то, напротив, чекневцы, вырвавшиеся за ворота в ходе контратаки, гонялись за разбегавшимися в панике вражескими лучниками – причем ни те, ни другие преследователи легкой добычи не замечали, что уже отрезаны от своих. И, кажется, все больше вокруг становилось огня, черные тяжелые клубы дыма заволакивали и без того пасмурное небо, а затем вдруг налетевший порыв ветра стелил их по земле, гнал прямо на людей, заставляя тех отчаянно чихать, кашлять и тереть глаза руками, позабыв про бой.

В какой-то момент такой клуб накрыл и Элину; ослепленную, ее несколько раз толкнули, и она, едва устояв на ногах, пробежала несколько шагов и ткнулась в стену. Мимо быстро прочавкали по грязи многочисленные копыта. Элина могла лишь повернуться спиной к стене и выставить меч, тщетно пытаясь что-то разглядеть сквозь дым и пелену слез. Затем глаза перестали слезиться, и графиня с удивлением обнаружила, что войско исчезло, словно растаяло вместе с дымом. На самом деле, конечно, бой просто сместился дальше, вглубь города – причем уже давно; отряд, невольной частью которого Элина была еще несколько минут назад, оказался в арьергарде отступления. Теперь же поблизости не было ни чекневцев, ни тарсунцев – не считая, разумеется, тех, что в различных позах застыли в грязи. Неподалеку конвульсивно дергала копытом смертельно раненая лошадь; из ее вспоротого брюха вывалились кишки, окрашивая мутную воду в луже в тошнотворно-розовый цвет. Из-за угла вдруг деловито вышла свинья, покосилась опасливо на еще живую лошадь и, решив, очевидно, что та уже не способна постоять за себя, ткнулась пятачком в липкую груду и принялась с чавканьем есть.

Элина, точно завороженная, с трудом отвела взгляд от этой мерзкой трапезы – и как раз вовремя, потому что на нее уже скакал вооруженный копьем тарсунец с явным намерением пришпилить ее к стене. Первый из врагов, которого она увидела в этот день вблизи. Графиня только сейчас заметила, что потеряла щит, и, значит, ей придется драться пешей с мечом против конного с копьем – задача не из легких, при условии, что враг хорошо владеет своим оружием.

А он им владел. Элина нырнула в сторону в последний момент, надеясь, что копье вонзится глубоко в стену дома и сломается или хотя бы станет на время бесполезным для своего хозяина. Однако острие лишь слегка царапнуло бревна – всадник обладал превосходной реакцией. Элина, выходя из своего маневра, оказалась было у бока его коня и нанесла стремительный удар снизу вверх, надеясь пропороть кольчужный бок тарсунца, но на пути ее меча со звоном встал

круглый щит, а в следующий миг ей пришлось отпрыгнуть назад, уворачиваясь от копья. Тарсунец надвигался на нее конем, прижимая к стене и лишая свободы маневра. Но по-настоящему размер своих трудностей Элина оценила, когда увидела второго всадника, скакавшего на подмогу первому.

Однако, когда второй тарсунец был уже достаточно близко, из переулка навстречу ему вышел человек в забрызганной кровью кольчуге, с обломком меча в руке. Он не был тарсунцем, и всадник поворотил коня, безусловно считая обладателя сломанного меча еще более легкой добычей, чем прижатого к стене, но все-таки вооруженного мальчишку. Однако Эйрих – а это был именно он – увидев занесенное над собой копье, и не подумал уклоняться. Вместо этого он, отбросив свой обломок, ухватил обеими руками древко и резко рванул на себя, в то же время поворачивая его и выталкивая врага из седла. Тот не успел ни оказать сопротивление этому молниеносному приему, ни хотя бы разжать руки, и грянулся на землю. Вторым движением сильных рук Эйрих окончательно завладел копьем, одновременно переворачивая его вниз наконечником. Третье резкое движение сверху вниз пригвоздило тарсунца к земле.

Эйрих ухватил лошадь за повод, но не стал сразу прыгать в седло. Он сделал несколько быстрых шагов в сторону, увлекая за собой коня, и подобрал с земли меч одного из убитых воинов. В следующий миг он был уже в седле.

Элина тем временем тоже добилась кое-каких успехов – ей удалось перерубить угрожавшее ей копье. Однако и острый обломок древка представлял для нее, не защищенной броней, угрозу, и тарсунец не оставлял своих намерений, совсем уже загнав Элину в угол между домом и примыкавшей пристройкой. Азарт, однако, притупил его бдительность, и в тот момент, когда он, как ему казалось, был уже близок к успеху, Эйрих наскакал на него сзади и с размаху снес ему голову.

Элине не требовалось особое приглашение – она легко вскочила на освободившегося коня. Обезглавленный труп застрял одной ногой в стремени, и Элина пинком выбила эту ногу.

– Чекнев пал, – коротко проинформировал ее Эйрих, – нам надо уносить ноги.

Идея была своевременной, поскольку еще несколько тарсунских кавалеристов показались между домами. Элина поскакала следом за Эйрихом, не задавая лишних вопросов и лишь настороженно поглядывая по сторонам. В глубине одной из улиц она увидела человека, который бежал вдоль домов с факелом и большой охапкой соломы; у каждого дома он отделял от охапки пук, поджигал его и пихал в окно. Сначала Элина решила, что это один из нападавших, но затем увидела, что его преследует конный тарсунец. Через несколько секунд тот настиг поджигателя и с оттяжкой рубанул мечом. Элину это удивило, но условия для проявления любознательности были неподходящими.

Эйрих направил своего коня к бреши в городских укреплениях, образовавшейся в результате пожара. Груду обугленных бревен все еще облизывали языки пламени, и прыжок через это препятствие требовал немалой смелости и от коня, и от всадника. Эйрих, однако, без колебаний послал своего скакуна вперед, и тренированный боевой конь, чувствовавший твердую руку наездника, не подвел. Элине ничего не оставалось, как повторить этот прыжок; приземлившись, она снова закашлялась от дыма, но продолжала погонять жеребца каблуками.

Они вырвались из дыма неожиданно для находившихся снаружи тарсунцев, но замешательство последних длилось недолго. Засвистели стрелы; впрочем, ни одна из них не достигла цели. Тогда несколько тарсунских всадников устремились в погоню. Эйрих первоначально думал уйти на запад, но из леса на севере, где находился тарсунский лагерь, выехало еще несколько кавалеристов, которые поскакали наперерез беглецам, вынуждая их отклоняться к востоку и прижимая к реке. Эйрих вдруг снял шлем и бросил его на землю, а затем принялся освобождаться от кольчуги – делать это на полном скаку было нелегко, но у него получалось.

– Что вы делаете? – изумилась Элина.

– Избавляюсь от лишних тяжестей, – ответил он, не прекращая своего занятия. – Нам придется искупаться.

Да, преследователи, охватывавшие беглецов полукольцом с запада, не оставили им другого выхода, кроме как форсировать реку вплавь. Элина подумала о температуре воды и мужественно промолчала.

Кони вынесли их на берег; кольчуга Эйриха тяжело грохнулась на плотный мокрый песок. Ближайшая ладья стояла на якорях в полутысяче футов ниже по течению – достаточно далеко, чтобы не опасаться стрел оттуда, даже учитывая неминуемый снос при переправе.

Животные тоже не были в восторге от перспективы плыть в ледяной воде, но решительность наездников не позволила им ослушаться. Когда кони вошли в воду уже достаточно глубоко, Эйрих, а за ним и Элина, соскользнули с седел. Переправляться на спинах коней, не погружаясь в воду целиком, было бы, конечно, приятнее, но животным было бы тяжело держаться на плаву с такой нагрузкой.

Река стиснула людей в холодных объятиях – сперва сквозь одежду, но вода быстро добралась и до кожи. Сжав зубы и крепко держась за седло, Элина быстро заработала свободной рукой и ногами, поднимая тучу брызг. Эйрих греб спокойно, словно летом. Когда они отплыли уже футов на полтораста, он обернулся и увидел, как тарсунцы, выехав на берег, остановились, перебросились

несколькими словами и повернули коней вспять. В самом деле, преследование двух беглецов из уже взятого города явно не стоило дальнейших усилий.

К счастью для переправлявшихся, река была не слишком широка. Двадцать минут спустя Эйрих и Элина уже взбирались по диагонали по крутому противоположному берегу, втаскивая за собой коней. Наконец они поднялись наверх и вновь забрались в седла. Эйрих довольно долго скакал сквозь лес, заставляя свою спутницу следовать за ним, но если для лошадей это был повод согреться, то у мокрой насквозь Элины, обдуваемой в придачу встречным ветром, не попадал зуб на зуб. Но наконец Эйрих решил, что они отъехали достаточно, и сбавил темп, позволяя коням постепенно остыть, а затем остановился и спешился.

Первоочередной задачей было насобирать сучьев, которые, конечно же, были сырые и никак не хотели разгораться; Элина с досадой подумала о временах, когда добыть огонь можно было простым заклинанием. Но в конечном итоге Эйрих добился успеха и без помощи магии. Потрескивающее пламя постепенно охватило всю предназначенную для него пищу, и путешественники получили наконец возможность погреться и посушить одежду. Сушить приходилось на себе – раздеваться даже и настолько, насколько позволяли строгие западные приличия, было не менее холодно.

Когда съежившаяся в комочек возле самого огня Элина отогрелась настолько, что у нее появилось желание поддерживать разговор, она рассказала Эйриху о странном поджигателе, погибшем от руки тарсунца.

– Ничего необычного, – ответил ее спутник. – Это вполне в характере луситов – жечь свои дома и имущество, чтоб не доставалось врагам.

– Но это же глупо! Вместо того, чтобы пытаться спасти хоть что-то...

– Вы рассуждаете по-западному. А тарсунцы все равно все пожгут, после того как разграбят город.

– И что потом будет с чекневцами?

– Будут жить в землянках и отстраивать прежний город на старом месте. Здесь это все в порядке вещей.

– М-да, – резюмировала Элина и вернулась к более практичным материям. – А ведь все наши пожитки остались там. И моя лошадь тоже...

– Это ничего. Наши трофейные кони неплохи. А когда у человека есть меч, он может добыть все остальное.

– Эйрих! – Элина возмущенно распахнула глаза. – Вы намерены опуститься до грабежа?!

– Вполне почтенное занятие для военного времени, – Эйрих вытянул ноги по касательной к костру. – Где-то там позади сейчас этим занимается целая армия.

– Может, это и допустимо для солдата, но не для рыцаря! Мой отец 12 лет был наемником и не скопил никаких богатств!

– По-вашему, это было очень умно с его стороны?

– Эйрих!!!

– Ну, ну, успокойтесь. Еще немного, и вы с мечом на меня броситесь, – усмехнулся Эйрих, глядя на разгневанную не на шутку Элину. – Давайте раз и навсегда договоримся, что я не рыцарь и не обязан следовать рыцарскому кодексу чести. Ну, если вы так настаиваете, мы можем выдавать расписки на предъявителя тем, у кого реквизируем имущество...

– Вы издеваетесь!

– Всего лишь показываю вам бесперспективность ситуации. У нас есть кой-какие деньги, которые мы получили от Ральда, но их не так много, и половина монет не имеет хождения в этих местах. Я предпочел бы оставить их в качестве неприкосновенного запаса на будущее. И я что-то не думаю, что вы желаете наняться в батраки к богатому луситу. Значит, поправить свои материальные дела мы можем только мечом – либо вступив в очередную армию, но это опять отвлечет нас от целей нашего пути и подвергнет лишнему риску, либо просто взяв то, что не слишком хорошо лежит.

– В этом нет необходимости, – нехотя произнесла Элина. – У меня... имеются кое-какие сбережения помимо платы от Ральда.

– Ну что ж, – улыбнулся Эйрих, – раз вы открыли свои карты, то и я открою свои. У меня тоже кое-что припрятано. Не хотел тратиться в этих диких лесах, ну да ладно, будь по-вашему. Только будьте осторожней, когда станете расплачиваться, особенно золотом. В луситских селениях незнакомца не то что за золотые монеты – за пару хороших сапог прирезать могут.

Высказав эту сентенцию, он вытащил из куртки плоскую флягу, отвинтил крышку и, задержав дыхание, сделал несколько глотков, а потом закусил извлеченным из кармана куском хлеба.

– Костер костром, а вам погреться изнутри тоже не помешает, – сказал Эйрих, протягивая флягу Элине. Та подозрительно понюхала открытое горлышко и брезгливо поморщилась от резкого запаха:

– Это что, спирт?

– Он самый. Вам, конечно, надо разбавить. У вас есть вода?

– Есть, – фляжка висела у Элины на боку под курткой. – Но я не пью крепких напитков. Мой отец говорит, что ум и рука воина всегда должны оставаться трезвыми.

– Так я ж не предлагаю вам напиваться. Это чисто медицинская процедура. Если вы этого не сделаете, то заболеете после сегодняшнего купания, возись потом с вами...

– Я, кажется, не нанимала вас в няньки, – огрызнулась Элина.

– О, разумеется. Если вам хочется, чтобы я бросил вас больную в лесу, я могу это сделать. Только подумайте, что вы от этого выиграете?

– Я пока еще не больная, – пробормотала графиня, не обратив внимания, что они оба употребляют женский род.

– Но предосторожность не помешает.

Элина сопротивлялась не из принципа, а из вполне практических соображений – она боялась опьянеть и все еще не до конца доверяла Эйриху. Тем паче что он предложил ей выпить сразу после того, как она упомянула о зашитом в куртке золоте. «Да ну, чушь, – сказала себе Элина. – Он уже десять раз мог причинить мне зло, если бы хотел. Пока же он наоборот вытаскивает меня из неприятностей...» Последняя мысль была обидной – героям не подобает решать свои проблемы с посторонней помощью, но – приходилось смотреть правде в глаза. Правда, и Эйрих был обязан Элине своевременно приведенной из Чекнева подмогой.

Графиня решительно достала свою флягу и в ее большую крышку, служившую ей походным стаканом – не могла же она, как Эйрих, пить из горла – налила поровну спирта и воды.

– Выдохните, а потом делайте резкий глоток. Не вздумайте задерживать во рту, – наставлял ее более опытный товарищ. – Потом заешьте и запейте водой, – он протянул ей оставшуюся половину куска хлеба – последний их провиант.

Элина предполагала, что пойло будет невкусным, но самые мрачные ее фантазии померкли перед кошмаром реальности. Девушке показалось, что ей, словно казнимому фальшивомонетчику, в глотку залили расплавленный свинец. Сгибаясь в приступе кашля, с побагровевшим лицом, она еле сумела схватить вслепую свою – к счастью, свою – флягу, и, не заботясь уже, конечно, ни о каких приличиях и стаканчиках, сделать несколько жадных глотков из горла. Лишь после этого она смогла положить в обожженный рот кусок хлеба и вяло прожевать его.

– Демоны вселенной, – просипела она, вытирая градом льющиеся слезы, – неужели есть на свете идиоты, которые пьют это не для медицинских целей?!

– Ничего, сейчас вы почувствуете себя комфортней, – ободрил ее Эйрих. И действительно, скоро она ощутила, что проглоченный ею огонь уже не жжет, а приятно согревает все тело. Одновременно все волнения этого дня отодвигались

куда-то на задний план, а глаза сами собой слипались. Элина устроилась поудобней на подстилке из веток и провалилась в сон.

Когда она проснулась, было темно; лишь всполохи костра боролись с промозглым сумраком осенней ночи. Пахло жареным – в прямом смысле. Элина повернулась и увидела Эйриха, который поворачивал над огнем надетую на прутик ободранную тушку небольшого животного.

– Что у нас на ужин? – осведомилась графиня.

– Еж, – просто ответил Эйрих.

Элина скорчила брезгливую гримасу; есть сразу расхотелось.

– Меч – не лучшее средство для охоты в лесу, – продолжал ее спутник. – Лук и стрелы подошли бы гораздо лучше. Я мог бы соорудить западню, но нужно время, чтобы в нее кто-нибудь попался, да и не в двух же шагах от костра ее делать, а далеко уйти я не мог, пока вы спали. Этому ежу просто не повезло – он пробегал неподалеку.

– Когда мы сможем поесть в следующий раз? – осведомилась Элина.

– Подробной карты я не видел, но, полагаю, через день-два мы доберемся до какой-нибудь деревни.

– Ну, это не так много. Знаете, я, пожалуй, откажусь от своей порции.

– Дело ваше, – пожал плечами Эйрих, – мне больше достанется. Вообще-то на востоке едят змей, ящериц, жаб и кузнечиков – и правильно делают.

Окончательно добив аппетит Элины этим сообщением, он приступил к трапезе. Ежовое мясо было довольно-таки вонючим, но его это не смущало.

– Теперь ваша очередь охранять мой сон, – изрек он, закончив. – Разбудите, как рассветет.

Элина осталась наедине с ночным лесом. Было тихо; лишь потрескивал костер, да изредка всхрапывали во сне привязанные к дереву кони (а вот Эйрих спал совершенно беззвучно – можно было подумать, что он даже и не дышит). Потом где-то вдали заухал филин; Элина вздрогнула, хотя и поняла, что это всего лишь птица. Ей подумалось, что в те времена, когда так легко было разжечь огонь, на свет его из ночного леса могло выйти что-нибудь похуже заблудившихся путников или даже вражеских солдат. О, конечно, она и ее меч дали бы достойный отпор лесной нечисти, однако даже самому доблестному воину тяжело драться с противником, многократно превосходящим численно, не знающим усталости, не чувствующим боли и весьма трудно убиваемым. Правда, в те времена существовали и методы защиты помимо меча. Вокруг костра очертили бы магический круг, а в огонь были бы брошены специальные снадобья. Впрочем, в эпоху расцвета магических империй вообще не было места для героизма. Говорят, законы чародеев охраняли даже нечисть, не позволяя ей нападать на людей, но

одновременно и оберегая от их справедливого гнева. Хотя... если нечисть людей не трогала, то почему гнев справедливый? Странно, что Элина раньше не задумывалась над этим вопросом. Героические легенды и баллады, на которых она воспитывалась, не углублялись в философию, а прославляли подвиги рыцарей, убивавших всех, непохожих на них самих (да и похожих, впрочем, тоже). Баллады эпохи, когда долго сдерживавшаяся агрессивность человечества наконец-то вырвалась на свободу...

Ночь прошла спокойно. Небольшой костерок не привлек внимания не только давно вымершей и перебитой нечисти, но и вполне реальных лихих людей. Под утро снова закапал дождь, заставивший Эйриха проснуться даже без помощи Элины. Не говоря ни слова, он раскидал сапогами и затоптал остатки костра и пошел отвязывать лошадей.

Через пару часов они достигли дороги, но не стали выезжать на нее, а двинулись параллельным курсом. Через какое-то время Эйрих заприметил едва различимую тропку, ответвлявшуюся от дороги, и они свернули на нее. На закате, когда Элина уже активно жалела о своем отказе от ежатины накануне, эта тропка привела их в деревню.

Деревня была невелика, в пару десятков дворов. Приземистые дома, придавленные тяжелыми бревенчатыми крышами, глубоко вросли в землю. Дома были большие, срубленные на века; во многих жило по несколько семей. Возле домов имелись огороды, однако полей здесь не было: пропитание жителям доставлял не столько традиционный крестьянский труд, сколько охота и сбор дикого меда в лесу. Спать здесь ложились рано, не считая нужным придумывать себе занятия в темное время суток и затворяя ставни с последними лучами солнца; Эйриху пришлось долго стучаться в крайнюю избу, прежде чем им отворили.

Хозяин, разбойничьего вида детина, заросший до глаз рыжей бородищей, долгое время оглядывал пришельцев подозрительно, молча выслушивая просьбы Эйриха о ночлеге и еде для них и лошадей, и наконец нехотя кивнул и кликнул жену. Вышла хозяйка, беременная баба с круглым, похожим на непропеченный блин лицом, а за ней, топоча босыми пятками, выбежало из горницы с десяток разновозрастных ребятишек; отец, однако, властным окриком отослал их назад и велел спать. Похоже, только этих детей и интересовали гости издалека; хозяин с хозяйкой хотя и выслушали рассказ о падении Чекнева, но остались к нему равнодушны. Даже само название «Чекнев» было им едва знакомо, а «Тарсунь» и «Кислав» звучали вовсе как легендарные имена заморских стран; за всю свою жизнь эти люди не покидали своей деревни – не считая походов главы семьи в лес за добычей – и не собирались делать этого впредь; весь остальной мир для них

словно не существовал. Элина испытала настоящий ужас при мысли о таком образе жизни.

Не все, впрочем, в деревне жили столь замкнуто; некоторые ездили торговать в город (не в Чекнев, в другой, поближе и поменьше), выполняя при этом роль торговых представителей всего селения. Благодаря этому обстоятельству хозяин и согласился принять в качестве платы деньги; обычно в деревне прибегали лишь к натуральному обмену. Была и другая форма связи с внешним миром – некоторые жители брали себе жен из соседних деревень или выдавали туда дочерей, но это случалось редко, большинство браков заключалось внутри деревни, так что больше половины ее обитателей уже состояли между собой в родстве.

Заканчивать ужин пришлось почти в полной темноте; хозяева не удосужились зажечь для гостей лучину. Спать пришлось на широких лавках, которые хозяйка накрыла старыми истершимися шкурами каких-то зверей. Легли не раздеваясь, сняв только сапоги; а Эйрих еще и не стал отстегивать меч.

Утром после завтрака Эйрих попытался расспросить о дальнейшей дороге на восток – и, к удивлению Элины, получил довольно подробный ответ от хозяйки, у которой была подруга родом из соседнего селения. Путники набрали себе еды в дорогу, и затем Эйрих полез в кошель за деньгами. Ни о какой меди хозяин слышать не хотел, и Эйрих протянул ему ральдовскую серебряную полукрону, полагая, что это весьма щедрая плата. Лесовик посмотрел на монету презрительно, и крикнул: «Жена! Принеси гривну!»

Хозяйка вышла в другую комнату и вернулась с толстым серебряным незамкнутым обручем, украшенным затейливыми узорами. Весу в нем было не менее трех фунтов. На Западе за такую вещь – учитывая не только вес драгоценного металла, но и искусную работу – можно было бы купить целую деревню, и получше, чем эта. Но еще больше, чем богатству этого лесовика, Элина поразилась его беспечности – он демонстрировал свое достояние двум вооруженным незнакомцам, в то время как его собственные дубина и копье стояли у стены в отдалении. Это не очень вязалось со словами Эйриха, что луситы готовы прирезать за пару сапог – будь они таковы, логично было бы им и от других ожидать подобного. Или луситу так хотелось утереть нос пришельцам, что он забыл об осторожности? Элина метнула настороженный взгляд на Эйриха и поняла, что он подумал о том же самом. Ей даже показалось, что рука ее спутника чуть сдвинулась в сторону меча. Но под взглядом Элины тот, должно быть, вспомнил свое согласие честно платить, а не брать силой.

Лесовик больше ничего не сказал, но его отношение к жалкой серебряной полукроне было продемонстрировано вполне наглядно. Эйрих, скрепя сердце,

выложил еще две монеты, и, хотя лусит явно рассчитывал получить больше, решительно направился к выходу, слыша недовольное бормотание за спиной.

Отъезжая от дома, Элина бросила взгляд назад, и ей показалось, что в дверной щели мелькнул любопытный детский глаз. Сколько времени пройдет, прежде чем унылая пустая скука местной жизни убьет в этих детях всякую живость и интерес, превратит их в угрюмых лесовиков, замкнувшихся в скорлупу тупого равнодушия? Даже произведения искусства здесь держат где-нибудь за печкой кишащей насекомыми избы, завернутыми в грязную тряпку...

– Луситские земли богаты и малонаселены, – произнес Эйрих, чьи мысли, очевидно, развивались в сходном направлении. – Счастлив будет правитель, которому удастся их покорить... Только боюсь, что всех армий Запада не хватит для контроля над этими дикими лесами.

Деревня осталась позади. Едва приметная лесная дорога вела на юго-восток; судя по отсутствию следов, по крайней мере с начала дождей по ней никто не ездил. Всю первую половину дня они ехали без каких-либо происшествий – разве что дорога иногда совершенно исчезала под копытами, но вскоре проступала вновь; даже то начинавшийся, то перестававший дождь воспринимался уже как зло привычное и неизбежное. Однако где-то в четвертом часу пополудни выяснилось, что обычный дискомфорт – не худшее последствие дождей. Под копытами подозрительно захлюпало, деревья стали редеть, да и характер жухлой растительности по бокам дороги изменился.

– Болото, – констатировал Эйрих.

– Но дорога идет через него, – возразила Элина, – значит, можно проехать.

– Летом, может, и можно. А в период осенних дождей – не уверен. Спешиваемся.

Они слезли с коней, и Эйрих, срубив мечом два тоненьких деревца, изготовил шесты для прощупывания пути. Путники осторожно двинулись вперед, ведя коней в поводу. Предосторожность оказалась нелишней – в скором времени Эйрих, шедший первым, едва не провалился по колено; очевидно, дальше было только хуже. Впереди виднелись остатки старой гати, но она, как видно, не обновлялась слишком давно. Пытаться форсировать болото напрямик, да еще с лошадьми, было явным безумием. Лишним подтверждением тому служил торчавший в отдалении из бурой жижи предмет, который Элина сперва приняла за корягу, но потом поняла, что это лосиные рога.

Путникам ничего не оставалось, как искать путь в обход. Болото оказалось весьма обширным – недаром прокладывавшие дорогу не попытались его обогнуть. Ночь застала Элину и Эйриха по-прежнему бредущими по хлюпающей грязи на юг в тщетных попытках свернуть к востоку. Пришлось-таки снова заночевать в

промозглом осеннем лесу; утром же поднялся такой туман, что всякие дальнейшие поиски пути пришлось отложить почти до полудня. По мере их продвижения граница болота начала отступать, и к вечеру путники уже двигались в восточном направлении, однако по-прежнему вдали от всяких признаков жилья. Меж тем их запасы провизии, рассчитанные на два дня, подходили к концу, да и с водой было не лучше – окруженные со всех сторон сплошной сыростью, не могли же они пить воду из болота или грязных луж на земле. Эйрих, впрочем, в очередной раз продемонстрировал широту своих кулинарных взглядов – оставив луситскую еду Элине, он изловил руками ужа (попутно объяснив вздрогнувшей графине, чем ужи отличаются от гадюк) и, надев на палку, зажарил на костре. Элина заставила себя смотреть на его трапезу – и с удивлением убедилась, что в этом нет ничего отвратительного, если только не внушать себе обратное. Тем не менее, попробовать она не решилась.

На третий день, по-прежнему шагая вдоль южного края болота и не рискуя садиться в седло, Эйрих заметил в грязи человеческие следы. Строго говоря, они не обязаны были привести к жилью; человек, скорее всего, был охотником на промысле, и встреча с ним могла произойти вдали от его селения. Тем не менее, у него по крайней мере можно было расспросить о дороге.

На сей раз, однако, судьба улыбнулась путешественникам; четыре часа они шли по следу, а затем впереди обозначился просвет, и вскоре Эйрих и Элина вышли к околице деревни. Для пущей солидности они вновь сели на коней, прежде чем выехать из леса.

Это селение было больше предыдущего, притом местные жители были не только охотниками, но и земледельцами; они вырубили и выжгли под свои поля довольно большой кусок леса.

Никто не встретил путешественников на краю деревни – и это не удивительно, так как, похоже, основное ее население собралось на широкой площадке в центре. Урожай был давно убран, так что вряд ли это был какой-нибудь сельскохозяйственный праздник; непохоже было и на сход общины, решающей какие-то вопросы, ибо в толпе было немало детей и подростков. Заинтригованные, Элина и Эйрих подъехали к собравшимся.

Оказалось, что толпа окружает полукольцом врытый в землю столб, к подножию которого несколько человек стаскивали поленья, ветки и сучья. Среди луситов царило возбуждение, они явно предвкушали какое-то радостное событие. Взгляды большинства были устремлены куда-то в сторону леса на юге. Лишь несколько человек обратили внимание на конных чужаков и повернулись к ним. Эйрих приветствовал их по-луситски и спросил, могут ли двое путников остановиться в этой деревне на ночлег.

– Можно, отчего нет, – ответили ему и вновь обернулись в прежнем направлении; должно быть, то, что находилось там, было интереснее двух вооруженных незнакомцев в нетипичной для этих мест одежде.

– У вас какой-то праздник? – осведомилась Элина.

– Еще какой, – ответил ей тощий плешивый лусит, демонстрируя в ухмылке щербатые зубы. – Давненько уж таких не было!

Элина хотела продолжить расспросы, но в этот момент среди деревьев близкого леса обозначилось какое-то движение, и звонкий мальчишеский голос закричал: «Ведут! Ведут!» Толпа зашумела и чуть подалась вперед.

Из леса вышло несколько человек. Почти все они были луситы, однако среди луситских серых армяков мелькала одежда необычного темно-зеленого цвета. Судя по движениям остальных, они тащили этого зеленого, и притом весьма грубо, сопровождая пинками и колотушками. Жители деревни, видя это, разразились бранными криками – но отнюдь не по адресу своих земляков, жестоко обходившихся с пленником. По мере того, как те приближались, Элина лучше разглядела их жертву. Это был длинноволосый юноша – или даже девушка? – нет, пожалуй, все-таки юноша в разорванной одежде явно не луситского, а скорее западного покроя. Тонкие черты его бледного лица, несмотря на ссадины и кровоподтеки, удивительно контрастировали с грубыми, словно вылепленными неряшливо из крупных кусков глины, лицами луситских крестьян. Его руки были скручены за спиной, и вообще он не пытался оказать никакого сопротивления своим мучителям; те били и пинали его, по всей видимости, исключительно из садистского удовольствия.

Элина задохнулась от возмущения. У нее не было сомнения, что юноша – западный дворянин, каким-то образом оказавшийся в этих краях; и эти грязные скоты осмеливались так с ним обращаться! Ладонь графини немедленно охватила рукоять меча, но другая сильная рука, сдавившая ее запястье, помешала извлечь оружие из ножен.

– Не вмешивайтесь, – процедил ей в ухо Эйрих.

– Но разве вы не видите... – Элина ожгла его возмущенным взглядом, однако тоже понизила голос.

– Это не то, что вы думаете. Кроме того, мы все равно не можем ему помочь. Их здесь сотни.

Пленник, которого подтащили уже совсем близко, вдруг поднял голову и увидел двух всадников, смотревших на него. Элину поразило, что во взгляде его даже на мгновение не мелькнула надежда. Он явно не ждал, что эти люди, судя по всему – практически его соотечественники, придут ему на помощь; он считал, что они тоже входят в число палачей! Этого Элина уж никак не могла вынести, но,

прежде чем она успела выхватить меч, движение головы пленника откинуло в сторону прядь его волос, и Элина увидела его ухо.

Это ухо не было человеческим. Оно было длинным и острым на конце, словно у волка или лисицы. Эльф!

– Что вы собираетесь с ним делать? – дрогнувшим голосом спросила Элина у ближайшего крестьянина, хотя ответ был очевиден.

– Как что? – искренне удивился он. – Сжечь нечистое отродье!

На Западе эльфов никогда не считали нечистью. Этот загадочный народ, живший в лесах, словно звери и дикари – но, разумеется, совсем не так, как те и другие! – издавна вызывал любопытство, восхищение и зависть. В своих чащобах эльфы создали искусство, заставлявшее смущенно разводить руками поэтов и музыкантов человеческих городов. Наука и технология были чужды им; они были искусны в магии, но лишь до определенных пределов – намного превосходя среднего человека, однако никогда не поднимаясь до уровня человеческих чародеев, правивших миром. По всей видимости, дело было в том, что если людям необходимо было учиться магии, то эльфы обладали ею от природы – однако же своим природным уровнем и довольствовались, не пытаясь – или не имея возможности – его повышать. Непревзойденные лучники, они почти никогда не воевали друг с другом и тем более с людьми – впрочем, в эпоху чародейских империй войны были вообще немыслимы. Эльфы не вмешивались в дела людей, но и их в свои дела допускать не любили, что, конечно, способствовало атмосфере таинственности и всевозможных домыслов. Говорили, что им не ведомы боль и страдания, что они бессмертны – и впрямь, случалось, что несколько поколений людей были знакомы с одним и тем же эльфом.

Когда же магия стала терять свою силу, и власть чародеев рухнула, изменилось отношение людей ко многому, что окружало их в прежнем мире – в том числе и к эльфам. Зависть моментально взяла верх над восхищением. Не сразу и не везде неприязнь перешла в прямое истребление; эльфам повезло больше, чем несчастным гномам, большинство из которых умерло под пытками, когда люди пытались выведать у них тайны подземных кладов. Палачи не могли понять, что стараются понапрасну, очарованные собственными легендами – ибо на самом деле никаких кладов никогда не было, так как человеческий ажиотажный интерес к блестящим камешкам совершенно чужд гномьей культуре. Кое-где от эльфов тоже пытались добыть подобным образом эликсир молодости, но большинству была ясна бесперспективность таких попыток, ибо ни одна легенда не относила чудесные эльфийские свойства на счет какой-либо технологии. Поэтому чаще всего короли нового мира просто издавали указы об изгнании эльфов с их земель. Там, где эльфы не подчинялись, против них посылали солдат, их травили

собаками, иногда выжигали целые леса. Эльфы вынуждены были бежать в другие королевства, но аналогичные указы издавались и там. Изгнанникам приходилось скрываться в самых отдаленных и глухих углах; должно быть, немало их откочевало в земли луситов, где лесов было много, а людей мало – впрочем, в те времена местные леса были еще населены другими существами, теми, кого и в магическую эпоху люди считали нечистью, но не смели трогать, повинуясь законам чародеев; так что и здесь эльфов ждали враги, слабеющие от потери магических сил, но сильные злобой и отчаянием. Не всем человеческим королям, впрочем, ненависть и ксенофобия затмевали здравый смысл; некоторые предпринимали попытки использовать эльфов, создавая из них стрелковые части – однако эти попытки потерпели неожиданный крах. Дело было даже не в том, что война была несвойственна эльфийской культуре – от отчаяния многие из них готовы были служить в человеческих армиях; однако выяснилось, что реальные таланты эльфов намного уступают легендарным. Проще говоря, пошедшие на королевскую службу эльфы оказались еще худшими лучниками, чем люди, да к тому же их отличала меньшая выносливость. Некоторые человеческие владыки брали эльфов в качестве придворных бардов – и в этом качестве представители гонимого народа оправдали возлагавшиеся на них надежды; но оправдали слишком хорошо – рано или поздно с каждым из них происходил несчастный случай, ибо их коллеги-люди не хотели оставаться без работы.

Но все это было давно; на Западе уже не одно поколение никто не встречал живого эльфа, их считали вымершими вместе с другими существами, слишком тесно связанными с магией. На смену прежней ненависти пришло что-то даже вроде ностальгии; за былую травлю, конечно, никто не покаялся, о ней просто предпочитали не вспоминать, и потомки тех, кто когда-то лично командовал карательными рейдами, нередко вздыхали теперь, особенно в галантных беседах с дамами, о чудесной, но слабой расе, не выдержавшей суровой реальности нашего мира. Но так было на Западе, где эльфов давно не осталось; на Востоке же, где, как видно, они еще встречались, их считали нечистью и продолжали уничтожать.

Пленника уже подтащили к столбу, когда клинок Элины наконец вылетел из ножен:

– Стойте!

– Не делайте глупостей! – раздраженно воскликнул Эйрих по-тарвилонски.

– Поддержите меня или спасайтесь бегством, выбор за вами, – ответила графиня, не глядя в его сторону и чуть подавая коня назад, дабы не быть окруженной луситами. Те, в свою очередь, воззрились на портящего им удовольствие чужеземца с недоумением, лишь начинающим переходить во гнев.

– Именем короля Тарвилонского... и князя Чекневского, – вставила находчивая Элина, – я требую, чтобы вы отпустили этого чел... вашего пленника.

Луситы возмущенно загомонили.

– Нам князь не указ!

– А ты кто такой вообще?

– От горшка два вершка, а ишь, командует!

– А ну вали отсюда подобру-поздорову!

Толпа с угрожающим видом подалась вперед.

– Р-разойдись! – властно рявкнула Элина – насколько вообще можно властно рявкать звонким девичьим голосом – и меч ее описал угрожающий полукруг в воздухе, а конь надвинулся грудью на луситов. Крестьяне попятились. Их было несколько сотен – вместе, впрочем, с женщинами и детьми – а противников всего двое, но у крестьян не было оружия, а их противники были конные и вооруженные мечами, и получить рубящий удар с лошади никому не хотелось.

– Назад! А ну назад! – приказывала Элина, медленно продвигаясь сквозь расступавшуюся толпу в сторону столба. Эйрих, видя, что ничего уже не поделаешь, двигался с обнаженным мечом следом, прикрывая ее с тыла.

– Братцы, да что ж это делается! – крикнул кто-то в толпе. – Кого слушаете?!

Какой-то могучего вида мужик, раздвинув плечом соседей, шагнул вперед с явным намерением схватить Элину за руку и стащить с седла, но меч просвистел над ним так резко, что срезал верхушку шапки, оставив нижнюю ее часть на ушах обладателя. Мужик в испуге отшатнулся.

– В следующий раз это будет твоя голова! – предупредила Элина. – Ну? Кому не ясно? Все назад!

Перед ней остались только те, что держали эльфа и собирались привязать его к столбу. Они тоже попятились, пытаясь увлечь пленника за собой. Но тот, осознав, что у него появился шанс на спасение, вдруг рванулся, подбежал со связанными руками к коню Элины и прижался к стремени.

– Да они, небось, сами нечистые! – выкрикнул кто-то истеричным голосом. – Бей их, ребята!

И от этого крика толпа словно вновь обрела мужество и надвинулась со всех сторон. Ближайшие, вероятно, совсем не хотели лезть под меч, но ничего не могли поделать – задние напирали и толкали их. Элина поняла, что успеет зарубить лишь троих-четверых, прежде чем ее сдавят со всех сторон и сволокут с седла; похоже было, что эти смерти не остановят толпу, а лишь разожгут ее гнев. Положение становилось отчаянным; вероятно, еще можно было спастись, бросив эльфа и послав коня на прорыв, но рыцарская честь отвергала такой выход.

В этот момент за спиной у Элины раздался тонкий испуганный визг, которому почти сразу отозвался женский вопль из толпы. Графиня метнула взгляд через плечо и увидела, что Эйрих выхватил из толпы ребенка (для чего ему понадобилось проломиться сквозь первые ряды) и усадил его на лошадь перед собой, прижимая к его горлу лезвие ножа; меч он по-прежнему держал в другой руке наготове.

– Эй, вы! – гаркнул он. – Дайте нам спокойно уехать, и мы отпустим пацана. Иначе я порежу его на куски у вас на глазах!

Крестьяне в растерянности остановились. Громко голосила женщина, очевидно, мать мальчика; через несколько секунд она принялась хватать своих соседей за одежду и за руки, пытаясь оттащить назад – очевидно, из страха, что чужак приведет угрозу в исполнение. Элина тем временем, пользуясь минутой замешательства, тоже вытащила нож, и, склонившись с седла, быстро перерезала веревки на руках эльфа.

– Вы плохо слышите? – прорычал Эйрих. – А ну дорогу!

Крестьяне вновь начали расступаться. «Чего уж там... пусть убираются...», – бормотали они в оправдание друг другу.

– А ну как все равно не отпустит? – выкрикнул какой-то молодой парень.

– Я останусь здесь, пока мой друг не уедет, – сказал Эйрих, – потом отпущу мальчишку и уеду сам. Ну? Вам все ясно?

Элина тем временем подала эльфу знак, что тот должен забраться на лошадь позади нее. Эльф попытался, но получалось у него это не слишком хорошо. Элине пришлось буквально втащить его. Крестьяне меж тем разошлись в стороны, образовав коридор. Графиня оглянулась на Эйриха.

– Езжайте, – кивнул он, – обо мне не беспокойтесь. Я буду следом. Проедете мили три на восток, а там ждите меня.

Элина положила руки эльфа на свой ремень – сам он сделать это не догадался или не осмелился – и пришпорила коня.

Проскакав по лесу, как и было условлено, около трех миль, она остановилась, отъехала чуть в сторону и стала внимательно вслушиваться. Вскоре послышался топот копыт; судя по звуку, это был один всадник – значит, погони не было. Затем меж деревьев показался Эйрих.

– Все в порядке? – спросила Элина, выезжая навстречу.

– Да... – ответил тот с брезгливым выражением лица, – если не считать того, что гаденыш обмочился прямо на спину моей лошади.

– Знаете что, – сказала графиня строго, – я, конечно, понимаю, что, возможно, ваши действия спасли нас всех, но угрожать смертью ребенку...

– Знаю-знаю. Противоречит законам рыцарства. Но мы ведь уже договорились, что эти законы писаны не для меня.

Элина промолчала. Что возразить, если найденный ее спутником выход, похоже, действительно был единственным? Тем паче что в конечном итоге никто не пострадал – не считая, конечно, психического потрясения.

– Нас не преследуют? – уточнила графиня, когда они поскакали рядом.

– Может, и будут, когда опомнятся, – равнодушно ответил Эйрих. – В деревне, конечно, есть лошади, но что стоят крестьянские клячи против боевых коней? Даже учитывая, что один из них несет двух седоков – вы вместе едва ли весите намного больше меня одного.

Несколько часов они ехали в быстром темпе, прежде чем Эйрих, наконец, решил сделать привал – тем более что кони как раз вынесли их к ручью, где можно было пополнить запасы воды. Эльф неуклюже слез на землю вслед за людьми. Очевидно, он впервые в жизни ехал верхом – к тому же еще и не в седле – и у него ныло все тело.

– Сердечно благодарю вас за избавление от ужасной смерти, – сказал он, мешая луситский с каким-то старинным западным диалектом. Это были его первые слова за все время. Отрывочные познания в разных языках, которых Элина нахваталась в детстве, и тут сослужили ей хорошую службу.

– Это был наш долг, – ответила она. – Вы случайно не говорите по-тарвилонски?

– Увы, я даже не имел чести слышать об этой достойной стране, – печально покачал головой эльф. – Ведь вы не луситы?

– Разве мы похожи на луситов? – возмутилась Элина. – Мы с Запада.

– Мои предки покинули Запад очень давно, – произнес спасенный еще более печально. Он мог бы добавить к этому еще кое-что, что поумерило бы чувство превосходства графини над кровожадными луситами, но не хотел огорчать своих освободителей.

– Как вас зовут? – спросила Элина.

– Йолленгел, к вашим услугам. Могу ли я, в свою очередь, узнать ваши благородные имена?

– Эрвард Эльбертин, – ответила графиня, с явной неохотой скрывая свое настоящее имя. – А это Эйрих. (Тот даже не кивнул, занятый разведением костра.) И прошу вас, Йолленгел, не выражайтесь столь цветисто. Мы в лесу, а не на придворной церемонии.

– Хорошо, – неожиданно просто согласился эльф. – Мне и самому кажется нелепым следовать этикету, за соблюдением которого уже некому следить.

– Вы хотите сказать, – произнесла потрясенно Элина, когда до нее дошел смысл этих слов, – что из вашего народа больше никого не осталось?

– Может, в каких-то дальних краях кто-то еще и уцелел, но по крайней мере в этих лесах я последний, – спокойно ответил Йолленгел.

– Но как такое могло случиться? – допытывалась Элина почти с возмущением, не задумываясь, что ее расспросы могут причинять эльфу боль. – Ведь у вас когда-то была цивилизация, не уступавшая человеческой... легенды говорят, что даже превосходившая... Как же вы позволили истребить себя каким-то дикарям?

– В определенной мере мы это заслужили, – ответил Йолленгел. -Это расплата за высокомерие... Мы на протяжении многих веков смотрели свысока на людей с их суетой, сосредоточив свои усилия в сфере искусства. Но в нашей свободе от мелочных проблем, столь обременительных для человека, не было нашей заслуги – мы просто пользовались природной силой магии. Мы не были связаны с ней столь же тесно, как феи и другие существа, которым магия обеспечивала само их физическое существование – они исчезли гораздо раньше, в последние годы чародейских империй. Нет, мы вполне можем жить без магии – точнее, существовать... но всеми теми свойствами, которые вызывали у людей сначала восхищение, а потом раздражение, мы обязаны ей. Когда-то мы жили по несколько столетий – не более, впрочем, бессмертными мы были лишь в воображении короткоживущих людей... мы всегда отыскивали дорогу в лесу, могли пройти по самому топкому болоту и самому глубокому снегу, словно по каменному плато, а наши стрелы летели на милю и находили цель в самой густой чаще. Но увы – все это ушло вместе с умирающей магией. Ирония судьбы состоит в том, что когда люди, обуреваемые завистью, все-таки ополчились на нас, завидовать было уже нечему. Мы не просто были отброшены на одинаковый с ними уровень – нет, наше положение оказалось гораздо хуже, потому что у нас не было ни знаний и навыков, необходимых для выживания в новых условиях, ни... элементарной выносливости, душевной и физической.

– Зачем же вы откочевали в эти дикие восточные леса, а не остались в цивилизованных странах?

– Увы, – печально улыбнулся эльф, – на Западе отношение к нам было немногим лучше.

Элине нелегко было это переварить. Она привыкла гордиться западной цивилизацией и ее героической историей – согласно легендам, именно Западу принадлежала ведущая роль в свержении власти чародеев, именно с гордого и свободолюбивого Запада пошла волна освобождения человечества из-под опеки магов. И до самого последнего момента графиня полагала, что слова о «людях, обуреваемых завистью», относятся исключительно к луситам.

– А ведь мы по природе так близки к людям, – с болью в голосе продолжал Йолленгел. – Гораздо ближе, чем те же гномы, которые суть не что иное, как измельчавшая мутация троллей. У людей и эльфов даже могут быть общие дети... правда, бесплодные. Хотя, наверное, это стало лишь еще одной причиной для ненависти... Впрочем, в этих лесах прежде жили существа, совсем не похожие на человека – так их истребили еще раньше. Они сами виноваты – были агрессивны и лезли на рожон, в то время как нам хватало ума прятаться. Конечно, это была лишь отсрочка... я прятался всю свою жизнь, и все равно сегодня утром, после двухдневной охоты, они меня взяли.

– Всю жизнь – это сколько? – поинтересовалась Элина.

– Эльфы теперь живут столько же, сколько люди – 60–70 лет, и я прошел уже половину этого пути. Мне 36.

Только тут Элина, всмотревшись внимательно в лицо эльфа, поняла, что перед ней отнюдь не юноша. Кожа утратила гладкость, сделалась вялой, от глаз и уголков рта разбежались мелкие морщинки, под глазами залегли тени. Должно быть, и светлые волосы скрывали уже первую седину.

– Йолленгел, вы, должно быть, хорошо знаете местность? – спросил вдруг Эйрих.

– Что именно вас интересует? – ответил эльф с достоинством.

– Меня интересует дорога на восток. Так, чтобы она проходила через населенные пункты.

– Населенных пунктов мы избегали, – достоинство как-то сразу исчезло из интонации эльфа – Элине было даже неприятно слышать, как он подобострастно добавил: – Но если вас интересует лес...

– Лес вы знаете хуже луситов, иначе они бы вас не сцапали, – безжалостно закрыл тему Эйрих.

– Строго на восток отсюда есть довольно крупный город... кажется, – сделал еще одну попытку Йолленгел.

– Есть. Называется Перск. Я бы предпочел сведения о населенных пунктах, которых нет на луситских картах.

«И когда это он умудрился ознакомиться с луситскими картами?» – удивилась Элина. Эльф меж тем лишь беспомощно повел плечами.

Эйрих развязал приобретенную в прошлой деревне котомку и извлек жалкие остатки их еды.

– Вам я не предлагаю, – обратился он к эльфу. – Сами видите, тут и одному человеку мало. У нас был выбор – спасать вас или пополнять запасы продовольствия.

– Понимаю, – безропотно кивнул эльф.

– Эйрих, но это же непорядочно – заставлять голодного смотреть, как мы едим! – попыталась в очередной раз возмутиться Элина.

– С каких это пор аристократам портит аппетит чужой голод? – усмехнулся ее спутник. – И потом, никто никого не заставляет. Мы отъехали от той деревни достаточно далеко, и Йолленгел более не нуждается в нашем покровительстве.

– Если позволите, я хотел бы присоединиться к вам, – просительно произнес эльф. – В этих лесах мне нет больше места. Я остался один, я даже... не могу изготовить себе новую одежду...

– И как далеко вы намерены нас сопровождать? – осведомился Эйрих тоном, далеким от одобрения этой идеи.

– Зависит от того, куда вы направляетесь.

– Мы направляемся на юго-восток. Далеко, за Омолу и Срединное море.

– Очень хорошо, я был бы рад ехать с вами.

– Никогда не слышал, чтобы эльфы жили в восточных странах, – удивился Эйрих.

– Они и не жили. Именно поэтому я и хочу попасть туда. Там нас не знают, а значит, и не испытывают к нам неприязни.

– Достаточно авантюрная идея. В любом случае, мы не можем согласиться с вашим предложением.

– Эйрих, с каких пор вы решаете за нас обоих? – возмутилась графиня.

– Что ж, если вам угодно устроить обсуждение, давайте обсудим, – усмехнулся тот.

– Не стану вам мешать, – поспешно поднялся эльф. – Позовите меня, когда примете решение, – он повернулся и пошел прочь от костра.

– Неужели вы не понимаете, что он будет для нас только лишней обузой? – накинулся на Элину Эйрих, даже не дождавшись – возможно, намеренно – пока Йолленгел удалится на достаточное расстояние. Впрочем, в тарвилонской речи эльф смог бы разобрать лишь отдельные однокоренные слова, но интонация была вполне красноречива. – Он же ничего не умеет, кроме как прятаться в лесу, да и то плохо. Он не способен постоять за себя, не говоря уже о том, чтобы сделать что-то полезное для нас. А нам пришлось бы купить ему коня, на котором он к тому же не умеет ездить, одежду, кормить его всю дорогу... Не говоря уже о том, что я не собираюсь из-за него и впредь ночевать в лесу и избегать поселений. Вы сами видели, как луситы относятся к эльфам. Мы, конечно, могли бы выдавать его за человека, но что прикажете делать с его ушами?

– Но это же последний эльф в этих местах! Может быть, на всем свете. Неужели мы спасли его только ради того, чтобы обречь на гибель?

– Спасать его – это была ваша идея, – напомнил Эйрих. – Я с самого начала предлагал не вмешиваться. И если он действительно последний, то что это решает? Все равно ему уже не с кем породить потомство.

– Кто знает, может, когда-то ему еще удастся встретить своих, – не слишком последовательно возразила Элина.

– Это на востоке-то, где эльфов отродясь не было?

– И потом, мы все-таки не животные, чтобы мыслить категориями породы. Индивидуальная жизнь тоже представляет ценность!

– Вы намерены спасать каждого неудачника на свете? Вашей индивидуальной жизни на это не хватит.

– Если нельзя устранить все зло в мире, это не значит, что не надо бороться с тем, которое встречается на твоем пути.

– И на это вас тоже может не хватить. Я не знаю, какова конечная цель вашего путешествия, но знаю, что забота об этом эльфе будет мешать ее достижению. Выбирайте, что для вас важнее.

Элина прикусила язык. За всеми трудностями и опасностями последних дней она как-то почти не вспоминала об Артене. У нее были основания считать, что пока ему не грозит непосредственная опасность – иначе она почувствовала бы это через медальон. Но кто знает, что может случиться в будущем? Даже и самая незначительная задержка в пути может оказаться роковой. Эйрих был прав – все рациональные доводы были против принятия эльфа в компанию, он не годился даже в качестве проводника. Одно лишь благородство заставляло Элину возражать. Но последний довод Эйриха поколебал ее решимость.

– Пожалуй, вы правы, – сказала она. – Но мы не можем так вот просто прогнать его. Пусть он едет с нами хотя бы до ближайшего селения и там подождет в лесу, а мы купим ему одежду и, может, какое-то оружие. Я сделаю это на свои деньги, – поспешно добавила графиня.

– Ну что ж, дело ваше. Если вы так уверены, что деньги не понадобятся вам впоследствии... – пожал плечами Эйрих и громко позвал эльфа.

Тот выслушал решение и постарался не выказать своего огорчения, тем более что это был еще не худший вариант.

– Знаете, я не так уж и ни на что не способен, как вы, верно, решили, – сказал он. – Конечно, мои умения не идут ни в какое сравнение с легендарными качествами предков, но все-таки я с детства добывал пропитание охотой. Жаль, что не получится изготовить лук... нет ни жил для тетивы, ни наконечников для стрел. Но если кто-нибудь из вас даст мне нож, я постараюсь что-нибудь придумать.

Элина протянула ему просимое. Йолленгел поблагодарил и вновь скрылся в лесу. Эйрих не возражал против самой идеи поохотиться – хотя до заката оставалась еще пара часов, место на берегу ручья было удачным для ночлега, и трогаться в этот день дальше не имело смысла. Однако к способностям эльфа он явно относился скептически, и сам отправился поставить несколько силков, оставив Элину сторожить лагерь. Вернулся он еще засветло. Йолленгела еще не было; не пришел эльф и после наступления темноты.

– Сдается мне, что он решил обменять наше гостеприимство на ваш нож, – усмехнулся Эйрих, укладываясь спать и оставляя Элину на часах. Ей не хотелось так думать, но за несколько часов ее смены эльф так и не вернулся.

Утром Эйрих разбудил ее и отправился проверить ловушки. Ему повезло – в одной из них он обнаружил зайца. Пока мясо жарилось, Элина мужественно терпела восхитительные запахи, ничем не показывая, насколько велик ее аппетит. Зато, когда пришла пора отведать эйрихову добычу, графиня набросилась на нее чуть ли не с урчанием. В этот момент из-за деревьев почти бесшумно показался Йолленгел.

В одной руке он нес самодельное копье – к обструганной палке был привязан ремнем нож Элины – а в другой держал добытого им барсука.

– Вы могли нас уже не застать, – заметил Эйрих, отрываясь на миг от сочного куска зайчатины.

– Надеялся, что застану, – ответил эльф. – Мне не хотелось возвращаться без добычи.

– Ну что ж, придется нам еще задержаться, чтобы зажарить и ваш трофей. Не пропадать же мясу.

После того, как с едой было покончено, а оставшееся жареное мясо уложили в котомки, путники вновь двинулись на восток. Йолленгел по-прежнему ехал за спиной Элины.

Весь этот день и следующий они ехали по лесу; лишь на третий они наткнулись на тропу, которая, в свою очередь, вывела их на дорогу. Здесь Йолленгел занервничал – на дороге шансы повстречаться с луситами резко повышались. То же самое подумал и Эйрих, а подумав, велел эльфу – как обычно, без лишней деликатности – спешиться и идти по лесу параллельно дороге. Им приходилось ехать шагом, чтобы эльф не отставал, и Эйрих не упустил случая напомнить Элине свои слова о помехах и задержках.

Дорога привела их в большое луситское село. Здесь было более сотни дворов и даже какое-то подобие земляного вала по периметру; вполне вероятно, что в будущем этому селению предстояло стать городом. Местные жители обрабатывали землю, выращивали скот, занимались кожевенным, гончарным и

винокуренным промыслом, активно торговали с Перском и вполне имели представление о событиях во внешнем мире. О падении Чекнева здесь уже знали; знали и о результатах двух других битв в ходе борьбы за кристлавский престол, разразившихся южнее. Перяне, однако, в этой борьбе не участвовали: княжество зализывало раны после летнего похода кочевников. До этого села степняки не добрались, однако некоторые из местных жителей воевали в княжеском ополчении и бились с врагами на стенах Перска; их рассказы до сих пор пользовались популярностью.

Здесь Эйрих и Элина купили запасную одежду и другие вещи, утраченные в Чекневе, а также приобрели луситские меховые шапки; до первых заморозков оставалось, должно быть, совсем не долго. Посетили они и местного оружейника и купили два небольших лука со стрелами и широкий нож. Один из луков Эйрих приобрел для себя, как видно, учтя предыдущий опыт блуждания по лесу без еды – хотя и находил это оружие громоздким и мешающим. Остальное оружие предназначалось для эльфа. Договорившись с хозяином одного из домов о ночлеге, Элина и сопровождавший ее на всякий случай Эйрих вечером отъехали в лес, на условленное место встречи с Йолленгелом.

Эльф уже давно поджидал их – и, надо отдать ему должное, делал это весьма скрытно; они не заметили его, пока он сам не вышел. Элина спешилась и передала ему костюм, шапку, оружие и флягу с водой; Эйрих наблюдал за этим, не покидая седла.

– Увы, мне даже нечем отблагодарить вас, – сказал Йолленгел, – но я никогда не забуду, что вы для меня сделали. Я всегда надеялся, что не все люди – варвары и убийцы.

– Желаю вам отыскать своих сородичей, – ответила Элина.

– Хотелось бы верить, – вздохнул эльф, – но вряд ли это возможно. Так или иначе, спасибо вам!

Он замолчал, но не спешил уходить – словно надеялся, что в последнюю минуту ему предложат остаться.

– Нам пора, – сказал Эйрих и поворотил коня.

– Прощайте, Йолленгел, – Элина подняла руку в рыцарском салюте.

– Прощайте, господа.

Эльф не трогался с места, пока они не уехали, а затем повернулся и быстро скрылся в лесу.

Наутро Элина и Эйрих выехали в направлении Перска. На сей раз под копытами их лошадей лежала довольно широкая дорога, которую в иное время года можно было даже назвать недурной. Похоже, в этих местах сообщение

между населенными пунктами было более оживленным: несколько раз им попадались навстречу луситские всадники, судя по всему – простолюдины, а один раз они даже обогнали увязшую в грязи телегу. Два дня спустя они миновали еще одно село, а на следующий день выехали к Перску.

Городские укрепления до сих пор хранили следы пожаров и разрушений после нашествия степняков. Видны были и заплаты свежих бревен между потемневшими от времени и въевшейся копоти старыми башнями. Город встречал подъезжавших путников визгом пил и стуком топоров – на одной из стен все еще шли работы. Судя по тому, что они не были окончены до сих пор, через несколько месяцев после нашествия, первоначальные разрушения были очень значительными.

Тем не менее, в городе кипела жизнь. На рыночной площади и в окрестных лавках шла бойкая торговля, в кабаках наполнялись кружки, на улицах прямо под ногами у прохожих играли чумазые дети, глядя на которых, трудно было предположить, что многие из них не так давно лишились братьев и сестер, а то и родителей, угнанных в плен кочевниками.

Элина была настроена не останавливаться в городе и ехать дальше, благо до вечера было еще далеко. Эйрих, однако, убедил ее посвятить этот день сбору информации, которой, несомненно, в Перске можно было услышать больше, чем в недавно покинутом путниками селе. Итак, договорившись с хозяином постоялого двора о ночлеге, они отправились бродить по городу, уделяя пристальное внимание все тем же рынкам и кабакам. Разговор с местными начинал Эйрих, как более представительный по сравнению с юным Эрвардом, но последний, уже довольно сносно изъяснявшийся по-луситски, время от времени тоже задавал интересовавшие его вопросы. Эйрих целиком принял на себя удар, связанный с обычной процедурой выуживания информации у луситов – а именно необходимость пить помногу и с каждым. «Эрварду» пришлось пару раз хвататься за меч, когда горожане позволяли себе насмешки над «его» трезвостью, но, к счастью, до серьезной ссоры не дошло (по причине, впрочем, не менее обидной – перяне все извиняли «его» молодостью).

В конечном счете, помимо различных не представлявших интереса местных сплетен, подробностей вечных дрязг между княжествами и князьями и сравнительных характеристик товаров из разных городов удалось выяснить следующие факты. Во-первых, летом, незадолго до войны со степняками, мимо города проследовало тургунайское посольство – не вызвав особого переполоха, ибо за несколько месяцев до того оно уже побывало здесь по пути на Запад. Впрочем, это было не столь уж интересно, ибо Элина и так знала, что нападение на экспедицию произошло много позже и восточнее. Во-вторых, еще до

наступления осени кочевники, захватив богатую добычу, но и понеся немалые потери, вернулись в свои степи, так что теперь окрестные места были безопасны хотя бы в этом плане. Меж тем жители Тугича, столицы соседнего княжества, также пострадавшего от набегов, снарядили большое посольство к хану степняков Курибаю, дабы выкупить угнанных в плен сородичей, и перяне решили присоединить к этому посольству и своих представителей. Тугич стоял на Омоле, и посольство, после соединения двух делегаций, должно было спуститься на ладьях вниз по реке. Перский обоз со своей долей выкупа и охраной покинул город три дня назад.

В конце концов Эйрих произнес: «Ну что ж, пожалуй, довольно», имея в виду не то количество собранной информации, не то дозу выпитого алкоголя, и, выйдя из очередного кабака, направился вместе с Элиной на постоялый двор. Надо отдать ему должное – шел он уверенно и говорил почти как трезвый, однако, добравшись до своей комнаты, пластом рухнул на кровать, предварительно наказав Элине разбудить его рано утром, ибо не был уверен, что проснется сам.

Открыв глаза с утра, Элина сперва подумала, что проспала – в комнате было слишком светло для столь раннего часа. Однако, выглянув в окно, она убедилась, что бурая грязь улиц и крыши домов укрыты свежевыпавшим снегом. Редкие снежинки еще и сейчас опускались в безветренном воздухе. Лишь кое-где безупречную белизну нарушали первые цепочки следов – человечьих и собачьих. Графиня оделась и пошла будить Эйриха.

Ее спутник, с трудом разлепив веки, первым делом осушил залпом большой ковш с водой, вылив остатки себе на голову; затем бросил хмурый взгляд в окно и, голый по пояс, вышел на улицу, где растерся снегом. После этого он почувствовал себя намного лучше и готов был обсуждать дальнейший план действий.

– Если мы поторопимся, то успеем догнать перское посольство, – сказал он.

– Зачем оно нам сдалось? – удивилась Элина.

– Чтобы присоединиться к ним и спуститься по Омоле до Срединного моря, – ответил Эйрих таким тоном, словно это был давно обсужденный план. – Это самый безопасный способ пересечь земли кочевников.

– Вы, кажется, забыли, что мне не нужны ни кочевники, ни Срединное море. Я еду на восток, а не на юг.

– В это время года вы далеко не уедете. Имеете ли вы представление, что такое зима в условиях резко континентального климата? В лесах за Омолой навалит снега в человеческий рост, а морозы там такие, что ломается сталь мечей. Ехать туда сейчас – это верное самоубийство. Так что, боюсь, вам придется сопровождать меня до Дулпура. А уж потом поворачивайте на север, когда погода

станет благоприятной или когда хотя бы доберетесь до хороших дорог восточных стран.

Для Элины это препятствие оказалось неожиданным. Она привыкла к мягким зимам Запада и как-то не предполагала, что на тех же широтах климат может быть совсем иным (тем паче что в старых легендах о таком не говорилось – при чародеях климат был мягким везде). Правда, Тургунай располагался южнее, так что была надежда, что ей все же не придется дожидаться на юге весны, чтобы продолжить свой путь. Но еще больше ее удивило другое.

– Ведь вы и раньше знали это, – сказала она обвиняющим тоном.

– Знал.

– Почему же не сказали?

– Вы могли решить, что я вас куда-то заманиваю.

Элине пришлось признать справедливость этого рассуждения.

– А вы уверены, что послы позволят нам к ним присоединиться? – спросила она. – Все-таки они везут немалые ценности, а мы чужаки.

– Не уверен. Но мы попробуем.

Лучшего плана все равно не было, и уже через полчаса путешественники выехали рысью из восточных ворот Перска. Легкий морозец сковал присыпанную снегом грязь; под копытами лошадей с хрустом лопались ледяные корочки. Судя по отсутствию других следов, этим утром они первые ехали по этой дороге. Эйрих заметил, что луситы, должно быть, потратили немало времени, чтобы договориться о совместном посольстве; провозись они еще некоторое время – и лед на Омоле разрушил бы всю затею.

Около полудня путники сделали привал – разумеется, под открытым небом, никакого жилья поблизости не было. Перекусив и отдохнув, они вновь вывели коней на дорогу и собирались уже садиться в седла, когда Эйрих, прищурившись на запад, неодобрительно заметил:

– Похоже, за нами кто-то скачет.

Элина тоже взглянула в том направлении. Дорога здесь шла прямо, и видно было далеко.

– Почему вы думаете, что за нами? Просто едет по своим делам.

– Уж больно торопится.

– Должно быть, у него спешные дела.

– Возможно. Например, догнать нас. Я обычно предпочитаю доверять своей интуиции.

– Похоже, он уступает нам в скорости. Если он вас смущает, мы можем просто от него ускакать. Заодно и проверим, попытается ли он не отстать.

– Нет, я предпочитаю выяснять такие вещи как можно скорее. Да и что он может нам сделать? Дождемся его тут.

Одинокий всадник приближался. Одет он был по-луситски; впрочем, в этих местах трудно было ожидать иного.

– А в седле он держится, как куль с песком, – неодобрительно заметила Элина.

– Тем более непонятна такая спешка, – отозвался Эйрих.

Всадник, безусловно, заметил, что его ждут, однако не снижал темпа. Можно было подумать, что Элина и Эйрих действительно не интересуют его; но, подъехав вплотную, он остановился, да так резко, что едва не вылетел из седла.

– Что тебе нужно? – осведомился Эйрих по-луситски (у луситов не было в обычаях обращаться друг к другу на «вы», хотя, если Элине и Эйриху случалось говорить по-луситски между собой, они придерживались западного этикета).

– Вы меня не узнаете? – ответил тот, сдвигая на затылок низко нахлобученную лохматую шапку.

– Йолленгел, – спокойно констатировал Эйрих. – У меня было предчувствие, что так просто нам от вас не избавиться.

– Я не буду вам обузой, – поспешно заговорил эльф. – Вам не придется больше на меня тратиться. Просто ехать вместе безопаснее.

– Для вас – наверняка, – Эйрих, как обычно, не обременял себя лишней тактичностью.

– Откуда у вас лошадь? – удивилась Элина.

– Я ее украл, – просто ответил Йолленгел.

– Эльф-конокрад – это звучит! – не удержалась графиня.

– Ну-ка слезайте с коня, – потребовал вдруг Эйрих строго. Эльф поспешно и явно испуганно повиновался. Эйрих быстро и умело расседлал лошадь.

– Полюбуйтесь, что вы наделали! – возмутился он. – Разве можно так обращаться с животным? У него вся спина стерта седлом. А все из-за того, что некоторые представители нечеловеческой расы не умеют толком затянуть подпругу...

– Я... мне право же очень жаль, – пробормотал эльф.

– Вот что, Йолленгел, благотворительность никогда не была моей профессией. Более того, моим хобби она также не является. Если вы желаете ехать на восток или куда-либо еще, это ваше дело. Но держитесь от нас подальше. Я не шучу, – в знак убедительности Эйрих положил руку на рукоять меча.

– Я... я еще не сказал, чем могу быть вам полезным, – поспешно произнес эльф.

– Полагаю, что из лука я стреляю лучше вас, – перебил Эйрих.

– Нет, не лук... вот... правда, это умение больше ценят в цивилизованных краях, но говорят, что даже среди дикарей... – произнося эти слова, Йолленгел рылся в

глубине своей мешковатой для него луситской куртки, и наконец выудил оттуда простую, без лака и украшений, флейту. Видно было, однако, что инструмент не был изготовлен в спешке на днях; возможно, флейта пережила несколько поколений последних эльфов. Пережила она и недавние события, едва не стоившие Йолленгелу жизни. Взяв ее в руки, эльф преобразился; от его испуганно-угоднической поспешности не осталось и следа, тонкие черты лица отразили величавое достоинство древней расы. Он медленно поднес флейту к губам и заиграл.

Элина провела последние 8 лет жизни при дворе, и ей доводилось слышать лучших музыкантов Тарвилона. Она и сама, как положено благородной девице, обучалась музыке, хотя на этом поприще преуспела заметно меньше, чем в области фехтования. Тем не менее, ее слуха и ее познаний было вполне достаточно, чтобы оценить игру Йолленгела адекватно; она поняла, что его мастерство уступает придворным исполнителям. Однако, зафиксировав разумом этот факт, она не обратила на него никакого внимания, завороженная поразительной красотой мелодии, искупавшей все огрехи исполнения. Флейта плакала и пела, унося слушателей на волнах светлой печали; ее пронзительные, щемящие ноты способны были, казалось, разрушить самую прочную броню равнодушия. Даже вечно сурово-сосредоточенное лицо Эйриха мало-помалу разгладилось, обретя задумчивое и прямо-таки отрешенное выражение...

Когда последние звуки мелодии растаяли в морозном воздухе, несколько мгновений никто не произносил ни слова. Даже лошади стояли тихо-тихо. Элина первой нарушила молчание, спросив, кто автор.

– Не я, – улыбнулся эльф. – Это очень старая вещь, еще эпохи магов. Время не сохранило имени композитора... и даже само произведение дошло до нас с потерями. Оригинал был длиннее.

«Удивительно, – подумала графиня, – если эта вещь написана в эпоху расцвета эльфов, откуда в ней столько грусти? Неужели они уже тогда предчувствовали свой конец? Хотя... расцвет расы не отменяет трагедий отдельных личностей. А может быть и так, что общий тон произведения не был таким печальным, но эльфы времен упадка исполняли и передавали следующим поколениям лишь те места, что были наиболее созвучны их настроению...»

– Вы и теперь будете возражать против общества Йолленгела? – агрессивно поинтересовалась она у Эйриха.

– Ну вообще-то у нас здесь не оркестр, – без прежней уверенности ответил тот. – Хотя... мой опыт показывает, что пригодиться может самое неожиданное умение. Ладно, – обратился он к эльфу, – можете ехать с нами. Только не ждите

поблажек. Вы должны выдерживать наш темп и обеспечивать свое пропитание... причем так, чтобы у нас не возникало проблем с местными жителями.

Эльф согласно кивал.

– Однако, когда мы сядем на корабль, вы уже не сможете ночевать в лесу... – продолжал Эйрих. – Снимите шапку.

Йолленгел повиновался, и Эйрих, достав из котомки перевязочный материал, сделал ему повязку, закрывавшую уши. Повязка вполне гармонировала со следами побоев, еще сохранявшимися на лице эльфа, однако Эйрих осмотрел свою работу критически.

– М-да, – резюмировал он. – Слишком приметно. Ну да все равно это более надежная маскировка, чем волосы. Старайтесь все-таки не снимать шапку в тех ситуациях, когда это не выглядит подозрительно.

Оказав фиктивную медицинскую помощь Йолленгелу, Эйрих уже всерьез занялся его лошадью, смазав ей мазью пострадавшую спину (свои снадобья он хранил в обширных внутренних карманах своей куртки, а потому не лишился их в Чекневе). Мазь, конечно, не могла оказать мгновенный эффект, поэтому до следующего привала эльф вновь ехал за спиной Элины. Пара встречных всадников проводили их удивленными взглядами.

В Перске Эйрих выяснил все подробности дороги, так что теперь путешествие проходило без неожиданностей. В Тугич они должны были прибыть на пятый день, перед этим дважды переночевав в деревнях и дважды – под открытым небом.

Первый вечер по выезде из Перска они встретили в селении, отстоявшем на пару миль от основной дороги; когда по дорогам периодически движутся армии – и чужие, и свои – непосредственно у обочины лучше не селиться. Эйрих сговорился о ночлеге с хозяином и, оставив Элину позаботиться о лошадях, как бы между прочим отвел Йолленгела в сторону.

– Мой товарищ молод и наивен, и порой не обращает внимания на очевидные вещи, но со мной лучше не пытайтесь хитрить, – сказал он, глядя эльфу в глаза. – Допустим, вы могли пробраться в деревню и украсть крестьянскую лошадь – хотя собаки учуяли бы вас еще на подходе; но я говорю – допустим. Однако где вы взяли сбрую? Да и конь ваш явно лучше, чем положено быть крестьянской кляче.

Эльф испуганно молчал.

– Вы подстерегли путника на дороге, застрелили его и завладели лошадью, – спокойно констатировал Эйрих. – Не отпирайтесь, я не осуждаю вас за убийство лусита. У вас к тому были все основания.

– Я... я хотел так сделать, – сказал Йолленгел, потупив взгляд. – Но я не смог... Два раза мимо моей засады проезжали на запад всадники. Я накладывал стрелу на

тетиву, но... у меня так дрожали руки... я бы не попал, я чувствовал, что не попаду, и всадник только поднимет тревогу, повернет назад, и все село пойдет прочесывать лес в поисках меня...

– И что же? – поторопил его Эйрих.

– Когда уже почти совсем стемнело, мимо проехал еще один всадник – на этот раз с запада. Он свернул с дороги прямо на меня, я испугался, что он меня заметил, хотя это было невозможно... Но нет, он лишь собирался остановиться на ночлег в лесу. Я ждал, пока он разведет костер, потом поужинает... потом заснет...

– И?

– Я осторожно подошел, отвязал его лошадь и ушел.

– А он?

– Он не проснулся.

– Так вы не убили его?

– Как я мог убить спящего? Да и зачем? Я ведь и так завладел лошадью.

– Которая могла заржать в любую минуту. Вообще вам очень повезло, что она так легко вас послушалась.

– Когда-то мой народ умел управлять животными... может быть, что-то еще осталось.

– Все равно – очень неблагоразумно с вашей стороны. А я уж было вас зауважал, решив, что вы прикончили одного из ваших обидчиков... Ведь это был лусит?

– Дда... наверное, лусит.

– Что значит «наверное»? Вы разглядывали его вблизи минимум полчаса.

– Ну я все-таки не говорил с ним... да и темно было... одет был как лусит, это точно.

– Как простой путник или воин?

– На нем не было доспехов, но у него был меч.

– Ладно, Йолленгел. Можете идти спать. И смотрите, чтобы во сне с вас не слезла повязка.

Сам Эйрих вернулся в конюшню и тщательно осмотрел краденую сбрую.

«Похоже, тот парень такой же лусит, как я – тарвилонский король», – подтвердил он свои подозрения. «И дороги он не знает, иначе не стал бы ночевать в лесу, а проехал бы еще милю до деревни. Впрочем... не исключено, что он просто не хотел там светиться. Что ему здесь надо, хотелось бы мне знать? И не по нашему ли следу он путешествует?»

Он решил пока не говорить об этом Элине, но бдительность удвоить. Если Йолленгел и оказал им невольную услугу, оставив неведомого преследователя без коня, то это давало лишь незначительную отсрочку. Тот мог раздобыть среднюю

лошадь в селе, а хорошую – в Перске. Сейчас они ехали быстро, стремясь догнать перское посольство, так что вряд ли дистанция между ними и преследователем сокращалась; однако в предыдущие дни тот вполне мог наверстать упущенное. Конечно, ничто не доказывало, что незнакомец едет именно за ними – кроме тех фактов, что западные гости – большая редкость в этих краях, и что этот человек был одет по-луситски, то есть, вероятно, не хотел привлекать к себе лишнее внимание. Тем не менее, Эйрих хорошо знал, что опасность лучше переоценить, чем недооценить. В другое время он бы сделал финт и сам подстерег загадочного путника в засаде у дороги, но сейчас на это не было времени. Однако кое-что он все-таки предпринял. Выйдя к воротам, он достал нож и вырезал на правом столбе небольшой знак, который местные жители не заметили бы или сочли детским баловством, но который много сказал бы посвященному, решившему навести в этом доме справки о недавно гостивших путешественниках. Было уже темно, и никто не видел Эйриха за этим занятием.

Утром, по настоянию Эйриха, выехали еще до рассвета. Йолленгел хотел честно отработать свою долю платы за ужин и ночлег, испробовав на хозяевах свои музыкальные таланты, но Эйрих сказал «Времени нет – сочтемся позже» и расплатился за него сам.

Два дня спустя, в следующей деревне, эльф все-таки дал концерт луситам. Послушать чужестранного «игреца» набилась полная изба народу. Полилась нежная и печальная мелодия, не вызвавшая, однако, восторга у слушателей, привыкших к более простецким напевам. Общее настроение выразил один чернобородый мужик, грубо перебивший музыканта: «Ну, чего разнылся? У нас тут не похороны!»

Йолленгел сбился, отнял флейту от губ и несколько секунд пребывал в растерянности, а потом вдруг заиграл совсем иной мотив, напомнивший Элине роллендальские карнавалы. Графиня и не ожидала, что эльфийская флейта зазвучит так задорно. Лица луситов разгладились, они принялись притопывать и прихлопывать в такт, а хозяин избы подыграл Йолленгелу на балалайке.

Эльф исполнил еще несколько подобных мелодий, не гнушаясь, кажется, импровизацией; не особенно удачные ее моменты были заметны для Элины, но не для луситов. Стало ясно, что в этой деревне платить не придется. Напротив, некоторые крестьяне кидали Йолленгелу серебряные монеты, а еще больше было тех, кто хотел угостить его брагой; эльфу стоило немало трудов отбиться от последних, которые, впрочем, сами себе в этом удовольствии не отказали. Наконец шумная толпа покинула избу; было слышно, как они поют на улице.

Эйрих не был в восторге от этого концерта – теперь каждая собака в деревне могла рассказать таинственному преследователю о проезжавших здесь

чужестранцах; с другой стороны, однако, полезно было проверить, насколько игра эльфа производит впечатление на луситов, да и деньги были не лишними. Тем не менее, наутро они вновь выехали до рассвета.

Днем заметно потеплело; снег таял, дорога вновь превращалась в грязную кашу. Небо, однако, оставалось пасмурным, дул сырой ветер, и, того и гляди, грозился вновь пойти дождь. До жилья оставалось еще почти два дня пути.

– Знаете, Эрвард, – сказал Йолленгел, ехавший рядом с Элиной, – у меня как будто нет причин относиться к луситам иначе, чем как к сброду дикарей и убийц. Они истребили моих соплеменников и с радостью сожгли бы меня заживо, если бы знали, кто я такой. Не только те, от которых вы меня спасли, но и эти тоже, без сомнения. Но когда я вчера играл... я думал, что буду играть для себя, что мне наплевать, как они отреагируют, эти скоты, недостойные высокого искусства... но все вышло не так. Мне было совсем небезразлично, как они принимают мою музыку. Я играл для них. Я был искренне рад, когда нашел мелодии, которые им понравились. У меня больше не было ненависти к ним. Я забыл об отношениях между нашими расами. Это были мои слушатели, и я дарил им радость, а они были мне благодарны, вы понимаете?

– И вам не казалось унизительным развлекать их?

– Только сначала. А потом пришло это чувство. Из меня бы не вышел воин, не так ли? Впрочем, эльфы никогда не были воинственным народом.

– Мой отец говорит, что ненависть – плохой помощник в бою, – возразила Элина.

– Ваш отец – военный?

Графиня открыла было рот, но прикусила язык. Разговоры об отце грозили раскрыть ее инкогнито. И пусть эльф, вне всякого сомнения, никогда не слышал в своих чащобах о графе Айзендорге, да и распространителем слухов мог стать едва ли – раз приняв решение путешествовать под вымышленным именем, следовало его держаться.

– Да, – коротко ответила она Йолленгелу. Тот почувствовал, что его собеседник не хочет развивать тему, и тоже замолчал.

После полудня лес стал редеть; сплошной массив сменялся рощами и перелесками. Въезжая в очередной раз под кроны леса, Эйрих несколько раз придерживал коня и оглядывался назад, на только что пересеченное пустое пространство; но не было заметно, чтобы кто-то скакал за ними. К вечеру пошел-таки дождь, так что путешественников ждала еще одна малоприятная ночевка под открытым небом.

На другой день снова подморозило, и дорога сделалась скользкой. Во второй половине дня они наконец добрались до Тугича. Город стоял на крутом берегу

Омолы, которая текла в этих местах на юго-восток, но затем постепенно заворачивала к югу, а перед впадением в Срединное море даже отклонялась несколько к западу. Согласно карте, лежавшей в кармане Элины, Ильт-Ка была отнюдь не самой великой рекой континента; однако все реки к западу от нее уступали ей, и Элина не без волнения смотрела на ее мутные воды, хоть они и выглядели в этих широтах не столь внушительно, как в низовьях. У берега можно было уже заметить мелкие льдинки; луситы действительно едва не опоздали с отправкой посольства водным путем.

Зато Элина, Эйрих и Йолленгел опоздали. Прибыв в город, они узнали, что посольские ладьи отплыли рано утром.

Эйриха, однако, это не обескуражило. «Догоним по берегу», – спокойно сказал он. Таким образом, задержавшись в Тугиче буквально на пару часов, чтобы дать отдых себе и лошадям (Эйрих успел еще пополнить запасы провизии), они снова отправились в путь.

Корабли на ночь не приставали к берегу и не становились на якорь, поэтому догнать их оказалось не такой уж легкой задачей – тем паче что и местность не везде благоприятствовала быстрой скачке. Тем не менее, два дня спустя путешественники все же поравнялись с вереницей из пяти луситских судов, обликом весьма напоминавших тарсунские – вот разве что с изображением солнца на парусе и резной головой дракона на круто вздыбленном носу. Подавать сигналы с берега было, однако, бесполезно – навязываться луситам в пассажиры следовало явочным порядком, прямо на середине реки. Лошади в качестве плавательного средства явно не годились – по сравнению с Омолой речка, через которую некогда переплыли Элина и Эйрих, выглядела жалким ручейком, да и температура воды была теперь лишь ненамного выше точки замерзания. Таким образом, путники поскакали дальше, обгоняя ладьи и отыскивая средство для переправы.

Такое средство обнаружилось через несколько миль. Берег в этом месте стал более пологим, и всадники получили возможность спуститься к самой воде. Здесь кончалась выныривавшая из-за деревьев дорога, и здесь они увидели то, что некогда, по всей видимости, было домом лодочника. От дома уцелела лишь часть стены и каменная печь в черных языках копоти, возвышавшаяся среди обугленных бревен, недогоревших досок и прочего мусора, бывшего когда-то человеческим жильем. Подъехав ближе, путники увидели – и почуяли – хозяина сожженного дома. Труп был объеден лесным зверьем практически до костей, но остатки гнилого мяса, запутавшиеся в рваном тряпье одежды, все еще воняли. Лодочник не стал жертвой пожара, а был убит у себя во дворе при попытке спастись; оперенный хвост стрелы, торчавший между обнажившимися ребрами,

служил тому подтверждением. Судя по всему, со времени трагедии прошел уже не один месяц.

Эльф отвернулся, перегибаясь через седло; через несколько секунд его вырвало. Элина отнеслась к представшему перед ними куда более спокойно – детский опыт сказывался, хотя граф и старался оберегать ее от наиболее страшных сцен войны. Она лишь деловито спросила:

– Луситы?

– Скорее всего, кочевники, – покачал головой Эйрих. Он подъехал к останкам лодочника и, наклонившись, спокойно выдернул стрелу. – Определенно, – подтвердил он свою догадку, рассматривая орудие убийства. – Форма наконечника не характерна для луситов.

Элина впервые почувствовала масштабы опустошения, нанесенного этому краю степняками. Судя по наличию дороги и переправы, когда-то эти места были достаточно оживлены; но со времени нашествия миновало уже несколько месяцев, и за это время никто так и не появился здесь, раз тело погибшего не было предано земле. Ни один лусит не бросил бы своего земляка гнить под открытым небом.

Эйриха занимали более практические мысли. Небольшая деревянная пристань избежала разрушения, но куда важнее было то, что уцелела и лодка, наполовину вытащенная на берег. Весел, правда, нигде не было видно; однако среди полуобгоревших досок можно было подыскать подходящие орудия для гребли, о чем Эйрих и сообщил своим спутникам.

Элина окинула лодку скептическим взглядом, особенно задержавшимся на воде в кормовой, погруженной в реку части.

– Не выглядит особенно надежной, – согласился Эйрих, – но до середины реки хватит.

– А если они откажутся принять нас на борт? – подал голос эльф.

– Вам придется дать им концерт по горло в ледяной воде, – осклабился Эйрих.

Меж тем ладьи были уже недалеко, и следовало спешить, пока они не миновали траверз пристани и не начали удаляться – тогда, гребя досками, догнать их было бы уже нереально. Втроем путешественники освободили лодку из вязких объятий мокрого песка и завалили ее на бок, сливая воду, а затем снова спихнули с берега, попутно бросая внутрь свои вещи. Лошадей, очевидно, приходилось оставить – даже если бы они и доплыли успешно в ледяной воде, посреди реки все равно было бы невозможно втащить их на борт ладьи. Поэтому рачительный Эйрих вместе с Элиной сняли с них сбрую и тоже кинули в лодку.

– Вы бы хоть весла пока подыскали, – неприязненно бросил Эйрих ничем не занятому Йолленгелу, но тот виноватой улыбкой дал понять, что ничто не

заставит его приблизиться к остаткам дома и тому, что находится рядом. Пришлось Эйриху, ругаясь, сбегать за подходящими досками.

Они отчалили и принялись быстро грести каждый своей доской; Эйрих задавал ритм. Хуже всего, конечно, получалось у Йолленгела, из-за которого лодка постоянно отклонялась от курса то в ту, то в другую сторону, и только необходимость отсчитывать вслух гребки мешала Эйриху разразиться нелестной тирадой о представителях нечеловеческих рас. Вода меж тем и впрямь начала прибывать, просачиваясь в давно не конопаченные щели. Котомки с вещами были водружены на сиденья. Лодка не преодолела еще и трети пути, а воды в ней уже было выше чем по щиколотку; даже сквозь сапоги чувствовалось, какая она холодная. На ладьях, несомненно, уже заметили гребущих наперерез, но не делали никаких попыток сбавить скорость или изменить курс, чтобы облегчить им задачу.

Вода поднималась все выше, а до цели было еще далеко. К тому же лодка, постепенно погружаясь, теряла в скорости. Сопоставив все тенденции, Эйрих подумал, что его вывод о пригодности лодки для плавания по крайней мере до середины реки был, возможно, не вполне обоснованным.

– Йолленгел, – сказал он, – оставьте в покое доску, от вас все равно больше вреда, чем пользы. Будете вычерпывать воду.

– Чем? – растерялся эльф.

– Чем! – только присутствие Элины удержало Эйриха от грубого ругательства – хотя ответ был действительно неочевиден: можно было достать из котомки кружку, но такой сосуд был слишком невместительным. – У вас голова на что, шапку носить? Вот ею и вычерпывайте!

– Головой? – не удержалась Элина.

– Шапкой!

Действительно, шапка с ее кожаной подкладкой, практически не пропускавшей воду, неплохо подходила для этой цели. Поначалу дело как будто пошло на лад, и Йолленгелу удавалось достойно противостоять прибывающей воде; однако эльф быстро устал нагибаться, черпать полную шапку воды и опрокидывать ее за борт, и шумные всплески стали раздаваться все реже. Вода вновь медленно, но неумолимо начала подниматься. Оставалось уже меньше полупути, но эта часть маршрута была труднее предыдущей, особенно учитывая, что гребцов осталось всего двое.

Первая ладья миновала траверз лодки, а через некоторое время и вторая. Эйрих, сжав зубы, яростно греб, обливаясь потом; Элина, обдаваемая брызгами из-под его доски, едва поспевала за ним. Луситские гребцы все так же ритмично вздымали и опускали весла своих ладей.

– Эй! – не выдержала графиня. – Подождите нас!

Никакой реакции не последовало. Уже третья ладья была вне досягаемости. Вода постепенно подбиралась к коленям.

– Может, выбросить вещи? – робко предложил эльф.

– Можете выбрасывать свои, только не просите потом нас снова их вам покупать, – огрызнулся Эйрих. Тем не менее, он спихнул свою котомку со скамьи в воду внутри лодки. Окажись на его месте Артен, он бы задумался, насколько дырявой должна быть лодка, чтобы это и в самом деле уменьшило тяжесть груза, но Эйрих действовал интуитивно. Его примеру последовали остальные. Четвертая ладья поравнялась с лодкой и неспешно ушла вперед. Отчаяние придало Йолленгелу силы, и он вновь заработал шапкой так же энергично, как и вначале. Это позволило лодке еще какое-то время держаться на плаву, но последняя ладья уже неумолимо проплывала мимо.

– Эрвард, – сказал Эйрих, – у вас заняты руки, и вы не можете заткнуть уши, но постарайтесь не запоминать того, что сейчас услышите, – и он, набрав побольше воздуха, разразился громогласной и длинной тирадой на луситском, из которой Элина поняла лишь предлоги.

Несколько воинов высунулись из-за борта ладьи, целясь в путешественников из луков.

– Что надо? – спросил один из них.

– Официальные церемонии потом, – крикнул Эйрих, – вы что, не видите, что мы тонем?

– Ты не лусит, – заметил воин, слыша его акцент.

– Верно. Но ведь и не кочевник, правда? Мы – мирные путешественники с Запада. А сейчас, может, вы притормозите свою посудину и бросите нам веревку, пока нам не пришлось учиться дышать под водой?

Луситы посовещались с кем-то в ладье, и тот, очевидно, пришел к выводу, что даже если тонущая лодка и трюк, то три человека, из которых лишь один выглядит настоящим воином, в любом случае не представляют реальной опасности. Весла ладьи приподнялись из воды, а затем сделали возвратное движение, вздымая небольшие буруны и тормозя ход. Тонущая лодка приблизилась к борту, через который полетели три каната. Эйрих сильной рукой забросил на палубу котомки с вещами. Элина ухватилась за один из канатов и проворно полезла вверх. Йолленгел, плюхая сапогами по заполнявшей лодку воде, тоже подошел к канату и ухватился за него, но на большее его сил не хватало.

– Эй, тяните правый канат! – крикнул Эйрих. На борту так и сделали, и эльф, дрыгая ногами, вознесся над готовой уже погрузиться лодкой, начавшей вновь

отставать от корабля. Так он провисел несколько мгновений, а затем с шумом сорвался в реку.

Эйрих среагировал моментально и успел ухватить эльфа за шиворот прежде, чем тот скрылся под водой. Он поднял Йолленгела, словно котенка за шкирку, и ткнул носом в болтающийся конец каната, за который эльф поспешно вновь уцепился. Но едва Эйрих разжал руки, как терпение лодки лопнуло, и она пошла ко дну.

Элина, бывшая уже на борту, только вскрикнула, глядя, как ее товарищ с головой уходит под воду, увлекаемый весом меча, сапог и тяжелой одежды. Лишь круги разошлись у кормы продолжавшей движение ладьи.

– Что ж вы стоите, надо его спасти! – накинулась графиня на луситов.

– Сам прыгай, если хочешь, – ответил один из бойцов. Он не был жесток, просто понимал, что шансы даже просто найти человека в этой мутной ледяной воде ничтожны, не говоря уже о том, чтобы успешно вытащить его. Никто на корабле не собирался идти на смертельный риск ради чужака, спасти которого к тому же было почти невозможно. Элина с отчаянием поняла, что у нее тоже не хватит сил выплыть вместе с Эйрихом, хотя руки ее уже машинально отстегивали пояс с мечом...

Но в этот момент за кормой на поверхность вынырнула голова, глотнувшая воздуха и снова исчезнувшая. Несколько секунд спустя Эйрих показался уже ближе, он отчаянно работал руками и ногами, пытаясь удержаться на поверхности и догнать ладью. Элина вырвала канат из рук замешкавшегося лусита и бросила конец в воду; Эйрих схватился за него через пару гребков. Совместными усилиями его втащили на борт.

– Чертов недотепа, – прорычал Эйрих, поворачиваясь к Йолленгелу, – когда-нибудь я удавлю тебя своими руками! (Он впервые отступил от своей манеры презрительной вежливости, побуждавшей его всегда говорить эльфу «вы».) – Из-за тебя мне пришлось бросить меч!

– А мне ты без меча больше нравишься, – усмехнулся могучего сложения лусит в доспехе-бахтерце; судя по манере держаться и обращению остальных, он был здесь за старшего. – С таким молодцом приятней разговаривать, когда ему ничто не оттягивает руки... по крайней мере, до тех пор, пока не узнаешь его намерений.

– Я уже сказал – мы мирные путешественники, – ответил Эйрих уже без всяких следов гнева. – В данный момент наша цель – добраться до Срединного моря, и мы будем вам признательны, если вы нас подвезете.

– Это не купеческие корабли, – хмуро ответил лусит.

– Знаю. Нам все рассказали о вас в Тугиче. И нам тоже нужно навестить хана. Поскольку мы следуем через его земли, нам надо получить пайцзу.

– А больше вам ничего не надо? – усмехнулся лусит.

– От вас – ничего, – спокойно ответил Эйрих, то ли не уловив иронии, то ли не пожелав ее замечать.

Лусит разглядывал его с любопытством.

– Где ты научился так ругаться? – спросил он.

– Я много чего умею, – не стал вдаваться в подробности Эйрих.

– Например, подать знак дружкам на берегу, да?

– Разве я похож на луситского разбойника?

– На луситского – может, и нет. Но на разбойника – вполне.

Эйрих презрительно пожал плечами.

– В таком случае, мои сообщники остались в лесах Запада. Чего же вам бояться?

– Ты мне нравишься, – хмыкнул лусит. – Ну а что ты еще умеешь? Сядешь на весла, чтобы оправдать свой проезд?

– Согласен, – кивнул Эйрих, не предлагая расплатиться деньгами. Его собеседник был доволен, что удалось заполучить сильного гребца, но не был расположен к благотворительности по отношению к его спутникам.

– А чем отработают они? – спросил он.

Красноречивый взгляд Эйриха убедил Элину, что о золоте и серебре лучше не заикаться.

– Я умею играть на флейте, – смущенно произнес Йолленгел. Слова «флейта» не было в луситском языке, поэтому он сказал «на дудке».

– Это то, что нам больше всего необходимо, – рассмеялся лусит. – Ну что ж, послушаем. Ты? – палец уперся в Элину.

– Ну, я тоже мог бы грести, – ответила она неуверенно.

– Ты? Не смеши, парень. Ты даже весло не поднимешь. Давно ли ты держался за мамкину юбку?

– На твоем месте я бы не смеялся над тем, кого ты не знаешь, – брови Элины угрожающе сдвинулись, а рука легла на рукоять меча. – Говорят, что смех продляет жизнь, но иногда он ее укорачивает.

Йолленгел глядел на готовую вспыхнуть ссору с ужасом, но Эйрих не вмешивался и улыбался в усы.

Лусита, похоже, тоже позабавила горячность юного чужестранца.

– Хочешь получить урок мечного боя? Ну что ж. Убивать я тебя не буду, а вот проучить стоит. Ну давай, доставай свою железяку. Если проиграешь – либо прыгай за борт, либо будешь прислуживать мне и другим воинам до конца плавания.

– А если выиграю, с тебя бесплатный проезд и кормежка. Для меня и моих спутников.

Лусит считал шансы юноши нулевыми, но возразил из принципа:

– Нет, речь только о тебе. Они сами за себя отвечают.

Элина бросила взгляд на Эйриха, и тот слегка кивнул.

– Идет, – согласилась графиня.

Им расчистили место на середине палубы. Луситы стояли вокруг, обсуждая шансы бойцов и подтрунивая над ними обоими. Шутки были куда более обидными для Элины, чем для ее противника, которому говорили, что он связался с младенцем; тем не менее, графиня уже не обращала на шутников внимания, понимая, что сейчас за нее будет говорить ее меч. Эйрих, с одежды которого все еще текло, основательно приложился к своей фляжке и с явным удовольствием приготовился смотреть. Мокрый Йолленгел мелко дрожал от холода и страха, не решаясь ни глядеть на окружавших его луситов, ни приблизиться к своему грозному спасителю.

Поначалу луситский командир наносил удары вполсилы, так как боялся ранить или убить не защищенного кольчугой противника. Но постепенно, видя, что все его выпады парируются, а самому ему с трудом удается отражать внезапные и стремительные атаки, лусит вошел в раж и рубил уже в полную силу – так что Элине грозила теперь реальная опасность. Эти удары были уже слишком могучими, чтобы ей хватило сил отбивать их на встречном движении; поэтому Элина сменила тактику и либо просто уворачивалась от них, либо заставляла их изменить направление, подставляя меч под углом и используя энергию удара против него же самого.

Как обычно бывало в поединке Элины с грузным и тяжеловооруженным противником, тот вскоре стал уставать и махал мечом без прежней резвости; дыхание сделалось тяжелым, струйки пота текли по его раскрасневшемуся лицу, а графиня все так же легко порхала вокруг, пружиня на полусогнутых ногах и со свистом рассекая мечом воздух. Уже несколько раз ее клинок лязгал по кольчуге лусита, и будь это реальное сражение, по крайней мере один из этих ударов закончился бы серьезной раной. Лусит чувствовал, что проигрывает бой этому мальчишке, но, конечно, не мог признать этого на глазах у подчиненных и продолжал рубиться.

Элина понимала это его упрямство и решила, что бой необходимо закончить каким-нибудь эффектным способом. Долгое время она примеривалась, исследуя пробными выпадами реакцию противника, и наконец разыграла свою комбинацию. Первой атакой снизу она вынудила его рубануть мечом сверху вниз, да так, что острие клинка выщербило доску палубы. Элина же, увернувшись от

этого страшного удара, стремительно чиркнула мечом под подбородком лусита. Срезанный клок бороды упал на палубу. Пройди острие на дюйм дальше – и туда бы хлынула кровь из перерезанного горла.

Дружный хохот луситов был ответом на выходку Элины.

– Что, Ратислав, побрили тебя? – кричали они своему командиру, ничуть, кажется, не задетые тем, что тот претерпел такое поругание от чужеземца. Они ценили удаль, и им понравился смелый юноша.

Ратислав побагровел от злости, когда понял, что произошло, но тут же осознал, что единственный способ сохранить авторитет – смеяться вместе со всеми.

– Ну, герой! – сказал он, пряча меч в ножны и с усмешкой трогая подбородок. – Звать-то тебя как?

– Эрвард Эльбертин.

– А вас? – обратился он к остальным чужеземцам.

– Я Эйрих, а это Йорен, – быстро произнес товарищ Элины, не давая Йолленгелу раскрыть рта.

– Я Ратислав, – важно сказал лусит, словно они еще этого не знали. – Командую этой ладьей. Можете ехать с нами.

– Не найдется ли у вас запасного меча? – поинтересовался Эйрих. – Я бы вернул его вам при расставании.

– У нас нет лишнего оружия. Более того, вам придется сдать мне на хранение ваше, пока вы на борту.

Элина и Эйрих разом попытались что-то возмущенно возразить, но Ратислав оборвал их:

– Если на моем корабле кому-то что-то не нравится – берег там, – он кивнул за борт.

Пришлось подчиниться. Элина отдала свой меч, от души надеясь, что ей его не подменят менее качественным луситским, а Йолленгел – лук. Эйрих потерял в воде то и другое, так что ему отдавать было нечего; до личного обыска с требованием сдать ножи дело не дошло.

На луситской ладье не было отдельных кают, хотя пространство под палубой и было разделено на несколько отсеков – часть их отводилась под груз, в других спали люди. Ратислав хотел определить гостей в один из таких отсеков, но в планы Эйриха это никак не входило – находясь все время на виду у луситов, трудно было скрыть истинную сущность Йолленгела.

– Нельзя ли нам ночевать в отдельном помещении, пусть даже и нежилом? – обратился он к Ратиславу.

– Брезгуешь? – насмешливо-подозрительно вздернул брови лусит. Брезговать, кстати, было чем – дух в тесных отсеках стоял тяжелый.

– Наоборот, – возразил Эйрих. – Ты же видишь, Йорен был ранен в голову. Я лечу его специальными мазями, а они довольно вонючие. Мы-то уже привыкли... Кроме того, после той контузии он часто кричит во сне.

– Вот как? – лусит все еще смотрел недоверчиво. – А ты уверен, что это именно рана?

– А что же еще?

– Может, какая болезнь, которой твой друг заразит нас всех?

– Что за вздор! Будь это так, стали бы мы с Эрвардом подвергать себя опасности, путешествуя в его обществе?

– А кто вас знает, – ответил Ратислав, и Эйрих отметил про себя, что тот весьма недалек от истины. – Будет лучше, если наш лекарь осмотрит рану вашего приятеля.

– Вот еще, не хватало, чтобы какой-то знахарь лез своими грязными пальцами куда не надо! Я сам лечу Йорена и знаю, как это делать. Повязки надо накладывать и менять строго в определенное время, если открыть рану не вовремя, все лечение пойдет насмарку.

– Так ты врач? – недоверие Ратислава, казалось, лишь возрастало с каждым новым объяснением.

– Я знаком в том числе и с этим искусством.

– А по-моему, если ты что и умеешь по врачебной части, так это отрубать больные конечности, – усмехнулся лусит. У Эйриха отлегло от сердца – разговор переходил с Йолленгела на него самого, и если он теперь докажет справедливость последних слов, то поверят и тому, что он говорил перед этим. Эйрих много раз сталкивался с этой тривиальной логической ошибкой.

– Отведи меня к какому-нибудь больному, и убедишься сам.

– На моем корабле все здоровы.

«Незадача», – подумал Эйрих. На крайний случай у него было средство продемонстрировать свое умение – глубоко поранить себе руку и быстро остановить кровь, однако наносить себе травму из-за какого-то эльфа не хотелось.

– Может, на других кораблях? – предположил он.

– Ладно. Мы это выясним.

Они снова поднялись на палубу, где оставался весь экипаж – днем луситы предпочитали свежий речной воздух, пусть даже холодный, тяжелой духоте и мраку подпалубных помещений. Другие ладьи уже были поставлены в известность о подобранных чужестранцах – один из воинов прокричал эту новость с носа судна, и таким же образом она была передана дальше. Теперь Ратислав аналогичным способом отправил свой запрос. Через некоторое время лусит на корме четвертого корабля прокричал ему ответ.

– Тебе повезло, – сказал Ратислав Эйриху. – Или не повезло. На третьей ладье один из гребцов, не размявшись, слишком рьяно налег на весло, и ему прострелило спину. Сможешь привести его в норму?

– Постараюсь.

После очередного обмена криками корабли замедлили ход, чтобы плывшую впереди ладью можно было догнать на лодке. Лодка эта, совсем маленькая, лежала кверху днищем в носовой части палубы; ее спустили на воду, и один из воинов сел на весла вместе с Эйрихом; больше места в лодке не было. Сильные гребки повлекли ее вперед.

С того момента, как лодку подняли на борт третьего корабля, прошло минут двадцать. Ратислав, Элина, совершенно продрогший Йолленгел и несколько воинов стояли на носу ладьи, нетерпеливо вглядываясь вдаль. Но вот лодка снова плюхнулась на воду, и в нее по канатам соскользнули двое. В скором времени они поравнялись с ладьей Ратислава.

– С греблей ему надо чуть повременить, но боли больше нет, – сообщил Эйрих, перебираясь через борт. Сопровождавший его лусит кивнул, подтверждая правдивость его слов.

– Как ты это сделал? – поинтересовался Ратислав.

– Растер ему спину мазью, – пожал плечами Эйрих.

– У тебя есть мази на все случаи жизни?

– В основном на те, что могут произойти в дальнем путешествии.

– Что ж ты раньше не сказал, что ты врач? Это поценнее простого гребца.

– Ты сказал, что тебе нужен гребец. К тому же у меня с собой не такой большой запас снадобий, и мне бы не хотелось тратить их на кого-то еще.

– Ну а если ты обучишь нашего лекаря готовить эти снадобья?

– Увы, – покачал головой Эйрих, – я давал клятву хранить их рецепт в секрете.

Элина взглянула на него с удивлением. Она привыкла к насмешкам Эйриха над предписаниями рыцарской чести и не ожидала, что он откажется от практической выгоды ради столь же эфемерных соображений.

– Ну, если тебе больше нравится грести, дело твое, – ответил не без раздражения Ратислав. Однако просьбу о предоставлении отдельного помещения он выполнил. Путешественникам отвели каморку в носовой части судна, где хранились канаты и запасной парус.

Здесь было тесно и темно, но лишь здесь они могли почувствовать себя свободно. Все же как минимум двое из них выдавали себя не за тех, кем являлись.

Эйрих наконец влил в горло слабо сопротивлявшемуся эльфу порцию спирта с добавлением какой-то жидкости из металлической колбочки. После того, как к

Йолленгелу вернулась способность говорить, он робко поинтересовался причиной своего переименования.

– «Йолленгел» звучит слишком по-эльфийски, – ответил Эйрих.

– Но раньше вас это не смущало.

– Раньше мы не общались с луситами подолгу, а теперь у них будет достаточно времени, чтобы сложить два и два. Так что советую вам твердо зазубрить, что вас зовут Йорен и вы родом из Столенхейма – надеюсь, это достаточно далеко на западе, чтобы никто из луситов ничего не знал об этой стране.

Вечером Йолленгел дал свой первый концерт на палубе ладьи. К удивлению Элины, он снова начал с печальной темы – и на этот раз попал в точку, учитывая скорбную причину посольства. На борту было несколько человек, лично заинтересованных в успехе миссии – их родные также оказались в плену. Впрочем, таких в состав экспедиции включили немного – из опасения, что при неуспехе они могут предпринять безнадежную попытку освободить пленников силой. Однако, погрустив вместе с эльфийской флейтой, луситы захотели развеяться, и Йолленгел перешел к задорным мелодиям. Успех был полный; Ратислав не раскаялся, что позволил необычным странникам плыть на своем судне.

Звуки флейты далеко разносились над ночной рекой, и уже на следующий день луситы с других ладей стали звать чужеземца поиграть и у них. Эльфа совсем не радовала перспектива оказаться одному среди луситов, но уважительная причина для отказа нашлась быстро. Уже в середине дня Йолленгел чувствовал себя плохо, а к вечеру и вовсе слег. Купание в ледяной воде с последующим стоянием на холодном ветру все же сделали свое дело; мера, предпринятая накануне Эйрихом, запоздала. Эйрих снова дал больному своей микстуры на спирту и уложил его на парусине, наказав как можно больше спать.

– Он поправится? – тревожно спросила Элина, когда они вышли из каморки.

– Не знаю. Никогда не лечил нелюдей.

Таким образом, концерты откладывались, и у плывших на ладье вновь не осталось иного вечернего развлечения, кроме разговоров. Чужеземцы вызывали естественный интерес, и с ними охотно общались; Эйрих, однако, умел повернуть разговор так, чтобы не столько рассказывать о себе, сколько выслушивать других.

Выяснилось, что возглавляет посольство, ни много ни мало, младший брат тугичского князя (он плыл на второй ладье и был, кстати, не так уж молод – весной ему исполнилось 44), а самым знатным из пленников является средний брат, командовавший войском тугичан, которое должно было остановить кочевников на границе княжества. Однако поражение этого войска и пленение воеводы привели к тому, что степняки больше не встречали централизованного

сопротивления; жители княжества заперлись в своих городах, каждый из которых оборонялся в одиночку, предоставив захватчикам хозяйничать на остальной территории. Часть городов кочевники легко взяли, у остальных оставили небольшие осадные силы, а основные свои войска двинули дальше, на Перск. Разграбив и перское княжество, на обратном пути они попытались-таки взять остававшиеся в осаде города. В двух случаях им это удалось, еще три города, включая и сам Тугич, выстояли. Не желая задерживаться на севере в преддверии осени, захватчики вновь отступили в свои южные степи.

Как оказалось, тугичский князь еще летом, получив известия о готовящемся нашествии, посылал в Перск предложение о соединении двух армий для отпора врагу. Однако перский князь и его советники рассудили, что тугичане и сами смогут остановить степняков – или, по крайней мере, ослабить настолько, что те не решатся идти дальше. И вот запоздалое решение о совместных действиях было принято только теперь, когда надо было выкупать земляков и родичей из неволи.

Ладьи по-прежнему плыли днем и ночью, не приближаясь к берегу. Объяснялось это не столько даже спешкой, сколько соображениями безопасности. Угрозу представляли не степняки, давно покинувшие эти широты, а свои же соплеменники – луситские разбойники, любившие устраивать засады на лесистых берегах Омолы и грабить проходившие мимо корабли. Собственно, именно из-за этой опасности на ладьях было столько воинов – среди многотысячных орд Курибая две сотни бойцов были для посла не большей защитой, чем десяток.

– А где вообще гарантия, что степняки пойдут на честный обмен, а не присвоят все себе, никого не освободив? – поинтересовалась Элина.

– Они не так глупы, чтобы резать курицу, несущую золотые яйца, – хмуро ответил Ратислав, смыкая пальцы на подбородке. Раньше он имел привычку в мрачном настроении теребить бороду, но ему пришлось очень коротко подстричь ее после урона, нанесенного мечом «Эрварда». – У них давний опыт торговли с нашими князьями.

Элина вспомнила рассказы о том, что луситские правители привлекают кочевников для помощи в междоусобной борьбе, но, видя выражение лица Ратислава, решила не углубляться в тему.

На шестой день плавания стало окончательно ясно, что Йолленгел идет на поправку, но полностью он оправился от болезни лишь к концу второй недели. Задним числом он соглашался, что все сложилось наилучшим образом, избавив его от опасности слишком частых контактов с луситами. Теперь плыть оставалось уже недолго.

Пейзаж по берегам изменился. Сперва леса сменились небольшими, жмущимися к воде рощицами, а затем исчезли и они, растворившись в бескрайних

просторах степей. Высокая степная трава пожелтела и пожухла в преддверии зимы, и все же здесь было заметно теплее, чем на севере. В этих широтах Омола практически никогда не замерзала.

Однажды утром, поднявшись на палубу, Элина заметила какое-то оживление среди луситов, тут же сменившееся угрюмой руганью. Проследив направление недобрых взглядов, она увидела на берегу кочевника. Он сидел на коне, подняв к небу копье, неподвижно, словно статуя. С середины широко разлившейся в своем нижнем течении реки трудно было рассмотреть подробности. Несколько минут он оставался недвижным, возможно, рассматривая ладьи, а затем развернулся и поскакал в степь.

Позже, однако, корабли сами подошли ближе к левому берегу. Таково было давнее правило, установленное кочевниками для проходящих судов – те должны были идти на таком расстоянии, чтобы за ними было легко наблюдать с берега. Сами жители засушливых степей собственных кораблей не имели – даже для переправы они чаще использовали своих лошадей, нежели лодки.

Вообще за время наблюдения за кочевниками с борта ладьи у Элины сложилось впечатление, что они вовсе никогда не покидают седла. Их низкорослые мохнатые кони явно находились в родстве с тургунайской породой. Степняки были облачены в кожаные доспехи, иногда с нашитыми металлическими бляшками; на головах были остроконечные кожаные шапки с меховой опушкой. Практически у каждого за спиной висел колчан, а на поясе – свернутый аркан. Помимо луков, они были вооружены кривыми саблями или копьями; у некоторых на копьях развевались конские хвосты, это были, говоря по-западному, офицеры. Несмотря на то, что эти земли были их давними владениями и никакие внешние враги не могли внезапно появиться поблизости, Элина ни разу не видела ни одного степняка безоружным.

Вскоре после того, как ладьи ушли с середины реки, на левый берег в плотном конном строю выехали два десятка воинов. Один из них, вероятно, командир, отделился от остальных и, подъехав к самой кромке воды, принялся что-то визгливо кричать на своем языке, делая красноречивые жесты рукой. Очевидно, он приказывал судам остановиться и принять его людей для досмотра. Луситы послушно бросили каменные якоря и выслали лодку; приставать к берегу им не было позволено.

Самая большая лодка из находившихся на ладьях вмещала только трех человек; поэтому кочевники грубо выдернули из нее гребца и оставили его на берегу под охраной своих, а сами сели в лодку втроем (командир и еще двое) и поплыли к первой ладье.

Прошло почти два часа, прежде чем они, осматривая одну ладью за другой, добрались до последней, на которой плыли западные путешественники. Такая задержка объяснялась тем, что проверявшие придирчиво выбирали, что из привезенных для выкупа товаров присвоить себе. Впрочем, они знали свое место и не посягали на дорогие подарки, предназначенные хану.

Наконец степняки поднялись на борт пятой ладьи. Все, кто плыл на ней, включая пассажиров, должны были выстроиться на палубе. Элина с интересом, хотя и не без опаски, смотрела, как идет вдоль рядов кривоногий кочевник, скользя по лицам луситов презрительным взглядом раскосых глаз. Ратислав, утративший весь свой гордый и внушительный вид, семенил за ним, приноравливаясь к его короткому шагу, и отвечал на бросаемые через плечо вопросы. Графиня с удивлением поняла, что Ратислав отвечает по-луситски; стало быть, степняк знал этот язык, но считал ниже своего достоинства говорить на нем.

Поравнявшись с представителями Запада, кочевник остановился; его внимание привлекли не столько лица – для него все белые были на одно лицо – сколько одежда, отличавшаяся от луситской. В нос Элине шибанул запах никогда не мывшегося тела; она еле сдержала отвращение. Кочевник ткнул пальцем в их сторону и изрек короткий вопрос – очевидно, интересовался, кто такие.

Однако прежде, чем Ратислав успел ответить, за него это сделал Эйрих. Элина в очередной раз подивилась, заслышав из уст своего спутника кургузые и немелодичные слова языка кочевников.

Удивился и степняк. Он вздернул редкие брови и спросил Эйриха о чем-то еще. Выслушав ответ, он заулыбался и покровительственно похлопал пришельца с Запада по плечу. Затем, сменив выражение лица на деловитое, обернулся к Ратиславу, и они последовали в трюм.

– Эйрих, сколько языков вы знаете? – спросила Элина.

– В совершенстве только пять. Более-менее объясниться могу еще на дюжине.

– Где вы всему этому научились? Вы и воин, и лекарь, и...

– У меня была насыщенная биография.

Элина поняла, что подробностей не добьется, и сменила тему:

– О чем вы говорили с этим вонючим субъектом?

– К вонючим субъектам вам придется привыкать – в ближайшее время нам предстоит с ними общаться. А я всего лишь сказал ему, что мы путешественники с Запада, он спросил, откуда я знаю язык, а я ответил, что слава о великом хане Курибае достигла даже далеких западных земель.

– Кочевники падки на такую примитивную лесть?

– Весьма и весьма. Интересный, знаете ли, феномен – их мораль прямо противоположна западным представлениям о чести, обман и коварство, особенно

по отношению к чужим, считаются у них верхом доблести – но при этом они так любят лесть, словно искренне верят в нее. Впрочем, вероятно, все же не верят, а принимают как знак смирения перед их могуществом.

– Хорошо было бы проучить этих самовлюбленных дикарей.

– О, не стоит их недооценивать. Нам следует благодарить судьбу, что после падения власти чародеев кочевники, придя в эти земли с востока, не двинулись дальше. В одном их табуне может быть больше голов, чем во всей конной гвардии какого-нибудь западного короля. Хочу, кстати, предупредить вас, чтоб вы не вздумали здесь задираться. Тут вашу гордость никто не оценит. Честные рыцарские поединки остались там, откуда мы приехали. Здесь проявившему непочтительность просто отрубят голову, это в лучшем случае.

Элина вспыхнула от возмущения, но поняла, что Эйрих прав. Как говорил ее отец, «если не можешь навязать свои правила – научись выигрывать по чужим».

Наконец степняки отчалили вместе со своей добычей, для перевозки коей пришлось задействовать еще одну лодку. После того, как лодки вернулись, ладьи продолжили путь.

В этот же день Элина впервые увидела на берегу пленных луситов. Судя по всему, кочевники обращались с ними дурно, заставляли много работать и плохо кормили. Вид у пленников был изможденный; несмотря на весьма ощутимый даже в этих южных широтах холод, они ходили в лохмотьях, большинство – босиком или, в лучшем случае, с обмотанными тряпками ногами. Графиня мысленно содрогнулась при мысли, что и Артен может подвергаться такому обращению. Впрочем, она тут же возразила себе, что он – жертва политического заговора, а не военной неудачи, и уж если его захватили живым, то явно не для того, чтобы просто обратить в рабство. Правда, это еще вопрос, что хуже – организовать побег обычного раба было бы проще...

Пленники с надеждой смотрели на проплывающие мимо ладьи, догадываясь, что соотечественники прибыли для переговоров о выкупе. Иногда степняки, замечая это, принимались демонстративно хлестать плетьми своих рабов. Луситы на ладьях стискивали зубы и кулаки, но ничего не могли поделать.

Однажды Элина стала свидетельницей драматической сцены. Обычно корабли все время оставались под наблюдением кого-нибудь из гарцевавших на берегу кочевников, но в этот раз вышло так, что берег на протяжении нескольких миль был пуст. И вдруг к воде вышел пленник, молодой луситский парень. Оглянувшись по сторонам, он бросился в холодную воду и быстро поплыл по направлению к ладьям.

Графиня ожидала, что хотя бы одно судно сменит курс и подойдет ближе к берегу, чтобы скорее подобрать его, но ладьи плыли, как раньше.

– Грести! – послышался окрик Ратислава. – Не снижать темпа!

Гребцы, не отрывая взгляда от плывущего парня, продолжали ритмично налегать на весла. Свободные от вахты луситы столпились на палубе и мысленно – только мысленно – подбадривали беглеца. Ничего другого им не оставалось; ссориться с кочевниками они не могли. Надежда была лишь на то, что парень успеет добраться до ладей незамеченным.

Когда он проплыл уже половину пути, на берег выехал кочевник.

Он сразу же заметил беглеца, но не стал суетиться. Он спокойно подъехал к кромке воды, не спеша снял с плеча лук, вытянул из-за спины стрелу и стал тщательно прицеливаться. Юноша не знал о грозившей ему опасности, но и так плыл изо всех сил.

Стрела просвистела в воздухе и цвикнула в воду возле левого бока парня. Мимо! Пленник продолжал плыть.

Но не было радости на лицах луситов. Они понимали, что теперь, после того как кочевник увидел беглеца, они не смогут принять того на борт.

В движениях степняка исчезла демонстративная медлительность. Он был слишком уверен, что попадет с первого раза, а теперь жертва грозила ускользнуть. Вторая стрела легла на тетиву. В этот раз кочевник целился еще более тщательно, даже один раз опустил лук, потом снова поднял. Снова стрела сорвалась в свой смертоносный полет – и на сей раз попала в цель, под углом вонзившись юноше в спину.

Но беглец все еще плыл! За ним расплывалась в воде кровавая дорожка, но он упрямо, стиснув зубы от боли, с каждым гребком приближался к кораблям. Степняк потянулся было за третьей стрелой, но раздумал. Жертва была уже слишком далеко. Ухмыляясь, он смотрел на ладьи, ожидая, отважатся ли луситы нарушить закон степи и дать убежище беглому рабу.

Юноша был уже совсем близко. Силы оставляли его, но до пятой ладьи оставались буквально считанные футы.

– Право руля, – скомандовал Ратислав. Последовало легкое замешательство.

– Право руля! – гаркнул он. – Или вы хотите добивать его веслами по голове?!

Ладья стала отклоняться вправо. Юноша не верил своим глазам, видя, как близкое спасение уходит от него, и из последних сил пытался добраться до корабля. Весла ритмично поднимались и опускались. Гребцы старались не смотреть за борт.

Юноша продержался на воде еще минуты три. Уже безнадежно отстав от ладьи, он все еще плыл за ней, но движения его становились все слабее, и в конце концов, так и не издав ни звука, он скрылся под водой. На поверхности расплылось бурое пятно.

Элина услышала странные звуки и, повернувшись, увидела, что стоявший рядом лусит, рослый, сильный воин, плачет.

– Они за все заплатят нам, – с ненавистью сказал Ратислав. – Придет день – и они, и их жены и дети проклянут час своего рождения. Но пока мы должны терпеть, иначе не сможем помочь нашим братьям.

На пятый день плавания через земли кочевников ладьи пристали к берегу. Здесь было нечто вроде порта; на берегу раскинулся торговый город кочевников, в котором роль домов играли кибитки. Сюда прибывали купцы с юга, поднимавшиеся от моря по реке; несмотря на своеобразные представления степняков о честности в торговых сделках, желающие иметь с ними дело всегда находились, ибо здесь можно было по дешевке приобрести награбленное в набегах добро и рабов. Кочевники, в свою очередь, охотно закупали оружие, изготовленное из лучшей, нежели позволяли их примитивные технологии, стали – и продавцы этого оружия не особо задумывались над тем, что через несколько лет оно может быть использовано против их собственных стран.

Здесь приплывшие сошли на берег – не все, а лишь сами послы – 6 человек, западные путешественники и дюжина воинов; все прочие остались на кораблях. Там же оставался пока товар и золото, предназначенные для выкупа; послы должны были лишь доставить дары лично для Курибая. Им прислали эскорт из трех десятков степняков, который должен был проводить их в ханскую ставку. На все посольство выделили лишь одного конька, запряженного в двухколесную повозку – для перевозки ларцов с дарами; люди сложили туда также личные вещи, но сами должны были идти пешком, в то время как эскорт степняков, разумеется, был конный.

Элина не обращала внимания на это очередное унижение, а с любопытством осматривалась по сторонам. Хотя рыночные площади западных городов и не отличались чопорностью и унылостью, теперь перед графиней предстало нечто куда более пестрое, яркое и шумное. Она смотрела на кочевые кибитки со сплошными, без спиц, деревянными колесами, превращенные в торговые лавки, на развешанные тут и там разноцветные ткани и ковры, на блестящие россыпи разложенных на дорогом сукне и бархате украшений, на богато убранную, пахнущую кожей конскую сбрую; разумеется, не осталось без ее внимания многочисленное оружие, среди коего преобладали всевозможные кривые восточные сабли и мечи, но попадались и прямые западные клинки. (Возле одного из таких торговцев Эйрих отстал от эскорта, сделав знак Элине не беспокоиться, и вскоре вновь нагнал их уже с мечом на поясе; командир конвойных покосился на него подозрительно, но ничего не сказал.) Разноголосые и разноязыкие торговцы наперебой расхваливали свой товар, пытались перекричать друг друга, азартно

торговались и бранились с покупателями; где-то тренькал заунывный трехструнный восточный мотив, где-то звенели бубны, ржали и всхрапывали кони, ревели верблюды (не все торговцы прибывали сюда водным путем).

Жадно вбирая новые впечатления, Элина как-то не задумывалась, что за весьма значительную часть всего этого великолепия заплачено не столько золотом, сколько кровью и слезами; она даже не поняла, что девушки, танцующие под звуки бубна – выставленные на продажу рабыни. Тем сильнее было ее потрясение, когда ее взгляд наткнулся на большой загон, где продавали детей. Самому старшему из них было не больше двенадцати. Дети, особенно старшие, понимавшие, что происходит, смотрели затравленно и испуганно, но не плакали. Они уже знали, что будут за это жестоко наказаны. Некоторые все же украдкой всхлипывали, но умудрялись делать это беззвучно. Элина встретилась взглядом с одним из них и поспешно отвернулась. «Ты не можешь исправить все зло на свете», – говорила она себе, но ощущение непонятной вины не уходило. Эйриху подобные эмоции были явно чужды, да и любопытства он не проявлял – очевидно, здесь не было для него ничего нового. Эльф же, впервые оказавшийся среди такого количества людей, да еще говоривших на незнакомых ему языках, был еще бледнее обычного; казалось, все его силы уходили на борьбу с собственным страхом.

Затем торговый город остался позади – ханская ставка находилась, разумеется, гораздо дальше от берега. До нее добрались лишь ближе к вечеру. Дозорные встретили эскорт за несколько миль до стойбища и поскакали доложить хану. Через полтора часа наконец и сами путники, пройдя между рядами шатров, достигли цели.

Ханский шатер, минимум втрое превосходивший по размеру любой другой, возвышался посреди обширного пустого пространства в центре становища. Над ним вился штандарт, состоявший из девяти конских хвостов. Перед входом горело два факела, укрепленные на длинных шестах; считалось, что проходящие между ними очищаются от дурных помыслов, прежде чем предстать перед ханом.

В этот день, однако, Элине и ее товарищам не суждено было увидеть Курибая; хан принял только луситских послов. Для ночлега всем путешественникам была отведена одна юрта, правда, довольно просторная.

Послы не были расположены обсуждать с западными путешественниками результаты переговоров, но, судя по их лицам, пока дела шли не слишком хорошо для луситов. На второй день хан вновь общался с ними, а также с посланцами подчиненных ему кочевых племен, так что ему опять было не до гостей с дальнего Запада.

– Неужели нельзя получить этот дурацкий пропуск у какого-нибудь чиновника, – ворчала Элина, недовольная задержкой. Впрочем, ворчала она для успокоения совести; на самом деле ей хотелось повидать владыку степей.

– Ханская пайцза – самая надежная, – возразил Эйрих. – Никто не имеет полномочий выдавать такие, кроме него самого. Конечно, какой-нибудь нойон или туменный тоже могли бы предоставить нам охранный знак, но он был бы значим лишь для их подчиненных, а не для всей степи.

– А вообще ехать через степь – это самый короткий путь? Может, лучше было спуститься к морю на одном из кораблей этих торговцев? – продолжала очищать совесть Элина.

– Если в здешних местах и есть кто-то более опасный и коварный, чем степняки, то это торгующие с ними купцы. Для них взять с человека деньги за проезд, а потом продать его в рабство – значит сделать хороший бизнес, – ответил Эйрих.

– Интересно, – задумчиво произнесла графиня, – а что будут делать луситы, когда закончат переговоры? Ведь они не смогут подняться обратно по Омоле. Выше по течению река скована льдом.

– Насколько мне известно, корабли тоже спустятся к морю, но по правому рукаву дельты, и пойдут потом не на восток, а на запад. По всей видимости, они переждут зиму в южных портах. А освобожденным пленникам и части воинов для их охраны придется возвращаться домой пешком. Впрочем, на ладьях для них все равно недостаточно места.

– Разутыми и раздетыми – в луситскую зиму?

– Не все содержимое трюмов ладей предназначено для выкупа. Часть пойдет на то, чтобы хоть как-то одеть и обуть освобожденных. Кстати, если одежда будет куплена на местном базаре, то некоторым из них могут достаться их собственные вещи, некогда сорванные с них степняками.

– И все же это сопряжено с большими неудобствами. Не проще было отложить посольство до весны?

– Полагаю, те, ради кого оно организовано, предпочли бы идти домой босиком по снегу, нежели оставаться еще на несколько месяцев рабами кочевников. К тому же к весне многие из них были бы уже распроданы работорговцам и увезены на восток.

Графиня почувствовала стыд за свое «рациональное» предложение подождать до весны; ведь и сама она не стала поступать так же, а пустилась в путь, едва узнав о постигшей принца беде.

Этот разговор происходил снаружи их временного жилища. Внутри делать было нечего, но и далеко отходить от шатра Элина обоснованно опасалась. В

данный момент она наблюдала за мальчишкой, гарцевавшем вдоль окраины стойбища. Тому было лет десять, но он весьма уверенно держался в седле, и жеребец, судя по всему, молодой и горячий, повиновался ему. Несмотря на юный возраст, на поясе у мальчишки висела сабля, хоть и укороченная, но все же вполне настоящая, способная убить человека. Элина улыбнулась, вспоминая себя в этом возрасте. Однако здесь, похоже, подобное не было экзотикой – конечно, среди детей мужского пола.

– Вот потому я и говорю, что мы должны благодарить судьбу, остановившую кочевников у Хурлуцкого моря, – сказал Эйрих, словно прочитав ее мысли. – Дело даже не в том, что они весьма многочисленны. Дело в подходе. На Западе воин – это профессия, а здесь – половой признак. В степи мужчина и воин – синонимы. Конечно, им не хватает стратегических построений военной науки, они сражаются по-варварски, налетают с визгом и гиканьем большой толпой, имея как минимум трех-пятикратное преимущество в численности; грамотно организованная оборона опытных, не склонных к панике бойцов способна серьезно их сконфузить. И все же мне бы не хотелось наблюдать битву между западными армиями и степными ордами.

Наконец на третий день за ними явился посланец от хана. Эльф в последний момент оробел и хотел остаться в юрте, но степняк сделал властный жест, приказывая всем троим следовать за ним, оставив при этом в юрте оружие.

И вот, пройдя между потрескивающими и чадящими факелами, Элина с любопытством вступила под полог огромного шатра. В нос шибануло вонью немытых тел, прогорклого масла и перебродившего кислого кобыльего молока. После ясного солнечного утра снаружи внутри казалось совсем темно; но наконец глаза Элины привыкли к тусклому свету масляных плошек, и она смогла рассмотреть грозного степного повелителя, власть которого признавали на территориях, в несколько раз превышавших по площади крупнейшее из королевств Запада.

Перед ней на алой подушке, скрестив ноги в остроносых войлочных сапожках, сидел старый жирный степняк с выбритой наголо непокрытой головой. Он был облачен в расшитый золотом парчовый халат, препоясанный золоченым же поясом с пышными кистями. К поясу была прицеплена внушительных размеров сабля в украшенных драгоценными камнями ножнах. Глядя на этого обрюзгшего старика, трудно было поверить, что некогда он был могучим и грозным воином, бесстрашно скакавшим во главе своего тумена и не раз первым врубавшимся во вражеский стан; в те годы удар его сабли способен был развалить человека надвое до седла. Теперь Курибай извлекал оружие из ножен лишь для того, чтобы перед

своим шатром собственноручно рубить головы заподозренным в нелояльности нойонам; на это у него сил еще хватало.

По левую руку от хана на подушке поменьше восседал его сын Судэбай, а по правую – приближенный воевода Бахтакыр. Эти двое ненавидели друг друга; хану это было прекрасно известно и полностью его устраивало – он видел в этом гарантию собственной безопасности и не упускал случая подлить масла в огонь. То, что собственного сына он посадил лишь по левую руку, а безродного Бахтакыра, возвысившегося из простых кочевников благодаря военным талантам – по правую, было одним из таких штрихов. По обе стороны от врагов стояло по телохранителю с обнаженной саблей, а чуть ближе к вошедшим, между ханом и воеводой, на покрывавшей пол циновке примостился толмач.

Хан вяло шевельнул рукой, приказывая чужеземцам не подходить ближе и садиться. Те опустились на циновку, скрестив ноги. Курибай словно нехотя произнес несколько слов, и толмач открыл было рот переводить (вероятнее всего, на луситский), однако Эйрих уже отвечал хану на языке степняков. Курибай принял это как должное; скорее он был недоволен тем, что двое других путешественников недостаточно грамотны, чтобы говорить на его языке. После обмена несколькими фразами с повелителем степей Эйрих обернулся к своим спутникам.

– Хан хочет, чтобы мы рассказали ему про свои страны, – произнес он, мешая тарвилонские и луситские слова, причем произнося последние с жутким западным акцентом – должно быть, в расчете, что эльф его поймет, а толмач – нет. – Я сказал, что Эрвард из Тарвилона, а Йорен – из Столенхейма. Пусть каждый из вас говорит на своем *родном* языке, я буду переводить.

Элина мысленно улыбнулась – настолько мало недотепа-эльф походил на жителей Столенхейма, суровой и холодной страны на северо-западе континента, края метелей, свинцовых валов, разбивающихся о прибрежные скалы, могучих снежноволосых и льдистоглазых воинов и протяжных героических саг, воспевающих битву и месть. Следом, однако, она удивилась подчеркнутому слову «родном»; неужели Эйрих знает еще и эльфийский? Тогда почему он скрывал это прежде?

Хан довольно долго говорил с Эйрихом и, похоже, остался удовлетворен беседой; затем он обратился к Элине. Курибая интересовали самые разные вещи – климат Тарвилона, качество дорог и количество городов, из каких классов состоит население и какие налоги взимаются с каждого (Элина и сама толком не знала ответа на последний вопрос, как и на ряд других, касавшихся хозяйства), часто ли случаются неурожаи, с какими странами торгуют тарвилонцы и многое другое. Задал он и несколько вопросов об армии – как бы между прочим, не заостряя на

этом внимание и не ожидая особой проницательности от мальчишки; но Элина была начеку и заметно преувеличила мощь тарвилонской армии в своем рассказе.

Затем наступил черед Йолленгела. Элина не без волнения ожидала, достанет ли у эльфа фантазии бойко рассказывать о стране, о которой он ничего не знает. Однако, когда Эйрих обратился к нему с вопросом хана, опасения Элины сменились недоумением: хотя она никогда не слышала эльфийского языка, но была уверена, что вопрос был задан совсем не по-эльфийски. Это была какая-то жуткая и бессмысленная мешанина из западных наречий.

Йолленгел, похоже, растерялся не меньше графини, но Эйрих повторил свой вопрос, слегка изменив его. Эльф что-то нерешительно произнес, и Эйрих слегка кивнул одобрительно. Йолленгел заговорил более уверенно. Элина с удовольствием слушала мелодичные звуки чужого языка, столь контрастировавшие с визгливо-каркающей речью кочевников.

Странный диалог продолжался. Элина заметила, что Эйрих теперь вставляет в свои «вопросы» услышанные от Йолленгела слова, но, тем не менее, они, очевидно, не стали более осмысленными. Эйрих выслушивал вопрос хана, говорил какую-то тарабарщину, слушал, как эльф в ответ рассказывает что-то свое, а затем излагал Курибаю собственный ответ на вопрос.

Наконец хан удовлетворил свое любопытство. Его приближенные за все время не произнесли ни слова; Судэбай при этом явно скучал, а Бахтакыр, напротив, слушал с неослабевающим интересом. Курибай что-то изрек покровительственным тоном; Эйрих поклонился ему и перевел на луситский:

– Великий хан милостиво приглашает нас разделить его трапезу.

Элина, хоть и принюхалась уже к стоявшему в шатре запаху, не ожидала ничего хорошего от степняцкой кухни; к тому же от долгого сидения в непривычной позе у нее затекли ноги, и ей ничего так не хотелось, как поскорее выйти отсюда на свежий воздух и размяться. Однако ясно было, что от такой чести не отказываются.

Хан хлопнул в ладоши, и из-за циновки, отделявшей заднюю часть шатра, выпорхнули три нарядно одетые девушки-рабыни, которые принялись расстилать на полу дастархан и расставлять кушанья. Это были степнячки, а не луситки; хану было совершенно ни к чему, чтобы услышанное в его шатре доходило до ушей пленников. Должно быть, девушки происходили из бедных семей кочевников и были проданы в рабство собственными родителями. Им повезло – жизнь в качестве прислужниц хана была роскошной по сравнению с той, что ждала бы их, останься они на свободе. Свобода эта была бы чисто номинальной – фактически они все равно оказались бы в рабстве, но не у богатого и милостивого к хорошим слугам повелителя, а у мужа-бедняка. И все же, глядя на их улыбающиеся лица и

слыша, как позванивают их браслеты и мониста, Элина почувствовала ужас при мысли, что, родись она в другой семье, и ее судьба могла бы быть такой – и она бы даже не мечтала о лучшей участи.

Еда, вопреки ожиданиям графини, оказалась не такой уж и плохой. Конина, жареная с душистыми степными травами, была хоть и жестковата, но приятна на вкус; вот разве что несколько глотков питья из перебродившего кобыльего молока дались Элине с трудом. К счастью, западный обычай тостов был здесь не в моде, и этими глотками можно было ограничиться. Ели, разумеется, руками; закончив трапезу, хан важно вытер жирные пальцы о халат и объявил свое решение.

– Нам разрешено пересечь земли великого хана, – перевел на луситский Эйрих, – но мы должны уплатить пошлину в размере пяти золотых с каждого.

И тут Йолленгел, помня о своем обещании не обременять спутников расходами, решил проявить инициативу. Он извлек из глубин своей мешковатой куртки флейту и выжидательно посмотрел на Эйриха. Тот явно не пришел в восторг от этой идеи, но делать было нечего – пришлось переводить:

– Наш товарищ Йорен из Столенхейма просит позволения развлечь великого хана музыкой.

Курибай величественно кивнул. Элина ожидала, что для вождя кочевников эльф выберет что-нибудь воинственное, но, должно быть, таких мелодий не было в его репертуаре. Он снова заиграл что-то печальное.

Через несколько минут Судэбай впервые нарушил свое молчание.

– Этот жалкий плач не для воинов, – презрительно фыркнул он.

– Да, это не для воинов, – согласился хан, – но это хорошая мелодия для рабов, оплакивающих свою свободу. Я люблю слушать жалобные песни побежденных. Продолжай, чужеземец.

Йолленгелу пришлось исполнить несколько произведений, прежде чем Курибай позволил ему остановиться.

– Слушайте волю хана, – изрек он. – Вы двое получите пайцзу и можете ехать. Я освобождаю вас от уплаты пошлины. А Йарын останется у меня и будет играть на моих пирах.

Эйрих перевел. Йолленгел испугано вытаращил глаза. Элина похолодела и открыла было рот, готовая отстаивать свободу эльфа.

– Не вздумайте возражать, – процедил ей Эйрих по-тарвилонски.

Элина метнула на него испепеляющий взгляд.

– Но...

– Вы что, хотите, чтобы нас всех троих посадили на кол?

Эйрих обернулся к Курибаю.

– Мы благодарим великого хана.

Слуга принес две пайцзы – это были овальные металлические пластинки с выгравированным на них сложным узором. Эйрих и Элина поднялись и, сопровождаемые умоляющим взглядом эльфа, направились к выходу. Прежде, чем покинуть шатер, Эйрих еще раз поклонился хану и почти силой заставил Элину сделать то же самое.

– Вы продали нашего товарища в рабство за 15 золотых! – накинулась на него графиня, едва они отошли от шатра.

– Во-первых, я никого не продавал – он сам напросился, – спокойно ответил Эйрих. – Во-вторых, хан теперь не отпустит его и за бóльшую сумму. В-третьих, это не рабство. Рабов вы видели. А Йолленгел теперь придворный музыкант.

– На Западе придворный музыкант может оставить двор, когда пожелает!

– Мы не на Западе, и чем скорее вы это усвоите, тем лучше.

– Вы всегда хотели избавиться от Йолленгела, вот и радуетесь!

– Не знаю – может, он еще и мог быть нам полезен. Но что произошло, то произошло. В конце концов, он сам хотел поселиться где-нибудь на востоке.

– Что они с ним сделают, когда узнают, что он эльф?

– Ничего плохого. Высшей расой они считают только себя. А что эльф, что лусит, что мы с вами – для них едино; главное, чтобы исправно служили им. Ну разве что эльф – это экзотика, и Курибай будет ценить его еще больше, чем просто музыканта.

– Но послушайте, мы не можем так просто оставить его там против его воли!

– Ошибаетесь. Мы не можем *не* оставить его там. В становище хана имеет значение только воля хана.

– Наверняка можно устроить побег.

– Можно. Но крайне неблагоразумно, находясь в сердце степи, ссориться со степняками. Если вам угодно поиграть в игры со смертью, это, конечно, ваше право. Но лично я здесь не за этим. Я здесь всего лишь проездом в Дулпур. Да и у вас, помнится, было какое-то важное и спешное дело на востоке?

Вновь он сражал ее этим аргументом. Элина не имела права на излишний риск по дороге, если хотела спасти Артена. С другой стороны, если она спасует перед задачей освобождения Йолленгела сейчас, то как она справится с задачей освобождения принца, которого наверняка стерегут куда более тщательно? Однако к побегу принца можно будет старательно и незаметно готовиться, а здесь у них нет никакой свободы маневра, они на виду и должны уехать...

– А пайцза нам не поможет? – неуверенно спросила Элина.

– Это всего лишь медная пайцза, удостоверяющая право предъявителя на проезд через признающие власть хана земли. И не более чем. Бывает еще серебряная пайцза, означающая, что степняки должны оказывать содействие ее

предъявителю, и золотая – эта значит, что предъявитель действует от имени самого хана, и степняк любого ранга обязан выполнять его приказы. Но нам такой роскоши не достать.

В юрте один из луситских послов спросил их, куда девался их третий спутник. Элина угрюмо поведала о случившемся.

– Эти скоты норовят наложить лапу на все, до чего дотянутся, – понизив голос, сказал лусит. – Ну, теперь уж ничего не поделаешь. У Курибая нет никаких контактов со Столенхеймом, так что ему нет резона церемониться.

Явившийся следом кочевник объявил, что хан позволяет гостям с запада взять себе коней из табуна – тех, которых они поймают с одного броска аркана. Элина вопросительно взглянула на Эйриха – она не умела бросать аркан, это было не западное и тем паче не рыцарское приспособление – но Эйрих кивнул утвердительно, очевидно, ему и это было по плечу. И действительно, после того как их проводили к табуну, Эйрих с первого раза заарканил злобного степного конька и быстро принудил его к повиновению, а затем, уже сидя у него на спине, раздобыл скакуна и для Элины. Воины одобрительно поцокали языками, глядя, как ловко обращается с арканом пришелец с Запада.

Сбруя у Эйриха и Элины сохранилась собственная – они привезли ее на повозке вместе с другими личными вещами, так что теперь ничто не мешало им ехать дальше. Эйрих настоял на том, чтобы покинуть стойбище немедленно; во многом это было продиктовано его желанием поскорее увеличить дистанцию между Элиной и Йолленгелом и избавить первую от искушения попытаться освободить последнего.

– Между прочим, ну и наговорили вы Курибаю, – неодобрительно заметил Эйрих, когда становище осталось позади. – Вы же почти позвали его в гости.

– Я рассказал ему, что армия Тарвилона могуча, а крепости неприступны! – возмутилась Элина.

– Все, что вы говорили о тарвилонской армии, Курибай делил на четыре. Он не так глуп, чтобы ожидать, что вы скажете ему правду. А вот из остальных вопросов он мог составить себе вполне полное представление, что Тарвилон – достаточно благополучная и небедная страна с мягким климатом, благодаря которому у его коней не будет проблем с кормом, а у его солдат – с продвижением. При этом тарвилонские города пользуются значительной самостоятельностью, да и власть короля над баронами далеко не абсолютна – а это значит, что в критических условиях тарвилонцам будет трудно быстро организовать централизованное сопротивление. Короче говоря, ваш рассказ был бы увесистым камушком на чашу весов, склоняющуюся в пользу похода на Запад.

– Вы сказали – был бы? – с надеждой переспросила Элина, чувствуя, что краснеет от стыда за свою недальновидность.

– Разумеется. Мой перевод сильно отличался от оригинала. Теперь Курибай думает, что тарвилонские почвы бедны и не родят в достаточном количестве сочной травы для коней, климат суров, случаются заморозки даже летом, от дурной воды часто вспыхивают эпидемии, зато среди жителей процветает культ воинов, поскольку основой тарвилонской внешней политики являются завоевательные походы с целью захватить более удобные для жизни земли. Не знаю, насколько он мне поверил, но это в любом случае лучше того, что рассказали вы.

– А что вы рассказали о своей стране?

– Примерно то же самое, хотя и нарисовал более благополучную картину – хан бы заподозрил неладное, если бы я стал открыто жаловаться на свою родину, в степи это не принято. Но, сравнив мой рассказ с якобы вашим, он должен был сделать вывод, что ситуация в наших странах схожая, а разница в рассказах обусловлена как раз моими патриотическими чувствами. При этом я не упускал случая тонко польстить ему...

– Кстати, Эйрих, вы так и не говорили мне, откуда вы родом.

– Я и сам не знаю, – просто ответил Эйрих.

– Как это? – Элина повернула к нему удивленное лицо. – Я понимаю, как человек может не знать своих родителей, но как можно не знать своей страны? Какой ваш родной язык?

– Люди, воспитывавшие меня, говорили на разных языках. И я не знаю, откуда был привезен к ним. Видимо, из какого-то королевства Запада.

– Да уж, на выходца с Востока вы вряд ли похожи.

– Вы думаете? – Эйрих на минуту отвернулся, а когда повернулся вновь, Элина едва не вскрикнула. На нее смотрел кочевник. Раскосые глаза, широкие скулы, тонкая нитка черных усов по верхней губе... Лишь вглядевшись в это лицо, она узнала черты Эйриха. Затем его лицо вновь изменилось, принимая обычные очертания. Рукой он разгладил усы.

– Как вы это делаете? – спросила изумленная графиня.

– Это старинная методика, в которой, однако, нет никакой мистики. Тренировка лицевых мышц позволяет достигать достаточно эффектных результатов.

– Кажется, вы могли бы пересечь степи и без пайцзы, – пробормотала Элина.

– Да, и однажды я это проделал. Но с пайцзой надежнее. К тому же долгое время сохранять измененное лицо утомительно.

– Так вы говорите – вас куда-то привезли во младенчестве? Стало быть, вас похитили?

– Может быть и так.

– Тогда, возможно, в ваших жилах течет благородная кровь?

– Эрвард, романтические фантазии оставьте бардам. Скорее всего я был десятым ребенком в семье какого-нибудь бедняка или незаконнорожденным, и родители сами были рады от меня избавиться.

– Ваши воспитатели никогда не рассказывали вам об этом?

– Это не в их правилах.

– А кем они вообще были?

– Вы задаете слишком много вопросов. Я же не спрашиваю вас о цели вашего путешествия.

– А если я расскажу вам? – любопытство Элины было распалено, и она и впрямь готова была открыться.

– Мы не в меняльной конторе.

Графиня обиженно отвернулась. Дальше поехали молча.

Этот разговор заставил Элину вспомнить, что она и сама не знает, в какой стране родилась и кто ее мать. Ее первым воспоминанием был теплый летний день. Она лежала в повозке с брезентовым верхом, и лучики солнца иглами пронзали дырявый брезент. Затем свет вдруг хлынул внутрь, и большой человек взял ее на руки и вынес из повозки. Его латы сверкали на солнце, и от его черной бороды пахло дымом. Этот человек был ее отец. «Запомни, Элина, – сказал он, – сегодня день великой победы. Мы взяли Медден, хотя их было втрое больше нас.» Он повернул ее, так что она увидела уходящую вдаль зеленую равнину, фигурно разрезанную надвое змеящейся синей и золотой от солнца рекой, и над рекой – белые каменные стены какого-то города, на которыми медленно поднимались в голубое небо черные клубы дыма, кое-где подсвеченные снизу оранжевыми всполохами. От города к тому месту, где стояли повозки, и обратно тянулись пешие и конные люди в сияющих панцирях, кольчугах, просто кожаных доспехах, с копьями, мечами и луками; многие из тех, что двигались к повозкам, волокли на себе тюки с каким-то скарбом. Во всей картине было ощущение веселья и праздника. Потом рядом вдруг застучали копыта, и человек на коне заслонил солнце. Элина увидела, как его темный силуэт приложил к шлему два пальца в кольчужной перчатке, а затем протянул ее отцу свиток с болтавшейся на шнурке сургучной печатью: «Господин капитан, пакет от его светлости.» Ее отец поставил дочь на траву и принял пакет; Элина увидела совсем близко от себя длинные лошадиные ноги, и ей стало неуютно. Она посмотрела вверх, на отца, потом на всадника; тот меж тем поворотил коня, намереваясь ехать, и в какой-то момент

Элина отчетливо увидела снизу на фоне неба его профиль, в тот же миг осознав, что это – страшный, очень страшный человек. Она пронзительно закричала, прижимаясь к ногам отца...

Больше о том дне Элина ничего не помнила и не представляла себе, что именно могло ее напугать в обыкновенном вестовом. Впрочем, мало ли какие нелепые страхи могут родиться в сознании ребенка, еще только познающего большой и непонятный мир? Так или иначе, впоследствии она не отличалась столь постыдной трусостью. Своей родиной, со слов графа, Элина считала Тарвилон – еще задолго до того, как впервые увидела эту страну; возвращение Айзендорга в Роллендаль стало для нее и ее собственным возвращением, а подлинное место рождения не слишком ее интересовало. Многим это показалось бы странным, но не особенно интересовалась Элина и женщиной, которая произвела ее на свет. Выросшая без матери, она полагала такой порядок вещей совершенно естественным; о том, что мама бывает у всякого ребенка, она узнала лишь незадолго до приезда в Тарвилон. Тогда же на ее вопрос отец ответил ей, что ее мать умерла, и Элина, знакомая со смертью лучше, чем обычные дети ее возраста, просто приняла это к сведению. Отец уже был ее кумиром, а дальнейшее общение со сверстницами при дворе лишь убедило ее, что матери нужны либо для презираемых ею телячьих нежностей, либо для различных строгостей и запретов под смехотворными предлогами или вовсе без всяких предлогов. Так что сложившееся положение дел ее вполне устраивало; повзрослев, она, впрочем, несколько раз пыталась из любопытства расспрашивать отца, но всякий раз получала уклончивые ответы и обещание все рассказать когда-нибудь потом. Элина видела, что эта тема графу неприятна, и не настаивала. Про себя она решила, что ее мать, должно быть, была скверной женщиной, и лишний раз порадовалась, что пошла в отца.

Эйрих хорошо ориентировался в степи, несмотря на то, что взгляду здесь практически не за что было зацепиться. Лишь иногда пейзаж разнообразили небольшие холмы или курганы степных вождей. Периодически путники видели кочевников, скачущих или неспешно едущих по своим делам, но те не обращали на них внимания, полагая, видимо, что раз чужаки открыто путешествуют по степи, то имеют на это право. Дважды вдали показывались большие табуны лошадей и один раз – юрты становища, но Эйрих явно предпочитал не мозолить лишний раз степнякам глаза. В соответствии с этим, заночевали в открытой степи, вдали от жилья, поужинав снедью, прихваченной в ханском стойбище.

Очередь Элины дежурить была во вторую половину ночи. Перед рассветом сильно похолодало, на траве выступила изморозь. Элина подкармливала костер

пучками травы, слыша, как неподалеку неуклюже переступают стреноженные лошади. В какой-то момент ей показалось, что она слышит и иной звук копыт. Послушав некоторое время, а затем и приложив ухо к холодной земле, графиня утвердилась в своих подозрениях. Кто-то скакал по направлению к их костру, причем, похоже, с приличной скоростью. Было еще слишком темно, чтобы разглядеть неизвестного всадника, однако тому огонь костра служил ориентиром за многие мили, и тушить его было уже поздно. Элина сочла за благо разбудить Эйриха.

Они отошли от костра – теперь незнакомец не мог разглядеть их раньше, чем они его; хотя он был один, а они находились под защитой ханского закона, Эйрих решил, что предосторожность не помешает. У него тем более были для этого основания, ибо он не забыл о подозрительном западном путешественнике, лишившемся коня в лесу по дороге к Перску. Конечно, вероятность того, что ему удалось проделать весь этот путь за ними, притом по суше, была не слишком велика, но Эйрих знал, что пренебрегать ею не следует.

Всадник, подъехав к костру и не увидев поблизости людей, осадил коня; как видно, в последний момент ему тоже расхотелось попадать в освещенный круг. Виден был лишь его силуэт; складывалась патовая ситуация – ни одна из сторон не проявляла желания первой открыться другой. Элина усмехнулась, подумав, уж не придется ли им ждать рассвета, но все разрешилось гораздо быстрее. Неожиданно задние ноги чужого коня подломились, и животное неуклюже завалилось на землю, придавив ногу не проявившего расторопности седока. Тот издал жалобный стон.

– О, нет, – обреченно вздохнул Эйрих.

– Что? – не поняла Элина, на всякий случай чуть вытягивая меч из ножен.

– Вы разве не слышите?

– Я так рад, благородные господа, что смог наконец догнать вас, – донесся до них страдальческий голос эльфа.

– За вами есть погоня? – требовательно рявкнул Эйрих.

– Не знаю. Может быть. Вы не поможете мне выбраться?

Эйрих, бормоча что-то нелестное, выдернул Йолленгела из седла и занялся его лошадью. Эльф, прихрамывая, отошел чуть в сторону, однако нога его, по всей видимости, серьезно не пострадала. Он вытащил свою флейту, проверяя, не пострадала ли она.

– Как вам удалось бежать? – спросила Элина.

– С помощью вот этого инструмента, – Йолленгел любовно погладил флейту. – Я с детства слышал, что если играть на нем определенным образом, то можно подчинить человека своей воле.

– Эльфийская магия все еще действует? – на Эйриха это произвело такое впечатление, что он оторвался от своей ветеринарной деятельности.

– Здесь нет никакой магии, – честно ответил эльф. – Просто искусство гипноза. Я не знаю, как это работает, ведь мы, эльфы, не занимались наукой... наверное, этот эффект и обнаружен-то был случайно... но некоторые монотонные мелодии способны погрузить человека в транс.

– На востоке есть фокусники, укрощающие таким образом змей, – припомнил Эйрих, – но я не знал, что это действует и на человека. Даже странно, ведь я имею кое-какие познания в отношении подобных нетрадиционных штучек... И вы все это время располагали таким оружием и молчали?! – накинулся он на эльфа.

– Я не знал, работает это или нет, – смущенно оправдывался Йолленгел. – Я никогда не пробовал. Я даже не был уверен, что старинная методика дошла до меня в неискаженном виде. И потом, это совсем не универсальное средство. Человек должен быть спокоен и слушать достаточно долго... и все равно на многих это вообще не действует. Лучше всего поддаются люди с низким интеллектом, – добавил он извиняющимся тоном.

– И вам удалось загипнотизировать Курибая? – в голосе Эйриха звучало недоверие. – Я бы не назвал его дураком.

– Его я всего лишь усыпил, правда, крепко и надолго. Помогло то, что он был расслаблен после сытного обеда и пребывал в благодушном настроении. А вот кто действительно погрузился в настоящий транс, так это его телохранитель. Ему-то я и приказал обеспечить меня лошадью.

– Вы – приказали? – переспросил Эйрих с нескрываемой иронией. – На каком же языке, позвольте узнать? На эльфийском?

– За то время, что мы провели среди кочевников, я запомнил некоторые часто употребляемые ими слова, – невозмутимо ответил Йолленгел. – Например, «лошадь» и «двигаться». Кстати, нет такого языка – эльфийский.

– Как это? – опешила Элина.

– Так же, как нет такого языка – человеческий. У эльфов, правда, только одна раса, а не три, как у людей, но народов все равно много... по крайней мере, было.

– Жаль, что вы не выучили, как будет «хорошая лошадь», – изрек Эйрих, поднимаясь. – Этот конь больше не встанет. Вы загнали его.

– Я очень спешил, – виновато развел руками эльф. – Я боялся, что не догоню вас... и что меня будут преследовать.

– Вы что же, не удосужились использовать свой гипноз, чтобы раздобыть себе пайцзу? Можете не отвечать. Ясно, что не удосужились.

– Это было бы слишком сложно... Я испугался и дальше испытывать возможности гипноза. Вдруг бы не сработало?

– Тогда у нас было бы одной проблемой меньше, – ответил жестокий Эйрих. – Сколько, по-вашему, проспал Курибай?

– Много... Я же говорю – я не знаю. Я впервые этим пользовался.

– Ясно. Будем исходить из худшего – час. Хотя нет... с вашим умением ездить верхом вас бы уже догнали, – Эйрих вдруг лег и приник ухом к земле. – Пока тихо. Значит, еще некоторое время у нас есть... Нет, ну замечательно – свалиться на нашу голову без лошади и без пайцзы! По-хорошему, бросить бы вас тут...

– Эйрих! – возмутилась Элина. Тот раздраженно отмахнулся.

– Может быть, никакой погони вообще нет, – сказала графиня.

– Если бы я имел привычку ориентироваться на лучший, а не на худший вариант, я бы не дожил и до пятнадцати, – ответил Эйрих. – К тому же хан не склонен прощать тех, кто нарушает его волю. Не сомневаюсь, что воин, попавший под влияние эльфийской дудки, уже казнен каким-нибудь мучительным способом. Нам придется поспешить, если мы не хотим разделить его участь.

Йолленгел, проведший всю ночь в седле, безропотно принял эту перспективу и вновь, как при их первой встрече, влез на коня за спиной Элины. Эйрих окинул всадников скептическим взглядом и покачал головой.

– Двое чужаков скачут во весь опор, и у одного из них за спиной сидит третий. Нужно быть полным идиотом, чтобы не понять, что это бегство. Удивительно, что нашего друга эльфа не перехватили раньше, когда он мчался по степи, но теперь везение точно кончится. Слезайте и ждите меня здесь.

– Куда вы? – удивилась Элина.

– Поеду прогуляюсь по окрестностям, – усмехнулся Эйрих и вдруг протянул эльфу свою пайцзу. – Вот. Если появятся кочевники – предъявите им это. Не уверен, что поможет, но лучше, чем ничего. Эрвард, надеюсь на вас. Если заметите, что они приближаются – скачите прочь, но если потребуют остановиться – подчинитесь. Сейчас погасите костер. Я постараюсь вернуться не позже чем через час.

Он ускакал, оставив их в недоумении. Светало.

Сидеть без огня было холодно, а тревога не добавляла уюта. В небе кружил стервятник, заприметивший лошадиную тушу и досадующий на людей, мешающих приступить к трапезе. Элина периодически прикладывалась ухом к земле, но пока все было тихо. Прошло, наверное, уже часа полтора; эльф клевал носом, но периодически испуганно просыпался и вскидывался, оглядываясь по сторонам. По иронии судьбы случилось так, что как раз в один из таких моментов он первым заметил приближающегося всадника.

– Их двое! – вскочила Элина, глядя туда, куда он показывал. Однако, присмотревшись внимательно, с облегчением поправилась: – Нет, один с конем в поводу. Не иначе, Эйрих добыл вам коня!

Однако это мог быть и не Эйрих; в таком случае, время, чтобы вскочить в седло и ускакать, еще было. Элина, однако, промедлила, рассудив, что один человек не представляет опасности. Всадник скакал прямо по направлению к ним. Когда он подъехал ближе, Элина поняла, что это кочевник. Ее рука непроизвольно легла на рукоять меча, но затем она решила проявить больше дружелюбия.

– Не вздумайте его бояться! – строго сказала она Йолленгелу. Тот неуверенно кивнул, нервно тиская в пальцах пайцзу.

– Только не заставляйте меня за вами гоняться! – крикнул подъезжавший.

– Эйрих! – Элина расслабилась и облокотилась на седло. – Откуда у вас эта одежда?

– Оттуда же, откуда и конь, – усмехнулся ее спутник, останавливаясь. – Одолжил у одного местного.

– Одолжили? Что же вы оставили ему в залог?

– Хороший удар мечом, после которого он вряд ли станет требовать одолженное назад. Седлайте коней, поехали.

– Он напал на вас? – поинтересовалась Элина, вскакивая в седло.

– Нет. Я напал на него. Вас что-то смущает?

– Меня смущает компания грабителя и убийцы! – возмущенно воскликнула графиня.

– Кочевники – отнюдь не друзья людям Запада. Они сами широко практикуют грабеж и убийство по отношению к другим. Разве вы не готовы были сражаться за свободу Йолленгела? Или, по-вашему, вам не пришлось бы для этого убивать?

– Есть разница между защитой и нападением исподтишка!

– Есть, – кивнул Эйрих. – Напавший внезапно имеет преимущество.

Элина тяжело вздохнула. Отношение Эйриха к рыцарским понятиям о чести ей было известно... и, что хуже всего, он постоянно оказывался прав.

– Что будет, когда его соплеменники найдут тело? – перевела она разговор в практическую плоскость.

– Может, примут за нашего друга Йолленгела. А скорее просто за раба. Они ведь не найдут ни одежды, ни головы.

Эйрих протянул эльфу свой меч вместе с ножнами и поясом.

– Я не умею с этим обращаться, – растерянно сказал Йолленгел.

– Никто и не предлагает! – рявкнул Эйрих. – Но раз, по вашей милости, у нас две пайцзы на троих, мне придется изображать аборигена. А западный меч с местным костюмом не гармонирует.

Когда он протягивал эльфу оружие, Элина брезгливо наморщила нос.

– Эйрих, вы настоящий герой, если способны носить на себе эти вонючие шкуры, – сказала она.

– Мне приходилось одеваться и похуже, – невозмутимо ответил тот. – Согласно поверьям степняков, мыться значит смывать с себя удачу. Конечно, вряд ли у них сложились бы такие обычаи, если бы в степях не было проблем с водой. Куда больше, чем запах, неудобен размер этих вещей. Как вы могли заметить, кочевники в среднем ниже ростом, чем люди Запада – исключения бывают, но у меня не было времени их искать.

Эльф, кое-как нацепивший наконец пояс с мечом, рассыпался в благодарностях, понимая, на какие неудобства идет ради него Эйрих.

– Вот именно, Йолленгел, – удовлетворенно изрек тот.

Они скакали быстро, но не настолько, чтобы загнать коней. Йолленгел, несмотря на тряску, несколько раз порывался заснуть и один раз чуть не свалился на землю; Эйрих пригрозил, что привяжет его к лошадиному хвосту и потащит на аркане, если он не может нормально держаться в седле. Около полудня их остановил разъезд степняков.

Эйрих мастерски сыграл свою роль. Он говорил на языке Курибая с акцентом, но это не было подозрительным: степь населяли разные племена. Он объяснил, что сопровождает путешественников с Запада. Элина и Йолленгел предъявили пайцзы, и им было позволено ехать дальше.

Дальнейшее их путешествие через степь протекало без приключений – разве что на третий день им встретилось стадо сайгаков, и Эйрих, вооруженный теперь, как кочевник, подстрелил одного, что позволило пополнить запасы продовольствия без лишних контактов с местным населением. Карающая длань Курибая так и не настигла беглеца и его товарищей. Через пять дней пути от ханской ставки они выехали на побережье Срединного моря. Эйрих слегка ошибся в расчетах; он надеялся выехать прямиком к городу Эль-Хасар, однако они оказались у моря западнее, на пологом пустынном берегу.

Для эльфа зрелище простертой до горизонта водной стихии было совершенно в новинку и не слишком ему понравилось; набегавшие на песчаный пляж волны (небольшие, не выше пары футов) прямо-таки пугали его, и он не рискнул подъехать к воде. Элина пару раз видела море в детстве, во время скитаний Айзендорга, но и для нее эти воспоминания были смутными, почти не существующими. Однако, в отличие от Йолленгела, она сразу же выехала на полосу прибоя, где холодная белая пена разбивалась с шипением о копыта ее коня, и с удовольствием вдыхала влажный, пропитанный йодом воздух.

Изменчивая белая кайма отделяла безбрежность моря от бескрайности степи – но и сама уходила при этом в бесконечность, и казалось, что нет на свете ни городов, ни стран, а есть одна лишь дикая и прекрасная в своей безлюдности природа. Однако показавшийся на горизонте парус напомнил о существовании цивилизации. Корабль шел в Эль-Хасар; туда же направились и путешественники.

Некогда северное побережье Срединного моря было заселено южной ветвью западной расы; здесь было выстроено много прекрасных городов с многоколонными дворцами и белыми мраморными лестницами, спускавшимися прямо к волнам. Защищенная властью магов от катаклизмов и неурядиц, эта благодатная земля процветала. Холмы утопали в зелени виноградников, в море было полно рыбы, у причалов всегда покачивались многочисленные суда из разных стран, увозившие в своих трюмах расписные амфоры, полные вином и оливковым маслом, нежное овечье руно и разнообразные творения местных мастеров и художников. Здесь жил веселый и беззаботный народ – во всяком случае, так казалось чужеземцам; на самом деле местные жители, будучи людьми, разумеется, находили поводы отравить жизнь себе и окружающим. И все же нигде на Западе не было такого количества празднеств и карнавалов, как здесь, и даже простые пастухи обычно бывали здесь неплохими певцами и музыкантами. Город Эль-Хасар, называвшийся тогда Эхасса, был самым крупным в западной части побережья; здесь сходились торговые пути с четырех сторон света – да, в те времена и Южный континент еще не погряз в дикости, и его чернокожие жители тоже приплывали торговать в Эхассу на своих длинных многовесельных лодках с полосатыми квадратными парусами.

С падением власти магов все изменилось. С севера, из глубины континента, на побережье двинулись кочевники, а с востока – более цивилизованные завоеватели из молодых эмиратов и султанатов, образовавшихся на месте прежних провинций чародейских империй. Жители побережья, давно утратившие воинственность своих далеких предков, не могли оказать достойное сопротивление; многие тысячи их были убиты, обращены в рабов или бежали на запад, под защиту новых монархов своей расы. Завоевателям пришлось сражаться не столько даже с ними, сколько друг с другом. Многие дворцы и статуи были уничтожены как в ходе боевых действий, так и просто развлекавшимися варварами. К рукотворным бедам добавились и природные катаклизмы, которые прежде предотвращала магия: выяснилось, что многие районы побережья слишком засушливы для проживания большого количества людей, да и сейсмически не вполне благополучны. В итоге в течение первого же столетия после свержения власти магов многие прибрежные города были разрушены и полностью покинуты или основательно захирели. Другие отделались меньшими потерями, хотя и существенно сменили состав

населения. В то же время переселенцы с востока основали даже несколько новых городов.

В конечном счете территориальные споры решились так: восточная часть побережья отошла граничившим с нею царствам, города же западной части получили формальный статус «вольных», т.е. независимых, хотя независимость эта держалась на регулярной уплате дани степнякам. К числу таких городов относилась и Эхасса, совсем было захиревшая в эпоху войн и разрыва торговых связей, но за прошедшие с тех пор столетия постепенно возродившаяся к новой жизни. Национальный состав ее жителей, как и в других подобных городах, был теперь весьма пестрым; тут проживали потомки и коренного населения, и различных завоевателей, и завезенных из других мест рабов, и всевозможных беглецов, бродяг и переселенцев, в разные времена оседавших здесь. Преобладали все же выходцы с Востока, что отразилось и в языке, и в изменившемся названии. Политическое устройство Эль-Хасара, однако, не походило на восточные монархии. Знатность не имела здесь никакого значения; беглый раб из степи мог разбогатеть и стать уважаемым купцом и почтенным человеком, а разгружать в порту его суда мог отпрыск древнего патрицианского рода. Город жил торговлей и мерил достоинства деньгами. Управлял городом Совет Пяти, избираемый на общем заседании купеческой гильдии.

Прежде, чем въехать в Эль-Хасар, Эйрих избавился от одежды кочевника и вновь облачился в свои вещи – по понятным причинам степняков в городе не жаловали. Лук и кривую саблю он отдал эльфу, забрав обратно свой меч.

Подобно другим городам времени меча, Эль-Хасар был обнесен крепостной стеной, отсутствовавшей во времена магов. Высокая, сложенная из массивных каменных блоков стена выглядела практически неприступной – однако и она не могла защитить жителей от бедствий осады, не говоря уже о том, что благополучие Эль-Хасара держалось на бесперебойном и надежном функционировании порта, поэтому горожане предпочитали исправно платить степным ханам. Днем все ворота были распахнуты, так что Элина и ее спутники беспрепятственно въехали в город. В Эль-Хасаре ни с кого не брали въездных пошлин – хитрые градоначальники предпочитали выкачивать деньги из карманов гостей, когда те будут уже в городе.

Светило солнце, и было тепло, как в Роллендале весной. Элина и Эйрих ехали без головных уборов, и лишь Йолленгел вынужден был нахлобучить свою меховую шапку, чем периодически привлекал любопытные взгляды. Элина тем временем с интересом оглядывалась по сторонам. В Эль-Хасаре сохранилось немало сооружений времен Эхассы, а в последнее столетие многие из них были к тому же отреставрированы, дабы сделать город еще привлекательнее для гостей.

Не без удивления смотрела Элина на статуи, изображавшие нагих мужчин и женщин. На Западе подобное было немыслимо. Там воздвигали лишь монументы королей и полководцев; скульптура Запада была атрибутом политики, а не эстетики, а уж изображение обнаженной натуры было абсолютно недопустимым непотребством. Элина, однако, не испытывала особого смущения – в детстве ей не раз приходилось видеть, как купаются солдаты ее отца.

Почти вплотную к стенам старинных дворцов, однако, лепились невзрачные кубики глинобитных домов с узкими прямоугольными дырами окон без стекол; большинству эль-хасарцев, вынужденному ютиться в подобных жилищах, было мало проку и от древнего величия Эхассы, и от нынешнего богатства городских купцов. Как и всякий город, вынужденный ограничить свои пределы крепостной стеной, Эль-Хасар страдал от тесноты. Тем удивительнее было увидеть почти в центре города незастроенный холм. На вершине его среди бурьяна виднелись обломки поваленных колонн и вросшие в землю каменные глыбы. При чародеях здесь был дворец Наместника, управлявшего городом. Дворец не стал жертвой землетрясения или завоевателей; его разрушили сами эхасситы, как только узнали о падении власти магов. Тогда же был убит и сам Наместник. Впоследствии дважды предпринимались попытки использовать холм для застройки, но оба раза в самом начале, еще при расчистке вершины от развалин, с кем-то из рабочих происходил несчастный случай. В результате холм был признан проклятым, а застройка отложена на будущие времена, когда силы магии иссякнут в мире окончательно.

Путешественники отыскали трехэтажную гостиницу и сняли наиболее дешевые комнаты на верхнем этаже. Отсюда, предводительствуемые Эйрихом, они направились в порт.

– Между прочим, Йолленгел, почему бы вам не обосноваться здесь? – спросил вдруг Эйрих.

– Здесь?... – вопрос явно застал эльфа врасплох.

– Ну да. Вы же собирались поселиться где-нибудь на востоке. В наше время это уже восток. Притом довольно спокойное его место – по крайней мере, до тех пор, пока город исправно платит дань степи. Об эльфах здесь если и слышали, то смутно.

– Я... я не знаю... – растерянно пробормотал Йолленгел. – Здесь так много людей...

– К вашему сведению, это свойство любого города. Если вы предпочитаете лес, почему вы там не остались?

– Мне бы хотелось все же увидеть побольше. Чтобы было из чего выбирать, – решился эльф.

– Ну, дело ваше, только не ждите, что я оплачу вам проезд на корабле. Что-то мне подсказывает, что капитаны, ходящие отсюда в сторону Дулпура, небольшие поклонники музыки.

– Не беспокойтесь, Йолленгел, в случае чего я расплачусь, – поспешно сказала Элина, неприязненно взглянув на Эйриха.

В порту было меньше судов, чем в летние месяцы, но все же вполне достаточно, чтобы поиски нужного заняли немало времени. В конце концов, побеседовав на нескольких языках с различными матросами, отдыхавшими портовыми грузчиками и просто бездельниками, гревшимися на солнышке или удившими мелкую рыбешку с волнорезов, Эйриху удалось отыскать корабль, идущий прямиком в Дулпур. Судно называлось «Русалка», но, несмотря на романтическое имя, отнюдь не впечатляло изяществом форм. Это была небольшая, достаточно неуклюжая на вид трехмачтовая каравелла, на своем веку не раз стоявшая в ремонтных доках. Единственное орудие – катапульта – было установлено на корме; маневренный бой не был сильной стороной «Русалки», все, на что она могла рассчитывать – это отстреливаться от преследующего врага.

Настоящие русалки, впрочем, хотя и были превосходными пловцами, но тоже заметно отличались от созданного легендами романтического образа. Элине доводилось видеть чучело русалки в кунсткамере роллендальского дворца. Эти существа, разумеется, были лишены волос, которые под водой были бы только бессмысленной помехой, человеческого носа, ушных раковин, и вообще куда больше походили на рыбу с руками, чем на женщину с рыбьим (точнее, дельфиньим) хвостом. Кстати, на самом деле они были не самками, а гермафродитами – поэтому, собственно, никто и никогда не видел самца русалки, а все легенды о любви русалки и моряка являются полнейшей чепухой. Даже во времена магов интеллект русалок уступал человеческому; впоследствии же они деградировали до животного состояния и теперь вообще встречались крайне редко.

Капитан был на борту, потому переговоры состоялись сразу же. Морской волк был пузат, как его судно, радикально лыс и смугл от постоянного пребывания на солнце. Черная с проседью борода его свирепо топорщилась во все стороны. Изъяснялся он на языке Варсалии, одной из южных стран Запада, пересыпая свою речь словами из еще десятка языков побережья. Элина, благодаря приобретенным в детстве отрывочным лингвистическим познаниям, не то чтобы все понимала, но смысл улавливала.

– Вам повезло – мы уходим завтра, – говорил капитан. – Давайте задаток сейчас, и в полдень будьте на борту. Опоздаете – сами виноваты, ждать не буду.

Запрошенная им цена была достаточно высокой, особенно для судна такого класса, и Эйрих принялся торговаться. Капитан не хотел сбавлять, напирая на то, что следующего судна до Дулпура они могут дожидаться еще не один месяц – и это была правда; однако Эйрих проявил решимость и, развернувшись, объявил своим спутникам, что они поищут другой корабль. Лишь когда они спустились на причал, капитан окликнул их и согласился уступить.

После этого они отправились осматривать город и гуляли до вечера по его кривым горбатым улочкам и обширным площадям, чьи камни помнили расцвет эпохи магов; ныне многие из этих площадей были превращены в рыночные. Помимо торговцев, там делали бизнес представители еще двух категорий: во-первых, уличные фокусники, акробаты и музыканты, а во-вторых, карманные воры. О последних Эйрих особо предупредил своих спутников – и оказался прав, ибо через некоторое время Элина ловко перехватила руку, решившую погостить в ее кармане. Рука принадлежала коричневому от грязи и загара оборванному мальчишке лет тринадцати. Пойманный рванулся, но, столкнувшись с железной хваткой, тут же прекратил сопротивление и принялся униженно молить о пощаде. Эйрих выразил готовность позвать стражников, но Элина, глядя на незадачливого воришку, смущенно переступавшего грязными босыми ногами на холодных камнях площади и утиравшего нос свободной рукой, сжалилась над своим пленником и отпустила его, предварительно взяв через Эйриха обещание больше не воровать. Мальчишка моментально растворился в толпе, а Эйрих с усмешкой сообщил, что его обещание будет действовать еще минут пятнадцать. Графиня с достоинством возразила, что человеку надо давать шанс. Эйрих ничего на это не ответил, но подумал про себя, что как раз шанса зарабатывать себе кусок хлеба честным путем у этого парнишки, скорее всего, нет.

В гостиницу вернулись уже в сумерках и, поужинав, вскоре легли спать – Элина в одной комнате, Эйрих и эльф в другой. Было еще довольно рано, но усталость от путешествий по взбиравшимся на холмы и сбегавшим вниз улочкам сказывалась. Впервые со дня высадки на берег Омолы Элина позволила себе отоспаться на всю катушку, не ожидая никаких опасностей.

Когда она встала, солнце уже карабкалось по небу короткого зимнего дня. Выйдя в коридор, она столкнулась с Эйрихом. Ее спутник только что продал лошадей хозяину гостиницы. Это была обычная практика – так поступали многие путешественники, прибывавшие в Эль-Хасар сушей и покидавшие его морем. На специальном рынке можно было продать дороже, но это означало лишние хлопоты, да и налог пришлось бы платить.

– Йолленгел не вернулся? – спросил Эйрих.

– Я даже не знал, что он уходил, – ответила Элина, почувствовав беспокойство. Эйрих заглянул в свою комнату и убедился, что она пуста.

– Он не говорил, куда идет? – спросила графиня.

– Похоже, он не хотел меня беспокоить. Я слышал сквозь сон, как он выходил, но подумал, что это он просто по нужде. Однако вряд ли это дело может так затянуться даже у эльфа.

Немногочисленные вещи Йолленгела находились в комнате, да и покинуть своих благодетелей, не попрощавшись, было бы не в его духе. Однако время шло, а эльф не возвращался. В конце концов Эйрих объявил, что пора идти, иначе они опоздают на корабль.

Элина шла по улице в расстроенных чувствах – она почти не сомневалась, что Йолленгел попал в беду. Однако город был слишком велик, чтобы надеяться быстро разыскать его, а опоздай они к отплытию – и ждать следующего корабля пришлось бы неведомо сколько. В который раз графиня вынуждена была сделать выбор в пользу Артена. Тем не менее, она шла в порт не самой короткой дорогой, петляя по улицам и заглядывая в переулки.

– В Эль-Хасаре нет ксенофобии – здесь проживает слишком много народов, и само благополучие города зависит от его привлекательности для гостей, – успокаивающе говорил Эйрих. – Так что ничего особо страшного ему тут не грозит. Скорее всего, он просто пошел погулять и заблудился – языка он не знает и дорогу спросить не может. А нам надо поспешить.

– Эрвард! Эйрих! – послышался вдруг знакомый голос.

Они обернулись. Крик доносился из глубины ответвлявшейся улицы. Расталкивая прохожих, они устремились туда.

Шестеро городских стражников, вооруженные кривыми мечами, конвоировали троих задержанных, одним из которых был Йолленгел. Под глазом эльфа красовался свежий синяк, губа была разбита. Двое других арестованных выглядели не лучше. Их руки не были связаны – как видно, стражи порядка не ожидали сопротивления.

– Что случилось? – требовательно спросил Эйрих по-луситски, переходя на шаг и двигаясь рядом с недобро косившимися на него конвоирами.

По быстрой и сбивчивой речи Йолленгела удалось реконструировать события. Терзаемый совестью по поводу денег, уплаченных за него Элиной, эльф решил подзаработать. Идея пришла ему в голову накануне, когда он увидел уличных музыкантов. Рано утром он тихо выбрался из комнаты и, расположившись на одной из людных улиц, начал играть. Его мелодии имели большой успех, и прохожие щедро кидали ему монеты. Однако эльф не учел того обстоятельства, что все сколь-нибудь выгодные места на улицах Эль-Хасара давно поделены

между городскими музыкантами, фокусниками, нищими и прочей подобной публикой. Так что в скором времени явились хозяева территории и потребовали от нарушителя убираться, отдав им при этом «незаконно» добытые деньги. Эльф из-за незнанья языка даже не мог понять, чего они от него хотят; тогда те перешли к более доходчивым средствам – один двинул Йолленгела в челюсть, а второй вырвал из его рук флейту и сломал старинный инструмент о колено. Смирный эльф мог бы еще стерпеть побои, но не это. Как тигр, он набросился на обидчиков. Драка продолжалась до тех пор, пока не явились стражники и не арестовали всех троих, не побрезговав при этом и подобрать рассыпанные монеты.

Уяснив ситуацию, Эйрих обратился к начальнику караула, пытаясь объяснить, в чем дело, и добиться освобождения эльфа. Элина, хотя и не понимавшая языка, горячо его поддерживала. Стражник, однако, ничего не желал слушать, повторяя, что во всем разберется судья. Эйрих вздохнул и неохотно произнес:

– Ну хорошо, сколько?

– Взятка? – ненатурально возмутился стражник.

– Компенсация за причиненные хлопоты, – дипломатично сформулировал Эйрих, мысленно проклиная ненасытность стражников, которые и так уже неплохо поживились за счет Йолленгела.

– Не здесь, – буркнул начальник караула. Приличия не позволяли принять мзду и отпустить задержанного прямо посреди людной улицы, хотя вряд ли хоть для кого-то из прохожих продажность городской стражи стала бы новостью.

И в этот момент эльф все испортил. Не то ошибочно приняв возникшую паузу за неуспех переговоров, не то осознав, что он вновь, вопреки собственному обещанию, ввергает своих спутников в расходы, Йолленгел воспользовался тем, что внимание конвоиров отвлечено Эйрихом и, оттолкнув одного из них, бросился бежать. В следующую секунду пустились наутек его обидчики; они сделали это рефлекторно, им, как постоянным жителям города, не следовало лишний раз ссориться со стражниками. Те дернулись было догнать арестантов, но безуспешно – прохожие быстро расступались перед беглецами и весьма неохотно – перед их преследователями. Простые эль-хасарцы в массе своей не жаловали городскую стражу.

Тогда гнев охотников, упустивших добычу, обратился на Эйриха и Элину. Друзья одного из беглецов были в их глазах прямыми виновниками побега. Сразу двое стражников схватили за руки Эйриха, а еще один потянулся к графине. Рука Элины молниеносно метнулась к мечу.

– Меч в ножны, Эрвард! – страшным голосом рявкнул Эйрих по-тарвилонски. Элина, слегка ошарашенная, послушалась и лишь увернулась от того, кто пытался ее схватить. В следующий миг Эйрих расшвырял в стороны державших его, но и

сам не стал обнажать меч. Он знал, что делает – нападение на городских стражников с оружием было куда более серьезным преступлением, чем просто сопротивление. Однако, в то время как Элина, отскакивая от наседавших врагов, сохраняла у себя за спиной путь к свободе, сам Эйрих оказался в окружении. Один из стражников уже вовсю свиристел глиняным свистком, призывая подмогу.

– Бегите в порт! – крикнул Эйрих, раздавая удары направо и налево.

– А как же вы? – крикнула в ответ Элина, понимая, однако, что с голыми руками она не сможет ему помочь.

– Обо мне не беспокойтесь! Ждите меня на борту! Но даже если я не прорвусь, я скоро буду на свободе!

Элина в последний раз ударила стражника ногой по голени и бросилась бежать. Некоторое время она слышала за собой топот сапог преследователей, затем он отстал.

Двадцать минут спустя она вылетела на набережную в паре миль от порта; планировка города была не слишком удобной для ориентирования. Элина перевела дух, еще раз оглянулась, нет ли погони, и дальше уже пошла быстрым шагом.

Наконец она отыскала нужный причал и поднялась по пружинящим сходням на борт «Русалки». На судне шли последние приготовления к отплытию.

– Наконец-то, – ворчливо приветствовал ее капитан. – Где остальные?

– Сейчас будут, – ответила Элина, чувствуя разочарование: она надеялась, что по крайней мере эльф уже на корабле.

Она стояла у борта и смотрела на город, надеясь разглядеть вдали знакомые фигуры. За ее спиной топали башмаками по скрипучим доскам палубы матросы, волокли последние тюки грузчики и хрипло покрикивал на тех и других боцман. Все пассажиры уже прибыли; некоторые из них стояли на палубе, подобно Элине, другие прогуливались по причалу, оттягивая до последнего момента расставания с твердой землей под ногами. Наконец капитан зычно рявкнул: «Все на борт, отчаливаем!» – и пассажиры, в последний раз пожав руки или обнявшись с провожающими, поднялись на корабль.

– Ну, где твои друзья? – спросил капитан, проходя мимо Элины.

– Не знаю, – печально пожала плечами графиня. – Что-то их задержало.

– Я предупреждал – судно ждать не будет. Ты едешь или сходишь на берег?

Элина еще раз все обдумала. Вряд ли Эйрих врал, говоря, что ничего особо страшного ему не грозит. Ну, может быть, месяц тюрьмы, если не сможет откупиться. И зачем ему понадобилось ввязываться в драку, почему было не откупиться сразу? Конечно, обозленные стражники содрали бы с них двоих больше, чем намеревались вначале за Йолленгела, но зато теперь все были бы на

борту. Или нет, стражники все равно промурыжили бы их слишком долго? Должно быть, именно так. И куда девался эльф? Скорее всего, он бежал куда глаза глядят и просто заплутал в лабиринте улиц. Выходило, что спутники Элины не нуждались в спасении; если она останется, то просто потеряет несколько недель, а то и месяцев, ожидая следующего корабля. С другой стороны, Эйрих был весьма полезным спутником, но ведь он ехал только до Дулпура, значит, им все равно предстояло расстаться – не в порту отправления, так в порту прибытия. Терять время и подвергать лишней опасности Артена лишь для того, чтобы иметь возможность нормально проститься, было глупо.

– Я еду, – ответила Элина.

– Поднять сходни! Отдать швартовы! – гаркнул капитан.

Между бортом и причалом стала шириться полоса воды; заскрипели снасти, захлопали паруса, ловя ветер, город стал поворачиваться и уходить за корму. Элина все еще всматривалась в очертания порта, надеясь увидеть своих товарищей; и лишь когда судно вышло из бухты в открытое море, она ушла в свою каюту.

Поначалу плавание протекало благополучно. Дул ровный попутный ветер; море было спокойно, хотя, конечно, без небольшой волны не обходилось. За свою предыдущую жизнь Элина лишь однажды совершала морское путешествие – ей было тогда лет пять, и король, в чьей армии служил тогда ее отец, решил перебросить свой экспедиционный корпус морем. Тем не менее, морская болезнь, истязавшая половину пассажиров, Элину не тронула – благодаря регулярным тренировкам, куда входили различные прыжки, развороты и сальто, у нее был тренированный вестибулярный аппарат. Постепенно и пассажиры стали привыкать к качке и выбираться на палубу не только для того, чтобы согнуться над бортом в приступе рвоты. Поскольку плавание предстояло долгое, в скором времени все перезнакомились друг с другом, хотя некоторым требовалась для этого помощь других попутчиков в качестве переводчиков.

Пассажиров было немного – всего дюжина, не считая Элины (а команда судна состояла из восемнадцати человек). Большинство составляли подручные купцов средней руки, не имевших собственных кораблей – эти люди сопровождали груз или, напротив, возвращались из деловой поездки. Четверо были переселенцами, отправившимися на восток в поисках лучшей жизни: худой неразговорчивый мужчина без двух пальцев на левой руке и семья из трех человек – муж, жена и их восьмилетний сын. Ребенок, толстый некрасивый мальчик, был изрядным плаксой и изводил родителей и других пассажиров своими гнусавыми громогласными жалобами; Элина с первой же минуты почувствовала к нему глубокое

отвращение. Наконец, последним пассажиром был молодой человек, ехавший к своей невесте, с которой не виделся несколько лет. Всех остальных людей на свете он, похоже, рассматривал в качестве слушателей его патетических разглагольствований о своей возлюбленной. Он был еще большим бедствием, чем ребенок; за несколько дней он успел всем, включая матросов, прожужжать уши рассказами о том, как они вместе играли в детстве, как целовались и давали клятвы верности в отрочестве, как жестокая судьба забросила их семьи «на разные края света» – ее в Дулпур, его в Эль-Хасар (между «краями света» не было и трех тысяч миль), и, разумеется, какими неземными достоинствами обладает его идеал. В «Эрварде» он особо рассчитывал найти благодарного слушателя – тем паче что нашелся юго-западный диалект, который понимали они оба – но был жестоко отшит.

– Ваша девушка, должно быть, давно замужем за кем-нибудь более здравомыслящим, но если она и впрямь ждет вас, то мне ее искренне жаль, – сказала Элина.

– Вы просто еще не знаете, что такое любовь! – воскликнул тот тоном не столько обиженным, сколько покровительственным.

– Даже если бы я не знал, что любовь – это величайшая глупость на свете, мне достаточно было бы взглянуть на вас, чтобы в этом убедиться, – отрезала графиня. Больше пылкий влюбленный с ней не разговаривал. Ему, однако, удалось-таки заполучить внимательного слушателя в лице матери плаксивого ребенка – усталой женщины за тридцать, утратившей остатки красоты, но так и не набравшейся ума.

В первые дни плавания узкая полоска суши виднелась на горизонте, но затем корабль отклонился к югу. В принципе можно было идти вдоль берега в течение всего плавания, но такой путь был бы, во-первых, заметно длиннее из-за сильно изрезанной северной береговой линии, а во-вторых, отнюдь не безопаснее. Между портовыми городами простирались незаселенные территории, где в угрюмых скалистых бухтах или между прибрежными островами вполне могли поджидать в засаде быстроходные пиратские суда. Впрочем, южный берег моря был в этом плане еще опаснее: на севере Южного континента у пиратов была целые города. Государства, имевшие выход к Срединному морю, предпринимали не одну военную экспедицию с целью разорения этих разбойничьих гнезд, но, сожженные дотла и с потопленным флотом, те через некоторое время возникали вновь, на прежнем или новом месте.

К середине второй недели плавания погода испортилась. Ветер сменился на северо-восточный; он гнал по небу рваные тучи и взъерошивал пенные гребни свинцово-серых волн. Начинался один из тех зимних штормов, после которых к

берегу нередко прибивает плавучий мусор, оставшийся от кораблей, а иногда и раздутые тела утопленников.

Тут уже даже Элине пришлось несладко. Лежа в своей каюте, пристегнутая ремнями к койке, она боролась с комом в горле и пустотой в животе, когда каравелла то карабкалась к небу, задрав бушприт, то скользила в водяную яму. Один раз графиня, дабы продемонстрировать свою храбрость и набраться впечатлений, попыталась было выйти на заливаемую морской и небесной водой палубу, но привязавшийся к мачте боцман немедленно погнал ее обратно – и вовремя, иначе следующий вал мог унести ее в море.

Трое суток «Русалку» мотало по волнам. Старый корпус угрожающе скрипел, принимая на себя удары бесчисленных тонн воды, зарывался в волну чуть ли не по нижние реи – однако всякий раз выныривал, стряхивая с бортов водопады ярящейся пены и норовя вновь уставить мачты в зенит. Наконец на четвертый день – это был пятнадцатый день плавания – море успокоилось. «Русалка», несмотря на внешнюю неказистость, с честью выдержала испытание (далеко не первое и не самое страшное в ее биографии); правда, под конец в трюме образовалась течь, но ее удалось заделать. Некоторые снасти нуждались в починке. Пострадал кое-какой груз, залитый водой или плохо закрепленный. Один из матросов был смыт за борт во время шторма; один из торговцев сломал себе руку в собственной каюте, не удержав равновесия при качке. Больше потерь не было, не считая, конечно, того обстоятельства, что корабль отнесло от первоначального курса вспять и к югу.

Почти сразу вслед за штормом воцарился штиль. Желваки волн еще перекатывались под поверхностью воды, но мокрые паруса висели дрябло и бессильно. До самого вечера «Русалка» лежала в беспомощном дрейфе, и лишь ближе к закату удалось поймать хоть какой-то ветер. Он был слабый и не слишком попутный, так что «Русалка» тащилась вперед, делая не больше трех-четырех узлов. В таких условиях прошла ночь.

Утром, выйдя на палубу, Элина сразу обратила внимание на какое-то нездоровое оживление команды. Проследив направление взглядов, то и дело кидаемых за корму, она увидела на горизонте белый парус. Даже, пожалуй, не совсем на горизонте, а уже ближе.

Графиня решительно поднялась на ют и подошла к капитану, который, скрестив руки над животом, тоже неприязненно смотрел в сторону неизвестного судна.

– Это пираты? – без обиняков спросила она.

Капитан вообще не склонен был раньше времени поднимать панику среди пассажиров, но как-то поддался решительному натиску Элины.

– Пока не знаю, – хмуро ответил он. – Мачты у них невысокие, почти как на рыбачьей лодке. Но рыбачьей лодке нечего делать на таком расстоянии от берега. Значит, галера или что-то вроде. Конечно, галеры имеются и в обычных военных флотах... Идут за нами с рассвета.

– Мы сумеем оторваться?

– С этим-то ветром? – горько усмехнулся капитан. – Они идут на веслах, это очевидно.

«Русалка», конечно, делала все возможное, развернувшись кормой к ветру и идя на всех парусах, но три часа спустя неизвестное судно уже практически настигло ее. Теперь уже отчетливо было видно, что это небольшая двухмачтовая галера. Она могла бы догнать каравеллу и раньше, но, должно быть, на галере берегли силы гребцов, понимая, что добыча никуда не денется. Увы, теперь уже практически не приходилось сомневаться, что команда галеры рассматривает «Русалку» в качестве добычи. Ни один государственный флаг не развевался под клотиком преследователей; впрочем, будь это и не так, оснований для спокойствия все равно бы не было – пираты нередко используют флаги захваченных кораблей для маскировки. На палубе галеры толпились люди, и их оружие сверкало на солнце.

Вскоре Элина, стоя на юте, могла уже рассмотреть галеру во всех подробностях. Острый форштевень рассекал волны; под водой он переходил в грозный бивень тарана. На носу судна располагалась широкая площадка, закрытая спереди и с боков обитыми бронзой деревянными стенками в человеческий рост; в этом ограждении были прорезаны широкие щели – несколько вертикальных и одна сплошная горизонтальная, смещенная кверху. Площадка предназначалась для лучников, обстреливающих преследуемый корабль. Сразу же за ней располагалась катапульта; благодаря тому, что корма «Русалки» поднималась выше палубы галеры, можно было разглядеть, что, в отличие от жестко закрепленного орудия каравеллы, неприятельская катапульта установлена на поворотном круге и может, таким образом, стрелять в любом направлении; при этом, однако, она была меньше и била более легкими ядрами. Поскольку катапульта – навесное орудие, ограждение стрелковой площадки не мешало ей бить прямо по курсу; широкая горизонтальная щель служила в этом случае для прицеливания бомбардиров. Вдоль бортов в нескольких местах было установлено что-то типа трапов, благодаря которым абордажная команда могла легко взбежать на борт более высокого корабля. На приподнятой корме располагалась вторая катапульта, аналогичная первой; но она, как и орудие каравеллы, предназначалась в основном для защиты – стрелять вперед ей мешали паруса.

На «Русалке» была объявлена тревога. Трое бомбардиров заняли места у катапульты. В обязанности двоих входило закладывать каменные ядра и вращать ворот, отводя рычаг, а третий, командовавший ими, отвечал за наведение на цель. На всякий случай каравелла подняла сигнальные флажки, предупреждающие, что дальнейшее сближение судов будет расценено как нападение; как и следовало ожидать, это предупреждение не возымело действия. Пираты – теперь уже было бесспорно, что это именно они – разумеется, видели орудие каравеллы и потому заходили не прямо с кормы, а со стороны, дабы оказаться вне его зоны досягаемости. «Русалке» пришлось маневрировать, теряя и без того невеликий темп. Галера выстрелила первой. Каменное ядро перелетело наискось через корму, проломило левый фальшборт и плюхнулось в воду. Ответный выстрел каравеллы пришелся аккурат на середину пиратской палубы. Было видно, как взлетели вверх обломки досок; ветер донес с пиратского корабля вопль агонии. Матросы «Русалки» разразились радостными и воинственными криками.

Пираты вновь меняли курс, уходя с линии обстрела. Их следующий выстрел оказался точнее, проломив корму каравеллы; никто, однако, не пострадал.

На сей раз бомбардиру «Русалки» не удалось угадать момент, и ядро ушло в воду рядом с бортом галеры, сломав, впрочем, по пути одно из весел.

Следующее ядро пиратов прорвало бизань и рухнуло на палубу, переломав ноги не успевшему отскочить матросу. Гребцы налегали на весла, обходя каравеллу и вынуждая ту разворачиваться против ветра, дабы остаться кормой к неприятелю. Во время этого маневра бомбардир «Русалки» целился более тщательно и пропустил выстрел вражеской кормовой катапульты, который, однако, не достиг цели. Его старания были вознаграждены: пущенное с каравеллы ядро своротило правый край стрелковой площадки, увлекая в море обломки ее стен вместе с разможженным телом одного из пиратов. «Русалка», однако, почти полностью потеряла ход, и теперь суда сближались стремительно. Бомбардиры каравеллы заложили еще одно ядро, но выстрелить не успели: новый пиратский снаряд угодил прямо в катапульту, сломав рычаг и выбив осколком дерева глаз главному бомбардиру.

Теперь, в принципе, галера могла бы курсировать вокруг, обстреливая беспомощное судно, пока не кончатся ядра; однако ее капитан, как видно, предпочел поберечь боеприпасы на случай более тяжелых боев и сразу повел свой корабль на абордаж. Галера подходила к «Русалке» с кормы, отклоняясь вправо; таким образом, стрелковая площадка оставалась обращенной к каравелле своей непострадавшей стороной, и оттуда уже били лучники. Впрочем, в данном случае им даже не нужно было прикрытие стен, ибо на «Русалке» не было луков и арбалетов.

Капитан каравеллы меж тем колотил в двери кают с криком: «Выходите с оружием, если не хотите, чтоб вас продали на базаре, как обезьян!» Пассажиры, попрятавшиеся (за исключением Элины и пары торговцев) по каютам в начале боя, выбирались на палубу, нервно стискивая рукояти мечей или кинжалов – у кого что было. Несколько человек, очевидно, не способные оказать вооруженное сопротивление, остались в каютах, дрожа от страха и призывая на головы пиратов всех демонов вселенной.

Всего готовых сражаться пассажиров вместе с Элиной набралось восьмеро. К этому времени двое матросов были ранены стрелами; таким образом, из команды, вместе с капитаном и помощником, на ногах оставалось 14 человек (даже главный бомбардир, несмотря на боль, перевязал платком кровоточащую глазницу и стоял рядом с другими, сжимая рукоять топора). На палубе же галеры момента атаки дожидалось более полусотни пиратов.

Гребцы подняли весла, чтобы они не мешали абордажу; галера скользила по инерции вдоль правого борта «Русалки». Враги имели последнюю возможность взглянуть друг на друга, прежде чем сцепиться в беспощадной схватке. Большинство пиратов, как и экипаж каравеллы, принадлежало к западной расе, хотя были и раскосые желтолицые представители востока, и даже один негр. Но наибольшее внимание привлекал не он, а пират, стоявший по центру. Он был не выше среднего роста, однако казался гигантом благодаря исходившей от него силе. Его торс был защищен кольчугой, однако руки, вздутые буграми мускулов и веревками жил, были обнажены до плеч, несмотря на холод; в каждой он сжимал по ятагану. Но хуже всего было его лицо, казавшееся какой-то кошмарной маской. Палач вырвал ему ноздри и выжег клеймо на лбу; остальную же кожу бритой головы покрывали узоры татуировок, словно у южных дикарей. Судя по коротким властным командам, которые он сплевывал сквозь зубы, это был предводитель пиратов.

Через борт полетели абордажные крючья, с хрустом впиваясь в дерево. Оглашая воздух воинственными криками, пираты ринулись в атаку.

В первый момент более высокий борт каравеллы обеспечил преимущество ее защитникам; на короткое время им удалось сдержать натиск пиратов, и несколько разбойников, раненых или убитых, рухнули обратно на палубу галеры. Но все новые абордажные трапы со стуком ложились на борт «Русалки», к тому же несколько пиратов, раскачавшись на канатах, привязанных к реям галеры, запрыгнули на каравеллу сверху, сразу спутав порядок обороняющихся. Вскоре бой кипел уже на палубе «Русалки» от юта до бака.

Матросы каравеллы дрались не так уж плохо, но численный перевес неприятеля поневоле заставлял их отступать. Что же до пассажиров, то лишь

Элина и трое торговцев оказались хорошими бойцами; остальные не столько бились, сколько пятились от противника, отмахиваясь своим оружием. Графиня видела, как влюбленный юноша кинулся на врага со шпагой – это оружие, которое граф Айзендорг презрительно именовал вязальной спицей, в последнее время входило в моду среди дворян южных городов взамен тяжелых мечей. Но то, что хорошо для учтивой дуэли, мало годится для боя без правил; в следующий же миг острое лезвие тяжелой пиратской сабли легко переломило субтильный клинок и, не встречая больше сопротивления, разрубило наискось шею юноши. Несчастный жених упал, захлебываясь собственной кровью.

Капитан «Русалки», видя все это и понимая, что положение безнадежно, решился на отчаянный шаг. Криком увлекая за собой свою команду, он бросился на пиратов, рассчитывая пробиться к их предводителю. Отчаяние и ярость сделали свое дело: орудуя мечом с неожиданным для своей комплекции проворством, капитан зарубил одного за другим четырех разбойников, так что и подчиненные его, воспрянув духом, перешли в контратаку, остановив натиск пиратов, а кое-где даже потеснив их к правому борту. Но капитан последних как раз перебрался через этот борт и с усмешкой остановился перед своим врагом. Когда два капитана скрестили клинки, внимание дерущихся с обеих сторон поневоле сосредоточилось на лидерах, так что прочие бои почти прервались, сменившись взаимными оборонительными стойками.

Поединок продолжался несколько секунд. Капитан «Русалки» обрушил на своего врага страшный удар, который, казалось, невозможно было парировать; но тому это удалось. Затем пират с видимым напряжением отвел левым ятаганом в сторону неприятельский меч и каким-то будничным жестом воткнул второй ятаган в толстый живот противника. Капитан каравеллы стоял, глядя выпученными глазами на свой живот; лицо его выражало крайнее изумление. Тому, кто не понимал бы смысла этой сцены, она могла показаться комической. Затем меч выпал из ослабевшей руки, и толстяк стал соскальзывать с окровавленного ятагана на палубу. Его лысая голова глухо ударилась о доски.

Этот звук словно послужил сигналом об окончании боя. Матросы и пассажиры «Русалки» стали бросать оружие, отдаваясь на сомнительную милость победителей. Двое торговцев еще дрались, но, увидев безнадежность сопротивления, сдались и они.

Однако каравелла не была еще окончательно в руках захватчиков. Отступившая к левому борту, Элина продолжала сражаться. С начала боя ее меч восемь раз входил в тела врагов; только на нынешней позиции перед ней лежало трое мертвых пиратов, и один раненый отползал в сторону. Трупы эти образовали как бы барьер, мешавший новым врагам приблизиться к ней; четверо пиратов

делали издали выпады саблями и мечами, но не решались шагнуть ближе, через тела товарищей, еще недавно посчитавших этого юношу легкой добычей. Они понимали, что один боец, даже очень искусный, не может противостоять команде целого корабля; но понимали и то, что меч этого бойца может забрать еще не одну жизнь, и лезть на рожон, тем паче учитывая, что бой уже фактически выигран, никому из них не хотелось. Наконец один решился – и в следующий миг его рука с мечом валялась на палубе, а сам он кричал и размахивал фонтанирующей культей, орошая кровью окрестности. Больше желающих не находилось.

Элина, залитая чужой кровью с ног до головы, со сжатыми зубами и сверкающими яростью глазами, почти рычащая от ненависти и отчаяния, являла собой в этот момент зрелище немногим менее страшное, чем сам пиратский капитан. Переводя взгляд с одного врага на другого, она готова была биться до тех пор, пока хватит сил держать меч.

Но в этот момент резкий голос скомандовал пиратам расступиться. Они обернулись, затем послушались. Перед Элиной оказался бандит со взведенным арбалетом в руках, целивший ей прямо в грудь. Он был слишком далеко, чтобы достать его мечом, но слишком близко, чтобы успеть увернуться.

Графиня швырнула свой меч на палубу.

Однако прежде, чем протянувшиеся руки успели схватить ее, она подпрыгнула в воздух, крутанула заднее сальто через борт и мгновение спустя отвесно ушла в воду.

Граф Айзендорг говорил, что между очень плохим и безнадежным вариантом следует выбирать очень плохой; однако гордость заставила Элину сделать выбор в пользу безнадежного. До берега было больше сотни миль, а в воде такой температуры человек мог бы продержаться от силы минут сорок. Тем не менее, не загадывая, что будет дальше, ближайшие свои действия Элина просчитала вполне рационально. Она не стала сразу же выныривать и плыть от корабля на глазах у пиратов; напротив, нырнула поглубже, чтобы ее не было видно сверху, и, развернувшись, проплыла под днищем «Русалки», собираясь незаметно вынырнуть у ее правого борта, между каравеллой и галерой, где ее никто не стал бы ждать. Однако в тот момент, когда она уже собралась всплывать, графиня с ужасом почувствовала, что ее по-прежнему тянет в глубину. Ее одежда весила слишком много – в особенности сапоги и куртка с зашитыми и лежащими в карманах монетами.

Несмотря на парализующий холод, боль в ушах от давления воды и сказывавшуюся уже нехватку воздуха, Элина переборола вспыхнувшую было панику и, работая ногами, чтобы все же направить себя вверх, в несколько

движений выбралась из куртки. Высвободив руки, она яростными гребками устремилась к поверхности.

Ее грудная клетка пульсировала в агонии, пытаясь доставить легким отсутствующий воздух, в ушах уже начинало звенеть; должно быть, еще немного – и рот непроизвольно разжался бы, алчно втягивая смертоносную воду; но в этот момент голова Элины с шумом вылетела на поверхность. С минуту она не могла думать ни о чем, кроме жадного, взахлеб, дыхания.

И все же нехватка воздуха подвела ее. Она вынырнула слишком шумно – ее услышали. Отдышавшись, Элина увидела глядевших на нее с бортов каравеллы и галеры пиратов; они переговаривались и показывали пальцами.

Теперь не оставалось ничего другого, как попытаться просто уплыть; о том, чтобы снова нырять под киль, Элине было страшно подумать, и она заработала руками и ногами вдоль борта в сторону кормы. Ей вспомнился пленный лусит, застреленный кочевником; каждую секунду она ждала арбалетной стрелы меж лопаток.

Но ей было уготовано нечто иное. Не успела она миновать корму галеры, как сверху на нее упала сеть.

Она попыталась было вновь нырнуть, уходя от ловушки, но было поздно. Ее руки запутались в ячеистых тенетах. Ее выволокли на поверхность и втащили на борт, для верности подцепив длинным багром за ремень. Освобождая от сети, ее повалили на палубу, заломили руки за спину и крепко связали запястья. Едва графиню отпустили, она поднялась на ноги, не желая лежать покорной жертвой у ног победителей.

Пираты, обступив самого необычного из своих пленников, обсуждали, что с ним делать. Они говорили между собой на юго-западном диалекте тарвилонского, том самом, на котором изъяснялся с Элиной несчастный жених, так что графиня хорошо понимала их. Одни хотели расправиться с юношей, нанесшим самый чувствительный ущерб их команде. Других останавливали практические соображения – зачем убивать того, за кого можно получить выкуп или плату от работорговца. Третьи прониклись уважением к мастерству и смелости юного бойца и готовы были принять его в свои ряды, если бы он изъявил такое желание. Однако прежде, чем они успели прийти к какому-либо решению, один из пиратов, окинув наметанным глазом прилипшую к телу рубашку Элины, понял, что фигура у пленника не совсем мужская. Своим открытием он немедленно поделился с остальными.

Настроение пиратов мигом переменилось. Лица расплылись в сальных улыбках; градом посыпались непристойные шуточки. Те, кто только что призывал к кровавой расправе, теперь говорили, что пленница, конечно, должна быть

наказана, но по-другому; но и те, кто только что восхищался боевым искусством юноши, теперь обещали «показать этой сучке, для чего на самом деле предназначена женщина». Графиня затравленно озиралась. Множество похотливых взглядов жгло ее; множество рук тянулось к ней с самыми недвусмысленными намерениями. Спасения не было.

– Клянусь землей и небесами, каждый, кто прикоснется к графине Айзендорг, горько пожалеет об этом! – в отчаянии воскликнула девушка. Взрыв хохота был ей ответом. Одна из рук уже готова была схватить ее рубашку.

– Стойте! – раздался вдруг властный голос.

Пираты замерли, затем поспешно расступились, пропуская своего предводителя. «О, конечно, капитан, – послышались угодливые голоса, – такая добыча должна принадлежать вам!»

Главарь разбойников остановился в двух шагах от нее, внимательно разглядывая девушку. Но взгляд его не был раздевающим, как у других; он будто пытался узнать ее. Элина, вновь взявшая себя в руки, смотрела в его жуткое лицо смело и презрительно, словно это он был ее пленником.

– Так ты говоришь, что ты – графиня Айзендорг? – спросил он.

– Могу повторить это еще раз, если ты плохо слышишь.

– Откуда ты родом?

– Из Тарвилона, – Элина подумала и решила, что лучше ничего не скрывать. – Точнее, я родилась в военном походе. Тарвилон – это родина моего отца. Он привез меня туда, когда мне было восемь.

– Как зовут твоего отца?

– Эльберт, граф Айзендорг. Надеюсь, тебе что-то говорит это имя.

– О, да... Говорит. Ну-ка повернись.

– Зачем? – насторожилась Элина.

– Повернитесь, графиня, прошу вас, – усмехнулся пират.

Элина, пожав плечами, повиновалась. Холодная сталь коснулась ее кистей. В следующий момент ее руки были свободны. Графиня вновь обернулась к капитану, массируя запястья и еще не до конца веря в свою удачу.

– Надо понимать, что я свободна?

– Да. Ты сможешь сойти на берег в ближайшем порту.

Ропот пробежал по рядам пиратов, но тут же смолк под грозным взглядом капитана. «Если кто-то из вас вздумает докучать этой девушке, он отправится крутить шашни с акулами», – изрек предводитель разбойников.

– Это потому, что ты знаешь о моем отце? – Элину разбирало любопытство.

– Когда-то я знал его, и очень близко.

– Что может связывать такого, как ты, с графом Айзендоргом? – фыркнула Элина, к которой в полной мере вернулась ее уверенность в себе.

– Что может связывать? – переспросил пират тоном, от которого Элина сразу пожалела о своей надменности. – Я скажу вам, графиня. Железная цепь длиною в три фута и весом в шестнадцать фунтов – вот что нас связывало. Мы были прикованы за ногу друг к другу на галере «Принцесса Сэлия» военного флота его величества короля Варсалийского.

– Отец никогда не рассказывал об этом, – медленно произнесла Элина.

– Еще бы! Не думаю, что высокородному графу приятно вспоминать кандалы и бич надсмотрщика. Дело в том, графиня, что варсалийцы не делают разницы между военнопленными и преступниками. Тех и других отправляют на каторгу. Ваш отец командовал ротой солдат, а я командовал шайкой грабителей – а в итоге мы оба очутились на одной галере. И не скажу, чтобы мне это понравилось больше, чем ему – как, впрочем, и другим, кто был на «Сэлии». Одному из наших удалось пронести на борт пилку – представьте себе, он спрятал ее в собственной заднице, которая потом несколько дней кровоточила. И вот этой пилкой мы день за днем по очереди подпиливали свои кандалы, дожидаясь, пока все будут готовы, чтобы напасть на надсмотрщиков и солдат. Но один из надсмотрщиков оказался слишком бдителен и заметил неладное. Нам пришлось начинать прямо тут же, хотя у многих цепи были еще не перепилены. И если бы не ваш отец – нам бы всем крышка. Он один дрался против целой кучи солдат, пока я сбивал цепи с тех, что еще не освободились. Были и другие освободившиеся, но их в первый момент было мало, и без вашего отца нас бы одолели. Ну а потом подоспела подмога от остальных, и мы победили. Граф был ранен, но легко. После того, как мы перебили солдат и надсмотрщиков, пересчитали свои раны и потери, мы стали думать – что делать дальше? Большинство решило, что грех бросать такое хорошее боевое судно и не заняться пиратством. Графу эта идея не нравилась, но так хотело большинство. Потом стали выбирать капитана; все помнили, что сделал для нас граф, к тому же знали, что он опытный офицер, хотя и не морской, и хотели выбрать его. Но граф сказал: «Я не вправе вам указывать; вы завоевали свободу, и если хотите использовать ее для занятий разбоем – это ваш выбор, и вам отвечать за последствия. Но я в этом участвовать не хочу. Я не буду вашим предводителем и прошу лишь об одном – позвольте мне сойти в ближайшем порту, а вместе со мной всем, кто тоже не захочет пиратствовать.» Конечно, мы сказали, что уважим его просьбу, хотя и жаль, что такой молодец не с нами. Снова стали выбирать капитана и выбрали меня.

Граф, однако, не чурался нас; он объявил, что не станет участвовать в бою, если мы нападем на какое-нибудь судно, но в обычном плавании вместе со всеми

стоял вахту и садился на весла, когда его рана зажила. Вышло, однако, так, что не мы напали на судно, а оно напало на нас. Нас выследил варсалийский военный галеон, капитан которого хотел выяснить, что случилось с «Сэлией» и не верил, что та могла просто потонуть при полном отсутствии шторма. Среди нас тогда почти не было людей, сведущих в морском деле, и галеон легко перерезал нам путь. Бой был жарким, и шансы были не в нашу пользу, но под конец стало жарко в прямом смысле – нам удалось устроить на галеоне пожар и уйти. Судя по тому костру, который мы наблюдали на горизонте, им так и не удалось потушить его. Так вот, в том бою граф второй раз спас меня. Я был ранен, упал на палубу, и солдат уже заносил надо мной свой меч – когда граф, отбивавшийся еще от двоих, развернулся и снес ему голову.

Потом мы пришли в один из портов на востоке Срединного моря, где смотрят сквозь пальцы на пиратов с Запада, и там граф сошел на берег, а с ним еще пятеро или шестеро. Перед этим я сказал ему, что он дважды спасал мне жизнь, и я дважды в долгу перед ним. Он ответил: «Пустое! Забудь об этом.» Но я знаю, почему он так ответил! От своего собрата-дворянина он бы принял благодарность. Но бандитом вроде меня он побрезговал. Однако напрасно вы, графья, думаете, что честь имеется только у вас. И я решил, что рано или поздно выплачу ему свой долг. В тогдашней его бродячей жизни это было вполне возможно; однако потом он вернулся в Тарвилон, и судьба так и не свела нас снова. Я слышал, что он стал знаменит, о нем сложили песни; обо мне, впрочем, тоже поют в кое-каких портовых кабаках. Так или иначе, у меня было мало шансов когда-нибудь оказать ему услугу; и я рад, что могу это сделать благодаря вам. Когда встретите своего отца – передадите ему привет от Таба Саберро.

– Хорошо, – кивнула Элина. – Однако пока вы выплатили лишь половину долга, – заметила она, тоже переходя на «вы».

– Я с детства знал, что знатный сеньор своего не упустит, – усмехнулся Саберро. – Что ж, назовите, что вы еще хотите. Все, что угодно, кроме сдачи властям.

Элина подумала, что могла бы назвать капитану любой порт, куда ее следует доставить – и тот, пожалуй, не стал бы отказываться от своих слов; однако представления о рыцарской чести требовали высказать иное желание.

– Я хочу, чтобы все пленники с «Русалки» были освобождены, – твердо сказала она.

Эта идея явно понравилась пиратам еще меньше, чем освобождение самой Элины. Саберро тоже нахмурился.

– Вы не знаете законов нашего братства, – произнес он. – Я капитан, и мне причитается бóльшая доля добычи, чем простому матросу; однако я могу

распоряжаться лишь своей долей, а не чужой. Я освободил вас и мог бы освободить еще некоторых, но на всех у меня просто нет прав. Просите что-нибудь другое.

– Я вынуждена настаивать, – произнесла графиня изысканно-вежливым тоном. – Мне показалось, что вы пользуетесь авторитетом у своих людей.

Саберро хмыкнул и тряхнул головой, оценив этот выпад.

– Ладно, сделаю, что могу.

Он повернулся и зашагал к середине палубы, где уже выстроили пленных. Их было 19 – 10 пассажиров и 9 членов команды; пираты уже успели добить раненых с каравеллы, которые не могли стоять на ногах, а также двоих своих, чье положение сочли безнадежным. У всех пленников, не исключая ребенка, его мать и двух легкораненых, руки были связаны за спиной; лишь для торговца со сломанной рукой сделали исключение.

– Кто может уплатить 500 дихразов – шаг вперед, – велел им Саберро. Это была весьма значительная сумма; даже хороший, вышколенный раб на восточных базарах нередко стоил дешевле. Однако деньги за раба можно было получить сразу, выкупа же приходилось ждать месяцами, и все это время заложников надо было кормить и стеречь.

Пятеро торговцев вышли из строя. Для них произошедшее было крупной неприятностью, но не трагедией; отправляясь в опасное путешествие, они заручились от своих хозяев-купцов страховой гарантией на подобный случай. Единственный их коллега, оставшийся на месте, предпочел этому более высокие комиссионные и теперь проклинал себя за жадность. Лицо стоявшего рядом неразговорчивого переселенца, напротив, выражало стоическое спокойствие; в жизни ему довелось испытать столько несчастий, что потерю свободы он воспринимал просто как еще одно звено в привычной цепи неудач. Но наибольшее отчаяние читалось на лицах мужа и жены; они понимали, что отныне не только они сами, но и их ребенок обречен на рабство, притом, скорее всего, всех троих продадут разным хозяевам. Мальчик, как ни странно, не плакал; он был слишком испуган и находился в состоянии, близком к ступору.

Из команды никто не двинулся с места; даже для помощника капитана сумма выкупа была слишком велика, не говоря уже о простых матросах.

– Отвести в трюм и запереть, – распорядился Саберро, указывая своим людям на готовых заплатить выкуп. – Остальных развяжите, они свободны. Я расплачусь с командой за них.

Торговцы, мгновение назад снисходительно сочувствовавшие будущим рабам, остановились как вкопанные, не веря своим ушам. Весь их жизненный опыт отвергал возможность ситуации, когда отсутствие денег лучше, чем их наличие.

Однако пираты немилосердно подталкивали своих заложников вперед, так что размышлять о несправедливости судьбы тем предстояло уже в трюме.

Освобождаемые тоже боялись поверить своему счастью, думая, что это какая-то жестокая шутка пиратов.

– Благодарите эту девчонку и ее отца, – буркнул им Саберро. – Вы покинете корабль в первом же порту, а пока тоже сидите в трюме и не путайтесь под ногами у моих парней. Но прежде вы поможете нам перетащить груз с каравеллы.

– Почему бы не отпустить их обратно на «Русалку»? – негромко спросила Элина у предводителя пиратов. – Да и я бы могла не злоупотреблять вашим гостеприимством.

– В этих водах шныряют военные корабли, – ответил Саберро. – Нам не нужно, чтобы кто-то навел их на наш след. Да и куда бы вы уплыли с такой куцей командой и без шкипера?

Пока добычу пиратов переносили на галеру, капитан наконец обратил внимание, что Элина стоит на палубе в насквозь пропитанной холодной водой одежде. Он велел выдать ей сухой костюм, попутно выделив каюту (одному из его подручных пришлось перебраться жить к товарищу). Элина также выразила желание получить обратно свой меч, что, после некоторого колебания капитана, было исполнено.

Переодевшись, графиня вернулась на палубу. Матросский костюм был ей великоват, но с родным мечом на поясе она чувствовала себя вполне комфортно, несмотря даже на недружелюбные взгляды части пиратов. В нынешней команде Саберро сохранилось лишь несколько человек из числа каторжников, взбунтовавшихся некогда на «Принцессе Сэлии» и, таким образом, лично обязанных графу; большинство же услышало подробности этой истории впервые. Мнения разбойников разделились – одни сочли, что их капитан поступил с Элиной правильно, другие полагали, что Саберро не следовало играть в благородство, тем паче по отношению к дворянину, высокомерно им пренебрегшему. Но и эти последние не смели ослушаться своего предводителя.

Разграбление «Русалки» было закончено. На палубе ее остались одни лишь трупы – как защитников, так и нападавших. Абордажные крючья были отцеплены, трапы убраны – все, кроме двух. По ним несколько пиратов в последний раз перебрались на каравеллу. Они обошли побежденное судно от бака до юта, поджигая его в разных местах. Убедившись, что огонь уже не потухнет, они поспешно попрыгали обратно на галеру. Гребцы налегли на весла, и пиратский корабль стал быстро отходить от «Русалки», превращавшейся в гигантский погребальный костер.

Бывших пленников – впрочем, пока еще не совсем бывших – отправили в трюм, в соседний с заложниками отсек, и Саберро повернулся к Элине:

– Я бы и вам не советовал зря маячить на палубе.

– Как будет угодно капитану, – не без обиды пожала плечами графиня. – Еще только один вопрос. Почему вы поверили, что я – это я? О графе Айзендорге сложены баллады, я могла бы знать о нем, и не будучи его дочерью.

Вопрос был опасным – что, если Саберро просто не подумал об этом? Однако Элина уже чувствовала, что этот человек – не такой дурак, а значит, ответ у него есть.

– Я видел, как вы деретесь, – ухмыльнулся пират.

Галера рыскала по морю, отклоняясь то к северу, то к югу, но в целом постепенно двигалась в восточном направлении. Элина без всякого удовольствия – да что скрывать, со страхом – думала о перспективе встречи еще с каким-нибудь судном. Она вняла предостережению капитана и старалась не выходить лишний раз из каюты, а дверь всегда держала на запоре. Хотя не все здесь были настроены к ней враждебно, на этом судне у нее не было друзей. Даже и сам Таб Саберро отнюдь не походил на классический образ «благородного разбойника» из легенд. Это был грабитель, убийца, работорговец и насильник – не всякой ведь женщине, попавшей к нему в руки, посчастливилось оказаться в родстве с человеком, оказавшим ему услугу. Он ступил на преступный путь еще мальчишкой и ни разу в том не раскаялся. Тем не менее, у этого человека были свои понятия о чести, которым он неукоснительно следовал. Иногда он любил порисоваться, демонстрируя свое благородство. Так, он искренне полагал, что оказывает великое благодеяние захваченным на «Русалке», не продавая их в рабство и компенсируя команде недополученную прибыль за счет собственных средств. Те обстоятельства, что он потопил их корабль, присвоил все их имущество и теперь собирается высадить их без гроша в кармане в чужой стране, как-то не принимались им в расчет.

Элина испытывала к предводителю пиратов определенный интерес, какой испытывают к большому и опасному зверю; она, пожалуй, была бы не прочь послушать историю его жизни, но после первого своего рассказа тогда, на палубе, Саберро больше не проявлял склонности к автобиографическим повествованиям. При редких встречах они лишь перебрасывались несколькими словами.

Однажды Элина, совсем обессилев от духоты тесной каюты, выбралась подышать на палубу. Капитан стоял на носу, вглядываясь в горизонт прямо по курсу. Графиня вспомнила, что во время боя так и не разобрала название галеры; теперь она прошла на нос и осторожно перегнулась через борт, чтобы взглянуть

на него. Предположение подтвердилось – название было записано явно не западной азбукой.

– Что вы там увидели? – спросил Саберро, не оборачиваясь.

– Разве это не «Принцесса Сэлия»?

– Нет, это восточная галера «Иль-бадияр». Мы зовем ее «Акулой», но в восточных портах удобнее иметь восточное название. «Сэлия» затонула во время шторма 13 лет назад. Недолго она нам прослужила, меньше года. Как сказал бы какой-нибудь поэт, «Принцесса» не захотела быть добычей пиратов и предпочла смерть, – усмехнулся капитан.

– Выходит, та история с моим отцом произошла 14 лет назад? Тут что-то не сходится. Мне тогда было уже два года.

– Ну и что? По-вашему, граф ходил в бой с младенцем под мышкой? Наверняка, отправляясь в экспедицию, закончившуюся для него пленом, он оставил дочку кому-то на попечение.

– Должно быть, так и было. Я ничего об этом не помню. Просто за то время, что я помню, мы с ним никогда надолго не расставались. Можно сказать, что сейчас – это в первый раз.

– А теперь вы решили поискать приключений на свою задницу?

Элина вспыхнула, но вспомнила, с кем имеет дело.

– Мой друг нуждается в помощи, – сказала она с достоинством.

– И ради этого вы отправляетесь на край света в гордом одиночестве? Всегда знал, что аристократы не в ладах с головой.

Графиня проглотила и это оскорбление.

– Вы уже решили, где меня высадите? – холодно осведомилась она.

– Да. Через два дня мы должны прийти в Харбад.

– Хорошо, – Элина кивнула и вернулась в свою каюту. Ее обрадовало известие, что путешествие в обществе пиратов вскоре закончится. Возникала, однако, одна проблема деликатного свойства. Хотя ей вернули скудные пожитки, найденные в ее каюте на «Русалке», основное богатство Элины покоилось на морском дне, зашитое в подкладку ее куртки. И теперь ей предстояло либо ступить на чужой берег без денег, либо... просить о подачке у пиратского капитана. Поначалу графиня решительно отвергла саму возможность второго пути. Унизительно было обращаться с подобной просьбой; еще унизительней было бы нарваться на отказ. Но если бы Саберро согласился, вышло бы еще хуже: она, графиня Айзендорг, присвоила бы себе краденые деньги, став, таким образом, соучастницей разбойников! Однако, обдумав альтернативу, Элина решила взглянуть на ситуацию с другой стороны. Деньги все равно уже украдены и ни при каких условиях не будут возвращены законным владельцам; так что плохого в том, что

некоторая их часть послужит благому делу? К тому же это благодаря ей пассажиры «Русалки» избавлены от рабства; разве это не стоит того, чтобы небольшая часть их имущества досталась освободительнице? «Не иначе, общение с Эйрихом на меня повлияло», – подумала Элина, оценив свои прагматические выкладки. «Интересно, что с ним теперь? И с Йолленгелом? Увидимся ли мы еще когда-нибудь?» Логика подсказывала, что это весьма маловероятно.

На другой день на северо-востоке показалась земля. Галера подходила к южной оконечности Агабейского полуострова. Пираты повеселели, предвидя скорый кутеж на берегу. Элина, наконец, решилась объяснить Саберро свои стесненные финансовые обстоятельства.

– Вы, кажется, путаете пиратский корабль с городским советом по благотворительности, – усмехнулся капитан.

– Нет, всего лишь полагаю, что и пиратам может быть не чуждо благородство, – голос Элины прозвучал искренне, но в душе она испытывала отвращение как к Саберро, так и к себе самой.

– Я и так уже пошел на немалые расходы из-за вас. Однако же я вспоминаю, что ваш отец, сойдя на берег с «Сэлии», не взял своей доли. Правда, делить было особенно нечего: галеон мы лишь подожгли, но не захватили, а сама «Сэлия» была военным кораблем и не несла лишних грузов. Личные вещи и деньги ее капитана и офицеров – вот все наши тогдашние трофеи. Доля графа, как рядового члена команды, не достигала и десятка дихразов. Но если считать, что он был нашим капитаном – пусть лишь в течение минуты – тогда его доля поднимается до пятидесяти трех дихразов. Я помню, что именно столько получил я. Эти деньги я вам и отдам.

– Вы очень великодушны, капитан, – насмешливо поклонилась Элина.

– К вашим услугам, графиня, – в тон ей ответил Саберро.

На следующий день галера вошла в порт. Элина рассчитывала лично проследить, как освобожденные пленники покинут корабль, но у предводителя пиратов были иные планы.

– Хоть в этих портах и не склонны цепляться к людям нашего ремесла, ибо здесь мы продаем свою добычу, однако формальную благопристойность следует соблюдать, – пояснил он. – Если эти люди станут досаждать местным властям рассказами о том, что «Иль-бадияр» – пиратский корабль, тем придется начать расследование. То бишь нам придется заплатить им больше, чем обычно. Поэтому, пока мы стоим в порту, ваши протеже останутся на борту. Их отпустят перед самым отплытием.

– Это точно? – подозрительно нахмурилась Элина.

– Вы, кажется, уже могли убедиться, что я держу свое слово. И, в свою очередь, готов поверить вашему, поэтому вы сможете сойти на берег сразу же.

– Хорошо, я обещаю не говорить никому в городе, что из себя представляет ваш корабль.

– Вы можете рассказывать, что ваше судно потонуло во время шторма, а мы подобрали вас в открытом море. Тем не менее, ваши приятели с «Русалки» могут дать другие показания, а потому не советую встречаться с ними на берегу.

– Я учту это. А вы, стало быть, не боитесь, что их показания помешают вам когда-нибудь в будущем? – Элина не могла избавиться от привычки задавать опасные вопросы.

– Когда мы придем в Харбад в следующий раз, история будет благополучно замята.

Меж тем последние пираты, сходившие на берег в этой смене, уже спустились по сходням; Саберро проводил их взглядом и добавил:

– И с моими парнями вам на берегу тоже лучше не встречаться. Вы здесь не всем понравились.

– Это взаимно, – усмехнулась Элина. – Ну что, я могу идти?

– Идите, графиня. И постарайтесь не попадаться мне больше. Наша следующая встреча может оказаться не столь безоблачной.

– Верно, – кивнула Элина. – Ибо мой долг верноподданного тарвилонской короны – способствовать аресту и казни таких, как вы.

– Мне нравится ваша дерзость, – хмыкнул Саберро. – Ну а если я гарантирую вам безопасность на будущее, вы пообещаете сделать то, что от вас зависит, чтобы избавить мою шею от петли? – его губы усмехались, но он и в самом деле готов был заключить такое соглашение – жизнь морского пирата полна превратностей, и неизвестно, кто чьим пленником окажется в следующий раз.

Элина на мгновение задумалась, но тут же покачала головой.

– Нет, Саберро. Вы приносите несчастья сотням людей, и я не могу покупать собственную безопасность за их счет.

– Ну что ж. В таком случае прощайте, графиня, и надеюсь, что наши пути больше не пересекутся.

– Аналогично, – Элина повернулась и легко сбежала по сходням.

Впервые она оказалась в действительно восточном городе. Если космополитичный Эль-Хасар представлял собой смешение стилей, эпох, народов и культур, то Харбад, второй по величине город Агабейского Эмирата, даже во времена магов был классическим воплощением Среднего Востока, успешно противостоя как западному, так и юго-восточному культурному влиянию, несмотря на то, что находился в ключевой точке морского пути, соединявшего

противоположные области материка. В этом месте Великий и Южный континенты ближе всего подходили друг к другу; их разделял пролив шириной всего в двадцать миль, соединявший море и океан, поэтому Харбад еще называли Восточными Воротами Срединного моря. Естественно, после падения чародейских империй такое географическое положение оказалось весьма выгодным не только в торговом, но и в военно-стратегическом плане; город превратился в одну из главных баз агабейского военного флота (что, впрочем, не мешало пиратам со всего Срединного моря практически в открытую сбывать здесь свою добычу). Харбад неоднократно подвергался нападению соседних стран, желавших захватить контроль над Восточными Воротами, но всякий раз атака бывала отбита. Тем не менее, потери и разрушения были велики, и в конце концов эмират пошел на компромисс, введя значительно более мягкие условия прохода через пролив и стоянки в харбадском порту для иностранных судов. Несколько раз эмиры агабейские пытались использовать Харбад в качестве базы для колонизации Южного континента, однако неукротимая свирепость тамошних дикарей, не желавших мириться с пришельцами, всякий раз служила к тому препятствием; колониальная война с нападающими из непроходимых джунглей аборигенами затягивалась на годы и годы, пока очередной эмир – как правило, наследник того, что начал колонизацию – не прекращал это явно убыточное предприятие. Наконец, деду нынешнего эмира удалось преуспеть – он бросил через пролив столь мощные силы, что дикари вынуждены были отступить вглубь континента. Под командованием наместника-воеводы Махмадана была изменена сама природа этих диких и неприветливых мест; джунгли выжигались и вырубались, болота осушались. И вот, когда вековая мечта агабейских правителей о южной колонии – «южной створке Восточных ворот», по выражению одного из дипломатов – казалось, осуществилась, Махмадан вдруг провозгласил себя эмиром, а колонию – независимым государством. Последовала новая война; немногочисленный флот Махмадана был быстро разгромлен, однако на суше крепости, выстроенные против дикарей, сослужили неплохую службу и против солдат метрополии. Тем не менее, перспективы сепаратистов, фактически отрезанных от цивилизации, зажатых между джунглями с юга и агабейской армией с севера, выглядели достаточно мрачно, и их капитуляция стала бы, по всей видимости, лишь делом времени – если бы не поддержка, которую оказали им другие страны, давние соперники Агабейского эмирата. Начались переговоры; метрополия согласна была признать формальную независимость колонии, но фактические условия сводили эту формальность на нет. Махмадан был против и выступал за продолжение войны; в результате среди его ближайших соратников созрел заговор – вероятно, не без помощи агабейских агентов – и бывший

наместник был убит, а голова его передана агабейскому воеводе для отсылки эмиру. После этого был подписан мир, по которому бывшей колонии запрещалось иметь флот и крупные порты на побережье; кроме того, она должна была выплачивать метрополии ежегодную дань. Вполне вероятно, что если бы заговорщики не поспешили с предательством, то им удалось бы выторговать и более выгодные условия... С тех пор такая ситуация сохранялась; основная торговля и морское сообщение по-прежнему шли через Харбад, а у бывшей колонии едва хватало сил лишь на отражение набегов дикарей. Эмиры агабейские, напуганные угрозой сепаратизма, предпочли иметь на юге слабых данников, чем сильный собственный форпост.

Пробившись через сутолоку порта, Элина оказалась в одном из кварталов города. Здесь не было роскошных дворцов с большими розовыми и синими куполами, изразцовыми стенами, изящными резными балюстрадами и необычайно высокими, устремленными в небо башнями, похожими на гигантские свечи; подобное великолепие сосредоточено было в центральной части Харбада. Однако не был это и район трущоб, с немощеными узкими улочками и громоздящимися друг на друга кособокими мазанками, где вечно висит в воздухе пыль, духота и вонь нечистот. В примыкавшем к порту районе, по которому шла Элина, располагались в основном лавки и жилища торговцев (впрочем, наиболее богатые купцы жили в другом квартале, подальше от портовой толчеи; их роскошные дома утопали в зелени садов, как и особняки знати). Здания торгового квартала нельзя было назвать роскошными, однако их создатели явно уделяли больше внимания декоративным элементам, чем прагматичные строители Запада. Если на Западе основными элементами архитектуры были прямая и плоскость (и даже зодчие древней Эхассы использовали тот же базис, хоть и разнообразили его колоннами и статуями), то здесь – свод, арка, купол. Нередко встречались тонкие резные колонны, многоугольные окна, мозаика на стенах. Элина уже видела этот стиль в новых кварталах Эль-Хасара; здесь он проявлялся еще более ярко.

На улицах было немало народу, в основном, конечно, из незнатных сословий; но так же, как и архитектура, одежда агабейцев производила впечатление большей пышности и меньшей функциональности по сравнению со строгими повседневными костюмами жителей Запада. Чалмы, теплые халаты (даже и в этих южных широтах все же стояла зима, хотя, конечно, она больше напоминала прохладный летний день в Тарвилоне), широкие кушаки, шаровары, остроносые туфли... Большинство двигалось пешком, хотя пару раз навстречу Элине неспешно протрусили агабейцы на ишаках, а на перекрестке улицу важным шагом пересек одногорбый верблюд, неся на спине грузного не по летам молодого человека. Затем сзади послышался быстрый цокот копыт, и Элина обернулась. По

улице скакал воин – об этом свидетельствовали кривая сабля и круглый щит; в глаза бросались его длинный черный плащ и алый тюрбан. Тонконогий белый конь с изящной маленькой головой на длинной шее не походил ни на западных, ни на степных и тургунайских сородичей. Сабля покоилась в ножнах, но рука агабейского солдата сжимала иное оружие – ременную плеть, которой он, не церемонясь, стегал прохожих, не поспешивших освободить дорогу его коню. Элина, возмущенная подобной манерой, хотела было демонстративно остаться у него на пути, положив руку на рукоять меча – она не сомневалась в быстроте своей реакции – однако вспомнила, что говорили и ее отец, и Эйрих относительно храбрости и безрассудства, и нехотя шагнула в сторону.

Но вовсе не это произвело самое сильное впечатление на графиню. Среди пестрой уличной толпы двигались невысокие фигуры, с головы до пят облаченные в коричневые или серые балахоны, полностью скрывавшие лицо и тело. В первый момент Элина почувствовала страх и брезгливость одновременно: несколько раз в жизни ей приходилось видеть подобные балахоны на Западе, их носили прокаженные. Но затем графиня поняла, что в нормальном городе не может быть такого количества прокаженных, тем более что ни у кого из них не было обязательного колокольчика, коим прокаженный предупреждает о своем приближении. В следующий миг она осознала, что видит в толпе бородатые лица мужчин и безбородые – юношей, но ни одного женского, и ужасная истина открылась ей. Выходит, эти несчастные создания, обреченные носить одежду прокаженных, причем, наверное, не только зимой, но и летом, в жару – это и есть... Элина вспомнила, что Эйрих говорил о странах Востока, где женщины не имеют права открывать лица, но она не ожидала, что это выглядит – так. Ей представлялось что-то вроде изящной западной вуали... Кажется, даже рабыни-степнячки имели больше свободы, чем агабейки. Элина в очередной раз возблагодарила судьбу за неведомые ей, но несомненно благоприятные обстоятельства собственного рождения.

Графиня двигалась по улице уверенным деловым шагом, так что со стороны не возникало сомнений, что она знает, куда идет – хотя на самом деле она не имела об этом ни малейшего понятия. Она находилась в чужой стране, языка и обычаев которой не знала, и при себе у нее была, как она догадывалась, не такая уж большая сумма денег (впрочем, местные цены тоже были ей неизвестны). Дипломатических отношений с Западом и соответственно западных посольств здесь не было, это Элина знала точно. Она обдумывала эту ситуацию еще на пиратском корабле и пришла к выводу, что наибольшие шансы отыскать людей, знающих западные языки – либо в порту, либо в книжных лавках; несомненно, были переводчики и у городских чиновников, но связываться с официальными

харбадскими структурами ей не хотелось. Порт пока что отпадал – слишком велика вероятность нарваться еще на каких-нибудь пиратов. Оставались книжные лавки, но их еще надо найти. Смешно надеяться, что у такого заведения будет вывеска, понятная неграмотным – вроде башмака у сапожника или кренделя у булочника.

Случай, однако, распорядился иначе. Элина, рассматривая прохожих, замечала, что и на нее периодически кидают любопытные взгляды – гости с Запада были здесь не то чтобы совсем диковиной, но все же явлением довольно редким (исключая разве что матросов, но Элина, несмотря даже на матросскую куртку, с ее мечом и высокими сапогами не походила на представителя этой профессии). Однако человека, следившего за ней из подворотни, графиня не замечала до тех пор, пока он сам, выйдя из своего укрытия, не устремился к ней.

– Какая радость встретить в этой дикой стране своего соотечественника! – воскликнул он на одном из диалектов тарвилонского. Элина обернулась. Говоривший, невысокий и смуглолицый, был одет в соответствии с местной модой и походил скорее на аборигена; однако, вглядевшись в черты его лица, украшенного жгучими черными усиками, можно было понять, что он относится к западной расе, хотя, видимо, и к южной ее ветви.

– Вы тарвилонец? – живо откликнулась Элина, хотя и по акценту, и по внешнему облику этот человек не походил на тарвилонца.

– Увы, нет, – развел руками ее новый собеседник. – Я уроженец Гриндазийского княжества, что к востоку от Варсалии. Мое имя – Джато Гварели. Но я взял на себя смелость предположить, что вы говорите по-тарвилонски, ибо вы похожи на выходца из центральных королевств, а там многие знают этот язык. Надеюсь, вы не сочтете за дерзость мое обращение, ибо в этой глуши все мы, представители цивилизованного Запада, можем считать себя соотечественниками...

Элина хотела возразить, что эпитеты «глушь» и «дикая страна» мало подходят могущественной восточной державе, в строительстве городов и кораблей как минимум не уступающей самым развитым из королевств Запада – но вспомнила несчастных в глухих балахонах и солдата, хлеставшего плетью людей на улице, и промолчала.

– Простите мое любопытство, что привело вас в эти края? – тараторил меж тем Гварели. – Мой интерес не праздный, ибо, возможно, я мог бы быть вам полезен...

Не сказать, чтобы этот человек с его угодливой и суетливой речью понравился Элине, но ее положение не располагало к привередливости.

– Я здесь проездом и направляюсь дальше на восток, – сказала она. – Вы можете посоветовать мне недорогую гостиницу?

– О, конечно, конечно! Все, что нужно проезжающему. Идите за мной, здесь совсем близко.

«Уж не заманит ли меня этот тип к грабителям?» – подумала Элина. Гварели, как видно, уловил ее колебания и поспешил пояснить:

– Хейнс Фандертольд, известный в Харбаде купец, будет рад оказать помощь соотечественнику, тем паче такому благородному господину, как вы – вы ведь принадлежите к дворянскому сословию, я сразу это понял...

Вполне возможно, что Гварели ничего не понял, а просто хотел польстить, но Элина почувствовала, что ей все равно приятно.

Лавка Фандертольда действительно оказалась неподалеку. Элина прошла за своим провожатым по выложенной разноцветными камнями дорожке между двух журчавших перед дверью фонтанчиков и, миновав приказчика-агабейца, который устремился было к ним, но по знаку Гварели отступил назад, поднялась на второй этаж. Они оказались в круглой комнате с куполообразным потолком, откуда сквозь цветные стекла падал солнечный свет. Стены были убраны роскошными коврами, украшенными причудливым восточным орнаментом; пол был выложен шестигранными плитками голубого и золотого цветов. В центре располагался маленький круглый бассейн, в голубой воде которого плавали рыбки. Половину комнаты охватывал низкий подковообразный диван, на котором лежали алые подушки, украшенные золотым шитьем. В комнате было две двери; через одну они вошли, в другой, раздвинув скрывавшие ее циновки, исчез Гварели, попросив Элину немного подождать.

Элина рассматривала роскошное убранство с восхищением, однако и не без осуждения; несмотря на свой аристократический титул, она была приучена к бережливости – как, впрочем, и западные купцы, не позволявшие себе излишних трат на внешнее великолепие. Но Фандертольд, как видно, слишком долго прожил на востоке.

Наконец циновки вновь раздвинулись, и вошел хозяин дома. Фандертольду было лет шестьдесят; движения его были неспешными, фигура – довольно обрюзгшей, отвислые щеки и отечные мешки под глазами дополняли картину. Одет он был по-западному, но черты его лица сложились в маску типично восточного гостеприимства.

– Сердечно рад встрече, не имею чести знать вашего имени, сударь, – сказал купец.

Элина на мгновение задумалась. Не выбрать ли себе очередное имя? Ведь на пиратском корабле ее инкогнито было раскрыто, и, как только бывшие пленники с «Русалки» окажутся на свободе, слух о том, что из себя представляет «Эрвард Эльбертин», может распространиться. С другой стороны, Эйрих посоветовал ей

выбрать такое имя, под которым ее могли бы отыскать друзья, и теперь ей не приходило в голову никакой подходящей замены; да и отец говорил ей, что если уж приходится лгать, то надо, по крайней мере, твердо придерживаться одного варианта лжи. К тому же способны ли чужаки, даже не знающие местного языка и не имеющие здесь никаких связей, пустить сколь-нибудь жизнеспособный слух? Вряд ли; тем паче что в этих краях имя графа Айзендорга мало кому что может сказать. Притом Элина не собиралась задерживаться в Харбаде (хотя пока еще не представляла, хватит ли ей денег на дальнейшую дорогу и как их можно добыть). Всех этих соображений было достаточно, чтобы не задумываться об имени раньше, когда Элина полагала, что ей придется иметь дело только с аборигенами; для них, должно быть, что Эрвард Эльбертин, что Артен Вангейский – все едино; однако встреча с западным купцом заставила ее по-новому взглянуть на проблему. Но времени на раздумье больше не было; Элина ругнула себя за то, что не озаботилась этим вопросом, пока шла сюда, и сказала:

– Эрвард Эльбертин.

– Из Тарвилона?

– Почему вы так думаете?

– Я жил там лет двадцать назад и помню тамошнее произношение. Это характерное «р»... Вы прибыли сюда в одиночестве?

– Почему вас это интересует? – Элина вновь ощутила подозрения.

– Просто хотел выразить восхищение вашей смелостью. Будучи, да позволено мне будет это заметить, в столь юном возрасте, вы отправились в такое далекое и опасное путешествие... вы воистину недаром носите имя легендарного героя. Однако что же мы стоим? Прошу вас, – он указал на диван.

На низком диване с непривычки было неудобно – колени торчали вверх, меч в ножнах уперся в пол. Элина попыталась скопировать непринужденную позу купца, раскинувшегося на подушках неподалеку.

– Я полагаю, будет лучше, если от обсуждения моего возраста мы перейдем к делу, – холодно сказала Элина. – Я собираюсь как можно скорее продолжить свое путешествие на восток. Мне нужна комната, чтобы переночевать, кое-какие припасы в дорогу, помощь человека, знающего местный язык и, возможно, полезные советы.

– Все это вы получите здесь! – расцвел в улыбке Фандертольд. – С тех пор, как я осел тут, столь редко выпадает удовольствие помочь соотечественнику... пусть даже моя родина и не Тарвилон, но здесь все мы, белые люди... вы сейчас же получите комнату по высшему разряду, всего за тридцать дихразов...

– Сколько?!

– О, я, кажется, сказал «тридцать». Простите, я по привычке назвал стандартную цену. Конечно же, с вас я возьму только двадцать пять.

– Боюсь, что и это слишком дорого, – помрачнела Элина.

– Ну, конечно, у меня есть для вас комната попроще, – улыбка Фандертольда стала несколько уже. – Скажем, за 17. Что скажете? Ну, только из уважения к вам – 15.

– Послушайте, мне нужно просто место, где переночевать. И я непривередлив.

– Я бы ни за что не осмелился предложить вам комнату хуже чем за десятку... – купец сделал паузу, глядя выжидательно, – ... но если вы так настаиваете, то у меня есть и за пять. Хотя это оскорбительно для нас обоих. В этой комнате останавливаются погонщики ослов.

– По крайней мере не сами ослы, этого уже довольно, – ответила Элина, поняв, что ниже цену уже не сбить. – Теперь насчет дальнейшего путешествия. У меня нет желания продолжать путь морем, как здесь с сухопутными дорогами?

– Довольно приличные, хотя и не вполне безопасные для одинокого путника. На вашем месте я бы нашел себе компанию.

– Вероятно, я так и сделаю. Сколько стоит лошадь?

– Хорошая или такая же, как комната?

– Получше, чем комната, – ответила Элина. Отец учил ее: «Никогда не экономь на качестве оружия и коня – от того и другого зависит твоя жизнь.»

– 90 дихразов, и это практически мне в убыток.

– Ээ... а за 40 ничего нельзя достать?

– Можно, – радушие Фандертольда стремительно таяло, – если вы желаете ездить на ишаке.

– Хорошо, отложим это пока, – пробормотала Элина. – Как насчет переводчика? Возможно, он понадобится мне на несколько дней.

– В Харбаде найдется немного людей, знающих западные языки, так что подобное стоит дорого. Но вам повезло. Вы можете воспользоваться услугами Гварели, и это будет стоить вам не больше... ээ... дихраза в день.

– Гварели – ваш слуга? – уточнила Элина, хоть и обрадованная, но и удивленная этой внезапной дешевизной.

– Не совсем, – улыбнулся купец. – Но он кое-чем мне обязан и, конечно, не откажется выполнить мою просьбу.

– Можно узнать, чем именно? – поинтересовалась графиня, полагая, что маленький гриндазиец, скорее всего, залез в долги и теперь вынужден отрабатывать.

– Я выкупил его из рабства, – просто ответил Фандертольд. – Вернуться домой ему было не на что, да не очень-то и хотелось, вот он и остался здесь. Берется за

всякую мелкую подработку, оказывает услуги мне и другим торговцам, так и живет.

– Ясно, – протянула Элина, подумав, что была несправедлива к несчастному гриндазийцу. – Сейчас я хотел бы пообедать, а потом прогуляться по городу в сопровождении Гварели. Это реально?

– Конечно. Обед будет стоить вам еще 4 дихраза. И боюсь, что вынужден попросить вас уплатить вперед.

– Я полагал, что обед входит в стоимость комнаты, – Элине не удалось скрыть разочарования.

– Знаете, сударь, – тон купца утратил остатки восточного гостеприимства и сделался холодным, как снега Столенхейма, – вам не следовало пускаться в столь далекое путешествие без денег.

– Мои деньги лежат на дне моря вместе с моим кораблем, – резким тоном ответила Элина.

– Ах вот что... Простите. В таком случае, как вы добрались сюда?

– Меня подобрал проходивший мимо корабль.

– Вам очень повезло, – заметил Фандертольд. «...что вы сидите сейчас здесь, а не стоите на помосте невольничьего рынка», – закончил он мысленно. – Могу я узнать название этого достойного судна?

Элина вновь заколебалась. Она не давала капитану пиратов слова не упоминать название корабля; более того, тот прямо предложил ей – «говорите, что мы спасли вас». С другой стороны, купец, по природе своей профессии, наверняка располагал информацией о приходящих в порт судах и, поскольку пираты неоднократно сбывали здесь добычу, мог прекрасно знать об истинной сущности галеры. В то же время, назови Элина вымышленное судно, Фандертольд, в силу все той же информированности, сразу отнесся бы к ней с подозрением. «Будь что будет, – решила Элина, – если он заподозрит меня в связях с пиратами, я расскажу ему почти все, как было – не упоминая только мой пол. Если он и так знает про галеру, слова я при этом не нарушу.»

– «Иль-бадияр», – сказала она.

Реакция Фандертольда была неожиданной. Его лицо снова широко расплылось в восточной улыбке.

– Что ж вы сразу не сказали! – воскликнул он. – Все намеками да намеками... Я подумал, что у вас и впрямь нет денег. Разумеется, я не возьму с вас платы за постой. Друг капитана Саберро – мой друг.

Элина сидела, ошарашенная. Как?! Этот человек, практически ее соотечественник, представитель западной цивилизации – не восточный варвар, не беглый каторжник, а респектабельный и процветающий негоциант – деловой

партнер одного из самых свирепых пиратов Срединного моря?! Благородная натура Элины попыталась уцепиться за мысль, что Фандертольд может не знать об истинном происхождении продаваемого капитаном галеры товара, но логика тут же отвергла эту идею. Товар... скупает ли Фандертольд только награбленные вещи, или – неужели? – он причастен и к торговле людьми? Со времени посещения базара степняков и разъяснений, данных по этому поводу Эйрихом, Элина знала, что, помимо пиратов, существуют и, так сказать, легальные белые работорговцы, но эти люди представлялись ей какими-то абсолютными злодеями, их образ не вязался с этим сидящим на диване улыбающимся стариком, который, возможно, скуповат, но никак не выглядит чудовищем...

«Нет, наверное, нет, – решила Элина. – Он, конечно, знает, чем занимается Саберро, и слишком жаден, чтобы отказаться иметь с ним дела, но до торговли себе подобными он не опустился. Ведь он выкупил Гварели... наверное, выкупал и других, чтобы успокоить свою совесть...»

– Капитан будет гостить у вас? – спросила она.

– Нет, капитан редко покидает корабль, во всяком случае, здесь в Харбаде. Если у него ко мне дело, он пришлет своего человека, – купец выжидательно уставился на Элину, словно ожидая признания «я и есть этот человек». Впрочем, не получив в ответ условного знака, Фандертольд не удивился – он и не думал, что Саберро пришлет для разговора о делах юношу, у которого еще даже не сломался голос.

Графиня меж тем пыталась в очередной раз отыскать выход из все более усложнявшейся ситуации. Пожалуй, момент для признания «вообще-то я вовсе не друг капитана Саберро» был упущен. Купец не ожидал, что человек, свободно покинувший пиратский корабль, может не быть пиратом или их союзником – и в результате Элина оказалась в категории людей, которые слишком много знают. Правда, власти Харбада смотрели на пиратов сквозь пальцы, так что у Фандертольда, вероятно, не было серьезных оснований для волнений – но кто знает, как там оно на самом деле. К тому же – Элине стыдно было в этом себе признаться, но возможность в качестве «друга Саберро» избежать расходов весьма ее порадовала. Наверное, самым безопасным было покинуть дом купца незамедлительно и больше сюда не возвращаться; графиня, однако, решила прежде при помощи Гварели провести кой-какую разведку в городе. В любом случае, она не планировала пользоваться гостеприимством партнера Саберро дольше одного дня.

Комната, куда проводил ее лично сам купец, явно предназначалась не для погонщиков ослов, да и обед был подан весьма недурной. Как видно, бизнес, который Фандертольд делал с пиратами, приносил очень неплохие доходы, раз

скупой купец так расщедрился. Затем в дверь робко постучал Гварели и сообщил, что он весь к услугам благородного господина Эльбертина; Элина прихватила с собой тощую котомку со своими пожитками на тот случай, если решит не возвращаться, и отправилась исследовать город.

В первую очередь ее интересовали не красоты архитектуры, а лавки и рыночные площади; она была не так проста, чтобы безоговорочно поверить высоким ценам, которые называл ей Фандертольд. Но увы! цены на рынках оказались еще выше – как видно, купец и впрямь делал скидки соотечественникам.

– Гварели, вы можете дать мне совет? – решилась наконец Элина (она по-прежнему следовала рыцарской манере говорить «вы» даже людям много ниже по положению). – Только пусть это останется между нами.

– Как вам будет угодно, сударь, если скромный Джато Гварели может быть чем-то полезен...

– Вот вам дихраз, чтобы было приятнее хранить молчание. Я бы мог дать и больше, но в том-то и проблема, что у меня их не слишком много. Но Фандертольду об этом знать не следует.

– Благодарю, сударь, я буду нем, как камень, – ответил гриндазиец, пряча монету куда-то вглубь своей просторной туземной одежды.

– Так вот – скажите мне, где и как в городе можно заработать немного денег?

– Боюсь, сударь, что здесь трудно найти работу для благородного господина вроде вас. Не станете же вы разгружать корабли в порту или убираться в чайхане.

– Да уж, я бы предпочел ненадолго продать свой меч.

Гварели окинул взглядом спрятанное в ножны оружие Элины.

– Вряд ли вам много дадут за него, – покачал он головой, – здесь не привыкли к прямым западным мечам. И потом, что значит – продать ненадолго?

Элина рассмеялась его непонятливости.

– Я не собираюсь расставаться со своим оружием! «Продать свой меч» – это значит наняться в охранники, телохранители или что-то в этом роде. Все предрассудки относительно моего возраста я могу развеять за пару минут...

– Увы, сударь, на это мало шансов. Ни один состоятельный харбадец в здравом уме не наймет себе в охрану незнакомца – а вдруг тот уже подкуплен врагами?

– Ну и нравы у вас тут, – пробормотала Элина.

Они как раз выходили с большой рыночной площади. Внезапно слева донесся крик и громкие причитания. Элина повернула голову и увидела небольшую толпу, человек полтораста-двести, окруживших, по всей видимости, невысокий помост – над толпой возвышались голова и плечи человека, там стоявшего. Элина начала уже было проталкиваться, чтобы посмотреть, что происходит, но тут сильные

руки стоявшего на помосте вскинули ввысь блеснувший на солнце серповидный топор, а затем тяжелое лезвие обрушилось вниз с глухим стуком. Элина ожидала, что после удара наступит тишина, как обычно бывает в первую минуту после казни – ибо нетрудно было догадаться, что за действо только что буднично совершилось на рыночной площади, в полусотне футов от кипящих жизнью торговых рядов – но, напротив, следом за ударом воздух прорезал истошный вопль. Палач невозмутимо поднял над головами отрубленную по локоть руку, обильно сочившуюся кровью.

– Что это? – Элина повернулась к своему провожатому, стараясь перекричать вопли злосчастного преступника.

– Вор. Обычное дело, сударь, – пожал плечами Гварели.

– В Харбаде за воровство отрубают руки?

– Этот закон действует во всем эмирате.

– И что, воров меньше, чем на Западе?

– Мелких воришек действительно меньше. Зато больше грабителей и убийц, которым все равно нечего терять.

– М-да. И что, всегда казнят прямо вот так, посреди базара?

– Воров наказывают на рыночных площадях, потому что там они часто промышляют. Неверных жен забивают каменьями обычно посреди улицы, где они жили. Серьезных преступников – убийц и разбойников – казнят на площади перед тюрьмой. Ну а кто замешан в политическом заговоре, тех сажают на кол на центральной площади, перед дворцом градоправителя – наместника эмира. Это не то что какой-то воришка, на такое посмотреть полгорода собирается.

Не то чтобы в этих сведениях было что-то шокирующее – публичные казни практиковались и на Западе, и хотя на кол и не сажали, но колесования случались – но Элине не понравились сладострастные нотки в голосе Гварели. Подобно другим аристократам, она восхищалась воинами и презирала палачей. Хотя, если вдуматься, логики в подобном отношении немного – палач избавляет общество от преступника, а воин убивает законопослушных граждан (пусть даже они и послушны закону другой страны). Гриндазиец, впрочем, вряд ли имел основания симпатизировать харбадцам, по какую бы сторону закона те не находились – ибо этот закон считал продажу людей в рабство нормальным делом.

Они прошли мимо тощего человека, жонглировавшего горящими факелами, и Элина подумала, что, при ее регулярных тренировках с мечом, она могла бы без особых проблем освоить подобное ремесло – хотя, конечно, это было и не самое подходящее для дворянина занятие. Тем не менее, если в ближайшее время не отыщется более благородный способ заработка, придется ей забыть о гордости и

вспомнить времена кочевого детства, когда графиня, которой тогда еще не было и девяти, не могла себе позволить гнушаться физической работой.

Помня о том, что у Фандертольда лучше не задерживаться, Элина, после неутешительной прогулки по рынкам, попросила Гварели показать ей какой-нибудь постоялый двор. Был, конечно, определенный риск, что если купец и впрямь решит ее преследовать, то ему не составит труда узнать нужный адрес у гриндазийца; один дихраз за молчание выглядел слишком ненадежной гарантией. Но выбирать не приходилось – без знания языка ее свобода маневра была слишком ограниченной. Элина, впрочем, не теряла времени даром и старалась запоминать слова и выражения, когда Гварели переводил ее вопросы и ответы торговцев. Правда, это было непросто – язык слишком сильно отличался от всех знакомых ей западных.

Постоялый двор – или, как его здесь называли, караван-сарай – выглядел целой крепостью внутри города. Постройки, предназначенные для гостей, с четырех сторон сплошной стеной огораживали внутренний квадрат двора; узкие наружные окна напоминали бойницы, а единственные массивные ворота и четырехугольные башенки по углам усиливали сходство с замком. Подобная архитектура была бы очень уместной где-нибудь на караванном пути вдали от городов, однако Элина поинтересовалась, к чему вся эта фортификация внутри Харбада.

– В городе всякое может случиться, – ответил Гварели. – Волнения или нападение бандитов, а гости хотят чувствовать себя в безопасности. Дворцы знати тоже хорошо укреплены.

Ворота были закрыты – их отворяли только в момент прохода каравана – однако рядом виднелась открытая калитка. Пройдя внутрь, мимо отдыхавших прямо посреди двора верблюдов и арб на огромных колесах, упершихся в землю растопыренными оглоблями, Элина и ее гид встретились с человеком, бывшим, вероятно, одним из подручных хозяина – для самого хозяина он выглядел недостаточно солидно. Элина через своего переводчика осведомилась о ценах за постой, и ответ вновь оказался неутешительным. Самая плохонькая комнатка и впрямь стоила пять дихразов. Тем не менее, графиня решила все же перебраться сюда на следующий день, а пока еще некоторое время попользоваться услугами Гварели.

Короткий зимний день меж тем уже клонился к вечеру, и маленький гриндазиец прозрачно намекал, что пора возвращаться, ибо после наступления темноты комфортно на улице себя чувствуют только грабители. Элина, конечно, заявила, что ее меч чувствует себя комфортно в любое время суток, однако не стала настаивать на продолжении экскурсии, поскольку с приближением заката жизнь на улицах и площадях действительно замирала, общаться было не с кем, да

и осматривать достопримечательности во тьме тоже смысла не имело. По дороге Элина уже напрямую расспрашивала Гварели о местном языке; гриндазиец, как ей показалось, отвечал не очень охотно. Вернувшись в гостиницу Фандертольда, она попрощалась со своим гидом до завтра.

Вскоре в номер был подан ужин. Если в обед гостю прислуживал мужчина, то ужин принесла служанка. На ней не было тяжелого балахона; напротив, тонкие ткани ее одежд, сквозь которые просвечивали очертания тела, выглядели излишне фривольно даже по меркам западных нравов. Лицо ее ниже глаз прикрывала прозрачная кисея, не способная, впрочем, скрыть тот факт, что служанка очень молода – возможно, не старше Элины.

Едва тарелки, горшочки и кувшинчики заняли свое место на столе, графиня принялась уписывать какое-то острое горячее блюдо, заедая его мягкой лепешкой; заметив, что принесшая все это девушка не уходит, Элина отпустила ее кивком.

– Должна ли я позже посетить господина? – спросила служанка тихим и застенчивым голосом. Она говорила по-тарвилонски с сильным акцентом, но понять было можно.

– Конечно, – ответила Элина, кое-как прожевав, – не оставлять же здесь посуду до утра.

– Должна ли я буду развлечь господина? – уточнила служанка.

– Почему бы и нет, – кивнула Элина. Идея скрасить долгий зимний вечер показалась ей весьма кстати. Она полагала, что речь идет о музыке, пении или чем-то подобном. – Что ты умеешь?

– Все, что нужно, чтобы доставить удовольствие мужчине, – служанка по-прежнему говорила тихо и застенчиво. – Я обучена шестидесяти двум позам...

Когда Элина, наконец, поняла, о чем идет речь, то даже поперхнулась от гнева и отвращения.

– Убирайся! – крикнула она, чувствуя, как краска заливает ее лицо. Служанка испуганно выбежала из комнаты.

Так вот, значит, какого рода услуги полагаются почетным гостям Хейнса Фандертольда! Впрочем, чего еще ожидать от подельника пиратов... Графине хотелось немедленно покинуть этот вертеп, но она сдержала свой порыв. Затем она почувствовала укол совести. Пожалуй, зря она накричала на проститутку. Что, если эту несчастную просто заставляют заниматься столь постыдным ремеслом? Хотя то, как она рекламировала свои услуги, наводило на мысль, что застенчивый голос был просто маской... «Все, что нужно, чтобы доставить удовольствие мужчине...» Хороши же мужчины, для которых это действительно «все, что нужно!» И эти животные еще воображают себя хозяевами мира... Хорошо, что ее отец не такой. И Артен...

Элина нащупала висящий на груди медальон. Может быть, удастся почувствовать связь? Все-таки теперь она уже гораздо ближе к цели. Графиня закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, мысленно вызывая образ принца. Но нет, возникавшие в сознании картины были лишь воспоминаниями, и пальцы не ощущали струящейся от медальона энергии. Однако Элина не оставляла своих попыток, и постепенно ее сознание все больше и больше отключалось от внешнего мира...

Стук в дверь нарушил ее медитацию.

– Кто там? – недовольно крикнула Элина, открывая глаза.

– Вы позволите забрать посуду, господин? – донесся из-за двери голос слуги.

Элина взглянула на стол и обнаружила, что так и не закончила ужин.

– Позже, – ответила она. – Утром!

Слуга удалился. Элина доела без прежнего аппетита, чувствуя усталость после тщетных попыток установить магическую связь. Она прилегла на кровать, не раздеваясь и спустив ноги на пол, и тут же заснула.

Разбудил ее очередной стук. Стучали негромко и осторожно, потому Элина долго колебалась между сном и пробуждением, прежде чем начала осознавать реальность помехи.

– Утром, сказано же, утром! – пробормотала она, не открывая глаз.

Стук не умолкал. Элина, наконец, поднялась с кровати, нашарила в темноте меч и открыла дверь.

В полутемном коридоре стоял Гварели.

– Быстрее уходите, – сказал он. – Вам грозит опасность.

Сон графини моментально испарился.

– Кто, сколько, где? – лаконично спросила она, бросая взгляд в оба конца коридора.

– Фандертольд знает, кто вы. Вечером прибыл пират с корабля. Они говорили о вас, когда я вошел. Говорили по-пирвадийски, но я знаю этот язык. Пират хочет вашей крови, и Фандертольд согласился.

Элине не требовалось много времени на сборы. Застегнуть пояс с мечом, просунуть руку в лямку котомки – вот и все.

– Надеюсь, что могу вам верить, – произнесла она, выходя в коридор и пристально глядя в глаза гриндазийцу.

– Можете, графиня, – ответил он, опуская глаза. – Днем я вас обманывал, завышая цены по приказу Фандертольда, но сейчас говорю правду.

«То-то местная система числительных показалась мне странной», – подумала Элина, а вслух спросила: – И что же заставило вас теперь ослушаться вашего благодетеля?

– Благодетеля... – горько усмехнулся Гварели. – Что он вам наплел? Что он выкупил меня из рабства?

– А это не так?

Гриндазиец сдвинул назад свою чалму, с которой не расставался даже в помещении, и Элина увидела выжженное на лбу клеймо.

– Он меня не выкупил. Он меня купил. Я – его раб.

– Один белый человек – раб другого?! – возмущению Элины не было предела.

– Законы эмирата не видят в этом ничего неестественного. Однако, поторопитесь.

– Бегите со мной! – Элина, как обычно, поддалась благородному порыву. – Я обещаю вам защиту.

– Мне некуда бежать, – покачал головой Гварели. – А вы – спасайтесь, пока они не застукали здесь нас обоих!

Элина еще раз нерешительно оглянулась на него – и устремилась к выходу. Ей отчаянно хотелось ворваться к Фандертольду и дать волю своему мечу, но она в который раз напомнила себе о благоразумии.

Фандертольд, стоявший у окна, проводил взглядом выскочившую на улицу фигурку и обернулся к своему собеседнику.

– Гварели выполнил свою задачу, – сказал купец. – Как видно, и впрямь решил, будто я не знаю, что он понимает пирвадийский.

– И надо было ломать комедию... – проворчал развалившийся на подушках пират. – Справились бы с ней прямо в комнате...

– Если бы вы, мой кровожадный друг, прибыли чуть пораньше, это можно было бы сделать с помощью яда на ужин, а драки на мечах мне ни к чему. Впрочем, яд тоже нежелателен. Я не хочу никаких смертей в моей гостинице, и даже на улице рядом с ней. У вас свой бизнес, а у меня свой.

– Дело не в бизнесе, – ответил морской разбойник. – Дело в моем брате Барго, которому эта сука выпустила кишки. Мне пришлось добить его своей рукой.

– Можно подумать, что на ее месте вы бы вели себя по-другому, – купец с кряхтением опустился на подушки. – По правде сказать, мне жаль девчонку. Она, конечно, чокнутая, раз отправилась в подобное путешествие... но есть в безрассудной храбрости нечто, что внушает уважение.

– Будь она парнем, я бы не стал мстить, – кивнул пират. – Бой есть бой. Но я не потерплю, что Барго загнулся от руки какой-то сучки!

– Эта сучка уложила девятерых, если я не ошибаюсь? – усмехнулся Фандертольд. – На вашем месте я бы просто выстрелил ей в спину из арбалета и не пытался взять ее живой.

– Мои парни знают, что им делать на своем месте, – пробурчал пират.

Элина шагала по погруженным во тьму улицам и ругала себя за то, что не покинула дом Фандертольда сразу же, как только узнала, что купец связан с людьми Саберро. Почему-то она решила, что по крайней мере до утра следующего дня она в относительной безопасности. Глупость, какая глупость...

Однако она не собиралась повторять прежние ошибки. В отличие от той ночи, когда она так же шла по улицам пралецкого городка – ночи ее встречи с Эйрихом – теперь бдительность Элины была на высоте. И потому, как ни осторожно подбирались к ней преследователи, она услышала их раньше, чем они рассчитывали. Но в первый момент Элина не подала виду. Ей пришлось пережить несколько очень неприятных секунд, прежде чем появилась возможность свернуть в узкий переулок. Велик был соблазн остановиться сразу же за углом и ждать с мечом наготове, но Элина понимала, что враги разгадают этот маневр по стихшему звуку ее шагов. Что ж, довольно уже того, что переулок узкий, а значит, численный перевес лишь оборачивается против нападающих.

Элина сосчитала про себя до тридцати и, рассудив, что преследователи уже в переулке, сделала вид, что споткнулась, чтобы, позволив котомке соскользнуть с плеча, тут же прыгнуть назад, прокручивая сальто и приходя на руки. За краткий миг, когда ее ладони ударились о камень, она успела оценить количество противников – как минимум шестеро – и расстояние до них, и пошла на второе сальто. Этот акробатический номер был сложнее – чтобы не приземлиться спиной к уже близким врагам, ей пришлось перекрутиться в стойке на руках и лишь затем рывком перебросить свое тело в нормальное положение. Меч в ножнах тяжело ударил ее по бедру. Удобно иметь специально сконструированные ножны, из которых клинок не вываливается при подобных кульбитах, но в то же время моментально выскакивает, повинуясь пальцам хозяйской руки! В следующий миг стальное лезвие уже рассекло воздух.

Хотя пираты и знали, с кем имеют дело, внезапный переход намеченной жертвы в атаку оказался для них неожиданностью. Они все-таки надеялись, что им удастся схватить Элину; у двоих из них наготове были не мечи и кинжалы, а веревки. Поэтому графиня атаковала третьего из ближайших к ней, вооруженного коротким и широким мечом. Клинок Элины, описав короткую дугу, обрушился на него сверху; пират вскинул свой клинок и парировал удар – чтобы тут же получить увесистый пинок носком сапога в наиболее чувствительное у мужчины место. Даже и сам граф Айзендорг признавал, что в иных ситуациях приходится прибегать к отнюдь не рыцарским приемам.

Коротко и страдальчески охнув, пират согнулся, и следующий удар меча пришелся на его бритый затылок, прорубая кость. Не давая врагам опомниться, Элина атаковала бандита справа, который все еще пытался обойти ее сбоку и

набросить веревку. Сделать это он не успел – меч рубанул его по шее, и кровь обильно хлынула из перерубленной артерии. Графиня тут же переключилась на третьего, который пытался отбросить веревки и достать свои кинжалы, но от спешки сам же запутался в уготованных для Элины путах. Он пытался попятиться назад, но ему мешали собственные товарищи. Элина угостила его прямым ударом в грудь. Должно быть, она попала в сердце, ибо враг рухнул, как подкошенный, едва она успела выдернуть клинок.

Таким образом, буквально за первые же мгновения боя трое врагов были выведены из строя; это был рекорд результативности в пока еще небогатой боевой практике Элины, который, впрочем, сделал бы честь и более опытному воину. Однако оставалось еще четверо (бандитов оказалось все же семь, а не шесть). И эти четверо были уже во всеоружии. Правда, ширина переулка не позволяла им наступать одной шеренгой и беспрепятственно обходить с флангов; двое оказались впереди, двое сзади. Из тех, что впереди, один был вооружен саблей, а второй – двумя ножами.

Пользуясь тем, что пиратам мешают валяющиеся под ногами тела сообщников, Элина шагнула назад и подобрала короткий меч, предварительно перебросив свой, более длинный, в левую руку, чтобы легче было держать на расстоянии бандита с ножами. Она отступила достаточно, чтобы позволить двум бандитам переступить через трупы по направлению к ней, но не собиралась давать ту же возможность двум оставшимся и вновь устремилась в атаку. Противостоявшие ей пираты были неплохими бойцами, и Элине стоило немалого труда отражать коротким мечом стремительные сабельные удары, одновременно не давая приблизиться второму врагу, в руках у которого так и порхали ножи. Отчаявшись застать ее врасплох для удара, этот последний метнул один из ножей, но Элина, успев заметить замах, рывком ушла в сторону, и мелькнувший мимо нож звякнул о стену, а затем о мостовую где-то за ее спиной.

В тот же миг, однако, второй бандит достал ее саблей. Клинок разорвал куртку и рассек кожу правого плеча, но, кажется, не нанес более серьезного урона. Элина ответила ложным выпадом, направляя меч ему в грудь, а когда его сабля метнулась вверх, чтобы отбить удар, графиня вдруг резко присела и обоими мечами с двух сторон рубанула врага по ногам. По ее замыслу, сразу же за этим следовало перекатиться по мостовой, уходя от удара сверху, но мечи застряли в кости. Ей пришлось выпустить оружие – и вовремя: промедли она еще полсекунды, и сабля раскроила бы ей череп, и даже четверть секунды могла бы стоить ей руки. Однако сабля раненого пирата все-таки обрушилась на мостовую и со звонким лязгом сломалась.

Элина, откатившаяся вправо, больно ударилась плечом и головой о стену дома. Пострадавший пират нетвердо шагнул назад – удар был не настолько силен, чтобы полностью перерубить голени – но споткнулся об оставшийся за спиной труп предшественника и грохнулся навзничь – было слышно, как он глухо ударился затылком о камни; меч графини при этом выскочил из раны и со звоном упал на мостовую. Меж тем другой пират уже заносил для броска оставшийся нож, но, увидев, что Элина безоружна, передумал – возможно, решил, что теперь им удастся ее схватить. Он быстро шагнул вперед (за ним двигались еще двое пиратов), отсекая графиню от ее меча. Элина чуть сдвинулась, готовясь вскочить и попытаться бежать, хотя шансов на удачу практически не было. В этот момент, однако, она ощутила бедром какой-то твердый крестообразный предмет. Рукоятка первого брошенного ножа! Элина тут же изменила свои намерения и притворилась, что еще не вполне пришла в себя после удара о стену.

Бандит, не сводя с нее глаз, нагнулся, чтобы подобрать меч. Это была последняя ошибка в его жизни. Рука Элины юркнула за спину, а затем метнула нож в живот пирата, отплатив ему его же монетой. В следующий миг графиня вновь перекатилась, с маху нанося раненому удар двумя ногами; тот потерял равновесие и рухнул рядом с Элиной прямо на нож, который ушел вместе с рукоятью в его кишки и высунул окровавленное жало из спины. Элина успела подхватить свой меч как раз вовремя, чтобы, еще сидя на мостовой, закрыться от удара следующего пирата. Тяжелый топор, вжикнув, соскользнул по косо подставленному мечу и ушел вбок, не причинив вреда; собственный клинок плашмя ударил Элину по голове и, спружинив, распрямился. Пират не попытался тут же исправить дело – как видно, учел опыт предшественников и отскочил назад, не желая получить удар мечом по ногам или снизу в живот. Это дало Элине возможность вскочить на ноги. Краем глаза она видела и последнего пирата, который подходил к ней, раскручивая шипастый металлический шар на цепи. Эта штука ей не понравилась. Совсем не понравилась.

Прежде всего Элина решила разобраться с бандитом, вооруженным топором. Она старалась навязать ему позицию, при которой он мешал бы вступить дело второму, с цепью и шаром. Какое-то время ей это удавалось, однако ее противник просек суть маневра и начал прижиматься боком к стене, оставляя своему сообщнику достаточно пространства для обхода. Элина поняла, что этот бой надо кончать быстро. Топор на длинной ручке был тяжелее ее меча, однако требовал замаха для эффективного удара и обладал изрядной инерцией. После того, как металл несколько раз лязгнул о металл, Элине удалось уйти из-под рубящего взмаха и, прежде чем ее враг успел вернуть топор в оборонительное положение, ответить прямым колющим ударом в грудь. Второй пират метнулся на помощь

сообщнику, но было поздно – меч, неприятно скрипнув по кости, вошел между ребрами. Пират, однако, был еще жив и даже сумел вновь занести топор. Элина перехватила левой рукой его запястье и, продолжая сжимать правой рукоять вонзенного меча, развернула тело своего врага, закрываясь им от последнего бандита. Как раз вовремя: удар шипастого шара, предназначенный Элине, обрушился на голову ее агонизирующего противника, с хрустом проломив череп; из дыры выплеснулись кровавые ошметки, и скользкий теплый комок шлепнулся на щеку девушки, отчего горло ее сжало спазмом отвращения.

Элина рывком выдернула меч из уже мертвого тела, а ее последний противник освободил, в свою очередь, свое оружие. Враги стояли, глядя друг на друга и тяжело дыша. Окровавленный меч Элины задумчиво шевелился, выбирая направление для атаки. Цепь вращалась, и было слышно, как она рассекает воздух: вжух, вжух, вжух... Графиня понимала, что через этот тускло поблескивающий в темноте круг ей не прорубиться, и что меч, оказавшийся на пути у движущегося на большой скорости шара с цепью, может быть выбит или сломан. Отвлечь врага? Не получится. Удар снизу ногой по голени? Пожалуй, это идея, но рискованная – можно не успеть уклониться... Эх, как ей не хватает хоть самого маленького щита!

И тут произошло неожиданное. Пират сделал небольшой шаг назад, затем еще один, пошире, бросил косой взгляд через плечо, чтобы не споткнуться о тела... и вдруг повернулся и бросился бежать! Девять побед Элины на палубе «Русалки» и шесть – в переулке сломили волю бандита. Должно быть, он решил, что в облике девушки скрывается настоящий демон. Бежать от «какой-то сучки» было позором, но бежать от демона – вполне благоразумным решением.

Элина понимала, что не следует его отпускать – он может привести подмогу, и кто знает, насколько быстро. Однако она не могла заставить себя пуститься в погоню. Тело сожгло весь выброшенный адреналин, и теперь наступала разрядка. Кожа сочилась потом, по мышцам разливалась усталость. Меч Элины опустился, и она почувствовала боль от легкой раны на плече.

Пират, отбежавший уже шагов на пятнадцать, вдруг остановился. Элина почувствовала опасность, но в темноте не успела разглядеть его движения. Лишь в последний момент она поняла, что это метательный жест – и в следующий миг что-то сильно ударило ее в левый бок чуть ниже ребер. Элина инстинктивно шарахнулась в сторону, и второй брошенный предмет зазвенел где-то позади. Графиня подняла меч и, перепрыгивая через тела, бросилась на врага. Пират, окончательно убедившись в неуязвимости демона, вновь обратился в бегство и вскоре скрылся за углом. Элина собиралась его преследовать, но усталость и нарастающая боль в боку заставили ее остановиться.

Она осторожно потрогала бок. Куртка там уже была мокрой от крови, сочившейся через прореху. Из самой прорехи торчал какой-то металлический зуб. На рукоять ножа непохоже, но все равно приятного мало. Элина пошла обратно в переулок, глядя под ноги в поисках не попавшего в цель двойника этой штуки. Вскоре она и впрямь увидела тускло блестевший в свете ущербной луны предмет и, осторожно нагнувшись, подняла его. Это оказалась металлическая звездочка с четырьмя острыми лучами длиной около двух с половиной дюймов каждый. Края и острия лучей были заточены не хуже, чем хороший клинок. Элина приложила луч этой звезды к тому зубцу, что торчал из ее бока. Выходило, что, даже с учетом толщины куртки, в ее теле сидит не меньше трех дюймов металла, притом еще и разлапистого. Скверно.

Она знала, что нельзя выдергивать звездочку сейчас, так как это вызовет приличную кровопотерю; хоть у нее и была с собой – точнее, осталась валяться где-то в переулке – котомка с кое-какой аптечкой, в темноте она вряд ли сможет как следует обработать рану. Значит, надо дойти с этой штукой в боку до постоялого двора. Хорошо, что она запомнила дорогу и неплохо умеет ориентироваться. Гварели вел ее по основным улицам, но в ее нынешнем состоянии, пожалуй, лучше подойдут переулки, где меньше шансов встретиться с патрулем. Зная об отношениях между пиратами и харбадскими властями, графиня не питала иллюзий относительно возможной помощи последних – тем паче что любой осмотр раскроет тайну ее пола, а как здесь относятся к женщинам, она уже могла убедиться. А что, если попадутся какие-нибудь местные бандиты? Об этом лучше не думать...

Элина двинулась к месту побоища и услышала стон. Пират с ножом в животе подвывал от боли и скреб ногтями камни мостовой. «Надо добить», – подумала графиня, и от одной мысли об этом почувствовала тошноту. Наверное, этот бандит вполне заслужил медленную и мучительную смерть, однако, глядя на корчившегося у ее ног человека, Элина чувствовала, что если не исполнит долг рыцаря по отношению к поверженному врагу, то эта картина еще долго будет ее преследовать. Она направила меч острием вниз, чувствуя предательскую дрожь в руках, примерилась и ударила. Собственная рана отозвалась болью. Удар получился слишком слабым – меч скользнул по ребру и вошел на небольшую глубину. Пират издал короткий взлаивающий звук.

– Сссуукк... – выдавил он. Он напоминал полураздавленное насекомое, в агонии перебирающее передними лапками.

Элина перехватила рукоять меча двумя руками и навалилась на него всей тяжестью тела. Пират неожиданно тонко взвизгнул и продолжал визжать, пока сталь погружалась в его плоть. Затем этот звук резко перешел в хрип, по телу

пирата пробежала крупная дрожь (передавшаяся через меч Элине), и он затих. Графиня с трудом – в боку словно пульсировал огонь – вытянула меч обратно.

Она побрела дальше, чувствуя, как перепачканные кровью подошвы сапог липнут к мостовой, и подобрала свою котомку. В этот момент сзади снова кто-то зашевелился. Неужели этот все еще жив?! Нет, кажется, приходит в себя тот, что ударился затылком. Может быть, он даже еще опасен? Насколько сильно пострадали его голени – вдруг он в состоянии ходить? Хотя вряд ли, слишком глубоко рассечены мышцы... Но Элина чувствовала, что вернуться и добить еще и этого выше ее сил. Она по привычке повесила котомку на правое плечо и поморщилась, когда саднящая царапина напомнила о себе. Однако слева котомка, пожалуй, задевала бы за торчащий зубец, так что лучше уж терпеть царапину.

Элина дошла до конца переулка, свернула, прошла немного по улице, вновь углубилась в какой-то переулок, твердо помня направление на караван-сарай. Но если мысль о направлении была четкой, то другие мысли начинали путаться, кружась в основном вокруг дыры в боку. Волнами накатывалась дурнота; ноги делались ватными. «Не может быть, чтобы я уже потеряла столько крови, – проплыло в голове у Элины, – надо просто немного отдохнуть...» Она прислонилась к какой-то глухой стене, постояла, прижимаясь к ней затылком, глядя вверх и дыша открытым ртом; затем осторожно сползла вниз и села у подножья стены. «Сейчас я сконцентрируюсь», – подумала она, закрыла глаза и – отключилась.

Элина очнулась, чувствуя, что кто-то теребит ее за ногу. Она нехотя открыла один глаз и увидела какую-то согбенную фигуру, что-то делавшую с ее сапогом. Ей показалось, что она уже в гостинице, и слуга помогает ей разуться. «Не надо, – сказала Элина, – я сама.» Точнее, ей показалось, что она это сказала; на самом деле из ее рта вырвался лишь невразумительный стон. Человек поднял голову, и в свете луны блеснули его испуганно вытаращенные глаза. «Это не слуга, – поняла Элина. – Это вор. Мелкий воришка хочет присвоить мои сапоги.» Она сжала кулак и ощутила в нем привычную рукоятку меча, который не выпускала все это время. Клинок, показавшийся необычно тяжелым, поднялся и обличающе указал на мародера. Пожалуй, сейчас тому не составило бы труда его выбить, однако харбадец был явно не из храбрых. Поспешно выпустив ногу с полуснятым сапогом, он вскочил и бросился наутек.

«Ну вот, а мне теперь снова натягивать», – раздраженно подумала Элина, сгибая колено, откладывая меч и берясь обеими руками за голенище. В боку задергало и застреляло; графиня ощутила кожей, как вновь потекла теплая кровь. Кружилась голова. Мысль о том, чтобы встать и куда-то идти, казалась нелепой.

«Магия», – подумала Элина. «Если она еще на что-то годна, самое время это проверить».

Она закрыла глаза, сложила ладони вместе и сосредоточилась, представляя собственное тело и произнося про себя слова ритуальных формул. Сперва ничего не было, кроме темной пустоты; потом в этой темноте стал проступать светящийся силуэт сидящего человека. Это не походило на обычный мыслеобраз – картина была отчетливой, как во время яркого сна. Сперва силуэт был схематичным и даже не дублировал точно позу Элины; но девушка мысленным усилием изменяла его, подгоняя под себя, как портной подгоняет платье. Наконец наступил момент совпадения – платье пришлось по фигуре; Элина шевельнула рукой, и светящийся двойник сделал тот же жест без дополнительных усилий с ее стороны. Элина мысленно потянулась к сияющей фигуре и в следующий миг слилась с ней.

Она осмотрела себя; для этого не требовалось поворачивать голову, а достаточно было лишь скользить по собственной фигуре мысленным взором. Одежды или анатомических подробностей не было видно, но это и не требовалось. Ее тело светилось ровным желтым светом, более бледным, чем когда она проделывала подобное в нормальном состоянии. Длинная царапина на плече рдела красным, но тут не было ничего страшного. Страшно выглядела рана в боку – окруженная алым, постепенно переходящим в багровый, а затем в черный, дыра, из которой бледными всполохами утекало в темноту пространства ее желтое пламя. Ее энергия, ее жизнь. Энергетическая оболочка вокруг раны истончилась, и сама дыра казалась глубже, чем, по-видимому, была на самом деле.

Элина сосредоточила свою волю на сведенных вместе кончиках пальцев, представляя себе, как они разгораются все ярче. Сперва она ощущала в них лишь биение пульса, но затем стало приливать тепло. Скоро пальцы уже ярко светились; каждый был окружен маленьким ореолом. Элина осторожно провела пальцами одной руки по другой, затем наоборот; свечение отслаивалось с кончиков, оставаясь неровными яркими сгустками на внутренних сторонах ладоней. Девушка легко, круговыми движениями, потерла ладони друг о друга, скатывая сияние в шарик. Затем она медленно сжала ладони и вновь разъяла их; теперь каждая казалось покрытой слоем яркого света. Элина чувствовала в ладонях ровное, сильное, но приятное тепло.

Держа правую руку на весу, она поднесла левую к ране и коснулась ее багрового кольца. В пальцы стрельнуло горячей болью. Не обращая внимания на боль, осторожными круговыми движениями ладони Элина принялась счищать красноту, периодически стряхивая ее в пространство. Багровые язычки пламени срывались с ее пальцев и исчезали, оставляя, впрочем, на руке небольшие зудящие

пятнышки, постепенно таявшие. Наконец рана была очищена от всех оттенков багрового; остался лишь тоненький слой бледно-желтого, окружавший дыру. Теперь в ход пошла правая рука; Элина проводила ей по ране, заделывая и восстанавливая энергетическую структуру, и с каждым движением боль в боку стихала. В конце концов осталась лишь узкая черная щель, заделать которую Элина не могла – как-никак, там по-прежнему торчало инородное тело. Затем девушка сделал жест, словно мыла руки, уничтожая остатки красноты на левой, глубоко вздохнула и открыла глаза.

Бодрости не прибавилось – все-таки ей пришлось расходовать собственную энергию – но в целом она чувствовала себя заметно лучше. Боли не было, кровь не текла. Элина знала, что все это – лишь временный эффект, ибо прошли времена, когда подобным образом можно было полностью исцелить человека; ныне не обойтись без бинтов и лекарств. Но теперь, по крайней мере, она могла рассчитывать добраться до караван-сарая, не потеряв сознание и не истекая кровью по дороге.

Вновь начался долгий путь по ночным улицам и переулкам; один раз она еле успела спрятаться в подворотне, заслышав впереди шаги и голоса; в другой раз, наоборот, кто-то юркнул в щель между домами при ее появлении (она не осознавала, что по-прежнему идет по улице с обнаженным мечом в руке). Голова кружилась, и все тело наполняла усталость, но, по крайней мере, она могла теперь не думать о ране, и к горлу не подкатывали приступы дурноты. Наконец, пару раз забредя в тупики и уже начиная паниковать от осознания потерянного направления, Элина вышла к неприветливой стене караван-сарая.

Ей пришлось долго стучать – сперва кулаком, потом рукояткой меча – в запертую калитку, прежде чем ей открыли. Служитель (для хозяина он, пожалуй, был одет слишком просто) тоже был вооружен – в руке он сжимал короткий широкий меч, похожий на кривой тесак – однако вид Элины произвел на него, должно быть, столь сильное впечатление, что он поспешил захлопнуть дверь. В самом деле, даже в таком неспокойном городе, как Харбад, не каждый день – и не каждую ночь – в двери городского караван-сарая стучится юноша чужой расы, с ног до головы забрызганный кровью, с торчащим из раны железом и окровавленным по самую гарду мечом в руке.

Однако Элина не позволила захлопнуть калитку у себя перед носом, сперва подставив ногу, а потом протиснувшись внутрь. Служитель рассеянно отступил и разинул рот, намереваясь не то прогонять ее, не то звать на помощь своих товарищей.

– Я. Комната. Здесь, – сказала Элина на языке эмирата. Свои слова она дополнила более веским аргументом, запустив руку в кошель (меч пришлось

переложить в левую руку) и протянув служителю, не считая, пригоршню монет. Тот не без испуга смотрел на деньги в перепачканной кровью руке.

– Моя, – сказала Элина, имея в виду, что деньги не краденые. В глазах служителя сохранялось понятное сомнение, постепенно, впрочем, таявшее при виде золота. Графиня вздохнула и убрала меч в ножны. Служитель, наконец, опустил свое оружие и ссыпал липкие монеты в карман на животе, предварительно попробовав на зуб одну из них.

– Комната, – повторила Элина. – Надо.

Служитель неуверенно кивнул и повел нового постояльца в здание, все время оглядываясь через плечо.

Уплаченный ей аванс был, по-видимому, солидным по местным меркам – комната, куда ее привели, была недурна для такого заведения. Служитель, правда, бормоча что-то извиняющимся тоном, сдернул бархатное покрывало с низкого дивана – очевидно, не хотел, чтобы оно пропиталось кровью. Перекинув его через руку, он обратился к Элине с каким-то вопросом, но та лишь беспомощно развела руками. Служитель указал на ее рану, потом на дверь и снова на рану, произнося вопросительно какое-то слово. «Наверное, спрашивает, не прислать ли лекаря», – подумала Элина и покачала головой.

– Нет надо. Надо вода.

Служитель кивнул и вышел. Элина сняла пояс с мечом и присела на диван. Комната поплыла у нее перед глазами. «Не время!» – приказала себе графиня.

Вошел другой слуга, поставил на пол большой закрытый крышкой кувшин и таз, предварительно откинув ногой в сторону циновку. Элина кивком отпустила его и закрыла дверь на засов.

Графиня открыла котомку и достала все, что у нее было припасено для таких случаев. Затем она осторожно сняла куртку, потом рубашку. Рана на плече действительно оказалась безобидной царапиной; графиня смазала ее мазью, а затем разорвала и завязала рубашку таким образом, что грудь была надежно закрыта, ниже же тело оставалось обнаженным до пояса. В таком виде она уже могла бы прибегнуть к посторонней помощи, но пока решила все же справляться своими силами. Она села на пол, прислонившись спиной к дивану, подвинула к себе таз и налила воды. От всех этих манипуляций бок снова начал ныть, но Элина понимала, что это еще цветочки.

Она обмыла и осмотрела рану. Похоже, ей здорово повезло – звездочка вошла под углом, при этом грубая ткань куртки остановила ее вращение, и боковые лучи лишь слегка надрезали кожу. Кажется, внутренние органы не пострадали. Все могло быть гораздо хуже – как-никак, эти звездочки наверняка предназначались для убийства.

Элина, чувствуя, как участился ее пульс, обмотала торчавший наружу металл куском материи от рубашки, крепко взялась за звездочку правой рукой, сосредоточилась, закрыла глаза, сосчитала до пяти и – дернула.

Ей удалось удержаться от крика, но все же она замычала от пронзительной боли. Звездочка упала на пол. Снова хлынула кровь, хотя и не так сильно, как могла бы, если бы не проделанные раньше магические действия. Но повторить ту же процедуру сейчас Элина уже не могла – у нее просто не осталось на это сил. Оставалось полагаться лишь на мазь и повязки и стараться не терять сознания...

Наконец ей удалось остановить кровь. Правда, пока она завязывала бинты, рана снова открылась – на бинте, даже сквозь плотную, пропитанную целебным эликсиром прокладку, стало расплываться темно-красное пятно, но, достигнув трех дюймов в диаметре, остановилось. Элина еще некоторое время подозрительно смотрела на него, затем, достав из котомки кружку, налила из кувшина воды и жадно напилась. Потом она прямо в сапогах вползла на диван, чувствуя себя легкой и слабой, и почти сразу же провалилась в черноту беспамятства.

В себя она приходила долго и трудно; где-то на полпути между небытием и бытием ей мерещилась тоскливая, повторяющаяся, как это часто бывает в бреду, сцена – на площади какого-то грязного, хмурого города сколачивали эшафот. Приговоренный стоял рядом, но Элина, как не вглядывалась, не могла рассмотреть, кто это. Артен? Эйрих? Кто бы это ни был, это был друг. Элина знала, что ничем не может ему помочь – она лежала в могиле тут же, на площади, и тяжесть навалившейся земли не позволяла ей пошевелиться, а из ее бока проросла крапива. Несмотря на это, она видела происходящее и хотела лишь одного – чтобы все поскорее кончилось, плотники сделали свое дело, а палачи – свое. Но всякий раз, когда эшафот был уже готов, плотник слишком сильно бил молотком, и вся конструкция разваливалась. Разочарованная публика кричала ему какие-то слова, должно быть, обидные, на незнакомом языке. Когда это произошло в очередной раз, злость заставила Элину открыть глаза и сфокусировать сознание.

Бок ныл, голова горела, во рту пересохло и в целом ощущения были отвратными. Однако звуки оказались вполне реальными. Стучали в дверь, и кричали оттуда же. Сперва Элина решила, что ей грозит опасность – она подумала это с какой-то философской отрешенностью, ибо сейчас была не способна оказать сопротивление. Но затем поняла, что крики скорее обеспокоенные, чем угрожающие, и осознала, как выглядит ситуация со стороны – раненый, весь в крови, приходит среди ночи, снимает комнату и запирается там, после чего долгое

время не подает признаков жизни. Естественно, хозяин обеспокоен – что, если его постоялец уже умер? Заплаченные вперед деньги еще не повод держать в комнате разлагающийся труп.

– Я жива, – по возможности громко сказала Элина по-тарвилонски и тут же запоздало спохватилась. Ей повезло – никто из стучавших не знал тарвилонского языка и не заметил, что она выдала свою половую принадлежность. Они лишь убедились, что постоялец и вправду жив – однако не ушли; мужской голос что-то спросил через дверь, и Элина поняла, что надо открыть, чтобы хотя бы привлечь к объяснению жесты.

Осторожно, стараясь не тревожить рану, она сползла с дивана и подошла к двери. В свете угасающего дня (Элина, впрочем, не знала, что уже вечер) она увидела, в каком состоянии комната, особенно вблизи дивана – пятна засохшей крови и лужи розовой воды на полу, разбросанные вокруг заскорузлые бурые тряпки и комки ваты... Правда, в детстве ей приходилось видеть и не такое, но тогда кровь не была ее собственной.

Элина отодвинула засов. На пороге стояли двое мужчин – один из них служитель, что впустил ее вчера, а второй, судя по его важному виду, вероятно, сам хозяин караван-сарая. Чуть поодаль стояла женщина – одетая не в балахон, как ее сестры по полу на улице, но и не так откровенно, как юная проститутка в гостинице Фандертольда. Ее лицо ниже глаз прикрывала тонкая голубая ткань. В руках она держала ведро.

Хозяин, глядя на открывшуюся ему картину, сочувственно поцокал языком и покачал головой. «Сколько ж я им заплатила, что он так любезен?» – промелькнуло в сознании Элины. Он задал вопрос – кажется, опять насчет лекаря – и графиня вновь отказалась. «Однако новые бинты мне не помешают», – подумала она и попыталась объяснить это жестами. Хозяин важно кивнул и что-то приказал стоявшей в коридоре женщине. Та вошла в комнату (Элина невольно посторонилась) и занялась уборкой. Графиня постаралась пояснить, что имела в виду не это, но хозяин вновь успокаивающе кивнул и произнес короткую фразу, в которой Элина разобрала слово «позже».

Этот короткий в общем-то диалог с привлечением жестов утомил Элину, словно долгое путешествие; она чувствовала себя совершенно разбитой – несомненно, у нее был жар. Графиня вернулась на диван. Дверь она на этот раз запирать не стала. Хозяин произнес что-то ободряющее и удалился вместе со своим подручным.

Лежа на диване и глядя в потолок, Элина слышала, как служанка вытирает пол. Затем женщина вышла, обронив какие-то слова. Элина спустила руку с дивана и подтащила к себе куртку. Следовало проверить наличность. Среди монет,

полученных ею от Саберро, были, конечно, не только достоинством в один дихраз; попадались там и по два, по три, по пять и даже большие десятидихразовые кругляки. Так что вчерашняя пригоршня могла оказаться весьма значительной частью ее капитала... Так и есть! Она выгребла почти все – у нее осталось всего 11 дихразов. Что ж, остается надеяться, что ее аванса, по крайней мере, надолго хватит для оплаты местных услуг. Должно было хватить – ведь Фандертольд и Гварели врали ей насчет цен, и в реальности таковые были намного ниже...

От этих не слишком веселых мыслей Элину отвлекла вернувшаяся служанка. На сей раз у нее в руках был какой-то сверток, слишком большой для перевязочного материала. Женщина подвинула к дивану низкий круглый столик и разложила на нем принесенное. Там действительно были бинты, а помимо них – тонкое одеяло, полотенца, губка, маленький узкогорлый сосуд с завинченной крышкой и что-то вроде ножа. Когда служанка приблизилась к Элине, держа в руках этот острый блестящий инструмент, графиня обеспокоенно спросила: «Эй, что это?» Но служанка лишь произнесла что-то мягким увещевающим голосом и, коснувшись прохладными пальцами живота Элины, принялась осторожно, но уверенно разрезать бинты.

Графиня поняла, что ей не придется заниматься перевязкой самой, и успокоилась. Она покорно подчинялась служанке, когда та жестом просила ее повернуться. Хуже всего было, когда пришлось отдирать присохшие бинты от раны. Элина понимала, что это будет больно, но не ожидала, что настолько! Она, однако, из принципа не издала ни звука, хотя выражение ее лица было вполне красноречивым. Потом, когда служанка, обтерев рану губкой, обрабатывала ее бурой жидкостью из сосуда, вызывавшей острое жжение, это было уже гораздо легче терпеть. Наконец женщина помогла Элине сесть и сделала новую перевязку.

– Вода, – сказала графиня, указав на кружку и на свой рот. Служанка кивнула, однако вместо того, чтобы исполнить просьбу, вышла из комнаты. Элина почувствовала раздражение из-за ее непонятливости, но затем решила подождать, что будет дальше. Действительно, вскоре женщина опять вернулась, на сей раз принеся на подносе две широких чашки, побольше и поменьше. Сперва она дала Элине выпить маленькую чашку, где была не вода, а какой-то теплый травяной отвар. В большой чашке оказался наваристый бульон. Элина с возмущением пресекла попытку кормить ее с ложки и поела сама, после чего, чувствуя себя уже заметно лучше, вновь вытянулась на диване. Служанка, однако, продолжала о ней заботиться. Она сняла с графини сапоги и чулки (Элина не возражала), обтерла ей ноги мокрым полотенцем, а затем вытерла сухим. После этого она накрыла девушку одеялом и, задув лампу, вышла.

Так прошли первые три или четыре дня в караван-сарае; из-за высокой поначалу температуры Элина не могла сказать точно. Все это время она провела на диване, вставая лишь тогда, когда того требовали естественные надобности, не чуждые даже аристократам и героям. Вынужденное бездействие не слишком угнетало графиню – она была еще слишком слаба и бóльшую часть времени просто спала. Служанка продолжала ухаживать за ней, приносить еду и делать перевязки. Однако в один не слишком прекрасный день ситуация изменилась.

В этот день утром Элину вновь навестил хозяин. Он продолжал радушно улыбаться, отчего его узкие глаза совсем слились в щелочки, и, кажется, вежливо спросил, как дела у его гостя.

– Лучше, – ответила Элина. Жар действительно спал, но оценивать свое состояние как хорошее было рано; все же в ее теле побывали три стальных зубца, один вонзился торчком и два, хоть и не глубоко – боком, и на рану даже не был наложен шов.

Хозяин сказал, должно быть, что рад это слышать, и задал извиняющимся тоном вопрос, в котором Элина разобрала слово «деньги». Графиня, сразу почувствовавшая недоброе, попыталась с достоинством объяснить, что и так уже заплатила приличную сумму. Дальнейшее выяснение с привлечением жестов и демонстрацией чисел на пальцах показало, что слуга, как видно, недурно поживился за ее счет, присвоив себе половину полученных денег – возможно, он решил, что окровавленный гость долго не протянет (и впрямь, в ту ночь трудно было отличить чужую кровь на одежде Элины от ее собственной). Попытки Элины втолковать это хозяину успеха не имели. Тот понимал, что постоялец находится не в том положении, чтобы качать права, и если и собирался потом побеседовать как следует со слугой, то это никак не мешало вытягиванию дополнительных денег сейчас – тем паче что с одиноким чужестранцем, практически не знающим языка, можно было не церемониться. В конце концов Элина смирилась и, тяжело вздохнув, спросила: «Сколько?»

Выяснилось, что она, с учетом всего обслуживания, успела уже даже задолжать, и, даже уплатив последние 11 дихразов, она должна будет съехать послезавтра. Оценив перспективу оказаться на улице в ее нынешнем положении и притом совершенно без денег, Элина вынуждена была просить перевести ее в более дешевую комнату.

– Больше нет? – уточнил хозяин, презрительно глядя на врученные ему три двухдихразовые монеты (Элина решила все же оставить себе хоть что-то).

– Сейчас нет. Позже будет, – ответила графиня самым аристократическим тоном, на какой была способна. Это было, конечно, чистейшим блефом, и хозяин,

очевидно, в этом и не усомнился. Он сделал Элине знак собирать вещи и следовать за ним.

Ковыляя в не до конца надетых сапогах – натягивать их как следует означало лишний раз тревожить рану, а идти босиком не позволяла гордость – и держась рукой за бок под наброшенной курткой, Элина пересекла двор, прошла по узкому полутемному коридору и наконец оказалась в крохотной комнатушке, где не было даже мебели, а только маты на голом полу. Эти апартаменты стоили полдихраза в день. Хозяин поставил на пол лампу с небольшим количеством масла, предупредив, что за новое надо будет платить отдельно, и вышел.

Около полудня здоровый детина неопрятного вида принес еду – кувшин с водой и черствые пресные лепешки. Элина взглянула на него с ужасом – неужели он попытается оказать ей медицинскую помощь? Но для постояльцев полудихразовых номеров подобные услуги попросту не предусматривались. Элине вновь пришлось вооружиться принципом «исцели себя сам». У нее еще оставались чистые бинты, но в количестве, требующем строгой экономии. Графиня вновь попыталась прибегнуть к помощи магии. Ей удалось успокоить боль, разыгравшуюся после путешествия в этот номер, но, кажется, целебный эффект был чисто косметическим. К вечеру у нее вновь поднялась температура, и на повязке опять проступила свежая кровь.

Элина пыталась уверить себя, что это временная неприятность, однако вскоре вынуждена была признать очевидное – состояние ее действительно ухудшалось. Эта грязная комнатушка оказалась явно не лучшим помещением для лазарета. Рана воспалилась и загноилась; Элина убедилась в этом на следующий день, выбравшись из липкого тяжелого сна около полудня. В тот день она еще сумела сделать себе перевязку и потом долго лежала, положив руку на лоб внутренней стороной локтя, чтобы хоть как-то смягчить головную боль. Слуга опять принес воду и лепешки; Элина жадно напилась и положила на лоб мокрую тряпку, но от одной мысли о еде ее тошнило. Бок болел непрерывно; в основном боль была ровной, но иногда – дергающей.

«Как же мне плохо», – подумала графиня и устыдилась этой негероической мысли. Она положила ладонь на холодную рукоять меча – словно взяла за руку друга, ища у него помощи. Но увы – времена героев древности, набиравшихся сил от своего оружия, давно прошли, если вообще существовали где-нибудь, кроме легенд.

Периодически сознание Элины соскальзывало в вязкое болото полусна-полубреда, что, конечно, не приносило облегчения. То она брела по глубокому песку бесконечной пустыни под палящими лучами солнца, то блуждала в безвыходном лабиринте бесконечных закоулков серого, безлюдного города, где на

улицах валялись мумии и не росло ни одной травинки, а от стен угрюмых и громоздких зданий исходил удушливый зной, то лежала утонувшая на морском дне, на грудь ей давила вода, почему-то горячая, а в боку копошились пирующие крабы. Один раз ей даже пригрезилось, что она беременна, и лежит в лазарете, больше напоминающем камеру пыток – привязанная к кровати и неспособная шевельнуться, а ребенок прогрызает себе путь наружу через бок.

Затем она приходила в себя, без особого удовольствия вспоминая, где она и что с ней. Во время одного из таких пробуждений ей показалось, что она умерла: вокруг было совершенно темно и тихо. Она провела рукой вправо от себя; пальцы коснулись холодного камня, затем – ребристой рукояти лежавшего рядом меча – все это весьма походило на гробницу. Но тут из-за стены донесся крик пьяной ссоры, и графиня поняла, что просто наступила ночь. «И к тому же у мертвецов не болит бок, – подумала она. – Утром надо сделать перевязку.»

Элина еще пару раз просыпалась с этой мыслью в утренних сумерках, но всякий раз решала, что еще недостаточно светло. Наконец, в очередной раз обнаружив, что лежит с открытыми глазами, она поняла, что уже день, и дальше откладывать неприятную процедуру невозможно. Она села, размотала бинты и обработала рану; все вышло легче, чем она ожидала. Вскоре Элина снова заснула с чувством выполненного долга. Ей не пришло в голову, что на самом деле она и не просыпалась; перевязка ей лишь привиделась.

Одни бредовые картины сменялись другими. Она видела, как Артена закапывали в землю; видела своего отца, распростертого в луже крови; убегала от стаи собак, у каждой из которых была голова Саберро – как водится, ноги не слушались ее, собаки настигали, валили на землю и начинали рвать... Элина утратила ощущение времени. Она не слышала, как приходил слуга, приносивший пищу и воду, и лишь по тому, что, в очередной раз припав к кувшину, обнаруживала его пустым или полным, могла понять, что дни сменяют друг друга – но сколько этих дней прошло, она не знала. Ей казалось, что она здесь уже целую вечность – зыбкую вечность, подернутую горячим маревом бреда; единственным, что сохраняло постоянство, была боль.

Она в очередной раз бродила по коридорам роллендальского дворца, который, по идее, знала как свои пять пальцев – но теперь с ним было что-то не так; коридоры прихотливо изгибались, и за каждым поворотом открывались новые двери и лестницы, уводившие ее все дальше и дальше от выхода. Вдобавок все эти залы и коридоры были совершенно пусты, и не у кого было спросить дорогу. Постепенно на стенах исчезала лепнина и позолота, сменяясь голыми грубыми камнями; пол был покрыт толстым слоем пыли; с низкого потолка, словно древние ветхие знамена, свешивались седые полотнища паутины... Внезапно

Элина услышала в отдалении голоса. Она хотела бежать на звук, но коридор уводил в другом направлении. Элина в отчаянье прислонилась к стене. Однако голоса приближались. Говорили двое – один грубо и резко, другой что-то лепетал в оправдание. Она не понимала их язык, но первый голос был ей определенно знаком.

Затем рядом хлопнула дверь. «Это называется восточное гостеприимство», – сказал первый голос по-луситски, и Элина, обернувшись, увидела Эйриха. С ним был еще кто-то.

«Эрвард!» – воскликнул этот второй. Это не был обладатель оправдывавшегося голоса; всмотревшись, графиня узнала Йолленгела. В тот же миг она поняла, что лежит на полу, а двое ее бывших попутчиков склонились над ней. «Когда же кончится этот бред», – устало подумала графиня.

«Если вы о нас, то это не бред», – ответил Эйрих. Она услышала, как плеснула вода в кувшине, и на лоб ей легла холодная мокрая тряпка.

От этого ощущения, удивительно реального, графиня окончательно пришла в себя. В комнате действительно находились Эйрих и эльф; слуга, сопроводивший их сюда, благоразумно ретировался, опасаясь еще большего гнева Эйриха. Уши Йолленгела прикрывал местный зеленый тюрбан.

– Вы и правда настоящие? – спросила она, все еще боясь поверить.

– Доселе у меня не было причин сомневаться в собственной реальности, – усмехнулся Эйрих. – Однако философские диспуты позже. Сначала я должен осмотреть вашу рану. Йолленгел, вы нормально переносите подобные зрелища?

– Нне знаю, – неуверенно сказал эльф. – Но если нужна моя помощь...

– Сам справлюсь. Просто отвернитесь и не мешайте.

Элина утомленно закрыла глаза. Руки Эйриха быстро освободили ее от не менявшихся несколько дней бинтов; когда его пальцы принялись ощупывать рану, графиня слабо застонала.

– На обычный клинок не похоже, – деловито констатировал Эйрих. – На топор тоже... Ага, кажется, понимаю. Сюрикен, и не маленький.

– Что? – переспросила Элина.

– Метательная звездочка. Вы дешево отделались после встречи с такой штукой. Очевидно, метавший не был профессионалом, даже не смазал ее ядом...

– Я не умру?

– Нет, – серьезно сказал Эйрих, – по крайней мере, в ближайшее время. Если бы в рану не попала грязь, вы бы уже были практически здоровы. А так получилось гнойное воспаление, но, к счастью, до заражения крови не дошло. У вас сильный организм, он уже сам начал решать эту проблему. Осталось лишь немного ему помочь. Потерпите чуть-чуть.

Обработав рану, он дал Элине напиться. К воде он, очевидно, подмешал какую-то настойку с мягким вкусом. Через несколько минут девушка вновь заснула – на сей раз без сновидений.

На следующий день ей было уже заметно лучше. Температура все еще была довольно высокой, но сознание оставалось ясным. Проснувшись, графиня обнаружила себя в просторной комнате, напоминавшей ту, что выделили ей вначале, только еще больше. Эльф сидел рядом и радостно приветствовал ее пробуждение. Открылась дверь, и вошел Эйрих.

– Как вы меня нашли? – спросила Элина.

– Мы прибыли в Харбад с караваном и остановились здесь, – ответил Эйрих. – Хозяин караван-сарая рассказал нам о раненом юноше нашей расы. Сделал он это, конечно же, не из милосердия, а потому, что рассчитывал урвать денег. Ведь вы, кажется, пообещали ему, что ваши друзья привезут их позже? Вот он и спросил, не мы ли те самые.

– Мерзавец! – вставил Йолленгел. – Этот скряга чуть не уморил вас!

– Мне это тоже не понравилось, но, по большому счету, мы не можем так уж его осуждать, – рассудительно заметил Эйрих. – Бизнес есть бизнес, никто не обязан заниматься благотворительностью. Тем паче по отношению к чужакам. Однако, Эрвард, как вы оказались в Харбаде?

Элина коротко рассказала историю злосчастного плавания. На мгновение она задумалась, стоит ли все еще сохранять инкогнито перед Йолленгелом, но решила, что раз Эйрих не раскрыл ему правды, то и ей следует поступать так же. Поэтому она убрала из своего рассказа все, что было связано с разоблачением ее имени и пола, пересказав, однако, историю знакомства Саберро с ее отцом.

– Могу лишь повторить, что вы дешево отделались, – кивнул Эйрих. – Надеюсь, вы никому не собираетесь мстить?

– А это возможно? – тут же заинтересовалась графиня.

– Да, только очень хлопотно. Такие люди, как Фандертольд, заботятся о своей безопасности. Потребовалась бы серьезная подготовка. Игра не стоит свеч. Фандертольд ничуть не хуже множества таких же мерзавцев, обретающихся в разных городах по всему побережью.

– Ну, раз вы так говорите... – протянула Элина. – По правде говоря, мне хочется поскорее оставить все это позади.

– Как только вы сможете ехать верхом, мы покинем город, – кивнул Эйрих.

– Кстати, а как вам удалось так быстро сюда добраться? – поинтересовалась Элина. – Вы сбежали из тюрьмы?

Тут произошло нечто невероятное: впервые за время их знакомства на лице Эйриха отобразилось смущение.

– Честно говоря, меня вытащил Йолленгел, – признался он.

Округлившиеся глаза Элины с немым вопросом уставились на эльфа.

– Моя заслуга не так уж велика, – произнес тот, но от его скромности разило фальшью за милю. – Я всего лишь уплатил выкуп.

– Откуда вы взяли деньги?

– Вообще-то поначалу это было большой проблемой, – эльф в эту минуту выглядел точь-в-точь как рыцарь, повествующий о своих приключениях и странствиях (часто по большей части выдуманных) в кругу почтительно внимающих слушателей. – Мне удалось тогда убежать, но, едва я остановился и перевел дух, как радость о чудесном избавлении стала уступать место отчаянию, – Йолленгел и сам не заметил, как перешел на приподнятый слог. – Я стоял посреди какой-то улицы, не имея представления, где нахожусь и что делать дальше. И вокруг были люди, столько людей... Я попытался отыскать дорогу в порт, даже не надеясь на успех – и впрямь, мои старания оказались тщетными. Мне некуда было идти, я не знал местного языка, у меня не было ни гроша в кармане, я даже лишился своей флейты – о, до сих пор меня охватывает гнев при мысли о негодяе, сломавшем ее! Этот инструмент пережил не одно поколение моих предков... До самого вечера я бесцельно бродил по улицам, побывал в конце концов и в порту, но что было в том проку через несколько часов после ухода корабля! Ночевать мне пришлось на голой земле в какой-то подворотне. На другой день я вновь бесцельно скитался по городу. У меня не было и крошки во рту, мне лишь удалось выпросить у водоноши несколько глотков воды. На третий день повторялось все то же самое, но, когда дело уже шло к вечеру, судьба улыбнулась мне. Какой-то хорошо одетый человек окликнул меня и подошел ко мне. Я попытался ответить ему по-луситски, и оказалось, что он, хотя и плохо, знает этот язык! (Элина улыбнулась: эльф и сам был не лучшим знатоком луситского). Выяснилось, что этот человек – подручный богатого купца; в тот злосчастный день, когда все мы разлучились, он слышал на улице мою игру, и она ему понравилась, однако тогда он принужден был спешить по делам. Теперь, отыскав меня вновь, он решил представить меня своему господину. Купец тоже не остался равнодушен к моей музыке, хотя и заявил, что у него есть и более искусные музыканты. (Это признание явно было для эльфа не слишком приятным.) Он предложил мне хорошие деньги за то, чтобы я обучил их своим мелодиям. Я немного поторговался и поднял цену, – добавил Йолленгел со скромным достоинством, тут же возместив урон своему самолюбию. – За эти деньги, правда, мне пришлось играть почти без отдыха, и вот, проведя два дня в доме купца, я получил свой гонорар. Я рассудил, что, если отправлюсь выручать Эйриха лично, то, пожалуй, и сам окажусь за решеткой, и попросил торговца, чтобы тот послал с деньгами в

тюрьму своего человека. Через час Эйрих был уже на свободе, и у меня даже оставалось еще немного денег; кроме того, купец позволил мне взять флейту, на которой я играл все это время. Она, правда, не так хороша, как моя прежняя – таких сейчас уже не бывает... даже если бы среди людей нашелся столь искусный мастер, где он возьмет древесину аллона? Это дерево называли эльфийским кленом, и оно сгинуло вместе с моей расой...

– Кстати, этот купец и его слуги так и не заметили, что вы эльф? – поинтересовалась Элина.

– Нет, я носил ленту вокруг головы, не позволяющую волосам открыть уши. Не абсолютная надежность, но все же... На чем я остановился?

– На освобождении Эйриха.

– А, ну да. Собственно, это почти все. В тот же день он нанялся охранником каравана, уходившего в Харбад, и, конечно, взял с собой меня в благодарность за то, что я для него сделал, – эльф с довольным видом посмотрел на Эйриха, и тот ответил ему взглядом, явственно говорившим «Йолленгел, я, конечно, рад, что вы меня вытащили, но, между прочим, в тюрьму я тоже угодил из-за вас!»

Дела Элины шли на поправку. Рана еще побаливала, но температура была нормальной, и в целом графиня чувствовала себя неплохо – а после того, как ей удалось впервые за много дней вымыться в бочке, так и вовсе хорошо. Не считая этой процедуры, ее почти не оставляли одну; в первое время в номере практически все время находились и Эйрих, и Йолленгел, затем Эйрих стал подолгу отлучаться, наказывая остающимся помнить об осторожности и открывать дверь лишь на условный стук. Трудно сказать, чего он боялся – раз уж никто не причинил вреда Элине, когда она лежала в комнате одна, раненая и беспомощная – но, как видно, у него были свои основания. Жили они в эти дни на остатки гонорара Йолленгела и платы, полученной Эйрихом. Денег этих было мало, и их приходилось экономить – если в одну из первых своих отлучек Эйрих купил Элине новую рубашку, то столь же удобная куртка западного образца оказалась непозволительной роскошью, и пришлось пока что заштопать грубыми нитками прорехи в старой.

Оставаясь в обществе Йолленгела, Элина выслушивала эльфийские легенды и баллады; поначалу ей было интересно, но затем ее деятельная натура стала тяготиться подобным праздным времяпровождением. Однако стоило ей подумать, как поступил бы на ее месте Артен, и она выругала себя за недогадливость: рядом с ней сидит, может быть, последний в мире эльф и рассказывает легенды своего народа, которые умрут вместе с ним, а она ничего не делает, чтобы сохранить их для потомков! Элина попросила Эйриха раздобыть побольше бумаги (тот

скривился – бумага стоила недешево – но в тот же день принес стопку неровно разрезанных желтоватых листов) и стала записывать. Сам эльф писать не умел, причем не только на западных языках, но и на собственном; к тому времени, как он родился, из жалкой кучки еще остававшихся в живых его сородичей лишь один старик знал письменность, да и тот вскоре умер. Говорил он с Элиной, как обычно, на своем «людском» диалекте, представлявшем собой испорченный луситский, разбавляемый отдельными западными словами; последних за время общения с графиней и Эйрихом стало больше, и все в основном тарвилонские. Разумеется, все красоты эльфийского языка (того из них, что был родным для Йолленгела) при переводе на эту смесь утрачивались безвозвратно, и восхитительно совершенные поэмы превращались в длинные и порою нудные рассказы. Элина выразила было желание познакомиться с языком народа Йолленгела поближе, но его чрезвычайная сложность быстро охладила ее пыл. В нем было 14 склонений и 28 падежей, не говоря уже о многообразии всевозможных глагольных форм и способов построения предложения, сильной зависимости значения слова от контекста и прочем наследии многотысячелетнего развития с тщательным сохранением традиций, без единой упрощающей реформы; даже для Элины, с детства знакомой с разными языками, это оказалось чересчур. По правде говоря, даже и сам Йолленгел владел этим языком не в полном объеме; бывало, что целые фразы из заученных им баллад он не мог перевести дословно, а всего лишь приблизительно знал их смысл.

Прошло уже почти три недели со времени прибытия спутников Элины в Харбад. Графиня совершенно оправилась от раны и хотя пока еще, по совету Эйриха, не возобновляла ежедневных упражнений с мечом, но готова была в любую минуту двинуться в путь. Однако случай пока не представлялся – караваны уходили на восток не каждый день.

И вот наконец Эйрих, вернувшийся, как обычно, вечером, принес обнадеживающую весть. Он сообщил, что ему удалось сговориться с хозяином каравана, отправлявшегося три дня спустя в Фаррак.

– Фаррак, конечно, не Дулпур, – сказал Эйрих, – но оттуда уже близко. И четырехсот миль не будет.

Элина меж тем смотрела на Эйриха с удивлением – его поза была не вполне обычной для рассказчика: он стоял, прижавшись к стене и повернув к ней голову, словно прислушиваясь, что происходит в соседнем номере. Что-нибудь услышать таким образом было вполне реально – стена была из тонких досок, некогда ею разделили более крупную общую комнату.

– Труднее всего было убедить хозяина каравана, что нам можно доверять, – продолжал рассказывать Эйрих; одновременно он подошел к столу, взял листок

бумаги и принялся что-то быстро царапать на ней грифелем. – Что я не подослан бандитами. Как ни странно, похоже, что моя расовая чужеродность на сей раз сыграла в нашу пользу. В городе, конечно, любой мог бы нанять и белого убийцу, но шансов на то, что грабители из пустыни заручатся поддержкой прибывшего с Запада чужака, намного меньше. А ваш народ, Йолленгел, практиковал караванную торговлю?

Эльф был удивлен этим внезапным вопросом, но прежде, чем он успел ответить, Эйрих показал своим собеседникам бумагу, где крупными буквами значилось по-луситски и тарвилонски: «ПРОДОЛЖАЙТЕ РАЗГОВОР, КАК БУДТО Я ЗДЕСЬ». Эйрих до сих пор не удосужился выяснить, что эльф неграмотен. Йолленгел беспомощно посмотрел на Элину.

– В самом деле, интересно, – поддержала она заданный вслух вопрос, слегка кивнув эльфу.

– В том смысле, как это понимается у вас – нет, – начал рассказывать Йолленгел. – Каждая... лэиннох... ну, в общем, это что-то вроде общины – обеспечивала себя всем, что необходимо в практическом смысле. Не забывайте, что лес служил нам, где бы мы ни жили. Единственное, что могло по-настоящему заинтересовать нас в других лэиннох – это их искусство. Время от времени какой-нибудь мастер – поэт, музыкант, художник, создатель музыкальных инструментов – отправлялся странствовать, навещая другие лэиннох, перенимая их искусство и делясь с ними собственным. Бывало, что мастера странствовали целыми группами – чаще пешком, ибо в те времена нам некуда было спешить, но бывало, что и на спинах животных. Вот это, пожалуй, было ближе всего к вашим караванам. Иногда, посетив несколько общин, они возвращались обратно и делились свежим опытом, иногда оседали на новом месте. Некоторые путешествовали всю жизнь, нигде подолгу не задерживаясь. Их называли фаэнар-сэллик – вечные скитальцы.

Пока он все это говорил, Эйрих на удивление беззвучно выбрался из комнаты, не забыв прихватить с собой меч. Элина, лишенная возможности активно участвовать в происходящем, проводила его чуть ли не ненавидящим взглядом.

Отлучки Эйриха в эти дни носили, в основном, более чем прозаический характер: лишившись всех средств в эль-хасарской тюрьме, он теперь зарабатывал деньги разгрузкой судов в порту. В его арсенале имелись и более эффективные – хотя, конечно, куда менее законные – способы пополнения бюджета, и в былые годы он бы скорее прибегнул именно к ним, однако теперь предпочел не рисковать. Он был уже не один, в отличие от прежних времен, и это сковывало свободу маневра; к тому же не следовало недооценивать суровость харбадских законов.

Однако добыча денег была не единственной интересовавшей его темой. Мысль о том, что он так и не выяснил, что за таинственный преследователь сопровождал их через луситские земли, давно уже неприятным осадком лежала на дне его сознания, хотя логика и подсказывала, что, даже если то и был враг, они, скорее всего, давным-давно от него оторвались. И несколько дней назад выяснилось, что подозрения не были беспочвенными. Один из грузчиков – местный, как и прочие – отозвал Эйриха в сторонку и сообщил, что накануне, когда Эйрих работал на другом конце порта, какой-то белый парень, прибывший на корабле из Хатканы (Хаткана находилась между Эль-Хасаром и Харбадом), интересовался, не сходили ли в последние дни в этом порту трое путешественников с Запада: один из них – юноша с мечом, второй – постарше, высокий и с длинными светлыми волосами...

– А третий сильно на тебя смахивает, – закончил грузчик.

– И что ты ему сказал? – равнодушно осведомился Эйрих.

– Ясное дело, сказал, что видел. Монету мне с этого парня надо было получить, как ты думаешь? Он, конечно, стал расспрашивать, где вас в этом городе найти можно.

– Почему это «нас»? Я, как видишь, один, и на корабле не приплывал.

– Не так уж много вас, лупоглазых, тут ошивается, чтобы путать. Но если тебе неинтересно, могу не продолжать.

– Ну почему, любопытно, что ты ему наплел.

– Вообще-то он дал мне дихраз, чтобы я помалкивал.

– Ну хорошо, вот тебе другой дихраз, чтобы ты об этом забыл.

– И зачем ты только работаешь грузчиком, если такой богатый? Ясное дело, я не знаю, где ты живешь. Но я сказал ему, где обычно останавливаются приезжие.

Среди перечисленных грузчиком мест оказался и тот самый караван-сарай. Теперь не приходилось сомневаться, что в ближайшие дни неизвестный там появится. Эйрих решил не суетиться и ждать. Он пожертвовал частью скудных финансов, чтобы купить усердие слуг караван-сарая; теперь те должны были информировать Эйриха о вселении любого человека с Запада, а особенно подходящего под полученное от грузчика описание.

Незнакомец появился накануне и поселился в соседнем номере, восхитив Эйриха своей наглостью. Впрочем, если он не подозревал, что его здесь уже ждут, ничего такого особо наглого в его действиях не было. Эйрих как раз возвращался с новостью об успешных переговорах с караванщиком, когда его перехватил слуга и представил свой отчет. В результате Эйрих ничего не сказал своим товарищам – ни о преследователе, ни о караване – однако наутро, хоть и покинул, как обычно, номер, но не пошел в порт. Прямое столкновение с неизвестным пока не входило в его планы – Эйрих всегда предпочитал сначала собрать информацию – хотя

сомнений во враждебности загадочного преследователя у него почти не было. В противном случае, зачем бы тот стал таиться?

Двери как комнаты, где жили Эйрих и его товарищи, так и соседней, выходили на галерею, опоясывавшую двор с внутренней стороны на уровне второго этажа. Таким образом, примостившись где-нибудь в противоположном углу двора за повозками, можно было наблюдать за всеми входящими и выходящими из комнаты незнакомца.

Первые несколько часов не дали Эйриху никаких результатов. Затем дверь отворилась, и Эйрих впервые увидел незнакомца. Тот и впрямь отвечал описанию, и вид его еще больше утвердил Эйриха в мысли, что перед ним – не самостоятельный игрок, а чей-то агент, что явно усложняло ситуацию. Эйриху крайне хотелось осмотреть комнату неизвестного, однако тот не дал такой возможности, прогулявшись лишь до отхожего места и обратно. Эйрих перебрал несколько вариантов, которые могли бы выманить незнакомца в город, однако любой из них означал вспугивание дичи (пока что считавшей себя охотником), а если этот человек действовал не один, подобного следовало избегать. Оставалось только захватить его врасплох и выбить, если потребуется, всю правду.

Эйрих продолжал свои наблюдения до темноты и в конце концов вернулся в комнату. Он решил, что теперь самое время поведать о скором отбытии из Харбада, и огласил свою новость громко, стоя у самой стены. Когда он прижал к стене ухо, ему показалось, что он различил шорох с той стороны. Ну разумеется, тот тип был просто обязан прислушиваться к подобным разговорам! Что ж, настало время преподнести ему сюрприз.

Эйрих не сомневался, что дверь незнакомца заперта изнутри, но искусство тургунайских гвардейцев, способных голой ногой сломать кирпич, знакомо было и ему. Прежде, чем изготовиться для удара, он обратил внимание на отсутствие света под дверью. Можно было подумать, что внутри никого нет. Эйрих мысленно усмехнулся и некоторое время постоял, привыкая к темноте.

В следующую секунду его сапог обрушился на дверь. С хрустом треснуло дерево, железную скобу, державшую засов изнутри, вырвало из косяка, и дверь распахнулась. В сумраке Эйрих различил силуэт у стены и бросился на него.

Хотя у Эйриха был при себе меч, шпион был нужен ему живым, и он атаковал, намереваясь захватить противника голыми руками. Однако тот был не так прост и, несмотря на внезапность нападения, успел занять оборонительную позицию. Враги сцепились и покатились по полу.

Уже по тому, как быстро незнакомец изготовился к защите, Эйрих понял, что его не слишком внушительная внешность обманчива; однако это был еще не самый удивительный и неприятный сюрприз. Через несколько секунд Эйрих

убедился, что против него используют приемы той же школы, к которой принадлежал он сам – тайного искусства, которым владели весьма немногие! Что ж, это означало серьезные осложнения. Но прежде следовало провести переговоры. Эйрих ослабил захват и сделал тайный знак.

И тут же попал в жестокий удушающий зажим! Изумлению и гневу Эйриха не было предела. Ни один из членов Ордена не смел игнорировать Знак Принадлежности! Однако, помимо размышлений на тему, куда же катится мир, если нарушаются столь незыблемые законы, у Эйриха были и более насущные проблемы. Он пытался избавиться от захвата, но его противник весьма грамотно делал свое дело. В ушах начинало звенеть, и голову наполняла неприятная легкость.

– Эрвард! – попытался крикнуть Эйрих. Из горла вырвался лишь сдавленный хрип, слишком слабый и невразумительный, чтобы служить надежным призывом о помощи.

Однако не следовало недооценивать Элину. Уже услышав звук выбиваемой в соседней комнате двери, она была на ногах и с мечом. К тому моменту, как Эйрих позвал на помощь (во второй раз с тех пор, как ему исполнилось 15), она уже стояла поблизости, всматриваясь в темноту; звуки борьбы, конечно, указывали место поединка, но ей не хотелось по ошибке ударить своего. Как только Эйрих подал голос, Элина метнулась вперед и нанесла удар. Хватка противника Эйриха обмякла, и он повалился на пол.

Эйрих немедленно оседлал поверженного врага, перевернув его на живот и заламывая ему руки к лопаткам.

– Надеюсь, вы его не убили? – осведомился он.

– Думаю, нет. Я бил мечом в ножнах.

– Принесите веревку из моей котомки. И лампа не помешает.

Полминуты спустя Элина вернулась, неся то и другое. За ней на пороге робкой тенью нарисовался Йолленгел.

Элина невольно залюбовалась ловкостью, с которой Эйрих связывал недавнего противника. Руки пленника были выкручены под углом, исключавшим всякое сопротивление; Эйрих туго обмотал сперва одно запястье, потом примотал к нему другое, затем перекрестил веревки между кистями перпендикулярными петлями и затянул их. Можно было не сомневаться, что связанному таким образом не удастся освободиться без посторонней помощи, даже если надолго оставить его без присмотра. По крайней мере, для обычного человека таких пут было бы более чем достаточно; но Эйрих уже знал, что имеет дело с не совсем обычным человеком. Поэтому он потянул веревку от рук дальше, затягивая ее вокруг шеи, так, чтобы любая попытка освободиться – или просто шевельнуть руками – вела к

удушению. В этот момент пленник, лежавший на полу вниз лицом, начал приходить в себя.

Почувствовав боль в плечах, он рефлекторно попытался выпрямить руки, и тут же петля на шее заставила его поднять голову. В комнате раздалось сразу два удивленных возгласа. И Элина, и Йолленгел узнали лежавшего на полу.

– Развяжите его, Эйрих, – сказала графиня.

– Вы его знаете?

– Это герцог Редрих Урмаранд. Сын бывшего регента Тарвилона.

– Я тоже рад вас видеть, графиня, – попытался усмехнуться Редрих, – хотя вы и чуть не проломили мне череп.

– То есть это вам он назвался герцогом. Этот человек не тот, за кого себя выдает, – уверенно заявил Эйрих.

– Где вы подобрали этого маньяка? – скривился Редрих, хотя и знал ответ на этот вопрос с точностью до города. – То он набрасывается на меня ни с того, ни с сего, теперь не верит, что я – это я...

– О доверии мы с тобой еще потолкуем, – зловеще посулил Эйрих. – Ац фалги буадиш.

– Что? – переспросил юноша.

– Не понимаешь? – делано удивился Эйрих.

– Эйрих, я не понимаю, о чем вы, но это действительно герцог Урмаранд, – настаивала Элина. – Он назывался этим именем даже тогда, когда любое другое было бы для него гораздо предпочтительней. И потом, фамильное сходство... я, правда, не видела его отца, все портреты были уничтожены, но мой отец знал старшего Урмаранда лично и говорил, что похож.

Эйрих впервые усомнился в своей правоте.

– Ну и где вы научились так драться, господин герцог? – поинтересовался он все еще недоверчивым тоном.

– Человек, заменивший мне отца, учил меня... Слушайте, может, вы все-таки меня развяжете? Трудно говорить с петлей на горле...

– Этот человек жив? – настаивал Эйрих.

– Не знаю... Он исчез.

Эйрих ничего не сказал, но про себя подумал, что мир пока еще не катится в сильно неправильную сторону, раз законы исполняются и кара настигает отступников, нарушающих обет тайны.

– Вы уверены, что это не враг? – спросил он Элину. – Он Урмаранд, а вы – Айзендорг.

– Полагаю, что мы решили эту проблему.

– Это тот самый бывший враг, которому вы спасли жизнь?

– У вас хорошая память.

– Пока не жалуюсь.

– Так, может, освободите герцога, пока он снова не почувствовал себя моим врагом?

– Ну ладно, – Эйрих с явной неохотой принялся распутывать узлы.

Весь этот диалог происходил на тарвилонском, поэтому эльф понимал от силы треть, но кое-что он все же уяснил.

– Эрвард, – нерешительно спросил он, – вас что, на самом деле зовут по-другому?

– Да, – признала графиня, чувствуя, что дальнейший маскарад лишен смысла. – Мое настоящее имя – Элина Айзендорг. И... я не мужчина.

– Не человек? – глаза Йолленгела зажглись удивлением и надеждой. В луситском, как и во многих западных языках, слова «мужчина» и «человек» были синонимами.

– Я имею в виду, что я девушка, – произнесла Элина тоном намного более воинственным, чем содержание ее фразы.

Удивление эльфа возросло, но надежда погасла. Он покачал головой.

Редрих поднялся с пола, растирая запястья и поводя шеей.

– Йолленгел, это тот человек, у которого вы украли лошадь? – спросил Эйрих по-луситски.

Эльф смущенно кивнул.

– Простите меня, сударь, но мое положение было отчаянным... вы понимаете луситский?

– Слегка, – кивнул Редрих. – Так это был вы. Вам повезло, что я тогда не проснуться. Я мог убить вам. Я был жутко злой.

Йолленгел ничего не ответил, но вспомнил, как держал Редриха на прицеле, и подумал, что тому повезло не меньше.

– Вы не похож на лусит, – продолжил герцог. – Я так и не понять, откуда вы взяться и какой народ быть.

Йолленгел замялся.

– Сегодня – день разоблачений, – усмехнулась Элина. – Йолленгел – эльф.

– Настоящий эльф?! – совсем по-детски изумился Редрих.

Йолленгел молча отодвинул назад волосы, обнажая уши.

– А вы, Эйрих, ничего не хотите сказать герцогу? – осведомилась Элина по-тарвилонски.

– В смысле? – насторожился тот. – А... ну да. Я приношу свои извинения. Однако вы сами виноваты – если вы не враг, нечего было скрытно следить за нами.

– Собственно, я только вчера нагнал вас, – пояснил Редрих. – Думаете, это было легко? Я несколько раз терял ваш след, через степи кочевников мне вообще удалось пробраться чудом... А вчера – да, я действительно не спешил представиться, потому что мне хотелось понаблюдать со стороны. Не шпионит ли за вами кто-нибудь еще.

– Почему вы решили, что за нами должны шпионить? – брови Эйриха чуть заметно сдвинулись к переносице.

– Потому что есть еще кто-то, кто вами интересуется. Когда я расспрашивал о вас по дороге, мне пару раз говорили, что я не первый, кто задает такие вопросы. Правда, в последний раз это было еще на пепелище Чекнева. Наверное, тот человек или люди давно отстали, может быть, сгинули в степи...

По лицу Эйриха было видно, что он не слишком на это полагается.

– А сами-то вы почему едете за нами? – задала резонный вопрос Элина.

За время своего пути Редрих не раз задумывался, как он ответит на этот вопрос. Ему хотелось бросить что-нибудь небрежное, вроде: «Просто в прошлый раз мне помешали нормально попрощаться, а я не хотел бы прослыть невежливым». На что, однако, язвительная Элина, вероятно, ответила бы «Ну что ж, прощайте, герцог, приятно было с вами побеседовать. Теперь ваш долг исполнен, и вы можете ехать назад». Была у него и мысль изобразить, что он путешествует на восток по своей надобности, а встреча произошла чисто случайно, но нынешние обстоятельства полностью разрушили этот сценарий. В конечном итоге Редрих не нашел ничего лучше, чем пробурчать:

– Просто подумал, что там, куда вы едете, лишний меч вам не помешает... Как не помешал мне ваш тогда, на улице Роллендаля, – добавил он, словно оправдываясь.

– Кстати, как вы тогда выбрались из города? – любопытство Элины, как обычно, превалировало над этикетом.

– В ту ночь я счел за благо не связываться со стражниками у ворот. Какое-то время я кружил по улицам в поисках подходящего убежища и наткнулся на пьяницу, дрыхнувшего в подворотне. Я забрал его одежду, он даже не проснулся.

– И оставили ему свою?

– Гм... нет. Это бы навело на мой след, вы же понимаете.

– Вы просто украли чужие вещи? – возмутилась Элина.

– Ну, считайте это военным трофеем. У меня были основания считать Роллендаль враждебным городом, не так ли? Да и что за одежда это была, так, лохмотья... Мне, собственно, именно такое и было нужно. Два дня я отсиживался в каком-то подвале, дожидаясь, пока уляжется шум, а потом покинул город среди бела дня.

– Вам повезло, что вас не узнали, даже и в лохмотьях. Слишком многие тогда вас запомнили и горели желанием отыскать.

– Я прикинулся калекой. Шел, скривив физиономию, скособочившись и приволакивая ногу. Ее легко было приволакивать – в штанину был засунут меч. Гарду я прикрыл котомкой.

– Ясно. И что вы поделывали потом?

– Решил воспользоваться примером вашего отца и вступить в армию где-нибудь за пределами Тарвилона. Я даже успел дослужиться до капрала в Пирвадии. А потом до меня дошел слух о вашем путешествии.

– Слух? Я как раз собиралась спросить, откуда вы узнали. Вам вообще известно, куда и зачем я еду?

– Куда-то на восток, кажется, в Тургунай, спасать принца Вангейского. («И впрямь день разоблачений», – подумала Элина, до сих пор не открывавшая это Эйриху.) Эта новость быстро достигла соседних стран.

– Странно... – пробормотала графиня. Она была уверена, что это сохранят в тайне. Однако гордость тут же взяла верх над осторожностью: – Так вы говорите, обо мне знают не только в Тарвилоне, но даже в соседних странах?

– Вы – дочь знаменитого графа Айзендорга, – криво усмехнулся Редрих, – а принц – кузен короля Тирлондского.

Элина поняла, что означала эта горькая усмешка. При других обстоятельствах Редрих мог быть теперь выше их обоих – наследником короны, а может быть, уже даже и королем Тарвилона. Понял это и Эйрих. «Этот парень никогда не смирится с тем, как все сложилось, – говорил его взгляд, – я бы не стал ему слишком доверять.»

Кажется, Редрих уловил жалость во взгляде девушки и не замедлил отплатить.

– Между прочим, графиня, это ваше предприятие совершенно безумно.

– Поэтому вы и решили к нему присоединиться? – осведомилась Элина.

– Именно поэтому, – буркнул герцог.

– Что ж, после вашего участия в турнире от вас можно было ждать безумств.

– Впрочем, вы столь легко заводите знакомства, что к Тургунаю, вероятно, подойдете в составе небольшой армии.

– Пока что вы первый, кто по-настоящему в нее вступает, – миролюбиво заметила Элина. – Эйрих с нами только до Дулпура. А Йолленгел... Йолленгел, – она вновь перешла на луситский, – вы еще не решили, где вам поселиться?

– Говоря по правде, пока что мне не слишком нравится восток, – смущенно улыбнулся эльф. – Посмотрим, что будет дальше.

– Учтите, Йолленгел, – хмыкнул Эйрих, – даже и Великий континент где-нибудь кончается.

– Итак, герцог, вам известны наши ближайшие планы? Мы едем с караваном в Фаррак, – уточнила Элина.

– Да, я уже знаю. Здесь тонкие стены. Надеюсь, мне тоже удастся наняться в охрану каравана. И, кстати говоря, я думаю, в походных условиях мы можем отбросить титулы. Можете звать меня просто Редрихом.

– Отлично, в таком случае, можете звать меня просто Эрвардом, – ответила Элина. По лицу молодого человека скользнула мгновенная тень. Эйрих одобрительно кивнул:

– Хоть мы и устроили день разоблачений, однако для внешнего мира графиня должна оставаться Эрвардом Эльбертином. И во избежание путаницы мы, как и прежде, будем придерживаться этого имени и внутри нашей компании.

– А не стало ли это имя слишком известным в последнее время? – задумалась вслух Элина. – Может, пора его сменить?

– Я искал вас не по имени, а по внешнему описанию, – возразил Редрих.

– Да, – согласился Эйрих, – мы уже находимся в той части континента, где выходцы с Запада – слишком большая редкость, чтобы затеряться в толпе. Если нами кто-то интересуется, чехарда с именами не поможет скрыться, а лишь может привлечь дополнительное внимание. Вы, Редрих, ничего не выяснили об этом загадочном втором преследователе – или преследователях?

– Увы, – покачал головой герцог. – Даже не знаю, сколько их. Сдается мне, он или они не хотели светиться и приняли меры.

– Ну что ж, – резюмировал Эйрих, – друзья это или враги, нам остается лишь учитывать возможность встречи с ними, однако планов менять не будем. Завтра утром, Редрих, пойдете со мной к караванщику и покажете ему, на что вы годны.

В тот вечер они еще несколько часов просидели в комнате Редриха. Молодой герцог рассказывал о перипетиях своего путешествия; ему явно нравилось, что он оказался в центре внимания. Его путь выдался не столь богатым на битвы, как у Элины – лишь пару раз пришлось отбиваться от заурядных грабителей – однако более серьезные угрозы возникали не раз. Повествуя о пережитых опасностях, он, даже сам того не осознавая, поглядывал на реакцию Элины, но графиня была явно не из тех, кто ахает и всплескивает руками в таких случаях. Наконец троица собралась уходить.

– Эйрих! – окликнул Редрих.

– Да?

– Вы не хотите заплатить за дверь?

– По-моему, хозяин этого чулана сам должен доплачивать постояльцам за такое качество дверей, – Эйрих подобрал с пола щеколду и скобу с торчащими гвоздями, приладил все это на прежнее место и несколько раз ударил по гвоздям

рукоятью меча. – Вот и все. От серьезного противника, как вы видели, она все равно не защищала, а символически держаться будет.

Редрих остался один, и оживление тут же сошло с его лица, точно стертое чьей-то рукой. Он еще долго сидел с мрачным видом, подпирая кулаком подбородок, а затем встряхнулся и принялся полировать меч.

Наутро Эйрих, как и обещал, представил Редриха караванщику. То был, на самом деле, не владелец каравана, а человек, нанятый владельцами – несколькими богатыми купцами – чтобы довести караван до Фаррака. На Западе такого человека обычно называли капитаном, а здесь, на Востоке – караван-баши. Ему было, должно быть, за пятьдесят, он был сед, нетороплив в речи и движениях, и его широкий алый кушак поддерживал солидных размеров пузо. Свой ятаган в ножнах он носил теперь в основном как украшение и знак статуса, а не как оружие. Однако черная повязка на правом глазу и наискось пересекавший лунообразное лицо шрам доказывали, что некогда он знал и другие времена.

Караван-баши был не в восторге от того, что к ранее заявленным чужеземцам вдруг присоединяется еще один, владеющий оружием. Тем не менее, число лояльных охранников каравана было слишком большим, чтобы один лишний воин, даже если бы он и оказался лазутчиком, мог что-то принципиально изменить. С другой стороны, дополнительный меч на своей стороне в пустыне никогда не бывает лишним – караван-баши хорошо усвоил это за свою богатую биографию; оплата же наемников все равно шла не из его кармана. Так что он брюзгливым тоном позволил Редриху показательно сразиться с одним из охранников и был полностью удовлетворен результатом.

В оставшиеся перед отбытием дни Элина оставалась в караван-сарае. Хотя она и знала от Эйриха, что «Иль-бадияр» давно покинула порт, все произошедшее с нею как-то отбило у нее охоту гулять по харбадским улицам. Вместо этого она преисполнилась энтузиазма по поводу новой своей идеи – сохранить для истории наследие эльфийской культуры. Все свое время она проводила в обществе Йолленгела, который, хоть и охрип от бесконечных рассказов, был чрезвычайно доволен таким вниманием к собственной расе. Элина время от времени улыбалась при мысли о том, как поведает Артену о своем вкладе в мировую науку, и какое удивление отразится на лице принца, когда он узнает, что его кузина умеет не только махать мечом – а, пожалуй, не только удивление, но и зависть! Конечно, это был не единственный и не главный мотив Элины, но думать об этом было приятно.

Кому не было приятно, так это Редриху, бывшему в центре внимания лишь в первый вечер, а теперь явственно чувствовавшему себя лишним. Он даже не мог слушать Йолленгела – герцог слишком плохо знал луситский, а эльф –

тарвилонский. И все же на другой день после встречи с караван-баши – и, стало быть, за день до отправления каравана – Редриху удалось раздобыть себе собеседника в лице Эйриха.

От внимания герцога не укрылось, что в «день разоблачений» Эйрих оказался единственным, кого эти разоблачения не затронули. Он по-прежнему оставался просто Эйрихом, человеком, случайно встреченным Элиной в небольшом пралецком городке и неизвестно зачем едущим через полконтинента в Дулпур – если, конечно, Дулпур вообще не был придуманным на ходу предлогом. По словам Элины, правда, выходило, что Эйрих – друг, сомневаться в котором не приходится, но у Редриха были слишком свежи в памяти обстоятельства его собственного знакомства с этим человеком. Помнил он и фразу на неизвестном языке, которую якобы должен был понять. У герцога хватило мудрости не спрашивать Эйриха теперь об этой фразе, но, в свете предстоявшего совместного путешествия, он бы дорого дал, чтобы узнать ее смысл.

В противоположность Редриху, Эйрих знал о своем новом знакомце более чем достаточно. Конечно, ему не были известны отдельные подробности биографии молодого герцога, однако того, что он знал от Элины, и собственных наблюдений вполне хватало, чтобы составить вполне правдоподобный портрет Урмаранда. И это не был портрет человека, которого Эйрих хотел бы иметь у себя за спиной.

И вот эти двое, не доверявшие друг другу, разделенные, казалось бы, всем – тремя десятками лет возраста, социальным происхождением, даже внешне относящиеся к совершенно разным типам людей – на третий вечер знакомства уже болтали, как старые добрые друзья. Общей темой, объединившей их, стало оружие. Они с удовольствием обсуждали различные мечи – прямые, кривые, односторонние, обоюдоострые, короткие, двуручные, с узким, широким, гибким, волнистым, зазубренным клинком, с крюками и серпами; говорили о саблях, шпагах, ножах, секирах, копьях, топорах, молотах, палицах, луках, арбалетах; рассуждали о сильных и слабых сторонах кольчуг, бахтерцев, кирас, лат, круглых и прямоугольных щитов, открытых и глухих шлемов. Эйрих не мог не воздать должное обширным познаниям молодого человека – хотя, в отличие от его собственных, они были чисто теоретическими во всем, что не касалось наиболее распространенных на Западе видов оружия. Элина тоже могла достойно поддержать подобный разговор – что, собственно, не раз происходило в пути – однако ее познания были менее обширными, ибо человек, учивший Редриха, был хорошо знаком не только с западной культурой. Эйрих несколько раз пытался прощупать, насколько Редрих посвящен этим отступником в тайное знание, но герцог с их первой встречи понял, что некоторые знания и умения демонстрировать небезопасно, и бдительно уходил от провокаций.

Однако, помимо разговоров, у путешественников имелись и более насущные дела. Элина и Редрих прибыли в Харбад морем и, стало быть, безлошадными; Эйрих и Йолленгел приехали конными, но и этих лошадей у них уже не было – продать их и потом купить новых означало, конечно, некоторые денежные потери, однако это все равно было дешевле, чем три с лишним недели содержать животных в местной конюшне. Итак, накануне отбытия каравана вся компания отправилась покупать лошадей; эльф пошел вместе со всеми, хотя ничего не смыслил в лошадях и по-прежнему чувствовал себя неуютно в людской толпе – однако отрываться от своих товарищей после приключения в Эль-Хасаре ему тем более не хотелось. На улице, впрочем, он не раз усомнился в правильности принятого решения – на него обращали внимание даже больше, чем на его спутников. Дело в том, что его западная внешность и одежда, и без того экзотичные по местным понятиям, в сочетании с восточным тюрбаном смотрелись попросту комично.

Цены на лошадей были довольно высокими – в этом отношении Фандертольд не соврал – и Элина впервые озаботилась финансовым положением команды; до этого она как-то приняла как должное, что с прибытием в город ее товарищей денежные проблемы разрешились. Лишь теперь она узнала, что Эйрих работал грузчиком, сохраняя в неприкосновенности остатки своего жалования охранника; и хотя, строго говоря, в этом не было особой жертвы – ведь Эйрих не был дворянином, да даже и сама графиня в детстве не чуралась черной работы – однако девушка тут же пылко заверила Эйриха, что, как только у нее будут деньги, она отдаст ему не только долг за лошадь, но и вдвое больше, чем он заработал в порту. Эйрих с улыбкой ответил, что ему было полезно размяться, и он совсем не настаивает на возврате долга, однако Элина заявила, что дала слово, а дворянское слово нерушимо, хочет он того или нет.

У Редриха проблем с финансами не было; он собирался сам купить Элине лошадь, но, пока он думал, как это поделикатней предложить, деньги уже были уплачены Эйрихом. Редрих чуть заметно покраснел и расплатился за собственного коня.

– В Пирвадии, как видно, хорошо платят наемникам? – осведомилась графиня. Она спросила без всякого сарказма, но Редриху, конечно, немедленно почудился таковой.

– Полагаю, так же, как и во времена вашего отца, – ответил он. Его левая рука при этом машинально накрыла рукоять меча. Взгляд Элины, привлеченный этим жестом, успел скользнуть по рукояти и различить в ней восьмиугольную выемку, в глубине которой тускло блестело залитое для компенсации олово.

– Ваш рубин... – поняла графиня. – Вы его продали!

– Да! – Редрих повернул к ней злое лицо. – Рубин, а не меч! Это ничего не значит! Рубин – это просто украшение! Честь рыцаря – в его мече, а не в блестящих камушках!

– Герцог, вас никто не обвиняет, – тихо сказала Элина, оторопев от этой вспышки. – Напротив... я хочу выразить вам свою признательность...

– Не думаете же вы, что я сделал это ради вас! – скривил губы Редрих. – Просто мне нужны были деньги, вот и все!

О том, что деньги были нужны ему именно затем, чтобы отправиться в путь за Элиной, он, конечно, умолчал. Графиня пожала плечами и отвернулась к своему свежеприобретенному коню. Эйрих, казалось, целиком был занят лошадьми, однако все видел и слышал. «Все настолько плохо, насколько я и предполагал», – подумал он.

Утром следующего дня караван отправился в путь. Это был большой караван; четыре дюжины навьюченных верблюдов растянулись чуть ли не на четверть мили. По бокам ехали конные всадники – шесть с лишним десятков, большинство из них – охранники, но были и просто путники, ехавшие, ради безопасности, вместе с караваном. К числу последних относились Йолленгел и – пока что – Элина; Эйрих настоял на том, что ей еще рано махать мечом, однако графиня собиралась поменять свой статус уже в пути.

Караван шел на северо-восток – сначала вдоль берега моря, а затем все больше отклоняясь к северу, вглубь полуострова. Пока что дорога была хорошей, и путешествие проходило по достаточно населенным районам эмирата. Тем не менее, Элина удивлялась, видя, сколь скудными и бесплодными выглядят эти земли. Пыль, песок, камни, растрескавшийся грунт, на котором лишь кое-где торчали чахлые кустики да совсем редкие рахитичные пальмы; несмотря даже на разбегавшуюся сеть арыков, казалось невероятным, что такие почвы способны прокормить обитателей многочисленных крестьянских мазанок и нанизанных на нитку дороги городов. Элина высказала вслух свое недоумение.

– Говорят, в эпоху магов весь полуостров был сплошным благоухающим садом, – ответил Эйрих. – С тех пор, как магия иссякла, природа вернулась в свое естественное состояние – вода ушла, солнце высушило землю, ветер унес плодородный слой. Но люди приспособились. Вырыли колодцы, провели оросительные каналы, вывели засухоустойчивые сорта хлеба... Однако сельское хозяйство в этих местах – весьма нелегкий труд, требующий ежедневных усилий. Сейчас еще зима, а весной, летом и осенью вы бы увидели на полях многие сотни крестьян и рабов, вкалывающих от зари до зари. В среднем местный крестьянин намного беднее западного – чего, однако, не скажешь о государстве в целом.

Поскольку, едучи в седле, делать записи было проблематично, в пути Элина была вынуждена отказаться от своей работы по сохранению эльфийского наследия. Возникший в компании языковой барьер, однако, все равно привел к новому разделению четверки на пары. Если раньше Элина и Эйрих довольно часто говорили между собой по-луситски, когда хотели, чтобы эльф мог на равных участвовать в разговоре, то теперь преимущество «тарвилонского лагеря» сделалось слишком явным – от эльфа отделывались парой фраз, да и то лишь тогда, когда он спрашивал, о чем речь, и вновь переходили на язык Запада. Йолленгел понял, что делать нечего, и попросил Эйриха поучить его тарвилонскому. Тот согласился; его отношение к эльфу вообще заметно изменилось после освобождения из эль-хасарской тюрьмы, хотя, рассуждая цинически, у неприспособленного к жизни среди людей Йолленгела тогда попросту не было другого выхода, кроме как выкупить Эйриха.

Эльф оказался способным учеником, тем более что он уже успел немало нахвататься самостоятельно; тем не менее, эти занятия отнимали много времени, и, таким образом, двое других членов компании автоматически должны были довольствоваться обществом друг друга. Элина, наконец, рассказала Редриху подробности своего путешествия.

– Знаете, – доверительно сообщила она ему под конец, – теперь все это выглядит не так, как думалось тогда, в Тарвилоне... Больше всего меня угнетает, что я чуть не загнулся от пустяковой раны. (Ее мужской род по-прежнему резал Редриху ухо.) Ни одному самому знаменитому герою не удавалось избежать ран. Берторон Железный, даже пораженный в сердце, успел зарубить двоих врагов, прежде чем испустил дух. Карлунг Карнуальд, когда ему отрубили правую руку, поднял меч левой и продолжал сражаться. Король Тедораух, пронзенный копьем насквозь, сумел уйти от погони и добраться до своего лагеря. Да и мой отец был ранен не единожды, и пару раз – весьма серьезно. А я? По сути, просто глубокая царапина, а переносил ее так, словно мне кишки выпустили.

– Если бы кишки – было бы гораздо хуже, – заметил Редрих.

– Вот это-то меня и смущает, – кивнула Элина. – Что же будет, если меня ранят по-настоящему? Неужели я не готов к серьезным испытаниям? – графиня и сама не знала, почему делится с Редрихом этими сокровенными страхами. Во всяком случае, Эйриху она бы точно постеснялась сделать такое признание, а Йолленгел... он не боец, ему не понять. Но, едва слова сорвались с ее губ, Элина подумала, что произносить их не стоило. – А вам доводилось получать раны? – поспешила она отвести разговор от своей персоны.

– Пока нет, – ответил герцог, – но я сжимал в кулаке раскаленный уголь, чтобы проверить свою выдержку.

Хотел Редрих нанести удар или нет, но он это сделал.

– Ну и сколько вы продержались? – поинтересовалась Элина равнодушным тоном.

– Секунд шесть, – Редрих умолчал, однако, о том, что бросил бы уголь раньше, но от боли его мышцы свело судорогой, и он не мог разжать пальцы. Лишь со всей силы ударив рукой о ствол дерева, он сумел освободиться от угля.

– Не слишком разумная идея – уродовать собственную руку, – перешла в наступление Элина. – Воину нужны обе руки.

– Мне было тогда только тринадцать, – не стал спорить Редрих. – Но мой учитель тоже это не одобрил. Он сказал: «Не причиняй вред себе – не делай за врагов их работу. Тренировки должны укреплять тело, а не ослаблять его.»

– Очень глубокомысленное замечание, – усмехнулась Элина.

– Он был практик, а не философ, – ответил Редрих уязвленным тоном. – Он владел такими видами оружия, о которых вы даже не слышали.

– Например? – заинтересовалась Элина, отбросив пикировку.

Разговор перешел на оружие, тактику индивидуального и группового боя и тому подобные темы. Однако история с углем засела в сознании Элины. Сколько она ни говорила себе, что глупо соревноваться в доблести с тринадцатилетним мальчишкой, брошенный ей вольно или невольно вызов раздражал ее, словно камушек в башмаке.

Поздним вечером того дня графиня выскользнула из палатки, где они ночевали вчетвером, и опустилась на колени возле остатков костра. В этой скудной на растительность местности топливо было проблемой, и костры использовали только для приготовления пищи, а не для обогрева – хотя ночи были холодными, и порою поутру на песке блестел иней. Тонкие ветки местного кустарника прогорали полностью, не оставляя углей. Однако на краю кострища Элине удалось отыскать дотлевающую веточку.

Она, разумеется, не подвергала сомнению собственные слова относительно полезности обеих рук и не собиралась жечь ладонь. Вместо этого она засучила левый рукав и наметила точку где-то посередине внутренней стороны предплечья. Поболтав веткой в воздухе, чтобы заставить красный огонек на конце разгореться ярче, Элина на всякий случай полностью выдохнула, чтобы лишить себя возможности закричать, и резким движением...

Боль пронзила ее руку, быстро распространившись, как ей показалось, от запястья до локтя. Не было никакого ощущения температуры – только боль, острая боль в невыносимо чистом виде. Элина судорожно сжала зубы, из глаз брызнули слезы. Титаническим усилием она удерживала руки в прежнем положении, не позволяя им отбросить ветку. «Раз-два-три-четыре-пять...» Ей

казалось, что она правильно считает секунды, но на самом деле цифры сменялись в ее сознании вдвое быстрее. Осознание этого мелькнуло на цифре «семь», и она заставила себя продолжать. «...девять-десять-одиннадцать-двенадцать...»

На тринадцати судорожно прижимаемая к оголенной руке ветка сломалась, и тлеющий – на самом деле, уже почти погасший – кончик упал на песок. Элина упала на четвереньки, со всхлипом втягивая холодный ночной воздух. Слезы градом катились по лицу. Челюсти ныли. Но хуже всего, конечно, была боль на месте ожога, ставшая лишь чуть-чуть слабее после того, как исчезла ее первопричина. Элина вытащила из ножен меч и приложила пострадавшую руку к холодному металлу клинка. Стало легче, но не надолго...

Наконец, когда боль ослабла до такой степени, что графиня смогла стереть с лица страдальческое выражение вместе со слезами, она поднялась и нетвердой походкой двинулась к палатке. Она даже не взглянула на свою руку – все равно было слишком темно. Что она найдет там утром? Большой волдырь? Или, может быть, бурое пятно обуглившейся кожи?

Элина осторожно пробралась на свое место в палатке. Другие ее спутники уже спали, но обожженная рука долго не давала графине уснуть. У Эйриха наверняка имелось какое-нибудь полезное снадобье – Элина знала, что в тюрьме у него отобрали только деньги – но тогда пришлось бы объяснять, что случилось, ибо такой ожог попросту невозможно получить случайно.

Наконец уже заполночь сон все-таки взял верх над болью, но та не отпускала и во сне. Элине снилось что-то тягучее и неприятное; затем она вдруг услышала, что ее кто-то зовет. Ей показалось, что она проснулась, но на самом деле она все еще спала; однако образы сновидений куда-то исчезли, и остался лишь зовущий ее голос, а затем в темноте она увидела лицо Ральтивана Зендергаста. Он что-то говорил, и тихие голоса вторили ему; Элина и сама начала повторять его слова, и боль постепенно уменьшалась, уходила, таяла...

Наутро, когда Эйрих, обыкновенно просыпавшийся раньше всех, разбудил ее, от сновидения остались лишь самые смутные воспоминания. Зато вчерашняя сцена у кострища вспомнилась очень отчетливо. Элина мысленно сжалась, готовясь к возвращению боли... и ничего не произошло. Она опасливо потрогала свою руку сквозь рукав. Боли не было.

Лагерь меж тем готовился к новому дню пути. Караванщики гортанно перекликались, верблюды нехотя распрямляли ноги, поднимаясь с холодной земли и позвякивая упряжью, охранники и путешественники выбирались из своих палаток, с хрустом потягивались со сна, распутывали ноги фыркавших паром лошадей, некоторые разминались с оружием, и их сабли весело сверкали на

солнце. Элина посмотрела на них завистливо, а затем, отвернувшись спиной к палаткам, засучила рукав.

От вчерашнего ожога осталось лишь несколько чешуек мертвой шелушащейся кожи. Под ними была молодая розовая кожица.

Выходит, то, что привиделось ей ночью, не было сном. Через все эти сотни и тысячи миль славный старый Ральтиван услышал ее боль и помог ей. Но если ему это оказалось под силу, почему он ничего не сделал для нее раньше, когда она валялась в бреду на полу караван-сарая?

– Любуетесь пейзажем? – раздался рядом голос Редриха.

Элина поспешно одернула рукав.

– Было бы чем любоваться, – ответила она.

– В пустыне есть своя прелесть, – не согласился Редрих.

– Это еще не пустыня, – сзади к ним подошел Эйрих. – Настоящая пустыня будет дальше. Барханы, словно застывшие волны, до самого горизонта... Нет, вы только посмотрите, как он держит саблю! Вон тот, в синем тюрбане. Он, должно быть, возомнил, что с него пишут картину. Пока он так красиво замахивается, я бы уже десять раз проткнул его прямым колющим.

– А что, Эйрих, не показать ли нам этим желтолицым, как надо обращаться с оружием? – предложил герцог.

– Отчего бы и нет, – Эйрих обнажил меч.

Они отошли чуть поодаль и скрестили клинки. Поединок двух белых на нетипичных для этих мест прямых мечах сразу привлек внимание нескольких зрителей – тем паче что мастерство фехтовальщиков заметно было даже неискушенному глазу.

– Издеваетесь, да? – обиженно пробурчала Элина, отвернулась и пошла укладывать палатку. Это был совсем не тот эффект, на который рассчитывал Редрих; его взгляд на мгновение растеряно скользнул за девушкой, и тут же клинок Эйриха уперся ему в грудь. Послышались одобрительные возгласы караванщиков.

– Хотите реванша? – осведомился Эйрих.

Герцог молча качнул головой. Конечно же, он хотел реванша. Но не в каком-то потешном бое на мечах.

Неделю спустя шедший на северо-восток караван покинул пределы полуострова и эмирата, вступив на земли Тагратского султаната. Большая часть крупных и богатых городов этой страны, включая столицу, находилась на севере, за хребтами Тагратского нагорья; южные же территории почти сплошь представляли из себя пустыню. Тем не менее, именно здесь проходил старинный

караванный маршрут, кратчайшим путем связывавший Средний Восток с княжествами Кундийского полуострова. Существовал, конечно, и северный путь, которым обычно пользовались сами тагратцы. Некоторые торговцы и путешественники предпочитали переходу через пустыню плавание по океану, однако такое предприятие было более опасным. И в Срединном море кораблям грозили пираты и непогода, но тамошние воды бороздили целые военные флотилии, сильные бури были редкостью, а вдоль северного побережья располагалось немало портов. В этих же диких водах ничто не могло помешать пиратскому промыслу, а свирепые океанские штормы разбили немало злосчастных судов о пустынный, безжизненный берег, где даже выжившие в кораблекрушении вскоре погибали от жажды.

День, когда караван пересек тагратскую границу и повернул на восток, Элина отметила окончательным возвращением в строй. Свои тренировки с мечом она возобновила еще накануне, с неудовольствием отметив, как быстро утрачивается виртуозность без регулярных упражнений, а в этот день представила свои таланты караван-баши и была причислена к числу охранников. Для водителя каравана это не было неожиданностью – он знал, что первую часть пути этот юноша ехал в качестве простого попутчика лишь потому, что не до конца оправился от раны. Таким образом, теперь для одного лишь эльфа путешествие означало расходы; прочие, напротив, зарабатывали жалование – пусть и не слишком большое – которое должны были получить в конце пути. Любопытно, что Йолленгел на сей раз не пытался подработать концертами – то ли все еще скорбел по своей флейте, то ли не хотел лишний раз привлекать к себе внимание, то ли просто не рассчитывал на успех у людей Среднего Востока, чья заунывная музыка сильно отличалась и от эльфийской, и от западной.

Вокруг простиралась пустыня – та самая, о которой говорил Эйрих. Поначалу бесконечные волны барханов – розово-коричневых на рассвете, ярко-кремовых в полдень, нежно-золотых на закате – показались Элине красивыми и величественными, но вскоре однообразие пустыни начало действовать угнетающе. Она могла часами смотреть на море, стоя на палубе корабля, но море было вечно подвижным и непостоянным, как сама жизнь; в застывшем же спокойствии пустыни ощущалось величие смерти. Караван-баши, однако, уверенно вел своих подопечных среди этих безжизненных песчаных холмов, одному ему ведомым способом находя путь от колодца к колодцу, от оазиса к оазису, так что все эти десятки людей и животных посреди бескрайней пустыни не страдали от жажды и голода, хотя припасы в наполненных бурдюках и сумках и приходилось экономить.

– Никак не привыкну к восточным масштабам, – пожаловалась Элина ехавшему, как обычно, рядом Редриху. – Который день уже ничего, кроме барханов. Кажется, одна эта пустыня больше, чем все королевства Запада.

– Это недалеко от истины, – ответил тот. – По этим пескам мы уже проделали вдвое больший путь, чем от западного побережья Столенхейма до границы с луситами. А общий путь каравана от Харбада до Фаррака раза в полтора длиннее, чем дорога через все западные земли в самой широкой их части.

– Подумать только, а из Роллендаля кажется, что мы живем в центре мира. А мы всего лишь притулились где-то на окраине...

– Да, даже западные карты серьезно искажают масштаб не в пользу востока.

– Но все равно Запад – это авангард человечества. Пусть по сравнению с Востоком нас мало и страны наши невелики, но именно мы движем вперед цивилизацию.

– Сам я прежде не забирался так далеко, – пожал плечами Редрих, – но мой учитель рассказывал, что на Востоке есть страны не только во много раз больше, но и во много раз древнее западных королевств. Говорят, там еще сохранились воспоминания об эпохе, когда магия была не *уже*, а *еще* слаба...

– Разве такое было? – удивилась Элина.

– Ну не совсем. Не так, как сейчас. Магические силы наполняли мир, но люди еще только учились их использовать. Это уже потом наши маги овладели знанием и подчинили себе не только своих сородичей, но и другие виды, владевшие магией от природы, но не обладавшие человеческой способностью к развитию...

– Значит, власть принадлежала магам не всегда, и на каком-то этапе они просто захватили ее? Захватили и переделали мир по своему усмотрению?

– Очевидно.

– Странно. Один из основных принципов магов – это баланс. Сохранение равновесия. Они боятся его нарушать даже сейчас, когда от их силы практически ничего не осталось. И тут вдруг – переделка всего мира! Одна мысль о таком должна была бы вывести из себя Зендергаста. Странно, что он мне ничего об этом не рассказывал.

– Зендергаст? Ах, да. Помню, – герцог нахмурился. Как видно, ему тяжелы были воспоминания о времени славы и силы его отца. – Может быть, современные маги уже и сами утратили знания о той эпохе. Ведь это было так давно. Невозможно даже назвать точное число тысячелетий.

– А откуда об этом знал ваш учитель?

– Он не говорил.

– Слушайте, Редрих, – воскликнула вдруг Элина, осененная идеей, – а может быть, магия потому и иссякла в мире, что чародеи во времена своего владычества пользовались ею слишком активно? Может, они ее просто израсходовали?

– Вы меня спрашиваете? – усмехнулся герцог.

В это время в голове каравана возникло какое-то оживление. Элина посмотрела вперед и увидела скакавших навстречу всадников – это возвращался головной дозор. Особой спешки, впрочем, заметно не было, так что вряд ли они обнаружили засаду или что-то вроде. Познания Элины в восточном языке оставались крайне скудными (у Редриха с этим обстояло получше), и она не могла понять доносившиеся голоса, различив лишь прозвучавшее несколько раз слово «шамкумат». Редрих, по всей видимости, тоже не мог прояснить, в чем дело. Элина тронула каблуками бока коня, подъезжая к Эйриху. Караван меж тем начал заворачивать вправо.

– Впереди Шем-Кумату, – пояснил Эйрих. – В эпоху магов это был великий город, столица обширной провинции. Потом на эти земли пришла пустыня. Жители Шем-Кумату очень долго сопротивлялись неизбежному, строили стены для защиты от ветра и песка, рыли глубокие колодцы. Многие уезжали, но гораздо больше было тех, кто не захотел бросать свои дома и нажитое поколениями добро. Когда же они, наконец, поняли, что тысячи людей не смогут выжить в пустыне, было уже слишком поздно. Последние колодцы пересохли слишком быстро, чтобы горожане успели подготовиться к массовому исходу и сделать необходимые запасы. Лишь единицы добрались до более приветливых земель. Остальные погибли во время перехода через пустыню или в самом городе – их были десятки, а по некоторым легендам, даже и сотни тысяч. С тех пор мертвый город считается самым зловещим символом Тагратской пустыни. Караваны обходят его стороной. Легенды говорят, что Шем-Кумату населен призраками, хотя, конечно, в наше время это чепуха.

– Почему бы нам не съездить взглянуть на него? – в глазах Элины горело ее вечное любопытство.

– Караваны не зря огибают Шем-Кумату, – покачал головой Эйрих. – Дело здесь не только в старых суевериях. В развалинах вполне могут находить приют разбойники. Да и смотреть там особенно не на что – бóльшая часть города уже поглощена песком.

Караван-баши, как видно, тоже опасался не столько призраков, сколько грабителей, поэтому прикрыл караван с севера усиленными фланговыми дозорами, а прочим охранникам было приказано повысить бдительность. Ничего, однако, не произошло. Караван обошел мертвый город далеко с юга и вернулся на прежний путь.

С разбойниками путешественники встретились четыре дня спустя. Вечером на юго-западе на гребне высокого бархана показался одинокий всадник. Он был достаточно далеко, и солнце, еще почти не утратившее дневной яркости, горело практически над его головой, а сторона бархана, куда должна была упасть его тень, сама уже была в тени, так что заметить его было непросто – однако он не укрылся от зоркого внимания Эйриха и еще нескольких охранников, которые сразу подняли тревогу. Охранники не стали делать вид, что не замечают опасности; напротив, они принялись носиться взад и вперед вдоль каравана с визгливыми воинственными криками, сверкая на солнце обнаженными саблями. Вражеский дозорный понял, что скрытное наблюдение не удалось; тогда на гребень, уже не таясь, выехало еще несколько его товарищей. Некоторое время они совещались, решая, стоит ли нападать; такой большой караван сулил богатую добычу, но и охрана была слишком уж многочисленной. В конечном счете они развернулись и скрылись за барханом; как видно, демонстрация защитников каравана оказалась убедительной. Караван-баши, однако, не удовлетворился этим и послал нескольких разведчиков на наиболее быстроногих лошадях удостовериться, что разбойники действительно ушли, а заодно и попытаться определить, сколько их было. Разведчики благополучно вернулись и доложили, что бандитов поблизости и впрямь больше нет, численность же банды, судя по следам, составляла около четырех десятков человек – не так уж и мало.

В эту ночь вокруг лагеря были выставлены усиленные посты. Элине и Эйриху тоже выпало дежурить. Редрих предложил Эйриху заменить его, но тот ответил с легкой усмешкой: «Благодарю вас, но в этом нет нужды. У меня все равно бессонница. В моем возрасте такое бывает, знаете ли.»

Ночь прошла спокойно, и утром караван продолжил свой путь. Еще через два дня, однако, головной дозор обнаружил останки тех, кому повезло гораздо меньше.

Побоище, судя по всему, произошло около двух недель назад. Злосчастный караван, шедший, очевидно, на запад, был меньше и хуже охранялся. Песок уже частично присыпал трупы защитников и убитых шальными стрелами животных (в основном лошадей, хотя были здесь и четыре верблюда – трех из них явно добили саблями). Наверняка в бою гибли и разбойники, но своих победители, как видно, похоронили. Кое-где валялись выпотрошенные мешки, разорванные в спешке тонкие дорогие ткани, раскиданная походная утварь, сломанные клинки и луки. В сухом и холодном воздухе зимней пустыни мертвые тела не столько гнили, сколько усыхали, но все равно картину являли достаточно неприглядную. Элина из принципа заставила себя смотреть, однако, когда караван-баши велел охранникам закопать убитых, не стала в этом участвовать. Редрих тоже счел это

ниже своего герцогского достоинства, а Эйрих, которому было, в общем-то, все равно, проявил солидарность с товарищами. На них косо посмотрели, но ничего не сказали. Они были белыми – что им до мертвецов чужой расы?

Всего покойников оказалось 36; больше половины из них были воинами, десяток – погонщиками верблюдов и пятеро, по всей видимости – торговцами или просто путешественниками. Среди последних была и молодая женщина в дорогой одежде; фаланги ее пальцев обнимали рукоять вонзенного в грудь кинжала. Она предпочла не попадать в руки бандитов живой. Но среди участников каравана были, несомненно, и те, кто сделал иной выбор; их дальнейшая судьба была очевидной – уплата выкупа или продажа в рабство.

Еще одиннадцать дней Элина и ее спутники ехали по пустыне, прежде чем барханы сменились обычной каменистой почвой. На двенадцатый день караван вышел, наконец, к стенам крепости Урдук. Эта небольшая в общем-то крепость была примечательная тем, что здесь сходились южный и северный караванные пути, и отсюда уходила дорога дальше на юг, к Фарраку, стоявшему на морском берегу. Впервые за много дней путешественники смогли переночевать не в палатках под открытым небом, а под надежной крышей караван-сарая.

Последние два дня пути были самыми легкими; дорога была хорошей, местность – населенной и безопасной, солнце светило по-весеннему ярко, но до изнуряющей жары – бедствия этих мест – было еще далеко, и, главное, близость цели вдохновляла не только людей, но, кажется, и животных. Четверо спутников уже почти неделю как ехали вместе – эльф в достаточной мере усвоил тарвилонский, чтобы поддерживать разговор, и теперь оттачивал свои навыки. Вот только Редрих не особенно разделял хорошее настроение остальных; им вновь овладело несносное чувство – ощущение себя лишним. Ему было хорошо в пустыне, когда он день за днем ехал рядом с Элиной, и она разговаривала с ним одним; так хорошо, что он впервые за многие годы выкинул из головы все беспокойства, обиды и опасности и просто ехал, отдавшись этому чувству; но теперь, оглядываясь назад, он корил себя за бездарно потраченное время, за то, что они по большей части болтали о пустяках, вместо того чтобы поговорить о серьезном; о чем серьезном, впрочем, он и сам толком не знал. Он уже жалел, что разбойники тогда не напали на них; ему представлялось, как он сражается плечом к плечу с Элиной, как тогда, в Роллендале; как убивает одного, второго, третьего врага; как бандиты сбивают графиню с коня и набрасываются на нее, но он с окровавленным мечом устремляется в атаку и спасает Элину от неминуемой смерти – или от участи, еще худшей, чем смерть. Мечтать об этом было приятно – куда приятнее, чем наблюдать реальность, в которой графиня весело болтала с Йолленгелом и Эйрихом, не удостаивая и взгляда того, с кем она вполне

наговорилась за прошлые дни – и ему даже не приходила в голову простая мысль, что он желает ей беды, только чтобы иметь шанс продемонстрировать ей же его собственную доблесть.

Наконец караван вошел в ворота Фаррака. Портовый город во многом напоминал Харбад – разве что женщины на улицах не прятались под уродливыми глухими балахонами, хотя и прикрывали лица тонкой кисеей. На широком дворе караван-сарая путники, делившие трудности и опасности нелегкого перехода, расстались. Торговцев ждал их бизнес, присоединившиеся путешественники отправились по своим делам, охранники, получив свой гонорар, разошлись по питейным и увеселительным заведениям, а Элина и ее спутники поехали прямиком в порт. Проделать последнюю часть пути до Дулпура морем было идеей Эйриха; графиня сперва воспротивилась, но после насмешливой фразы Эйриха «вы что же, отныне дали обет избегать любых водоемов шире пруда?» пошла на попятный. Действительно, расстояние от Фаррака до Дулпура по прямой составляло, как уже упоминал Эйрих, без малого четыреста миль – не так уж мало для суши (тем паче что дорога была бы не прямой), однако быстроходный корабль при хорошем ветре покрывал этот путь за неполные двое суток.

Наиболее популярными судами, курсировавшими между двумя городами, были скоростные галеры под двумя или тремя косыми треугольными парусами, позволявшими уверенно идти круто к ветру, даже не применяя весел. Благодаря своим ходовым качествам такие корабли часто использовались пиратами; соответственно и честные мореплаватели, совершавшие не слишком длинные рейсы, руководствовались принципом «лечить подобное подобным» и выбирали этот тип судна. Пираты обычно просто не могли угнаться за такой добычей. Оборотной стороной была относительно малая вместимость и сомнительная надежность в шторм.

Эйрих практически сразу отыскал в порту галеру, этим же вечером уходившую в Дулпур. Здесь не было особого везения – морское сообщение между Дулпуром и Фарраком было весьма оживленным, в отличие от редких кораблей между Фарраком и портами Срединного моря. Эйрих некоторое время торговался с капитаном и в конце концов назвал своим спутникам сумму. Сумма была немаленькой, и Элина выразила свое неудовольствие.

– Он говорит, что это доплата за скорость, – перевел Эйрих. – Послезавтра еще до полудня мы будем на месте.

– Это, конечно, здорово, но мы теперь не так богаты, как в Эль-Хасаре, – напомнила Элина.

– А у меня вообще уже ничего нет, – виновато добавил эльф.

– Ничего, я расплачусь, – щедро предложил Редрих. Элина взглянула на него с удивлением, но ничего не сказала. Йолленгел выразил свою благодарность и пообещал отдать при первой возможности. Эйрих собрался было хмыкнуть на это, но вспомнил Эль-Хасар и воздержался.

Они в очередной раз отправились продавать лошадей, а когда вернулись, на галеру как раз загружали новый груз. Человек, руководивший процессом, покрикивал на рабочих на их родном языке и одет был на восточный манер, однако черты его лица, хоть и смуглого, выдавали принадлежность к западной расе. Ему было лет тридцать пять, он был худощав, остронос, носил тонкие усики и щегольскую узкую бородку. Элина, конечно, помнила Фандертольда, но упустить шанс перемолвиться с возможным соотечественником не могла.

– Вы говорите по-тарвилонски, сударь? – спросила она, подходя к нему.

– Отчасти, – ответил тот, оборачиваясь. – Рад встрече, сударь. Бертало Ингрильо, негоциант из Варсалии, к вашим услугам.

– Взаимно. Эрвард Эльбертин из Тарвилона. Вы давно с Запада?

– Я-то здесь больше года, а вот новый товар прибыл с караваном только сегодня. Но, однако, никаких интересных вестей из наших краев я с ним не получил, если вас это интересует. Может быть, вам известны какие-то новости? Хотя, конечно, трудно назвать новостями то, что происходило несколько месяцев назад...

– Нет, тоже ничего особенного, – осторожно ответила Элина. – Должно быть, это был тот самый караван, с которым мы ехали.

– Вы здесь тоже по торговым делам? – осведомился Ингрильо явно из вежливости, учитывая юный возраст собеседника.

– Нет, я просто путешествую.

– А ваши друзья? (Элина отметила про себя наблюдательность купца – ее спутники стояли поодаль, а когда они все вчетвером подходили к причалу, Ингрильо, казалось, был поглощен исключительно погрузкой.)

– Они тоже путешествуют, – она подозвала остальных, чувствуя, что иное будет просто неучтивым. Однако ей-таки пришлось ощутить неловкость, когда она подумала, как их представить. Просто «Эйрих, Редрих и Йолленгел», без фамилий и стран, звучало странно, если не подозрительно; однако у Эйриха с его загадочным прошлым фамилии не было, у Йолленгела, как уже было известно новоиспеченной специалистке по эльфам, тоже, а фамилия «Урмаранд» была слишком громкой и вполне могла быть известна варсалийцу. Поэтому, прежде чем ее спутники успели открыть рот, она объявила Эйриха своим отцом, а Редриха – братом. Эйрих взглянул на нее одобрительно. Эльф был назван просто «наш друг Йолленгел».

– Вы ведь не тарвилонец? – сразу уточнил у последнего наблюдательный Ингрильо.

– Йолленгел – наполовину лусит, – поспешно сказал Эйрих. Западному купцу не имело смысла повторять сказку про Столенхейм, а вот луситы оставались народом, о котором большинство жителей Запада, даже и торговцы, знали очень мало.

– Ах вот что, – кивнул Ингрильо. – Да, я слышал, что у этого народа необычные имена. (Варсалийца подмывало спросить, верно ли, что луситы приносят человеческие жертвы, но он, разумеется, счел такой вопрос бестактным.)

Соотечественники – или хотя бы люди одной расы – встретившись где-нибудь на чужбине, вдали от себе подобных, обычно быстро сходятся, и вскоре Элина и ее спутники уже многое знали о купце. Кстати, по-тарвилонски он говорил не отчасти, а весьма неплохо – торговцы, ведущие бизнес с разными странами, часто полиглоты. Он прибыл в эти края осваивать рынок, практически не тронутый его западными коллегами, и за год с лишним довольно неплохо развернулся в Фарраке, благоразумно войдя в долю с несколькими местными купцами; теперь же он решил расширять свое предприятие, продвигаясь дальше на восток, и рассчитывал заручиться поддержкой раджи Дулпура, лично представив ему свои товары. Трудно сказать, поверил ли Ингрильо, в свою очередь, словам своих новых знакомых о том, что они просто путешествуют, ибо «жизнь всего одна, и надо же когда-то посмотреть мир» – но если и не поверил, то, во всяком случае, не подал вида.

Разговор этот происходил сначала на причале, потом на палубе галеры, а потом уставшие за день путешественники разошлись по каютам. Элина видела в иллюминатор, как галера отчаливает от пирса, но уже не стала подниматься на палубу и вскоре уснула.

Проснувшись рано утром, графиня, разумеется, захотела подышать свежим морским воздухом. Ее иллюминатор выходил на север, и солнца не было видно, но оно, похоже, еще только поднималось из-за горизонта. Застегнув поплотнее куртку – по утрам по-прежнему было холодно – Элина вышла в коридор, а оттуда по приятно поскрипывавшей лестнице поднялась на ют. Зрелище, открывшееся ей здесь, заставило ее сразу забыть о красотах утренней зари.

Сначала до ее слуха донеслись какие-то ритмичные удары; она, впрочем, еще успела взглянуть на пылающее оранжевым солнце, до пояса высунувшееся из воды, но потом все же оглянулась в сторону источника звука и увидела палубу.

Вдоль обоих бортов сидели люди, по три на каждом весле. Они синхронно сгибались и разгибались в такт размеренным ударам колотушек барабанщика, который стоял у самого основания кормовой надстройки. Было видно, как

напрягаются и перекатываются под кожей их мускулы – ибо, несмотря на холод, гребцы были обнажены по пояс, или, в лучшем случае, в рваных рубахах. Однако не похоже было, чтобы они страдали от холода – на спинах тех, что сидели ближе к корме, Элина различила блестящие ручейки пота. Куда заметнее, впрочем, были старые и свежие рубцы, покрывавшие эти спины. Правое запястье каждого было прикована короткой цепью к веслу; тяжелые кандалы сковывали также их ноги, проходя через вмурованные в палубу кольца. По проходу между гребцами лениво прогуливался надсмотрщик; это не был здоровый амбал с бычьей шеей, какими обычно изображают людей его профессии – напротив, он был невысокого роста, однако жилист и коренаст; за ним волочился длинный, почти десятифутовый кнут. Время от времени надсмотрщик замедлял шаг и обрушивал внезапный хлесткий удар на спину одного из гребцов – при этом, как правило, доставалось и соседям несчастного. При этом надсмотрщик всегда подгадывал удар так, чтобы тот совпадал с ударом барабана и не сбивал с ритма.

Элина смотрела на это, вцепившись в деревянные перила резной балюстрады, отделявшей кормовую надстройку от палубы. Она насчитала 40 весел – 20 с каждого борта – стало быть, всего гребцов было 120 человек.

Кто-то подошел к ней. Элина обернулась и увидела Эйриха.

– Похоже, день будет погожий, – сказал он.

– Эти люди – преступники? – требовательно спросила Элина.

– Какие? Ах, эти... Нет, просто рабы.

– Вы что же, хотите сказать, что всякий человек, кому выпало несчастье попасть в рабство, может оказаться в таком вот положении?

– Не всякий. Только физически сильный. Впрочем, даже и сильные редко выживают на галерах больше четырех-пяти лет.

– Но... это же чудовищно, так обращаться с людьми!

– Эрвард, большинство гребных судов, курсирующих вдоль южного побережья Великого континента, приводится в движение именно таким образом. Вы разве этого не знали?

Элина не знала. Даже на «Иль-бадияр» такого не было – бóльшую часть времени галера Саберро шла под парусами, а в критические моменты, когда все же нужно было грести, пираты сами садились на весла. Впрочем, отнюдь не все пиратские капитаны исповедовали тот же принцип; однако Саберро полагал, что в те минуты, когда скорость решает все, нельзя доверять столь ответственное дело врагам, пусть даже и закованным в цепи. К тому же он помнил начало собственной морской карьеры и понимал, что порой и цепи не спасают от бунта.

Однако то, чего – пусть и не по моральным, а по практическим соображениям – избегал свирепый пират, охотно практиковалось законопослушными восточными капитанами.

В этот момент еще один пассажир показался на юте, а потом спустился на палубу. Это был молодой человек в богатой восточной одежде; на пальцах его левой руки сверкало аж три золотых перстня, и надо лбом, среди белых лент чалмы, зеленел крупный изумруд в золотой оправе. Его лицо было красиво – насколько вообще западный глаз способен оценить красоту представителя восточной расы; на какой-то момент Элина невольно залюбовалась им. Он подошел к барабанщику и что-то сказал ему. Барабанщик ответил – почтительно, но, как поняла графиня, отказом. Тогда молодой человек, презрительно скривив губы, сунул руку в карман, извлек несколько монет и небрежно ссыпал их в широкий карман холщовых штанов барабанщика. На сей раз тот угодливо кивнул и громко и протяжно что-то выкрикнул. Элина явственно услышала, как некоторые гребцы застонали. У них были для этого все основания, ибо темп барабана сразу возрос раза в полтора. Не все смогли сразу включиться в новый ритм, и кнут активно загулял по спинам.

Элина почувствовала, как ее рука тискает рукоять меча.

– Эрвард, держите себя в руках, – тихо посоветовал Эйрих.

– Я не собираюсь драться, – ответила графиня. – Я понимаю, что ничего не могу изменить. Но какой мерзавец этот тип!

– Почему мерзавец? Он в своем праве. В конце концов, вы ведь тоже заплатили за скорость этой галеры.

Элина почувствовала, как краска заливает ей лицо.

– Я не знал, – пробормотала она.

– Вы не знали, что галера – это гребное судно? А на какие деньги вы живете, вы знаете? Не здесь и сейчас, а дома, в Тарвилоне? На какие деньги существует аристократия?

– На доходы с имений...

– А откуда они берутся? Падают с неба? Или все-таки создаются трудом крестьян? Да, их не заковывают в цепи и не бьют кнутом – по крайней мере, на Западе. Но их участь не намного легче. Тяжелый физический труд на протяжении всей жизни, чтобы прокормить не только себя, но и дворянина, вся заслуга которого в том, что кто-то из его предков объявил эти земли своей собственностью.

– Во всяком случае, мой отец 12 лет обходился без всяких доходов с имений. Да и сейчас получает деньги от государства...

– Куда они поступают в виде налогов с податных сословий – тех самых крестьян и горожан. А что до того времени, когда он был наемником, то вряд ли этим сословиям шло на пользу, когда он приходил на их земли с мечом. Не думаете же вы, в самом деле, что наемники воюют ради добра и справедливости, а не ради алчных амбиций какого-нибудь правителя, который желает во что бы то ни стало округлить свои владения?

Элина лихорадочно искала ответ – и не находила.

– А вы-то кто такой? – перешла она в наступление. – Вы чем зарабатываете на жизнь? Вы явно не хлебопашец. Я видел, как вы обращаетесь с оружием. Какие у вас основания читать мне мораль?

– Эрвард, у меня и в мыслях не было читать мораль вам или кому-то еще. Я всего лишь объясняю вам, как устроен мир. Здесь все в своем праве – вы, ваш отец, капитан этой галеры или этот юноша, желающий поскорее попасть в Дулпур. И рабы будут правы, если взбунтуются и нападут на нас. И мы будем правы, если не позволим им этого сделать. Нет никакого добра и зла, это всего лишь красивые ярлыки, которыми люди прикрывают собственные интересы.

Элина ничего не ответила. Она молча вернулась в свою каюту и больше не выходила на палубу до самого конца путешествия.

Как и обещал капитан, в полдень следующего дня галера уже стояла в дулпурском порту. Элина сошла на берег вместе с другими пассажирами, все еще находясь в подавленном настроении, но ее любознательность взяла верх, и вскоре она уже с жадным интересом осматривалась по сторонам и расспрашивала Эйриха о Дулпуре.

Ингрильо остался в порту, ибо он должен был проследить за разгрузкой и доставкой товара, однако прежде, чем путешественники расстались, он порекомендовал Эйриху одну из гостиниц и описал дорогу. Прежде купец уже бывал в городе, проводя, так сказать, предварительную разведку.

Город Дулпур, столица одноименного княжества, лежал на северо-западе Кундийского полуострова. Несмотря на определенное сходство в архитектуре – местные зодчие тоже любили купола, арки и затейливую каменную резьбу – в остальном Дулпур совершенно не походил на города Среднего Востока. Прежде всего – благодаря своей природе: в противоположность уныло-пустынным ландшафтам Агабеи и Таграта, Дулпур, как и практически весь полуостров, утопал в зелени. Здесь никогда не знали проблем с водой: город стоял в устье великой реки Кунд, и даже в морском его порту вода была почти пресной и желто-мутной от речного ила. Жители города, несмотря на смуглость кожи, черные

волосы и не вполне привычные западному глазу мягкие овалы лиц, совершенно очевидно принадлежали не к восточной, а к западной расе.

– Удивительно, как этот народ занесло так далеко от наших краев, – сказала Элина.

– Это еще кого занесло, – усмехнулся Эйрих. – Вообще-то считается, что западная культура зародилась именно в этих местах. Много тысячелетий назад значительная часть кундийцев покинула свою родину и мигрировала чуть ли не через весь континент. Часть их осела на южном побережье, а остальные добрались до диких западных лесов, где, конечно, еще не было никаких королевств. Говорят, они предприняли это переселение на край мира, чтобы уйти из-под власти магов, в ту пору лишь набиравших силу. Но через несколько столетий маги добрались и до самых удаленных уголков земли.

Поскольку для Элины уже не было новостью существование домагического периода истории, она не слишком удивилась, но все же уточнила:

– И что же, в тех лесах тогда совсем не было людей?

– Были светловолосые дикари. Кундийцы принесли им культуру. Постепенно пришельцы смешались с аборигенами, и их языки и обычаи тоже смешались... но до сих пор в языках Запада можно отыскать кундийские черты.

Элина продолжала рассматривать местных жителей. Одежда мужчин напоминала средневосточную, разве что дулпурцы не носили длиннополых халатов, а на головы, напротив, накручивали чалмы большего объема. Но женщины выглядели совсем иначе, чем в эмиратах и султанатах. Здесь закон не предписывал им скрывать лицо и голову; они нередко украшали густые черные волосы цветами или блестящими безделушками. Их яркие просторные одежды выкраивались, по всей видимости, из большого одноцветного куска ткани. На запястьях и лодыжках многие из них носили браслеты, порою сразу несколько штук – кто золотые, кто – простые медные. На западный взгляд, многие дулпурки были полноваты, однако двигались с достоинством и плавной грацией.

На улицах можно было увидеть и ослов, и лошадей, однако вскоре глазам путешественников предстало куда более экзотичное транспортное средство. С соседней улицы, величественно ступая ногами-тумбами, вышел огромный серый зверь с ушами размером с одеяло, длинным хвостом вместо носа и торчащими изо рта желтоватыми рогами, загнутыми вверх. Бронзовокожий погонщик, сидевший на шее зверя, управлял им с помощью палки с шипом на конце; на спине исполина был укреплен целый балдахин, под которым восседали друг напротив друга, скрестив ноги, двое важных дулпурцев, о чем-то беседовавшие между собой.

Элине приходилось видеть изображения слонов в старинных книгах, но она полагала, что, подобно многим диковинным созданиям эпохи магов, эти животные

давно вымерли, если вообще когда-либо существовали – и теперь во все глаза рассматривала шествовавшего мимо великана. Впрочем, зверь был все же менее внушительным, чем ящер, на котором въехал в Роллендаль тургунайский посол. Эльф же, совершенно не подготовленный к подобному зрелищу, едва удержал вскрик ужаса и непроизвольно вцепился в локоть Элины.

– Йолленгел, вы оставите мне синяки, – со смехом вырывалась графиня, – неужели вы не видите, что это животное совсем ручное?

– И к тому же травоядное, – не упустил случая блеснуть эрудицией Редрих.

– Слоны не так уж безобидны, – охладил их веселость Эйрих. – Бывает, что слон взбесится от укуса ядовитого насекомого или просто из-за дурного обращения, и тогда, прежде чем его удастся убить, число погибших и покалеченных может составить десятки.

Словно соглашаясь со сказанным, слон вдруг приподнял хобот и коротко протрубил. На лице эльфа было крупными буквами написано, что он уж точно не останется жить в городе, где по улицам запросто расхаживает подобное.

Путешественники вышли на берег Кунда. Ширина реки в этих местах составляла не меньше мили – и притом это была даже не вся река, а лишь самый широкий из рукавов дельты. По маслянисто поблескивавшей бурой поверхности скользили многочисленные джонки. Вдали виднелись обломки могучих каменных столбов, редкой цепью поднимавшихся из воды; то были остатки моста, соединявшего северную и южную часть города в эпоху чародеев. С тех пор, как магия больше не приходила на помощь строителям, гигантский мост так и не был восстановлен, и постепенно южные районы Дулпура, несмотря на лодочное сообщение, обрели статус небогатого пригорода, часть бывших городских кварталов даже распахали под поля, а вся административная и коммерческая жизнь переместилась на северный берег, где некогда находился дворец наместника, а теперь – раджи, верховного правителя суверенного княжества.

– Кундийский полуостров, по сути, можно считать островом, – сообщил Эйрих. – Если бы мы все время двигались вдоль берега, то в конце концов вышли бы к океану с другой стороны, так и не встретив сухопутного участка для переправы на юг. Две великих реки – Кунд и Занг – отсекают полуостров от континента, беря начало из одного и того же горного озера Вишваримар, которое в эпоху магов считалось священным. Кундийцы до сих пор верят, что погружение в воды этого озера дарует очищение... хотя вряд ли оно способно даровать что-либо, кроме простуды.

Давая эти пояснения, Эйрих уверенно шествовал во главе маленького отряда – как видно, город был ему знаком. Свернув от гранитной набережной вверх, он поднялся по неширокой улице между резными каменными оградами, пересек

небольшую площадь, в центре которой располагался бассейн с рыбками и выложенным мозаикой дном, и остановился возле трехэтажного здания с портиком тонких колонн. Это и была гостиница, хозяин которой стремился удовлетворить почти любым вкусам, точнее, кошелькам: на первом этаже располагались роскошные номера для знати и богатых купцов, а на третьем – скромные и недорогие комнаты, где, в конечном счете, и расположились путешественники.

Когда с дежурными хлопотами было покончено, и путешественники расселись на диванах и плетеных креслах – пока что в одной комнате – Элина задала вопрос, который не раз омрачал ей настроение в последние дни, и который она до поры отгоняла:

– Итак, Эйрих, здесь мы с вами расстанемся?

– Посмотрим, – ответил тот, чуть улыбнувшись, – мне нужно уладить кое-какие дела, прежде чем строить дальнейшие планы.

– Вообще-то освобождение принца Вангейского не останется без награды, – заметила Элина, – и если вы будете в этом участвовать...

– Я сказал – посмотрим. Впрочем, если вы согласитесь подождать, пока я не решу интересующие меня вопросы... то почему бы и нет.

– Когда вы надеетесь их решить? – Элина почувствовала, что ее сердце забилось быстрее от радости.

– Если повезет, то уже сегодня. Немного отдохну и пойду. Компания мне не нужна, – предупредил он и поглядел со значением на Редриха.

«Не очень-то и хотелось», – подумал герцог. На самом деле ему очень даже хотелось узнать, что Эйрих будет делать в Дулпуре, но тот, похоже, прочитал его мысли. Пытаться следить за ним в этих условиях было неблагоразумно. Хотя самолюбие и подзуживало юношу, он уже успел понять, что Эйрих – не тот человек, за которым можно безнаказанно следить против его воли.

Эйрих действительно вскоре покинул гостиницу и вернулся лишь вечером, когда уже стемнело. Элина все это время вновь провела с эльфом, делая очередные записи; раздосадованный Редрих отправился гулять по городу, но на закате уже вновь был в гостинице.

– Все намного хуже, чем я предполагал, – сказал Эйрих в ответ на немой вопрос графини. – Не знаю, что здесь произошло за последние... впрочем, неважно. Важно, что я рассчитывал получить свои деньги, но не могу даже выйти на след нужных людей. Завтра продолжу поиски.

– Ингрильо заходил, – сообщила Элина. – Завтра он идет представляться радже, я попросил, чтобы он и нас взял с собой.

– Ну, мне это не слишком интересно, а вы, конечно, сходите.

– Можно подумать, вы каждый день бываете при дворе! – возмутилась графиня.

– Можно подумать, вы никогда не бывали при дворе, – хмыкнул Эйрих.

– Тарвилон – не Дулпур. И вообще, Эйрих... – Элина посмотрела на него просительно. – Из нас четверых только вы знаете местный язык.

– С этого надо было начинать. Ну ладно, будем считать, что вы меня уговорили. Мои поиски могут несколько обождать.

Утром они отправились во дворец в компании Ингрильо, троих его подручных (двое фарракцев и один местный уроженец, некоторое время живший в Фарраке) и десятка воинов, присланных раджой в качестве эскорта. Мера была не лишней, ибо варсалиец вез дорогие подарки владыке. Разумеется, Ингрильо взял с собой лишь подарки, а не все доставленные на галере товары, поэтому для перевозки хватало одной, хотя и серьезно нагруженной, лошади. На второй купец ехал сам. Поскольку Элина и ее товарищи не успели обзавестись конями, им пришлось идти пешком, как и прочим спутникам негоцианта – что создало некоторое ощущение неловкости, однако Ингрильо решил, что ему все же не следует ронять свое достоинство перед местными и спешиваться.

Элина с интересом разглядывала дулпурских воинов. Они не очень-то походили на готовых к битве солдат: у них были мечи на поясе и небольшие круглые щиты на левой руке, но в остальном они были одеты как обычные горожане, разве что чуть более пышно и разноцветно; никаких кольчуг и панцирей, вместо шлема – голубая чалма. Необычнее всего, пожалуй, были их мечи. Прямой клинок в форме вытянутого равнобедренного треугольника у основания переходил в раструб конусообразной гарды. Как объяснил Элине Эйрих, рукоятка внутри этого раструба размещалась перпендикулярно клинку, то есть была поперечной – что означало технику боя, заметно отличную и от западной, и от средневосточной, с их традиционной манерой держать меч. При этом конус гарды защищал руку почти до середины предплечья.

Ингрильо спросил у своих новых товарищей, могут ли они чем-нибудь «заинтересовать» раджу. Взяв своих почти-соотечественников во дворец, негоциант, что вполне естественно, был не вполне бескорыстен – он надеялся, что они помогут ему предстать перед правителем в еще более выгодном свете.

– Ну, например, показательный бой с его стражниками, – предложила Элина, которой не терпелось узнать, каковы странные кундийские мечи в деле.

– Нет! – испуганно воскликнул варсалиец, – во дворце нельзя обнажать оружие – никому, кроме телохранителей. Да и вообще, нынешний раджа не любит насилия, даже ненастоящего.

– Тогда, возможно, он любит музыку? – предположила графиня. Эльф кинул на нее испуганный взгляд.

– О да, раджа Бхаваганан – ценитель и покровитель искусства! А кто из вас музыкант? Во дворце, наверное, найдется подходящий инструмент...

– Эрвард! – умоляюще прошептал Йолленгел.

– Надеюсь, – продолжила Элина, успокаивающе пожимая эльфу руку, – его любовь и покровительство не простираются настолько далеко, что он оставляет музыкантов при дворе против их воли?

– Что вы, как можно. Бхаваганан – гуманный и просвещенный правитель. Он даже отменил в Дулпуре смертную казнь, хотя, – купец понизил голос, – лично я сильно сомневаюсь в мудрости такого решения.

Резиденция раджи находилась всего в двух кварталах от гостиницы, и вскоре путешественники уже вступили под своды величественного здания с большими полукруглыми куполами и яркими изразцовыми узорами на стенах. При входе им пришлось отдать стражникам мечи, однако тем дело и ограничилось – их, незнакомых чужестранцев, пропустили внутрь без личного обыска, и, таким образом, Элина – как наверняка и Редрих с Эйрихом – прошла внутрь с ножом под курткой. Графиня подумала, что раджа излишне беспечен.

Владыка Дулпура принял их, можно сказать, по-домашнему – в помещении хотя и просторном, но все же не настолько обширном, как тронный зал роллендальского дворца, где во время больших и особо торжественных церемоний присутствовало более трех сотен человек, и притом отнюдь не чувствуя себя в тесноте. Впрочем, и прием иностранных купцов был мероприятием куда менее торжественным, чем прием послов – хотя в мирное время благосостояние государства больше зависело от первых, чем от вторых.

Помещение, куда провели гостей с Запада, одной своей стеной (левой, если смотреть от входа) полностью выходило на открытый балкон, и с улицы доносился аромат свежей листвы. Остальные стены на высоте чуть больше человеческого роста украшал затейливый барельеф, где чередовались фигуры танцующих женщин, сплетающихся змей, порхающих птиц и цветущих лотосов. Элина обратила внимание, что ни одна из фигур не повторяется. Черные каменные плиты пола окаймлял вдоль стен сложный золотистый орнамент. Высокий куполообразный потолок изображал небесный свод: темно-синий фон был расписан крупными золотыми звездами. Взглянув на них повнимательнее, Элина поняла, что над ней – не декоративный узор, а настоящая карта звездного неба.

В противоположной входу части зала располагался невысокий помост, а на нем под голубым балдахином стоял трон раджи. К трону не вели дополнительные ступени – это было просто кресло, и даже не очень высокое. Слева и справа от

трона стояло по гвардейцу с копьями чуть выше их роста, а сзади и справа пристроился слуга с большим опахалом – хотя и в этих теплых широтах до жары было еще далеко.

Радже Бхаваганану было лет шестьдесят. При нем не было каких-то специальных атрибутов монаршей власти, вроде мантии или скипетра; по одежде его можно было бы принять просто за богатого горожанина. Вот разве что изумительной чистоты сапфир на голубой чалме для «просто горожанина» был великоват. По комплекции раджа был не то чтобы толстым, но рыхлым; глаза, однако, не прятались в сонные щелочки, а смотрели живо и с интересом. Элине показалось забавным увидеть монарха, смуглого, словно землекоп – на Западе загар считался вульгарным и простонародным, и лишь для рыцарей, вернувшихся из похода с его простым и грубым стилем жизни, надменная мода делала исключение. Элина понимала, что здесь не Запад и такой цвет кожи естественен для кундийцев – но все же не удержалась от улыбки, тем паче что с темной кожей контрастировали седые волосы правителя.

Раджа тоже улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего от восточного лицемерия – напротив, она была искренней и располагающей. Варсалиец выступил вперед и, поклонившись, обратился к правителю с церемонным приветствием. Переводил дулпурский подручный купца. Раджа ответил, что рад видеть у себя гостей с далекого Запада и мечтает о временах, когда узы дружбы и взаимовыгодной торговли вновь свяжут людей разных стран, разобщенных после крушения эпохи магов. После обмена любезностями наступил черед даров; по знаку Ингрильо слуги, сгибаясь под тяжестью, внесли три больших ларца – черного дерева, красного дерева и серебряный. Там были украшения, парадные наряды, дорогие кубки, изящные чеканки и статуэтки. Особое внимание раджи, как и рассчитывал купец, привлекло чудо западной механики – золотая птица с изумрудными глазами, серебряным клювом и осыпанным мелкими бриллиантами хохолком; заведенная ключом, она расправляла крылья, поворачивала голову и разевала клюв, а внутри у нее в это время играла мелодия, правда, довольно незамысловатая. Бхаваганан отблагодарил купца ответными подарками, в число коих входили тонкие, почти прозрачные ткани, восточные благовония и специи, изделия из золота и слоновой кости. Среди этих последних были 32 статуэтки, предназначенные, вместе с квадратной доской, поделенной на 64 клетки, для замысловатой игры, которую раджа назвал «царем игр и игрой царей»; он также сообщил, что к доске и фигурам приложен манускрипт с описанием правил и основных комбинаций, разработанных кундийскими мудрецами. Элина подумала, что если этот дар и достигнет варсалийского монарха, то, скорее всего, будет пылиться в его сокровищнице вместе с другими дорогими безделушками – король

не захочет вникать в тонкости восточной мудрости, предпочтя более простые и доходчивые развлечения вроде охоты и рыцарских турниров. «Артен во многом прав, – с сожалением подумала графиня, – и Ральтиван тоже.»

Меж тем варсалиец, со значением посмотрев на эльфа и получив в ответ неуверенный кивок, испросил разрешения «после механической мелодии усладить слух его высочества живой музыкой». Раджа охотно согласился и велел слугам принести подушки, дабы слушатели могли наслаждаться музыкой сидя. После того как все, кроме слуг, расселись, Йолленгел извлек из-под куртки флейту и начал играть.

Эльф уже давно не музицировал и к тому же волновался, поэтому начало вышло несколько смазанным, однако он быстро исправился, и вскоре нежной и печальной мелодии внимали все, не исключая даже застывших с копьями телохранителей. Бдительное ухо Эйриха, однако, первым уловило какой-то посторонний шум, доносившийся из глубины дворца. Затем и Редрих подозрительно оглянулся на дверь. Несколько секунд спустя она распахнулась, и вбежал гвардеец с обнаженным мечом в руке. Он обернулся к радже и что-то взволнованно крикнул. Бхаваганан выпрямился в своем кресле, сжав подлокотники. Телохранители перехватили копья наизготовку. Йолленгел растерянно отнял флейту от губ, озираясь по сторонам. Подручный варсалийца, служивший переводчиком, похоже, не мог вымолвить ни слова от испуга и неожиданности.

– Что происходит? – требовательно спросила Элина.

– Похоже, переворот, – ответил Эйрих, поднимаясь. – Сюда идет Джавариш со своими солдатами.

– Джавариш – племянник раджи, – пояснил Ингрильо, который тоже был уже на ногах. – Проклятье, вот ведь некстати!

Рука Элины схватила пустое место там, где обычно был меч. Редрих сделал этот жест секундой раньше. Они посмотрели друг на друга, но им было не до улыбок.

В тот же миг мятежники ворвались в помещение. Буквально за пару секунд внутри оказалось человек десять солдат с мечами наголо; один из клинков был в крови, но только один – как видно, лояльность дворцовой гвардии стоила недорого. Раджа медленно и величественно поднялся со своего трона и тоном, исполненным презрительного достоинства, что-то сказал бунтовщикам. Те остановились в нерешительности; должно быть, грозный вид разгневанного владыки все еще внушал им робость. Но тут за дверью вновь послышались быстрые шаги еще нескольких человек, и на передний план, раздвигая солдат с мечами, вышел стройный молодой человек в белоснежной одежде и с кривой

восточной саблей в дорогих ножнах на поясе; как видно, это и был принц Джавариш. Он обратился к дяде требовательным тоном – и получил в ответ лишь одно слово. Слова этого было достаточно, чтобы красивые черты лица принца исказились судорогой ярости. Он обернулся через плечо и махнул рукой. Вперед вышли четверо лучников, натягивая тетивы.

Слуги уже давно прижались в ужасе к стенам, но гости с Запада все еще оставались посередине помещения, между раджой и мятежниками. Джавариш брезгливо дернул кистью, приказывая им отойти с линии стрельбы. В этот момент гвардеец, принесший запоздалую весть о мятеже, кинулся с мечом на принца, но оступился и упал под ноги солдатам. Сразу двое вонзили в него мечи.

– На балкон! – скомандовал Эйрих и подал пример. Остальные не заставили себя ждать, и хотя несколько солдат двинулись, чтобы их перехватить – неразумно было просто так отпускать свидетелей переворота – они бы успели выскочить на балкон, если бы не Редрих.

Раджа Бхаваганан, конечно же, ничем не походил на его отца, покойного герцога Урмаранда и регента Тарвилона, да и свидетелем той роковой для Урмарандов ночи во дворце почти девять лет назад Редрих не был. За несколько часов до того, как дворец был взят восставшими, телохранитель, ставший впоследствии воспитателем юного Редриха, вывел его самого и его мать из здания тайным ходом. Но теперь в сознании молодого герцога словно что-то щелкнуло, соединяя те давно минувшие события с картиной, представшей его глазам. Перед ним был законный правитель – и были презренные узурпаторы и изменники, пришедшие, чтобы убить его и захватить власть.

Редрих остановился. Даже преследовавший его солдат попятился, увидев, каким бешенством полыхнули глаза молодого человека. Герцог выхватил нож с узким лезвием и со всей силы метнул его в сердце Джавариша.

Принц успел заметить опасность и попытался увернуться, но бросок был слишком стремителен. Острие впилось в грудь, и претендент на престол повалился на руки стоявших сзади гвардейцев. Это словно стало сигналом для лучников, которые синхронно спустили тетивы. Одна стрела вонзилась в грудь раджи, другая выбила ему глаз. Бхаваганан повалился в свое кресло – он и мертвый не отдал трон захватчику. Две другие стрелы сразили его верных телохранителей.

На белоснежном костюме Джавариша расплывалось ярко-красное пятно, но принц был еще жив. Он попытался что-то крикнуть и закашлялся, в углу рта показалась кровь. Солдаты, за исключением тех, что поддерживали раненого, бросились вперед, оттолкнув лучников, еще не успевших перезарядить свое оружие. Эйрих, бывший уже почти на балконе, обернулся и увидел, что Редриха,

оставшегося совершенно безоружным, вот-вот изрубят, и что Элина, похоже, собирается броситься к нему на помощь с ножом в руке против мечей. Отложив ругательства на потом, Эйрих ринулся обратно в зал, выхватывая свой нож и кидая его в ближайшего противника Редриха. Элина тем временем осознала, что под рукой имеется и более эффективное оружие, нежели ножи, и побежала к трону, чтобы подобрать копье убитого стражника. Нож Эйриха воткнулся в горло солдата, и тот упал. Редрих быстро нагнулся и вырвал меч из руки умирающего – как раз вовремя, чтобы успеть отбить удар второго врага.

– Эрвард, копье! – крикнул Эйрих. Элина поняла и, успевшая уже вооружиться одним копьем, кинула ему второе через головы солдат. Эйрих поймал копье, попутно встречая атакующего гвардейца ударом ноги в солнечное сплетение. Вместо того, чтобы сразу же колоть, Эйрих перехватил копье за середину и принялся орудовать им, как палкой, осыпая врагов быстрыми ударами то одного, то другого конца. Таким образом он расчистил пространство вокруг себя и даже выбил пару мечей, хотя сделать это было непросто, учитывая конструкцию их гарды. Затем Эйрих метнул копье в живот противника, отделявшего его от Редриха, а сам подхватил оба меча с пола и гаркнул: «Эрвард, Редрих, ко мне!»

Редрих, только что тяжело ранивший нападавшего на него солдата, метнул косой взгляд через плечо и, увидев, что путь свободен, быстро перебежал к Эйриху. Элина, однако, была уже отрезана солдатами и заблокирована возле трона, в правом дальнем от входа углу. Она уже успела проткнуть одного из своих противников, но копье, пробившее тело насквозь, не желало выходить обратно. Элина едва успела отбросить копье вместе с телом и подхватить меч убитого.

За троном скорчился в ужасе слуга, некогда державший опахало, а левее пятился к стене безоружный Ингрильо, не успевший выскочить на балкон.

– Нет, нет! – повторял он, поднимая руки. – Я – мирный торговец! Кто-нибудь, скажите же им!

Солдаты, однако, не понимали его языка, а если бы и понимали, вряд ли это бы их остановило. Меч вонзился между ребрами варсалийца, и несчастный негоциант рухнул рядом со своими дарами.

– Редрих, держите позицию, – велел Эйрих, отталкивая герцогу ногой еще один ставший бесхозным меч. – Я – на помощь Эрварду, – не дожидаясь его ответа, он ломанулся в атаку.

Редрих мысленно взвыл от досады. Только что чуть было не сбылась его романтическая мечта спасти Элину от превосходящих сил врага, однако Эйрих успел перехватить инициативу, отведя ему подсобную роль. Тем не менее, к спорам ситуация не располагала.

Элине удалось сразить еще одного врага, но драться непривычным оружием было тяжело; она лишь сдерживала натиск, но не переходила в наступление. Однако увидев, что Эйрих пробивается ей на помощь, она восстановила пошатнувшуюся уверенность и устремилась ему навстречу. Один из ее врагов попятился, зажимая рану в боку; двое других заняли его место, но они не знали, что Эйрих уже у них за спиной – а когда узнали, было уже слишком поздно. Еще один обернулся навстречу новой угрозе, но меч Элины тут же перечеркнул его горло.

– На балкон, я прикрою! – скомандовал Эйрих. Графиня придушила возмутившееся было самолюбие и подчинилась. Эйрих отступал за ней, и два окровавленных клинка, мелькавших в его руках, отбивали у солдат желание ему мешать. К этому времени уже одиннадцать гвардейцев принца были убиты или серьезно ранены, однако им на смену все время прибывали новые. Сам Джавариш находился возле самого входа под надежной охраной; у Эйриха мелькнула мысль пробиться к нему и захватить его в заложники, но он решил, что это слишком рискованно – к тому же принц мог оставить захвативших его с носом, попросту испустив дух. Таким образом, оставался первоначальный план бегства через балкон.

Джавариш тем временем наконец подал голос, и Эйрих понял его слова: «Отойдите, идиоты! Дайте лучникам сделать их работу!»

– Что он сказал? – спросила Элина.

– Быстрее! Редрих, уходим!

– Где Йолленгел? – требовательно осведомилась графиня. Конец Ингрильо она видела.

Эйриху хотелось ответить «К демонам Йолленгела!», ибо у них оставались считанные мгновенья – солдаты уже подались назад, выполняя приказ своего предводителя – но он понимал, что Элине ее пресловутая рыцарская честь не позволит рассуждать столь практично.

– Уже снаружи, – ответил Эйрих.

Все трое выскочили на балкон, и тут Эйрих с удивлением – и, надо сказать, с облегчением – понял, что не соврал. Йолленгел не только успел выбежать на балкон еще до начала боя, но и оказался достаточно благоразумен, чтобы не вернуться в помещение потом. Он перебрался через перила, однако прыгать вниз не решился и теперь так и стоял с другой стороны, ногами на узком карнизе, крепко вцепившись в перила руками.

Нерешительность эльфа была вполне понятной – земля находилась не менее чем в двадцати футах ниже. Однако балкон выходил не на каменную мостовую или площадь, а во внутренний сад дворца. Под балконом росла пальма – не

настолько близко, чтобы можно было, не обладая акробатическими навыками, ухватиться за ее ствол, но все же прыгнувшие должны были пролететь сквозь ее раскидистую крону.

– Хватайтесь в полете за ветви, – велел Эйрих и прыгнул первым. Широкие листья хлестнули его по рукам, он вцепился в ветку, которая спружинила, сгибаясь, так что носки его сапог стукнулись о волосатый ствол; в нижней точки траектории Эйрих разжал пальцы и после мгновения полета благополучно приземлился на мягкую землю. Следом за ним сквозь крону пальмы с шумом проломились Элина и Редрих, приземлившиеся практически одновременно; герцог еще сжимал в кулаке длинный темно-зеленый лист. Прежде, чем прыгать, пришлось бросить на землю оружие – ведь ножны гости дворца отдали при входе вместе с собственными мечами, да они бы и не подошли по форме к кундийским клинкам.

Эльф решился на прыжок лишь тогда, когда преследователи были уже почти на балконе; у Элины перехватило дыхание, когда она увидела, как Йолленгел отправился в полет, нелепо размахивая руками – казалось несомненным, что он не сможет затормозить о крону и переломает ноги. Однако эльф крепко вцепился в ветку – настолько крепко, что не пожелал отпускать и, качнувшись до нижней точки, вновь начал возноситься вверх, на радость показавшимся на балконе лучникам.

– Брось!!! – рявкнул Эйрих не своим голосом. Йолленгел испуганно разжал руки и шмякнулся на землю, не устояв на ногах и завалившись на задницу – однако без каких-либо фатальных последствий. Тем не менее, первая шуркнувшая по листьям стрела напомнила, что угроза фатальных последствий все еще актуальна. Эйрих, еще с балкона оценивший обстановку, уже бежал через сад в сторону внешней стены.

Каменная ограда, призванная отделять покой обитателей дворца от сутолоки города, когда-то была серьезным препятствием, однако за многие века вросла в землю, и теперь не достигала и десяти футов в вышину. Эйрих расставил ноги, уперся ладонями в стену и велел остальным перелезать через него. Первой к нему на плечи, а оттуда – на стену вскарабкалась Элина, за ней последовал эльф, которого Редриху пришлось подталкивать снизу, затем перебрался сам герцог, задержавшись на верху, чтобы принять у Эйриха мечи и передать их вниз Элине, и, наконец, сам Эйрих, подпрыгнув, ухватился за верхний край стены и подтянулся.

Четверо чужаков, перелезших через дворцовую стену и теперь стоящих под ней с обнаженными мечами в руках, представляли собой зрелище, мягко говоря, странное – но, по счастью, поблизости никого не было. Беглецы быстро пересекли

пустынную улицу и вскоре затерялись в переулках. Здесь им уже попадались прохожие, кидавшие на них удивленные и испуганные взгляды – но, конечно, никто не пытался остановить четверых вооруженных людей (один меч для пущей внушительности вручили и эльфу). В городе, разумеется, никто еще не знал о произошедшем во дворце.

Увидев вывеску ковровой лавки, Эйрих отдал свой меч Элине и заскочил внутрь. Вскоре он вышел обратно, держа под мышкой самый плохонький и дешевый ковер, какой смог найти. В этот ковер завернули все четыре меча; их понес Эйрих. Теперь четверка привлекала меньше внимания (хотя все же выделялась своей светлой кожей), но, в любом случае, город надо было покинуть как можно скорее. Эйрих вывел компанию на рынок, где они, не торгуясь, купили первых попавшихся лошадей; однако, вместо того чтобы ехать на север, Элина повернула обратно к реке.

– К демонам гостиницу, – сказал Эйрих, понявший ее намерения.

– Там наши вещи.

– Купим новые. Нет времени.

– Там мои записи! Как хотите, а я без них не уеду!

– Может быть, я продиктую вам заново? – предложил Йолленгел. Графиня ответила самым простым и эффективным способом: она просто продолжала ехать в прежнем направлении.

– Эрвард! – крикнул Эйрих.

– Можете ждать меня за городом, – снизошла до ответа графиня. Редрих двинул коня каблуками и догнал ее.

– Вот ведь упрямая девчонка, – пробормотал Эйрих. – Ладно, поехали за ними, Йолленгел.

До гостиницы добрались без приключений – разве что уже возле самой цели благополучно разминулись с быстро скакавшим по улице конным отрядом, вовремя осадив коней на выезде из переулка. Искал этот отряд их или нет – осталось неизвестным. Элина и Редрих сбегали наверх за вещами, и вскоре все четверо уже скакали к северным воротам.

Подъезжая к воротам, они поняли, что опоздали. Там уже стояли восемь конных гвардейцев; их командир, не покидая седла, что-то объяснял начальнику караула. Двое стражников взялись за тяжелые створки и принялись их закрывать. Какой-то человек, черный и худой, как головешка, державший в поводу навьюченного осла, что-то пытался им объяснить – как видно, хотел, чтобы его пропустили, на что стражники, разумеется, отвечали то, что всегда отвечают стражники во всех странах мира – «Не положено!». Досада хозяина осла была тем большей, что приказ никого не выпускать пришел только что, и минутой раньше

он бы беспрепятственно покинул город – поэтому он все больше горячился и жестикулировал, явно не боясь спорить с представителями власти; за время мягкого правления Бхаваганана дулпурцы привыкли к свойскому обхождению с государственными людьми, хотя, конечно, не следует думать, будто свойскость эта базировалась на бескорыстных симпатиях. Дулпурец на самом деле уже готов был перейти от слов к коммерческим предложениям и лишь ждал, пока уедут конники. В этот момент как раз на большой скорости подъехали четверо западных путешественников. Пешие и конные солдаты обернулись к ним, и по выражению лиц всадников Эйрих сразу понял, что они уже получили инструкции относительно четверых бледнокожих.

Командир всадников велел подъехавшим спешиться. Эйрих, не тратя времени на разговоры, развернул уложенный поперек седла ковер. Элина и Редрих взяли свои мечи. Бой в очередной раз предстоял неравный – трое, не считая не обученного фехтованию Йолленгела, против восьми конных и пяти пеших. Пусть даже пришельцы с Запада успели убедиться, что дулпурцы – не слишком хорошие солдаты, но их было 13, и у них были мечи и щиты. Причем, учитывая, что двое из них собирались вот-вот задвинуть засов, просто прорыв исключался – необходимо было уничтожить или обратить в бегство всех, чтобы иметь достаточно времени на открытие ворот.

Эйрих взял в каждую руку по мечу, хотя задача управления лошадью при этом значительно усложнялась. Он бросил короткий взгляд на Элину слева и Редриха справа, также изготовившихся к бою. Дулпурские всадники тем временем, обнажив свое оружие, охватывали своих противников полукольцом.

И в этот момент рядом раздался звук, поначалу озадачивший даже многоопытного Эйриха. Это был какой-то жуткий замогильный вой, которому место было разве что в старинных страшных легендах, да и то в глухую полночь в дремучем лесу, а не солнечным днем у ворот крупного города. Эйрих повернул голову и увидел, что звук издает Йолленгел.

Эльф выл, скорчив жуткую рожу, оскалив зубы и вытаращив глаза. Его кожа, и без того непривычно светлая для глаз аборигена, сейчас была совсем белой от страха. Но главное – он сорвал с себя тюрбан и демонстративно выставил напоказ свои острые нечеловеческие уши. При этом он слегка подавал коня вперед, наступая на противников.

И дулпурские воины попятились! Вооруженные, они в ужасе расступались перед безоружным. Несколько наиболее слабонервных сразу бросились галопом врассыпную, остальные, похоже, были к этому близки. Никогда в своей жизни они не только не видели эльфов, но и не слышали об их существовании. Зато им не раз приходилось слышать жуткие истории о демонах, способных голыми руками в

клочья разрывать тела и выпивать человеческие души. Некоторые легенды утверждали, что смертельным может быть даже взгляд или голос демона. Надо отдать Йолленгелу должное – вой его действительно превышал возможности обычного человеческого голоса, то взмывая до визга, от которого ломило уши, то падая до низкого утробного рычания.

Солдаты продолжали пятиться, явно забыв о строгости приказа. Маленький отряд во главе с эльфом медленно подъехал к воротам, которые так и не успели закрыть, и выехал наружу. Здесь они пришпорили лошадей и галопом понеслись прочь. Их не преследовали.

– Как вам это пришло в голову? – спросил Эйрих, когда после трех часов скачки они, наконец, остановились передохнуть и пообедать в придорожной деревне.

– Вы же говорили, что они до сих пор верят в волшебную силу озера, – ответил эльф хриплым голосом (соло у ворот не прошло даром для его горла). – Вот я и подумал, может, они верят не только в это... – он немного помолчал и признался: – А вообще-то ни о чем я особо не думал. Просто испугался. Это было интуитивное решение.

– Я тоже доверяю своей интуиции, – кивнул Эйрих. – В частности, сейчас она мне подсказывает, что если Джавариш выживет, то мы не будем в безопасности даже здесь. Он явно не из тех людей, которые могут оставить без последствий покушение на собственную жизнь. Демоны вселенной, Редрих, и дернуло же вас кидаться ножом! Нам, конечно, все равно пришлось бы уносить ноги, но, если бы мы просто улизнули из дворца, Джавариш наверняка махнул бы на нас рукой. У него сейчас и без того дел хватит.

– Этот ублюдок должен был получить по заслугам, – хмуро ответил Редрих.

– По крайней мере, уж если метать нож, то надо это делать наверняка!

– Я кидал точно в сердце. Но он успел дернуться.

– Из-за вас погиб Ингрильо! – сказала Элина обвинительным тоном.

– Подумаешь, какой-то варсалиец... – пробурчал герцог.

– Редрих, да кто дал вам право так относиться к чужой жизни?! – возмутилась графиня.

– Я просто хочу сказать, что не испытываю скорби, когда погибает посторонний мне человек. У меня, знаете ли, есть и более насущные проблемы. Я его не убивал. Ему просто не повезло.

– Из-за вас нам всем не повезло!

– Браво, Эрвард! – усмехнулся Эйрих. – Наконец-то вы взяли на вооружение здравый смысл, а не рыцарские предрассудки. Вместо того, чтобы хвалить

Редриха за попытку спасти раджу, вы ругаете его за то, что он подверг опасности нас.

Элина покраснела.

– Мы ведь ничего не могли сделать для раджи, – пробормотала она. – Лучники все равно выстрелили, даже если бы Редрих убил Джавариша, ничего бы не изменилось... Если бы у нас хотя бы были мечи с самого начала, мы могли бы еще остановить мятежников в дверях, а так...

– Именно-именно. Вы напрасно смущаетесь и оправдываетесь. Нет ничего нелепее, чем стыдиться собственного благоразумия.

Они доели овощную похлебку – дулпурцы, как и большинство кундийцев, практически не употребляли в пищу мяса – но не спешили вставать из-за стола. Кроме них, на открытой веранде никого не было; даже хозяин, получивший плату вперед, ушел куда-то вглубь дома.

– Интересно, здесь есть оружейник? – подумала вслух Элина. – Надо бы купить подходящие ножны... («а может, и более привычные мечи», – добавила она мысленно.)

– Да, неплохо бы, – согласился Эйрих. – Правда, у нас опять не слишком хорошо с деньгами. Демоны вселенной, я рассчитывал на Дулпур.

Редрих открыл рот, чтобы сказать, что у него денег еще достаточно, но его опередил Йолленгел.

– Думаю, деньги – не проблема, – сказал он, запуская руку за пазуху. Три пары удивленных глаз уставились на эльфа.

Йолленгел еще раз оглянулся на всякий случай по сторонам и выложил на стол сверкающий гранями сапфировый кулон в золотой оправе и на золотой цепочке.

Редрих восхищенно присвистнул. Эйрих начал расплываться в широкой улыбке. Элина смотрела на драгоценность недоверчиво, словно ожидая, что она вот-вот исчезнет.

– Откуда? – спросила графиня.

– Прихватил во дворце, – смущенно поведал эльф. – Это лежало сверху в одном из ларцов с дарами.

Эйрих, наконец, расхохотался.

– Йолленгел, вы прелесть! Сначала коня у Редриха, теперь... вы положительно становитесь самым полезным членом команды... и когда вы только успели?!

– Когда вы распорядились бежать на балкон, я как раз был возле ларца... Ведь это все равно досталось бы мятежникам, так? И потом... мне ведь полагался гонорар за выступление...

– Держу пари, еще ни одному музыканту не платили столь щедро за несколько минут игры! – продолжал веселиться Эйрих. – Я, кажется, начинаю понимать, за что люди изгнали эльфов...

Смущенная, но довольная улыбка моментально исчезла с лица Йолленгела.

– Не думаю, что это смешно, – сухо сказал он, снова пряча кулон под одежду.

Эйрих тоже перестал смеяться.

– Извините меня, Йолленгел. Это была неудачная шутка.

Элина переводила удивленный взгляд с одного на другого. В прежние времена, даже если бы Эйрих наступил эльфу на ногу, извиняться пришлось бы последнему – за то, что расставляет свои ноги где ни попадя.

Путешественники не стали задерживаться в деревне (тем паче что оружейника здесь не оказалось) и поехали дальше на северо-восток. Вскоре дорога углубилась в джунгли. В Тарвилоне в эти дни еще только таял снег, а здесь пышные зеленые кроны, переплетенные лианами, нередко смыкались над головой, образуя подобие живого туннеля; это было красиво, однако Эйрих предупредил о необходимой осторожности – бывали случаи, сказал он, когда с таких вот нависших над дорогой ветвей на голову путника падала змея. Элина поинтересовалась, какие еще милые животные водятся в джунглях.

– Тигры, черные медведи, волки, – спокойно ответил Эйрих. – Среди них всех имеются людоеды, в особенности те, что уже встречались когда-то с охотниками. Но они по-настоящему опасны только одиноким путникам.

– Надеюсь, вы не собираетесь становиться одиноким путником? – решила графиня уточнить интересовавший ее вопрос.

– Ну, поскольку Дулпур сейчас явно неподходящее место для моих изысканий, мне ничего не остается, как ехать с вами и дальше, – улыбнулся Эйрих. На самом деле, разумеется, он принял это решение уже давно.

Вечером они остановились в небольшом городке. Местная гостиница была ужасна – всем четверым пришлось разместиться в одной комнате с пятнами плесени на стенах и тростниковыми матами вместо кроватей; однако им случалось ночевать и в худших условиях. Практичный Эйрих тут же где-то поблизости купил ароматические палочки, расставил их по углам и поджег на ночь – как он объяснил, это должно было отпугнуть насекомых. Палочки медленно тлели, источая вместе с тонкими струйками полупрозрачного дыма маслянистый, непривычный для западного носа, чуть дурманящий аромат.

Элина проснулась посреди ночи. Из углов комнаты все еще струился странный, но не сказать, чтобы неприятный, запах. «Колдовской запах, – подумала Элина. – Должно быть, такие использовались в старину при совершении магических обрядов.» Она вспомнила ту ночь, когда в последний раз видела Артена – видела,

находясь за тысячи миль от него. С тех пор ей ни разу не удавалось вновь с ним связаться. Может быть, теперь она уже достаточно близко?

Пальцы скользили по поверхности медальона, в то время как сознание Элины все больше и больше отрешалось от окружающей реальности. Она уже не чувствовала жесткого мата, не слышала посапывания лежавшего неподалеку эльфа, и даже аромат тлеющих палочек перестал восприниматься как запах, слившись с окутывавшей ее пеленой... Кругом была только тьма, не страшная, но пустая.

Затем во тьме вдруг что-то шевельнулось. Тишину нарушил слабый, едва различимый звук, похожий на мычание. Элина мысленно потянулась к его источнику. «Артен! Артен, это вы?»

«...кузина... – донеслось из темноты. – ...приятный сон...»

«Это не сон!» – сказала Элина, но затем поняла, что Артен и в самом деле спит – притом, скорее всего, если он проснется, связь исчезнет. «Впрочем, неважно. Артен, где вы находитесь? Постарайтесь описать точно.»

«...не знаю... – говорить со спящим было нелегко: мысли его были вялыми и заторможенными. – Какая-то башня... где-то...»

«Какая башня? Насколько велика охрана? На каком этаже вас держат?»

«...башня... в горах... на нас напали... Рандавани тоже в плену...»

«Я знаю. Я иду, чтобы вас освободить. Мне нужны точные сведения. Артен, пожалуйста!»

«...кузина... очень мило... но не рискуйте собой... пошлите армию...»

«В настоящий момент у меня нет армии. Точнее, есть, но очень маленькая, – мысленно улыбнулась Элина. – Артен, ответьте хотя бы, с вами хорошо обращаются? Вам грозит опасность?»

«... мне ничего не грозит... до весны...»

«Но ведь уже весна!»

«... в горах еще не сошел снег... Кузина?»

Последнее слово было произнесено иным, осмысленным и бодрым тоном – и тут же связь прервалась.

«Все-таки я его разбудила», – поняла Элина. Когда она окажется еще ближе, наверное, можно будет связаться и в состоянии бодрствования – но пока приходилось довольствоваться и этим мимолетным контактом.

Итак, Артена держат в какой-то башне в горах – уже неплохо. Бежать из тюрьмы в крупном городе было бы труднее. Пока он в безопасности, но это не надолго. Значит, надо спешить изо всех сил. Что произойдет, когда растает снег? И соответствует ли вообще эта фраза реальности, или это всего лишь сонное видение принца? Элина решила исходить из того, что все узнанное ею – правда,

пока не будет доказано обратное. Итак, снег. Что изменится, когда он сойдет в горах? Исчезнет опасность лавин, откроются перевалы. И тогда, вероятно, пленников куда-то увезут. Туда, где они не будут в безопасности.

Утром Элина поделилась ночными впечатлениями с остальными.

– Вы уверены, что вам это не приснилось? – скептически осведомился Эйрих. Элина оскорбленно фыркнула, хотя уже знала, что, несмотря на незаурядный опыт в других областях, его познания в магии тождественно равны нулю.

– Эрвард действительно может проделывать такие штуки, – мрачным тоном подтвердил Редрих, тоже не знавший и не любивший магии. – Он отыскал меня похожим образом в Роллендале.

В присутствии других герцог послушно называл Элину Эрвардом и в мужском роде, однако, говоря с ней наедине, избегал того и другого – благо обращение на «вы» позволяло не употреблять ни имени, ни рода. Он был единственным в компании, для кого это имело значение – хотя, конечно, он не подавал вида.

– Ну допустим, – нехотя согласился Эйрих. – Пока, впрочем, нам это ничего не дает. Надо спешить, говорите? Так мы и так спешим.

– Мы теперь знаем, что Артен заточен в башне в горах.

– Что сужает область поисков до какого-то миллиона квадратных миль, – усмехнулся Эйрих. – К северу от Кундийского полуострова находятся едва ли не самые гористые области континента.

– Позднее я сообщу вам более точные сведения, – холодно пообещала Элина. – А пока надо добраться до Тургуная.

– Это по другую сторону гор, – сообщил Эйрих. – Насколько мне известно, маршрут вполне проходим, однако не сделать бы большой крюк. Впрочем, я склонен более доверять тем сведениям, которые мы сможем разузнать в Тургунае, нежели всяким магическим озарениям.

Элина и сама доверяла мечу куда больше, чем магии, но такое пренебрежение ее способностями было для нее обидным. Однако она поняла, что словами ничего не докажет, и ограничилась универсальной фразой «Будущее покажет!»

Прежде, чем они продолжили путь, Эйрих прогулялся по городку и вернулся с новостями. Как оказалось, известия из столицы уже добрались сюда – возможно, благодаря чьему-то быстроногому коню, а может, и голубиной почтой, но, так или иначе, все теперь только и судачили о событиях в Дулпуре. Джавариш пережил покушение и даже, по всей видимости, находился в сознании. Был объявлен манифест о том, как коварный Бхаваганан заманил племянника во дворец, чтобы убить, однако верные гвардейцы встали на защиту принца. В ходе боя Джавариш был ранен, а недостойный раджа убит. Джавариш объявлял дулпурцам, что, как законный наследник, принимает на себя бремя власти, и обещал навести в стране

порядок, покончив с наследием прогнившего и коррумпированного режима Бхаваганана. Упоминалось также, что для убийства принца, справедливо сомневаясь, что истинные дулпурцы согласятся на подобное злодеяние, раджа нанял пятерых чужеземцев, один из которых уже понес заслуженную кару, а четверо разыскиваются. Шепотом передавали, что один из чужаков будто бы оказался демоном.

Удивительное дело, но, выслушав все эти разговоры в местном трактире, Эйрих не был заподозрен в том, что он – один из разыскиваемых. Вероятно, помогло его умение изменять внешность, а также знание языка – пусть и не идеальное, однако при множестве кундийских диалектов это не бросалось в глаза, точнее, в уши. Но Эйрих понимал, что в городе наверняка отыщутся те, кто сложит два и два и получит искомое число четыре – а потому этим четырем надо как можно скорее уносить ноги. Задерживаться и привлекать к себе внимание продажей кулона в этих условиях явно не следовало – впрочем, у них еще оставались наличные деньги. Поэтому уже через двадцать минут после возвращения Эйриха беглецы из Дулпура вновь скакали по дороге, уводившей на северо-восток. Искать оружейника они тоже не стали, так что мечи пришлось по-прежнему везти завернутыми в ковер.

За день они лишь пару раз делали короткий привал, прежде чем заночевали в деревне, стоявшей на берегу одного из притоков Кунда. Дома здесь стояли на сваях – дважды в год прибрежные земли оказывались под водой, что, впрочем, вполне устраивало местных жителей, ибо без этого им было бы трудно возделывать рисовые поля. Сейчас время паводка еще не пришло – не настала пора ни таяния снегов в горах, ни тем более летних муссонных дождей. Через реку был протянут сомнительного вида висячий мост, но четверке не было нужды им пользоваться – этот путь вел на восток, а их дорога лежала на север.

Наконец в середине следующего дня они добрались до города достаточно крупного, чтобы совершить все необходимые торговые операции, не привлекая к себе излишнего внимания. Первым делом решено было поменять коней – купленные ими в спешке были пусть и не совсем клячами, но все же не идеальным выбором. Здесь же, на кишащей народом рыночной площади, отыскалась лавка оружейника.

– Меч или ножны? – осведомился Эйрих.

– Меч, – призналась Элина. – Я пытался освоиться с дулпурским, но это все же не то, что надо. Он хорош для прямых колющих ударов, защищает руку, и его трудно выбить, но он практически не позволяет работать кистью. Слишком мала свобода маневра.

– Точно, – согласился Редрих.

– Ну я всегда говорил, что лучше короткого прямого западного меча для ближнего боя ничего не придумали, – довольно ухмыльнулся Эйрих.

Западных мечей, однако, в лавке не было. Были похожие – тоже прямые, но их рукоять была длиннее, гарда – уже, а лезвие – гибче. Это были мечи из империи Цань, расположенной на востоке, уже практически на самом краю Великого континента. Элина, Эйрих и Редрих перепробовали несколько таких мечей, и каждый подобрал себе оружие по руке. Они обменяли четыре дулпурских меча на три цаньских с ножнами – им пришлось еще доплатить при этом – а также купили ножи взамен утраченных и небольшой кундийский лук для эльфа.

Лишь позаботившись о предметах первой необходимости – конях и оружии – Эйрих и остальные отправились на поиски ювелирной лавки, каковую нашли вдали от рыночной площади, в респектабельном квартале. Вход в лавку охраняли двое дюжих молодцов; Эйриху пришлось при входе отдать им меч, а его товарищи остались ждать на улице.

Ювелир-кундиец внимательно осмотрел кулон и тоном большого одолжения назвал цифру, минимум втрое уступавшую реальной цене. Эйрих, не оставаясь в долгу, ответил впятеро большей цифрой. Торговля шла бурно, как это всегда бывает на востоке – с решительными клятвами, апелляциями к предкам и потомкам, сентенциями о людской неблагодарности и тому подобными изысками красноречия. Ювелир, однако, поддавался намного хуже, чем обычные торговцы. В конечном итоге он предложил полцены. Эйрих заявил, что уходит.

– Вещь все равно краденая, – сказал ювелир.

Эйрих положил кулон во внутренний карман и сказал, что ни минуты не останется в лавке, где оскорбляют клиента.

– Мне тут птичка напела, что в Дулпуре теперь новый раджа, – негромко сказал ювелир, – который очень хочет найти пришельцев с Запада, пытавшихся его убить.

– И какое отношение это имеет ко мне? – Эйрих был само безразличие.

– Никакого, разумеется. Но ведь придется доказывать это стражникам, а то и ехать вместе с ними в столицу. А заодно и объяснять им, откуда взялся кулон. А стражники – такой народ... они могут просто прикарманить понравившуюся вещь. Не лучше ли сразу получить деньги и избавиться от проблем?

В конце концов сошлись на 60%. Надо ли говорить, что сразу же после совершения сделки четверо путешественников покинули город со всей возможной поспешностью.

Впрочем, уже в следующем городе никто не знал о перевороте, а для жителей более дальних областей страны события в столице были вообще чем-то слишком далеким и в принципе неинтересным. В этой местности уже не было крупных

городов – одни деревни. Вечером четвертого дня пути путешественники пересекли границу Дулпура, даже и не заметив этого; в этих диких местах не было не то что кордонов, но даже какого-нибудь межевого столба. Ночевать пришлось в лесу, за неимением поблизости жилья; как обычно в таких случаях, всю ночь жгли костер и по очереди несли вахту, однако ни зверь, ни человек не потревожили путников. Лишь на другой день, заехав в очередную почти затерявшуюся в чаще деревню, они узнали, что находятся уже не в Дулпуре, а в соседнем княжестве с длинным и труднопроизносимым для западного человека названием.

Хотя дорога по большей части все еще шла лесом, с продвижением на север он постепенно становился реже, и непричесанное буйство тропиков сменялось более строгой растительностью умеренных широт. Днем весеннее солнце припекало, казалось, по-прежнему, но по утрам было уже заметно холоднее. На шестой день пути лес стал распадаться на отдельные рощицы и к вечеру практически сошел на нет; на горизонте виднелись вершины гор, в этих местах невысокие и почти не покрытые снегом.

Через неделю после бегства из дворца путешественники добрались до последнего кундийского поселения на этом направлении; дальше не дорога уже, а еле заметная тропа уводила в сторону гор, а за ними, по словам Эйриха, начиналась пустыня, тянувшаяся до самых границ Тургуная.

В селении было почти полсотни дворов и никаких укреплений, приличествующих Последнему Форпосту. Появление путешественников с Запада не вызвало у жителей особого интереса – хотя нельзя сказать, чтобы подобные гости были здесь обычными. Просто местные обитатели, будучи, разумеется, не философами, а в большинстве своем обыкновенными неграмотными крестьянами, придерживались, тем не менее, популярных среди кундийцев идей фатализма; а раз все предопределено, то и нет смысла чему-либо удивляться.

Эти люди изъяснялись на диалекте кундийского, который даже Эйрих понимал с трудом. Однако ему все же удалось кое-как объясниться – и сведения при этом выяснились неутешительные. Да, время от времени через селение проходили караваны на север – или же, напротив, из-за гор на юг – но бывало такое весьма редко, и вряд ли стоило ожидать подходящей оказии в ближайшие месяцы. Таким образом, у желающих поскорее освободить Артена оставался единственный выход – добираться до Тургуная самостоятельно. Эйрих тут же занялся поиском проводника. В селении было несколько человек, способных сослужить такую службу, однако они предпочитали иметь дело с богатыми караванами, а не с подозрительными путешественниками, не выглядевшими особо надежно – и даже фатализм ничего не мог с этим поделать. Однако в конце концов желающий нашелся. Его звали Хинг, он был маленький, тощий и почти такой же черный, как

аборигены Южного континента. По его выжженному солнцем лицу трудно было определить возраст – ему могло быть и тридцать, и пятьдесят лет. Его одежда выглядела бедной даже на фоне отнюдь не роскошных нарядов других жителей селения, поэтому неудивительно, что глаза его вспыхнули при виде золотых монет, обещанных в качестве вознаграждения. Словом, Хинг смотрелся далеко не внушительно, и все же, посовещавшись, путешественники решили ему довериться. Ведь он отправлялся в путь вместе с ними – а значит, подвергался тем же опасностям. «В конце концов, – заметил Эйрих, усмехнувшись, – у него куда больше оснований не доверять нам – ведь, если в конце пути мы откажемся платить, вряд ли он сможет принудить нас силой.» Оба присутствовавших дворянина, естественно, оскорбились подобным подозрением, но были вынуждены признать его логичность.

Хотя Элина рвалась ехать дальше немедленно, однако все прочие, включая Хинга, сошлись на том, что остаток дня следует употребить на подготовку к переходу и выступить в путь рано утром. Путешественники пополнили запасы провизии (сокрушаясь по поводу невозможности достать в селении мясо), приобрели бурдюки для воды, дали отдохнуть лошадям, которым в последние дни приходилось несладко (Эйрих к тому же, осмотрев подковы, велел местному кузнецу перековать одну из них) и отдохнули сами. Хинг потребовал аванса, и Эйрих, после некоторого колебания, согласился. Если бы последний знал, что часть этих денег Хинг тут же употребит на покупку лошади, ибо своей у него не было – его колебания могли бы иметь совсем иной исход.

На рассвете, как и планировалось, небольшой отряд покинул селение и к полудню уже углубился в горы. На старых западных картах, составленных через несколько столетий после крушения власти магов, вся обширная область к северо-западу, северу и северо-востоку от Кундийского полуострова была обозначена как Фессарнийские горы; однако на самом деле здесь было две горных системы – западную аборигены называли Хадирскими горами, а более мощную восточную – Бхиланайскими. Одна система переходила в другую, соединяясь относительно невысоким и узким перешейком; через этот перешеек и лежал единственный прямой путь, связывавший Тургунай с побережьем (использовавшийся, как было уже известно Элине и ее спутникам, крайне редко).

Самые высокие вершины на перешейке лишь ненамного превосходили пять тысяч футов, а перевалы, разумеется, лежали еще ниже. К тому же здесь не нужно было опасаться нападений грабителей – караваны проходили тут столь нечасто, что любой разбойник умер бы с голоду и тоски, дожидаясь в засаде. Однако не следует думать, будто пересечение перешейка было таким уж простым и безопасным делом. Путникам угрожали каменные осыпи и лавины, а дорога время

от времени превращалась в узкую тропку, вьющуюся над двухсотфутовой пропастью; приходилось спешиваться и идти, прижимаясь к скале и осторожно ведя за собой пугливо фыркавших лошадей. Иногда вместо штурма крутого склона приходилось делать изрядный крюк, выбирая дорогу, где могли бы пройти лошади с поклажей. Несомненно, для большого каравана этот маршрут был бы еще более трудным, так что Элина быстро поняла, почему лишь немногие кундийцы и тургунайцы решаются торговать друг с другом.

Хинг с честью выполнял свою роль проводника и уверенно вел маленький отряд по горным тропам. Зато на эльфа больно было смотреть. Проведший всю жизнь на равнине, притом в лесу, он даже от вида открытой степи или моря чувствовал себя не слишком уютно, а уж в горах от первого же взгляда вниз по лицу его разлилась смертельная бледность, сердце забилось часто-часто, а ладони покрылись холодным потом. Ему было стыдно, и он старался взять себя в руки, однако его состояние не укрылось от товарищей.

– Новичкам в горах часто страшно, – неожиданно-добродушно сказал Эйрих. – Однако это далеко не самые высокие горы и не самый сложный маршрут. Привыкнете.

– Постараюсь, – сконфуженно ответил эльф, борясь с головокружением и щупая рукой надежную каменную стену.

Однако, когда дело дошло до первого по-настоящему серьезного карниза, по которому надо было пройти почти три сотни футов между пропастью слева и отвесной гранитной стеной справа, решимость оставила Йолленгела окончательно. Не то чтобы карниз был совсем узким – все же по нему могла пройти навьюченная лошадь – однако эльфу казалось, что вдали он вытягивается в нитку, практически сливаясь со скалой. Вдобавок ко всему налетал порывами встречный ветер, хоть и не такой сильный, чтобы реально сбросить путника в пропасть, но, безусловно, комфорта и уверенности не добавлявший. В общем-то даже и Элина с неудовольствием отметила, что пульс во время пути по карнизу у нее участился – хотя, конечно, она никогда и никому бы в этом не призналась.

Путешественники один за другим проходили по карнизу, ведя под уздцы лошадей, пока, наконец, у начала пути не остался один Йолленгел со своим конем. Эйрих, увидев это, вернулся обратно – он шагал по тропке над пропастью так, словно это был отполированный паркет дворцового зала – и взял из ледяных пальцев Йолленгела уздечку.

– Идите следом, – велел он и двинулся вперед.

Эльф попытался. Однако, стоило ему сделать первый шаг с надежной широкой площадки, как ноги моментально сделались ватными, и Йолленгел бессильно

прислонился к скале, пытаясь вцепиться в нее обеими руками. В этом положении его и увидел Эйрих, когда вместе с лошадью добрался до другого конца тропы.

– Похоже, у нас проблема, – заметила Элина. – Эй, Йолленгел! Вы же видите, мы все благополучно прошли! С такой широкой тропы при всем желании не сорвешься!

– Я понимаю, – донесся обреченный голос эльфа. – У меня голова кружится.

– Не смотрите вниз!

Йолленгел, все так же пытаясь вжаться в скалу, сделал пару шагов.

– Да не пяльтесь вы в небо! – раздраженно рявкнул Эйрих. – В горах надо смотреть под ноги!

Естественно, взгляд под ноги тут же напомнил эльфу о пропасти в паре футов слева от него, и Йолленгел вновь застыл, отвернувшись к стене. Ветер трепал его волосы и одежду.

– Или ты пойдешь вперед, или я сам скину тебя в пропасть! – потерял терпение Эйрих.

Йолленгел не внял.

– Он вам не верит, – констатировала Элина, хотя тон Эйриха был столь грозен, что она и сама на какой-то момент испугалась за эльфа.

– Распустил я его... – недовольно пробурчал Эйрих. Внезапно выражение его лица изменилось, рука легла на рукоять меча.

– Йолленгел! Не оборачивайтесь! У вас за спиной снежный барс!

– Что? – растерянно переспросил эльф, сделавший было робкий жест обернуться, но не посмевший довести его до конца.

– Быстрее, эта тварь уже близко!

Разумеется, никакого барса не было, а если бы и был, он не стал бы нападать на человека на узком карнизе. Да и призыв не оборачиваться, а стоять к хищнику спиной, был явно не из разряда разумных. Но Йолленгел был слишком напуган, чтобы рассуждать логично. Он видел лишь, как его спутники обнажили мечи и с тревогой всматриваются во что-то за его спиной. Эльф лихо, почти бегом припустил по тропе, туда, где так обнадеживающе блестели дружеские клинки. Однако, едва он достиг спасительной площадки, как его товарищи заулыбались и убрали оружие в ножны. Йолленгел обернулся на оставшийся позади карниз.

– Так, значит, вы меня обманули, – сказал он огорченно, словно только и мечтал о встрече со снежным барсом. Остальные рассмеялись (за исключением, конечно, Хинга, стоявшего поодаль и не понимавшего ни слова).

– Теперь вы убедились, что ходить по таким карнизам несложно? – осведомился Эйрих.

– Кажется... надеюсь. Кстати, а что такое барс?

Новый взрыв смеха.

– Он даже не знал, от чего убегает! – заливалась Элина.

– Все правильно, – невозмутимо ответил Эйрих. – Страх перед невидимым и непонятным всегда сильнее, чем страх перед видимой опасностью. Я мог бы назвать и несуществующее слово, но в этом случае, боюсь, вы двое не включились бы в игру мгновенно. Барс, Йолленгел, это большая хищная кошка.

Терапия Эйриха пошла эльфу на пользу; нельзя, конечно, сказать, что его страх исчез сразу и полностью, однако уже по следующей узкой тропе над откосом он прошел вполне уверенно, а позже расхрабрился настолько, что уже сам перевел по карнизу свою лошадь. Высота все еще щекотала ему нервы, но Йолленгел с удивлением понял, что получает от этого давно забытое удовольствие, которое испытывал, лазя по деревьям в детстве, еще до того, как вечный гнетущий страх вошел в его жизнь.

Ближе к вечеру отряд добрался до перевала; несмотря на ясное весеннее небо и все еще пригревавшее солнце, здесь дул обжигающе холодный ветер, а кое-где прямо посреди зеленой травы белели небольшие островки снега. Было еще достаточно светло, когда путешественники перебрались через перевал и начали спуск, однако ночевать им пришлось все еще на довольно приличной высоте, забившись в палатку и прижимаясь друг к другу, ибо топлива для костра здесь почти не было, а холод пронизывал до костей. Хинг, впрочем, относился к холоду с совершенным равнодушием и остался спать на свежем воздухе.

Наутро спуск возобновился; Элина обратила внимание, что природа по эту сторону гор изменилась. На смену зеленому ковру травы, местами расшитому белыми цветами, пришли голые камни и желтая сухая почва, на которой лишь кое-где торчали бурые невзрачные кустики. Отсеченная горами от влажных ветров с юга, впереди на сотни миль лежала пустыня.

Спуск прошел без происшествий, и после короткого отдыха отряд двинулся дальше на север. Какое-то время ехали по сухой каменистой земле, поросшей серой колючкой; но затем исчезла даже и колючка, и начались пески, ничем не отличавшиеся от песков Тагратской пустыни. Отличие было разве что в оккупированной барханами площади – по словам Хинга, путь до степей Тургуная должен был занять лишь пять дней. Кроме того, эта пустыня – тургунайцы называли ее Шезех-Кум – лежала севернее Тагратской, и климат здесь был холоднее; однако Таграт путешественники пересекали в конце зимы, а теперь была уже весна, и солнце с каждым днем пекло все сильнее.

Первая неприятность произошла к концу второго дня пути через пустыню. Бурдюки с водой к этому времени были уже практически пусты – как-никак, лошадям нужно было больше, чем людям – но, по заверениям Хинга, вот-вот

должен был показаться колодец. Элина решительно не могла понять, как можно отыскать колодец – по сути, просто ямку в песке – среди всех этих бесконечных однообразных песчаных холмов, но, если бы она это понимала, им бы не понадобилось нанимать проводника. Наконец Хинг, пришпорив пятками коня, поскакал куда-то вбок, но, не успели путешественники последовать за ним, остановился и повернул обратно. Вид у него был огорченный.

– Колодец пересох и засыпан песком, – перевел его объяснения Эйрих. – Он говорит, что завтра вечером мы доберемся до следующего. Мне это не нравится.

– Кому такое понравится, – пробурчал Редрих.

– Я имею в виду две возможности, – пояснил Эйрих. – Первая – он сам толком не знает дорогу. Вторая – следующий колодец может оказаться в таком же состоянии.

– Он едет вместе с нами и подвергается той же опасности, – возразила Элина. – Если бы он не был уверен...

– Он был уверен уже в этом колодце. Наверное, он пересекал Шезех-Кум, но это было достаточно давно. Пустыня, знаете ли, не так неизменна, как кажется.

– И что ж по-вашему, повернуть назад? – агрессивно поинтересовалась Элина.

– Возможно, это был бы не худший вариант.

– Что, снова переправляться через горы и искать другого проводника? Вы представляете себе, сколько времени мы потеряем?

– Я представляю себе, что такое пересекать пустыню без воды. Мы и так забрались уже слишком далеко, но пока у нас есть шанс вернуться. Если мы поедем дальше, и колодца не окажется, лошади не выдержат, в какую бы сторону мы оттуда ни направились. А если придется идти без воды пешком, не выдержим и мы.

– Это всего лишь предположение. А Артену грозит реальная опасность. Мы и так безнадежно опаздываем. Может быть... его уже нет в живых. С той ночи я так и не смог снова с ним связаться.

– Если его нет в живых, нам тем более некуда торопиться, – усмехнулся логичный Эйрих.

– Эйрих, вы прежде не казались мне трусом, – вступил в спор Редрих. – Если хотите, можете, конечно, возвращаться, но мы поедем дальше.

Элина посмотрела на него с благодарностью.

Эйрих не стал отвечать и вместо этого что-то спросил у Хинга. Кундиец горячо затараторил в ответ, явно тоже пытаясь в чем-то убедить Эйриха. Наконец тот поднял руку в останавливающем жесте.

– Говорит, что тот колодец не может пересохнуть. Он, дескать, слишком большой, или слишком глубокий, или еще что-то в этом роде. Йолленгел, а вы что думаете?

– Я? – вопрос застал эльфа врасплох. Он не привык, чтобы его спутники спрашивали у него совета. Тем более он не ожидал этого от Эйриха. – Я не знаю... Я ведь впервые в пустыне, – он неуверенно улыбнулся.

– Зная вашу способность влипать в истории, я бы выслушал ваше мнение и понял, как не надо поступать, – желчно ответил Эйрих. – Ну ладно. Вообще-то моя интуиция подводит меня весьма редко. Будем считать, что это тот самый случай.

– Я знал, что вы нас не бросите! – радостно воскликнула Элина, пожимая Эйриху руку. Оставленный без внимания Редрих мрачно наблюдал за этой сценой.

В этот вечер люди сделали лишь по глотку; оставшуюся воду отдали лошадям.

Следующий день пути был не из приятных. Ехали небыстро, щадя коней, и молча; пересохший рот не располагает к разговорам. Весеннее солнце пригревало, ветра не было, так что уже к полудню стало по-настоящему жарко. Вдобавок ко всему пески в этих местах были какого-то белесого оттенка, слепившего глаза в ярких солнечных лучах. Но вот, наконец, дневные краски начали тускнеть; тени барханов беззвучно, но неотвратимо ползли по песку, сперва затопляя низины, а потом и начиная взбираться по пологим спинам соседних песчаных холмов. Наконец уже только гребни гигантских волн пустыни золотились в лучах умирающего дня, а колодца все не было.

Хинг отъезжал от отряда то влево, то вправо, то уносился вперед, как видно, выискивая знакомый ориентир. Эйрих с подозрением наблюдал за этими эволюциями, и пару раз, когда проводник отрывался слишком далеко, направлял коня следом за кундийцем.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом; зарево на западе еще озаряло пустыню последним рассеянным светом, но в густевшей синеве восточного неба уже проступили первые звезды.

– Неужели в этой темноте можно отыскать колодец?! – раздраженно воскликнул Редрих.

– Скоро взойдет луна, – ответила Элина, хотя ей самой подобный аргумент не представлялся убедительным. Герцог тоже не удостоил его ответом.

– Когда жажда станет нестерпимой, мы взрежем вену лошади и будем пить кровь, – сообщил он более реальную перспективу.

И в этот момент Хинг, в очередной раз пославший своего усталого коня вверх на гребень бархана, что-то радостно крикнул и замахал руками, а затем скрылся за гребнем.

– Колодец! – перевел Эйрих, устремляясь следом. Остальные тоже не заставили себя упрашивать.

Поначалу с вершины бархана они увидели лишь какую-то кучу камней внизу. Рядом стояла лошадь Хинга, однако самого его нигде видно не было. Подъехав вплотную, путешественники поняли, что перед ними не просто нагромождение валунов, а – остатки древней каменной кладки. Некогда, по всей видимости, это было небольшое куполообразное строение; теперь большая часть купола обвалилась, однако обломки не загромождали полузасыпанную песком пологую лестницу внутри, уводившую куда-то вниз. Очевидно, Хинг спустился именно туда. Эйрих окликнул его. Из темной глубины донесся голос проводника. Эйрих, на всякий случай взявшись за рукоять меча, стал спускаться; Элина двинулась за ним.

Ход был совсем короткий и приводил в небольшое подземное помещение круглой формы. Свет едва проникал сюда, и все же в сумраке вошедшие различили щуплую фигуру Хинга; с видимым усилием он вытягивал толстую веревку, уходившую в огражденную каменным бордюром круглую дыру в центре помещения. Эйрих, оставив в покое меч, подошел ему помочь, и вдвоем они быстро вытащили из шахты колодца тяжелый керамический сосуд, полный холодной плещущейся воды.

Проводник скромно уступил право первого глотка своим нанимателям, но Эйрих добродушно позволил ему напиться первым – хотя, возможно, дело здесь было не только в добродушии. Затем, не впадая в излишнюю галантность, выпил сам, потом передал несколько полегчавший кувшин Элине, после чего наступил черед остальных, спустившихся вслед за графиней. Людям, при всей их жажде, хватило одного кувшина; однако затем пришлось еще неоднократно опускать сосуд в глубину и вытягивать наверх, чтобы напоить лошадей и наполнить бурдюки, так что под конец даже у тренированных членов команды заныли руки и плечи. Но что значила эта, в чем-то даже приятная, усталость по сравнению с возможностью наконец-то вволю напиться после дневного перехода по пустыне!

Осторожный Эйрих принял решение заночевать подальше от колодца – кто знает, каких еще путников могло привлечь это, столь необычное для Шезех-Кум, место. Ночевка под открытым небом означала посменное дежурство часовых – Эйрих придерживался этого правила неизменно, хоть в лесу, хоть в самой безжизненной пустыне. В свое время он долго колебался, доверять ли эту ответственную функцию Йолленгелу – в конце концов, тот был не таким уж размазней, раз прожил всю жизнь во враждебном луситском лесу и пережил всех своих сородичей – однако Эйрих помнил, чем это в итоге закончилось, и потому решил пока не привлекать эльфа в качестве ночного караульщика. Тот,

разумеется, не возражал – если его самолюбие и было задето, то возможность поспать лишние несколько часов с лихвой это компенсировала. Само собой, не полагался Эйрих и на Хинга; таким образом, со времени бегства из Дулпура ночное дежурство по очереди несли сам Эйрих, Элина и Редрих.

В этот раз дежурить в первую треть ночи выпало графине. Элина поплотнее закуталась в куртку, спрятала руки в рукава – ночи в этих краях были все еще холодными – и уселась на седле, брошенном возле палатки на быстро стынущий песок. Она думала о колодце, совсем не похожем на обычные колодцы в пустыне; стало быть, и в этих диких и безжизненных местах некогда была цивилизация. Уже не впервые где-то в дальнем углу ее сознания, куда безжалостно ссылались негероические мысли, шевельнулось сомнение – действительно ли свержение власти магов было таким благом и прогрессом, как принято считать? Ей даже показалось, что она слышит, как заточенное сомнение гремит цепями в своем каземате; она улыбнулась и наклонила голову, заставив цепи снова звякнуть. Элина вернула голову в прежнее положение, и горизонт неожиданно качнулся, словно графиня находилась на палубе корабля. Это было забавно; она еще несколько раз повторила тот же жест, пока у нее не начала кружиться голова. «Это не голова кружится, это звезды идут по кругу,» – поняла Элина. Звезды действительно плыли над горизонтом, одни быстрее, другие медленнее; они были уже не маленькими белыми точками, а радужными шариками; некоторые из них волочили за собой шипящий, сыплющийся искрами хвост. Это было очень красиво. Элина счастливо засмеялась, и пустыня отозвалась мелодичным перезвоном колокольчиков. Элина протянула руку и поймала пролетавшую звезду; та щекотала и покалывала пальцы. Графиня поднесла руку к глазам; звезда лежала на ладони, разноцветно помаргивая. Элина вдруг поняла, что пустыня – это большая ладонь, которая мягко укачивает ее; захотелось спаать... «Нельзя, – прозвучал голос как будто со стороны, – я на посту...» «Надо сдать пост, – пришло решение. – Надо... сдать... Эйрих! Эйрих, где вы?» Эйрих почему-то не отзывался. Похоже, он спрятался. Эйрих захотел поиграть. «Эйрих, ну я же сейчас усну», – капризно подумала Элина, шаря руками вокруг. Почему-то все время попадался песок... неужели Эйрих зарылся в песок, как ящерица? Элина попыталась копать и вдруг уткнулась лбом в полотнище палатки. На ощупь она отыскала вход и вползла внутрь. «Эйрих, идите дежурить», – подумала Элина и с чувством выполненного долга отключилась.

– Эрвард! Эрвард, что случилось?

«Какого-то Эрварда зовут, – подумала Элина. – Скорее бы он отозвался! Эти крики мешают мне спать. Ну вот, еще пихается кто-то... Ой, демоны вселенной!»

Она вдруг вспомнила, кто она и где она, и распахнула глаза. Был день – даже уже не утро, а день. Она лежала у входа палатки – голова и туловище внутри, ноги снаружи. Эйрих, бледный и встрепанный, тормошил ее, пытаясь привести в чувство.

– А... что... день? – рука Элина рефлекторно метнулась к мечу. Меч был на месте. – Эйрих, только не говорите мне, что я уснул на посту! – мысль о подобном позоре была столь ужасна, что графиня в первый момент даже не подумала о возможных последствиях своей оплошности.

– Боюсь, мне придется сказать именно это. Вы хорошо себя чувствуете?

– Эйрих, не издевайтесь! Я понимаю, мне нет прощения, но...

– Я не об этом. Я о физическом состоянии.

Элина проанализировала свои ощущения.

– Разбитость какая-то, – сделала вывод она. – И... одурелость. Будто я еще не вполне проснулась... лся.

– Так-так, – кивнул Эйрих. – А что было вчера, не помните?

Элина наморщила лоб, сосредотачиваясь.

– Бред какой-то, – сокрушенно констатировала она. – Звезды летали, пустыня качалась...

– Так я и думал. Утешьтесь, вы ни в чем не виноваты. Во всем виноват я, – никогда еще графиня не видела своего спутника столь удрученным.

Элина, наконец, заставила себя сесть. Казалось, что голова набита ватой.

– Да что здесь творится, объясните, наконец, – жалобно произнесла она, прикладывая ко лбу холодную сталь меча.

– Хинга нигде нет. Его лошади тоже. И... наших денег.

Графиня сунула руку за кошельком и убедилась в правоте последнего утверждения.

– Этот мерзавец что-то подмешал в воду, – продолжал Эйрих. – Какой-то наркотик. Он оказался у колодца первым и успел что-то бросить или вылить в кувшин.

– Но ведь он пил вместе с нами!

– Вот на это я и купился, – мрачно констатировал Эйрих. – Проклятье, с моим-то опытом! И ведь, главное, интуиция с самого начала говорила мне, что за Хингом нужен глаз да глаз... Старею. Пора переквалифицироваться в садовники... Дело в том, Эрвард, что человек, часто употребляющий наркотики, привыкает к ним, и прежние дозы на него уже не действуют. А он и выпил меньше нашего.

– Надо было мне зашить деньги в подкладку, как раньше, – сказала Элина. – Но я думал – вы о них позаботитесь.

– Да, не надо мне было оставлять их у себя после продажи кулона, – кивнул Эйрих, продолжая самобичевание. – Дрянной из меня получился казначей... В нормальном состоянии никто не смог бы обокрасть меня, не разбудив. Но этот замухрышка оказался хитрее... проклятье!

– Мы уже не сможем его догнать? – для порядка осведомилась Элина. Она понимала, что если бы ситуацию можно было исправить, Эйрих сейчас не предавался бы самоедству, а седлал коня.

– Нет. Он уехал давно и к тому же перестраховался. Я еще не все сказал вам. Наши бурдюки изрезаны. Нам нет пути на юг.

– Не понимаю, почему он просто не перерезал нам глотки, – пробурчала Элина.

– Должно быть, это все туземные суеверия. Среди кундийцев распространена теория, по которой нельзя убивать ни людей, ни животных, иначе после смерти переродишься в какую-нибудь жабу. Поэтому, собственно, многие аборигены – вегетарианцы. Как вы уже могли убедиться, не все кундийцы придерживаются этой теории, но Хинг, как видно, придерживается... Ладно, давайте будить остальных.

Редриха удалось растолкать довольно быстро. Как и другие жертвы наркотика, он имел в прямом смысле бледный вид, однако, взглянув на Элину, вдруг начал краснеть. Графиня так и не узнала, что виной тому были сны, который молодой человек видел в эту ночь; благодаря наркотику они казались удивительно реальными. Элину, впрочем, мало занимал цвет лица герцога, поскольку им никак не удавалось привести в чувство Йолленгела. Очевидно, доза, рассчитанная на человека, для эльфа оказалась чрезмерной. Йолленгел дышал, хотя и неглубоко, но в сознание приходить отказывался.

Эйрих, однако, не растерялся и, раскрыв эльфу безвольный рот, влил туда изрядную порцию какого-то своего снадобья. Через некоторое время после серии пощечин Йолленгел замычал. Эйрих ухватил его за куртку, усадил и встряхнул.

– Как мне плохо... – простонал эльф, болезненно морщась и все еще не открывая глаза. – Голова...

– Знаю. Тошнит?

– Угу, – Йолленгел судорожно сглотнул.

– Это хорошо. На выход.

Эйрих практически вытолкал своего пациента из палатки. Эльф немного отполз в сторону на четвереньках, и его вырвало.

– Извел на него почти весь запас... – проворчал Эйрих, упомянув под конец какое-то слово явно не западного происхождения.

После того как Йолленгел, на лицо которого постепенно возвращались краски, был, последним из отряда, ознакомлен с текущим положением, Эйрих подвел

итог: «Сейчас к колодцу, напоим лошадей и двинем на север. По идее, должны добраться.» Возразить на эту программу было нечего, но и особо легкой жизни она не сулила. Понурые и молчаливые, путешественники принялись седлать коней. При воспоминании о Хинге в глазах Редриха сверкало бешенство, но он не позволил себе выйти из себя в присутствии Элины.

Судя по солнцу, выехали незадолго до полудня. Солнце палило вовсю; казалось, всего за пару дней весна сменилась летом, хотя на самом деле время настоящей, убийственной летней жары еще не настало. Ехали по-прежнему молча; к тому же после наркотика все еще чувствовали некую разбитость и заторможенность. Должно быть, поэтому никто не обратил внимания на изменение погоды; на смену штилю пришел странно-теплый, сушивший кожу ветер, налетавший порывами с юго-запада. И лишь в очередной раз поднимаясь по склону бархана, Элина обернулась и посмотрела на юго-запад. То, что она там увидела, ей не понравилось.

Вдали над барханами висела рыжая туча. Висела слишком низко, чтобы приходиться родственницей обычным дождевым тучам – да и небо оставалось по-прежнему безоблачным. Вглядевшись, графиня поняла, что рыжая клубящаяся масса не просто висит, а постепенно движется прямо на них.

Эйрих, и без того невеселый с утра, совсем почернел лицом.

– Шамем, – коротко сказал он. – Ураган пустыни. Только этого нам и не хватало.

Он саданул каблуками лошадь, посылая ее вверх по склону. Остальные устремились за ним.

– Это опасно? – осведомилась Элина.

– Да.

– Вы знаете, что делать?

– Укрыться с подветренной стороны бархана. Хотя это слабая защита, когда на нас обрушатся все эти потоки песка. По правде, я никогда не видел шамем, только слышал о нем. Никто не знает заранее, сколько он будет бушевать – час или несколько дней, – Эйрих мог бы еще добавить, что в последнем случае живых обычно не остается, но не стал нагнетать обстановку.

Они были уже почти на гребне, как вдруг лошадь Йолленгела оступилась и осела на задние ноги, сползая назад по песку. Трудно сказать, кто был более виноват – конь или всадник, слишком нетерпеливо его понукавший – однако эльф, не ожидавший такого подвоха, кувырнулся назад из седла и покатился вниз по склону бархана.

– Йолленгел! – крикнула Элина и, развернувшись, поскакала на выручку эльфу.

– Эрвард, куда вы! – в отчаянии крикнул Эйрих, добравшийся уже до вершины и смотревший на рыжую клубящуюся тьму, которая, как теперь уже было видно, не ползла, а мчалась на них с огромной скоростью. Он попытался удержать Редриха, рванувшегося следом за Элиной, но тот вырвался. Тогда Эйрих отвернулся и начал спускаться на подветренную сторону бархана.

Графиня добралась до эльфа в тот момент, когда тот, наконец, поднялся на ноги и начал восхождение к испуганно храпевшему выше по склону неверному коню. Элина протянула Йолленгелу руку и помогла ему взобраться на круп ее лошади. Бедному животному пришлось подниматься по сыпучему склону с двойной нагрузкой; Редрих, не имея возможности помочь, бестолково покружил вокруг, а затем, осененный, подъехал к лошади эльфа, ухватил ее под уздцы и повел навстречу хозяину. Эльф, наконец, перебрался в свое седло; и едва вся троица выехала на гребень, как на них обрушился шамем.

В следующий момент Элина уже ничего не видела и не слышала; горячий сухой песок забивал уши, глаза, нос, рот, хлестал ее, тащил, выволакивал из седла... Шквал едва не опрокинул ее вместе с конем, однако животное все-таки сумело удержаться на ногах и теперь скакало туда, куда гнал его ветер, не обращая больше внимания на всадницу... впрочем, всадница и не пыталась этому помешать.

Она не знала, сколько времени продолжалась эта безумная скачка. Ослепленная, оглушенная, задыхающаяся, графиня Айзендорг растеряла все мысли и чувства, привитые ей цивилизацией; их место занял древний ужас, ужас маленького беспомощного зверька перед безграничной силой разъяренной стихии. Ни во время боя в Чекневе, ни во время шторма, проведенного в каюте, она не чувствовала себя так... пожалуй, теперь она вообще *не чувствовала себя*.

Затем Элина вдруг поняла, что быстро катится вниз по склону. Потом ткнулась лицом в горячий песок; повернулась, высвобождая нос, и ощутила, как мир вокруг качнулся из-за владевшего ей головокружения. Шамем продолжал бушевать. Элина не пыталась подняться, лишь закрывала руками лицо от ветра и время от времени разгребала песок, грозивший погрести ее с головой. С каждым разом это удавалось ей все хуже; она уже лежала в чем-то вроде кратера, стены которого, наметаемые вокруг ее головы и плеч, периодически осыпались вниз, прямо на нее. Элина практически выбилась из сил. Она сухо, судорожно кашляла – казалось, легкие уже полны песка...

Затем вдруг все кончилось. Ну, может быть, и не вдруг, просто измученное сознание Элины уже фиксировало действительность не непрерывно, а какими-то клочками... и в очередной миг оказалось, что ветра больше нет.

Элине стоило немалого труда выползти из своей почти уже законченной песчаной могилы. Графиня тяжело поднялась на ноги; песок сыпался из волос, стекал струйками по плечам и за шиворот. Рука потянулась к поясу и нежно погладила рукоять меча. Кажется, жизнь продолжается.

Вот только надолго ли? Она одна посреди пустыни, без лошади, без еды. Правда, у нее под курткой непочатая фляга с водой – ее можно растянуть дня на три, и, наверное, еще столько же можно будет протянуть потом... хватит ли этого, и сумеет ли она правильно определить направление?

Лишь после этих рассуждений Элина пришла в себя настолько, чтобы задуматься об участи остальных. Эйрих, скорее всего, в порядке; а вот с двумя другими могло случиться разное, в особенности с эльфом. Графиня понимала, что сама была недалеко от гибели.

Однако пытаться отыскать товарищей, блуждая по пустыне, очевидно, бессмысленно. Она не умеет ориентироваться среди барханов и может пробродить так под солнцем невесть сколько, тратя время и воду. Самое разумное – это двигаться на север. Тогда, если все будет хорошо и остальные рассуждают так же, то у них появляется шанс встретиться в Тургунае. Элина, разумеется, понимала, что Тургунай – огромная страна, но не без оснований полагала, что на границе с пустыней вблизи этого меридиана вряд ли имеется много поселений; скорее всего – какая-нибудь одна крепость, к которой ведут все дороги.

Было, должно быть, где-то между четырьмя и пятью пополудни; впрочем, со всеми этими путешествиями по разным широтам в разные времена года Элина уже не поручилась бы, что правильно определяет время по положению солнца. Но вряд ли ошибка – и вытекавшая из нее ошибка направления – была слишком серьезной. Элина сделала несколько поощрительных глотков из фляги, отплевавшись, наконец, от песка, переобулась, вытряхнув песок из сапог, и зашагала на север.

Она быстро убедилась, что пересекать пустыню пешком – удовольствие куда более сомнительное, чем ехать на лошади или хотя бы даже идти, но по хорошей дороге. У нее зародились серьезные сомнения, что после того, как кончится вода, удастся идти вот так еще три дня. Тем паче что она не могла позволить себе роскошь петлять, избегая крутых подъемов – так было бы слишком легко сбиться с направления. Но куда больше, чем утрата средства передвижения, удручала Элину мысль, что вместе с лошадью и седельной сумкой она лишилась всех своих записей по эльфийской культуре; кое-что можно было восстановить по памяти, но, увы, далеко не все... Хотя если с эльфом все в порядке, то он может надиктовать заново – но все равно, так жаль потраченного времени и труда...

Поднявшись на очередной высокий бархан, Элина остановилась, переводя дух и вытирая рукавом пот с лица. Искушение глотнуть воды было слишком велико, но она твердо постановила экономить. Графиня окинула взглядом открывавшуюся с гребня панораму, не надеясь уже обнаружить что-нибудь интересное... но на сей раз, помимо застывших песчаных волн, увидела кое-что еще. Милях в полутора к северо-востоку из-за бархана показался всадник.

С такого расстояния Элина не могла разглядеть, кто это; она даже не могла понять, один он или их двое. Это могли оказаться незнакомцы, и притом с недружественными намерениями. Но Элина не раздумывала. Даже если их двое – их всего двое на одну графиню Айзендорг.

– Хей! Э-гей! – закричала она во весь объем легких, размахивая руками. Расстояние было большим, но в тишине предвечерней пустыни всадник услышал. Он повернулся и поехал по направлению к ней – теперь Элина наконец разглядела, что человек действительно один, хотя лошадей две. Графиня, зарываясь сапогами в песок, побежала навстречу, вниз по склону бархана.

Через несколько минут она поняла, что это Редрих. Ей подумалось, что герцог проявляет недостаточную прыть – мог бы скакать и побыстрее; она даже сама перешла на демонстративно-неспешный шаг. Однако, когда расстояние еще более сократилось, Элина поняла, что все дело в лошади, которую Редрих вел в поводу – та слегка прихрамывала. Кстати, то была ее собственная лошадь. Графиня устыдилась своих недавних мыслей; к счастью, молодой человек был еще слишком далеко, чтобы это заметить.

– Вот, присмотрел тут за вашей лошадью, – непринужденно сказал Редрих, подъезжая.

– Благодарю, – в тон ему ответила Элина. – На ней можно ехать?

– Думаю, да. Лучше ехать на хромой лошади, чем идти пешком. Но... – внезапно решился Редрих, – еще лучше дать ей отдохнуть. Мой конь выдержит двоих, и если вы... – говоря это, он смотрел куда-то в сторону, словно делал жутко неприличное предложение.

– Резонно, – спокойно одобрила Элина, легко вспрыгивая на круп его коня и без всякой задней мысли берясь за бока Редриха. От этого прикосновения сквозь куртку герцог ощутил сладкое томление во всем теле; он даже не сразу понял, что ему задают следующий вопрос.

– Остальные? Нет, я не знаю, что с ними. Кажется, когда налетел шквал, Йолленгел снова свалился с коня. Я старался скакать за вами, но вскоре потерял вас из виду.

– Я в состоянии о себе позаботиться, – дернула плечом Элина, хотя и была весьма довольна встречей с Редрихом, лошадью и своими записками. – Вам не

следовало бросать Йолленгела. Неужели бедняга эльф проехал с нами все эти тысячи миль только затем, чтобы погибнуть под грудой песка посреди пустыни?

– Ну почему сразу погибнуть? Там где-то поблизости должен быть многоопытный Эйрих. Да и потом, вы же не погибли, – он подумал, что все это звучит недостаточно убедительно, и добавил: – Впрочем, я все равно ничего не мог поделать в этой буре. Разве что спрыгнуть с коня, и тогда бы без лошадей остались все трое.

– Надеюсь, что он жив, – непреклонно произнесла Элина. – В противном случае, Редрих, я вам этого не прощу.

«Неужели какой-то нелюдь вам дороже, чем...» – чуть было не вырвалось у Редриха, но он лишь крепче сжал губы.

Таким образом, молча и дуясь друг на друга, они ехали на север еще около часа. Элину это вполне устраивало – после всех передряг этого дня ей хотелось только выпить воды и завалиться спать. Редрих же, напротив, страдал от того, что снова упускает время, и что лучшую возможность для «серьезного разговора» трудно вообразить; он ругал себя ослом и в то же время вспоминал о своей династической гордости, выжидая, чтобы Элина нарушила молчание первой. Гордость, впрочем, была скорее лишь удачным предлогом; на самом деле молодой человек – не раз бившийся с мечом в руке против нескольких врагов сразу, не побоявшийся бросить вызов всему Тарвилону, сражаясь за приз Роллендальского турнира, в одиночку проделавший опасный путь длиной в несколько тысяч миль – теперь попросту боялся грядущего разговора.

Наконец он понял, что ищет предлог для оттягивания объяснения, обругал себя трусом и постановил сосчитать до пяти и начать. Солнце висело уже совсем низко; они поднимались на очередной песчаный гребень, и их длинные тени тянулись вверх по пологому наветренному склону.

– Элина... – после долгого молчания голос Редриха прозвучал до неузнаваемости хрипло.

– Меня зовут Эрвард, – немедленно отреагировала графиня.

– Зачем этот маскарад здесь и сейчас! – воскликнул он, пытаясь обернуться к ней, насколько это можно было сделать, сидя впереди нее на лошади.

– Затем же, зачем везде и всегда, – невозмутимо ответила Элина.

– Мы ведь с вами одни посреди пустыни! И, знаете, я давно...

– Кажется, уже не одни, – перебила графиня, глядя мимо него.

Редрих поспешно повернулся вперед. Они как раз выехали на вершину. Внизу, на расстоянии менее полумили, в северо-восточном направлении двигался караван.

Этот караван не походил на те, что уже приходилось видеть Элине. Здесь не было верблюдов, груженых товарами; голову и хвост каравана образовывали две группы всадников на лошадях. Между же ними тянулась длинная вереница людей, которые брели по пустыне пешком; всмотревшись, можно было понять, что все они скованы общей цепью, шедшей от шеи к шее. От хвоста колонны к голове неспешно гарцевало еще двое всадников, как видно, надсмотрщики.

– Работорговцы, – констатировал Редрих, натягивая поводья и разворачивая коня. Но было уже слишком поздно. Их заметили.

От обеих групп стали отделяться всадники, вытягиваясь в сторону потенциальной добычи. Надсмотрщики защелкали кнутами, заставляя рабов лечь, чтобы те не могли воспользоваться ослаблением охраны. Но измученные дорогой невольники и не помышляли о бунте и сами рады были возможности повалиться на песок.

Враги были еще далеко, и им предстояло скакать вверх по бархану, поэтому у молодых людей еще оставался небольшой запас времени, чтобы принять решение.

– Вдвоем на одном коне нам не уйти, – сказал Редрих. – И не отбиться.

– Мы все-таки лучшие бойцы Тарвилона, – возразила Элина без особой уверенности.

– Их слишком много, – резко качнул головой герцог. – Спасайтесь, я их задержу, – он принялся перебираться в седло хромой лошади.

На самом деле Элину обрадовала его готовность так поступить – естественно, у нее не было желания пожертвовать собой – но гордость требовала возмутиться.

– Почему вы? Давайте жребий.

– Нет. Скачите и не мешкайте.

– Только потому, что я – не мужчина? – Элина начала заводиться всерьез.

– Именно. И они это быстро обнаружат. Дальше объяснять?

Графиня вспомнила пиратский корабль и поежилась.

– Не надо, – тихо сказала она и принялась поспешно отвязывать сумку от седла своей бывшей лошади. – Редрих, постарайтесь остаться в живых! Я обязательно вас вытащу!

– Надеюсь, – криво усмехнулся герцог и, не тратя времени на дальнейшие прощания, поскакал навстречу врагам. Элина помчалась в противоположном направлении.

После нескольких минут стремительной скачки она обернулась. Теперь ее от каравана и Редриха отделял бархан, и она могла лишь догадываться о происходившем с той стороны; очевидно, герцогу, как он ни старался, не удалось отвлечь на себя внимание всех или большинства преследователей, потому что

девять из них показались из-за бархана – четверо обогнули вершину слева и пятеро справа.

Во время боя на палубе «Русалки» Элине удалось убить или ранить девятерых пиратов, но теперь на подобное рассчитывать не приходилось. Тогда они не нападали на нее все разом; тогда был бой между двумя командами, и пираты, по неведению, пытались сначала атаковать более солидно выглядевших моряков, а не юношу, почти мальчика – чем Элина и пользовалась; в конце же боя, когда она осталась одна, то занимала выгодную оборонительную позицию в углу между бортом корабля и носовой надстройкой. Во время схватки в переулке ее противникам также негде было развернуться. Теперь ни на что подобное рассчитывать не приходилось; оставалось лишь надеяться, что усталый конь не подведет. Она изо всех сил погоняла своего скакуна, низко припадая к его холке. Опасаясь, что лошадь не выдержит подъемов, графиня петляла между барханами, вертя головой по сторонам, чтобы не прозевать опасность, если преследователям удастся срезать по прямой. Но те избрали ту же тактику, что и она, понимая, что самый короткий путь еще не значит самый быстрый.

Пару раз расстояние между охотниками и дичью начинало опасно сокращаться, но всякий раз графиня, нещадно колотя лошадь, добивалась восстановления паритета. К счастью, Эйрих знал толк в лошадях. Погоня продолжалась до тех пор, пока не стемнело; лишь тогда раздосадованные охотники за людьми повернули назад. Элина, все еще не веря своему счастью, продолжала погонять коня, пока тот вдруг не свалился обессиленно на песок. Элина вытащила ногу из-под лошадиного бока, позволила себе, наконец, несколько жадных глотков из фляги и почти сразу же забылась тяжелым сном.

Первым, что она увидела утром, была мертвая оскаленная конская морда. Тяжело вздохнув по этому поводу, Элина переложила немногочисленное имущество и припасы в свою котомку, позавтракала черствой лепешкой и несколькими финиками – этих продуктов должно было хватить еще на пару дней экономного использования – и вновь побрела по пескам, на сей раз выбрав северо-восточное направление (ибо намеревалась попасть в тот же город, куда работорговцы гнали свой товар). Теперь она шла с большой осторожностью, избегая опрометчиво показываться на гребнях холмов; но пустыня в любом случае – не самое подходящее место, чтобы прятаться, так что Элине оставалось полагаться более на удачу, чем на меры предосторожности. Впрочем, удача, столь систематически отворачивавшаяся от нее и ее товарищей в прошлые дни, на сей раз, кажется, была на ее стороне. Оно, однако, и неудивительно – пустыня есть пустыня, и встречи с другими людьми, неважно, врагами или нет, здесь случаются нечасто.

На второй день пути изрядно измотанная уже Элина, перебравшись через очередной бархан, вдруг увидела впереди город.

Сердце ее забилось от радости – она полагала, что тащиться по пескам придется еще не один день. Тем не менее, город был здесь, в какой-нибудь паре миль. Его центральная часть была обнесена стеной, однако город, как видно, давно разросся за пределы крепостных укреплений. Элина с интересом рассматривала здания доселе невиданной архитектуры – их красные и желтые крыши походили на квадратные шляпы с изогнутыми вверх полями; среди зданий попадались высокие многоярусные башни, постепенно сужавшиеся кверху, и каждый ярус имел такие поля. Несмотря на близость пустыни, в городе было много зелени; низкие раскидистые деревья манили тенью и прохладой. По улицам двигались люди и повозки, слишком маленькие на таком расстоянии, чтобы различить подробности.

Позабыв про усталость и жажду, Элина бегом припустила вниз по склону бархана; она так спешила, что, зарывшись сапогом в песок, потеряла равновесие и кубарем скатилась к подножью. Оказавшись внизу, она поумерила прыть, и все же близость города придавала ей сил, и она спешила поскорее оказаться в этом полном жизни месте. Она отдавала себе отчет, что в городе ее могут ждать различные опасности, и все же он казался ей гостеприимным – должно быть, благодаря отсутствию внешней стены.

Но странное дело – она все шла и шла, а город не становился ближе. Всматриваясь в очертания домов и башен, Элина с растущим удивлением поняла, что тени в городе не вполне соответствуют положению солнца... да и сам он как будто бы даже не стоит на земле, а висит в воздухе. К тому же из города не доносилось ни единого звука.

Графиня сделала еще несколько нерешительных шагов, не понимая, верить ли ей своим глазам... и тут контуры стен и зданий начали терять свою четкость, таять, искажаться, а через несколько минут исчезли совсем. Вокруг, насколько хватало глаз, лежала мертвая пустыня.

Элина растерянно хлопала ресницами. В этот момент она походила на ребенка, над которым жестоко подшутили, подарив пустой фантик вместо лакомства. Что это? Магия? Но тогда где же чародей, который выкинул этот фокус? Обнажив меч, графиня осматривалась по сторонам и, разумеется, не видела ничего подозрительного. Прежде ей не приходилось слышать о миражах. Правда, в одном из манускриптов королевской библиотеки Роллендаля ей довелось как-то прочитать: «В пустынях Востока совсем нет воды; там не растет трава и не живет зверь, а обитают там одни бесплотные духи, насылающие морок на путников» – однако тогда она не приняла это всерьез. Все эти записки путешественников

изобиловали непроверенными слухами и откровенными выдумками самих рассказчиков. Элина хорошо знала, что никаких бесплотных духов быть не может. Возможно еще, в эпоху магов, но только не сейчас.

Теперь же она не знала, что и думать. Однако, рассудив, что если она и находится под чьим-то недобрым вниманием, то сделать все равно ничего не может, Элина спрятала меч, вознаградила себя большим глотком теплой воды из фляги за бесполезную спешку и, зло стиснув зубы, зашагала дальше.

Вечером третьего дня она выпила последние капли воды. Последний финик был съеден еще утром.

Следующий день стал сущим кошмаром. Несмотря на всю свою физическую тренировку, Элина брела, с трудом переставляя ноги, вязнущие в горячем песке; язык, словно кусок дерева, царапал пересохшее нёбо; от солнца и голода раскалывалась голова. Все это до странности напоминало бред, который мучил ее в харбадской гостинице – только теперь это была реальность. Элина вяло подумала, что ночью идти было бы легче – но в темноте было бы слишком легко сбиться с направления.

Утром пятого дня она проснулась совершенно разбитой; казалось, сон не принес никакого облегчения. Второй день перехода по пустыне без воды. Сколько она еще протянет? Что, если это последние сутки в ее жизни? Почему-то мысль эта не вызывала страха. Скорее – усталое равнодушие.

К полудню перед ее глазами уже плавали темные пятна, а вялые мысли соскальзывали куда-то во мрак, прочь от реальности. В конце концов Элина обнаружила себя лежащей на песке и поняла, что теряла сознание. Она тяжело поднялась на четвереньки, затем заставила себя встать на ноги; ее качнуло, перед глазами совсем почернело, в коленях разлилась предательская слабость. Однако минуту спустя зрение и равновесие вернулись; Элина сделала шаг, другой, третий... Затем впереди оказался склон, и графиня вновь повалилась на четыре точки.

Она не могла бы сказать, сколько времени ползла наверх, зарываясь руками в песок, иногда ложась, чтобы передохнуть; но вот наконец подъем кончился – Элина лежала на гребне.

Ее сознание было уже настолько замутнено, что она не сразу поняла смысл открывшейся с вершины бархана картины. Пески кончились; отсюда была явно видна их граница. Дальше к горизонту тянулась равнина, хотя и унылая и бесплодная, но не совсем безжизненная; то тут, то там – и чем дальше, тем чаще – проглядывали какие-то серо-зеленые кустики.

А у самого горизонта на северо-востоке маячила высокая сторожевая башня города.

Элина даже не стала спускаться обычным способом – просто легла на бок и покатилась, чувствуя, как на каждом обороте впиваются в бедро ножны меча. Внизу она некоторое время полежала, давая пройти головокружению, а потом поднялась на ноги и пошла.

До города она добралась уже почти на закате.

Ей было не до наблюдений и анализа местных особенностей, но все же она отметила, что у города нет крепостной стены. Такого она еще не видела ни разу – ни на Западе, ни на Востоке. Все дело в том, что пустыня и горы на юге защищали южные рубежи Тургуная лучше любых укреплений. Благодаря колодцам через пески Шезех-Кум мог пройти одинокий путешественник или караван, но не армия.

Элина ступила на широкую немощеную улицу. Ей не было дела до стратегии и географии. Ей хотелось одного – пить.

И почти сразу же она наткнулась взглядом на небольшое куполообразное сооружение, в арке входа которого стоял раскосый бритоголовый охранник с кривым мечом на поясе – меч, впрочем, не выглядел особенно внушительно. Из арки мимо него выскользнула молодая гибкая женщина в длинном коричневом платье, но с открытой головой и лицом; на плече она держала узкогорлый кувшин, и Элине не составило большого труда догадаться, что в кувшине вода, а строение перед ней – колодец, аналогичный тому, чьи развалины они видели посреди Шезех-Кум. Элина решительно направилась к арке, но охранник, разумеется, преградил ей путь. За воду надо было платить. Тургунаец, конечно, видел, что перед ним – чужеземец, измученный переходом через пустыню и мечтающий о глотке воды; ну так этот колодец не зря был построен как раз на южной окраине города.

Элина растерянно пошарила в пустых карманах, а затем решительно сняла куртку. Стражник брезгливо взял куртку – она была пыльной, здорово потрепанной и пропотевшей – и что-то крикнул на своем немузыкальном языке вглубь арки. Вскоре оттуда показался второй тургунаец, державший в сильных руках полный кувшин. Графиня жадно вцепилась в этот сосуд и принялась пить, пить, пить... потом перевела дух и снова стала глотать воду. Наконец она смогла оторваться от края кувшина и вылила оставшуюся холодную воду себе на голову. Стало легче. Элина двинулась дальше по улице, углубляясь в город.

«Ну вот я и в Тургунае», – буднично подумала она. Более полугода назад она выехала из Роллендаля, направляясь в эту далекую неведомую страну и не подозревая, что ждет ее в пути. Тогда это путешествие казалось ей не трудней поездки в соседнее королевство Запада – по хорошим дорогам, через обжитые и цивилизованные земли. О, конечно, она беспокоилась, всерьез беспокоилась за

Артена, и ей было грустно расставаться с отцом и городом, который стал для нее родным – но в остальном она была только рада предстоявшему романтическому приключению. Если бы она знала обо всех грядущих опасностях, в которых порой даже смерть будет не самым страшным из возможных исходов – отправилась бы она тогда на выручку Артену? Да, наверное, да... но совсем с другим чувством. Конечно, в пути ее ждали не только несчастья... она приобрела новых друзей – да, пожалуй, она может называть их всех друзьями – но где они теперь? Эйрих и Йолленгел пропали во время песчаной бури; Редрих, гордый герцог Урмаранд, захвачен работорговцами, если вообще жив... Она вступает в Тургунай одна – как одна покидала Тарвилон; но разница весьма существенна. Теперь она одна в чужой стране, и у нее нет ни денег, ни лошади, ни даже куртки; практически ничего, кроме меча – да и тот не свой, привычный и любимый, подобный старому товарищу, а чужой, незнакомец с дальнего Востока, от которого неизвестно, какого коварства ожидать... Тогда она была полна надежд и радостного нетерпения, теперь не чувствовала ничего, кроме валящей с ног усталости и опустошенности. Да и Артен... жив ли он еще? Который день она не может установить с ним контакт... в последние дни, правда, было не до этого...

Солнце уже скрылось за домами, и Элина зябко поежилась в своей мокрой рубашке. Неужели придется ночевать на улице? И что делать утром? Ей казалось, что, когда она наконец доберется сюда, все станет ясно само собой. Но, кажется, неясностей стало только больше...

Над Тургунаем зажигались первые звезды.

Часть третья
Зурвестан

Элина проснулась от того, что кто-то несильно, но настойчиво тормошил ее за плечо. Некоторое время она пыталась не поверить в реальность происходящего и спать дальше, но затем сознание все-таки вынырнуло из вязкой пучины и встало на подобающее ему место, озарив мозг Элины светом нескольких истин:

она одна в чужом городе, в чужой стране, и местные жители могут быть весьма недружелюбны;

она – проклятье! – все-таки уснула прямо на улице, хотя собиралась лишь присесть передохнуть на пару минут, а потом отправляться на поиски ночлега;

ей холодно;

кто-то тормошит ее за плечо.

Графиня резко распахнула глаза, а руки ее тем временем дернулись к мечу и котомке, проверяя наличие того и другого. Последнего, впрочем, можно было и не делать, ибо котомка была у нее под головой, а гарда меча впивалась в бедро. Элина лежала, съежившись в комок, в углу какого-то заваленного мусором двора, куда выходили лишь глухие стены. Запах здесь стоял не лучший – вероятно, не без помощи валявшейся неподалеку дохлой собаки. Графиня поморщилась, недоумевая, как ее угораздило переночевать на этой помойке, и тут, наконец, обратила внимание на того, кто потревожил ее сон.

Это был туземный мальчишка лет девяти, чумазый и оборванный под стать этому месту. Когда она открыла глаза и потянулась к мечу, он испуганно отскочил и теперь стоял в трех футах от нее и что-то лопотал.

– Не понимаю, – пожала плечами Элина, – но если ты считаешь, что я занимаю твое место, то я немедленно его освобожу.

Юный тургунаец, естественно, тоже не понял ни слова, но продолжал говорить, явно что-то прося или предлагая. Графиня расправила затекшие конечности и поднялась на ноги; охнув, потерла бедро, на котором, очевидно, уже образовался синяк, затем поежилась и зябко обняла себя за плечи. Проделав все эти действия, она вдруг поняла, что парнишка настойчиво повторяет слово «эрых».

– Эйрих? – она не смела поверить своей надежде. – Ты можешь отвести меня к Эйриху?

– Эрых, эрых, – радостно закивал мальчик.

Конечно, это могло быть просто каким-то туземным словом, но, в конце концов, чем она рисковала? Заманивать ее в ловушку не было никакой нужды – можно было просто прийти сюда и взять ее голыми руками, пока она спала. Итак, Элина двинулась за своим чумазым провожатым, который периодически оборачивался, проверяя, идет ли она за ним.

Выйдя из тени двора на освещенную солнцем улицу, графиня блаженно улыбнулась, понадеявшись, что ее озноб наконец пройдет. Вообще чувствовала она себя достаточно скверно, но, тем не менее, осматривалась по сторонам и старалась запомнить дорогу.

Архитектура города напоминала средневосточную, но была при этом проще и грубее – то же тяготение к аркам и сводам, но без декоративных элементов; в то же время дома, избавленные от необходимости тесниться в границах городской стены, располагались свободнее, и улицы были, как правило, достаточно широкими. Народу на улицах было не слишком много; основную одежду мужчин составляли стеганый халат и облегающие штаны, на голове – небольшая угловатая узорчатая шапочка или островерхая войлочная шляпа. Женщины носили строгие коричневые или черные платья и шаровары; большинство покрывало голову платком или, на мужской манер, шапкой, но у молодых девушек единственным головным убором были их собственные косички, число которых могло достигать пары десятков. Периодически местные жители одаривали Элину любопытными взглядами, но нельзя сказать, чтобы на нее пялились во все глаза. Представители белой расы не были здесь такой экзотикой, как представители желтой – на Западе. Правда, обычно они попадали сюда в качестве рабов.

Пару раз мимо проезжали конные воины, похожие на тех, что сопровождали ханское посольство, но, конечно, выглядевшие далеко не так шикарно; они тоже внимательно косились на Элину, но, ничего не говоря, ехали дальше. Один раз навстречу графине попался худой жилистый раб в железном ошейнике; шаркая разношенными туфлями без задников на босу ногу, он нес на плече здоровенный окорок. Он принадлежал к восточной расе, и Элина не пыталась с ним заговорить. В этой части города мало у кого были собственные рабы; в более зажиточных районах такие встречи случались бы чаще.

Наконец мальчишка привел Элину к местному постоялому двору – это был длинный приземистый барак, выстроенный по трем сторонам квадрата. Во дворе у коновязи стояло несколько лошадей и один двугорбый длинношерстый верблюд, заметно отличавшийся от своих средневосточных одногорбых собратьев. Над кучей лошадиного навоза кружились мухи.

Мальчишка уверенно направился к левому крылу здания, но, вместо того, чтобы войти в завешенную грязной циновкой дверь, остановился и принялся

выкрикивать какую-то фразу не то на местном, не то на ином неизвестном Элине языке. Графиня стояла неподалеку от него, чувствуя себя довольно глупо и положив на всякий случай руку на рукоять меча. В нескольких окнах показались любопытствующие лица, но, не обнаружив ничего интересного, снова скрылись. Но, наконец, чья-то рука откинула циновку, и во двор вышел Эйрих собственной персоной. Элина на радостях едва не заключила его в объятия, но вместо этого, конечно, ограничилась рукопожатием. Эйрих бросил мальчишке монету, тот поймал ее на лету и убежал прочь.

– Йолленгел? – спросила графиня.

– Со мной. Редрих?

Она коротко рассказала, что произошло.

– Ну что ж, хорошо уже то, что на его месте не оказались вы, – резюмировал Эйрих. – Идемте внутрь. Апартаменты самые дешевые, но все лучше, чем ночевать на помойке.

– Откуда у вас деньги? – поинтересовалась Элина, ныряя вслед за ним с залитой весенним солнцем улицы в душный мрак коридора.

– От продажи лошади, разумеется, – ответил Эйрих.

Они оказались в небольшой комнате, вся меблировка которой состояла из матов на земляном полу. На одном из матов, поджав ноги, спал Йолленгел.

– Беда мне с ним, – заметил Эйрих. – После того, как я его откопал, он, наверное, целый день был в ступоре. И даже сейчас еще до конца не отошел, дрыхнет целыми днями.

Элина уселась на корточки, снова ежась и потирая плечи. Она никак не могла согреться. Эйрих протянул ей пиалу с горячим питьем, от которого резко пахло горькими степными травами. Графиня отхлебнула и поморщилась.

– Привыкайте, тургунайский чай полезен, даже если приготовлен в такой дыре, как эта... Лошадь Йолленгела я так и не нашел, пришлось ехать вдвоем на моей... Удивительно, что после такого путешествия я еще смог выручить за нее какие-то деньги. Когда мы въехали в город – он, кстати, называется Дзэбэх – то, должно быть, представляли собой колоритное зрелище. Во всяком случае, уличные мальчишки нами живо заинтересовались. Ну я и выяснил у них дорогу до дешевой гостиницы, а заодно пообещал заплатить тому, кто приведет ко мне молодых людей одной со мной расы, недавно прибывших в город...

– Вы и тургунайский язык знаете? – вяло поинтересовалась Элина без особого удивления.

– Нет, но я знаю его источники – язык приомолских степей и основной язык Среднего Востока. Собственно, нынешнее Тургунайское ханство образовалось в результате похода тех же кочевых племен, из которых происходит и Курибай – но

предки степняков Курибая двинулись на запад, расселившись в низовьях Омолы и на прихурлуцких землях, попутно подчинив местные племена и уничтожив некоторое количество старинных городов южных народов белой расы, а предки тургунайцев – кочевники-тагаи – направились, наоборот, на восток, завоевывая средневосточные княжества к северу от Агабеи и Таграта. Самым крупным из государств средневосточной культурной традиции – хотя уже с заметным влиянием Дальнего Востока – на их пути стало Ургунское царство, на территории которого мы и находимся. Ургунцы, как это обычно бывает, несмотря на больший уровень цивилизации, не смогли отразить дикий натиск степных варваров – однако предводитель тагаев, хан Кагарлыз, оказался не только умелым полководцем, но и умным политиком. Он видел перед собой процветающую страну и не хотел превращать ее в разграбленную пустыню, а ее жителей – в рабов, всегда готовых к бунту против завоевателей. Он хотел видеть ургунцев не рабами, а союзниками, и даже сам сочетался законным браком с дочерью последнего ургунского императора. Кстати, для этого ему пришлось перевести уже имевшихся у него трех тагайских жен в статус наложниц, ибо ургунские законы не допускали полигамии – что вообще-то необычно для средневосточных стран. Понятно, что знатные тагайские семейства, к которым принадлежали жены, были от этого не в восторге, и неудивительно, что уже через полтора года ургунская принцесса умерла при загадочных обстоятельствах – успев, однако, родить Кагарлызу сына. К тому же с легкой руки хана обычай жениться на знатных ургунках вошел в моду и среди его приближенных. Надо полагать, девушки были не в восторге – для них с их аристократической спесью было сомнительной честью стать женой какого-то варвара, но, в конце концов, это было лучше, чем стать его же рабыней. Без грабежей и захвата рабов, равно как и без восстаний, конечно, тоже поначалу не обошлось, но в целом процесс ассимиляции пошел вполне успешно, и уже где-то через два столетия победители и побежденные представляли собой единый народ – тургунайцев, причудливо сочетавший оседлую и кочевую культуру. Сын Кагарлыза и ургунской принцессы, Салымбек, продолжил завоевания отца и двинул войско тагаев – в которое входили уже и ургунские отряды – дальше на восток. Войско обогнуло с севера Бхиланайские горы и вторглось в империю Цань – слишком большую, чтобы покорить ее целиком, но изрядный кусок тургунайцы все же оттяпали. Часть захваченных земель, впрочем, впоследствии снова вернулась цаньцам, которые, в силу своей многочисленности, попросту растворили в себе завоевателей; не было даже войны, просто очередной хан махнул рукой на слишком дальние провинции, удержание которых приносило больше хлопот, чем доходов.

– Слушайте, Эйрих, откуда вы все это знаете? На Западе год назад и слово-то такое – Тургунай – мало кто слышал.

– Мир не исчерпывается Западом, как вы уже имели возможность убедиться.

Элина недовольно скривилась – она терпеть не могла, когда от нее что-то скрывали, но уже знала, что упрашивать Эйриха бесполезно – и задала более насущный вопрос:

– Вы не знаете, караван работорговцев уже прибыл в город?

– Пока не знаю; думаю, что нет, иначе мальчишки мне бы сообщили – я ведь не сказал им, в каком качестве должны прибыть белые молодые люди. Но я сегодня же выясню точно. Нет ничего странного, если вы их обогнали – закованные невольники идут медленно. Ваше счастье, что ваши пути не пересеклись еще раз.

Элина стащила сапоги, отстегнула меч и откинулась на мат.

– Что-то я сегодня не выспался, – виновато сообщила она.

– Отдыхайте, – кивнул Эйрих. – Ночью ваш организм не столько восстанавливал силы, сколько тратил их на борьбу с холодом. Вообще-то на будущее избегайте таких ночевок. Вы могли замерзнуть насмерть.

– Весной? – удивилась Элина.

– Такое случается даже и летом в холодные ночи, – наставительно изрек Эйрих.

Элина действительно вскоре уснула, зато проснулся Йолленгел. Он хотел было выразить бурную радость, завидев живую Элину, но Эйрих приложил палец к губам, а затем осведомился, можно ли оставить графиню на попечение эльфа. Йолленгел ответил, что он-де давно уже в порядке, а потому, мол, вопрос совершенно излишний. Эйрих не был в этом полностью уверен, но все же согласился и отправился в город.

Вернулся он часов через пять, имея встрепанный вид и запыленную одежду. Элина все еще спала. Эйрих неодобрительно прислушался к ее дыханию, а затем потрогал ее лоб. Его подозрения подтвердились – у девушки был жар. Она замычала во сне, но не открыла глаз.

Эйрих без лишних церемоний расстегнул ее рубашку и приложил ухо к груди; затем перевернул больную на живот и послушал со спины. Кажется, худших опасностей все же удалось избежать. Просто сильная простуда, вероятно, отягощенная испытаниями последних дней.

Хотя в поистощившемся уже арсенале Эйриха имелось средство, способное понизить температуру, он, вслед за своими учителями, считал, что не следует подавлять без необходимости естественные защитные реакции организма. Поэтому на этом этапе он ограничился лишь тем, что укрыл Элину одеялом.

Несколько раз графиня принималась ворочаться и что-то бормотать в бреду, но впервые пришла в себя только под вечер, устремив на Эйриха страдальческий взгляд слезящихся глаз. Эйрих объяснил ей ситуацию.

– Как это все не вовремя! – графиня сжала кулаки от злости на себя.

– Здравствуйте, Эрвард, – улыбнулся ей Йолленгел.

– Да, вот как раз здравствовать мне сейчас и нужно, а не валяться тут мертвым грузом. Д-демоны...

– Ну, пока нам некуда особо торопиться, – успокаивающе заметил Эйрих. – Рабы еще не прибыли. Еще я навел справки о судьбе ханского посольства. В городе ничего не известно о серьезных происшествиях с ним. Говорят, что оно благополучно вернулось из стран Запада еще прошлой осенью. Говорят, правда, что ему пришлось сражаться с какими-то варварами в пути, в результате чего не все воины вернулись назад – среди погибших был и один местный уроженец. Но это все. Ни слова ни о каком западном принце.

– Значит, это все-таки интрига самих тургунайцев, – мрачно резюмировала Элина.

– Возможно, – кивнул Эйрих. – В любом случае, интересоваться этим делом следует с большой осторожностью. За пару дней тут все равно ничего не выяснить, – он мог бы добавить, что в этом городе вообще, судя по всему, выяснять нечего – если какие-то следы и существуют, то их надо искать либо на западе, на границе с соседним Хурданистаном, либо на северо-востоке, в столице; однако подобные мысли вновь повергли бы Элину в уныние и самоедство. Вместо этого Эйрих предложил ей миску горячего бульона. Графиня, несмотря на то, что не ела уже более трех суток, отнеслась к этой идее без большого энтузиазма – скорее по принципу «надо – значит надо», и лишь осведомилась, хватает ли им денег на еду.

– Я сегодня поучаствовал в неком самодеятельном борцовском турнире на площади, – ответил Эйрих. – Один бугай хвалился, что никто не сможет его одолеть. Когда ставки достаточно выросли, мне пришлось этим заняться. Демоны, жаркое было дело. Он действительно оказался силен, как бык, и знал кой-какие приемы – да и я становлюсь староват для подобных упражнений... Но, как видите, еще не настолько, чтобы проигрывать.

Элина пролежала с температурой три дня; Эйрих лечил ее отварами и полосканиями. На четвертый графиня категорически заявила, что здорова – хотя о полном выздоровлении говорить было рано – и потребовала немедленных действий. Если где-то посередине между явью и бредом она и могла

воспринимать некритически слова Эйриха о том, что караван все еще не прибыл, то теперь у нее уже не было сомнений, что здесь что-то не так.

– Да, – признался Эйрих, – этот караван, по всей видимости, сюда и не направлялся. В полусотне миль к западу есть другой город – Бахарлык. Очевидно, караван шел туда – а шел он наверняка с юго-запада, из Хурданистана, и гнать живой товар лишние пятьдесят миль не было никакого резона.

– И вы знали и молчали! – задохнулась от гнева Элина.

– Иначе вы бы помчались туда с температурой, – безапелляционно возразил Эйрих. – Не силой же вас удерживать.

– Но Редрих, наверное, уже продан!

– Тем лучше. Побег от хозяина организовать легче, чем из каравана, где все рабы днем и ночью скованы общей цепью.

– Допустим. Однако никто не давал вам права обращаться со мной, как с ребенком!

– Хотите сказать, что уже избавились от этих сказочных представлений о рыцарской чести?

Элина надулась и ничего не ответила, сосредоточившись на застегивании пояса с мечом.

– Обождите с поясом, – сказал Эйрих, протягивая ей какой-то внушительный сверток. – Сперва наденьте вот это.

Элина развернула сверток и с возмущением увидела, что это тургунайский халат.

– Вы что, принимаете меня за туземца? – воскликнула она.

– Всего лишь за человека, которому нужна верхняя одежда. Вы уже могли убедиться, что одной рубашки в этом климате мало. А западных курток здесь, увы, не шьют. Более того, поскольку свой берет вы потеряли в пустыне, вам придется надеть еще и тюбетейку.

– Надеть *что*?

– Вот эта шапочка называется «тюбетейка».

На лице Элины было красноречиво написано все, что она думает о местной моде, однако она предпочла продублировать эту информацию голосом:

– Эйрих, я же буду походить на чучело!

– Ох уж эти... («женщины» – чуть не сорвалось у Эйриха, но он понял, что такого оскорбления ему не простят, и вовремя поправился) аристократы! Неужели логика не подсказывает вам, что в этих местах на чучело скорее походят те, кто носит западную одежду?

– Меня не волнуют вкусы туземцев, – с достоинством ответила графиня. – Я руководствуюсь своим собственным. Но, похоже, выбирать действительно не

приходится, – вздохнула она и принялась облачаться в халат. Он пришелся ей по фигуре, однако, встав в боевую стойку и сделав несколько пробных махов мечом, Элина получила дополнительный повод для брюзжания относительно неудобства «этого дурацкого балахона». Эльф, наблюдавший за всей сценой молча и с серьезным видом, позволил себе улыбнуться, убедившись, что графиня этого не видит.

Они покинули Дзэбэх на трех невысоких крепконогих коньках знакомой Элине тургунайской породы. В пути графиня рассказала своим спутникам о призрачном городе и была удивлена, но и обрадована словами Эйриха, который объяснил, что в миражах нет никакой магии или чьей-то воли.

– Должно быть, вы видели один из цаньских городов, – сказал он, выслушав ее описание.

– Это далеко?

– Никак не меньше тысячи миль отсюда, а вероятно, что и больше.

– Ух ты! – восхитилась графиня, словно какая-нибудь деревенская девчонка. – А отчего бывают миражи?

– Толком не известно. Какие-то особые свойства воздуха...

– Значит, если изучить, в чем тут дело, и научиться создавать миражи самим, люди снова смогут мгновенно связываться друг с другом на далекие расстояния, как в эпоху магов! Надо будет рассказать об этом Артену!

При воспоминании об Артене, однако, она ощутила неприятный холод в животе. Наверное, снег на перевалах уже растаял, а они по-прежнему не знают, где искать принца... Одно лишь утешение – ничего по-настоящему страшного пока не случилось, иначе бы она, скорее всего, это почувствовала. Но – не случилось сегодня, а завтра?

Вечером добрались до Бахарлыка. Эйрих прибегнул к уже испытанной тактике – подозвал мальчишку пооборванней и показал ему монету, обещая заплатить за нужную информацию. Мальчишка сразу же заявил, что караван работорговцев действительно проходил через город несколько дней назад; часть невольников продали здесь, а остальных погнали дальше. Юный житель Бахарлыка получил монету и обещание заплатить вдвое больше за точные сведения о белых рабах, проданных в городе.

Ночь путешественники провели в очередной убогой комнатушке дешевого постоялого двора, указанного все тем же мальчишкой; там же оставались они и все утро, и лишь основательно заполдень их агент залихватским свистом с улицы объявил о своем возвращении с докладом. Эйрих, недостаточно владевший местным языком, несколько раз переспрашивал его, чтобы убедиться, что все понял правильно, и наконец вернулся к своим спутникам.

– Похоже, нам везет, – сообщил он нетерпеливо дожидавшимся товарищам. – Молодого белого раба купил один из местных кузнецов. Парень проводит нас.

Побег требовал подготовки – надо было достать еще одну лошадь, оружие и одежду для Редриха. Однако осторожный Эйрих предпочел для начала навестить кузницу. Элина и эльф поехали вместе с ним, однако, не доехав до цели, Эйрих велел им подождать в каком-то пустынном переулке. Если они собираются устроить побег, нехорошо, чтобы их видели вместе возле кузницы – тем паче что троица была весьма колоритной для этих мест.

Элина вновь задумалась об Артене; затем у нее возникла мысль, что, если бы она взяла прядь волос у Редриха, как у Артена, сейчас бы они наверняка знали, где находится герцог. Жаль, что это не пришло ей в голову раньше... но если бы и пришло, она бы вряд ли решилась обратиться к Редриху с такой просьбой. Он бы определенно понял ее превратно. Даже после объяснений.

За углом зацокали копыта, а затем показался Эйрих – уже без мальчишки.

– Это не тот, – сказал он. – Действительно белый парень раздувает мехи, и даже похож на Редриха – но не Редрих.

– Так я и знал, – уныло пробормотала Элина, хотя это не вполне соответствовало истине. – Вы знаете, куда отправился караван?

– В Керулум, столицу ханства. Для нас это большая удача – в столице у нас хорошие шансы что-нибудь узнать о принце Артене. («Вот только такое расследование может потребовать не один месяц и стоить нам головы», – добавил Эйрих про себя. Впрочем, это был далеко не первый подобный риск в его биографии.)

– Это, должно быть, очень далеко?

– Нет, около двухсот миль к северо-востоку, если не врут старые карты.

– Странно, что столица большой страны находится так близко от пустыни.

– Это пустыня подобралась так близко к столице, – усмехнулся Эйрих. – На старинных картах площадь Шезех-Кум заметно меньше.

– Ну что ж, значит, мы едем в Керулум. Если только Редриха не продадут где-нибудь по дороге.

– Такая опасность есть, но это вряд ли. Раз уж не продали здесь – погонят до самого Керулума. Это ведь не только политический, но и торговый центр. Наверняка там имеется большой невольничий рынок – не то что здесь, где рабов продают вместе с лошадьми и горшками.

Элине хотелось ехать немедленно, но Эйрих ответил, что нет никакой необходимости выезжать под вечер и ночевать в степи, когда можно спокойно выехать утром и все равно иметь более чем достаточно времени, чтобы нагнать

работорговцев на пути к столице. Элине в очередной раз пришлось согласиться. Эльф, как обычно, не вмешивался и не возражал.

Когда они выехали из переулка и повернули в сторону постоялого двора, Элина ощутила мимолетный укол совести из-за того, что они ничем не попытались помочь тому неизвестному рабу, которого Эйрих видел в кузнице. А ведь это был человек их расы, может быть, даже соотечественник – хотя что делать в этих краях тарвилонцу? «А что здесь делаю я?» – перебила себя Элина. Хотя скорее он все-таки лусит или выходец из стран Срединноморья... «Ты не можешь исправить все зло на земле, – в очередной раз напомнила себе Элина, и фраза эта прозвучала привычно-успокаивающе. – К тому же, какое значение имеет его раса и национальность? Можно подумать, что люди других народов и рас меньше страдают, потеряв свободу.» Она посмотрела на Эйриха. Вот уж кто точно не терзался подобными сомнениями.

Ночью графине приснилось, что они устроили побег луситскому парню – во сне она точно знала, что он лусит – и он присоединяется к их отряду. Был ли этот сон вещим? Вряд ли – времена вещих снов остались позади вместе с эпохой магии, хотя порою такое еще случалось. Так или иначе, зная недоверчивую неприязнь Эйриха к разным «магическим штучкам» и понимая, что они и так уже должны заботиться о спасении двоих – Артена и Редриха – Элина не стала рассказывать о своем сне. Утром они навсегда покинули Бахарлык.

Уже в первый день пути унылая пыльная полупустыня осталась позади; вокруг, куда ни глянь, свежей весенней травой зеленела степь, и ее первобытную красоту почти не нарушали следы присутствия человека. Жители Тургуная, по площади значительно превосходившего все королевства Запада, вместе взятые, не селились кучно; многие из них по-прежнему сохраняли приверженность кочевому образу жизни, как их предки-тагаи. За время своего путешествия Элина и ее спутники не раз видели большие табуны вдалеке. И все же это не была дикая степь, подобная владениям Курибая; даже вдали от городов здесь были проложены дороги и выстроены мосты через реки, а уж сами города с их возделанными полями вокруг, высокими крепостными стенами, каменными зданиями и дворцами в восточном стиле, и вовсе не походили на стойбища кочевников. Но за четыре дня путешественники миновали лишь один такой город – да еще несколько мелких поселений, не обнесенных даже земляным валом.

На пятый день посреди открытой степи они настигли невольничий караван.

Шесть десятков рабов уныло брели, звякая кандалами, под конвоем полутора дюжин конных охранников, вооруженных саблями, луками, арканами и бичами. Как и в пустыне, общая цепь соединяла железные ошейники всех невольников; у

многих к тому же были скованы руки, а у наиболее сильных или строптивых – еще и ноги (длинную цепь ножных кандалов пропускали через металлическое кольцо на кожаном поясе). Самые сильные, впрочем, все равно имели преимущество – они, как правило, шагали в башмаках. Обувь эта была слишком изношенной, чтобы на нее позарились охранники, но среди рабов во время перехода считалась большой ценностью, поэтому более сильные и наглые отбирали ее у своих менее крепких собратьев по несчастью. Большинство же вынуждено было брести босиком.

Бóльшую часть невольников составляли мужчины; женщин было только восемь, семь из них – уроженки востока и одна чернокожая. Среди мужчин тоже большинство приходилось на представителей восточной расы; черных было четверо, а белых – шесть. В приморских городах соотношение было бы иным, но здесь, в глубине континента, рабы из далеких стран встречались достаточно редко. Весьма вероятно, что некоторые из этих невольников на самом деле были не выходцами издалека, а лишь рожденными в рабстве потомками таковых.

Элина издалека окинула мрачным взглядом охранников. Она, собственно, и не ожидала, что пленника удастся отбить силой – но это был не тот случай, когда убеждаться в собственной правоте приятно.

– Мы можем к ним приблизиться? – осведомилась она у Эйриха.

– Да, – кивнул тот. – Для вас это прозвучит странно, но по местным обычаям они не бандиты, у них легальный бизнес. Пустыня – нейтральная территория, где не действуют никакие законы, и каждый сам за себя. Но на территории Тургуная мы под защитой законов хана, и никто не вправе посягать на нашу жизнь, свободу и имущество просто потому, что ему так захотелось. Конечно, реальность не всегда совпадает с юридическими нормами, а мы вдали от поселений... но вряд ли хозяин каравана станет рисковать. Он ведь не знает, кто мы и могут ли нас хватиться.

Йолленгелу это показалось не очень убедительным, но он промолчал. Элина же, напротив, начала нетерпеливо подгонять коня, но Эйрих одернул ее, напомнив, что они не должны демонстрировать работорговцам свою заинтересованность.

– А может, это еще и не тот караван, – пробормотала графиня, вспомнив о ложной надежде в Бахарлыке.

Но караван оказался тот.

Редрих шагал в середине колонны рабов. Несомненно, он оказал достойное сопротивление, за что расплачивался теперь цепями на руках и ногах. У него, конечно же, отобрали всю одежду, выдав взамен какие-то лохмотья, и сквозь дыры в этом рубище Элина с содроганием увидела на голой грязной спине рубцы

от кнута. Правда, это были уже старые, заживающие следы; очевидно, герцог понял, что необходимо смирить свою гордость, чтобы она не страдала еще больше. Вообще надсмотрщики не били рабов просто так, из садистского удовольствия – подобно тому, как и нормальный пастух не стал бы почем зря лупцевать свой скот. Их задачей было доставить товар, а не портить его – и если бы кто-нибудь из них и стал проявлять жестокость сверх необходимости, то сам получил бы нагоняй от владельца каравана.

Редриху, впрочем, и без того приходилось несладко. Его ступни были изранены до крови; после пленения он обмотал их лоскутами, оторванными от своих лохмотьев, но теперь эти тряпки уже совершенно изорвались. Его лодыжки были ободраны кольцами кандалов. Но он стерпел бы и гораздо худшие раны – если бы они были нанесены благородным мечом, а не рабскими цепями.

Трое путников ехали вдоль каравана под не слишком дружелюбными взглядами надсмотрщиков. Не то чтобы они узнали Элину – расстояние при их прежней встрече было слишком большим, а графиня с тех пор весьма радикально сменила и лошадь, и одежду; однако свободные и вооруженные чужестранцы вызывали у них настороженность.

Когда тень сидевшей в седле Элины накрыла Редриха, герцог повернул голову. Их глаза встретились.

У Элины аж перехватило дыхание – такой ненавистью полоснул этот взгляд. В следующий миг она сказала себе, что эта ненависть адресована не ей – и действительно, когда Редрих понял, что за всадники догнали караван (а понял он не сразу, из-за одежды Элины), взгляд его изменился, наполнившись надеждой – однако и ненависть не ушла окончательно. Нет, он не раскаивался в том, что пожертвовал собой, спасая Элину, и вынужден теперь терпеть все эти унижения; однако он не мог простить графине того, что она видит его в его нынешнем положении.

«Потерпите еще немного, Редрих, – пыталась мысленно сказать она. – Раз мы уже нашли вас, теперь все будет хорошо.»

Жалость в ее глазах была для него хуже, чем саднящая боль от ран. Он отвернулся.

Эйрих меж тем подъехал к голове каравана и осведомился у охранников, кто хозяин. Таковым оказался рослый воин, на первый взгляд не отличавшийся от остальных – хотя, присмотревшись, можно было заметить, что одежда и ножны сабель у него более дорогие, чем у простых охранников. Эйрих некоторое время говорил с ним (тот отвечал с брезгливой неохотой, явно не считая этого чужака в поношенной одежде, плохо говорящего по-тургунайски, потенциальным покупателем) – а затем сделал знак своим спутникам и вновь набрал темп,

оставляя караван позади. Элина и Йолленгел последовали за ним. Графиня спиной чувствовала, как жжет ее взгляд Редриха.

– Как видите, устроить побег в дороге нереально, – нарушил наконец молчание Эйрих, когда они обогнали караван уже почти на милю. – Выкупить его мы тоже не можем – я поинтересовался ценами, рабы такого класса пойдут с аукциона со стартовой ценой в сотню турга. Это лишь стартовая цена, а у нас на данный момент не наберется и десяти турга. Стало быть, мы должны ехать в столицу и освободить Редриха там.

– Каким образом? – осведомилась Элина.

– Вариантов два. Первый – проследить, кому он будет продан, и организовать побег от хозяина, что чревато различными неопределенностями. Второй – попросту самим прийти на распродажу и купить его. В настоящее время я склоняюсь ко второму варианту.

– В Керулуме у вас имеются деньги, как и в Дулпуре? – Элина уже ничему не удивлялась.

– Именно что «как и в Дулпуре», – усмехнулся Эйрих. – То есть не имеется. Хотя разница в том, что в Дулпуре они должны были иметься... но сейчас это несущественно. Собственно, поэтому я и склоняюсь ко второму варианту. Раз уж нам все равно нужны деньги, логично добыть их на все сразу.

– Каким образом? – вновь спросила графиня.

– Мы их украдем, – просто ответил Эйрих.

Через два дня трое всадников въехали в широкие ворота тургунайской столицы. Стены Керулума, сложенные из огромных каменных глыб, были раза в полтора выше и толще роллендальских, а по площади город вдевятеро превосходил столицу Тарвилона. Этот город достиг зенита славы в древние времена – в эпоху магов он был столицей одной из чародейских держав; позже он сделался резиденцией ургунских императоров, сохранивших многое из культурных традиций прошлого, благодаря чему в Керулуме (Каар-Лунге) уцелело немало архитектурных памятников магической эпохи – больше, чем в большинстве древних городов. Каар-Лунг был едва ли не единственной из чародейских столиц, где отстранение магов от власти прошло без репрессий; бывшие правители сразу же заняли там то положение, которое впоследствии часто доставалось их коллегам и в других государствах – советников при новых монархах. Затем, более полутысячи лет назад, с запада пришли варвары на низкорослых крепконогих конях, и великий город пал, несмотря на неприступные стены и высокие квадратные башни с рядами бойниц, десятки тысяч гарнизона и обширные запасы продовольствия – пал после всего лишь недельной осады,

убоявшись гнева завоевателей и отдавшись им на милость. Слишком тесная связь с прошлым состарила ургунскую нацию, ее дух истощился и одряхлел, изнеженные и утонченные аристократы давно разучились держать оружие и вести воинов в бой; по всей стране лишь отдельные немногочисленные отряды оказали врагу достойное сопротивление. Даже гвардия на ящерах оказалась хороша лишь для парадов; не получившие боевой закалки чудовищные животные легко впадали в панику и принимались топтать и рвать всех подряд, нанося больший урон своим, чем противнику.

И вот ворота Каар-Лунга были открыты; еще молодой, но уже прославленный и победоносный хан Кагарлыз ехал во главе своих воинов по широким мощеным улицам, с любопытством и даже не без некоторой робости осматриваясь по сторонам – древняя столица превосходила своим великолепием все уже покоренные им города. Улицы были абсолютно пустынны – жители в ужасе попрятались по домам, готовясь принять смерть или бесчестье – что будет угодно послать судьбе. Не один из изысканных столичных аристократов в эти минуты отходил на бархатных подушках, слушая музыку или восточные стихи, декламируемые чуть дрожащим голосом чтеца, вдыхая струящийся аромат благовоний и сжимая в руке хрустальный флакон из-под яда... Но вот, наконец, Кагарлыз выехал на центральную площадь – и застыл в изумлении, придержав коня, когда его взору открылись величественные белые и синие купола, уносящиеся в поднебесье башни и висячие сады императорского дворца. Дворец был огромен – по площади он мог бы тягаться с небольшим городом, но вместе с тем не производил впечатления каменной громады, призванной подавлять; нет, он был произведением искусства, созданным для того, чтобы им восхищались. Должно быть, именно в эту минуту в голове вождя кочевников созрело окончательное решение сменить походную юрту и боевое седло на покои и трон цивилизованного монарха.

Затем хан обратил внимание на одинокую человеческую фигуру, недвижно стоявшую перед главным входом дворца, у последней ступени широкой мраморной лестницы. Единственный, кто встречал завоевателей в побежденном городе. Кагарлыз шагом подъехал к нему. Это был высокий старик с длинной и узкой седой бородой, в расшитых золотом синих одеждах и в островерхом золотом головном уборе, похожем на причудливый шлем.

Хан подъехал вплотную и остановил коня. Последний ургунский император трясущимися руками снял свою шлемовидную корону и протянул ее предводителю варваров. Кагарлыз взял этот символ древней власти и двумя руками водрузил себе на голову.

– Я принимаю твою империю, – сказал он. – Как равный – от равного.

Он произнес это по-тагайски, но, прежде чем толмач успел перевести, старый император вдруг пошатнулся и вцепился в стремя победителя. Кагарлыз нахмурил редкие брови – это явно нарушало торжественность момента. В следующий миг рука старика разжалась, и он повалился на плотно пригнанные плиты площади у копыт ханского коня. Последний ургунский монарх был мертв.

– Похоронить с ханскими почестями! – распорядился Кагарлыз и направил коня вверх по мраморным ступеням...

Ни Эйрих, ни тем более его спутники ничего не знали о подробностях того дня, ушедшего в прошлое пять веков назад; однако они видели вокруг результаты тех исторических событий. Молодая степная кровь завоевателей влилась в жилы дряхлеющей империи и возродила ее для новой жизни; в свою очередь, многовековая культура, восходящая еще ко временам расцвета магического могущества, смягчила и облагородила грубые и неистовые нравы кочевников. После походов Салымбека Первого усилилось также цаньское культурное влияние, образовав невиданный более нигде на континенте, кроме разве что космополитичных городов западного Срединноморья, сплав народов и цивилизаций.

Трое путников медленно ехали по шумным, кишащим народом улицам, не вызывая особого любопытства. Империя была велика, и средний житель Керулума имел весьма приблизительное понятие об областях и расах, входящих в ее состав. Пусть всадники, в особенности двое старших из них, и выглядели необычно – мало кто в толпе мог заподозрить в них пришельцев с того самого Дальнего Запада, где в прошлом году побывало ханское посольство; скорее их воспринимали как выходцев из дальних провинций или, в крайнем случае, гостей из сопредельных стран.

Всадники же, напротив, с интересом осматривались по сторонам, но если Элина просто удовлетворяла свое любопытство, а Йолленгел предпочитал смотреть на дома, чтобы не смотреть на кишащих вокруг людей, то Эйрих уже прикидывал в уме план будущей операции – для коего, впрочем, пока не хватало слишком многих деталей.

Когда он объявил еще в степи, каким образом собирается добыть деньги, Элина удивительным образом приняла это, как должное. Ее рыцарская честь молчала – может быть, потому, что перед глазами графини еще стоял невольничий караван и пронзающий взгляд Редриха, а может, просто сказался весь опыт этого путешествия. Впоследствии мысль о том, что воровать нехорошо, все же посетила ее, но была какой-то вялой и нежизнеспособной. Законы этой страны позволяют хватать людей в пустыне и продавать их здесь, как скот – ну и к демонам высокопарные рассуждения о честности. К тому же, по словам Эйриха, в запасе у

них было всего три дня – пару дней еще оставалось брести каравану, и день рабам обычно дают отдохнуть после дороги, чтобы восстановили товарный вид. Вряд ли можно было рассчитывать иным способом добыть крупную сумму денег в незнакомом городе за столь короткий срок. Если теперь Элину и грызли какие сомнения, то лишь в том, сумеет ли она оказать достойную помощь Эйриху в непривычном для себя деле. Она не забыла агабейский обычай отрубать руку за воровство и не исключала, что здесь может быть что-то подобное, но это как раз не особо ее тревожило. При ней был меч, и попадать в руки стражников она не собиралась.

Эйрих, наконец, выяснил у прохожих дорогу к недорогому постоялому двору, куда все трое и отправились. Столичные цены, как и следовало ожидать, оказались выше провинциальных, и после уплаты вперед за очередную убогую комнатушку их капитал сократился до трех турга. В активе, впрочем, оставались еще лошади, но на сей раз Эйрих не стал спешить с их продажей. Керулум был слишком большим городом, чтобы ходить по нему пешком.

Вообще теперь многое было не так, как обычно. К возмущению Элины, Эйрих отправился изучать город один, настояв, чтобы графиня и эльф оставались в комнате. «Мы все же выделяемся внешне, и нехорошо, если многие по всему городу увидят нас вместе», – пояснил он. Элина, впрочем, быстро утешилась – разложила свои бумаги и, усадив рядом Йолленгела, продолжила свои исследования по эльфийской культурологии.

Эйрих где-то пропадал допоздна, а вернувшись, сообщил лишь, что все идет по плану. Котомка его была туго набита – как выяснилось, в ней лежала туземная одежда и еще какие-то свертки. На вопрос «откуда» он спокойно ответил, что разжился кошельком одного растяпы.

– Вы хотите сказать, что... уже? – Элина испытала даже легкое разочарование.

– Нет, конечно, нам нужно не меньше тысячи турга, а это просто мелочь на текущие расходы. Вообще воровать кошельки – трудно, опасно и малоприбыльно, но этот тип сам напрашивался.

– Да, Эйрих, вижу, у вас была богатая биография, – медленно произнесла графиня.

– К счастью для заинтересованных лиц – да, – без ложной скромности ответил Эйрих. – Кстати говоря, вы умеете шить?

– Ну... пришить пуговицу или поставить заплатку – да, а что-то более серьезное...

– Ясно. А вы, Йолленгел?

– Более-менее. Все же в лесу не было портных.

– Очень хорошо. Вот вам материя, сошьете что-то типа шапки, только полностью закрывающее голову и доходящее до воротника, – он протянул эльфу большой лоскут черной ткани.

Наутро Эйрих вновь исчез и вернулся на закате.

– Времени в обрез, – сообщил он, – операцию мы должны провернуть этой ночью.

– Разве у нас нет еще одних суток? – Элина почувствовала сладкое замирание в животе, словно перед турниром.

– Они нам понадобятся, – Эйрих меж тем критически осмотрел работу Йолленгела, примерил на голову, затем достал из котомки ножницы и проделал прорези для глаз и рта. – Сегодня я побывал на невольничьем рынке и заприметил там одного местного купчишку. Он как раз купил четырех рабов. Я проследил за ним до дома. Пожалуй, этот субъект – как раз то, что нам нужно: не настолько богат, чтобы его хоромы были неприступной крепостью, но и не настолько беден, чтобы с него было нечего взять.

– Значит, ночью мы должны будем забраться в его дом?

– Забираться буду я. Вы будете ждать на улице с лошадьми. Йолленгел, разумеется, останется в гостинице.

Эльф хотел возмутиться словом «разумеется» – все же кой-какие успешные кражи на его счету были – но раздумал. Его такой вариант полностью устраивал.

Эйрих разделся до пояса и натянул тонкую черную фуфайку с воротником под подбородок, затем разулся и надел черные носки из плотного материла. Не составляло труда догадаться, что все это вместе с его черными кожаными штанами и шапкой-маской полностью скроет его в темноте. Потом он достал нож и ковырнул подкладку своей куртки. Один за другим на свет явились десять металлических штырей длиной от пяти до десяти дюймов, имевших по крюку на обоих концах; один крюк был побольше, остро отточен и слабее загнут, другой, напротив – меньше, и свит почти в кольцо. Из длинного потайного кармана на уровне пояса куртки явились два десятка металлических колец, попарно соединенных шарнирами на манер цифры 8; верхние кольца восьмерок по диаметру соответствовали штырям, а нижние напоминали перстни. Затем появились два кожаных ремешка с дырочками. Эйрих надел на каждый стержень по две «восьмерки» верхними кольцами, а затем пропустил сильно загнутые крючки через дырки ремешков – на каждый ремешок пришлось по пять штырей. Все это он сунул в левый карман брюк острыми крюками наружу, а после извлек из тайников куртки еще пару приспособлений, похожих на грабли в миниатюре; к ним он прикрепил по две ременных петли – одну возле середины «граблей», другую – на противоположном зубцам конце. Эта часть снаряжения отправилась в

правый карман брюк. Потом Эйрих вновь обулся и надел вместо куртки туземный халат.

Элина в очередной раз смотрела на своего спутника со смешанным чувством уважения, любопытства и настороженности – она не сомневалась, что весь этот инвентарь был изготовлен не только что, а дожидался своего часа за подкладкой куртки Эйриха еще во время их пралецкой встречи. Эйрих же не счел нужным давать какие-либо объяснения по этому поводу; вместо этого он рассказал, что навел в городе еще кое-какие справки, могущие иметь отношения к судьбе Артена.

– Ныне правящий хан вступил на престол четыре года назад, – сообщил он, – то есть со времени отправки посольства никаких переворотов здесь не было. Если, как вы говорите, напавшие на вашего принца были тургунайцами, то возникает впечатление, что это были какие-то заговорщики, а не солдаты, исполнявшие ханский приказ. Хотя двойную интригу со стороны монарха тоже нельзя исключать – тем паче что, как нам известно, официальная власть факт нападения замяла, и бóльшая часть посольства благополучно вернулась. Я попытался осторожно разузнать об ученом по имени Шииз-ир-Рандавани и выяснил, что был такой ханский советник, и он ездил вместе с посольством, но обратно не вернулся – он был уже стар и умер в пути, вдали от родины, и похоронен в чужих краях.

Тем временем стемнело; Эйрих подождал еще немного и, наконец, решительно сказал «Пора!», повесил на плечо котомку и направился к выходу.

Они выскользнули в ночь, никем не замеченные; в конюшне Эйрих обмотал копыта лошадей темными тряпками, так что на улицу они выехали почти беззвучно. Светила растущая луна. Эйрих посмотрел на нее с осуждением, но дожидаться безлунной ночи они не могли.

Элина и сама неплохо умела ориентироваться, но не могла не восхититься той уверенностью, с какой Эйрих нырял в лабиринты погруженных во тьму переулков, избегая широких центральных улиц – столь же, впрочем, неосвещенных, как и в других городах эпохи меча. Наконец они остановились, подъехав к трехэтажному особняку в классическом восточном стиле. Торец и часть купола белели в лунном свете, но задняя стена лежала в густой тени.

Эйрих занялся последними приготовлениями. Он снял халат и сапоги и натянул на голову изделие Йолленгела, а на руки – тонкие черные перчатки. Меч он снял, но повесил на пояс три ножа. Слазив в котомку, он повесил на плечо моток веревки, а за пояс засунул свернутый мешок. «Грабли» Эйрих прикрепил к ногам, затянув ременные петли на ступнях и лодыжках; затем настал через штырей с крюками – пальцы рук Эйрих продел в «перстни», а ремешки застегнул на запястьях. Теперь, сжимая и разжимая пальцы, он словно выпускал и втягивал

когти. Наконец, в качестве последнего штриха он извлек из котомки какой-то флакон, отвинтил пробку и, прижав тряпку к горлышку, перевернул и потряс сосуд. Элина почувствовала слабый химический запах. Эйрих сунул смоченную тряпку в карман штанов.

– Ждите здесь, – шепотом напутствовал он. – В принципе, никто не должен появиться, но если все-таки завяжется стычка – попытайтесь скрыться, я и сам сумею выбраться. Вы меня поняли?

– Да, – ответила Элина, думая, что скрываться ей особенно некуда – города она не знает, правда, дорогу, которой они приехали, вероятно, все-таки запомнила.

Эйрих слез с лошади и, чуть слышно цокая «граблями», направился к дому. Окна первого этажа были закрыты тяжелыми ставнями, но его это не смущало. Элина с восхищением следила, как Эйрих лезет вверх по отвесной, казавшейся совершенно гладкой стене; трудно было поверить, что здесь нет никакой магии, а есть лишь простые технические приспособления, сила и тренировка.

Эйрих некоторое время повисел возле окна второго этажа, затем двинулся дальше, к приоткрытому окну третьего, сунул руку в щель и неслышно проскользнул внутрь.

Ждать пришлось долго; Элина понимала, что сориентироваться ночью в незнакомом доме, не подняв тревоги – задача не из легких, но все же уже начала беспокоиться. От напряжения и долгого сидения в седле у нее затекли мышцы; она спустилась на землю, разминаясь и давая отдохнуть лошади. Тени постепенно уползали вправо, следуя за движением луны, и вот уже бледный призрачный свет пал на заднюю стену дома. Теперь человек в черном был бы хорошо виден на фоне белой стены.

В этот момент из окна – не из того, в которое влез Эйрих, а из соседнего – разматываясь, полетела веревка – или, точнее, сразу две веревки, хотя сперва Элине показалось, что это просто игра теней. Потом из темноты оконного проема выступил перехваченный веревками туго набитый мешок, а затем стало ясно, что он привязан к спине выбиравшегося задом Эйриха. Зажав веревки руками в перчатках и кожаными коленями, удачливый похититель заскользил вниз. Приземлившись, он потянул за один из концов – второй пошел вверх; на самом деле, это была одна длинная веревка, перекинутая через некий импровизированный блок – возможно, крепкую ножку мебели – внутри помещения. Через несколько секунд конец выскользнул из окна и, сворачиваясь петлями, упал на землю, не оставив никаких следов дерзкого ограбления. Эйрих, сматывая на ходу веревку и сгибаясь под тяжестью добычи, направился к лошадям.

– Что вы там такое прихватили? – громким шепотом поинтересовалась Элина. – Тургунайский золотой запас или статую из прихожей?

– Не что, а кого, – ответил Эйрих, прислоняясь своей ношей к лошадиному седлу. – Ну-ка помогите мне его отвязать. Только учтите, он тяжелый.

– Кто?!

– Хозяин дома. Не мог же я в такой темноте искать по всем комнатам, где он прячет деньги. Достаточно, что я нашел его. Не волнуйтесь, раньше чем через час он не очухается.

Элина, потрясенная таким оборотом дела, молча придержала мешок, пока Эйрих выбирался из веревочных лямок и привязывал свою добычу к коню. Сквозь грубую мешковину пальцы Элины ощущали тепло живого тела, и почему-то это вызвало у нее брезгливость.

– Он не ранен? – спросила она.

– Нет, просто понюхал тряпку, пропитанную эфиром.

– Вы, должно быть, долго его искали?

– Нет, нашел-то я его сразу, благодаря издаваемым им звукам... Он развлекался со своей наложницей, а может, женой, демон их разберет... Пришлось ждать, пока он останется один.

– И что мы теперь будем с ним делать?

– Потребуем выкуп, разумеется. Я тут приглядел одно местечко, где мы его спрячем...

Они вновь быстро и почти неслышно ехали по переулкам – конечно, уже новым маршрутом. Через какое-то время Элина заметила, что дома вокруг имеют явно нежилой вид. Когда-то они были добротными и внушительными, может, даже роскошными, но теперь в древних стенах мертво зияли оконные и дверные провалы, чернели в лунном свете трещины, обломки колонн торчали, словно гнилые зубы... Эйрих поворотил коня к одному из таких домов – там давно рухнула крыша и перекрытия, остались лишь внешние стены с чудом уцелевшим фрагментом мозаики на одной из них.

– Старый город, помнящий, возможно, еще времена магов, – пояснил Эйрих. – И не скажешь, что мы не так уж далеко от дворца, верно? Многие столетия это был респектабельный район, но в конце концов дома слишком уж обветшали, и прежние хозяева оставили их. Теперь здесь селятся нищие и бездомные. Говорят, градоправитель все никак не решит, что ему делать с этим кварталом. По идее, конечно, снести, но вроде бы не то нынешний, не то прошлый хан высказал пожелание восстановить старинные дома, чтобы все было, как при магах. Высказать-то высказал, а денег на это не дал. Ну да нам это на руку.

– А нищие нам не помешают?

– Они предпочитают дома с крышами.

– А мы не предпочитаем дома с крышами?

– Мы предпочитаем глубокие надежные подвалы, куда не проникает свет солнца. Смотрите под ноги, здесь могут быть змеи.

И действительно, среди многолетнего хлама и мусора, частично поросшего уже сухой колючей травой, отыскался ход, ведущий куда-то под землю. Они спустились по выщербленным, засыпанным землей и битым камнем ступеням (Эйрих нес на плечах мешок с бесчувственным пленником) и остановились перед черной дырой квадратного сечения. Эйрих сгрузил свою ношу на землю, нашарил в котомке длинную лучину и зажег ее. Слабый огонек осветил коридор, с потолка которого сквозь щели между камнями свешивались длинные корни; коридор заканчивался массивной трухлявой дверью. Дверь, вросшая в намытую дождевыми ручьями землю, хотя и с трудом, но поддалась их усилиям. За ней оказалось довольно обширное помещение с выложенным плитами полом и остатками фресок на стенах. Кое-где из стен торчали позеленевшие бронзовые кольца для светильников. В углу громоздились остатки какой-то деревянной мебели. Эйрих закрыл за собой дверь (теперь, когда ее низ был освобожден от земли, сделать это было проще, хотя по-прежнему требовало изрядных усилий), уложил свою добычу на пол в дальнем углу и воткнул лучину в щель между плитами.

– Ну вот, пора будить нашего приятеля, – сказал он, развязывая мешок и стаскивая его за углы.

В тусклом свете лучины Элина увидела упитанного коротышку в халате на голое тело, связанного по рукам и ногам. Во рту у него был кляп, на глазах – черная повязка. Эйрих, вновь надевший свою шапку-маску, присел на корточки, проверил надежность затянутых на скорую руку веревок, затем достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и грифель, отложил их чуть в сторону и похлопал пленника по щекам. Тот замычал и дернул скрученными за спиной руками.

– Пойдите приглядите за лошадьми, – велел Эйрих Элине. – Хоть мы их и привязали, в таком месте, как это, оставленные без присмотра вещи могут исчезать даже глубокой ночью, – это было, в принципе, верно, но у Эйриха имелась и другая причина отослать Элину – он не собирался церемониться с пленником, если тот вдруг начнет артачиться и торговаться, и справедливо опасался, что кое-какие методы быстрого убеждения вызовут слишком решительные протесты графини.

Его опасения, однако, оказались напрасны по обоим пунктам. Ни один обитатель развалин не явился поинтересоваться неожиданными гостями и их

лошадьми, а похищенный торговец, как только очухался достаточно, чтобы понять свое положение, перепугался до смерти и быстро согласился на все. Он попытался было выразить робкое возражение против суммы в две тысячи турга, однако обещание Эйриха отрезать ему язык и кое-что еще, после чего продать евнухом в хурданистанский гарем, оказалось достаточно убедительным контраргументом. Самое интересное, что план этот был легко исполним – если бы Эйрих был работорговцем, то, покалечив похищенного таким образом, мог бы среди бела дня вывести его из города в караване невольников. Никто не стал бы разбирать, что мычит закованный раб. Жуткий для тургунайского уха иностранный акцент похитителя лишь усиливал ужас керулумца.

Эйрих освободил пленнику одну руку – вторая была привязана к лодыжкам – и сдвинул ему повязку с глаз, подсовывая бумагу и грифель. Бедняга дважды ломал грифель, прежде чем смог унять дрожь и нацарапать требуемое послание своему подручному.

Элина неспешно прогуливалась от стены к стене, внутри пустой коробки дома, то скрываясь во тьме, то ступая на голубоватые прямоугольники лунного света, падавшего сквозь оконные проемы. Могла ли она предположить год назад, что двенадцать месяцев спустя за тысячи миль от дома, в стране, о самом существовании которой она тогда не подозревала, станет соучастником похищения ради выкупа? Самое удивительное, что сейчас это ее уже и не удивляло. Она изменилась за эти месяцы. Да, только теперь она поняла, как изменилась. Превратилась в Эрварда Эльбертина...

Легкий шорох за спиной заставил ее мгновенно обернуться; рука метнулась к мечу. Но это был всего лишь Эйрих; он улыбнулся, оценивая ее бдительность.

– Поеду отвезу письмо о выкупе, – он махнул в воздухе бумагой. – Надеюсь, нашего друга еще не хватились. Полагаю, до рассвета обернусь. Вашего коня придется взять с собой – утром он явно привлечет тут нежелательное внимание. А вы пока покараульте этого типа. Он связан надежно, так что можете и малость вздремнуть. Главное, чтобы его глаза и рот оставались завязанными; не поддавайтесь на провокации, которые помогли бы ему вас увидеть или завопить в полный голос. Правда, я обещал вырезать ему глаза и язык, если он попытается... но кто знает, хорошо ли он меня понял.

Элина не стала уточнять, насколько серьезно это обещание, и спустилась в подвал. В одном из стенных колец уже горел импровизированный факел. В его колеблющемся свете графиня увидела, что Эйрих называет надежным связыванием. Когда-то он пытался проделать это с Редрихом; теперь процедура была доведена до конца. Торговец, лежавший на животе, был буквально упакован – руки стянуты веревками крест-накрест – локти, запястья, шея – ноги загнуты

назад, лодыжки подтянуты к запястьям, далее веревка туго проходила в паху и шла к шее уже спереди, образуя вторую петлю. Любая попытка освободиться принесла бы пленнику лишь боль и удушье – и в то же время, благодаря многочисленности витков и толщине веревки, он мог провести в таком положении много часов без ущерба для кровоснабжения конечностей. Хотя, конечно, эти часы трудно было бы назвать приятными. Элина в очередной раз задалась безответным вопросом, что за человек Эйрих и где он всему этому научился.

Элина уселась на грязный пол, привалясь спиной к стене, и вскоре, действительно, задремала. Разбудило ее громкое и настойчивое мычание пленника. Тот подергивался в своих путах и крутил головой.

– Лежи уж, – спокойно сказала Элина по-тарвилонски. – Все равно кляп не выну, да и твоего языка я не понимаю.

Вряд ли, конечно, торговец мог понять хоть слово, но, как видно, понял, что на послабление рассчитывать не приходится, и затих. Вскоре, однако, в затхлом воздухе подвала стал распространяться запах мочи. Элина брезгливо наморщила свой аристократический нос. На какой-то момент вместе с отвращением она почувствовала жалость к беспомощному пленнику, но тут же напомнила себе, что это – рабовладелец, так вот пусть теперь на собственной шкуре убедится, каково быть лишенным свободы!

Однако физиологическая проблема, возникшая перед пленником, в скором времени должна была обрести актуальность и для его тюремщицы – а никакого отдельного помещения или хотя бы сосуда в подвале не было. Элина как раз находилась в неприятных раздумьях на сей счет, когда дверь отворилась, и вместе с едва проникавшим сверху утренним светом в подвал вошел Эйрих.

– Все в порядке, – сообщил он. – Я подсунул письмо под дверь и отогнал вторую лошадь на постоялый двор. Поезжайте туда, я сменю вас здесь. Жду вас обратно после полудня – отправлюсь за деньгами.

– Вы все продумали, вас не сцапают и не выследят?

– Вы прямо-таки прирожденный похититель, – хмыкнул Эйрих. – Мыслите в верном направлении. Да, получать выкуп в городе было бы весьма опасно. Город керулумцы знают гораздо лучше меня. Но я велел зарыть деньги в степи, довольно далеко от города. Помните, нам попался лошадиный скелет недалеко от дороги? Вот рядом с ним. Там вокруг плоская, как стол, степь на много миль вокруг – спрятаться в засаде негде, любой преследователь или наблюдатель виден с безопасного расстояния. Да, кстати – невольничий караван прибыл в город, распродажа, как мы и рассчитывали, завтра.

Элина почувствовала, как сердце ее забилось быстрее. Неужели завтра Редрих будет, наконец, спасен, и можно будет целиком сосредоточиться на Артене?

Артен... почему с ним нет контакта? Ведь они уже близко, на таком расстоянии она просто обязана его почувствовать, несмотря на всю ненадежность магии...

Эйрих начертил ножом на грязном полу дорогу от развалин до постоялого двора, и, после того как Элина, внимательно посмотрев, кивнула, затер свой чертеж сапогом. Графиня вышла наверх как раз вовремя, чтобы шугануть оборванную личность, сужавшую круги вокруг оставленной на привязи лошади.

Йолленгелу, конечно, не терпелось услышать подробности ночной операции – ибо рассказ Эйриха был предельно лаконичен: «Все идет по плану» – но Элине столь же не терпелось проспать несколько часов в нормальных условиях. Эльф, однако, получил клятвенные заверения, что все узнает потом.

Отдохнув, графиня вновь вернулась в район руин. Днем улицы здесь были не пусты – кряхтя и охая, выползли погреться на солнышке грязные оборванные старики, сплетничали или переругивались визгливыми голосами тощие некрасивые женщины, практически голые чумазые дети гонялись друг за другом и возились в пыли. Пока что, однако, публики на улицах было немного – лишь представители наиболее зажиточных по меркам трущоб семей, раз они могли позволить себе праздность; менее счастливые в это время попрошайничали и воровали где-то в городе в полном составе. Элину провожали недобрыми взглядами – чужих здесь не любили, но ее меч внушал достаточное почтение. Ей пришлось пару раз проехать мимо нужных ей развалин, прежде чем она поймала момент, когда поблизости не было любопытных глаз, и въехала через бывший парадный вход внутрь каменной коробки.

Эйрих направился ей навстречу. Когда он почти поравнялся с ней, Элину изнутри обдало холодом – перед ней был не Эйрих, а незнакомый ей тургунаец. Это был смуглый седой старик с по-восточному узкой бородкой и голубым бельмом на левом глазу. Он улыбнулся, видя ее замешательство; только тут Элина поняла, что Эйрих попросту загримировался, и сконфуженно улыбнулась в ответ.

Он махнул ей рукой и вышел из подвала. Элина покосилась на безмолвного и недвижного пленника – кажется, он заснул или впал в беспамятство – и уселась на пол. Самой ей спать больше не хотелось, а заняться было решительно нечем. Графиня вновь попыталась прибегнуть к помощи магии и поймать след Артена – но опять безуспешно. Из близкого к трансу состояния она вышла как раз вовремя, чтобы услышать детские голоса в коридоре.

Она вскочила. Что делать, если они заберутся сюда? Они непременно расскажут другим. Конечно, со стражниками местные жители не дружат и вряд ли пойдут доносить (хотя как знать – вдруг освободителю купца причитается вознаграждение), но у них могут быть собственные интересы, никак не совпадающие с интересами Элины и Эйриха. Задержать мальчишек силой?

Весьма вероятно, что их станут искать, даже у трущобных оборвышей есть родные и друзья... Графиня выдернула факел из кольца и швырнула на грязный пол. Она едва успела затоптать пламя, пока мальчишки скреблись за дверью. В темноте они не увидят, что находится в углу. Но что, если у них есть огонь?

Однако все разрешилось еще проще. Они подергали дверь и отказались от попыток ее открыть – как видно, силенок одного не хватило, а тянуть вдвоем в узком коридоре было неудобно. Элина слышала, как удаляются их голоса – не особенно, кажется, разочарованные; в самом деле, ведь по подобным развалинам им и им подобным приходилось лазить множество раз, и все мало-мальски ценное, что было в старых домах, давным-давно было найдено.

Вновь потянулось долгое скучное ожидание, разрешившееся, наконец, приходом Эйриха. Грима на нем больше не было – выехал из города один человек, а въехал пару часов спустя уже другой.

– Деньги у нас, – объявил он, – поехали, лошади ждут.

– А с этим что делать? – Элина кивнула в сторону пленника.

– Разумнее всего, конечно, было бы его прикончить...

– Эйрих!

– ...но мы просто оставим его здесь, а потом пошлем письмо к нему домой, где сообщим об этом месте.

– А если его найдут раньше какие-нибудь бродяги?

– Тогда, возможно, ему придется писать еще одно письмо о выкупе. Но это уже его проблемы.

Элина представила себе, каково это – два дня пролежать связанным, не имея возможности пошевелиться. Пусть этот тип – гнусный рабовладелец, но...

– Вы его, конечно, не кормили? – спросила она.

– Обойдется. Впрочем, надо бы дать ему воды. А вы идите к лошадям, пока их не увели.

– Ладно. И скажите ему, чтобы он хорошенько запомнил этот урок и впредь нанимал свободных слуг, а не покупал рабов.

– Все пытаетесь исправить мир? – усмехнулся Эйрих. – Ну, если вам так хочется, я передам ему ваши слова.

Элина выбралась из подвала и отвязала одного из коней – Эйрих опять пригнал вторую лошадь. Пару минут спустя ее спутник присоединился к ней.

По дороге он еще раз удивил Элину, когда выяснилось, что деньги он оставил на постоялом дворе, то бишь доверил их Йолленгелу. Элина порадовалась, что эльф, кажется, окончательно завоевал уважение ее сурового спутника. Через полчаса она увидела эти деньги воочию – полная шкатулка тяжелых золотых кругляшей; графиня всегда была достаточно равнодушна к деньгам, хотя и знала

им цену – но здесь не удержалась, запустила в шкатулку руки и пересыпа́ла монеты, любуясь их маслянистым блеском и увесистым позвякиванием. От этого занятия ее оторвал насмешливый голос Эйриха, сообщившего, что в ней пропадают незаурядные купеческие задатки.

Ночью Элина вновь увидела Артена.

Там, где он находился, было совершенно темно, но она различала его лицо – благодаря тому, что видела его не обычным физическим зрением. «Кузина, – повторял принц, – кузина, отзовитесь! Нет, я положительно спятил. Конечно же, это был сон.»

«Не сон, принц! – воскликнула Элина. – Я слышу вас! Где вы и что с вами?»

«Все там же, в подземелье башни. Снег, должно быть, уже растаял. В последнее время их давление усилилось, они говорят, что заставят силой...»

Контакт начал теряться.

«Принц! Принц, держите связь! Демоны, он же не умеет этого делать... Артен!!!»

«Элина...»

В следующий миг графиня проснулась, чуть не плача от досады. Ее рука потянулась к медальону. Он слабо пульсировал теплом. Контакт еще жил!

– Эйрих! – крикнула она в темноту комнаты.

– Что случилось? – Эйрих, как обычно проснулся мгновенно. Йолленгел сонно пробурчал что-то недовольное.

– Карту! Быстро!

Эйрих ничего не понимал, но хорошо знал, что бывают ситуации, когда нужно сначала подчиниться, а потом уже выяснять, что к чему. Послышался шорох разворачиваемой карты. Чиркнул, брызгая искрами, кремень, и затеплилась масляная плошка. Элина, сжимая в кулаке снятый с шеи медальон, бормотала слова магических формул. Она бросила лишь один взгляд на карту и теперь зажмурилась, сохраняя очертания стран, гор и берегов перед мысленным взором. Медальон выпал из ее руки и закачался на шнурке. Элина медленно двигала руку, сама не ощущая этого; она лишь тянулась за ускользающей нитью контакта. В какой-то момент она поняла – вот! вот здесь! Затем контакт опять стал ослабевать и вскоре исчез совсем. Элина открыла глаза. Медальон висел на нитке в дюйме над картой.

– Вы что-нибудь видели? – спросила она Эйриха.

– Он только что раскачивался. Довольно сильно.

– Правильно, – графиня опустила медальон, позволяя ему лечь на пергамент. – Артен здесь.

Эйрих склонился над картой.

– Хадирские горы. Северо-восточный Хурданистан, довольно близко от тургунайской границы. Что ж, может быть, и так. Хотя я не склонен слишком доверять подобным методам поиска.

– Пока что они оказывались эффективнее ваших, – парировала графиня. Эйрих пожал плечами. Йолленгел, не открывая глаз, перевернулся на другой бок.

Наутро Эйрих и Элина отправились на невольничий рынок. Эльф, с его традиционной неприязнью к человеческим толпам, не выразил желания составить им компанию. Он не успел сблизиться с Редрихом, да тот особо и не стремился – первоначальное любопытство герцога быстро поблекло, оттесненное иными чувствами и заботами.

Эйрих намеренно выбрал кружной путь, чтобы проехать через центральную площадь и показать Элине дворец, хоть как-то искупая ее вынужденное затворничество. Величественное сооружение практически не изменилось за пять столетий – разве что у северного края площади добавились золотой купол и четыре тонкие угловые башни мавзолея Кагарлыза Первого. Любуясь панорамой дворца, Элина хорошо понимала, почему вождь варваров не смог устоять перед искушением цивилизацией; и тем более дикой казалась мысль, что менее чем в миле от этой красоты находится другая площадь, где люди продают и покупают людей. Тем не менее, их путь лежал именно туда.

Керулумский невольничий рынок был одним из наиболее крупных в стране, и Элина поначалу испугалась, что Редриха могут продать раньше, чем они сумеют его отыскать. Но Эйрих, уверенно пробираясь сквозь толпу (лошадей им пришлось оставить у коновязи на подъезде к площади), быстро отыскал помост, арендованный уже знакомыми им работорговцами. Один за другим невольники поднимались на невысокий помост, торговец выкрикивал их достоинства, реальные или преувеличенные, и называл стартовую цену, а затем подогревал начавшийся торг. Большинство рабов, как видно, не впервые проходили через эту процедуру и относились ко всему с усталым безразличием; они покорно поворачивались по требованию надсмотрщика, напрягали мускулы, открывали рот, позволяя основным претендентам на покупку осмотреть состояние их зубов. Некоторые, кажется, даже сами получали удовольствие от демонстрации собственных достоинств и всячески старались поднять свою цену; Элину сперва глубоко возмутило столь жалкое тщеславие, но затем она поняла, что здесь может быть и рациональная основа – с рабом, который дорого достался хозяину, будут лучше обращаться. И все равно, своими усилиями поднимать выручку торговца – это было отвратительно!

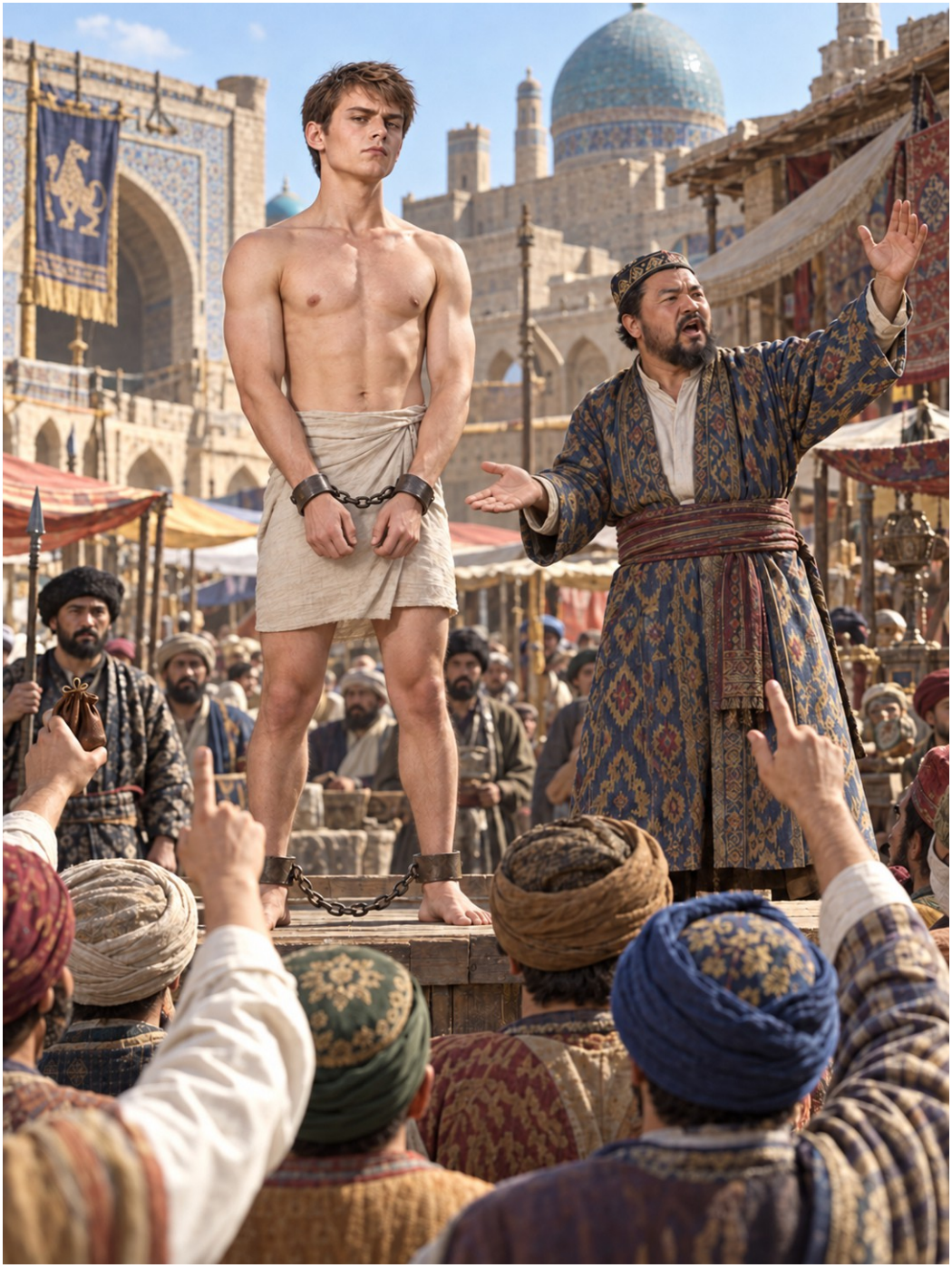
Но тут сердце Элины ухнуло в пустоту, а затем быстро забилось. На помост вывели Редриха.

Кроме цепей, на нем была лишь набедренная повязка. Такому обращению подвергались не все рабы; заковывали только доказавших свою строптивость, а раздевали мужчин, не имевших специальных навыков и потому годных лишь для грубой физической работы. Женщин, предназначенных для утоления похоти, продавали не здесь, а в закрытых павильонах позади площади, где зеваки не могли мешать серьезным покупателям. Кстати говоря, основным товаром в этих павильонах, вопреки популярным среди определенных кругов западной молодежи легендам, были вовсе не юные девственницы, а опытные профессионалки своего дела. Это не значило, конечно, что невольницы, продаваемые на общем базаре, получали гарантии от сексуальных домогательств будущих хозяев – однако предназначались они не для этого, и оценивали их по другим критериям.

Редрих от природы не отличался могучим сложением, однако немало поработал над собой; Элина невольно залюбовалась его телом тренированного бойца. «Все-таки Артен не прав, – подумала она. – Мозги, конечно, важнее мускулов, но и в мускулах есть своя эстетика.»

Герцог окинул толпу презрительным взглядом. Он не сомневался, что его товарищи здесь и придут ему на помощь. Однако Элину, из-за ее невысокого роста, он не заметил в толпе, а Эйриха не узнал в его туземном наряде. И вдруг в глазах Редриха мелькнула растерянность, взгляд его испуганно заметался. Он больше не походил на надменного аристократа, которого можно заковать в цепи, но не сломать – в этот миг на помосте стоял просто потерявшийся, попавший в беду мальчишка, тщетно озирающийся в поисках помощи. Это продолжалось одно мгновение – а затем взгляд его зацепился за взгляд Эйриха, и презрительная усмешка вновь тронула губы Урмаранда. Он считал себя уже практически свободным.

Начались торги. Поначалу они шли довольно вяло – покупатели видели, что необученный раб хотя и силен, но все же не богатырской стати, да к тому же явно не из числа покорных. Притом еще и чужеземец, не знающий языка – будь это не так, продавец бы это отметил. Эйрих пока молчал, не желая раньше времени подогревать гонку. Однако того, чего не желал Эйрих, желал торговец, и его восклицания «я не верю своим ушам! Вы позволите такому парню с железными мышцами уйти за какие-то две сотни турга?!» возымели-таки действие. Сперва покупателями двигала надежда приобрести молодого и сильного раба относительно дешево, а потом ими овладел обычный аукционный азарт, когда кажется, что раз другие готовы платить больше, значит, вещь того стоит и

упускать ее нельзя. Цены перебрались через рубеж в 300, довольно быстро преодолели отметку 400 и уже в три прыжка доскакали до 500.

– 550 турга!

– 600!

– 700 турга!

Это была уже изрядная сумма за необученного раба. Возникла пауза.

– 700 турга за этот превосходный товар! – распинался торговец. – За невольника с безупречным здоровьем и великолепными мускулами! За крепкого молодого парня, от которого ваши рабыни будут рожать каждый год! Подумайте – вы покупаете не его одного, вы покупаете всех его детей – и все это лишь за 700 турга? Да это же просто даром! Кажется, я слышу 800?

– 800!

– 950!

– 950 турга! Неужели никто не скажет «тысяча»? Вы будете жалеть, что упустили такой шанс! 950 раз...

– Тысяча!

– Тысяча турга за великолепного молодого раба! Наконец-то у нас пошли настоящие цены, хотя, право же, он стоит большего! Итак, почтенные, ваше слово! У вас еще есть шанс! Да, есть, но вы должны поторопиться! Итак, тысяча раз... Тысяча – два...

– Тысяча сто! – наконец поднял руку Эйрих.

– Тысяча сто! Хвала чужеземцу, знающему толк в невольниках! Но неужели истинным керулумцам нечего этому противопоставить? Тысяча сто – раз... Тысяча сто – двааа... Тысяча – сто – три! Про...

Торговец вдруг осекся. Рассекая толпу, к помосту направлялся некий внушительного вида субъект в сверкающем на солнце чешуйчатом доспехе. Он поднялся по скрипнувшим под его тяжестью деревянным ступеням и остановился, разглядывая Редриха. Герцог ответил ему угрюмым взглядом. Этот тип явно не входил в планы заинтересованных сторон. В толпе зашумели.

Чешуйчатый что-то сказал надсмотрщику. Тот протянул ему кнут. (Обыкновенно на рынке рабов не били – зачем портить товар на глазах у покупателя – и, хотя исключения и бывали, в основном кнуты служили надсмотрщикам лишь символом их статуса.) Элина замерла. Неужели этот тип собирается ударить Редриха? И, главное, за что?!

Чешуйчатый меж тем отступил назад, лениво постукивая кнутовищем по колену... и вдруг с неожиданным проворством нанес удар, явно целя невольнику в лицо! Но Редрих оказался еще проворнее. Несмотря на скованные запястья, он вскинул руки и перехватил кнут, тут же хлестко обвившийся вокруг голого

предплечья юноши. Не обращая внимания на боль, Редрих резко рванул кнут на себя и вырвал кнутовище из рук врага. В следующий миг сразу четверо надсмотрщиков кинулось на герцога, хватая его за руки и принуждая упасть на колени.

Элина могла лишь бессильно сжимать кулаки, глядя на это. Чешуйчатый явно был важной шишкой, и не приходилось сомневаться в суровом наказании непокорного раба, осмелившегося защитить себя.

Однако важный тургунаец, похоже, не выглядел разгневанным. Напротив, он изрек что-то одобрительным тоном, а потом громко отдал короткую команду. К нему сквозь толпу протолкались шестеро стражников, которые забрали Редриха из рук надсмотрщиков. Чешуйчатый меж тем повернулся к торговцу и положил ему на ладонь завязанный кошель. Торговец принял плату с кислой миной – как видно, уже на вес чувствовал, что там никак не наберется даже и тысячи турга – но противоречить не осмелился. Чешуйчатый слез с помоста и через расступающуюся публику двинулся прочь с площади. За ним стражники уводили скованного Редриха, который уже не пытался вырваться и лишь с выражением растерянности и отчаяния оглядывался через плечо.

– Эйрих, что все это значит?! – наконец воскликнула Элина. Привыкнув к надежности своего спутника и к тому же не понимая местного языка, она до последнего момента надеялась, что Эйрих еще контролирует ситуацию.

– Не знаю, – мрачно ответил тот. – Сейчас попробую выяснить.

Он обратился с расспросами к соседу. Они говорили минуты четыре, после чего окончательно помрачневший Эйрих вновь обернулся к Элине.

– Плохо, Эрвард. Все очень плохо. Человек в доспехе – старший наставник хардыгар, ханских гвардейцев. На заключительных этапах тренировки хардыгар в качестве противников используются физически крепкие, умеющие сражаться невольники. Если в обычных тренировочных боях оружие учебное, то здесь – боевое, хотя у рабов оно обычно хуже и может в основном ранить, но не убивать. Если невольник выживает, его выставляют против следующего кандидата в гвардейцы, или сразу против нескольких. Даже самым умелым воинам редко удается выжить более чем в десяти боях.

– Так что ж вы стоите?! Мы должны отбить Редриха! Их всего семеро! – Элина принялась проталкиваться сквозь толпу в том же направлении, в котором скрылись стражники со своим пленником.

– Не туда! – дернул ее за рукав Эйрих. – К лошадям!

Пока они выбрались с площади, пока нашли и отвязали коней – прошло, должно быть, минут десять. Вдобавок на улицах в центре города было полно народу, так что скакать во весь опор было затруднительно. Тем не менее,

распугивая пешеходов грозными криками, они промчались по улицам в сторону дворца и выскочили к казармам хардыгар как раз в тот момент, когда конвоиры заводили Редриха внутрь. Эйриха, скакавшего впереди (ибо он имел представление о дороге), отделяло в этот миг от герцога не более сотни футов. Не то услышав дробный перестук копыт, не то просто что-то почувствовав, юноша обернулся. Увидев спешащих ему на помощь, он отшвырнул двоих державших его стражников и рванулся навстречу всадникам. Но остальные конвоиры уже навалились на него, сбили с ног и поволокли в глубину арки в глухой внешней стене казарм. Тяжелые двери захлопнулись перед самым носом всадников. Двое часовых с кривыми мечами наголо по обе стороны арки смотрели на наездников явно без признаков дружелюбия и, кажется, готовы были поднять тревогу. Чтобы развеять их подозрения, Эйрих на полной скорости проскакал мимо и помчался дальше по улице, словно его спешка не имела к казармам никакого отношения. Элине ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

– Мы должны устроить ему побег, – Элина тискала рукоятку меча. Они снова сидели в комнате постоялого двора – графиня, Эйрих и Йолленгел.

– Это невозможно, – устало повторил Эйрих во второй уже раз. – Ханский дворец и хардыгарские казармы – это вам не халупа торговца средней руки и даже не дворец в Дулпуре. Там превосходная охрана. Туда нельзя проникнуть, похитить узника и безболезненно выбраться обратно – уж поверьте мне, я кое-что в этом понимаю. Ну хорошо, допустим, абсолютных защит не бывает. Теоретически некоторый шанс есть всегда. Но на подготовку такой операции уйдут многие месяцы, если не годы – особенно учитывая, насколько поверхностны наши знания о Тургунае и сколько работы нужно проделать, чтобы местные жители начали принимать нас за соотечественников. Даже если бы я взялся за это, к моменту, когда мы будем готовы, Редрих будет уже давным-давно мертв.

– Демоны, мы не можем его бросить! В конце концов, я обещал ему!

– Эрвард, не зацикливайтесь на формальностях. Фактически Редрих уже мертв, с того самого момента, как за ним захлопнулись ворота казарм. У вас нет обязательств перед мертвецом. Мы сделали все, что от нас зависело. У нас не получилось. Иногда приходится признавать свое поражение.

– Он прав, Эрвард, – сказал до сих пор молчавший Йолленгел. – Кому, как не мне, приходилось терять друзей. И если бы я безрассудно кидался их спасать, не имея шансов – добился бы этим лишь собственной гибели, а им бы все равно не помог.

– Кроме того, вы, часом, не забыли об Артене? – напомнил Эйрих.

– Артену грозит опасность, – убитым голосом признала Элина. – Я так надеялся, что сегодня мы решим проблему Редриха и дальше совместными усилиями займемся освобождением принца... Этот день так удачно начинался – мы узнали, где находится Артен...

– Эрвард, причитаниями делу не поможешь, – перебил Эйрих.

– Кто причитает, я?! – возмутилась графиня. – Гм... пожалуй, можно сказать и так. Господа, если я еще когда-нибудь позволю себе подобное – сразу меня одергивайте.

– Приветствую ваш возвращающийся здравый смысл.

– Мы немедленно покинем Керулум и отправимся в Хурданистан, – в голосе Элины было больше металла, чем в ее клинке.

– Это я и хотел услышать, – кивнул Эйрих. – Йолленгел, вы, разумеется, едете с нами?

– Не думаете же вы, что я останусь в стране, где люди продают людей в качестве кукол для тренировки солдат! Если они так обращаются с себе подобными, могу себе представить, что на что они способны по отношению к нечеловеку...

Сборы не заняли много времени. Час спустя трое всадников уже ехали через степь по дороге, уводившей из Керулума на запад.

– А знаете, какой сегодня день? – спросила вдруг Элина, из голоса которой вновь исчез металл.

– Какой? – спросил Йолленгел.

– День моего рожденья, – печально улыбнулась Элина. – Сегодня мне исполнилось семнадцать. Нечего сказать, хороший подарок я получил.

– Подарок? – удивился эльф.

– У людей принято праздновать дни рожденья, – пояснил Эйрих.

– Наш народ никогда не праздновал даты, – ответил Йолленгел. – Мы находили это... эээ... нелепым. Для того, чтобы радоваться, не нужно ждать определенного дня. Да и, по правде сказать, у нас никогда не было точного календаря, мы в нем просто не нуждались. Ход времени для нас определяли такие события, как день первого снега, первых листьев на деревьях или отлета птиц на юг – а в разные годы это происходит в разные дни. А год у нас начинался в день первой капели. У южных эльфов, практически не видевших снега, были свои признаки... Я, впрочем, уже рассказывал это Эрварду.

– Я тоже считаю, что отмечать дни рожденья – это глупость, – заметил Эйрих. – Праздновать, что жить осталось на год меньше? К тому же я, как и вы, не знаю

точной даты своего появления на свет. Эрвард в нашей компании – единственное исключение.

– Спасибо, вы оба меня очень утешили, – буркнула Элина.

– Выше голову, Эрвард, – отозвался Эйрих. – Как любят выражаться полководцы, мы проиграли битву, но не кампанию. Основные события развернутся в Хурданистане.

Он ошибался. Основные события ждали их в ином месте.

На этот раз им не нужно было пересекать Шезех-Кум. Караван невольников, встреча с которым оказалась роковой для Редриха, вышел, очевидно, из более южной области Хурданистана, поэтому часть его пути пришлась на пустыню; однако горный район, где, предположительно, держали Артена, находился намного севернее, и прямая, соединявшая его с Керулумом, целиком проходила через степь. Дорога, которая вела из столицы Тургуная на запад, конечно, не вполне совпадала с этой прямой, поэтому через три дня путники свернули с нее в степь, отклоняясь к югу. В последнем городе, который они проезжали, Эйрих в очередной раз купил пару луков – Йолленгелу и себе, а также тургунайские кожаные доспехи. Элина радостно избавилась от туземного халата, а пару дней спустя эльф наконец-то оправдал свое вооружение, подстрелив некрупное копытное из пробегавшего по степи стада. Впрочем, промахнуться по целому стаду в любом случае было затруднительно – зато у Йолленгела появился законный повод гордиться своим вкладом в снабжение экспедиции провиантом.

Через восемь дней после отъезда из Керулума они достигли северных отрогов Хадирских гор. Это была уже территория Хурданистана. Впрочем, никаких признаков формальной границы не существовало; если в тургунайской степи им время от времени попадались сторожевые башни, то в эти безлюдные места обычно не заглядывали даже редкие кавалерийские разъезды.

За время пути Элине ни разу не удалось снова переговорить с принцем, однако еще трижды она чувствовала контакт. Каждый раз это чувство было дольше и уверенней – теперь уже не оставалось сомнения, что они на верном пути и приближаются к цели.

У подножия гор, однако, вышла заминка; область поиска вновь оказывалась слишком большой, а лазать по кручам наобум никому не хотелось – да и смысла особого не имело. Целый день они простояли лагерем в устье одного из ущелий, где их не было видно с равнины; Элина вновь и вновь усаживалась, закрыв глаза и сжав в кулаке медальон, и сосредоточенно бормотала заклинания, пытаясь выяснить дальнейший путь, Эйрих от нечего делать точил и полировал оружие, бурча что-то весьма нелестное по адресу магии, а эльф по большей части лежал на

спине, закинув руки за голову, глядя в весеннее небо с редкими перистыми облаками и посасывая сладкий сок молодой травинки – кажется, впервые за долгое время он чувствовал себя вполне счастливым, радуясь, что наконец-то не надо куда-то мчаться и кого-то спасать, а можно просто спокойно отдохнуть.

К вечеру Элина совершенно выдохлась и оставила свои безнадежные попытки. Она не могла понять, почему у нее ничего не выходит – пусть ее навыки были дилетантскими, а магия эпохи меча – слабой и ненадежной, но за несколько десятков (в худшем случае) миль от цели, да еще при обоюдном желании сторон, контакт должен был быть достаточно устойчивым. Единственный разумный ответ состоял в том, что кто-то мешает контакту. Среди тюремщиков Артена имеется маг, поставивший блокировку. Само по себе это было достаточно неприятно – и почему она не задумывалась о такой возможности раньше, размышляя лишь о характерных для времени меча опасностях? – но тогда непонятно, почему связь удается хотя бы иногда. Элина знала, что профессиональному чародею уровня, скажем, Ральтивана было вполне по силам обеспечить круглосуточную «невидимость» для дилетанта вроде нее.

Под утро графиня выбралась из палатки, обнимая себя за плечи и пританцовывая от холода; немного согревшись, она уселась кожаными штанами на росистую траву, подняла лицо к полной уже луне, серебрившей снега далеких вершин, и предприняла еще одну попытку. На этот раз у нее получилось! Она увидела высокую каменную башню, венчавшую поросшую травой округлую верхушку горы; слева темнели скалистые громады более высоких гор, а направо открывался вид в долину. В лунном свете башня с ее черными провалами окон без единого огонька и стенами в пятнах теней, сложенными из неровных каменных глыб, казалась давно заброшенной; однако обвивавшая вершину и убегавшая в долину узкая дорога показывала, что люди сюда наведываются. Картина была очень четкой; когда Элина вышла из транса, башня все еще стояла у нее перед глазами. Расстояние, скорее всего, не превышало двух десятков миль – впрочем, в горах это не так уж и мало. В точном направлении она уже не сомневалась. Прочертив его для верности ножом на земле, графиня с чувством выполненного долга полезла в палатку досыпать.

Утром Эйрих поздравил ее с успехом – достаточно, впрочем, сдержанно, ибо его неприязнь к магии, кажется, лишь усиливалась с каждым разом, когда последняя доказывала свою эффективность – и экспедиция вновь отправилась в путь. Эти горы были столь же незнакомы Эйриху, как и его спутникам; однако его горный опыт в целом был заметно богаче, чем у них, и ему пришлось взять на себя нелегкую задачу по прокладыванию маршрута. Два дня путешественники петляли по склонам и ущельям; несколько раз им приходилось поворачивать назад, когда

надежный, казалось бы, путь упирался в отвесную стену, широкую пропасть или опасную осыпь. Однажды им пришлось переходить вброд горный поток, неглубокий, но яростный; ледяная вода окатывала до пояса и норовила свалить с ног – в итоге эльф таки упал, зашиб бок и колено о камни, вымок с ног до головы и чуть не захлебнулся, прежде чем товарищи выволокли его на берег.

Однако куда большая неприятность случилась вечером второго дня. Отряд проходил по узкому уступу, ведя коней в поводу, когда из каменной щели прямо под ноги Элине выползла змея. Графиня застыла неподвижно, но ее лошадь, непривычная к горным условиям, испуганно шарахнулась назад и сорвалась в пропасть. Элина едва успела выпустить уздечку, чтобы не свалиться следом.

Потом она, разумеется, настояла на том, чтобы спуститься вниз и подобрать свои вещи, включая и бесценные записи; на это ушло два часа, начало уже темнеть, и путникам пришлось ночевать раздельно – эльфу, оставленному с лошадьми, наверху, а Элине и спустившемуся с ней Эйриху – внизу. На следующий день они чуть ли не полдня карабкались обратно, и лишь когда солнце перевалило высшую точку траектории, отряд смог возобновить путь – теперь уже с двумя лошадьми, на которых распределили поклажу третьей. Впрочем, здесь, на горных кручах, большую часть пути все равно приходилось проделывать пешком, а не верхом.

В скором времени под ноги им легла широкая щебнистая тропа – кажется, первый знак присутствия людей в этих горах. Тропа уводила в седловину между двумя некрутыми склонами, зеленевшими сочной свежей травой. Очевидно, этой дорогой пользовались пастухи – на это указывали катышки овечьего помета. И действительно, пройдя через седловину, путешественники оказались на широком лугу, где паслось стадо. И тут же навстречу им устремилась пастушья собака.

Эйрих сохранял спокойствие, и Элина, бросив косой взгляд на него, не стала хвататься за меч, однако внутренне напряглась и смотрела на приближавшегося зверя настороженно. Трудно чувствовать себя комфортно, когда прямо на тебя несется, оскалив клыки и высунув язык, черное лохматое чудовище, как минимум не уступающее тебе по массе, да и по росту – если поднимется на задние лапы. Однако пес проскочил мимо Элины и Эйриха, устремляясь прямиком к Йолленгелу. Графиня обернулась следом, уже протягивая руку к оружию и готовясь спасать эльфа; в ее сознании мелькнула мысль, что собака пастуха вряд ли обучена нападать на людей, но в Йолленгеле-то она запросто могла учуять нечеловека...

Однако реальность немедленно опровергла ее опасения. Огромный пес, встав на задние лапы, положил передние на плечи Йолленгела и лизнул эльфа в нос, резво выражая косматым хвостом бурную радость по поводу этой встречи.

Йолленгел, хотя и пошатнувшийся сперва под тяжестью чуть ли не полутора сотен собачьих фунтов, улыбался и трепал пса по загривку.

Опираясь на длинный загнутый посох, неспешно подошел пастух. Это был старик восточной расы, в высокой бараньей шапке и желтоватой (когда-то белой) бурке. Густая сетка морщин, в которой прятались его узкие глаза, шея, похожая на дряблые мехи, и узловатые пальцы выдавали почтенный возраст пастуха, однако осанка его была прямой, как не у всякого молодого, а движения – хотя и неспешными, но исполненными скорее величавого достоинства, чем старческой немощи. Он что-то сказал эльфу, продемонстрировав необычно большое для своего возраста количество сохранившихся зубов.

– Что он говорит? – полуобернулся Йолленгел к Эйриху.

– Не уверен, что правильно разбираю этот диалект... но, скорее всего, «ты – хороший человек, раз понравился моему псу».

Пес, наконец, опустился на четыре конечности и подошел к своему хозяину, продолжая, однако, посматривать в сторону эльфа и помахивать хвостом. Пастух сказал еще что-то, глянув уже в сторону Эйриха.

– «А значит, и друзья твои – хорошие люди», – перевел тот, воздержавшись от усмешки, а затем обратился к старику с ответными приветственными словами. Они говорили некоторое время, иногда переспрашивая друг друга и уточняя произношение отдельных слов, иногда прибегая к помощи жестов – но в целом взаимопонимание явно успешно налаживалось. Наконец Эйрих обернулся к своим спутникам:

– К западу отсюда имеется башня, похожая на ту, что мы ищем. В селении старика ее хорошо знают. Само селение тут неподалеку, и он приглашает нас в гости. Надо будет лишь дождаться вечера, когда он погонит овец домой.

– Может, вежливо поблагодарить его и сразу выспросить дорогу к башне? – предложила Элина. – Мы и так потеряли уже столько времени...

– Эрвард, не горячитесь. Вы что, рассчитываете вдвоем взять башню штурмом?

– Нет, но...

– Нам нужна база для подготовки операции. И нам нужны информаторы. Этот кишлак – идеальный вариант.

– Наверное, вы правы. Но можем ли мы им доверять?

Эйрих улыбнулся.

– Браво, Эрвард, моя школа. Когда-то вы готовы были доверять всем подряд. Но в данном случае риск невелик. Подобные горцы, в какой бы части света они ни жили, весьма далеки от политики. То обстоятельство, что Йолленгел понравился собаке пастуха, для них гораздо важнее всяких абстракций типа «долг верноподданного» – даже если за похищением Артена и впрямь стоят власти

Хурданистана. Но, разумеется, я буду осторожен в части раскрытия им наших планов.

Элина признала, что это вполне разумно. Эйрих вновь заговорил с пастухом, а Йолленгел побрел в сторону, а затем уселся в траву, обхватив колени и глядя на открывавшуюся отсюда панораму долины, на две трети залитой солнцем и на треть срезанной тенью горы. Как видно, высота уже не вызвала в нем прежнего ужаса. Графиня примостилась рядом.

– А хорошо здесь, – мечтательно произнес эльф, подставляя лицо солнечным лучам. Ему хотелось снять тюрбан, но в присутствии пастуха, пусть и занятого беседой с Эйрихом в сотне футов отсюда, он не решался.

Элина, хотя и согласилась с Эйрихом насчет невозможности немедленных действий, отнюдь не была настроена на элегический лад.

– Как вы только не испугались эту псину, – сказала она. – Я думал, она вас на куски порвет.

– Мой народ всегда ладил с животными, я ведь уже говорил. Хотя луситы и муштровали собак, чтобы травить нас... – эльф зябко передернул плечами. – Люди в состоянии испортить все, к чему прикасаются.

Пощипывая траву, к ним подошел молодой барашек. Йолленгел погладил его по холке. Элина тоже провела рукой по теплому курчавому боку, но, под воздействием слов Йолленгела, тут же представила себе этого барашка шипящим на вертеле над огнем. Может быть, уже сегодня вечером – кто знает? Уж явно не овцы, пасущиеся на сочном лугу под ярким весенним солнцем, охраняемые от всех бед и тревог мира старым пастухом и его верным псом.

Точно люди в эпоху магов.

Старик со своим посохом и горделивой неспешностью движений даже походил на одного из тех древних чародеев, в узком кругу себе подобных решавших судьбы всего мира. Правда, подвластных им людей в конце пути не ждали нож, холодной болью вспарывающий горло, и жадный огонь очага. Или порою все-таки ждали? Если маги разрушили непокорную страну Зурбестан, истребив всех ее жителей до последнего – сколько раз еще они могли так поступать?

Элина впервые задумалась о том, что эта таинственная страна, единственный раз упомянутая в ее присутствии около года назад, должна, по идее, находиться где-то не так уж далеко отсюда.

Кишлак располагался двумя террасами на склоне горы, в окружении зеленеющих виноградников. В нем было две дюжины невысоких, сложенных из неровных камней домов; семьи у горцев были большие, и население переваливало за полторы сотни человек. Они жили очень обособленно – примерно как луситы в

своих глухих лесных деревушках; лишь изредка кто-нибудь из селения спускался в долину или навещал другой кишлак, а многие, в особенности женщины, выданные за односельчан, за всю свою жизнь едва ли отходили от дома больше чем на милю. Однако люди эти вовсе не выглядели дикими и угрюмыми нелюдимами; в этом гости могли убедиться в первый же вечер, когда на празднике, устроенном в их честь, гуляло полкишлака. На шампурах ароматно дымились сочные куски шашлыка, в глиняных чашах плескалось кисловатое красное вино (Элине тоже пришлось пить, чтобы не обидеть хозяев – впрочем, вино было совсем некрепким), юноши в бараньих шапках и девушки в белых платках танцевали зажигательные туземные танцы под музыку длинногрифых трехструнных инструментов и звон бубнов. «Неужели все это лишь потому, что Йолленгел понравился собаке пастуха?» – удивлялась Элина. Вскоре она получила ответ на свой вопрос – Эйрих, уже достаточно бойко болтавший с туземцами, объяснил своим спутникам, что горцы вообще почитают гостей, столь редких в этой глуши. Впрочем, собака тоже сыграла свою роль – благодаря ей они сразу же приобрели расположение ее хозяина, а Кайсы-ака (что значило «дедушка Кайсы») был одним из самых уважаемых людей в селении. Элина едва не прыснула. Простой пастух – один из самых уважаемых? На Западе даже и среди крестьян эта должность не была почетной; нередко ее исполнял какой-нибудь деревенский дурачок. Здесь же, напротив, уединение и размышление, в которых проходят дни пастуха, считались залогом мудрости – не говоря уже о солидном жизненном опыте таких, как дедушка Кайсы.

Графиня подумала, что Артен, должно быть, презрительно усмехнулся бы, услышав о мудрости в таком контексте. Для него мудрость была связана со старинными фолиантами на бронзовых застежках, со стройными рядами математических формул, бегущими из-под тонкого пера, с закопченными тиглями и пузатыми ретортами, тускло поблескивающими в полумраке лаборатории. А здесь – какие-то горцы, не умеющие ни писать, ни читать. Вполне возможно, впрочем, что Артен прав. Для гостя со стороны на первый взгляд жизнь горцев кажется протекающей в гармонии с миром, но Элина (не говоря уже о принце), пожалуй, взвыла бы от скуки в такой гармонии уже через несколько недель. Да и что это за мудрец, который принимает незнакомых чужестранцев за друзей лишь на том основании, что так решила его собака?

Эйрих меж тем не терял времени даром и продолжал наводить справки. Позже, когда веселье, наконец, закончилось, и трое пришельцев лежали на мягких овечьих шкурах в выделенной им комнате, он рассказал, что ему удалось узнать.

Башня была достаточно старой, но, как и ожидалось, не заброшенной. Там располагался некий пост хурданистанских солдат – так что гипотеза о ключевой

роли правительства Хурданистана в нападении на тургунайскую экспедицию становилась все более бесспорной. Солдаты и горцы не вмешивались в дела друг друга, а, напротив, придерживались равноправных торговых отношений – горцы поставляли в башню продовольствие, главным образом мясо, а взамен получали железо (когда сразу в виде оружия или инструментов, когда – просто бруски) и, изредка, какие-нибудь другие товары, которые им было бы затруднительно самостоятельно произвести у себя в горах. Деньги в подобных сделках использовались крайне редко; многие жители кишлака за всю жизнь ни разу не держали их в руках – им это было просто ни к чему. Это огорчило Эйриха; он возлагал определенные надежды на полученные в Керулуме монеты, которые – золото везде золото – должны были цениться и в Хурданистане. В общем и целом выходило, что горцы не станут выступать на стороне солдат, но не станут и ссориться с ними без нужды.

На прямой вопрос Эйриха о численности гарнизона жители кишлака не смогли ответить, однако он расспросил, как часто и сколько провизии поставляется в башню и понял, что там должно находиться, по меньшей мере, человек пятнадцать. Для просто захолустного сторожевого поста – многовато, а для охраны важных пленников – скорее мало. Впрочем, если солдаты торговали (точнее, обменивались) не только с этим кишлаком, число могло возрасти в несколько раз. Вероятнее всего, так оно и было, ибо сделки носили достаточно нерегулярный характер. Эйриху удалось выяснить и другую, не менее важную информацию – в прежние времена контакты с обитателями башни были еще более редкими и вышли на нынешний уровень лишь около года назад. Видимо, еще до того, как состоялось нападение на тургунайцев – и это логично, операция готовилась загодя. Впрочем, горцы ничего не говорили о крупных вооруженных формированиях в этих местах – а Эйрих уже знал от Элины, что эскорт экспедиции исчислялся сотнями солдат; соответственно, силы нападавших должны были быть сопоставимыми, и спрятать в башне такую армию было явно нереально. Очевидно, удар был нанесен из другого места, а сюда лишь доставили пленников.

– Не знаю, зачем им понадобился Артен и этот тургунаец, – сказала Элина, – но странно, что после такой масштабной операции их не доставили в столицу, а столько времени держат в глуши совсем рядом с границей.

– В этом есть свой резон, – ответил Эйрих. – Ценную вещь надо прятать там, где никто не догадается ее искать. Нападение на тургунайцев произошло, скорее всего, не на территории Хурданистана, а севернее. Но хан, полагаю, не настолько глуп, чтобы не заподозрить неладное и не сунуть нос в Хурданистан – как официально, так и неофициально. А Хурданистан не настолько силен, чтобы

этому реально воспрепятствовать. Полуразрушенная башня, затерянная в горах, в этом случае выглядит надежнее, чем подземелья столичной тюрьмы.

«Если не учитывать возможности магии», – подумала Элина. Впрочем, противник их, похоже, учитывал. Графиня не могла понять только одного – неужели во всем Хурданистане не нашлось чародея достаточно сильного, чтобы сделать блокировку непробиваемой? Так или иначе, она решила пока больше не прибегать к магическим приемам, дабы не светиться перед другой стороной; они отыскали башню, и теперь настало время других, более надежных методик.

Время меча.

Графиня проснулась и тут же вновь зажмурилась от солнечного луча, стрельнувшего в приоткрытый глаз через квадратное оконце. Было, должно быть, около девяти утра; после вчерашнего пира Элине хорошо спалось. В комнате никого больше не было. Графиня натянула сапоги, застегнула непременный пояс с ножнами и вышла во двор.

Там она застала Эйриха; голый по пояс, он упражнялся с мечом. Чуть в отдалении, у живой изгороди, стояло несколько мальчишек, уважительно наблюдая за гостем.

– Доброе утро, Эрвард, – он сделал шутливый выпад в ее сторону. – Присоединяйтесь!

– Только умоюсь, – ответила Элина. – А где Йолленгел?

– Ушел на рассвете вместе с Кайсы-ака.

– Куда? – изумилась Элина. – Он ведь даже не знает местного языка!

– Овечьего тоже, – усмехнулся Эйрих. – Впрочем, овцы, кажется, его понимают. Он действительно умеет обращаться с животными... Похоже, Йолленгел заново открыл для себя горы – с тех пор, как перестал их бояться. Впрочем, весна в горах – действительно недурное время, а разбойников в окрестностях не водится. Если Йолленгелу хочется погулять по лугам, я вполне могу его понять и тем паче не стану препятствовать.

– Но разве он не пойдет смотреть с нами башню?

– Зачем? Вы же не хотите сказать, что всерьез рассматриваете нашего приятеля как боевую единицу?

– Ну... – протянула Элина, – у нас не такая большая армия, чтобы списывать его со счетов. Все-таки из лука он стрелять умеет, и, пожалуй, не хуже меня... да и мало ли для чего он может пригодиться.

– Возможно, – кивнул Эйрих, – но это будет определяться планом операции. А в разведке мы вполне обойдемся без Йолленгела.

– Ну допустим. Вы уже договорились с проводником?

– Да, – улыбнулся Эйрих, оборачиваясь к мальчишкам. – Хамис, агды чу!

К ним подошел улыбающийся мальчуган лет десяти. Ему явно льстило внимание чужеземного воина, продемонстрированное перед лицом товарищей.

– Это Хамис, правнук Кайсы-ака. Он покажет нам башню.

– Здравствуй, Хамис, – Элина протянула ему руку, и мальчик, уже обученный Эйрихом этому жесту, важно пожал ее.

– Мы отправимся в путь через пару часов, – пояснил Эйрих. – Тогда ко времени прибытия склон горы, откуда мы будем наблюдать, окажется в тени, а башня – на свету.

– Кажется, использовать детей для разведки – ваш любимый прием, – заметила графиня.

– Разумеется. Дети – идеальные сборщики информации. Они знают все хитрые тропы и потайные места, они способны пролезть в любую щель, куда взрослый не пройдет чисто физически, и при этом они, как правило, не вызывают подозрений и не привлекают внимания. К тому же они весьма нетребовательны по части вознаграждения и легко верят всему, что вы им рассказываете. У детей есть только один серьезный недостаток – они не умеют держать язык за зубами. Но, с другой стороны, взрослые редко воспринимают всерьез детскую болтовню. Впрочем, все это относится лишь к мальчишкам, и притом из низших сословий. Маленькие аристократы – капризные, чопорные, скованные и совершенно бесполезные существа.

– Видели бы вы меня лет восемь назад, вы бы так не говорили, – возразила Элина.

– О, разумеется, я не имел в виду присутствующих, – Эйрих склонился в неуклюжем реверансе, отставив в сторону меч. Как видно, это чудесное солнечное утро растопило даже его обычную холодность.

Два часа спустя они выступили в путь за своим юным провожатым. Дорога по горным тропам заняла около четырех часов, так что путешественники взяли с собой полные фляги и пресные лепешки, которыми, конечно, делились и с Хамисом. Наконец, осторожно пробравшись по узкому карнизу над отвесной стеной, они оказались в подходящем для наблюдения месте на восточном склоне высокой горы, уходившей снежной шапкой в небеса. Вершина соседней горы и башня на ее макушке были отсюда, как на ладони; расстояние составляло не более трети мили. Уступ скалы, за которым прятались наблюдатели, располагался выше соседней вершины, так что путешественники смотрели сверху вниз под небольшим углом. Башня была круглой, имела порядка сотни футов в высоту и около сорока в диаметре. У основания располагались какие-то приземистые квадратные пристройки. Элина сразу узнала пейзаж, хотя в прошлый раз он

открылся ей с другого ракурса. Хотя в своем магическом трансе она видела башню с более близкого расстояния, теперь, при свете дня, можно было различить новые детали – в частности, пятна копоти на верхней площадке и ограждавших ее зубцах. Графиня обратила на это внимание Эйриха.

– Башня используется, как сигнальная, – кивнул он. – Очевидно, эта вершина выбрана потому, что с нее видны другие такие вершины за много миль отсюда. Я слышал о таком. Днем дым, а ночью огонь позволяют, передавая сигнал от башни к башне, в считанные часы сообщить информацию на другой конец страны – если, конечно, цепь башен достаточно длинная.

– Здорово! – восхитилась Элина. – Почему у нас такого не строят?

– Горный рельеф лучше подходит для таких целей – дальше видно. Да и... такие проекты имеют смысл в масштабах страны в целом, а не в ситуации, когда земля поделена между отдельными баронами, интересующимися почти исключительно делами собственных феодов... Только для нас это все не здóрово – если пленники сбегут, на соседних башнях об этом могут узнать уже через несколько минут. Если, конечно, останется кто-нибудь живой, чтобы подать сигнал.

Эйрих продолжал осматривать башню. Ее верхушку опоясывали три ряда окон-бойниц, пожалуй, слишком маленьких, чтобы в них мог пролезть взрослый человек. Элина, впрочем, говорила, что принца держат в подземелье – если этим ее мистическим видениям можно верить... Подобраться к башне незаметно трудно. Хотя ниже по склонам горы растет лес, на вершине нет ничего, кроме невысокой травы, кажущейся отсюда зеленым бархатом...

Элине надоело ждать, пока Эйрих выскажет свое мнение, и она спросила его сама.

– Сложно, – ответил тот. – Допустим, ночью можно подползти к башне. Влезать по такой неровной стене нетрудно, правда, высоко... Лезть придется до самого верха, до площадки. Там, очевидно, люк, ведущий вниз. Он может быть закрыт изнутри, и это тупик. Если он открыт... Не зная внутренней планировки и расположения постов, спуститься в подземелья, бесшумно убрать охранников, добыть ключи, вывести пленников, идти к выходу... ведь этот ваш Артен по веревке с крыши не полезет?

– Физические упражнения – не его конек, – признала Элина. – И потом, с ним старик. («Если он еще и вправду с ним, – подумала она. – Но мы должны исходить из наиболее сложного варианта.»)

– Значит, бесшумно убрать охрану у выхода, выйти через ворота, затем уходить по склону через лес... Плюс к тому – о бегстве в скором времени становится известно везде, где стоят башни. На равнине нас при этом запросто могут перехватить прежде, чем мы доберемся до Тургуная – если мы хотим туда

добраться. А вот трех человек в горах изловить много сложнее. Хотя на стороне противника – знание местности. Короче, теоретически шанс есть. Но слишком многое должно сойтись удачно. И я почти уверен, что верхний люк они запирают. Не столько опасаясь гостей снаружи, сколько для пущей безопасности изнутри. С сигнальной площадки можно подать важное сообщение. Вполне разумно, чтобы такая возможность была под контролем у командира гарнизона, а не предоставлялась всякому желающему солдату.

– Иными словами, вы не беретесь за это дело?

– Я не берусь за этот вариант. Но это не значит, что мы не найдем других. Ну что ж, здесь мы, пожалуй, все видели. Пошли обратно.

Был уже вечер, когда они вернулись. Долины лежали в глубокой тени, тени вползали и вверх по склонам, и лишь снежные шапки вершин золотисто сияли в густо-синем небе, украшенном подсвеченными снизу редкими хлопьями облаков. Глядя на этот пейзаж, Элина пожалела, что никогда толком не училась живописи, ограничившись тем минимумом, который входил в непременную программу образования дочерей роллендальской элиты. Эйриха занимали более приземленные вещи; вскоре после прибытия он переговорил с несколькими молодыми мужчинами кишлака, которые пришли уважительно поинтересоваться у гостя его искусством владения мечом. Эйрих, даже не отдохнув толком с дороги, продемонстрировал им несколько приемов, а заодно ознакомился и с их манерой сабельного боя, не без оснований подозревая, что она схожа с манерой хурданистанских солдат.

Тем временем Кайсы-ака пригнал обратно в село своих мекающих подопечных; рядом со старейшиной шел Йолленгел, неся на руках повредившего ногу ягненка. Пес, задрав лохматый хвост, трусил сбоку.

После ужина, который подала гостям мать Хамиса, жена старшего внука Кайсы, Эйрих подвел очередные итоги. Они были неутешительны.

– Как я и полагал, сколотить из местных штурмовой отряд не удастся. Я осторожно намекнул на такую возможность, но горцы не хотят вмешиваться в наши отношения с солдатами. Местные вообще-то мирный народ, хоть мужчины и носят оружие. Здесь мы под защитой законов гостеприимства, но и только. Еще я выяснил, как происходит обмен товарами между горцами и солдатами. Увы, тут нам тоже ничего не светит: все совершается за пределами башни, внутрь не просочиться.

– Местные жители поставляют в башню вино? – осведомилась Элина.

– Я думал об этом, – кивнул Эйрих. – Подмешать что-нибудь, конечно, соблазнительно, но вряд ли весь гарнизон станет пить это одновременно. Те, что в

наряде, явно не будут пить с остальными. А если мы вырубим только часть гарнизона, оставшиеся забаррикадируются и подадут сигнал тревоги.

– Что же мы будем делать? – осведомилась Элина, словно Эйрих обязан был знать ответ.

– Серьезные операции не совершаются за два дня, – пожал плечами ее спутник.

– Эта операция длится уже восемь месяцев, – невесело усмехнулась графиня.

Следующий день ознаменовался двумя событиями. С утра у Эйриха не было никаких планов; Йолленгел снова ушел со стадом, а затем и Элина отправилась побродить по окрестностям. Поначалу она положила непременно обдумать до обеда план действий, однако запахи молодой травы и весенних цветов в сочетании с теплыми лучами солнца и величественной панорамой гор все время отвлекали ее мысли в безалаберно-элегическом направлении. Через пару часов она набрела на бегущий по склону ручей, срывавшийся с невысокого уступа в каменную чашу. Элина некоторое время караулила возле водопада, опасаясь, что здесь может появиться кто-нибудь еще, и, наконец, решилась раздеться и прыгнуть под ледяные струи. От обжигающего холода перехватило дыхание, но процедура была не лишней, учитывая, что в последний раз она купалась в корыте, стоявшем в сарае кундийской деревни – той самой, где они столь неудачно повстречали Хинга.

К обеду графиня, полная бодрости и в хорошем настроении, вернулась в кишлак. Уже входя во двор Кайсы, где женщины накрывали на стол, она услышала детский плач и обернулась. По улице, растопырив руки, с ревом бежал мальчик лет семи; он свернул во двор соседнего дома, и вскоре оттуда послышались женские причитания.

– Что там стряслось? – спросила Элина, подходя к Эйриху.

– Не знаю, – ответил тот, – но думаю выяснить.

Он нырнул, пригнув голову, в дверной проем и моментально вернулся уже со своей котомкой, чтобы тут же почти бегом выскочить со двора. Элина, чуть поколебавшись, последовала за ним.

Ребенок уже лежал на скамейке во дворе, у стены соседнего дома. Вокруг собрались три женщины разного возраста и двое мужчин, один из них – совсем еще юноша. Одна из женщин громко причитала, схватившись за голову; другая стояла на коленях рядом с лавкой и, поглаживая мальчика по голове, поила его из кувшина.

Эйрих задал короткий вопрос; третья женщина и один из мужчин разом ему ответили. Эйрих решительно направился к ребенку, и вид его был столь властным, что родственники мальчика расступились; осталась лишь женщина, стоявшая на коленях – это была мать ребенка, хотя Элина сперва сочла матерью ту, что громко

причитала. Эйрих обменялся еще несколькими репликами со старшим мужчиной, после чего тот пошел в дом и вскоре вернулся с горящей головней. Элина меж тем решилась подойти к Эйриху. Ее товарищ держал мальчика за левую руку; кисть этой руки опухла и покраснела, особенно жуткой багровой сарделькой выглядел указательный палец.

– Что с ним? – тихо спросила Элина.

– Укусило насекомое. Ядовитая многоножка.

– Вы можете ему помочь?

– Не знаю. Я даже не знаю, что это была за тварь. Вроде не похожа ни на одно из известных мне животных, от укуса которых нет спасения. Но мои знания могут быть неполны, а они считают такой укус смертельным, по крайней мере, для ребенка – говоря все это, Эйрих извлек из котомки моток бинта, затем два небольших пузырька, и принялся прокаливать нож на огне. – Я сказал, что ничего не могу обещать, но отец ребенка согласился.

Эйрих отдал какие-то распоряжения на туземном наречии. Отец мальчика подошел слева, взял сына за другую руку и придержал за плечи. Эйрих двумя быстрыми профессиональными движениями сделал крестообразный надрез опухоли и принялся сцеживать темную кровь. Ребенок зашелся тонким криком и бился в державших его руках, но Эйрих не обращал внимания. Он оторвал кусок бинта, смочил его жидкостью из пузырька и протер рану. Отбросив окровавленный комок, снова оторвал бинт и повторил процедуру. На пятый раз он перевязал руку мальчика. Но это было отнюдь не все; в руках Эйриха появилась длинная тонкая игла, тупой конец которой оканчивался чем-то вроде крышки. Отвернув крышку второго пузырька, Эйрих навинтил вместо нее иглу и надавил на донышко пузырька, которое оказалось подвижным. На конце иглы показалась прозрачная капля. Эйрих вонзил иглу в руку мальчика и медленно выдавил сквозь иглу треть пузырька. Элина смотрела на это во все глаза; ей приходилось бывать в полевом лазарете, и она видела различные пугающие хирургические инструменты, предназначенные для кровопусканий, рассечения тканей, извлечения наконечников стрел и обломков кости, а также ампутаций – однако приспособление, примененное Эйрихом, она наблюдала впервые. Тем более, разумеется, ни о чем подобном не имели понятия горцы. Одна из женщин даже испуганно вскрикнула, глядя, как игла входит в руку.

Эйрих убрал свои инструменты и выпрямился. Охрипшему от крика ребенку вновь дали попить. Эйрих отдал еще какие-то распоряжения его родным и, повернувшись уходить, столкнулся еще с одним жителем кишлака. Это был старик, вероятно, немного моложе Кайсы-ака. Его привела девочка, старшая сестра пострадавшего мальчика. Старик был деревенским знахарем; позвали его,

впрочем, лишь для порядка, ибо он не знал средства, способного спасти ребенка. Знахарь смотрел на Эйриха не слишком дружелюбно, но все же заговорил с ним. Беседуя, они вышли на улицу; Элина сперва следовала за ними, но ей быстро надоело чувствовать себя лишней в присутствии людей, говорящих на непонятном языке, и она вернулась в дом Кайсы-ака, где языковой барьер благополучно спас ее от любопытства домочадцев пастуха.

Эйрих вернулся лишь около часа спустя и, по всей видимости, был удовлетворен беседой. Делиться подробностями он не стал, сказав лишь, что горцы не так уж неграмотны по части свойств различных трав, однако не смогли бы приготовить то лекарство, которое применил он.

– Да и я теперь не скоро смогу пополнить запас, – с неудовольствием добавил Эйрих. – Вообще медицина – едва ли не самая нужная людям наука, и именно она наиболее пострадала от засилья власти магов. Даже и в ту эпоху, когда маги правили миром, людям нужно было ковать металл, строить здания и ориентироваться по звездам. Однако практически с любыми болезнями боролись исключительно магическими средствами. В результате, когда власть магов рухнула, люди оказались беспомощны перед недугами. В первое же столетие после свержения чародеев по миру прокатились жуткие эпидемии, опустошавшие города и целые страны... – он немного помолчал и вернулся к более практическим материям: – Однако, если ребенок поправится, у нас могут появиться новые союзники.

– Вы придумали, что делать дальше? – осведомилась графиня.

– А вы?

– Ну... если так трудно проникнуть в башню, значит, надо выманить их наружу.

– Правильно. Я пришел к тому же выводу. Это вполне реально, раз пленников собираются куда-то везти через освободившиеся от снега перевалы. Вопрос в том, почему это до сих пор не произошло. Вы ведь знали бы, если бы произошло?

– Да. Мне кажется, это зависит от самих пленников. Артен успел сообщить мне, что его пытаются к чему-то принудить. Но, думается, главная причина все-таки не в Артене. При всем моем уважении к нему, я сомневаюсь, что он бы... выдержал пытки. Да и я бы почувствовал, если бы его мучили.

– Хотите сказать, что пытки выдерживает какой-то старик?

– Не знаю... Может быть, конечно, их похитители и не применяют столь грубых методов. Но судя по тому, как они перебили весь эскорт Артена и Рандавани, их не назовешь идейными противниками насилия. Может, они просто боятся, что при слишком грубом обращении старик умрет... а он им, кажется, даже нужнее, чем Артен.

– Вполне возможно. Хотя для нас нет ничего хорошего, если ключом комбинации является тот, о ком мы практически ничего не знаем. Если у этих ребят в башне имеется чуть больше одной извилины на всех, они, конечно же, держат пленников раздельно и не дают им общаться...

– Думаю, если Артен скажет, что может убедить старика, им позволят встретиться.

– Если и так, то под тщательным наблюдением.

– И принц, и Рандавани – ученые. Они знают много такого, что непонятно обычным людям. Они найдут способ одурачить солдат.

– Если в башне нет никого покруче простых солдат.

– Пожалуй, есть, – признала Элина, думая об источнике магической блокировки. – Но до сих пор им ничего не удалось добиться от пленников – так что есть шанс, что Артен с Рандавани им не по зубам.

– Вы можете связаться с принцем?

– На таком расстоянии – скорее всего, без проблем. Но есть риск, что контакт засекут. И поймут, что мы рядом.

– Вы это почувствуете?

– Не знаю.

– М-да. Недаром я никогда не доверял всем этим штучкам... Ну ладно, в делах такого рода без риска не обойтись. Постарайтесь заодно выяснить у принца, в каком направлении их повезут.

Второе событие этого дня произошло вечером и имело сугубо мирный характер. Очередной день, проведенный на лоне горной природы, вдохновил Йолленгела, не прикасавшегося к флейте со времени злосчастного посещения дворца раджи, заняться музыкальной импровизацией прямо на лугу, где паслись овцы. Кайсы-ака был очарован его игрой и уговорил гостя сыграть вечером для жителей кишлака. Горцы слушали непривычные им, но красивые и грустные мелодии, затаив дыхание; в последний раз такая благодарная аудитория была у Йолленгела на луситской ладье.

Эйрих, прежде чем отправляться спать, наведался к соседям и осведомился о состоянии мальчика. У того еще сохранялась слабость и тошнота, однако Эйрих пришел к выводу, что жизнь его вне опасности – и дал добро Элине на контакт с принцем. Графиня уже имела возможность убедиться, что лучше всего связь устанавливается ночью.

И действительно, в эту ночь контакт оказался успешным и очень четким – хотя Элина нервничала и готова была в любой момент самой прятаться за защиту, если почует чужое присутствие. Она быстро объяснила Артену, который уже почти привык к столь необычному способу общения, что ему нужно делать, и спросила,

знает ли он, куда похитители хотят отвезти пленников. «В Зурбестан, конечно», – ответил принц. В последние месяцы эта тема играла столь важную роль в его жизни, что он уже забыл о завесе секретности, которой была окружена его миссия, и, соответственно, о неосведомленности Элины. После этого связь оборвалась; графиня немедленно поставила блок – не исключено, что уже запоздалый – и сохраняла его, пока не почувствовала сильное утомление.

Утром она вдруг усомнилась, рассказывать ли Эйриху обо всем. Все эти секреты... должно быть, у Артена были причины, чтобы в свое время не говорить о цели экспедиции даже ей. Правда, его это все равно не спасло... но разумно ли теперь сообщать о Зурбестане Эйриху, подданному неизвестно какой державы, человеку, о котором она до сих пор знает слишком мало? К каким политическим последствиям это может привести?

«К демонам политические последствия!» – решила графиня. Артен в беде, а Эйрих не раз доказал свою полезность.

Услышав слово «Зурбестан», ее спутник не удивился, а лишь чуть заметно кивнул головой, словно говоря «что-то в этом роде я и предполагал». Затем он разложил две карты. Одной, пергаментной, они пользовались уже давно; она изображала весь континент. Другую, куда более крупномасштабную, Эйрих нарисовал сам на листе бумаги из их запаса; по рассказам местных жителей и собственным наблюдениям он изобразил район, прилегающий к башне.

– Зурбестан находится здесь, – Эйрих уверенно очертил пальцем никак не обозначенный на карте континента район Бхиланайских гор. – Стало быть, они направятся на восток. Могут, конечно, и на запад, или еще куда, если захотят запутать след... но вряд ли они считают, что в этом есть необходимость. Значит, – он подвинул к себе другую карту, – скорее всего они поедут либо так, либо так. Гм. Желательно выяснить поточнее.

– Мы устроим засаду?

– Может быть. Если жители кишлака поддержат нас более решительно. Это я и собираюсь выяснить.

Однако надежды Эйриха не оправдались. Соседский мальчик, правда, выздоровел, и его семья не знала, как благодарить спасителя. Эйрих быстро объяснил, как. Двое братьев – отец ребенка Шамхас и юный неженатый Ханды – выразили готовность сделать все, что от них потребуется. Однако больше мужчин, способных держать оружие, в семье не было, а позиция других горцев осталась неизменной – законы гостеприимства, и даже благодарность за помощь соседу и музыку Йолленгела, не обязывали их ввязываться в конфликт с солдатами. Впрочем, еще пару помощников Эйрих все же заполучил – то были восьмилетний

брат и двенадцатилетний дядя укушенного. Они были посланы наблюдать за башней и должны были сообщить, когда и по какой дороге двинется отряд.

Эйрих, похоже, не был обескуражен скромностью успехов. Оставив Элину в кишлаке ждать новостей, он куда-то отправился вместе со стариком знахарем. Графиня, проскучав некоторое время, нашла себе развлечение, затеяв фехтовальный турнир с местной молодежью. Это оказалось нетрудно устроить и без знания языка, ибо уже не только дети, но и юноши приходили посмотреть, как ловко их гости упражняются с мечом. Одержав без особого труда победы в шести поединках, графиня пришла к выводу, что, даже если бы и удалось заручиться военной поддержкой местных, подспорье вышло бы не слишком могучим. С другой стороны, а так ли хороши сами хурданистанские солдаты? «Наверное, хороши, – пришлось признать Элине, – раз им доверена важная секретная миссия.»

Вернулся Эйрих, но направился не в дом Кайсы-ака, а к знахарю; они собрали в горах какие-то травы, и теперь собирались приготовить снадобье. Больше в тот день не произошло ничего сколь-нибудь значимого, зато наутро, прежде чем солнце успело выглянуть из-за гор, примчался, запыхавшись, старший из соседских мальчишек, следивший за башней ночью. Он разжал потный кулак и выложил перед Эйрихом шесть камешков.

– Они выступили, – ответил Эйрих на немой вопрос Элины. – И их не меньше тридцати.

Он задал своему агенту еще несколько вопросов и выяснил прочие подробности. Отряд всадников покинул башню ночью; если бы у хурданистанцев хватило терпения подождать еще недельки полторы, до новолуния, то, весьма возможно, им удалось бы отправиться в путь незамеченными. Теперь же, при свете еще не слишком ущербной луны, мальчику не составило труда проследить за ними. Он следовал за отрядом, пока не стало совершенно ясным, какой маршрут выбран. Через пару часов отряд должен был пройти к югу от горы, на которой располагался кишлак.

Парнишка побежал за старшими братьями, а Эйрих и Элина тем временем начали поспешно собираться. Следовало взять с собой достаточно провизии – ясно было, что для освобождения пленников с налета сил явно недостаточно и преследование отряда может затянуться. Вопрос об участии в деле Йолленгела решился просто: Эйрих ему не предложил, а эльф не настаивал. Графине ничего не оставалось, как молча согласиться с ними обоими.

Сложнее был вопрос, брать ли лошадей. Шамхас и Ханды, подошедшие к тому времени, говорили, что лошади скорее стеснят их, ибо не смогут пройти короткими путями; в то время как конный отряд привязан к дороге, пешая группа

получает серьезное превосходство в маневренности и мобильности. Что же до скорости, то на горных тропах всадники все равно не смогут скакать, а вынуждены будут ехать в темпе пешехода. В общем, пешие диверсанты получали преимущество – при условии, что им хватит выносливости. Эйрих покатал в уме последнее обстоятельство, поочередно окидывая взглядом остальных – и согласился.

Они попрощались с эльфом и семьей Кайсы-ака; Шамхас и Ханды простились со своими родными еще раньше. Йолленгел удивил Элину, когда, выразив уверенность в успехе миссии, попросил не рассказывать освобожденным, кто он такой.

– Но почему? – не могла понять графиня. – Это же не лесные варвары, это ученые!

– Лесные варвары хотели сжечь меня на костре, а ученые, может быть, захотят разрезать, чтобы узнать, как я устроен внутри, – пробормотал эльф.

– Что за глупости! – возмутилась Элина. – Я могу поручиться за принца Артена, как за себя!

– Есть еще второй, о котором вы ничего не знаете, – напомнил эльф. – И вообще, Эрвард, можете вы просто выполнить мою просьбу? После знакомства с этими людьми я сам решу, открыться им или нет.

– Хорошо, Йолленгел, если вы настаиваете, – пожала плечами Элина. Ее раздражение было не в последнюю очередь вызвано тем обстоятельством, что теперь она лишалась возможности похвастать перед Артеном своими уникальными в мировой науке эльфоведческими изысканиями. Впрочем, она надеялась, что, познакомившись с Артеном и его тургунайским коллегой, Йолленгел изменит свое мнение.

Прежде, чем покинуть кишлак, Эйрих вновь забежал к знахарю. После этого группа поспешно отправилась в путь.

Горцы были незаменимы в качестве проводников; Эйрих заметил по этому поводу (по-тарвилонски, разумеется), что, если бы соседский мальчишка не схватил ядовитую многоножку сам, ее бы следовало ему подбросить. Графиня посмотрела на него долгим внимательным взглядом. «Да не делал я этого, успокойтесь», – ответил он. О том, что он действительно обдумывал подобный план, Эйрих, конечно, умолчал.

Через три часа они впервые увидели едущий внизу отряд. Сначала расстояние было слишком большим, но Шамхас провел их через узкую расселину, и они смогли, опередив отряд, занять удобное для наблюдения место.

В отряде было тридцать пять всадников, включая двух пленников. Пленники ехали в середине; они были одеты по-туземному, притом одинаково, их руки были

связаны спереди и примотаны к седлам, а ноги – скованы тонкой длинной цепью под лошадиным брюхом. На голове у каждого из похищенных был серый мешок. Тридцать один всадник были, очевидно, солдатами; они были облачены в чешуйчатые доспехи и хорошо вооружены: два десятка – дальнобойными луками, прочие – копьями и все без исключения – саблями. По внешнему виду невозможно было выделить среди них командира. Еще двое, хотя и были в кольчугах, но явно не привыкли к такому облачению и из оружия имели при себе лишь кинжалы. Они были заметно старше солдат. «Это и есть те маги, которые мешали мне? – подумала Элина. – Или, может, один из них маг, а другой – просто гражданский чиновник, или как это здесь называется?» Десять лошадей шли в поводу, причем лишь пять из них были навьючены.

– Ваши выводы, Эйрих? – осведомилась графиня.

– Есть несколько способов атаковать отряд в горах. Простое нападение из засады, как вы понимаете, при таком соотношении сил исключено. Обычно устраивают каменную лавину – спереди и сзади, а потом по центру. Уязвимым местом являются также мосты... Но проблема в том, что наша задача – не просто уничтожить отряд, а спасти пленников. Причем желательно сделать это поскорее – у меня есть сильное подозрение, что дальше этот отряд соединится с другим.

– С чего вы взяли?

– Вам известно, что такое Зурбестан?

– В общих чертах.

– Те, кто знал это не в общих чертах, умерли несколько тысяч лет назад. Но если эти ребята и впрямь хотят туда проникнуть – вряд ли их аппетиты настолько скромны, чтобы рассчитывать увезти все трофеи на пяти лошадях.

– Может быть, их задача – только отыскать проход.

– Возможно. Но, когда они его отыщут, будет резонно, если те, для кого они это сделают, окажутся неподалеку.

Отряд проехал мимо и через некоторое время скрылся за поворотом. Эйрих посовещался с горцами, после чего четверка вновь двинулась в путь. Дорога по горным склонам была нелегкой, однако до места предполагаемого дневного привала хурданистанского отряда четверка добралась первой. Место это оказалось верно предсказано Шамхасом, и вскоре усталые освободители могли наблюдать, укрываясь за скалами, как ниже по склону на широкой террасе располагаются на стоянку их противники. «Их отряд слишком мал, чтобы вывезти все сокровища Зурбестана, однако достаточно велик, чтобы нуждаться в больших площадках для привалов, особенно ночных, – удовлетворенно констатировал Эйрих. – Это делает их предсказуемыми.»

На время привала пленников освободили от уз и сняли с них мешки, так что наконец стало ясно, кто из двоих кто. Расстояние было достаточно большим, и Элина не могла с уверенностью сказать, насколько хорошо выглядит Артен. Однако она столь неотступно впивалась в него взглядом, что он, кажется, это почувствовал и внимательно посмотрел в сторону скал, за которыми укрывались освободители. Графиня вспомнила, что в минуту эмоционального возбуждения магические способности могут активизироваться, и велела себе успокоиться. Привлекать внимание, в особенности тех двух штатских, определенно не стоило.

Дневной привал был непродолжительным; лето с его изнурительной в этих местах жарой, делающей передвижение в полуденные часы весьма затруднительным, еще не настало, хотя солнце припекало уже основательно. Пленников накормили из общего котла с солдатами; затем, после короткого отдыха, их снова повели к лошадям. Прежде, чем Артену надели на голову мешок, он снова посмотрел в сторону скал.

Преследователи и не подозревавшие о своем статусе преследуемые вновь тронулись в путь. Пару часов четверка двигалась за отрядом параллельным курсом, наблюдая за своими «подопечными» сверху, но затем, когда пути поверху не стало, вынуждена была спуститься на дорогу и идти, приотстав и потеряв отряд из виду. Двое горцев шли впереди – на тот случай, если отряд внезапно остановится, или командир решит выслать тыловой дозор; встреча с местными жителями в этом случае не выглядела бы подозрительной. К вечеру, впрочем, стало ясно, что солдаты стремятся избегать даже и таких встреч; в этих местах начиналась узкая и длинная долина, уводившая как раз в восточном направлении, которая, несомненно, была удобнее горных маршрутов; однако отряд не стал спускаться и продолжал пробираться по горным тропам. Объяснение этому было только одно – в долине было несколько селений.

На закате четверка вновь вскарабкалась по круче, срезая путь, хотя после целого дня пешего путешествия по горам этот финальный бросок оказался нелегким даже для тренированных людей. В изнеможении повалившись животом на траву и вытягивая гудящие ноги, Элина увидела впереди внизу широкую седловину между двумя горами, выглядевшую вполне подходящим местом для ночевки большого конного отряда. Туда же указал и Шамхас. Отряд, вскоре появившийся из-за склона, не обманул их ожиданий.

Эйрих и Элина внимательно наблюдали за лагерем противника. Хурданистанцы поставили 15 палаток. 12 из них образовывали три одинаковых квадрата, точнее, равнобочных трапеции, каковые соприкасались углами при бóльших основаниях, образуя, таким образом, внутренний треугольник, в котором стояли еще три палатки меньшего размера. Входы палаток выходили на боковые стороны

трапеций. Продлив меньшие основания, можно было получить внешний треугольник; в его вершинах – а точнее, в вершинах несколько большего треугольника, так, чтобы палатки не мешали из любой вершины увидеть две другие – солдаты развели костры. Лишь один из этих костров был зажжен сразу и использовался для приготовления пищи; остальные разожгли, лишь когда стемнело. Стреноженные лошади, неловко переступая, щипали траву за пределами внешнего треугольника. Пленников с наступлением темноты отвели в одну из центральных палаток и выставили часового. Другой часовой встал у палатки напротив, где скрылись двое штатских. «Не очень-то они полагаются на собственную магию, – не без удовлетворения подумала Элина. – Или, напротив, командир отряда не слишком доверяет им?» За время наблюдений стало ясно, кто из военных командует отрядом в целом – он занял третью центральную палатку. Еще трое, очевидно, были десятниками. Из четырех палаток каждой десятки три предназначались солдатам, а одна – командиру; при этом палатка десятника была такой же трехместной, как и остальные – очевидно, для того, чтобы подобравшийся к лагерю враг не мог определить на глаз, где спят командиры.

Наконец все солдаты разошлись спать, за исключением часовых. У каждого костра осталось по два караульных, в дополнение к тем двум, что сторожили центр лагеря.

– Удивительно, что в собственной стране солдаты принимают такие меры предосторожности, – прошептала Элина Эйриху.

– В делах государственной важности предосторожности лишними не бывают, – тихо ответил тот. – Тем паче что эти горы еще более опасны, чем луситские леса или тагратская пустыня. Хурданистан как единое государство существует где-то полтораста лет, прежде это просто был конгломерат племен, часто враждебных друг другу. Северные области заселены в основном достаточно мирными народностями, вроде наших знакомых – и то, как вы видели, особой верностью верховной власти они не отличаются; на юге же немало племен диких и свирепых, испокон века – точнее, со времен падения власти магов – промышлявших разбоем. Теперь их старейшины формально присягнули шаху Хурданистана, но верить слову подобной публики можно только стоя к ним лицом с оружием в обеих руках. Правда, пока что наш маршрут проходит по северным областям, но их командир прав, что не расслабляется.

– Но вы знаете, как нам вчетвером снять восьмерых часовых, из которых все могут видеть друг друга?

– Да. Кстати, тем двоим, что в центре, остальных почти не видно – только в просветы между палатками, а они, при таком взаимном расположении,

недостаточно широки. Но вообще как раз эти ребята потребуют самой ювелирной работы... Ладно, подождем, пока окончательно стемнеет.

Светила благоприятствовали операции: стемнело, но луна еще не взошла. Эйрих отдал какие-то распоряжения горцам, и те, кивнув, поползли в темноту – Шамхас в одну сторону, Ханды в другую. Меж тем быстро холодало; Элина уже ежилась, лежа на холодной земле. Часовым внизу, как видно, тоже было не жарко – сперва в один, потом в другой костер подбросили веток, и пламя поднялось выше, выстреливая в небо снопы искр. Караульные в центре, в свой черед, уже не стояли как истуканы, а по очереди прохаживались вокруг охраняемых палаток. Эйрих тем временем облачился в свой черный маскировочный костюм, а затем вытянул из колчана стрелу с черным оперением, а из котомки достал маленький мешочек и привязал его сразу за наконечником.

– Что вы делаете? – не хватило, наконец, терпения у Элины.

– Здесь кое-какие травки, которые мы собрали вместе со знахарем. Из тех, что люди несведущие называют дурман-травой. После того, как это попадет в костер, сидящие рядом быстро отключатся.

– Вы хотите стрелять в костер? А они не заметят?

– Они же смотрят не на пламя, а в окружающую ночь. А стрела прилетит сверху.

– А звук?

– Пламя потрескивает, подумают, что просто прогорела ветка. Если и оглянутся – вряд ли распознают среди веток стрелу. И потом... по части звука нас сейчас прикроют.

Последнее произошло даже раньше, чем он успел закончить фразу. Откуда-то слева, не слишком далеко, но и не совсем близко, донесся поскуливающий вой шакала. Справа ему ответил еще один.

– Шамхас и Ханды? – догадалась графиня.

– Они. О, а это уже настоящий, – к двум голосам присоединился третий, доносившийся совсем издали. – Очень кстати, – констатировал довольный Эйрих.

То, что звучало музыкой для его ушей, вряд ли было таковой для часовых, однако смутить их тоже не могло. Они провели в горах практически всю жизнь, и к вою шакалов им было не привыкать. Эйрих все же выждал некоторое время, дабы, если ночной концерт и вызвал настороженность, она успела улечься, а затем, тщательно прицелившись, пустил стрелу по навесной траектории. Было видно, как взметнулось над пламенем левого костра маленькое облачко искр. Часовые не прореагировали. Один из них вполголоса что-то рассказывал другому, не забывая, впрочем, вглядываться в едва рассеиваемый костром мрак.

Эйрих еще немного подождал, отполз вправо и выстрелил во второй костер. На сей раз один из тамошних часовых обернулся, но, как и предсказывал Эйрих, не заметил стрелы в гуще пламени. Оставался третий костер, но он находился слишком далеко.

– Подождем минут двадцать, – шепнул Эйрих Элине. Он подполз так неслышно, что графиня вздрогнула от неожиданности. – Потом я подберусь поближе и покончу с третьим постом. Когда я дам вам знак, ползите вниз. Только осторожно, не забывайте, что часовые в центре могут заметить вас на склоне.

Постепенно стало заметно, что дурман-трава действует. Ни один из караульных не повалился на землю – нет, то были опытные солдаты, умеющие спать в любом положении – однако плечи их опустились, руки бессильно упали, головы склонились на грудь. Элина видела это, потому что рассчитывала увидеть; часовые же на третьем посту, хотя и бросали иногда дежурный взгляд в сторону своих товарищей, ничего не замечали в колеблющемся свете костров. Эйрих подождал еще немного, чтобы самому не попасть под действие дурман-травы, и беззвучно пополз вниз. Графине не слишком хорошо было видно далекий третий костер, и она не заметила не только момент выстрела, но и характерного изменения поз третьей пары часовых. Она всматривалась и всматривалась в этот костер, пока не заслезились глаза, и лишь тогда, смахнув слезу, заметила, что от ближайшего костра Эйрих, скрытый палатками от солдат в центре, уже давно подает ей знаки горящей головней. Она ужом заскользила в траве, покрывавшей склон, время от времени замирая и глядя на центральных часовых.

Эйрих перехватил ее по пути, не позволяя попасть в освещенное огнем пространство; низко пригибаясь, они перебежали на середину прямой, соединявшей два костра, и оказались перед двумя палатками.

– Ждите здесь, – шепнул Эйрих, вручая Элине свой лук. – Если поднимется переполох – бегите в темноту.

– А вы?

– Я выберусь. Когда я говорю «бегите», мною движет не альтруизм, а нежелание в суматохе и темноте угодить под ваш меч – или наоборот. Но переполоха быть не должно, постараюсь сработать чисто.

В его руке тускло блеснул нож. Медленно и осторожно Эйрих прорезал ткань левой палатки – по вертикали, затем, придерживая угол, по горизонтали на уровне земли и снова по вертикали – и не вполз, не скользнул, а словно втянулся внутрь – сперва менее чем до пояса. Шакалы все еще выли – теперь их было, должно быть, пять или шесть – но Элина различила и сонное посвистывание, доносившееся из палатки. Затем оно вдруг оборвалось, и Эйрих продвинулся дальше, чтобы вновь замереть на короткое время. Потом снаружи остались лишь его сапоги, и изнутри

донесся короткий всхлип. Затем и сапоги втянулись в лаз и послышался едва различимый звук ножа, режущего следующую стенку. Минут пять Элина не слышала ничего, кроме далекого звериного воя, а затем лаз снова открылся, и оттуда показалась голова Эйриха в его черной маске-шапке. В нос графине ударил тяжелый запах крови.

– Берите лук и двигайте за мной. Не беспокойтесь, они все мертвы, я проверил.

Эйрих проложил свой смертоносный путь через две палатки. Элина вынуждена была последовать за ним, с содроганием перебираясь на четвереньках через мертвые тела – три в первой, два во второй – и чувствуя, как ладони скользят по еще теплой, липкой крови.

– Сейчас самое сложное, – инструктировал ее Эйрих, когда они оказались во второй палатке. – Мы должны вырубить обоих часовых одновременно и желательно без шума. Выбирайте – лук или метательный нож? Учтите, они в кольчугах.

– Куда же кидать нож?

– В горло.

– Тогда лучше лук. Уж с такого-то расстояния я не промахнусь, а стрела пробьет череп.

– Идет. Я проковырял тут дырочку для наблюдения, но резать лаз в этой стенке нельзя – заметят. Поэтому я сделал себе выход в задней стенке, а вы выскакивайте через вход, – Эйрих прильнул глазом к своей наблюдательной дырке. – Нормально, один к нам спиной, другой боком. Взгляните. Готовы? Ну, на раз-два-три!

Они синхронно выкатились наружу с противоположных сторон палатки. Нож, мелькнув в воздухе, вонзился в шею солдата, стоявшего у палатки штатских; черная кровь выплеснулась на доспех, и хурданистанец, издав булькающий звук, стал валиться набок. Элина все еще медлила – она не привыкла стрелять, не целясь, и опасалась промазать, в то время как солдат, шедший прочь от нее, остановился и начал поворачивать голову. Он уже открыл рот, собираясь закричать, но в этот момент графиня, наконец, спустила тетиву, и стрела ударила жертве точно в ухо, насквозь пронзая мозг. Эйрих уже бежал к своему поверженному противнику, который, упав на землю, все еще хватался за воткнувшийся в горло нож и пытался кричать, но мог издать лишь мокрый хрип. Удар цаньского меча прекратил эти попытки.

Однако одного из солдат все же разбудили доносившиеся звуки. Из палатки высунулась голова. Элина и Эйрих метнулись к ней одновременно. Графиня, к этому моменту уже опустившая лук и обнажившая меч, успела первой, обрушив смертельный удар на шею врага. Эйрих незамедлительно юркнул в палатку, чтобы

довершить дело, но там было уже некого убивать – или зарубленный Элиной оказался десятником, или его товарищи сидели у костра.

Двое воинов Запада стояли посреди центральной площадки лагеря, переводя дыхание и подозрительно оглядываясь по сторонам. Запятнанная кровью сталь их мечей поблескивала в свете поднимавшейся над горами луны. Вдалеке выли шакалы. Солдаты спали в своих палатках, не подозревая, что восемь их товарищей уже мертвы.

Убедившись, что больше никто не проснулся, Эйрих сделал знак Элине, указывая в сторону одного из костров.

– Разве мы не освободим их сейчас? – удивленно прошептала графиня.

– Успеется. Сначала позовем наших друзей.

Они подошли к костру, и Эйрих простым, будничным жестом перерезал горло черным от крови ножом сначала одному, потом второму спящему часовому. Элина поморщилась. Эйрих расшвырял ногами костер и принялся его затаптывать.

– Сделайте то же самое там, – велел он, указывая на второй костер. – А я займусь третьим.

– Резать спящих?

– Вы предпочитаете их разбудить?

– Но мы могли бы просто освободить...

– Никто из отряда не должен остаться в живых, вы что, до сих пор не поняли? Вам нужна погоня и тревога, переданная башнями по всей стране?

Эйрих был, как всегда, прав. Элина, правда, не нашла в себе сил просто подойти к человеку, взять его за волосы и перерезать горло. Она дважды рубанула мечом по оголенным шеям, удобно подставленным склонившими голову на грудь часовыми. Точно так же, мечом сверху по склоненным шеям, рубил головы роллендальский палач во время казней на площади... «Пусть как палач, но хотя бы не как мясник», – подумала графиня.

От трех костров остались лишь россыпи тлеющих углей, однако из-за луны тьма уже не была полной. Элина увидела две фигуры, вприпрыжку спускавшиеся по склону. Это были, конечно же, Шамхас и Ханды; шакалий концерт давно уже продолжался без них. Эйрих что-то сказал горцам; те закивали, обнажая сабли. Все четверо прошли в центр лагеря. Эйрих юркнул в палатку командира и почти сразу вылез обратно; следующей его целью была палатка двух штатских. У Элины мелькнула вдруг совершенно идиотская мысль, что в темноте они могли перепутать палатки, и двое внутри – вовсе не хурданистанцы, а Эйрих, конечно, не разберет во тьме, кого убивает... Она даже метнулась, чтобы его остановить, но он уже выбирался наружу.

– Итак, их осталось шестнадцать, – сказал Эйрих. – В ювелирной работе уже нет нужды. Теперь просто подрубаем колышек палатки, – он показал мечом, как это делается, не доводя, однако, движения до конца, чтобы не начать раньше других, – она падает, мы рубим то, что внутри. Без шума уже не обойдется, но вчетвером мы справимся раньше, чем они успеют что-то предпринять.

Юному Ханды он указал на оставшиеся две палатки той десятки, которая уже лишилась пятерых воинов, когда Эйрих впервые пробирался к центру лагеря. Десятку, один из солдат которой высунул голову, чтобы попасть под меч Элины, Эйрих взял на себя. Графине и Шамхасу на двоих досталась третья десятка.

– Эрвард, управитесь со своими – поможете мне, – напутствовал ее Эйрих, поднимая меч. – Ну, начали!

Элина уже не пыталась возражать. Ее клинок рассек воздух одновременно с остальными. Коротко хрустнул разрубленный шест, тент палатки начал опадать, и еще прежде, чем он обрисовал контуры тел, графиня рубанула по тому месту, где должна была находиться голова одного из лежащих... но меч, пробив ткань, вонзился в землю. Элина ударила дальше, ближе, прыгнула на тент – ничего. Палатка была пуста. Очевидно, ее должны были занять уже убитые часовые.

Графиня возблагодарила судьбу. Она понимала, что Эйрих прав, и все же участие в этой бойне, противоречащей всем законам рыцарства, было отвратительным. Однако везение не могло длиться вечно – в следующей палатке было трое солдат. Они барахтались под упавшим тентом, кричали, пытались выбраться через прорехи, а Элина рубила, рубила, рубила, покрывая тент все новыми кровавыми пятнами...

Наконец она развернулась к своим товарищам; Шамхас как раз радостно вскинул к луне окровавленную саблю в знак выполненной задачи, а Эйрих все еще сражался с двумя солдатами, все-таки успевшими выбраться из крайней палатки. С другой из трех его палаток все было кончено (хотя окровавленная ткань еще слабо шевелилась), а третью с остервенением сек саблей освободившийся раньше всех Ханды. Графиня со всех ног метнулась к одному из противников Эйриха – честный бой позволял хоть отчасти смыть позор ночной резни.

Но солдат не принял боя. Осознав, что их из всего отряда осталось двое против четверых, он повернулся и бросился бежать. Элина устремилась в погоню. Она неплохо бегала, но и ее противник ей не уступал. Она почти наступала ему на пятки, но не могла преодолеть разрыв.

– Повернись! – в отчаянье крикнула Элина по-тарвилонски. – Повернись и дерись!

Солдату это лишь прибавило прыти. Разрыв стал медленно увеличиваться. «Уйдет», – поняла Элина и прыгнула вперед, в падении доставая противника мечом в спину.

Подавленная, она вернулась в разгромленный лагерь. Трое победителей стояли перед палаткой пленников, но почему-то не входили внутрь. В левой руке Эйрих держал горящую головню.

– Что там? – Элина вновь почувствовала страх.

– Просто я решил, что вам будет приятно лично освободить вашего друга, – ответил Эйрих, вручая ей импровизированный факел. Черная маска скрывала его лицо, но по тону было ясно, что он улыбается.

Графиня раздернула полог палатки и, пригнувшись, ступила внутрь. Пленники, конечно, уже были разбужены криками, стонами и лязгом оружия снаружи, но не решались выглянуть и лишь молча ожидали своей участи. Бежать под шумок они не могли – ноги каждого были скованы и обмотаны многими витками длинной цепи так, что они не смогли бы сделать даже маленького шажка. И в этот миг, глядя в расширенные от страха глаза Артена, Элина забыла и о бесчестье избиения сонных врагов, и о обо всех трудностях и потерях долгого пути. Ее друг, которого она не видела почти год, был спасен! Ее безумное предприятие – а теперь, задним умом, она хорошо понимала, насколько безумен был ее изначальный тарвилонский замысел – увенчалось успехом!

– Привет, кузен Артен, – сказала она.

Принц уже овладел собой.

– Привет, кузина. Вообще-то я не люблю, когда меня будят в такую рань, но в данном случае я готов сделать исключение.

Однако его ирония сразу улетучилась, когда в неверном свете пылающей головни он лучше разглядел графиню.

– Кузина, вы вся в крови! Вы ранены?

– Это не моя кровь, – на мгновение помрачнела Элина. В этот миг она бы предпочла, чтобы часть этой крови была ее.

– Мы уже победили? – предпочел уточнить принц.

– Да. Как видите, и от дурацких железяк есть польза.

– Кстати, о железяках. Вы можете снять это? – Артен сделал брезгливый жест в сторону цепи.

– Думаю, мы скоро найдем ключ.

– Мы? Ну конечно, вы же не могли перебить тридцать солдат в одиночку. Кто с вами и сколько их?

– Эйрих и двое местных.

– Эйрих?

– Ну да, вы же его не знаете. Эйрих – это... – Элина задумалась. Только что ей казалось, что она знает Эйриха чуть ли не всю жизнь, так что она даже забыла, что он незнаком Артену – а теперь вдруг поняла, что ей известно о ее спутнике ненамного больше, чем в первые дни знакомства. – ...это друг, – неловко закончила она.

– Надеюсь, что так. Так вы говорите, вас всего четверо? Что же, все остальные...

– Нет, мы обошлись без потерь.

– Что, серьезно? Вчетвером одолели три десятка отборных солдат, и притом без потерь? Кузина, или этот ваш Эйрих – демон, или позвольте выразить вам мое восхищение.

– Нечем особо восхищаться, – пробормотала Элина, одновременно всерьез обдумывая слова Артена. Что, если Эйрих и в самом деле – каким-то чудом уцелевший нечеловек? Ну, демон – это, конечно, вряд ли, демоны, если верить легендам, умеют менять форму, а Эйрих ни разу этим не воспользовался, хотя поводы были... но мало ли разных причудливых существ обитало на свете в эпоху магов? Хотя все нелюди довольно заметно отличались от людей... эльфы, пожалуй, стояли к людям ближе всего, да и то – уши...

В этот момент предмет ее раздумий, нагнувшись, просунул голову в палатку. Шапки-маски на нем уже не было.

– Принц Артен, я полагаю? – осведомился он по-тарвилонски.

– Правильно полагаете, – с достоинством ответил принц. – Приветствую и благодарю вас, Эйрих.

– Держите, – он кинул внутрь два ключа на железном кольце, которые глухо звякнули у бедра Артена. Принц немедленно занялся собственными кандалами, попутно обратившись к своему товарищу по плену на языке, которого Элина никогда не слышала. Старик, не знавший тарвилонского, уже понял по интонациям, что пришли освободители, и все это время терпеливо ждал разъяснений. Артену, наконец, удалось в полутьме отомкнуть свои оковы, и он занялся цепью старика. Завершил он это дело вовремя – головня уже почти догорела. Через пару минут бывшие пленники выбрались на свежий воздух. Тут Артен вспомнил о придворном этикете.

– Господа, – сказал он, – имею честь представить вам высокоученого Шииза-Салемаха-ир-Рандавани, советника и посла его величества хана Тургунайского.

Старик церемонно, по-восточному, поклонился. Принц обернулся к нему и представил Элину – большинства слов она, конечно, не поняла, но свое имя расслышала. Как *графине*, раз уж они решили соблюсти церемониал, ей следовало склониться в реверансе, но вместо этого она по-рыцарски отсалютовала мечом;

затем Элина представила – попросту перечислив имена – неаристократических членов спасательной команды.

– Вообще-то, принц, – добавила она, – в этих краях я именуюсь Эрвард Эльбертин. Мне следовало предупредить об этом сразу, но, надеюсь, господин Рандавани сохранит мою тайну.

Когда с формальностями было покончено, Эйрих объявил, что надо тщательно обыскать лагерь. Элину не прельщала перспектива рыться в окровавленных тряпках, и она отказалась участвовать, а вот горцы взялись за дело весьма охотно, рассчитывая на добычу. Глядя на них, Элина усомнилась, так ли далеко мирные северные племена отстоят от разбойных южных. Эйрих, однако, строго наказал своим подручным сносить все найденное в одно место, обещая справедливый раздел потом.

Первым делом Эйрих обследовал палатку двух штатских. Там он нашел светильное масло, которым пропитали куски тента и, намотав их на палки, соорудили факелы; но были там и находки поинтереснее, а именно листы пергамента, чистые и исписанные знаками неизвестного даже Эйриху алфавита. Не колеблясь, Эйрих предложил Рандавани взглянуть. Старый ученый, сохранивший, несмотря на годы, еще вполне приличное зрение, просмотрел листы и подтвердил (через принца, служившего переводчиком), что сталкивался с похожим видом тайнописи и постарается прочесть эти записи, однако предпочитает делать это днем и в более спокойной обстановке. Все же он сразу изучил пергамент с печатью, изображавшей орла с поднятыми крыльями, сидевшего на спине у волка – то был герб Хурданистана. Содержание документа подтвердило предположение, ранее высказанное Эйрихом – это было письмо предводителю другой группы, с которой отряд должен был соединиться позже. Письмо подтверждало полномочия одного из штатских – как было сказано, личного представителя шаха – в качестве командующего объединенной экспедицией, так что выходило, что Эйрих зарезал важную птицу.

Товарищи Элины по освободительной миссии продолжили обыскивать лагерь, а сама графиня, учтиво испросив разрешения у Рандавани, отошла с принцем подальше от места побоища. Им было о чем рассказать друг другу.

Артен начал с того, что «в сложившихся обстоятельствах считает себя свободным от обязательств сохранять тайну экспедиции» и пересказал Элине неизвестные ей подробности деятельности тургунайского посольства на Западе. Хотя она уже знала о Зурбестане, новые детали – и, главное, сведения о том, что проход в загадочную страну уже известен – изрядно разожгли ее любопытство. Далее принц кратко поведал о путешествии, протекавшем без особенных приключений; посольство возвращалось в Тургунай летом и двигалось

кратчайшим путем, с правителями относительно цивилизованных областей были заранее заключены соглашения о беспрепятственном проходе через их территории, а в диких землях большой и хорошо вооруженный эскорт вкупе с приводящими варваров в трепет ящерами служил надежной гарантией от неприятностей. Последней дикой областью, которую надлежало пересечь посольству по пути на родину, были пустынные земли к северу от Хурданистана (и к западу от Тургуная, соответственно). Здесь, почти уже у самой границы, большой отряд разделился. Собственно посольство с частью тургунайского эскорта взяло курс строго на восток, направляясь в Керулум. Члены же зурбестанской экспедиции со своим эскортом, бóльшую часть которого составляли три сотни тирлондских солдат, начали отклоняться к югу, в сторону гор. Они должны были, разумеется, не вторгаться на территорию Хурданистана, а пройти намного севернее, затем обогнуть пустыню Шезех-Кум с юга, прижимаясь к горам, затем встретиться еще с одним отрядом тургунайских солдат, присланным с востока, и далее по долинам, ущельям и перевалам пробраться к сердцу Бхиланайских гор. Элину удивило, что экспедиция направлялась в Зурбестан прямиком с Запада, не заезжая в Керулум и даже практически не вступая на территорию Тургуная. Артен объяснил, что все дело было в чрезвычайной секретности операции. Тем не менее, некая координация действий со столицей ханства все же осуществлялась; Артен не мог понять, каким образом, и догадался лишь много позже, после первого двустороннего дистанционного контакта с Элиной. Тогда-то ему припомнились слова Рандавани о том, что в Тургунае вся знать изучает магию.

– Да, в одиночку такие контакты в наше время устанавливать очень трудно, и они весьма ненадежны, – сказала графиня. – Но если над ними работает достаточно много искушенных в магии людей и расстояния не слишком велики...

– Наверное, это «много людей» и провалило все дело, – ответил принц. – А может, шпион был в самом посольстве. Так или иначе, мы угодили в тщательно спланированную ловушку. Через четыре дня после того, как мы разделились, на нас ночью напали солдаты в тургунайском облачении. Они атаковали исключительно тирлондцев, и те, естественно, решили, что Тургунай нарушил договор. И вступили в бой с тургунайской частью эскорта. Нападавшим оставалось лишь добить выживших... Эти ублюдки уничтожили всех, – в голосе принца, до сих пор рассказывавшего спокойно, прорвалась ненависть. – Не только солдат. Доктора Валдерна, доктора Броухальта... В живых оставили только меня и Рандавани. Мы были нужны им, чтобы открыть дорогу в Зурбестан.

Хурданистанцы – впрочем, тогда пленники еще не ведали, что их захватили хурданистанцы – знали, что западный принц необходим, чтобы преодолеть

окружающее Зурбестан заклятье. Но принц был лишь ключом; нужен был тот, кто знает, как вставить ключ в замок, и это был Рандавани. Об этом Артен узнал лишь недавно; в плену его и тургунайца, как и полагал Эйрих, содержали раздельно, и принц долго не мог понять, чего же добиваются его тюремщики. Обращение было довольно сносным – кормили прилично (не на уровне тирлондского дворца, конечно, но на уровне походной кухни, к которой Артен успел привыкнуть за время пути), не издевались и вообще не трогали – однако все то время, что принц просидел в каземате башни, он был прикован цепью (хотя и длинной) за ногу к кольцу в стене. Цепь, впрочем, была сущей ерундой по сравнению с невозможностью читать и писать, в результате чего Артен чуть с ума не сошел от скуки; но, как поспешил он заметить Элине, в заточении у него появилось несколько интересных идей, которые ему не терпится проверить в лаборатории. Лишь в последние месяцы тюремщики стали досаждать ему требованиями провести их в Зурбестан. Артен всякий раз чистосердечно отвечал, что не знает туда дороги, и ему верили – ничего удивительного, откуда западный принц, никогда не бывавший в этих краях, мог ее знать? – но через некоторое время начинали приставать опять, грозя применить силу при неповиновении. Очевидно, на него просто давили психологически, чтобы он был готов беспрекословно выполнить то, что от него потребуется, когда придет время. Принц догадывался, что время это не приходит из-за заваленных снегом перевалов (и однажды один из тюремщиков обмолвился, подтвердив эту догадку), но в последнее время, видя все большее нетерпение врагов, понял, что эта причина уже неактуальна и что другим фактором может быть, по всей видимости, лишь до сих пор не сломленное сопротивление Рандавани. Удивляясь и восхищаясь стойкостью старика, Артен, однако, каждый день с трепетом ждал, что тот не выдержит, и мог лишь надеяться, что помощь Элины подоспеет раньше. И вот, наконец, она связалась с ним в последний раз и велела сказать тюремщикам, что он может добиться согласия Рандавани...

– Честно говоря, я до последнего момента не был уверен, что эти магические сеансы связи – не игра моего воображения, – признался Артен. – Пришлось рисковать.

– Мне тоже, – хмыкнула Элина.

– Да, кузина, конечно же, я благодарен вам... я даже не могу выразить, как. Для этого нужно быть поэтом, а не ученым, – смущенно усмехнулся принц. – Но знаете... теперь, когда все кончилось... вы только не обижайтесь, но я хотел бы... попросить у вас назад свои волосы. Вы понимаете, не слишком приятно, когда кто-то может следить за тобой и вторгаться в твои мысли... даже если этот кто-то – вы.

– Да, принц. Я понимаю, – она сняла с шеи и протянула ему медальон, с которым не расставалась все эти месяцы. Артен нащупал пружинку и нажал ее. Порыв ночного ветра подхватил срезанные волосы и унес их в темноту. – А вы полагаете, что все уже кончилось? – разочарованно спросила Элина.

– В смысле?

– Вы намерены теперь вернуться в Тирлонд?

– Элина, за кого вы меня принимаете? Разумеется, теперь мы доведем дело до конца и все вместе отправимся в Зурбестан!

Самым интересным предметом, найденным при обыске, оказался золотой знак орла на волке, обнаруженный в палатке командира – он играл ту же роль, что и золотая пайцза во владениях хана Курибая, то есть должен был, по крайней мере теоретически, обеспечить безусловное содействие экспедиции со стороны любого подданного хурданистанского шаха. Поэтому денег в отряде практически не было – все, что могло понадобиться, его члены имели право реквизировать просто так, а если жителям какого-нибудь дикого кишлака золотой шахский знак показался бы недостаточно убедительным, их убедили бы стальные сабли. Впрочем, то был лишь крайний вариант – как уже упоминалось, хурданистанцы придавали не меньшее значение секретности, чем тургунайцы, и стремились избегать всяких встреч с посторонними. Посему отряд был основательно снаряжен для дальнего похода. Помимо походной утвари и припасов, победителям достались доспехи и оружие.

Элина и Эйрих, наконец, смогли умыться и смыть с себя кровь из меха с водой. Графиню мало волновал дележ трофеев, а вот Эйриху стоило определенного труда убедить горцев не жадничать и отказаться от идеи пригнать в родной кишлак всех лошадей, груженых всем добытым добром. Узнав об участи столь важного отряда, власти Хурданистана вполне могли бы направить солдат с обыском в близлежащие селения, и тогда подобные находки сослужили бы очень скверную службу всему кишлаку. Поэтому ограничились тем, что выбрали себе коней, оружие, теплую одежду и кое-что из съестных припасов. Элина немного пофехтовала с Эйрихом на хурданистанских саблях и пришла к выводу, что прямой обоюдоострый цаньский меч нравится ей больше; таким же оказалось и предпочтение Эйриха.

Меж тем уже брезжил рассвет, окрашивая холодные снеговые шапки вершин в теплые розовые тона. Несмотря на то, что освободители провели без сна всю ночь, да и пленники в последние две ночи не имели возможности выспаться, отдыхать было некогда – следовало покинуть разгромленный лагерь как можно скорее. Шестеро всадников выехали на запад по той самой дороге, которая привела к

месту гибели хурданистанский отряд. Ехавший впереди Шамхас исполнял роль головного дозора, а Ханды – тылового.

Прошло немногим более получаса, прежде чем на покинутом месте боя появился первый шакал. День для него определенно начинался удачно.

В пути разговаривали мало; дальнейшие планы решено было обсудить потом, в спокойной обстановке, когда все отдохнут. Даже Элина не стала кратко пересказывать Артену историю своих приключений, так как хотела позже насладиться подробным рассказом; принц же слишком хотел спать и не настаивал. Вечером наконец добрались до кишлака.

Жители радостно приветствовали земляков и гостей и с интересом рассматривали бывших пленников. От внимания Элины не укрылось, что Йолленгел, хотя и тоже разглядывает освобожденных, старается при этом не попадаться им на глаза. Тем не менее было очевидно, что представить их друг другу все же надо; графине пришлось ограничиться фразой «это Йолленгел, мы спасли его в луситских лесах от тамошних варваров». В другое время Артена бы такое объяснение не устроило – он, как минимум, поинтересовался бы, лусит ли сам Йолленгел и почему его хотели убить – но сейчас принц чувствовал себя слишком уставшим и, произнеся по-тарвилонски «рад познакомиться, Йолленгел», просто пожал эльфу руку. На востоке обычай рукопожатия не был распространен, поэтому Рандавани и Йолленгел учтиво раскланялись, обменявшись при этом одинаково пронзительными взглядами, после чего, как заметила Элина, эльф стал еще более старательно отодвигаться на задний план.

Позже, когда освобожденные ушли в отведенную им гостеприимными хозяевами отдельную комнату (помещения в домах горцев были невелики, и впятером гостям было бы уже тесно), Йолленгел подошел к графине и попросил и впредь сохранять его тайну.

– Но ведь вы и парой фраз с ними не обменялись! – Элина почти не скрывала раздражения. Эльф неопределенно повел плечом, показывая, что у него нет логического объяснения.

– Теперь вы вернетесь на Запад? – спросил он.

– Нет, – уверенно ответила Элина. – Должно быть, отправимся в Тургунай, а оттуда – в экспедицию на восток.

– Ясно, – кивнул эльф и направился прочь. Завидев Эйриха, который умывался во дворе, прежде чем отправиться спать, эльф подошел к нему.

– Эйрих, вы нужны мне как переводчик.

– До утра подождать не может? – зевнул Эйрих.

– Мне бы хотелось решить этот вопрос сейчас.

– Ну ладно, – Эйрих вытер волосы и повесил полотенце на плечо.

Вдвоем они отыскали Кайсы-ака, который как раз загонял овец в сарай. Йолленгел дождался, пока он закончит с этим делом, и отозвал его в сторону – на таком уровне он уже знал язык. Трое отошли за сарай, оказавшись, таким образом, на краю селения, там, где верхняя терраса переходила в склон горы. Кайсы-ака ждал. Йолленгел, ничего не говоря, снял свой тюрбан.

Эйрих метнул на него короткий неодобрительный взгляд. Выражение лица старого пастуха, однако, не изменилось – он по-прежнему смотрел выжидательно. Йолленгел провел рукой по волосам, откидывая их назад. Снова никакой реакции.

– Спросите его, не удивляет ли его моя внешность, – не выдержал эльф.

Эйрих выслушал ответ старика.

– Он говорит: «Мир велик, и в нем живет много разных народов. Твой облик ничуть не более странен, чем облик твоих спутников.» В самом деле, – добавил Эйрих от себя, – они ведь здесь никогда прежде не видели не только эльфов, но и белых людей.

– Так они не будут возражать, если я останусь здесь жить насовсем?

Старик заулыбался.

– Он говорит: «Мы все будем рады. Люди любят твою музыку, а животные чувствуют в тебе друга.» Так, значит, вы приняли решение, Йолленгел?

– Да... теперь да.

– Ну что ж, – кивнул Эйрих, – наверное, это не худший выбор.

Он обратился с каким-то вопросом к пастуху. Тот нахмурился, однако уверенно кивнул.

– Что вы спросили? – осведомился эльф.

– Смогут ли они спрятать вас, если в селение нагрянут солдаты с обыском. Он ответил, что вам не о чем беспокоиться. Вообще-то если такой обыск и состоится, то лишь один раз в ближайшие дни – не волнуйтесь, вам больше не придется прятаться всю жизнь.

Элина, узнав о решении Йолленгела, тоже не стала его отговаривать. «Новых стран на Востоке мы уже не посетим, экспедиция отправляется в безжизненное место, – сказала она. – Вы могли бы, конечно, вернуться вместе с нами на Запад... но боюсь, там бы вам не дали жить спокойно. Там уже нет враждебности к эльфам, напротив, многие отнеслись бы к вам сочувственно, и король наверняка назначил бы вам содержание... но вы превратились бы в иноземную диковину, на вас бы ходили смотреть, как на редкую зверушку. Мне жаль говорить так о моих соотечественниках, но это правда. Так что вы приняли правильное решение... хотя и грустно будет расставаться», – добавила Элина.

Освободители и освобожденные проспали почти до полудня; потом неспешно умывались, обильно завтракали, и лишь в третьем часу собрались на совет – по предложению Эйриха, он проходил под открытым небом, на склоне горы в трех сотнях футов вверх от селения. Йолленгел не участвовал. Предварительно с ним был решен вопрос о разделе капиталов; Элина предлагала оставить ему 400 золотых турга, то есть пятую часть, но остальные, в том числе и сам Йолленгел, сошлись на том, что столько ему в этом кишлаке за всю жизни не истратить, и ограничились суммой в 200 турга. Эйрих настоятельно посоветовал эльфу как можно скорее переплавить монеты – в обозримом будущем человек, расплачивающийся в этом районе Хурданистана тургунайскими деньгами, напрашивался на очень крупные проблемы.

Основным неудобством в совещании на склоне горы были языковые барьеры. Рандавани не владел тарвилонским, Артен – тургунайским (хотя немного нахватался его за время экспедиции), Элина – ни тургунайским, ни древним единым, на котором общались старый и молодой ученый. Один лишь Эйрих в очередной раз оказался на высоте, да и то очень относительной: тургунайский он понимал с пятого на десятое, а на древнем умел лишь читать – представления же о произношении у него весьма сильно отличались от таковых у Артена и Рандавани. Так что участникам совета то и дело приходилось выступать переводчиками друг для друга.

Тем не менее, беседа развивалась успешно. Для начала Рандавани поведал кое-какие подробности своего плена.

– Хурданистанцы знали, что существует ритуал Снятия Печати заклятья. Через своего шпиона – хотелось бы мне дознаться, кто же это все-таки был! – они выяснили, что принц играет ключевую роль в этом ритуале, но единственный в экспедиции, кто знает сам ритуал – я. Поэтому без моей помощи они ничего не могли добиться, даже если бы узнали, где находится проход географически – а найти его, на самом деле, не так уж и сложно.

– Погодите, вы хотите сказать, что и в самом деле верите во всю эту магическую тарабарщину? – перебил Артен.

– Настоящий ученый ничего не отрицает наотрез, но, скорее всего, в наше время все это просто суеверия. Для нас, однако, важно, что в это верили они.

– И им так и не удалось вырвать у вас тайну ритуала? – уважительно спросила Элина.

– О, они оказались в комичнейшем положении, – усмехнулся старик. – Дело в том, что пытать меня бесполезно. Я владею древней методикой, позволяющей отключать болевую чувствительность. И они это знали. Хотя, конечно, попробовали проверить... и убедились, что методика работает, – он сделал

короткую паузу. – После этого в их арсенале остались лишь угрозы вперемешку с посулами. Несколько раз они имитировали мою казнь, прежде чем, наконец, вынуждены были поверить, что я не боюсь смерти. Один раз уложили в гроб и похоронили, откопав только через три часа...

– Господин Рандавани, вы – герой! – воскликнула Элина.

– Я всего лишь ученый, давно подчинивший тело и инстинкты голосу разума. Кроме того, я понимал, что нужен им живым – во всяком случае, до тех пор, пока они не будут знать тайну ритуала. Также они обещали мне большие деньги, предлагали перейти на службу шаха, обещая высокий пост... Я же говорю – это было просто смешно. Иногда я делал вид, что готов клюнуть на их обещания... чтобы потянуть время, разумеется. И вот принц Артен добился встречи со мной и намекнул, что помощь близка... намекнул весьма изящно, надобно заметить, под самым носом у этих олухов.

Элина поделилась своим предположением, что среди тюремщиков были маги, и что именно они нашли свою смерть от ножа Эйриха.

– Возможно, – кивнул Рандавани. – Хурданистан – куда менее цивилизованная страна, чем Тургунай, но маги есть и здесь. Возможно, что и среди высших шахских чиновников. Однако в наше время магия слишком слаба, чтобы достать тайну из мозга человека, который этому противится.

– Однако все это – дела прошлые, а нам надо обсудить будущее, – напомнил Эйрих. – Верно ли, что вы намерены довести зурбестанскую экспедицию до конца?

– О да. Теперь, когда мы точно знаем, сколь большой интерес проявляют к делу хурданистанцы, тем более надо спешить. Кто ведает, не попробуют ли они от отчаяния обойтись без принцев и ритуалов.

– А может быть, тургунайцы уже попробовали? – предположил вдруг Артен.

– Вряд ли они организуют новую экспедицию, не расследовав исчезновение предыдущей, – покачал головой Рандавани. – А судя по тому, что нас освободили эти благородные господа, а не тургунайская армия, расследование пока протекает не слишком успешно.

– Но вы сможете ему помочь? – спросила с надеждой Элина.

– Вряд ли. Мы ведь так и не знаем, кто был шпионом, и был ли это один предатель, или существует целая сеть заговора, нити которой ведут в Керулум – судя по тому, как все гладко проходило у наших врагов, я склоняюсь ко второй версии. Так что возвращаться в Тургунай сейчас, скорее всего, бесполезно, если не опасно.

– К тому же на равнине у границы нас перехватить легче, чем в горах, – одобрительно заметил Эйрих.

– Погодите, вы что же, хотите отправиться в Зурбестан прямо так? – воскликнул Артен. – Вчетвером?!

– Почему бы и нет, принц! – у Элины снова зажглись глаза – а ведь совсем недавно ей казалось, что она уже сыта приключениями по горло.

– Разве вы не хотите оказаться там первым, и как можно скорее? – поддержал ее Рандавани.

– Если мы и окажемся там первыми, то мы не сможем остановить вторых, которые нагрянут туда большим вооруженным отрядом, – возразил Артен. – А если во всех этих сказках про снятие заклятия есть хоть крупица смысла, то выйдет, что мы и вовсе распечатаем для них дорогу.

– Как знать, принц, как знать, – туманно ответил Рандавани. – Если, как мы предполагаем, препятствия носят исключительно естественный характер, то о распечатывании говорить не приходится. Если же, паче чаяния, ритуал действительно необходим, то... можно ведь проделать и обратный ритуал. А фора во времени нам в любом случае не помешает. Эйрих, вы позволите карту? Благодарю. Итак, господа, как вам известно, Зурбестан расположен в Бхиланайских горах. Сами горы – нейтральная территория; никакая демаркация границ там не проводилась даже номинально. Горы, а следовательно, и Зурбестан, окружены четырьмя странами, – он принялся показывать пальцем. – Это Тургунай на северо-западе, севере и северо-востоке, Цань на юго-востоке и юге, Кундистан, ныне представляющий собой раздробленные княжества, на юго-западе и Хурданистан на западе. Хурданистан – наименее цивилизованная из этих стран, к тому же не примыкающая непосредственно к Бхиланайским горам; однако, как мы знаем, угроза с этой стороны весьма реальна. Что касается империи Цань, то там уже не первое тысячелетие владычествует философия консерватизма и созерцательности, и даже победоносные войска Салымбека, сына Кагарлыза, не смогли это изменить. Тем не менее, хотя императору цаньскому менее всего нужен такой источник беспокойства и перемен, как Зурбестан, нельзя исключать частную инициативу каких-нибудь мелких князьков, недовольных тем, что в традиционном цаньском обществе у них практически нет шансов на повышение своего статуса. Кундийцы, нация не менее древняя, чем цаньцы, ныне переживают упадок, но упадок достаточно деятельный – как раз там в честолюбивых князьях недостатка нет. Правда, они по большей части грызутся между собой и не направляют свой взор за пределы Кундийского полуострова, однако, опять же, как знать. Мы можем лишь надеяться, что ни кундийцы, ни цаньцы до сих пор не знают об открывшемся в горах проходе, но если даже и так, то это лишь временное положение дел.

Элину, пока она слушала все эти политические рассуждения, занимал один вопрос: а как быть с ней самой и Эйрихом? Ведь договор о Зурбестане был заключен лишь между Тургунаем и Тирлондом...

– Прежде, чем двигаться дальше, мы должны остановиться на одном деликатном аспекте, – сказал вдруг Рандавани, словно прочитав ее мысли. – А именно, двое из присутствующих не являются представителями Тургуная и Тирлонда и, более того, насколько я понимаю, не уполномочены своими монархами на ведение переговоров по данному вопросу...

– Спасать вас из лап хурданистанцев нас тоже никто не уполномочивал, – спокойно заметил Эйрих.

– Я никоим образом не собираюсь умалять ваши заслуги или оспаривать ваше право на участие в экспедиции, – сложил руки на груди Рандавани. – Я просто хочу подчеркнуть, что ничего не могу обещать вашим странам от имени Тургуная. Просто не имею права. Тургунайско-тирлондский договор продолжает действовать, и, согласно ему, вся территория Зурбестана переходит под суверенитет Тургунайского Ханства, а раздел трофеев будет осуществлен между двумя странами на основании решений совместной комиссии. Но от себя лично я обещаю, что, как советник хана, играющий не последнюю роль в государстве, приложу все усилия, чтобы персонально вы и, по возможности, ваши страны получили максимально щедрое вознаграждение. Кстати, Эйрих, я недослышал, какую страну вы представляете?

– Я не служу ни одной короне, – ответил Эйрих. – Я сам по себе. Но если это упростит вам юридическую сторону дела – считайте меня тирлондцем.

Принц метнул косой взгляд на «соотечественника», но ничего не сказал.

– Таким образом, вы отказываетесь от всяких претензий в пользу третьего государства, – удовлетворенно констатировал Рандавани. – Графиня Айзендорг, осталось выслушать вашу позицию.

– Я не политик, – ответила Элина, – и, как вы верно заметили, у меня нет полномочий говорить от имени Тарвилона. Мне остается лишь принять ваше предложение.

– Очень хорошо, – кивнул тургунаец. – Я и не сомневался в вашей мудрости, господа, но нужно было уладить эту небольшую формальность. Если желаете, мы можем сейчас же оформить письменное соглашение в четырех экземплярах...

– Успеется, – перебил его Эйрих. – У нас есть более насущные вопросы.

– Я тоже уверен, что мы вполне можем доверять друг другу, – охотно кивнул Рандавани. – Итак, определим маршрут нашего путешествия. К сожалению, эта карта недостаточно подробна, но я не раз изучал куда более крупномасштабные карты этих мест. Итак, первоначальный курс проходил в обход Хадирских гор,

затем на юг, огибая с юга пустыню Шезех-Кум и далее на северо-восток, до входа в одно из бхиланайских ущелий. Нам, однако, нет нужды двигаться столь длинным путем, который избран исключительно потому, что большой отряд вооруженных солдат, большинство из которых к тому же чужеземцы, не мог передвигаться по территории Тургуная, не привлекая внимания. Нам же имеет смысл добраться по горам вот сюда, до крайней точки северо-восточного выступа Хадира, здесь выйти на равнину и двигаться по прямой через южный Тургунай, оставляя пустыню с юга. Четверых путников никто не заметит. Затем небольшое отклонение к юго-востоку, и мы углубляемся в горы через другое ущелье; дальнейший горный маршрут мне хорошо известен. Он не особенно труден – во всяком случае, я, несмотря на свой возраст, не буду вам обузой; неприступными до недавней поры оставались лишь горы, окружающие непосредственно Зурбестан.

Эйрих склонился над картой.

– Да, если мы выйдем на равнину здесь, то это уже довольно далеко вглубь Тургуная, и здесь хурданистанские разъезды вряд ли решатся патрулировать степь. Самым опасным будет участок как раз до этого места. Не сегодня-завтра хурданистанцам станет известно о гибели отряда, и благодаря их системе связи патрули на горных тропах могут появиться раньше, чем мы выберемся из Хадира.

– Вот ведь тоже – наименее цивилизованные, а какую связь наладили... – пробормотала Элина.

– Хурданистан неоднороден, – ответил Рандавани. – Большая его часть – это горы и полудикие племена, но на равнине имеются крупные города и более развитые, хотя и не менее воинственные, народности, к которым принадлежит и правящая династия. Как раз поэтому, если в их руки попадет наследие Зурбестана – и если предположить, что оно имеет не только археологическую ценность – последствия могут быть ужасными, вплоть до войны по всему континенту...

– Вернемся, однако, к более непосредственным проблемам, – стоял на своем Эйрих. – Очевидно, что в нынешнем составе идти через горы пешком мы не можем, да и лошади на равнине нам понадобятся. А это значит... Они будут искать старика и юношу, так? Ну, старик останется стариком, а вот юношу мы превратим в девушку.

Элина хихикнула, глядя на принца, удивленно вздернувшего брови.

– Зря смеетесь – вас это тоже касается, – осадил ее Эйрих (настала очередь Элины вытаращить глаза). – Артен, ну-ка пройдитесь.

Принц, смущенно усмехаясь, повиновался. Эйрих рассматривал его критически.

– Нет, – сказал он наконец. – Горянки, конечно, бывают высокими, но у вас и размер обуви для женского пола нетипичный. К тому же вы тоже не знаете языка. Одна глухонемая девушка – еще куда ни шло, но две – явный перебор. Вы, Артен, будете покойником.

– Что? – поперхнулся принц.

– Безутешные родственники везут в родной кишлак труп безвременно погибшего внука, сына и брата. И какое отношение они имеют к каким-то сбежавшим пленникам и разгромленному в горах отряду, на который напало, как минимум, человек двадцать – а если учесть, что в отряде были отборные воины, то и все пятьдесят?

– А если они сунут нос в гроб?

– Если сунут, сразу же высунут. Смердеть от вас будет по первому разряду, это я вам обещаю. Понимаю, приятного мало, но лучше перетерпеть запах, чем превратиться в покойника на самом деле.

– М-да, – скорчил брезгливую мину принц.

– Наука требует жертв, – развел руками Эйрих. – А политика – тем более.

После того, как план был утвержден, осталось лишь претворить его в жизнь. Эйрих объяснил дедушке Кайсы, какие вещи им потребуются. Старому пастуху идея не слишком понравилась – она отдавала глумлением над похоронным обрядом – но он понимал, что исключительные случаи для того и существуют, чтобы делать исключения. Сам факт, что он помогает чужакам против солдат собственной страны, его, как и его односельчан, не смущал совершенно – чужаки были гостями и принесли селению только добро, а солдаты похитили их друзей. К тому же один из чужаков сам стал теперь жителем кишлака, так что и его друзья были уже не чужаки вовсе, а свои. Понятия государственных интересов для этих горцев не существовало вовсе – шах Хурданистана был для них такой же несуществующей абстракцией, как и король Тарвилона.

Для путешественников раздобыли черную одежду по размеру и арбу. Гробов сельские жители не использовали – покойников просто пеленали. Стало быть, путешествие для Артена должно было стать еще менее комфортным.

Элина, вообще-то, тоже не пришла в восторг, когда ей впервые за несколько лет пришлось облачиться в женское платье. Наряд горянки, впрочем, не предназначался для придворных церемоний, а потому был все же более удобен, чем орудия пыток, создаваемые западными портными – в частности, просторные шаровары, в отличие от тяжелых юбок, не мешали ходить, бегать и ездить верхом, да и мягкие сапожки не шли ни в какое сравнение с узкими, уродующими ногу туфлями на высоком каблуке. Но одежда была лишь половиной дела. Надо было что-то делать с лицом – лицом человека белой расы.

Этим занялся Эйрих. Сначала он натер лицо и руки Элины какой-то мазью без запаха, в результате чего кожа приобрела характерный для восточной расы желтый оттенок. Потом выкрасил ее волосы, и без того темные, в совершенно черный цвет. Затем долго колдовал над ее бровями. Наконец отстранился, критически осматривая свою работу.

– Скулы, конечно, не очень, но в целом ничего, – вынес он вердикт. – Постарайтесь не открывать широко глаза – впрочем, при здешнем солнце это нетрудно.

Графиня привычным движением вынула из ножен меч и попыталась рассмотреть свое отражение в его отполированной поверхности, но изображение было слишком нечетким. Тогда она вышла во двор и склонилась над кадкой с водой. Увиденное поразило ее не меньше, чем когда-то – превращение Эйриха в степняка. Эрвард Эльбертин исчез. Исчезла даже и Элина Айзендорг. Из кадки на нее смотрела местная девушка с тонкими полумесяцами черных бровей и родинкой на щеке, отвлекавшей внимание от невосточной формы носа. Было видно, что девушка эта, хотя и происходит из небогатой горской семьи, тщательно заботится о своей внешности и высшим счастьем считает поскорее выйти замуж и нарожать побольше детей. Элина презрительно фыркнула и отвернулась.

Одно лишь смущало Эйриха – по-мальчишески короткие волосы графини, хотя они и должны были скрыться под черным платком. Но, как выяснилось, в знак траура горянки остригают себе волосы, так что все идеально сошлось. Над своей внешностью Эйрих тоже поработал – изменил цвет кожи и подстриг на местный манер усы.

Последнюю и самую неприятную часть маскировки – пеленание Артена – было решено проделать уже после того, как беглецы покинут кишлак. Наступила пора прощаться – как всем было понятно, навсегда. И если с жителями кишлака отъезжающих ничего не связывало, то Йолленгел был верным товарищем Элины и Эйриха многие месяцы, деля с ними все трудности и опасности путешествия.

– Удачи вам, Йолленгел, – хлопнул его по плечу Эйрих. – Я бывал груб с вами... не держите зла.

– Все нормально, Эйрих, – эльф накрыл его руку ладонью, задержав на своем плече. – Я тоже доставил вам хлопот. Но ведь вы никогда не утрачиваете бдительности, правда?

– Это точно, – ухмыльнулся Эйрих.

– Прощайте, Йолленгел, – подошла, в свою очередь, графиня, крепко пожимая ему руку. – Сентиментальность не к лицу воину... но мне жаль, что мы больше не увидимся.

– Эрвард... Элина... даже и не знаю, как вас называть, – эльф тряхнул головой, неловко улыбаясь. – Спасибо вам за все, что вы для меня сделали. Это благодаря вам я понял, что люди – не злобные выродки... во всяком случае, не все.

– Йолленгел, знайте, что память о вас и вашем народе сохранится, – Элина показала ему толстую пачку исписанных листов. – Люди и через века будут читать эту книгу... И они будут знать, кто на самом деле виноват в исчезновении эльфов.

– Не пишите об этом, если хотите, чтобы вашу книгу читали через века, – покачал головой Йолленгел. – Никто не любит, когда ему напоминают о его вине... они объявят все вымыслом и предпочтут забыть, как уже забыли один раз.

Элина промолчала, но видно было, что она не собирается с этим мириться.

– Ну, желаю вам удачи, – сказал эльф. – И, пожалуйста, будьте там осторожны. Ради вас... и ради нашей книги.

Графиня еще раз стиснула его руку, а потом повернулась и пошла к лошадям. Для путников было подготовлено пять коней; три стояли под седлами, одного впрягли в арбу и на одного навьючили поклажу. Элина последней запрыгнула в седло, испытав мимолетный дискомфорт от того, что меч не хлопнул ее привычно по бедру. «Ну, вперед!» – скомандовал Эйрих, и лошади тронулись. Элина несколько раз оборачивалась и махала рукой Йолленгелу и другим провожавшим. Эльф, уже в туземной одежде и бараньей шапке, издали выглядел бы настоящим горцем, если бы не светлые волосы. Затем дорога свернула, и кишлак скрылся за склоном горы.

Эйрих не сказал, чем он пропитал погребальные пелена, но запах получился, действительно, натуралистичный. Не очень сильный – предполагалось, что покойный умер недавно, хотя жаркое, уже почти летнее, солнце делало свое дело быстро – но вполне ощутимый с близкого расстояния. Непропитанной осталась только ткань, которой замотали голову, но Артену это облегчило жизнь лишь частично. Прежде, чем подвергнуться этой процедуре, он облачился в тряпье – одежду все равно потом пришлось бы выбрасывать. Вместе с Артеном запеленали и мечи, благо смрад не пристает к металлу.

Ехали молча, чтобы не нарушать траурного имиджа (а Элине вообще было велено строго помнить, что она глухонемая). До ночи они никого не встретили. На ночлег расположились в укромном месте, где, наконец, освободили принца из его кокона. Артен был, разумеется, в прескверном настроении и говорил, что не представляет себе, как сможет переносить подобное издевательство не несколько часов, а целый день. Элина пыталась выразить ему сочувствие и сказать, что ей тоже не сладко. «Почему бы вам, в таком случае, не махнуться со мной местами?»

– окрысился принц. «Потому что Элина больше похожа на девушку, чем вы, – ответил за нее Эйрих и ядовито добавил: – Я имею в виду по облику, а не по поведению.»

За весь следующий день им лишь однажды попался навстречу пожилой горец, который вел в гору ишака с поклажей. Завидев скорбный груз, он остановился и провел рукой по лицу и бороде в ритуальном жесте соболезнования. Рандавани, знавший туземные обычаи, а за ним и Эйрих, поклонились в ответ, прикладывая руку к сердцу. Вечером на очередной стоянке Артен, хоть и пристыженный накануне, не удержался от замечания, что весь этот маскарад затеян зря и никого, кроме пары безобидных селян, они не встретят. «Хорошо, коли так», – спокойно ответил Эйрих.

Утром следующего дня они миновали крупный кишлак, а во втором часу пополудни, в самую жару, наткнулись на патруль.

Всадников было десять. Четверо в линию перегораживали горную дорогу, зажатую, как обычно, между крутым склоном справа и обрывом слева, остальные расположились за их спинами. Когда путники остановили коней, один из солдат выехал из шеренги и задал вопрос Рандавани. Тургунаец без запинки и с причитающейся скорбью в голосе поведал историю о внуке, гостившем у родни из высокогорного кишлака и погибшем от укуса змеи; назвал он при этом и селение, где произошло несчастье, и то, куда они направляются – топография приграничного Хурданистана была ему известна по картам, а кое-что он уточнил у жителей кишлака. Солдат спросил, обращаясь уже к Эйриху, не встречали ли они необычных людей по дороге. Эйрих ответил, что видели старика с ишаком, но необычным он не показался. А вообще, у них горе, и они не присматриваются к прохожим. Сам Эйрих, благодаря своему умению менять лицо, в эту минуту казался типичным уроженцем здешних мест, и даже его неидеальное владение языком, как бывало уже и раньше, не показалось подозрительным – солдаты знали, что чуть ли не в каждом горном кишлаке – свой диалект, а характерную для горцев интонацию Эйрих копировал очень точно. Потом солдат обратился к Элине, которая никак не прореагировала; Рандавани объяснил, что его внучка – глухонемая. Хурданистанец оглядел Элину с подозрением.

– Пусть сойдет с коня, – велел он.

Эйрих показал графине жестами, что она должна сделать. Элина, чувствуя, как сердце забилось сильнее (меч! насколько уверенней она бы себя чувствовала с мечом на поясе!), повиновалась. Солдат окинул ее внимательным взглядом. Нет, под описание молодого беглеца она никак не подходила. Тот был почти на голову выше, да и по лицу – ничего общего. Всадник махнул рукой, разрешая девушке вернуться в седло. Тем временем другой хурданистанец, повинуясь распоряжению

командира, подъехал к арбе и, перегнувшись с седла, наклонился над спеленутым телом. Брезгливо наморщив нос, он поворотил фыркнувшего коня.

Элина, уже успокоившаяся было, вдруг поняла, что еще не все. Краем глаза она заметила, что один из солдат внимательно ее рассматривает. Однако, перехватив его взгляд, она убедилась, что этого хурданистанца интересуют отнюдь не беглецы. Он откровенным масляным взором пялился на хорошенькую девушку, которую траур делал еще привлекательнее – а может, и не траур, а какая-то необычность в ее лице. А то, что она была при этом глухонемой, было, в его глазах, только достоинством. Не имея возможности ни ответить наглецу по-рыцарски, ни хотя бы скорчить рожу и показать язык, Элина сверкнула на него гневным взглядом из-под черного платка. Солдат засмеялся, но товарищ одернул его, кивнув на арбу с мертвецом. В этот момент командир отдал приказ пропустить.

После этой встречи Артен уже не заикался об избыточности принятых мер предосторожности. Однако им повезло – пропетляв еще три дня по горным дорогам и не встретив больше патрулей, они, наконец, спустились в ущелье, выводившее прямиком в тургунайскую степь. По дну ущелья, журча и вспениваясь у камней, бежала неширокая прозрачная речушка. Никаких кишлаков здесь уже не было, повозка с покойников выглядела абсолютно неуместно, и принц, наконец, был окончательно выпущен на свободу. Элина поздравила его с воскресением из мертвых. Артен хотел немедленно вымыться, но Эйрих настоял, что им не следует задерживаться на территории Хурданистана.

– Меня собственная лошадь уважать не будет, – проворчал Артен.

– Ничего, потом пересадим вас на другую, – ответил Эйрих, выпрягая коня из арбы и водружая ему на спину седло.

– Вам легко шутить, – скривился принц, косясь на свое провонявшее тряпье.

– Мне случалось бывать в ситуациях и похуже.

– Прятаться в выгребной яме? – язвительно осведомился Артен.

– Почти угадали, – невозмутимо согласился Эйрих. – Иногда канализация – единственный неперекрытый путь внутрь или наружу.

Артен молча уставился на него.

– Принц, благодаря Эйриху вы живы, здоровы и на свободе! – вмешалась Элина.

– Д-да, – согласился Артен. – Вы правы, Эйрих, а я поддался предрассудкам, как неграмотный крестьянин. В конце концов, во время химических опытов мне не раз случалось иметь дело с вонючими веществами.

Они выехали из ущелья и проехали пару миль по степи, пока не добрались до места, где речка впадала в небольшое озеро. Эйрих, наконец, остановил коня.

Артен принялся срывать с себя тряпки. Через минуту степь огласилась его воплем, свидетельствовавшем о температуре воды, еще недавно бывшей снегом и льдом вершин. В вопле этом, впрочем, было больше радости, нежели возмущения. Следом в воду плюхнулся Эйрих, а затем и старый тургунаец совершил чинное омовение – его, кажется, температура воды совершенно не волновала. Пока мужчины купались, Элина стояла на берегу, целомудренно отвернувшись (и заодно оглядывая степь на случай появления нежеланных гостей). Затем стороны поменялись местами. Когда вылезшая из воды Элина разрешила своим спутникам повернуться, отряд вновь состоял из четырех мужчин. Эрвард Эльбертин, удовлетворенно улыбаясь, затягивал свой пояс с мечом. Капли воды, падавшие с мокрых волос, сбегали по грубой коже тургунайского доспеха.

Путь на восток по тургунайской степи занял пятнадцать дней. Несколько раз они проезжали мимо некрупных городов, где пополняли запасы провизии; видели кавалерийские разъезды в степи, но те не проявляли интереса к четырем всадникам; встречали табуны лошадей и стада местных антилоп. В пути Элина, наконец, рассказала Артену в подробностях о своих приключениях, мужественно решив не скрывать и неприятных для нее моментов. Не удержалась она и от того, чтобы раскрыть подлинную сущность Йолленгела. В конце концов, она ведь собиралась опубликовать свои записи, а значит, не связывала себя обетом вечного молчания. Достаточно было лишь отъехать на расстояние, исключающее возможность возвращения в кишлак; если Артен никогда больше не встретится с Йолленгелом, то и нет смысла хранить тайну – эльфу это уже никак не повредит. Однако, прежде чем открыться, Элина взяла с принца слово, что он не расскажет Рандавани, равно как и кому-либо еще, прежде чем они не вернутся на Запад. Все-таки тургунаец был здесь у себя дома и мог бы, если бы захотел – не сейчас, так после возвращения из Зурбестана – послать своих людей, которые выкрадут последнего эльфа из горного кишлака. Сама Элина сперва считала такое предположение нелепым, но затем сочла предосторожность нелишней, ибо Артен, в свою очередь, дико возмущался отказом Йолленгела сотрудничать с учеными, хотя все же надеялся, что впоследствии того удастся уговорить по-хорошему. Графиня принялась отстаивать право эльфа быть оставленным в покое, главным аргументом выдвигая свои записи – «все равно больше вы из него ничего не вытянете, если, конечно, и впрямь не собираетесь разрезать его, как лягушку». Принц, видя, что она уже всерьез сердится, вяло согласился с ее доводами – явно без большой охоты, но он дал слово дворянина и не мог его нарушить. На первом же привале он принялся изучать рукопись Элины – и хотя его интересы лежали в основном в сфере естественных наук, а не культурологии, не мог не оценить

проделанную работу. Графиня, польщенная его похвалами, заулыбалась до ушей, и мир был восстановлен.

И вот наконец, не вызвав, как и предсказывал Рандавани, ничьего нежелательного внимания, четверка добралась до подножия Бхиланайских гор. В последнем тургунайском селении, расположенном уже в предгорьях, они продали лошадей, чьи быстрые ноги хороши для равнины, и купили сразу десяток мулов, чья выносливость столь полезна в горах. Там же обзавелись некоторым дополнительным снаряжением, включая прочные длинные веревки и трехзубые стальные кошки, а также теплой одеждой. Не задерживаясь в селении на ночь, они немедленно выступили в путь и вечером были уже в устье указанного ханским советником ущелья.

Рандавани утверждал, что Бхиланайские горы – самые высокие на континенте, а возможно, и во всем мире; Эйрих, на которого Элина уже привыкла смотреть, как на ходячее пособие по географии, и Артен, изучивший в свое время немало старинных карт, с этим не спорили. И хотя помимо исполинских пиков, чьи снежные шапки овевал ледяной разреженный воздух на пятимильной высоте, здесь имелись и куда более скромные вершины, экспедиции все равно предстояло проделать значительную часть пути в суровых условиях высокогорья. Первые четыре дня они пробирались по ущельям и узким долинам, но уже на восьмой день поднялись выше, чем за все время своих скитаний по Хадиру. Растительность здесь была чахлой, а по-летнему высоко стоявшее солнце контрастировало с раскинувшимися тут и там островами снега и резким ледяным ветром. Вдобавок ко всему Бхиланайские горы были полностью необитаемы: после того, как маги обрушили на Зурбестан свое проклятье, отсюда в страхе бежали даже те немногочисленные племена, что прежде отваживались жить в этих угрюмых и неприветливых местах.

Несмотря на трудности маршрута, уводившего все выше, в царство вечных снегов, Рандавани в полной мере подтвердил свои слова о том, что не будет обузой остальным. Напротив, он уверенно вел экспедицию вперед по одному ему ведомому курсу, не сверяясь с картой, которой у него попросту не было, и ни разу не сбившись с пути. Один раз, когда дорогу преградил каменный завал – результат сошедшей лавины – Рандавани без колебаний отыскал другой проход. Создавалось впечатление, что эти горы знакомы ему не по картам и рассказам путешественников, что он не раз бывал здесь – возможно, в молодости принимал участие в предыдущих экспедициях, пытавшихся найти дорогу в заветную и запретную долину Зурбестана... Сам он, однако, ничего на сей счет не рассказывал и от прямых вопросов предпочитал уклоняться, так что Элина, в конечном счете,

перестала их задавать, сделав вывод, что тут в очередной раз замешана политика и государственные тайны.

Но если Рандавани выказывал более чем завидную для его возраста выносливость, то на Артена, всю жизнь брезговавшего физическими упражнениями, жалко было смотреть. Любопытство ученого гнало его вперед, и гордость аристократа не позволяла жаловаться, однако в конце концов он просто валился с ног, и остальным приходилось делать привал.

А дорога становилась все хуже. Люди и животные еле переставляли ноги, увязая в глубоком снегу, который на этой высоте не таял никогда – в отличие от сил, которые в бедном кислородом разреженном воздухе таяли очень быстро. Летнее солнце из друга превратилось во врага – лучи его, не способные согреть, отражались от граней снежных кристалликов и мириадами игл впивались в глаза. Рандавани заранее предупредил об опасности снежной слепоты, и путешественники возглавляли караван по очереди на непродолжительное время; остальные, обвязавшись веревкой, шли следом за ведущим, стараясь почти не смотреть по сторонам. Артен, впрочем, всегда оставался сзади и брел, ухватившись за хвост мула. Никакого топлива, разумеется, на такой высоте найти было невозможно; взятые с собой небогатые запасы расходовались лишь на то, чтобы вскипятить снег и разогреть пищу. Спать приходилось, не снимая меховой одежды, под свист ветра, от которого вздрагивали и прогибались тонкие стенки палатки. Однажды утром путешественникам так и не удалось поднять одного из мулов; позже они потеряли другого, сорвавшегося в пропасть – к счастью, он не нес ценной поклажи.

Затем, наконец, начался спуск. Здесь были свои трудности, приходилось с осторожностью ставить ноги и придерживать животных, чтобы не поскользнуться и не покатиться вниз по склону, однако пейзаж все больше радовал глаз. Сплошной снежный покров распадался на островки; на камнях показались пятна мхов и лишайников; а там уже из каких-то трещин, где уцелело немного невесть как занесенной сюда почвы, решительно тянулись зеленые былинки и даже маленькие кустики... Потом был медленный и осторожный спуск сквозь холодный белый пар облаков, а два дня спустя Рандавани вывел экспедицию на край глубокого ущелья. Внизу, на глубине доброй тысячи футов, шумела вода.

– Это и есть та самая река, которая наконец пробила себе дорогу из Зурбестана, – пояснил тургунаец. – Увы, мы не могли все время идти вдоль ее русла – там непроходимые отвесные стены, а ниже по течению река вообще уходит под землю. Поэтому пришлось добираться через верх. Выше по течению водопад; миновав его, мы сможем спуститься в ущелье.

Он в очередной раз оказался прав. За водопадом ущелье расширилось, стены его были не такими крутыми и имелся даже некий намек на тропу – очевидно, естественного происхождения – уводившую по стене вниз. Дальше двигались по дну ущелья; и хотя за очередным поворотом реки впереди вновь замаячила сплошная стена гор, уходящих в небеса, путешественники знали, что на сей раз им не придется штурмовать перевалы – которых, кстати говоря, и не было. Горы были отвесны и неприступны. За ними лежал Зурбестан.

В ущелье им пришлось заночевать дважды; наконец утром третьего дня, после трех часов пути, экспедиция приблизилась к подножью сплошной гряды, замыкавшей в кольцо про́клятую страну. Все чувствовали нетерпение и возбуждение; даже всегда невозмутимые узкие глаза Рандавани сияли нестариковским огнем. Элина, конечно, разделяла общее настроение, но, чем ближе они подходили к горам, тем больше к щекочущей радости предвкушения примешивалось ощущение дискомфорта – сперва подспудное, потом все более и более заметное. Наконец она поняла, что заклятие и Печать – не миф. Несмотря на свое дилетантство в магии, она чувствовала тот невидимый купол, который некогда блокировал доступ в Зурбестан надежнее любых каменных громад – и даже ныне, хотя и сильно ослабел, но не исчез окончательно.

Элина поделилась своим ощущением с остальными. Артен, не обучавшийся магии, естественно, ничего не чувствовал и поинтересовался скептическим тоном, уверена ли она, что это не результат самовнушения. Эйрих, похоже, был с ним согласен.

– Нет, принц, – возразил вдруг Рандавани, – я тоже ощущаю, что защита до сих пор существует. Но вас не должно это волновать, вы легко ее преодолеете.

Артен посмотрел на него с удивлением, потом вспомнил: – Ну да, вы говорили мне, что на Востоке вся знать до сих пор обучается магии.

– Да, – кивнул тургунаец, – разумеется, я не исключение. В большинстве случаев эта древняя традиция – не более чем формальность, довольно, кстати, обременительная... но иногда, как видите, есть и практическая польза.

– В том, что вы не сможете самостоятельно преодолеть защиту? – усмехнулся принц.

– В том, что я смогу провести сквозь нее вас, – возразил Рандавани. – Строго говоря, из существования Печати еще не следует, что ритуал действительно необходим для ее снятия... но согласитесь, что это весьма вероятно.

У самого барьера – каменного и магического – ущелье расширилось. Река, разбиваясь на несколько потоков, огибала гигантские валуны и, клокоча, перекатывалась через камни поменьше. В насыщенном водяной пылью воздухе светилась радуга. Ледяные брызги долетали до стен ущелья, но путешественники

уже не обращали внимания на эти мелкие неудобства. Перебираясь вместе с мулами через бесформенные обломки пробитой рекой преграды, они, наконец, вступили внутрь горы. Каменные своды смыкались в сотне футов над головами; шум реки, многократно отражавшийся эхом, казался оглушающим. Углубляясь в туннель, уходивший под небольшим углом вверх, путники все больше погружались во тьму; хотя далеко впереди светилось неправильное пятно входного отверстия, этого света было явно недостаточно, чтобы пробираться по неровным скользким камням, и пришлось зажечь факелы.

На середине туннеля они остановились. Оба выхода казались слишком далекими, и близкий грохот воды в полумраке звучал особенно жутко. Но не это было причиной тяжелого, давящего страха, овладевшего Элиной. «Барьер, – поняла она. – Мы подошли вплотную». Сам по себе этот страх был, конечно, преодолим, однако он, видимо, был не единственным препятствием. Рандавани, сделавший знак остальным стоять на месте, обратился к принцу на том языке, на котором они всегда общались. Артен сделал несколько шагов, выходя вперед, и тоже остановился. Тургунаец встал за его спиной, простер вперед руки и произнес длинную тираду – должно быть, заклинание, из которого Элина не поняла ни слова, да и мало что расслышала за шумом воды. Артен обернулся, словно спрашивая «ну все, с тарабарщиной покончено, можно заняться делом?» и, получив утвердительный кивок Рандавани, шагнул вперед. Когда он делал третий или четвертый шаг, неестественный страх графини вдруг исчез – мгновенно и бесследно. Она вздохнула с облегчением. Напряженное лицо Рандавани тоже расслабилось. Артен, ничего не заметивший, продолжал шагать с камня на камень дальше, как ни в чем не бывало. Тургунаец радостно окликнул его и двинулся следом.

– Больше, надеюсь, никаких барьеров? – спросил принц, кажется, до сих пор не до конца поверивший, что барьер реально существовал.

– Не должно быть, – ответил Рандавани.

– Надо восстановить этот, на случай нежеланных гостей, – напомнила Элина.

– Верно, – кивнул тургунаец. Он обернулся лицом в ту сторону, откуда они пришли, снова простер руки и что-то произнес. На сей раз, однако, Элина не ощутила никаких изменений. «Может, это потому, что мы уже внутри?» – подумала она. Однако Рандавани неодобрительно покачал головой.

– То ли ритуал не работает в обратную сторону, то ли у меня недостает магических навыков... защита больше не ставится. Что ж, это значит, что нам нужно спешить, пока мы тут еще единственные гости.

Минут через двадцать они, наконец, выбрались из туннеля и остановились, осматриваясь.

Река уходила влево; в нескольких милях отсюда она брала начало из горного ледника, сбегая затем по внутренним склонам, более пологим, чем внешние. Под ногами у путников лежала растрескавшаяся сухая грязь – бывший донный ил: до того, как река проточила себе путь на свободу, здесь было довольно обширное озеро. Впереди местность повышалась, но и там, где корка засохшей грязи заканчивалась, обозначая бывшую береговую линию, пейзаж не становился более живописным. В резком полуденном свете повсюду лежал лишь желто-серый песок, да голые камни отбрасывали короткие черные тени. Даже поднявшись на берег бывшего озера, путешественники увидели все ту же безрадостную картину. Пустыня, совершенно мертвая плоская пустыня уходила вдаль, к замыкавшим долину горам, чьи очертания зыбко подрагивали в волнах поднимавшегося от песка раскаленного воздуха. В отдалении виднелись нечеткие силуэты каких-то руин. Ни травинки, ни звука, ни ветерка.

– Господа! – воскликнул Артен, нарушая тягостное молчание. – Вы понимаете, что мы – первые за несколько тысяч лет, кто ступил на землю Зурбестана?

– Да, и нас следует с этим поздравить, – ответила Элина, – но, сказать по правде, я преодолел все эти тысячи миль не потому, что мне не терпелось посмотреть на пустыню. Даже на пустыню, по которой протекает река.

– Высота Зурбестана над уровнем моря – немногим больше полумили, – в очередной раз проявил эрудицию Эйрих, – это не настолько много, чтобы здесь не росло ни кустика.

– Дело не в высоте, – пояснил Рандавани, когда Артен перевел ему слова остальных. – Дело в проклятье, убившем эти земли. Смерть, посланная магами, проникала далеко вглубь, уничтожая зурбестанцев не только на поверхности, но и в их подземных убежищах. Пройдет еще немало лет, прежде чем здесь вновь образуется хоть сколько-нибудь плодородная почва.

– Эти пески ядовиты? – забеспокоился Эйрих.

– Нет. И вода тоже. Мы ведь уже два дня пьем из реки. А до этого, разумеется, воду исследовали те, кто нашел этот проход. Зурбестан мертв, но не смертоносен. А нам не стоит унывать раньше времени. Мы ведь сюда не биологию изучать прибыли.

– Надеюсь, что прочее здесь сохранилось лучше, – пробормотал принц, всматриваясь в неясные очертания далеких развалин.

– Я тоже на это надеюсь, – согласился Рандавани. – Если поторопимся, через два часа мы доберемся до Нан-Цора – главного города Зурбестана.

– Ну так не будем терять времени, – резюмировал Эйрих.

В этот момент Элина вдруг почувствовала головокружение. Перед глазами потемнело; впрочем, она по-прежнему различала предметы, но как-то странно,

словно бы не наяву. Тело как будто сделалось деревянным. Не вполне сознавая, кто она и что делает, графиня сделала шаг... другой...

– Что с вами?

Элина вздрогнула и мотнула головой, отгоняя наваждение. Артен держал ее за руку и заглядывал в лицо.

– У вас был такой странный взгляд... – добавил он, словно оправдываясь.

– Все в порядке, – Элина виновато улыбнулась. – Голова немного закружилась. Наверное, я малость перегрелся на солнце.

– Да? Вот странно, за секунду до этого я тоже что-то такое почувствовал, правда, слегка и лишь на мгновение, так что и сам не был уверен... Но мне это не нравится.

Он обратился с вопросами к Эйриху и Рандавани; те, как выяснилось, ничего подобного не ощутили. Да и животные вели себя совершенно спокойно.

– Должно быть, это и впрямь связано с солнцем и слишком сухим воздухом, – сказал Рандавани. – Конечно, с уверенностью утверждать нельзя... но, в конце концов, первопроходцы не могут совершенно исключить риск.

Путь через пустыню не представлял трудностей для мулов, и дальше поехали верхом. Первая находка предстала перед ними уже буквально минут через десять. То, что издали казалось большим камнем, оказалось странной машиной, похожей на гигантского жука. Шесть суставчатых конечностей уходили в песок; две передние пары бессильно разъехались в стороны, а задние ноги, удерживаемые в полувыпрямленном состоянии заклинившими штангами, упирались в землю и задирали вверх корму горбатого корпуса, склепанного из тронутых коррозией металлических листов. Из вершины горба торчала покосившаяся труба. Носом, соответственно, «жук» упирался в песок; окна кабины были выбиты и напоминали открытый рот, черпающий пыль. В кабине, вцепившись костяными пальцами в рычаги, сидели две ссохшиеся мумии водителей; как видно, машина была слишком сложна, чтобы управлять ею в одиночку. Голова одного из зурбестанцев оторвалась и лежала теперь на песке, выкатившись через переднее окно машины. Песок заполнял мертвый рот и глазницы.

Эта мрачная картина, разумеется, ничуть не уменьшила энтузиазма Артена (не раз присутствовавшего при исследованиях анатомов Тирлондского университета), и он тут же соскочил с мула и устремился к машине.

– Принц! – окликнул его Рандавани. – Принц Артен!

Молодой человек, уже стоявший на коленях возле кабины и заглядывавший внутрь, нехотя обернулся.

– Принц, не уподобляйтесь тому голодному, который пришел на пир и бросился к ведру с объедками. Нас ждет целый город, полный таких чудес.

Артен посмотрел на своих спутников, потрогал шершавый от ржавчины корпус машины и без особого желания поднялся.

– Неужели вам самому не интересно осмотреть эту штуку? – почти жалобно спросил он.

– Терпение – добродетель мудрых, – чуть заметно улыбнулся тургунаец.

Принц не стал больше спорить. Конечно, если бы машину удалось привести в движение, это наверняка облегчило бы их путешествие... но Артен понимал, что на такое вряд ли можно надеяться без серьезного ремонта. Что ж, пока сгодятся и мулы.

Следующая находка оказалась менее впечатляющей – всего лишь скелет дракона, к тому же в плохом состоянии – существо, очевидно, рухнуло с изрядной высоты и переломало кости. Артену уже приходилось изучать экземпляр, сохранившийся намного лучше – в тирлондском королевском замке специальный павильон был отведен скелету дракона, убитого, по преданию, одним из первых тирлондских королей. Правда, зурбестанская особь была заметно крупнее; с таким уж точно ни один рыцарь не справился бы в одиночку – хотя не факт, что и древний тирлондский король не приписал единолично себе победу целого батальона. Артена, однако, заинтересовали не размеры создания (язык не поворачивался назвать это, бывшее в эпоху магов практически разумным, существо – животным), а хорошо сохранившаяся упряжь, тянувшаяся к обломкам некоего деревянного сооружения, торчавшим из песка недалеко от драконьего хвоста. Эти обломки находились в еще худшем состоянии, чем скелет, и можно было лишь догадываться, что некогда они составляли нечто, формой и размерами напоминавшее корабль. Предположение, что дракон буксировал эту конструкцию по небу, казалось одновременно очевидным и нелепым. Что могло удерживать ее в воздухе? Она не могла просто висеть под брюхом дракона – тот раздавил бы воздушное судно при посадке. Может, посадка всегда осуществлялась на воду – упряжь отцеплялась на высоте не больше чем в десяток футов, судно падало и приводнялось, а дракон летел дальше? Да и выдержал бы он, несмотря на все свои размеры, такой тяжелый груз? Может, дракон просто тянул за собой плывущий по воде корабль? Но вокруг не видно никаких признаков, что здесь когда-то был водоем, да и характер повреждений указывал на падение с высоты...

Артен поделился своими сомнениями с Рандавани и услышал в ответ: «Наверное, корабль удерживался в воздухе силой магии». Действительно, такой ответ был самым очевидным. Ведь зурбестанские ученые жили в магическом мире. Артену, однако, такой ответ не понравился – выходило, что в нынешнем мире с мечтой о воздушных судах приходилось проститься. Во всяком случае, пока.

Они ехали дальше, не сворачивая, даже когда в стороне от их пути показывались обломки какой-нибудь конструкции или домики небольшого селения – эти последние выглядели совершенно не экзотично, обычные каменные или глинобитные хижины. Затем терпение Артена (да и остальных, что скрывать, тоже) было подвергнуто более серьезному испытанию, когда они миновали, не останавливаясь, целый город, оставшийся справа от их маршрута. Это был небольшой городок, не обнесенный стеной, как и все поселения эпохи магов; видно было, что дома неплохо сохранились, и там наверняка можно было найти немало интересного. Однако их ждал Нан-Цор.

И вот, наконец, путешественники достигли зурбестанской столицы. Здесь тоже не было крепостной стены, однако были ворота – громадная, футов сто в высоту, прямоугольная арка, вся украшенная скульптурными фигурами – причем размер их был тем больше, чем выше они располагались, так что человеку, стоявшему внизу, благодаря законам перспективы все фигуры казались одной величины, что создавало странное ощущение. Фигуры изображали людей, животных и иных существ – возможно, реально существовавших в эпоху магов, а возможно, и мифических. Большинство фигур образовывали жанровые группы, иногда разыгрывавшие простые и понятные бытовые сценки, а иногда, по всей видимости, аллегорические композиции, с точки зрения непосвященного нелепые или отталкивающие. Путники, задирая головы, проехали под сводом арки и оказались на необычно широкой, даже по тургунайским меркам, улице мертвого города.

Копыта мулов негромко постукивали по идеально гладким каменным плитам, здесь, внутри города, практически не заметенным песком. По сторонам улицы высились массивные здания; их этажи поднимались вверх ступенчатыми ярусами. Иногда внешний край нижнего яруса, выдававшийся за пределы верхнего, окаймлялся выгнутыми скатами, как в цаньском городе из миража, иногда обносился балюстрадой, превращаясь в опоясывающую этаж галерею. Куполов здесь не было вовсе, зато часто встречались мощные башни, круглые или многогранные – как отдельные сооружения или как части зданий, прораставшие из угловых крыльев или даже сквозь уступы боковых граней; в последнем случае они поднимались существенно выше верхнего пирамидального яруса, достигая нередко более чем двухсотфутовой высоты. Они совсем не походили на тонкие белые свечи башен Среднего Востока. Все в Нан-Цоре было массивным, высоким и основательным, словно сами горы, окружающие Зурбестан; легче было поверить, что эти здания целиком вырублены из огромных скал, чем в то, что они сложены из камня и кирпича.

– Как много высоких домов, – заметил Артен. – Наверняка там внутри есть подъемные машины.

– Возможно, – согласился Рандавани. – Насколько я знаю, среди зурбестанцев была весьма популярна астрономия, и по ночам с верхних площадок едва ли на каждой из этих башен велись наблюдения за звездами и луной. Горы – хорошее место для таких наблюдений, – добавил он одобрительно.

– Надо бы обследовать какую-нибудь башню изнутри, – уточнил свою мысль принц. – Оттуда, должно быть, хорошо видно город.

– Принц, дворец в центре Нан-Цора – самое высокое здание в стране, – улыбнулся Рандавани. – Если, конечно, дошедшие до нас сведения верны. Но, по-моему, его вершину мы видим и отсюда.

– Да, верно, – согласился Артен, присмотревшись к тому, что прежде не бросилось ему в глаза на фоне гор.

Если окраинные улицы были пустынны, то ближе к центру им все чаще стали попадаться ржавеющие самоходные машины (в городе они были почти исключительно колесными, а не шагающими) и останки жителей. От тел остались лишь обтянутые бурой высохшей кожей скелеты, но одежда, как правило, хорошо сохранилась. Видно было, что погибшие принадлежали к разным классам. Можно было предположить, что просторные тогоподобные одеяния желтого, алого и шафранового цветов, крепившиеся застежкой на плече, были облачением аристократии (возможно, тех самых ученых), серые комбинезоны из грубой материи со шнуровкой на груди принадлежали ремесленникам, а скрепленные ремнями металлические панцири и круглые глухие шлемы, конечно же, служили стражникам или воинам. «Выходит, солдаты были и в эпоху магии, – подумала Элина. – Или это только в Зурбестане? Да, видимо так.»

Принц, спешившись, склонился над одним из трупов и потянул за край тоги. Прочная ткань натянулась, обрисовывая скрытые под ней кости, но не поддалась.

– Удивительно, – сказал Артен на древнем языке, обращаясь к Рандавани. – По виду – самая обычная материя, но за тысячелетия она не только не рассыпалась в прах, но, кажется, вовсе не утратила первоначальных свойств.

– Ничего удивительного, – возразил тургунаец. – Проклятие запечатало Зурбестан настолько глухо, что здесь прекратились практически все процессы. Бóльшую часть всего этого времени все, что мы видим вокруг, было как бы законсервировано. Лишь в последнее время, когда магия слишком уж ослабла, природа начала брать свое. Хотя, конечно, началось это все же не вчера, так что свойства этой ткани все равно замечательны.

Тем временем Элина заинтересовалась более практическим, с ее точки зрения, вопросом, а именно оружием зурбестанских солдат. Каждый из них был вооружен

Крупные планы см. здесь

прямым мечом, который оканчивался загнутым на одну сторону крюком. Меч имел заточку лишь по одной стороне, противоположной направлению изгиба крюка. Элина повертела эту экзотику в руках, сделала несколько пробных выпадов и вернула меч его мертвому владельцу. Длинные гибкие палки с рукоятью, предназначенные, очевидно, для разгона толпы без пролития крови, графиню тоже не особо заинтересовали. Но у некоторых бойцов имелась и еще одна разновидность оружия. Оно имело ложе и спусковую скобу, как у арбалета, и загнутую вниз рукоятку вместо приклада, лука же не было вовсе – на ложе укреплена была широкая металлическая трубка длиной около восьми дюймов. Элина вспомнила одну из бесед с Эйрихом, где тот рассказывал о дикарях с Южного континента, которые используют трубки для метания отравленных стрел; но для этого они дуют в другой конец трубки ртом, а здесь трубка была открыта лишь с одной стороны. Не мучаясь долгими сомнениями, Элина направила странное оружие в сторону уцелевшего стекла в окне ближайшего дома и нажала на спуск.

Раздался хлопок, и в воздухе расплылось белесое облачко. Со стеклом ровным счетом ничего не произошло, зато Элина спустя мгновение почувствовала острую резь в глазах. Что-то колючее заполнило ей нос, боль обожгла горло, и графиня согнулась в приступе мучительного кашля. Она не смогла устоять на ногах и повалилась на колени, выронив проклятое оружие и растирая кулаками крепко зажмуренные слезящиеся глаза. Рядом с ней уже чихали и кашляли другие. Возмущенно ревели мулы, разбегаясь в разные стороны и сбрасывая поклажу...

Наконец кошмар пошел на убыль. Элина смогла отнять руки от залитого слезами лица и подняться. Само собой, взгляды, с которыми она встретилась, были не слишком дружелюбными.

– От привычки тащить в рот все, что валяется на дороге, вам следовало избавиться еще в детстве, – жестко произнес Эйрих.

– Но я же не в рот... – оправдывалась графиня. – Я целился в окно...

– Вам следовало бы помнить, что маги уничтожили Зурбестан не просто так, – наставительно изрек Рандавани. – А потому, что находили его опасным. Очень опасным. Поэтому здесь необходима крайняя осторожность.

Артен перевел его слова и добавил от себя: – Вы нормально себя чувствуете?

– Теперь, кажется, да.

– У вас кровь носом идет.

Элина провела пальцем над верхней губой.

– Действительно. Ладно, сейчас пройдет. Но сами посудите, как тут можно было догадаться? Ведь сами-то стражники применяли как-то свое оружие!

– Думаю, у них под шлемами специальные маски. Сейчас разберемся. Но сначала поймаем мулов.

К счастью, мулы не разбежались далеко. Когда, наконец, порядок был восстановлен, принц, окруженный любопытными товарищами, присел на корточки и снял с мертвеца в латах его полностью закрывавший голову шлем.

Маски под шлемом не было. Человеческого лица – пусть даже лица мумии – тоже.

Был покрытый наростами грибообразный череп с тремя глазницами в линию (Элина только сейчас обратила внимание, что прорезь забрала шлема шире, чем бывает обычно.) Под глазницами вместо носа располагалась горизонтальная щель; высохшая кожа вокруг нее была покрыта многочисленными мелкими волосками. Ниже череп резко сужался, так что челюсти, хотя и имели зубы, больше походили на вдавленный клюв. Можно было лишь догадываться, как зурбестанские стражи выглядели при жизни, но вряд ли намного более привлекательно.

– Если это человек, то я король Тарвилонский, – пробормотал Эйрих.

– Шиис-Салемах, вы что-нибудь знаете о таких существах? – спросил Артен. – Может быть, они раньше жили на Востоке, как у нас – эльфы и гномы?

– Мне никогда не доводилось слышать о трехглазой человекообразной расе, – медленно покачал головой Рандавани. – Это какой-то монстр, выведенный зурбестанцами. Очевидно, едкий газ на него не действовал... как, наверное, и многое другое. И именно этим созданиям они доверили оружие и власть над согражданами... я, кажется, начинаю все больше понимать магов древности.

– Как вы можете так говорить, вы же ученый! – возмутился Артен.

– Ученый тоже должен отвечать за свои действия. И потом, я сказал «понимать», а не «оправдывать».

Экспедиция продолжала двигаться к центру города. Мертвецов становилось все больше, и машин тоже. Начали попадаться группы машин, столкнувшихся и покорежившихся друг друга, а также тела, раздробленные тяжелыми колесами. Но, судя по положению остальных тел, вряд ли это было результатом паники – эти люди скорее шли к центру города, чтобы отметить какое-то событие, нежели спасались бегством. По всей видимости, просто механические экипажи оказались устойчивей к проклятью и после гибели своих хозяев еще какое-то время продолжали движение.

Возле самого центра останки устилали мостовую практически сплошным слоем. Мулам пришлось шагать прямо по мертвецам. Но, кажется, одна лишь Элина неприязненно морщилась, слыша, как с хрустом ломаются под копытами сухие кости; остальные трое не обращали на это внимания – их взгляды были сосредоточены на огромном центральном сооружении города, видневшемся в

просветах между домами и возвышавшемся над их крышами. Когда экспедиция наконец выехала на главную площадь, где лежало, наверное, полмиллиона мертвых горожан, дворец повелителей Зурбестана предстал перед пришельцами во всей красе.

Собственно, это трудно было назвать дворцом в западном или даже восточном понимании. Это была пирамида высотой в добрые полтысячи футов. В отличие от других зданий города, многие из которых тоже тяготели к пирамидальным формам, эта пирамида не была уступчатой; стены ее представляли собой четыре совершенно гладких равносторонних треугольника, сложенных из плотно пригнанных плит. Нижние ряды плит были совершенно глухими, однако, начиная с высоты где-то в 80 футов, по стенам шли высокие окна – такие же наклонные, как и сами стены, что, очевидно, обеспечивало лучшую освещенность помещений. Ряды окон доходили практически до самого верха; путешественники насчитали их двадцать, причем, если каждый такой ряд соответствовал этажу, то с увеличением номера этажа высота потолков постепенно понижалась. Хотя это не сразу бросалось в глаза, пирамида была усеченной – верхушкой ей служила площадка со стороной около шестидесяти футов. На половине высоты дворца еще четыре горизонтальных прямоугольных площадки длиной в полторы сотни футов углублялись в тело пирамиды где-то на половину своей длины (путешественники видели лишь одну грань величественного сооружения и, соответственно, лишь одну боковую площадку). Возможно, они использовались для посадки драконов, хотя сами драконы вряд ли содержались во внутренних помещениях на такой высоте – скорее они лишь высаживали или принимали здесь пассажиров и летели дальше. Никакие иные детали не нарушали аскетической простоты громадного здания, за исключением некоего подобия полукруглого портала, располагавшегося, однако, не на уровне земли, а в середине нижнего яруса окон как раз на той грани, что выходила на площадь. Над массивными распахнутыми дверями был изображен зурбестанский герб – золотой солнечный диск, касающийся вершины стилизованной горы. Или... может, то была не гора, а пирамида? Портал выводил на балкон, огражденный не балюстрадой, а сплошной стеной; за ней невозможно было разглядеть, что находится на балконе, однако напрашивалась мысль, что ныне, как и долгие тысячелетия до этого, там лежат мертвые тела последних зурбестанских правителей – чародеев и ученых, в последний день призвавших свой народ к подножью дворца, чтобы... объявить о новом великом открытии? предупредить об опасности со стороны магов остального мира? попросту отметить очередной ежегодный праздник? Так или иначе, кара настигла их в тот самый момент, когда они обращались к восторженной толпе внизу – да, скорее всего восторженной; жутковатых

зурбестанских стражей и на улицах, и на площади было не так уж много – явно меньше, чем понадобилось бы, если бы толпу сгоняли против воли или рассматривали как источник опасности.

– У них, должно быть, были луженые глотки, если их было слышно с такой высоты, – пробормотал Эйрих. – И на площади такого размера.

– Наверное, они использовали магию, – сказал Артен, невольно передразнивая интонацию Рандавани. – Или технику, – добавил он уже своим голосом.

– Однако ни магия, ни техника не помогут нам взлететь на балкон, – заметила Элина. – Надеюсь, есть и другие способы попасть в здание?

– Несомненно, – ответил Рандавани. – Такой большой дворец не мог быть населен одними магами.

Отряд наискосок пересек жуткую площадь и свернул за угол пирамиды. Здесь, наконец, они были избавлены от необходимости ехать по трупам. Впрочем, Элина отметила про себя, что путь через площадь не так уж ее и шокировал. Когда мертвецов настолько много, они просто не воспринимаются, как мертвецы, становясь лишь пестрым ковром одежд, усеянным сухими корягами конечностей и круглыми булыжниками черепов...

Пирамида выходила на площадь лишь одной гранью. Слева и справа располагались какие-то постройки, вообще говоря, немаленькие, но рядом с пирамидой казавшиеся просто хижинами. Впрочем, здания в центре, не считая, конечно, самой пирамиды, действительно в массе своей были ниже, чем на окраинах – там располагались многоквартирные дома, а здесь – особняки элиты. Справа от дворца мумий в проходах уже не было – как практически не было их, за исключением полудюжины стражников, и с третьей, обратной площади стороны пирамиды, где и располагались главный и два (ближе к углам) дополнительных входа в здание. Правый вход был, по всей видимости, не входом, а въездом – однако не все самоходные машины удостаивались чести въезжать внутрь пирамиды, и около трех десятков их стояло снаружи. Так или иначе, и эти, и левые ворота были заперты, а вот тяжелые, в два фута толщиной, двери центрального входа были раскрыты внутрь. За ними видны были три пролета широкой мраморной лестницы, уводившей вглубь и вверх.

Поискав, к чему бы привязать мулов, и не найдя ничего лучшего, чем трубы машин на стоянке (Артен находил такое использование самодвижущихся экипажей варварством, но что делать, если зурбестанский прогресс отменил коновязи, а колеса громоздких машин были надежно заблокированы тормозами), путешественники вступили во дворец.

Поднявшись по мраморным ступеням, они оказались в огромном холле; два ряда величественных колонн, поддерживавшие потолок, вознесенный на добрые

сорок футов, уходили вдаль, кажется, до самой центральной оси пирамиды. Несмотря на отсутствие окон, здесь было достаточно светло, и отнюдь не только благодаря открытым воротам внизу – свет исходил из расположенных через равные промежутки круглых отверстий в потолке. Принц предположил, что это, скорее всего, солнечный свет, передаваемый внутрь системой зеркал.

Путешественники неторопливо шли между могучих колонн, вертя головами в некоторой растерянности. Пока они двигались по горам к Зурбестану, потом по территории страны – к Нан-Цору, потому по улицам столицы – к ее центральному зданию, они четко представляли себе, куда и зачем направляются. Но вот, наконец, они находились внутри пирамиды, вмещавшей, возможно, величайшие тайны и сокровища мира – и не знали, куда пойти и что делать дальше. Дворец был слишком огромен, и откуда было незваным пришельцам знать, что и где здесь находится? Последовательное обследование всех помещений заняло бы, наверное, месяцы, если не годы.

– Полагаю, нам надо поискать путь наверх, – предложил Рандавани.

– В самом деле, уж здесь-то должны быть подъемные машины, – оживился Артен.

– Вряд ли они работают, – возразил Эйрих. – А если и работают, не уверен, что пользоваться ими безопасно.

– Посмотрим, – ответил тургунаец. – В конце концов, здесь наверняка есть и лестницы. Но интуиция мне подсказывает, что нижние ярусы предназначены для всяких служебных и официальных функций, а истинные сокровища науки находятся выше.

– Подъемная машина должна быть в конце холла, – уверенно заявил Артен. – Ведь только вдоль оси пирамиды можно подняться на самый верх.

Однако в конце холла оказался лишь полукруглый зал, из которого расходилось семь коридоров: три уводили к остальным трем стенам и еще четыре, диагональные – к ребрам пирамиды. Рандавани свернул в ближайший справа диагональный коридор, остальные, невольно доверившись его выбору, последовали за ним. Тургунаец шел вперед, игнорируя двери и ответвления по сторонам коридора. Один раз им на пути попалась мумия человека в белом халате. Вскоре после этого коридор завершился дверью с решетчатым окошком, за которым было темно. Перед дверью лежало двое стражников. На поясе у каждого из них слева размещался меч, а справа – оружие, похожее на то, что стреляло едким газом, но с более длинной и узкой трубкой. Элина, помня предыдущий опыт, не рискнула к нему притронуться.

Эйрих шагнул через трупы и потянул ручку двери на себя. Свет из коридора озарил совсем маленькую прямоугольную комнатку; вдоль ее более длинной,

противоположной двери стены стояли четыре кресла. На полу лежал еще один мертвец – на сей раз в долгополом синем камзоле с золочеными пуговицами, подпоясанном алым кушаком, и белых штанах.

– Похоже, важный сановник, – изрекла Элина, глядя, как сияют его пуговицы.

Рандавани издал сдержанный смешок.

– По-моему, это просто слуга, управлявший подъемной машиной, – сказал он, указывая на торчавший из торцовой стены рычаг. Рядом с рычагом в стене было прорезано окошечко, а в нем виднелась часть обода колеса с неким выгравированным символом.

– Цифра 3 на едином языке древности, – уверенно заявил Артен, приблизив лицо к окошечку.

– Верно, – кивнул тургунаец. – Очевидно, мы на третьем этаже; первый, должно быть, подземный. Взгляните, та же цифра и на внутренней стороне двери. Ну что, господа, вы едете?

– Эта штука не кажется мне надежной, – упорствовал Эйрих.

– Кабина рассчитана как раз на четверых, а со слугой и вовсе на пятерых, так что опасаться нечего, – решила Элина.

– А если что-нибудь сломается, и мы рухнем вниз?

– В конце концов, мы с вами подвергались и более серьезным опасностям, – пожала плечами графиня, которой не терпелось прокатиться на древней подъемной машине.

– Да, но тогда я доверялся собственным мускулам и умениям, а не каким-то ржавым железякам... – пробормотал Эйрих.

– Вы точь-в-точь как Артен, только он «какой-то железякой» именует меч, – уела его Элина. Эйрих, видя непреклонную решимость остальных, хмыкнул и вошел в кабину.

Мертвеца без особой почтительности вытолкали ногами в коридор. Поскольку круглый плафон в потолке оставался темным, пришлось зажечь факел, что, конечно, было не слишком удобным в маленьком помещении. Принц, страшно гордый собой, потянул рычаг вверх. Что-то щелкнуло, стукнуло, лязгнуло, загудело, и кабина, поскрипывая и слегка подергиваясь, медленно поползла ввысь. Элина издала восторженный вопль.

Собственной двери у кабины не было, и путешественники видели, как проплывают вниз закрытые двери этажей. Цифры на них по-прежнему соответствовали цифрам на неспешно поворачивавшемся колесе. Расстояния между дверями и впрямь постепенно уменьшались по мере подъема. На цифре «11» кабина остановилась, к вящей радости Эйриха.

– Похоже, приехали, – констатировал Артен. – Очевидно, шахта подъемника уперлась в стену. Мы как раз на середине высоты пирамиды.

Дверь на этаж открылась без труда, и они, миновав очередных мертвых стражников, вышли в коридор. Исключая менее высокий потолок, он ничем не отличался от коридора третьего этажа.

На сей раз инициативу захватила Элина. Радостное возбуждение, охватившее ее в лифте, не успокоилось, а, напротив, кажется, лишь разрасталось. Графиня уверенно и быстро шагала по коридору, словно точно знала, куда надо идти.

Коридор в конце концов влился в другой коридор, охватывавший кольцом круглый центральный зал; Элина двинулась по кольцу вправо и свернула в третий по счету радиальный проход.

– Эрвард, куда вы так торопитесь? – насмешливо спросил ее Эйрих. Графиня и сама не могла толком ответить на этот вопрос и лишь промычала что-то вроде «увидите». Наконец она оказалась перед дверями, где тоже лежал мертвый охранник, и потянула сразу обе бронзовые ручки на себя. Двери тяжело, но беззвучно отворились.

– Однако, – пробормотал Эйрих.

– Ничего другого я от вас и не ожидал, – хмыкнул Артен.

Элина ничего не сказала – она просто стояла, замерев в восхищении. Затем устремилась внутрь.

За дверями находился музей оружия. На стенах висели всевозможные мечи, сабли, кинжалы, алебарды, секиры, боевые серпы, копья, пики, дротики – словом, все, что прихотливый человеческий ум изобрел для того, чтобы рубить, резать и колоть себе подобных. В стеклянных параллелепипедах посреди зала застыли манекены в доспехах разных народов и времен. Отдельная часть экспозиции была посвящена палицам, кистеням и прочим дробительным приспособлениям; другой раздел сплошь занимали луки и арбалеты...

«Откуда все это взялось в эпоху магов?» – удивлялась графиня, переходя от стенда к стенду. «Конечно, даже и тогда люди продолжали охотиться... но для охотничьего это оружие слишком уж разнообразно. Неужели людям уже тогда удавалось обманывать чародеев и тайно изготовлять оружие, готовясь к будущим битвам? Или это все – реликты еще более древнего прошлого, домагической эпохи?»

У всех экспонатов имелись таблички с надписями – разумеется, на древнем едином языке – и Артен был незамедлительно привлечен в качестве переводчика, в помощь Эйриху. Однако это помогло мало: прочитанные ими названия стран и народов ничего не говорили ни им, ни тем паче Элине.

– Вероятно, это действительно оружие домагического периода, – согласился Эйрих. – И, кстати, я сомневаюсь, что оно подлинное. Клинок – еще куда ни шло, но деревянный лук вряд ли протянет десять тысяч лет... скорее всего, это реконструкции. М-да, приходится признать, что мы недалеко ушли от наших далеких предков. Вот, взгляните. «Меч цуфигов времен династии Бха». Не знаю, кто такие цуфи́ги – или цу́фиги? – но это классический западный двуручник, разве что гарда попроще... И арбалеты – оказывается, некие варфиты изобрели их еще тогда... а мы-то считали это сравнительно недавним нашим достижением...

– Взгляните, здесь не только человеческое оружие! – воскликнул невольно увлекшийся Артен. – «Лук вальнэрских эльфов», «лук лориданских эльфов времен интарийских войн»... Смотрите-ка, а эльфы, оказывается, тоже когда-то воевали! И зурбестанцы знали эту расу, да еще с такими подробностями...

– Не забывайте, что в магическую эпоху народы были гораздо менее разобщены, чем теперь, – напомнила Элина.

– «Ритуальный двузубец кфанских фартанов»... Интересно, фартаны – это народ, или тоже целая исчезнувшая раса?

– Может быть, Рандавани что-нибудь знает обо всех этих названиях? – предположил Эйрих.

– Да, странно, что я сразу его не спросил, – удивился принц, оборачиваясь. – Шиис-Салемах, где вы?

– А действительно, где Рандавани? – Элина непонимающе оглядывалась по сторонам.

Лицо Эйриха, только что предававшегося элегическим рассуждениям, нехорошо напряглось, словно он увидел врага.

– Кстати, кузина, – Артен и сам не заметил, как отбросил уже привычного «Эрварда», – как вы нашли это место? Вы ведь шли сюда, как будто точно знали, что здесь находится!

– Я... не знаю, – растерялась графиня. – Просто... интуиция, наверное...

Эйрих выдернул клинок из ножен.

– Мы должны его найти, и чем быстрее, тем лучше, – негромко сказал он. – Артен, не стойте с голыми руками, возьмите себе хоть кинжал!

Трое выскочили в коридор – первым Эйрих, за ним сразу же Элина и последним, с некоторым отставанием, принц, сжимавший в руке здоровенный тесак. В коридоре Эйрих на мгновение остановился, кинув быстрый взгляд в одну и в другую сторону.

– Кажется, его не было с нами уже на подходе... Направо! – решил он и побежал в сторону центрального кольца. От кольца расходилось еще семь радиальных коридоров – в котором? Но тут же Эйрих понял, что коридоры ни при

чем. Круглое центральное помещение, у дверей которого, конечно же, тоже валялись мертвые охранники. Наметанный глаз Эйриха тут же увидел, что на дверной ручке нет пыли. Он припал ухом к двери и услышал изнутри глухое бормотание. Впрочем, если б он этого и не слышал, Элина, подбегая к дверям, уже ясно чувствовала, что внутри происходит *нечто*. Все-таки она имела кой-какое магическое образование.

Эйрих рванул дверь. Она была заперта. Нога Эйриха взметнулась в воздух. Дверь хрястнула под могучим ударом, но выдержала. Эйрих не пробовал помочь себе мечом, понимая, что гибкий цаньский клинок не для такой грубой работы, и ругая себя за то, что не прихватил в музее палицу потяжелее.

– Артен, помогите. Ломаем с разбега. Иииии-эх!

На сей раз тяжелые створки распахнулись, и двое мужчин ввалились внутрь, с трудом сохранив равновесие. Между ними тут же стала протискиваться Элина. Всем троим предстало необычное зрелище.

Внутри помещение было не так уж и велико – скорее даже комната, чем зал. Вдоль вогнутых стен по полу было выложено темно-синей плиткой кольцо шириною примерно в фут, покрытое какими-то символами, нанесенными светящейся краской. Через равные промежутки на этом кольце располагалось тринадцать кругов диаметром чуть больше, чем ширина кольца, каждый – своего цвета, по порядку спектра от темно-красного до густо-фиолетового. В каждом круге стоял золотой треножник высотой почти в человеческий рост, сжимавший в металлических когтях большой, не менее трех дюймов в диаметре, тщательно ограненный прозрачный кристалл того же цвета, что и круг под треножником. Большой круг – внутренность кольца – был выложен тринадцатью плитами, каждая из которых представляла собой сектор, включавший в себя один из треножников. В центре помещения – а стало быть, и в центре всей пирамиды – находился еще один малый круг, и в этом круге сейчас стоял спиной к дверям Рандавани, быстро проговаривая слова древнего языка и держа двумя руками над головой прозрачный бесцветный кристалл вдвое больше тех, что лежали на треножниках. Из отверстия в потолке на тургунайца и на кристалл падал вертикальный солнечный луч.

Эйрих, оскаленный, как хищник перед броском, собирался в три прыжка преодолеть расстояние, отделявшее его от Рандавани, и рубануть мечом – для начала по кристаллу – однако как раз в этот момент тургунаец произнес последнее слово. В тот же миг луч солнца преломился в гранях большого кристалла, и тринадцать лучей (каждый – своего цвета) ударили в кристаллы на треножниках. Те ярко вспыхнули и перенаправили лучи вниз, к основаниям треножников. И тут

же там, куда падали разноцветные «зайчики», стали возникать человеческие фигуры, облаченные в белые мантии с глухими капюшонами.

Эйрих успел сделать два прыжка, прежде чем невидимая, но непреодолимая сила схватила его. Этот могучий, не привыкший сдаваться человек яростно напрягал мускулы и применял все известные ему приемы, пытаясь вырваться, но с тем же успехом он мог бы пытаться сдвинуть с места пирамиду. Ему не причиняли боли; его просто держали, и чувствовалось, что от державших это не требовало серьезных усилий. Та же участь постигла и принца с Элиной, все еще остававшихся в дверях. Они могли дышать, разговаривать, даже поворачивать голову, но не могли сдвинуться с места.

– Рандавани, что это значит?! – вскричал взбешенный Артен. – Я требую ответа как представитель тирлондской короны!

– Извините, Артен, но тирлондская корона больше не имеет никакого значения, – ответил тот, оборачиваясь и опуская кристалл. – Как, впрочем, и тургунайская, если вас это утешит.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?! – воскликнула Элина, не понимавшая их древнего языка.

– Да, Элина, – услышала она знакомый голос. Один из прибывших откинул капюшон, демонстрируя худое старческое лицо с густой шапкой волос, кустистыми седыми бровями, обвислыми усами под крючковатым носом и редкой бородкой. Но ныне эти черты, не раз служившие мишенью для дворцовых острословов, отнюдь не выглядели карикатурно – о нет, теперь они были исполнены величавого достоинства. – Мы намерены исправить ошибку наших предшественников, позволивших власти выпасть из рук мудрейших и достаться варварам.

– Но это же невозможно! – Элине казалось, что сейчас она должна проснуться. – Сила магии ушла из мира, ушла навсегда!

– Как видите, это не совсем так, – улыбнулся Зендергаст. – Заклятие так хорошо запечатало Зурбестан, что магическая энергия оказалась законсервированной здесь вместе со всем остальным. Конечно, совсем без потерь не обошлось, но ее уровень все еще вполне достаточен. Мы не были уверены, что дела обстоят именно так; сказать по правде, когда я впервые высказал эту гипотезу, остальные братья сочли ее безумной, – он обвел коллег лукавым торжествующим взглядом. – Однако мои – наши – надежды оправдались.

– Ненадолго, – фыркнул Артен, – скоро магия иссякнет и здесь, и тогда вам останется уповать лишь на королевское милосердие. Впрочем, если вы откажетесь от вашего идио... неуместного заговора прямо сейчас, то я готов ходатайствовать...

– Мы знаем, что не можем повернуть историю вспять и навеки вернуть магию в мир, – печально произнес Зендергаст. – Но я ведь уже сказал, что мы не намерены повторять ошибки предшественников. Тех погубил консерватизм. Они всегда полагались исключительно на магию, как и их учителя, и учителя их учителей, и когда та стала терять силу, смирились с неизбежным, вместо того, чтобы искать альтернативный выход. Но у нас есть опыт, которого не было у них. Той магии, что еще сохраняется здесь, нам хватит, чтобы вернуть себе власть и создать мощное всемирное государство. Однако удерживать эту власть в дальнейшем мы будем светскими средствами. Опираясь на армию, тайную стражу и все то, чему мы научились у времени меча.

– Значит, мой отец и в этом был прав! – потрясенно произнесла Элина. – Все, о чем вы мечтали – это снова захватить власть над миром. А я-то за вас заступалась... (она уже не пыталась изображать из себя Эрварда).

– Элина, неужели ты думаешь, что нам нужна власть ради власти, как всем этим вашим правителям, вечно грызущимся друг с другом? – маг сокрушенно покачал головой. Он, кажется, и сам не заметил, как перешел на «ты» – перед ним ведь была уже не высокородная аристократка, дочь приближенного короля и любимица королевской семьи, а всего лишь одна из миллионов подданных его будущей империи – впрочем, подданная, к которой он испытывал отеческую симпатию. – Поверь, мне было бы легче дожить свой век старым чучелом, над которым все смеются, чем принимать на себя ответственность за весь мир. Но мир погряз в дикости и нуждается в руководстве мудрых. Ты пересекла чуть ли не весь Великий континент, Элина. Видела леса и реки, моря и пустыни, степи и горы. И ты видела людей разных рас и народов. Ты видела, до чего они довели этот мир, получив право самим распоряжаться его судьбой. Междоусобные войны. Истребление целых рас. Заговоры и перевороты. Нищета и голод. Цветущие земли, превращенные в пустыню, болезни и стихийные бедствия. Упадок культуры, утрата связей между народами. Разбойничьи набеги, бандитизм на море и на суше. Рабовладение и работорговля...

– Мне казалось, кое-кто тут совсем не против рабовладения, – ядовито изрек Артен на древнем едином.

– Не в таких варварских формах! – возразил Рандавани. – Я считаю рабство эффективным, когда раб рождается рабом и знает, что всю жизнь будет рабом. Рабов надо выращивать и разводить, как мы делаем это, выводя нужные нам породы скота. Раб – не более чем самое смышленое домашнее животное, и при соответствующем воспитании – и обращении без ненужной жестокости – он будет считать такое состояние единственно нормальным и подходящим для себя. Но хватать свободных людей и превращать их в рабов – это совершенная дикость. Я

не раз пытался довести эту мысль до и прежнего, и нынешнего хана, но они, увы, не вняли. Впрочем, теперь это уже неважно...

– Я хочу подчеркнуть, что это – позиция Восточных братьев, – тут же вмешался Зендергаст также на едином языке. – Мы, Западные, ее не разделяем. Мы исходим из того, что всякий, рожденный человеком, имеет право на свободу... в определенных пределах, разумеется.

– Вы еще не построили ваше идеальное государство, а уже грызетесь, – язвительно констатировал принц.

– Вовсе нет! – не согласился Рандавани. – По главным вопросам мы всегда достигаем единства. А частности вроде этой остаются на усмотрение фракций. Каждая из них на своей территории может вводить свои правила, согласующиеся с генеральной линией, но учитывающие местную специфику.

– Я вообще не понимаю, Рандавани, как вас занесло в эту... в эту компанию, – произнес Артен. – Вы же ученый!

– Это вы, на Западе, противопоставляете науку и магию, – пожал плечами тургунаец. – А мы на Востоке стремимся к гармоничному единству.

– Скажите еще, что ваши непричастны к гибели Зурбестана, – усмехнулся принц.

– Нет, решение такого уровня могло быть только общим, – признал Рандавани. – Но зурбестанцы как раз нарушили гармонию. Опасно нарушили. А мы теперь, в конце концов, в любом случае не обойдемся без науки, поскольку магия со временем иссякнет, а чисто социальными методами можно решить не все проблемы. Мы лишь не допустим дикого развития науки, а поставим ее под необходимый централизованный контроль...

– Братья, – вмешался еще один маг, – вам не кажется, что у нас есть более важные и неотложные дела, чем оправдываться перед профанами?

– Несомненно, – согласился Зендергаст, – однако мы должны, по крайней мере, решить их судьбу. Я рад, что, несмотря на первоначальные разногласия, в итоге все согласились, что восстановление благого правления не может начинаться с убийства. Более того, я настаиваю на максимально гуманном обращении с людьми, оказавшими нам столь существенную помощь, хотя и не ведавшими при этом о наших целях. Мы вынуждены лишить их свободы до тех пор, пока не окрепнем достаточно, чтобы никто из профанов не мог нам помешать, но пусть их заточение будет максимально комфортным. В пирамиде им делать, конечно, нечего, но предлагаю предоставить в их распоряжение один из окрестных домов, разумеется, сперва произведя необходимые проверки и поставив блокировки.

– Я поддерживаю брата Ральтивана, – сказал Рандавани. – Мы обязаны этим людям успехом нашего дела, а лично я обязан им жизнью и свободой. Я знаю, что

эмоциям нет места при принятии важных решений, однако справедливое воздаяние – один из принципов благого правления.

Артена коробило, что их судьбу обсуждают в их присутствии так, словно они – бессловесные животные (впрочем, Элина не понимала ничего и Эйрих – почти ничего, но Артен-то понимал!), и он, несмотря на благожелательное высказывание Рандавани, ехидно осведомился, отчего тот ждал освобождения, а не подчинился требованиям хурданистанцев – ведь они тоже доставили бы его в Зурбестан.

– Мне нужно было попасть не просто в Зурбестан, а в пирамиду, притом свободным, – ответил тургунаец. – А хурданистанцы убили бы меня сразу после снятия барьера. Вас бы, впрочем, тоже, но меня первым. Они знали, что я – один из самых сильных магов на Востоке. Недаром двое их лучших магов блокировали меня круглые сутки. Но при этом им уже не хватало сил, чтобы эффективно заблокировать вас. Они не ожидали, что в наше время кто-то сможет установить магическую связь с полным профаном. Сказать по правде, мы тоже. Инициатива Элины спасла нас всех.

– Братья, – решительно перебил другой маг, – давайте все же перейдем от изъявлений благодарности к делу. И для начала заблокируем наших... эээ... гостей в какой-нибудь чистой комнате рядом, а потом уже решим, куда их поместить и... прочие наши вопросы.

– Верно, – кивнул Зендергаст и обратился к пленникам по-тарвилонски: – Сейчас вы получите свободу ровно настолько, чтобы положить оружие на пол. Пожалуйста, все оружие, включая ножи и те штучки, которыми нашпигована одежда Эйриха – ему, боюсь, вообще придется снять куртку и пояс. Пытаться что-либо скрыть от нас бесполезно, так что давайте не будем терять время и обострять наши временные разногласия.

Пленники, включая и Эйриха, вынуждены были повиноваться. Едва, исполнив требование, они снова выпрямились, как все сложенное на пол само собой заскользило прочь через комнату. Потом один из магов, незнакомый Элине и Артену, но знавший тарвилонский, вывел их из комнаты и повел по коридору, шагая при этом сзади. Пока конвоируемые шли туда, куда им велели, они не чувствовали ограничения свободы; но стоило им попытаться чуть отклониться в сторону или сменить темп, как воздух вокруг тут же обретал твердость камня. «Примерно то же ждет и человечество под властью магов, – подумал Артен и тут же уверенно добавил: – Ничего у них не выйдет!»

Их конвоир заглянул в несколько комнат, но, видимо, остался недоволен. Наконец он остановил свой выбор на небольшой комнатушке, где были свалены потертые ковры и старые стулья. Здесь их оставили одних.

– Интересное у них представление о чистых комнатах, – пробормотал Артен, оглядывая весь этот пыльный хлам.

– Они имели в виду – чистая от магии и каких-либо иных предметов, которыми мы могли бы воспользоваться, – пояснила Элина.

Эйрих без особой надежды потрогал дверь, на вид не особо прочную. Она даже не шелохнулась.

– Боюсь, Эйрих, что против магии все ваши умения бессильны, – вздохнула графиня.

– Если бы мы спохватились на полминуты раньше... – возразил Эйрих. – Мне оставался один мах меча... Интересно, если они такие крутые, зачем понадобилось заманивать нас в музей? Почему было не обездвижить сразу?

– Очевидно, это было не так-то просто – вытащить тринадцать человек со всех концов немагического мира. Рандавани потребовалась вся его сила, он не мог отвлекаться на что-то еще. И потом, он сам не был уверен, что все получится... Кстати, Артен, о чем вы говорили с ним и Зендергастом?

– А... – отмахнулся принц. – Рандавани делился планами по построению идеального рабства, а ваш старый друг хвастал своим гуманизмом, не позволившим убить нас сразу, как только мы стали не нужны. И оба благодарили вас за неоценимую помощь, оказанную их делу, – не удержался он.

– Принц, ну я же не виновата, – жалобно ответила Элина, даже не пытаясь язвить в ответ. – Кто же мог знать, что они используют меня, как своего агента... Когда Зендергаст попросил мои волосы, я думала, он думает лишь о моей безопасности... как перед тем я – о вашей... и, кстати, однажды они мне действительно помогли, вылечив... одну травму... – Элина вдруг вскинула на него глаза, возвращаясь к предыдущей мысли: – Принц! Вы говорите, что тоже почувствовали головокружение там, у входа в Зурбестан?

– Да, легкое. Но...

– Значит, у них и ваши волосы тоже, – убито констатировала Элина. – Очевидно, Зендергаст взял их, когда я давала ему медальон. Хотя теперь это уже не имеет значения – они в любой момент могут получить волосы любого из нас... И, едва мы вступили в Зурбестан, они испробовали, насколько могут управлять нами. Но над вами у них власти меньше, поскольку вы не учились магии.

– И надо мной тоже, даже если они захотят проделать этот фокус с волосами, – удовлетворенно констатировал Эйрих. – Хотя, приходится признать, в их арсенале есть и другие сильные средства. Но грубая сила, пусть даже не физическая – это все-таки лучше, чем возможность копаться напрямую в мозгах.

– Вы полагаете, у нас еще есть шанс? – с надеждой обернулась к нему Элина.

– Предложить программу спасения прямо сейчас я не могу, но... пока человек жив, шанс есть всегда.

– Но мне вы уже не можете доверять, – снова грустно опустила голову графиня.

– Мне бы очень не хотелось терять такого бойца, как вы, – ответил Эйрих. – Может быть, теперь, когда вы знаете, что они могут влезть вам в мозг, вы сможете этому противостоять?

– Вряд ли, – покачала головой Элина. – Во внешнем мире – да, но здесь они слишком сильны. Знаете что, Эйрих... и Артен... если выйдет так, что между вами и свободой... вашей и всего мира... буду стоять я, то обещайте, что не станете меня щадить.

– Погодите, кузина, вы что же, предлагаете нам вас убить?! – ошарашенно произнес принц.

– Если это будет необходимо, – твердо сказала графиня, отвернувшись и глядя в стену, чтобы они не видели, как предательски блестят ее глаза.

– Кузина, но это же бред! И вообще... я в жизни не убивал никого крупнее лабораторной лягушки...

– Обещаю, Элина, – серьезно сказал Эйрих. – Обещаю, что не буду вас щадить.

– Спасибо, Эйрих, – тихо ответила она.

– Да, – продолжал Эйрих, – я вырублю вас одним ударом. И к тому времени, как вы придете в себя, мы все будем уже далеко за пределами Зурбестана.

Элина улыбнулась, хотя слезы все еще наворачивались ей на глаза.

– Однако пока что мы не можем выбраться даже из комнаты, – напомнила она.

– Все еще впереди, – ответил Эйрих, поднимаясь с перевернутого стула и разминая мышцы. – В конце концов, одну ошибку они уже сделали. Помните, что я сказал вам при первой встрече?

О да, обстоятельства той встречи были достаточно яркими, чтобы она запомнила его слова. «Вы совершили ошибку. Никогда нельзя оставлять врагов в живых.»

Пару часов спустя за ними пришел Зендергаст, чтобы отвести их в предназначенный им дом. По дороге, пользуясь тем, что маг находится вдали от своих собратьев, Элина пыталась обратиться к нему с увещеваниями, но тот лишь качнул головой:

– Я понимаю, что все вы сейчас чувствуете себя обманутыми. Но когда-нибудь вы поймете, что нами движет исключительно забота о благе мира. Вы еще увидите, как расцветет земля уже через несколько лет, как цвела она на протяжении тысячелетий...

Они поднялись на крыльцо пятиэтажного дома, расположенного неподалеку от пирамиды. К счастью, из его окон не была видна устланная трупами площадь.

– Первые два этажа в вашем полном распоряжении, – сказал Зендергаст. – О питании и прочем не беспокойтесь. Если вам вдруг что-нибудь понадобится, вы сможете передать записку со слугой. Если понадобится срочно, Элина сможет вызвать меня. И помните, что ограничение вашей свободы – лишь временная мера. Когда порядок будет восстановлен, мы перенесем вас домой... или в иную страну, если вы того захотите. А до той поры вы, надеюсь, проявите благоразумие и не будете изводить себя бесплодными мечтами о бегстве. Вы уже могли убедиться, что обычному человеку не под силу бороться против магии.

Они вошли внутрь. Зендергаст остался снаружи и закрыл заскрипевшую дверь. В передней уже лежали их вещи. Эйрих проследил в окно, как удаляется старый маг, после чего подергал дверь – естественно, без всякого успеха. Тогда он попытался высунуть голову в лишенное стекла окно, хотя и догадывался, что из этого ничего не выйдет. И действительно, лоб его уперся в невидимую, но незыблемую преграду.

– Бесполезно, – устало сказала Элина, – весь дом накрыт магическим коконом.

– Вы среди нас единственная, кто что-то в этом смыслит, – сказал Эйрих. – Может, вам удастся найти слабое место?

– Нет, в области магии я им не соперник, – твердо повторила прежние слова Элина. – Скорее уж трехлетний ребенок одолеет вас в мечном бою. Причем пока они лишь осваиваются с новыми возможностями, а со временем их сила будет только расти. Магия – это не наука, здесь недостаточно теории. Сейчас они подобны воинам, изучившим все боевые приемы, но никогда не бравшим в руки ничего тяжелее картонного меча. Но теперь они смогут восполнить недостаток практики...

– Господа, неужели вы не слышали, что он сказал? – глаза Артена радостно сияли совсем не под стать моменту. – Он сказал, что у нас будет слуга! Очевидно, не один из них. Значит, они собираются перетащить сюда и простых людей в качестве обслуживающего персонала. Логично – они не хотят тратить свои драгоценные магические силы на низменные бытовые задачи. И по крайней мере один из этих людей сможет входить и выходить из нашего дома...

– Разумеется, я обратил внимание на фразу о слуге, – несколько нетерпеливо перебил его Эйрих. – Но я предпочитаю рассматривать все возможности. И я не уверен, что слуга – это так уж хорошо. Несомненно, сейчас, на самой уязвимой фазе их операции, они доставят сюда лишь тех, кто им фанатично предан. И мы скорее получим на свою голову соглядатая, чем потенциального сообщника. Хотя, конечно, работать в этом направлении тоже надо. А сейчас давайте осмотрим дом.

Дом, по всей видимости, принадлежал богачу или сановнику – об этом свидетельствовали роскошные ковры на стенах и на полу, выложенные мозаичным орнаментом потолки, изысканная мебель (кровати и диваны были непривычно широкими и низкими, а вот стулья и столы вполне походили на западные, разве что ножки и спинки украшала резьба в причудливом восточном стиле), светильники в виде золотых статуэток, золотая и серебряная посуда. К неудовольствию Артена, нигде не обнаружилось книг – может быть, они были на следующих этажах, но все лестницы выше второго яруса были обрушены, причем, судя по всему, совсем недавно. Трупов на первых двух этажах также не оказалось.

Закончив осмотр, трое собрались в обеденной зале на первом этаже – во всяком случае, скорее всего это помещение, вся мебель в котором состояла из овального стола в центре и девяти стульев вокруг него, выполняло именно эту функцию. Принц уселся во главе стола; Элина и Эйрих расположились слева и справа от него.

– Интересно, они нас подслушивают? – задал риторический вопрос Артен.

– В принципе могут, – ответила Элина, – не обязательно даже через меня. Но, кажется, у них и без нас дел хватает.

– Да, они считают нашу тюрьму вполне надежной и вряд ли будут отвлекаться на то, чтобы прослушивать нас из простого любопытства, – согласился Эйрих. – В любом случае, выбора у нас нет. Они прибыли со всего континента и наверняка знают все языки, на которых мы могли бы общаться.

– Ну что ж, тогда будем считать, что им и впрямь не до нас, и обсудим ситуацию, – Артен явно считал, что место во главе стола наделяет его председательскими полномочиями; впрочем, возможно, он исходил из своего титула. – Прежде, чем мы решим, что делать дальше, пусть каждый даст четкий ответ на вопрос: действительно ли он считает, что заговор магов должен быть сорван?

– Принц! – возмутилась Элина. – То, что они воспользовались мной, еще не повод...

– Кузина, я не имею в виду конкретно вас. Сейчас все мы злы на них из-за того, что нас использовали обманным путем. Но со временем раздражение пройдет, и чья-нибудь позиция может измениться. Ведь то, что говорил Зендергаст о современном состоянии мира – правда. И я, допустим, и сам от этого мира не в восторге. Так вот, я хочу, чтобы каждый внятно сформулировал свое отношение к идее так называемого благого правления. Потому что если мы боремся лишь за свою личную свободу – это одно, и в этом случае самое разумное – просто подождать, пока они сами нас выпустят, а я не сомневаюсь, что они так и сделают. Иное дело – если мы боремся против нависшей над миром угрозы...

– Артен прав, – поддержал его Эйрих. – Действительно, это надо четко решить, чтобы ни у кого не возникло сомнений в критический момент.

– Хорошо, – согласилась Элина. – Я против их планов, потому что... потому что они хотят загнать человечество в стойло. Пусть нынешний мир несовершенен, но никто не давал им права решать за всех, что есть совершенство. В нынешнем мире у человека есть право выбирать и возможность защищать свой выбор с мечом в руках. Даже когда совершается несправедливость, как это было с моим отцом, это не повод опускать руки, можно бороться и победить... А если бы несправедливость совершили маги? Что противопоставить им тогда? И потом, у солдат моего отца была грубая, но точная поговорка – если ты хочешь съесть один обед дважды, во второй раз тебе придется есть дерьмо. Обычно ее употребляли в том смысле, что нельзя дважды применять ту же уловку с одним противником... Но я имею в виду, что эпоха магии кончилась давно и безвозвратно. Наверное, в ней были свои плюсы, но заново ломать весь мир, пытаясь восстановить ее сейчас – это безумие. Кроме того, – лицо Элины обрело каменное выражение, а в голосе зазвенел металл официальных формул, – как верноподданный и защитник Тарвилонской короны, я обвиняю бывшего придворного мага Ральтивана Зендергаста в предательстве, мятеже и злоумышлении на законную власть короля Анриха Первого, и мой долг – воспрепятствовать ему и его сообщникам в совершении преступления, каковое, в соответствии с законом Королевства Тарвилонского, карается смертью.

– Прекрасно, кузина, – кивнул Артен. – Я бы тоже мог процитировать наш Кодекс, но лучше скажу о другом. Это прозвучит крамольно, тем паче в устах принца Вангейского, но я не считаю нынешние наследственные монархии идеальной формой правления. История учит, что даже у великих королей нередко рождаются ничтожные наследники, и никакие учителя и воспитатели не дают гарантии, что во главе государства окажется достойный правитель. Но идея всенародного избрания правителя, которой грезят некоторые радикалы и бунтовщики, ничуть не менее порочна. Съезд свинопасов может избрать лишь хорошего свинопаса, но никак не хорошего короля. Правитель, приведенный к власти волей черни, либо станет марионеткой тупой и невежественной толпы, либо, желая избавиться от шаткости своего положения, превратится в тирана, не ограниченного никакими законами. Поэтому в принципе идея о власти мудрейших мне импонирует... проблема в том, что мудрейшими наши заговорщики провозгласили сами себя. Если бы речь шла о власти ученых, я был бы на их стороне! Но что такое власть и мудрость магов, мы уже видели. Мудрость страха перед любыми переменами, мудрость стагнации, мудрость статического равновесия... Ничего другого они и не могут предложить. Не доверяя людям, они

пытаются всем управлять сами. А сложная система, в которой отсутствует саморегуляция, негибка и неустойчива. Малейшие отклонения пустят ее вразнос. Да, маги создали людям тепличные условия, но – ценой полного запрета на развитие. Сегодня в музее я увидел это с особенной отчетливостью. Мы воюем тем же оружием, что и наши предки не то десять, не то пятнадцать тысяч лет назад... Сколько времени потеряно впустую, каких высот уже могла бы достичь цивилизация! Наверное, и войны уже были бы не нужны, наука дала бы людям способы получать то, что им нужно, без насилия...

– Разве маги не давали людям то, что им нужно? – лукаво улыбнулся Эйрих.

– Нет, они давали лишь то, что сами считали нужным людям! – возразил принц. – И такая система действительно могла существовать очень долго... Но – вот ведь ирония судьбы! – в конце концов равновесие оказалось нарушено самой магией. В детстве я удивлялся, что власть магов пала практически без сопротивления. Как могли мудрейшие люди на свете – а в ту эпоху, когда не было ученых, они действительно были мудрейшими – знать, к чему все идет, и ничего не предпринять? На самом деле тут нет ничего удивительного. Вся их система была отрицанием динамически меняющегося мира, и когда они не смогли его остановить, то оказались перед ним беспомощны. С тем же успехом можно было ожидать, что рыбы, живущие в пересыхающем водоеме, отрастят себе крылья.

– Есть гипотеза, что птицы появились на свете именно таким образом, – заметил Эйрих. Элина в который раз воззрилась на этого человека с изумлением: неужели он еще и ученый?

– Возможно, но при этом они перестали быть рыбами, – парировал Артен. – Так и люди отрастили себе крылья – в виде науки. А теперь нам хотят оборвать крылья и заставить ползать по пересохшей луже.

– Однако Рандавани говорил, что теперь они не будут отказываться от науки.

– Могу себе представить, что это будет за наука! – фыркнул Артен. – Робкие, осторожные попытки исследований в разрешенных областях, под бдительным оком боящихся любых перемен старцев... а судьбу ослушников мы видели... – он мотнул головой в сторону невидимой отсюда площади. – Поэтому я считаю, что их необходимо остановить. Любой ценой, – закончил он. – Но послушайте, Эйрих, почему вы со мной спорите? Вы что, защищаете их?

– Нет, – качнул головой Эйрих. – Просто проверяю, насколько тверда ваша позиция и готовы ли вы к искушению.

– К какому еще искушению?

– Весьма возможно, что они попытаются привлечь вас на свою сторону. Им понадобятся верные им ученые, но дело даже не в этом. Главное, им понадобятся

наместники в других странах. А вы хоть и не наследник престола, но все-таки принц. И в глазах тирлондцев будете обладать хоть какой-то легитимностью.

– Вот оно что, – пробормотал Артен. – Об этом я не подумал.

– Так что бы вы им ответили?

– Мне не нужна власть. Я хочу заниматься наукой, а не политикой. Я не принял бы даже полноценную корону из рук законного монарха. Тем паче я не собираюсь становиться марионеткой узурпаторов.

– Они могут искушать вас не только властью. Как насчет знаний Зурбестана? Они могут предложить их вам – только вам лично – в обмен на лояльность.

– Если мы победим, эти знания и так достанутся науке, – без колебаний ответил Артен. – Ну? Ваши вопросы исчерпаны? Вам не кажется, что теперь ваш черед кое-что рассказать?

– Моя речь будет совсем короткой, – сказал Эйрих. – Я не могу открыть вам всего, но меня вырастили и воспитали люди, чьи предшественники боролись с магами еще в эпоху их могущества. И я разделяю философию своих наставников. Этого достаточно?

– Боюсь, что не вполне, – возразил любопытный Артен.

– Как знаете, – пожал плечами Эйрих. – Вы можете, конечно, и не рассматривать меня, как союзника, но Элина подтвердит, что в этом случае вы многое теряете.

– Если Эйрих не хочет что-то говорить, он не будет, Артен, – согласилась Элина. – Но дерется он от этого ничуть не хуже, можете мне поверить.

– Ну ладно, – развел руками принц. – Будем считать, что с общефилософской частью покончено. Рассмотрим теперь плюсы и минусы нашего положения. Ну, с минусами все и так ясно. Самый главный плюс: маги уязвимы, во всяком случае пока, иначе они не стали бы запирать нас тут. Причем, по всей видимости, для них опасны не столько конкретно мы – сколь бы ни лестно было думать обратное – сколько вообще утечка информации. Это значит, что если нам не удастся бежать, но удастся передать весточку во внешний мир – проблема уже может быть решена. Далее... далее напрашиваются кое-какие интересные выводы. Эйрих, очевидно, не в курсе, что год назад в Тарвилоне на меня было совершено покушение. Мне до сих пор странно произносить эти слова, но эмоции в сторону. Чем больше я над этим размышлял, тем больше убеждался, что единственной разумной причиной покушавшихся могло быть стремление сорвать зурбестанскую экспедицию. Теперь нам уже известно, что в состав посольства входили хурданистанские шпионы, но они тут ни при чем – им я был нужен живой. Затем – внезапная смерть короля Гарлонга... правда, экспедиция к этому времени успела уже отправиться, но новый король отправил вдогонку депешу, которую я, каюсь,

не прочитал – именно потому, что боялся приказа вернуться. И хотя мне трудно считать друзьями тех, кто пытался убить меня и, возможно, убил моего дядю, однако, думая об этом теперь, я могу их понять. Ни меня, ни Гарлонга невозможно было отговорить от экспедиции. Любые рассказы о заговоре магов мы подняли бы на смех. И учитывая, что речь шла, как бы пошло это ни звучало, о спасении мира... нет, я все равно их не оправдываю, но хочу сказать, что теперь мы можем рассматривать этих неизвестных как союзников. Может быть, до сих пор у них не было доказательств, достаточно серьезных, чтобы им поверили. Но теперь, после одновременного исчезновения придворных магов разных стран...

– Кто вам сказал, что они исчезли? – перебил Эйрих.

– То есть? – уставился на него принц. – Не могли же они раздвоиться! Насколько мне известно, такое было недоступно даже магам древности.

– Да, но если они один раз перенеслись за тысячи миль, они могут проделать это снова. Конечно, после того, как мир узнает об их притязаниях, они засядут здесь безвылазно... но на подготовительном этапе вполне могут по очереди наведываться к себе на родину.

– Гм, – качнул головой Артен. – А ведь и в самом деле.

– В любом случае, эта ваша гипотеза о неведомых союзниках, которые чуть было вас не прикончили, представляется мне слишком сомнительной. Мы должны рассчитывать исключительно на собственные силы, – решительно заявил Эйрих.

– Ну, в таком случае остались сущие пустяки – придумать, как нам отсюда выбраться – или хотя бы известить внешний мир – и осуществить это на практике, – резюмировал Артен. – У кого-нибудь есть идеи?

В воздухе повисло тягостное молчание. Затем в тишине тоскливо скрипнула входная дверь.

– Слуга! – радостно сорвалась с места Элина.

– Кузина, сохраняйте достоинство, – одернул ее Артен, продолжая сидеть.

– Но он же не знает, в какой мы комнате. Надо его встретить, – поднялся со стула Эйрих.

Все трое вышли из столовой и двинулись по коридору. Слугу они увидели на выходе из передней. Он шел им навстречу, держа в руках поднос с тарелками, накрытыми крышками – невысокий серый силуэт в тени коридора.

– Вы говорите по-тарвилонски? – спросила Элина, не особо надеясь на ответ. Слуга и не ответил. Он вошел в полосу солнечного света, падавшего из открытой двери одной из комнат; теперь было видно, что он принадлежит к восточной расе и одет в серый комбинезон. Эйрих обратился к нему на основном средневосточном и тургунайском, а затем Артен – на древнем едином. Слуга все так же молча и невозмутимо шел по коридору прямо на них.

– Может, он глухонемой? – предположила вслух Элина, становясь у него на пути.

– Надеюсь, хотя бы не слепой, – пробормотал Артен.

Слуга не был слепым. За два фута до Элины он сделал шаг в сторону, обходя графиню. Коридор был не так уж широк, и он слегка задел ее плечом. Его комбинезон был покрыт пылью. Черты его лица застыли бессмысленно-тупой маской, глаза походили на две стекляшки. Но хуже всего был исходивший от него слабый, но отчетливый запах аммиака.

Элина знала, что это означает. Она в ужасе отшатнулась, ударившись спиной о стену. Увидев ее реакцию, Артен и Эйрих поспешно отступили с пути слуги. Тот, по-прежнему не обращая на них внимания, проследовал дальше в сторону столовой. Артен обернулся к Элине за разъяснением.

– Они не переносили сюда слуг, – сказала графиня, борясь с дрожью в голосе и глядя вслед удаляющейся фигуре. – Они набрали их прямо здесь. Это зомби.

– Зомби – это же сказки, – не поверил Артен.

– Теперь это снова быль, – констатировала Элина. – Узнаете комбинезон? Жаль, магам не хватило чувства юмора послать служить нам аристократа. Зомби ведь без разницы, кем он был при жизни.

Слуга вошел в столовую, и какое-то время оттуда доносилось позвякивание расставляемой посуды. Затем он вновь показался на пороге и двинулся к выходу. На сей раз его пропустили, не пытаясь задержать, однако, когда он прошел мимо, Эйрих двинулся следом. Зомби тем же размеренным шагом подошел к входной двери, открыл ее и шагнул наружу. Эйрих бросился на улицу одновременно с ним – и отлетел назад, отброшенный невидимой стеной.

– Бесполезно, – сказала подошедшая Элина. – Зомби могут пройти сквозь барьер, а мы нет.

– Зомби – это ведь оживленный мертвец, так? – уточнил Артен.

– Термин «оживленный» здесь не слишком подходит, – возразила графиня. – Зомби не живет. Личность, бывшая при жизни, не возрождается. У зомби нет разума и воли, нет прежней памяти, это просто кукла, способная выполнять не слишком сложные приказы.

– Где они взяли столь превосходно сохранившийся труп? – поинтересовался принц, коим, после минутного шока, уже овладело научное любопытство. – Насколько мы видели, тут от всех остались лишь кожа да кости...

– Я, конечно, не спец по некромантии, – брезгливо поморщилась Элина, – но, насколько я знаю, достаточно одного скелета. Плоть можно восстановить. Но это не живая плоть. Она не чувствует боли, тепла, холода... Но мышцы работают не хуже, чем у живого человека. Порою даже лучше.

– Значит, у них уже есть армия, – констатировал Эйрих. – Или скоро будет.

– Как только они научатся управлять достаточно большим количеством зомби, – кивнула графиня. – Но за этим дело не станет.

– Зомби могут воевать за пределами Зурбестана? – уточнил Эйрих.

– Не знаю. Сведения о них относятся к той эпохе, когда магия была везде, вы ж понимаете. Но боюсь, что могут. Мы сами видели, что отсюда можно воздействовать на немагический мир – когда Рандавани вытащил сюда остальных... Да и, если бы их возможности ограничивались пределами Зурбестана, вся их затея не имела бы смысла.

Они вернулись в столовую. По тарелкам была разложена какая-то овощная снедь, над которой вился достаточно аппетитный пар. Рядом лежали пышные лепешки. Медный кувшин был полон холодной водой.

– Хорошо, что нет мяса, – сказал Артен. – Догадываюсь, какого оно могло бы быть происхождения...

– Строго говоря, откуда в этой пустыне овощи, тоже неясно, – заметил Эйрих. – Но давайте не заморачивать этим голову. Если бы они хотели нас убить, они бы это сделали и не прибегая к отравлению. Значит, пища безвредна.

– Может, это и логично, но я все равно не стану есть лепешку, к которой прикасался этот... это... – скривилась Элина.

– Мне больше достанется, – отозвался Эйрих. – Впрочем, передадим им записку, чтобы в следующий раз их зомби был в перчатках. Как и полагается слуге в лучших аристократических домах.

Среди принесенного на подносе оказались и западные двузубые вилки, от которых Элина совсем уже отвыкла в походных условиях. Среди посуды, принадлежавшей некогда хозяину дома, вилок и ложек не было – зурбестанцы ели палочками.

Был первый месяц лета, месяц самых долгих дней, и до заката оставалось еще немало времени. Однако день этот выдался слишком утомительным, и пленники, не без мрачной иронии пожелав друг другу спокойной ночи, разбрелись по кроватям.

Ночи здесь, в горах, даже летом были прохладными, но, пока солнце еще светило, в старом доме было душно. Несмотря на усталость, Элина долго ворочалась и не могла заснуть. Она вспоминала, как славно начинался этот день – как они, первые из всех людей за долгие тысячелетия, вступали на территорию древней загадочной страны Зурбестан, безмерно гордые собой и полные самых радужных надежд на великие открытия... Кто из них троих мог тогда предположить, что вечером того же дня они окажутся пленниками, которым еду приносит мертвец, а над всем миром нависнет опасность, о которой никто на свете

– кроме, конечно, участников заговора – не мог и помыслить? Что Ральтиван Зендергаст, которого она считала милым старым чудаком и всегда защищала от нападок и насмешек, окажется изменником и чуть ли не мозговым центром заговорщиков? А ведь она могла бы заподозрить неладное, еще когда старик под большим секретом поведал ей об экспедиции, в которую Артен отправляется вместе с тургунайцами, и тем паче потом, когда он с легкостью необыкновенной посоветовал ей одной ехать на край света, через дикие страны, освобождать невесть где находящегося Артена... Но она тогда была как в лихорадке после своего ночного видения и восприняла его совет, как должное. А если бы она, вместо того чтобы примерять на себя славу героев старины, спокойно все обдумала и рассказала отцу? Уж он-то бы вытряс из Зендергаста правду, он всегда подозревал, что это за тип... Да, но ведь Артен был в плену не у заговорщиков, а у хурданистанцев, у которых был свой интерес. И его надо было спасать, и кто знает, чем обернулось бы дополнительное промедление – хурданистанцы уже начинали терять терпение...

В конце концов, так и не приведя в порядок свои мысли на сей счет, Элина уснула. Ночью ее мучили кошмары. Ее окружала толпа мертвецов со следами копыт на одежде и осыпала проклятиями за переломанные кости. Причем во сне зомби выглядели не похожими на живых людей, а теми же самыми иссохшими мумиями, по которым экспедиция ехала днем. Элина отбивалась от них, пыталась убежать, но они наваливались со всех сторон, костлявые руки хватали ее, оскаленные черепа тянулись желтыми зубами к ее лицу... Потом ее куда-то волокли с криками «теперь мы будем кататься по вам!» И вот она лежала на площади, не в силах пошевелиться, а рядом были уложены другие – Эйрих, Артен и ее отец, и прямо на них с утробным грохотом ехали ржавые самоходные машины, а за их рычагами сидели мертвые водители, выкрикивавшие «да здравствует Рандавани Зендергаст!» И вот уже тяжелые колеса наезжают на Эйриха, он кричит и корчится в агонии, слышен треск костей... Потом настает черед Артена, Элина бьется в невидимых путах... Потом колеса с хрустом наезжают на грудь ее отца... «Папа!» – не помня себя, кричит Элина, и слезы заливают ее лицо... И вот перед машины нависает уже над ней... В этом месте Элина просыпалась, переворачивалась на другой бок, пытаясь избавиться от наваждения, но стоило ей заснуть, как кошмар начинался заново.

Потянулись однообразные дни плена. На второй день Артен попытался добраться до третьего этажа, выстроив пирамиду из мебели; полдня он и его товарищи стаскивали на площадку лестницы кровати, шкафы, столы и стулья, но затея окончилась крахом: пирамида развалилась еще на стадии строительства,

часть мебели была поломана, и с костями Артена было бы то же самое, если бы Эйрих не успел подхватить его вовремя. Да и трудно было ожидать успеха от этого предприятия – как-никак, высота этажа составляла почти два десятка футов.

После этого принц впал в глубокую задумчивость, плавно перешедшую в депрессию; у Эйриха и Элины также не появлялось никаких идей спасения. Желая развеяться, Артен оставил на время обдумывание бегства и вновь принялся за рукопись Элины. Самой же графине было решительно нечем заняться – разве что периодически отвечать на вопросы Артена, что значит то или иное в спешке записанное слово. Спасаясь от скуки, она решила записывать историю собственных приключений, которые, в контексте сложившейся ситуации, уместнее было назвать злоключениями. Чистых листов бумаги, правда, оставалось совсем немного, и она не знала, можно ли будет – и будет ли это безопасно – попросить бумагу у тюремщиков.

Какие мысли бродили в голове у Эйриха – этого, как обычно, не знал никто. Уныние на его лице Элина видела лишь дважды – когда Хинг ограбил их в пустыне и когда маги сразу после прибытия заперли их в комнате пирамиды. И оба раза это выражение продержалось недолго. Периодически Эйрих отправлялся бродить по дому; Элина понимала, что он ищет выход, но относилась к этим попыткам скептически.

Однако на уже на пятый день ситуация изменилась. Войдя в столовую, графиня успела заметить, что ее товарищи о чем-то шушукаются. Они, правда, тут же перешли на обсуждение истории тирлондской правящей династии, но по тому, как радостно блестели глаза принца, Элина поняла, что предыдущий разговор шел на куда более актуальную тему. И что Эйрих что-то нашел.

Предположение подтвердилось тем, что с этого дня Артен уже не просил у нее пояснить неразборчивую строчку рукописи. И, более того, попросил не входить в его комнату без стука и если на стук не будет ответа. Он даже не счел нужным как-то пояснять свои просьбы. Элина понимала, почему ей не доверяют, и не обижалась (точнее, пыталась не обижаться). Что ж, как бы ни противилась этому ее деятельная натура, ей оставалось только ждать и надеяться.

Но два дня спустя произошло неожиданное событие. Вскоре после ужина пленников навестил Ральтиван.

– Чем обязаны такой честью? – холодно осведомился Артен.

– Я бы хотел поговорить с Элиной, – спокойно ответил маг.

– Ну, если она согласится остаться с вами наедине... – издевательски протянул Эйрих.

– Я соглашусь, – сказала Элина. – Идемте в соседнюю комнату.

Маг и графиня уселись по разные стороны небольшого полированного столика, на крышке которого улыбалась морда усатого дракона.

– Ну? – Элина посмотрела на него тем же вызывающе-презрительным взглядом, что и в свое время – на капитана захвативших ее пиратов.

– Давай не будем ссориться, Элина, – мягко сказал старик. – Я пришел, чтобы помириться. Я понимаю, что виноват перед тобой и твоими друзьями. И я хочу сделать тебе подарок, – он извлек откуда-то из складок своей мантии маленький бархатный футляр и положил на стол, прямо на драконью пасть.

– Единственный подарок, который мы согласны от вас принять – это свобода, – отрезала Элина. – И извольте говорить мне «вы». Несмотря на то, что я ваша пленница, я все еще графиня Айзендорг! – она гордо вскинула голову.

– Элина, не надо строить из себя героиню легенды, – вздохнул маг. – Ты ведь сейчас думаешь лишь о том, насколько эффектно смотришься со стороны... Хорошо, вы, графиня, если вы настаиваете, – он улыбнулся. – Хотя вообще-то даже мы с братьями зовем друг друга на «ты».

– Члены разбойничьей шайки поступают так же, – проинформировала она его.

– Вы не хотите открыть футляр?

Элина пожала плечами и надавила защелку. Она ожидала увидеть внутри какую-нибудь безделушку с драгоценным камнем, из тех, что так ценят «настоящие женщины», и к которым Элина всегда была совершенно равнодушна. Однако внутри лежала прядь волос. Точнее, даже две пряди – при ближайшем рассмотрении было видно, что одна из них темнее. Элина подняла удивленный взгляд на Зендергаста.

– Это ваши и Артена, – пояснил маг. – Не сомневайтесь, здесь все.

– Почему? – только и спросила Элина.

– Я ведь сказал, что хочу с вами помириться. Я делаю это без ведома братьев, они бы, несомненно, осудили меня. Так что уж и вас попрошу, если что, не проговариваться, в конце концов, это в ваших же интересах... Элина, я знал тебя еще маленькой девочкой. И я любил тебя, как все при дворе... Может быть, даже больше, чем они – у меня ведь никогда не было собственных детей и внуков. Этому не мешали мои отношения с твоим отцом. Между им и мной и не могло быть ничего, кроме вражды – я олицетворял то, что ненавистно ему, а он – то, что мне... Увы, ты пошла по его стопам, увлекшись примитивными забавами этого варварского времени... а мне так хотелось сделать тебя своей ученицей... Среди великих чародеев древности были и женщины, ты знаешь?

– Среди великих воинов они тоже будут, – непреклонным тоном пообещала Элина.

– Не будем открывать дискуссию, – печально улыбнулся маг. – Я понимаю, что ты выбрала свой путь, и по крайней мере сейчас переубедить тебя невозможно – хотя скорое будущее может изменить твои взгляды... Я сказал, не будем об этом, – упредил он протест Элины. – Я просто хочу объяснить, что мне не доставило никакого удовольствия использовать тебя ради целей братства, посылать одну через весь континент... Мне было больно, Элина, может быть, не менее больно, чем твоему отцу, когда он узнал о твоем отъезде. Он обещал убить меня, если с тобой что-нибудь случится. Он догадывался, он всегда был умнее, чем средний махальщик железяками... Но я и сам не смог бы себе простить, если бы с тобой стряслась беда. Хотя выбора у меня не было – на кону стоял последний шанс мира на спасение, и любой из нас должен был пожертвовать всем ради великой цели. Но мы, по крайней мере, старались помочь тебе в пути...

– Я помню. Ожог. Но почему вы ничего не сделали, когда я валялась в бреду в харбадском караван-сарае?

– Мы пытались! Но ты же знаешь, насколько ненадежна сейчас магия... во всяком случае, за пределами Зурбестана. Иногда срабатывает, но чаще нет, особенно на больших расстояниях. День за днем мы предпринимали безуспешные попытки... Не думай, что мне было легко видеть, как ты страдаешь, и не мочь помочь... Но, к счастью, все обошлось.

– Как знать, – пробормотала Элина. – Может, для мира было бы лучше, если бы и я, и Артен погибли.

– Рано или поздно нашелся бы другой Отпирающий, – возразил Зендергаст. – Может быть, уже не при моей жизни, но у нас ведь есть и ученики. Правда, уровень зурбестанской магии все равно снижался, так что времени в запасе оставалось немного... Но уж теперь все будет, как надо. Эта ваша уверенность, что благое правление на самом деле зло – всего лишь предрассудок, придуманный варварскими вождями для удержания собственной власти. На самом деле люди благословляли правивших ими магов.

– То-то они так резво сбросили этих благословенных при первой возможности.

– Кучка бунтовщиков способна увлечь за собой неразумную толпу... Но теперь все будет иначе. Люди накушались свободой, свободой войн и бедствий. Нас примут, как избавителей. Мы и будем избавителями.

– Вы не допускаете и мысли, что ошибаетесь?

– А вы?

Элина пожала плечами: – Думаю, это бесполезный спор. Мудрейший повелитель мира все равно не станет слушать семнадцатилетнюю девчонку.

– По правде говоря, вы действительно вряд ли скажете что-то такое, что мы с братьями не обсуждали бы, прежде чем принять наше решение, – чуть улыбнулся

Зендергаст. – Но оставим это. Пусть будущее нас рассудит. Я просто прошу, Элина, чтобы ты не держала на меня зла.

– Отпустите меня и моих друзей.

– Вы же знаете, сейчас это невозможно.

– Значит, и мой ответ будет таким же.

– Что ж... – Ральтиван тяжело поднялся. – Надеюсь, когда-нибудь ты все же поймешь меня.

Он вышел. Элина сунула футляр в карман брюк и вышла следом за ним, кивнув товарищам, что все в порядке.

– Артен, могу я переговорить с вами? – спросил Зендергаст.

– У вас есть средство давить на Элину, но ни я, ни Эйрих вести с вами сепаратные переговоры не будем, – отрезал принц. – Вам не удастся посеять недоверие между нами.

– Хорошо, – он придвинул себе стул и сел. – Тогда я обращусь к вам обоим, и в присутствии Элины. Я знаю, что вы все еще настроены против нас. Вы полагаете, что мир, создаваемый нами, будет плох. Но вы можете и сами участвовать в его создании.

– С чего вдруг столь щедрое предложение каким-то профанам? – недобро усмехнулся Артен.

– Буду откровенен. У нас достаточно сил и ресурсов, и у нас достаточно знаний в области магии. Но нам нужны специалисты в светских областях. Сейчас нам больше всего необходимы инженеры и эксперты по военному делу.

– Почему вы решили, что мы станем вам помогать? – подчеркнуто удивленным тоном осведомился принц.

– Не думайте, что я пришел с вами торговаться, – холодно осадил его маг. – Если вы откажетесь, то не сорвете наших планов и даже не отсрочите их исполнения. Просто нам придется действовать более грубыми методами, а это означает не только лишнюю трату ресурсов – а значит, меньше магии останется на помощь людям после нашей победы – но и, скорее всего, лишние жертвы. Жертвы, которых мы стремимся избежать и которые будут на вашей совести. Ну так как?

– Не перекладывайте на нас свою вину. Вы заварили эту кашу, вам ее и расхлебывать.

– Вам даже не интересно изучить местные мастерские?

– Интересно. Я займусь этим сразу же после того, как вас вышибут из Зурбестана.

– Так, так... Мне понятна ваша молодая горячность, однако хотелось бы выслушать и человека, более умудренного жизненным опытом. Учтите, что мы готовы щедро вознаградить тех, кто послужит благому делу.

– Артен уже сказал – не пытайтесь вбить между нами клин, – откликнулся Эйрих. – У нас было достаточно времени, чтобы обдумать и обсудить наше положение. И все, что говорит принц, выражает нашу общую позицию.

– Ну что же... жаль, что вы не хотите внять голосу разума. Не преувеличивайте собственную значимость – скоро от желающих служить нам не будет отбоя. Пока же прощайте. Мы не собираемся как-то наказывать вас за отказ, нам чужды подобные варварские мотивы.

– Они еще говорят о разуме... – проворчал принц, когда маг покинул дом. – Наследники тех, кто уничтожил целую страну, посмевшую заниматься наукой...

– Элина, что ему было от вас нужно? – спросил Эйрих.

– Представьте себе, он вернул мне волосы, мои и Артена! Так что я теперь свободна... настолько, насколько можно быть свободной в тюрьме, – улыбка погасла на лице Элины.

– Как он это объяснил? – удивленно поднял бровь Артен.

– Похоже, он чувствует, что виноват перед нами. И хотел загладить свою вину.

– Странно, что он не упомянул об этом, когда пытался искушать нас с Эйрихом.

– Ничего странного, – возразил Эйрих, – тогда бы это выглядело слишком очевидной попыткой подкупа. И показывало, что они и впрямь в нас нуждаются.

– Логично, – согласился принц. – Впрочем, он мог просчитать и это. Вообще все эти догадки «я думаю, что он подумает, что я подумаю...» уводят в тупик. Или в бесконечность, что в данном случае одно и то же.

– А по-моему, он был вполне искренен, – возразила Элина.

– Может быть, – неожиданно признал Эйрих. – В конце концов, маги – тоже всего лишь люди. И это делает их уязвимыми.

– Может, не следовало так резко отвергать их предложение? – засомневалась Элина. – Может, согласиться для виду, а тем временем...

– Я рад, что вы ищете самое разумное решение, а не самое благородное, – хмыкнул Эйрих, – но мы имеем дело не с дураками. Не ждете же вы, что они вот так возьмут и поверят в искренность нашего согласия. Чем более ответственное дело нам бы доверили, тем более строгим был бы контроль. Не сомневаюсь, что в конце концов они влезли бы в наши мозги и без нашего согласия... маги древности умели читать мысли, не так ли?

– Да, от них никто ничего не мог скрыть. Но нынешним нужно еще тренироваться.

– Вот и пусть у них будут более насущные заботы, чем тренироваться на нас... Парадокс, но пока они считают нас их непримиримыми врагами, мы пользуемся наибольшей свободой и безопасностью. Дикого зверя, посаженного в клетку, никто не трогает, зверю же прирученному приходится терпеть кнут дрессировщика... Они уверены, что из клетки нам не выбраться, и не обращают на нас внимания.

– А на самом деле? – Элина уже не сдерживала нетерпения.

– Что на самом деле? – спросил Эйрих прежде, чем Артен успел открыть рот.

– Вы ничего не хотите мне рассказать? – Элина удивлялась нехарактерной для Эйриха непонятливости.

– О чем?

– Эйрих! Он же отдал мне волосы! Вот они! – графиня открыла футляр.

– А почему вы так уверены, что это ваши волосы?

– Ах вот оно что. А я уж было решила, что местный климат плохо влияет на ваши мыслительные способности, – не удержалась от мести Элина. – Ну, для того, чтобы определить, чьи это волосы, моих магических умений вполне достаточно, – она зажала волосы в кулаке и сосредоточилась. Элина впервые пользовалась магией на территории Зурбестана, и ее удивило, насколько легко и быстро пришел результат. Перед ее мысленным взором возник смешанный образ, который она без труда разделила на два – свой и Артена. Ральтиван не солгал.

– Строго говоря, и этот результат может быть внушенной вам иллюзией, а мы его перепроверить не можем, – пробурчал Эйрих. – Ну да ладно. Если они пасут нас настолько старательно, все наши замыслы все равно обречены...

– Итак? Вы нашли выход?

– Не совсем, – ответил Эйрих. – Я нашел спуск в подземелье, но там лишь несколько комнат, и никуда дальше мы проникнуть не можем. Во всяком случае, пока.

– Эти надутые пережитки прошлого так ничему и научились, – радостно пояснил Артен. – Когда они проверяли этот дом, прежде чем поместить сюда нас, то, очевидно, искали лишь то, что, по их мнению, по-настоящему заслуживает внимания – что-нибудь магическое. Ну, может, еще какие-нибудь машины – не знаю уж, что им не понравилось на верхних этажах. А простой люк в подвале, который не был прикрыт никакой магией...

– Но все-таки требовал острых глаз и определенного навыка в таких вещах, – скромно вставил Эйрих.

– ... они благополучно прохлопали! – закончил Артен.

– И что там, внизу? – задала естественный вопрос Элина.

– По правде говоря, я даже отчасти рад, что оттуда нет дороги дальше, – признался принц. – Если бы мы могли бежать прямо сейчас, мне пришлось бы преодолевать слишком большое искушение... Хозяин дома был не сановником и богачом – то есть, очень, может быть, он был и тем, и другим, но в первую очередь он был ученым – как, я полагаю, и все хозяева домов в центральном квартале, так что тут заговорщики в очередной раз дали маху...

– Принц, пары часов, оставшихся до заката, вам хватит, чтобы перейти к сути дела?

– Извините, кузина, – смущенно хмыкнул Артен. – Короче, там внизу его лаборатория, а рядом – библиотека. Вы представляете? Больше тысячи научных книг Зурбестана!

– Больше тысячи книг в частном собрании? Он, должно быть, был ужасно богат.

– Думаю, книги обходились ему дешевле, чем нам. Отнюдь не все они переписаны от руки.

– Что, скопированы с помощью магии?

– Магия тут ни при чем! Это технология, и, судя по всему, простая. Я так думаю, что вырезанные из прочного материала буквы складывали на специальной доске, разделенной перегородками на строки, потом заливали краской и прикладывали к ним бумагу.

– По-моему, выкладывать текст из букв не намного быстрее, чем писать от руки, – усомнилась Элина. – Тем более что буквы должны быть зеркально перевернутыми.

– Так ведь с одной такой матрицы можно сделать сотни и тысячи отпечатков страницы! Нужно лишь периодически подновлять краску. Поразительно, как мы сами не додумались до такой простой идеи. Уже ради одного этого открытия стоило наведаться в Зурбестан...

– А что в лаборатории? – эта часть подземелья казалась Элине более полезной в практическом плане.

– Похоже, он занимался химией. Причем работал с размахом – там есть не только колбы и склянки, но огромные бутыли и чуть ли не целые бочки, заполненные какой-то жидкостью. Наверное, в этих веществах заключена немалая опасность, раз он спрятал лабораторию под землю, несмотря на неудобство устройства освещения и вытяжки. Но туда я не рискую соваться, пока не узнаю, что это за вещества и чем они чреваты. А для этого надо разобраться в его записях и, опять-таки, в материалах библиотеки. Думаю, он часто пользовался ею во время работы, посему и устроил ее поближе к лаборатории – а вовсе не потому, что хотел спрятать знания... Рукописных материалов там тоже немало. Судя по всему,

зурбестанская наука переживала бешеный подъем, открытия делались так часто, что книги, несмотря на чудесную технологию, не успевали выходить, и ученые нередко пользовались поспешными рукописными заметками своих коллег... Вообще-то разбираться во всем этом будет нелегко, – признал Артен. – За пару дней я составил лишь самое приблизительное представление о библиотеке... но уже сейчас вижу, что бардак там преизрядный. Совсем не похоже на библиотеку ученого, скорее – на свалку захваченных трофеев... впрочем, это неплохая аналогия – трофеи, добытые в битве с природой. Зурбестанцам некогда было приводить все в порядок, они торопились, они, наверное, знали о нависшей над ними угрозе...

– Значит, вы не можете даже примерно сказать, когда разберетесь с веществами в лаборатории?

– Увы, – развел руками принц. – Хотя с теоретической точки зрения все остальное интересно ничуть не менее. Да и с практической – я не знаю, насколько можно уповать на химию... Допустим, мы синтезируем ядовитый газ, подобный тому, с которым мы уже познакомились вашими стараниями, или едкую жидкость, растворяющую металл – поможет ли это против магии?

– Вряд ли, – признала Элина. – Даже если бы нам удалось растворить стены дома, магический барьер вокруг него никуда не денется. Я никогда не слышала, чтобы магии – в ту эпоху, когда она была сильна – могла с успехом противостоять иная сила, кроме магии. Правда, тогда и науки как таковой практически не было...

– Посмотрим, может быть, местная наука и сумела раскопать что-нибудь подходящее.

– Я могу помочь в ваших поисках?

– Увы, – качнул головой Артен. – Все эти книги написаны на древнем едином. Хорошо, что в наше время ученые его еще изучают... Впрочем, даже Эйрих, знающий более каноническую версию языка, чем тот вариант, что учил я, не всегда может мне помочь. Слишком много незнакомых слов и понятий. То ли это еще один необычный диалект, то ли... попросту слишком велика пропасть между моим и зурбестанским уровнем знаний. Учитывая то, что мы здесь видели – второе более вероятно.

– Принц, ну тогда хотя бы рассказывайте мне о том, что вам удалось разобрать, – жалобно попросила Элина. – Я же тут свихнусь от скуки и безделья.

– Ладно, – пообещал Артен без особого энтузиазма; ему было жаль терять время на разговоры. Даже и теперь, похвастав находкой Эйриха, он торопился спуститься в подземелье, пока солнечный свет (проникавший туда тем же загадочным способом, что и во внутренние помещения пирамиды) еще позволял читать. Артен догадывался, что существовал способ осветить

библиотеку и лабораторию и в ночное время – для этого, скорее всего, предназначались круглые матовые плафоны на потолке, такие же, как и в лифте – но как заставить их светить, он не знал. Масляных же ламп маги своим узникам не выделили, и в доме, на доступных этажах, ничего подобного не нашлось – да Артен и побоялся бы работать с открытым огнем в тесном помещении библиотеки, где печатные книги перемежались с растрепанными манускриптами, сваленными чуть ли не в кучу.

Разумеется, в тот же день Элина спустилась в подземелье вместе с Артеном и сама осмотрела обе комнаты, расположенные по бокам упиравшегося в тупик коридора. Впрочем, «осмотрела» – это громко сказано; на лабораторию принц позволил ей взглянуть только с порога, как видно, помня о ее предыдущем знакомстве с достижениями местной химии. Графиня, впрочем, не особо и рвалась, с любопытством рассмотрев лишь тяжелую толстую дверь; как пояснил Артен, эта дверь закрывалась герметично, так что никакие едкие испарения из лаборатории не могли повредить библиотеке и остальному дому. Библиотека заинтересовала Элину больше – ей хотелось взглянуть на печатные книги – но самый большой интерес у нее вызвала стена в конце коридора.

– Эйрих тоже считает, что за этой стеной может быть ход, – подтвердил Артен, – но если это и так, мы пока не нашли, как его открыть. Эйрих перещупал все камни вокруг, но то, что помогло открыть спуск в подземелье, здесь не сработало.

Сколь бы многообещающим ни было обнаруженное Эйрихом подземелье, особенных изменений в теперешнюю жизнь Элины оно не внесло. Если Артен, запертый в трех измерениях пространства, ныне совершенно этого не замечал, упоенно путешествуя по миру информации, то графине языковый барьер перекрывал и этот путь к свободе. Она попросила было принца поучить ее единому языку, но тот отмахнулся, сказав, что это слишком сложно и долго, и сейчас на это нет времени. В том же духе высказался и Эйрих, активно помогавший Артену в его изысканиях. Эти двое, теперь уже не таясь от Элины, целыми днями пропадали в библиотеке; наверх они книги не выносили, опасаясь визитов незваных гостей, да и к тому же записи зурбестанских ученых трудно было читать последовательно, от корки до корки – часто, наткнувшись на совершенно непонятное место, приходилось рыться в поисках разъяснения в других томах и рукописях, что отнимало уйму времени и далеко не всегда приносило ожидаемый результат, зато могло обогатить исследователей интересными побочными сведениями. На долю графини, таким образом, доставалась почетная обязанность сторожить дом, то есть целыми днями же бросать взгляды в окно, проверяя, не направляется ли кто-нибудь проведать узников. Маги, однако, словно бы и не вспоминали о своих пленниках – очевидно,

у них и впрямь хватало более важных дел. Элина уже могла наблюдать за этими делами непосредственно через окно – мимо дома все чаще проходили по каким-то надобностям зомби, и, если не вглядываться в их застывшие в вечной маске тупого равнодушия лица, можно было сказать, что они снуют туда-сюда с деловитым и озабоченным видом. Словно бы время вернулось вспять, в эпоху силы и славы Зурбестана, когда эти же самые горожане заполняли эти же самые улицы... «Нет, не эти, – подумала Элина. – Это лишь оболочки. Город по-прежнему мертв, и мертвы все его жители... кроме нас. Не так ли будет выглядеть и весь мир при „благом правлении“ – одна лишь видимость воскрешенного великого прошлого, безнадежно мертвая внутри? И немногочисленные живые, запертые в тюрьме.» Ей понравился этот образ, и она записала его. Несмотря на то, что она писала теперь крайне убористым почерком, чистой бумаги оставалось всего три листа.

Близилось время обеда, и к приходу зомби всем следовало быть наверху – но Элина не беспокоилась за товарищей. Неким непостижимым образом, даже находясь под землей и углубясь в чтение, Эйрих всегда знал, который час, и вовремя оттаскивал от очередного тома забывавшего обо всем внешнем мире Артена. И действительно, вскоре в коридоре послышался голос принца, что-то горячо втолковывавшего своему товарищу.

– ...целый раздел математики, посвященный операциям с бесконечно малыми величинами! – по тону Артена можно было подумать, что победа над магами у него уже в кармане.

– Я не математик, – обычным своим спокойным тоном ответил Эйрих, входя в столовую. – Я практик.

– Насколько я понял, операции с бесконечно малыми – не теоретическая игрушка, – возразил принц. – Они используются чуть ли не во всех практических расчетах, и, не освоив это исчисление, мы попросту не поймем формул, выражающих основные физические законы...

– Разве бесконечно малыми величинами нельзя пренебречь? – вмешалась в их высокоученый спор Элина, главным образом для того, чтобы напомнить о своем существовании.

– То-то и оно, что нет! – с жаром обернулся к ней Артен. – Суммируя бесконечное число бесконечно малых, получаем конечные величины. Но правила такого суммирования весьма сложны. Зурбестанцам не удалось найти универсальные правила преобразования, позволяющие проделать такую операцию над любой формулой и получить результат в общем виде. Среди зурбестанских ученых возник нешуточный спор – одни утверждали, что виною тому лишь

недостаток сообразительности, другие же полагали, что для ряда формул такая задача неразрешима в принципе...

– Это, опять-таки, теория, – перебил его Эйрих. – Нам сейчас нужны не формулы, а чертежи машин, которые помогли бы одолеть магов... хотя даже и чертежи бесполезны, пока мы не можем отсюда выбраться.

– Вы слишком узко мыслите, – отмахнулся Артен.

– Это вы мыслите слишком широко. Вы пытаетесь разобраться во всем подряд, а на это у вас уйдут годы... если это вообще под силу одному человеку.

– Зурбестанцы сделали так много открытий? – Элина с неудовольствием подумала, что этот вопрос не менее глуп, чем ее первый.

– Очень много, – горячо подтвердил Артен. – Темпы их развития потрясают. За год они узнавали больше, чем нынешние ученые – за целое столетие.

– Как же им это удавалось?

– Они использовали магию, – с неохотой признал принц. – Заставили ее служить науке. Вообще-то я не уверен, что это не влияло на чистоту экспериментов... С другой стороны, тогда весь мир был пропитан магией, и чистоту экспериментов, наверное, ничто не могло гарантировать. Притом, магия была частью объективной реальности, а значит, наука не могла ее игнорировать. Знаете, к примеру, что зурбестанцы изучили природу демонов?

– Что-о?! – изумилась Элина. – Им удалось затащить демона в лабораторию и выпотрошить, как простого кролика? Нет, я, конечно, знаю, что демонов в принципе можно убить, а их потомков тем более, но такое...

– Не забывайте, что зурбестанские ученые сами были... специалистами в области магии, – Артен не сказал просто «магами», ибо ему претило употреблять это слово по отношению к коллегам. – Значит, могли совладать и с демоном. Не знаю, какая конкретно у них была методика, но результаты превзошли ожидания – заинтересовавшись всего лишь природой демонов, они проникли в глубинные тайны жизни. Вы к месту упомянули демонских потомков. Как известно, демоны отличались тем, что способны были принимать практически любую форму, превращаясь в людей, животных и иных существ. И если некоторые расы из числа традиционно относимых к нечисти тоже умели менять внешность и прикидываться существами другой породы, то лишь демоны способны были зачать потомство с представителем того вида, под который маскировались. Причем – плодовитое потомство, в отличие от бесплодных полулюдей-полуэльфов или метисов разных рас гоблинов. Кажется, именно эта их способность вызывала к ним больше ненависти, чем все остальные их качества – что неудивительно, ибо партнерами демонов часто становились люди – когда по незнанию, когда – в поисках острых ощущений, – в разговоре о науке ни Артен,

ни Элина не вспоминали о строгости западных нравов, не допускавших столь щекотливых тем в беседе между юношей и девушкой. – Так вот, зурбестанцам удалось установить, что любой живой организм состоит как бы из кирпичиков, столь мелких, что их не разглядеть самому зоркому глазу; у зурбестанцев, однако, были приспособления, позволявшие их увидеть. При этом в каждом таком кирпичике заключены элементы еще более мелкие. И в частности, имеется там... я не понял терминологию... ну, в общем, что-то вроде свитка, который, несмотря на невообразимо крохотные размеры, содержит запись об устройстве всего организма целиком. При зачатии свиток детеныша склеивается из половинок свитков отца и матери, поэтому детеныш похож на них обоих. Понятно, что у существ одного вида свитки схожи, а у разных видов они сильно различаются, и их половинки не подходят друг к другу – поэтому детеныш не рождается или рождается дефектным и сам не может дать потомства. Так вот, специфическая магия демонов заключалась в том, что они – единственные из живых существ – могли по собственной воле изменять записи в своих свитках! Сами они, кстати, всех этих тонкостей не знали и действовали интуитивно – как и большинство рас, для которых магия была естественной. При этом степень подобия могла быть различной, но там, где доходило до зачатия и рождения ребенка, подобие, как правило, было почти тождественным – то есть демон не просто имитировал человека, а фактически на время превращался в него. А отсюда следует, в свою очередь, что большинство потомков демонов были на самом деле вполне обычными людьми, и множество детей, убитых по подозрению в том, что их отцом был демон, были убиты совершенно напрасно, даже когда подозрение оказывалось верным...

Увлекшись разговором, они не услышали скрипа входной двери, поэтому, когда вошел зомби с подносом, Элина вздрогнула от неожиданности, а Артен рассеянно кивнул ему, словно старому знакомому, собираясь продолжить рассказ о достижениях зурбестанской науки. Эйриху пришлось толкнуть принца ногой под столом, чтобы вернуть его на землю. Зомби, лишенный собственного разума, конечно, был не ахти каким соглядатаем, но такие поручения хозяев, как запомнить и повторить то, что говорилось в его присутствии, ему были вполне по силам.

После того, как мертвец исполнил свои регулярные обязанности и удалился, лишь двое проводили его привычно-неприязненными взглядами. Артен же, воодушевленный успехами своих зурбестанских коллег, смотрел вслед безмолвной фигуре чуть ли не мечтательным взором, что не укрылось от внимания Элины.

– У вас появилась какая-то идея? – с надеждой спросила она.

– Интересно было бы его анатомировать... – задумчиво произнес принц.

– Ничего интересного, – разочарованно возразила графиня. – Такой же труп, как и на любом кладбище. Отличие зомби от простого покойника лежит не в области физического строения.

– Про демонов, как видите, думали так же. Причем не только обыватели, но и сами маги. И до сих пор думают. Конечно, без магии демоны не имели бы таких свойств, и все же проявлялись эти свойства именно на физическом уровне. Так что я с большим недоверием отношусь к объяснениям чародейской эпохи. Тогда попросту не искали объяснений: все непонятное объявляли магией, и дело с концов. А тогдашним хозяевам мира такое было только на руку.

– Когда мы решим наши местные проблемы, постараюсь отловить парочку зомби специально для вас, – усмехнулся Эйрих. – Может быть, как раз из числа бывших здешних ученых.

– Думаю, они были бы только рады узнать, что после смерти их тела послужат науке, – парировал принц.

– Господа, вам не кажется, что это не самая подходящая тема под обед? – возмутилась Элина, однако тут же не удержалась: – И вряд ли, Артен, вам понравится резать покойника, который шевелится, пока вы ковыряетесь в его внутренностях.

– Напротив, это очень интересно! – воскликнул принц. – Непосредственно наблюдать работу внутренних органов и мышц... Грандиозный подарок медицине! Ну даже, допустим, органы у них не работают или работают как-то по-другому, но мышцы, вы сами говорите, вполне... А вам, кузина, я бы советовал избавляться от предрассудков, вы же не какая-нибудь истеричная барышня. В конце концов, в обычной жизни вы едите мясо, которое есть не что иное, как куски трупов...

– Помнится, вы и сами порадовались, что здесь вас не кормят мясом, – попыталась отбиться Элина.

– Нежелание тянуть в рот невесть что еще не означает нежелания это исследовать, – невозмутимо ответил принц.

– Ну вот, Элина, а вы еще возражали мне насчет ученых и их наклонностей, – пробурчал вдруг из угла еще один голос.

Трое, сидевшие за столом, молниеносно обернулись и застыли, как изваяния.

Ибо в углу, разумеется, никого не было.

– Нет-нет, господа, вам не мерещится, – сказал все тот же голос. – Я рад вас приветствовать, хотя и сожалею, что наша встреча происходит в таких обстоятельствах.

– Йолленгел? – несмело произнесла Элина. – Это действительно вы? Где вы?

– Здесь. Просто я невидим. В этой стране ко мне вернулась магическая сила предков.

– И давно вы здесь? – осведомился Эйрих. Особой радости по поводу встречи со старым знакомцем он не чувствовал.

– Добрался сегодня и влез через окно, – ответил эльф. Эйриха такой ответ устраивал мало – его интересовало, какую часть разговора Йолленгел слышал – однако пока что он решил не показывать своей подозрительности.

– Значит, вы можете проходить через барьер? – быстро спросил Артен.

– Да, но, увы, не могу провести сквозь него вас, – вздохнул эльф. – Противостоящая мне магия слишком сильна.

– Вы знаете, что здесь произошло? – спросила Элина.

– Догадываюсь. Рандавани оказался магом и заманил вас в ловушку, верно? И он здесь не один. Их, насколько я могу судить, порядка дюжины.

– Около того, – подтвердил Эйрих, давая знать остальным, что пока не стоит вдаваться в подробности.

– Я почувствовал, что он маг, при первой же встрече, – сообщил эльф без тени торжества в голосе. – А поскольку вы упоминали о нем лишь как об ученом, значит, он скрывал это от вас. Я пытался вас предупредить, но увы...

– Почему вы не сказали прямо?! – накинулась на него графиня.

– Вы бы не поверили, – грустно сказал эльф. – Никто из вас не обладает природным чутьем моей расы. Вышло бы мое слово против его слова, и в результате я лишь выдал бы себя. Может быть, впрочем, он и так почувствовал, кто я такой. Но я решил остаться в кишлаке и, значит, был для его планов не опасен...

– Он, собственно, не скрывал, что учился магии, как и все аристократы на его родине, – заметил Артен. – Правда, он делал вид, что мало во все это верит...

– Нет, не как все, – убежденно возразил эльф. – Не могу похвастать большим опытом знакомства с магами, но он явно из сильнейших. К примеру, Элина тоже чему-то училась, но, общаясь с ней, я ничего необычного не ощущаю – даже здесь, где пространство пронизано магией, как в старые времена. А его я сразу почуял еще там, во внешнем мире...

– Насколько он сильнее вас? – задала Элина практический вопрос.

– Во множество раз, как и каждый из них.

– Но ведь вы от них благополучно прячетесь? Вы же обрели невидимость не для того, чтобы сделать сюрприз нам? И, кстати, ее обязательно сохранять здесь? А то, знаете ли, как-то неудобно разговаривать с пустотой.

– Да, наверное, теперь, когда мертвец ушел, в невидимости нет нужды, – согласился эльф. – Если только принц не собирается анатомировать меня прямо сейчас.

– Ну что вы! – горячо возразил Артен. – Вы же не какой-то безмозглый зомби, вы – живое разумное существо, и никто не покушается на ваши права. Но если бы вы завещали свое тело науке, вы оказали бы неоценимую...

– Артен! – возмущенно воскликнула Элина.

Но Йолленгел уже проступал из воздуха. Одежда его была рваной и вид – изможденным, но самое удивительное – исчезли длинные эльфийские волосы, лишь белесый свежепробившийся ежик покрывал выбритую голову. Острые эльфийские уши нелепо торчали на этом почти голом черепе.

– Они действительно не замечают меня – и не только глазами, – продолжал Йолленгел, – но лишь потому, что не подозревают о моем присутствии. Если бы они вздумали целенаправленно искать меня здесь, то легко пробили бы мою защиту.

– Вы, наверное, голодны? – спросила Элина, с состраданием глядя на его лицо, которое даже и в лучшие времена было худым и бледным; новая же «прическа» эльфа делала его облик еще более измученным.

– По правде говоря, да. Мои припасы закончились два дня назад... – признался Йолленгел, присаживаясь к столу.

– Ничего, нам здесь дают достаточно еды, втроем мы вас прокормим, – Элина решительно подвинула ему свою тарелку.

Некоторое время эльфа ни о чем не расспрашивали, давая ему хоть немного утолить голод, но, когда Йолленгел расправился с тем, что сложили ему на тарелку остальные трое, вопросы сразу возобновились. Всем было интересно, что происходило с эльфом в эти дни и как он умудрился добраться до Зурбестана через горы и отыскать здесь прежних товарищей.

– Первые время, что я прожил в кишлаке, все было нормально, – рассказывал Йолленгел. – Я играл горцам на флейте и много общался с ними, стараясь поскорее выучить язык. Но потом... стало как-то неуютно. С одной стороны, меня одолевало беспокойство за вас, я чувствовал, что от этого Рандавани не приходится ждать ничего хорошего. С другой стороны, и атмосфера в самом кишлаке начала меняться. Это все те двое, которые ходили с вами, Шамхас и Ханды. Они всем рассказывали, как это просто – разгромить ночью даже хорошо вооруженный и подготовленный отряд и забрать богатую добычу. Не то чтобы они прямо призывали односельчан заняться разбоем, но... нельзя сказать, что к их словам не прислушивались. Старики, в том числе и Кайсы-ака, очень это не одобряли, кишлак всегда был мирным. Среди селян начал назревать конфликт, и я

стал замечать косые взгляды и в мою сторону. Тут нагрянул отряд солдат, меня спрятали в погребе – все обошлось, но кишлак они перетряхнули основательно. На следующий день один из селян громко заявил в моем присутствии, что, дескать, всю жизнь они жили в своем кишлаке мирно и хорошо, но стоило прийти каким-то чужеземцам, и все пошло наперекосяк. Кайсы-ака так не говорил, и другие тоже... того человека даже сразу одернули, сказав что-то вроде «не тот виноват, кто канаву копал, а тот, кто под ноги не смотрел» – но я понял, что мне надо уходить. Кайсы-ака пытался меня отговорить, но в конце концов согласился помочь. Его старший сын, сам, как вы помните, уже старик, взялся вывезти меня из Хурданистана. Поскольку в горах еще встречались патрули, пришлось прибегнуть к хитрости, как и вам. Мне досталось еще больше, чем принцу, – смущенно улыбнулся Йолленгел. – Меня намазали какой-то мазью, из-за чего вся кожа покрылась волдырями, внешне похожими на проявление какой-то несмертельной, но тяжелой и, главное, заразной болезни. Выглядело это жутко, так что со стороны было и не понять, к какой расе я принадлежу... единственное, чего явно не могло быть у горца – это светлых волос, и их пришлось полностью обрить. Вы видели, среди горцев многие мужчины бреются наголо... В общем, маскарад вполне удался. Хоть мы и встречались с патрульными, они опасались приближаться к заразному больному. Но, между прочим, эта имитация болезни была слишком реалистичной. У меня на самом деле поднялся жар, и все тело нестерпимо зудело... – Йолленгел вздохнул, как бы предлагая окружающим оценить степень его страданий. «Сочувствуем,» – отозвалась Элина.

– Ну, в общем, мы расстались на равнине, – продолжал эльф. – Я более-менее пришел в себя, не без помощи другой полученной в кишлаке мази, и поехал на восток. Я знал, что вы направляетесь куда-то в Бхиланайские горы, о которых не знал ровно ничего, и не имел никакого понятия, где и как вас там искать. Но Элине известно, что мой народ издавна верил в судьбу и часто полагался на нее, а не на рациональный расчет. Наверное, это нас в конце концов и погубило, но в данном случае, как видите...

– Данный случай еще не закончился, – пробормотал Артен. – Так как же вам удалось нас найти?

– Насколько я понимаю, к тому времени, как я добрался до подножия гор, здесь произошло то, ради чего Рандавани сюда и стремился – было распечатано некое хранилище древней магии...

– Именно, – кивнула Элина.

– Ну и, очевидно, магия начала распространяться за пределы этой страны. Конечно, наибольшая концентрация по-прежнему здесь, но некие флюиды можно почувствовать уже в предгорьях. И, проснувшись в одно прекрасное утро, я понял,

что ко мне возвращаются способности моих предков. А магия эльфов, как вы знаете, позволяла, в частности, всегда находить дорогу – при условии, что таковая вообще существует – и легко проходить по топкому болоту и глубокому снегу. Правда, от холода она не защищает, так что я едва не замерз в горах – но, представьте, оказался более живуч, чем мой мул. Но все равно хорошо, что в предгорном селении, куда я приехал на лошади, меня убедили купить мула, без него бы я точно не добрался... Кроме того, мы чувствительны к магии других, так что я, ни разу не видав сотоварищей Рандавани, могу оценить их примерное число и силу, или, к примеру, мощность барьера вокруг этого дома...

– А вы можете определить, присутствуют ли здесь какие-нибудь магические штуки, кроме барьера? – быстро спросил Эйрих.

– Нет, с тех пор, как ушел живой мертвец – никаких. Иначе разве я рискнул бы обнаружить себя?

– Полезная способность, – хмыкнул Эйрих. – Однако, Йолленгел, ваша способность проходить сквозь барьер куда более полезна. Сегодня вы, разумеется, будете отдыхать, а завтра отправитесь с письмом в Керулум. Вдали от Зурбестана ваша магия вам не поможет, но я дам вам карту и научу некоторым необходимым фразам. Не знаю, что там с тургунайскими заговорщиками и шпионами, но, по-моему, в нынешней ситуации все, кто не желает оказаться под пятой магов еще на тысячу лет, должны действовать сообща.

– При всем уважении к вам, я вынужден отказаться, – извиняющимся тоном ответил эльф.

– То есть как? – одновременно воскликнули Элина и Артен.

– Вряд ли мне позволят просто вручить письмо и уйти. Дело слишком важное и необычное, меня станут допрашивать и, конечно, сразу выяснят, что я не человек. Дальнейшее нетрудно вообразить. Некто является с сообщением о заговоре магов и сам при этом оказывается представителем связанной с магией расы. Да еще в условиях, когда вокруг Зурбестана существует целая сеть тайн, интриг и заговоров. Да меня не оставят в покое, пока не замучают до смерти.

– Ну зачем сразу так плохо думать о людях? – воскликнула Элина.

– Не забывайте, что до встречи с вами у меня уже был кое-какой опыт общения с людьми, – жестко сказал эльф. – Если люди мучают и убивают без всякой пользы, ради удовольствия, то уж тем более они ни перед чем не остановятся, когда речь идет о государственных интересах. Разве я не прав, Эйрих?

– Вы правы, – признал тот. – Такая опасность существует. Но письмо не обязательно передавать лично, его можно бросить в ящик для прошений. Правда, при этом оно может проваляться без движения несколько месяцев, а потом какой-

нибудь мелкий чиновник сочтет его бредом сумасшедшего и не станет передавать наверх. По-хорошему, конечно, нужно именно добиться аудиенции у хана...

– Кроме того, я не смогу пересечь горы без еды, а у вас, как я понимаю, нет таких излишков продовольствия, чтобы хватило на многодневное путешествие, – добавил Йолленгел.

– Верно, – вынужден был вновь согласиться Эйрих, – маги не оставили нам никаких припасов... Да, скверно. Ну что ж, вы, во всяком случае, можете перемещаться в пределах Нан-Цора, а это уже очень немало.

– Да, хотя это и не слишком приятно. Город кишит живыми мертвецами... как вы их называете?

– Зомби.

– Да, зомби. И к пирамиде мне бы тоже не хотелось приближаться, а тем более – лезть внутрь. Там меня вряд ли защитят мои скромные способности.

– Думаю, здесь и вне пирамиды можно отыскать немало интересного, – подвел итог Эйрих. – Сейчас вы, наверное, хотите отдохнуть с дороги? Выбирайте себе комнату.

Йолленгела не пришлось долго уговаривать, и вскоре он уже спал. Эйрих поманил остальных за собой, причем не в обеденную залу, где они обычно сходились беседовать, а в свою комнату.

– По-моему, теперь наше спасение – вопрос ближайших дней, – радостно изрекла Элина. – Но вы, Эйрих, кажется, чем-то недовольны?

– Просто хочу предостеречь вас от излишнего оптимизма. И излишней откровенности. Йолленгел не должен знать о подземелье, по крайней мере, пока.

– Эйрих! – Элина задохнулась от возмущения. – Как вы можете подозревать его теперь, после всего, что он для нас сделал, после того, как он в одиночку совершил горный переход, трудный даже для отряда...

– В самом деле, Эйрих, – поддержал ее Артен. – Если вы думаете, что Йолленгел подослан к нам магами, то, по-моему, это уже мания преследования.

– Господа, я не хочу ничего худого сказать о Йолленгеле, – примиряюще поднял руки Эйрих. – Да, в свое время я был с ним резок и считал его никуда не годным недотепой, но это в прошлом. Я просто хочу напомнить вам, что Йолленгел – не лошадь и не мул, а чел... в смысле, личность со своими интересами. С вашей точки зрения, он прибыл сюда, движимый бескорыстным желанием помочь нам, и будет заниматься этим и впредь. А вы взгляните на ситуацию с его стороны. Вспомните, Артен, как вы предложили каждому из нас ответить, почему он не желает допустить победы магов. Йолленгел этого теста не проходил. И у меня есть основания опасаться, что и не пройдет.

Принц и графиня озадаченно молчали. Эйрих продолжал:

– Он с детства жил с сознанием собственной обреченности, жил в чужом и враждебном мире, уничтожавшем его собратьев одного за другим. Благодаря нам ему удалось избежать той же участи, но мир, населенный людьми, не стал от этого для него приветливей. Неудивительно, что он так цеплялся за наше общество, даже когда я гнал его чуть ли не пинками. Кроме нас, у него просто никого не было. Разумеется, он вовсе не собирался селиться ни в одном из городов, которые мы проезжали – городов, кишащих людьми, вызывающими у него страх и ненависть...

– По-моему, вы драматизируете, – возразила Элина. – В начале, конечно, так и было, но, по-моему, со временем он уже перестал чувствовать себя в человеческом обществе, как дичь среди охотников...

– Это по-вашему, – жестко усмехнулся Эйрих. – А по-моему, Йолленгел до конца дней своих не сможет жить в городе. Такой опыт, как у него, так просто из памяти не вытравляется... Думаю, что даже и местные зомби неприятны ему не столько тем, что они зомби, сколько тем, что они, по крайней мере внешне, люди. Да, в тихом, глухом местечке, где все люди ему знакомы и неплохо к нему относятся, он еще мог бы прижиться. Он ухватился за кишлак, надеясь, что там ему будет хорошо. И первые несколько дней так и было, а что началось потом, вы слышали. Я не знаю, углубился бы раздор дальше, или, напротив, все бы успокоилось – но при первых признаках негативного к себе отношения Йолленгел сбежал. Повторяю, я не осуждаю его за это. Чувство собственной беззащитности – едва ли не худшее чувство на свете. Однако полагаю, что главным мотивом его бегства было именно это, а не желание помочь нам. За нами он устремился просто потому, что мы опять-таки остались единственной его опорой во враждебном мире, и желание укрыться под нашим покровительством пересилило даже страх перед таинственным магом Рандавани. А теперь самое главное: а был ли вообще этот страх? По-моему, если Йолленгел и боялся в этом смысле, то лишь за нас, а не за себя. Он искренне желает нам добра, но и мешать Рандавани тоже не хотел, поэтому предупреждения его были столь неотчетливы. Подумайте сами – из нас четверых только Йолленгел не имеет причин противиться воцарению магов и, напротив, имеет все основания желать им победы. Он – реликт того же прошлого, что и они; как и у них, времена величия и славы его собратьев напрямую связаны с магией. Может быть, он надеется, что маги возродят его расу. А сочувствовать нынешнему мироустройству у него, как мы убедились, нет никаких оснований. Стремясь сюда, он еще не знал, что здесь произошло; но теперь, лишь немного подумав, быстро разберется, что к чему – если уже не разобрался. Думаете, я такой дурак, что посылал его через горы без продовольствия? Это была проверка. Если бы он согласился – значит, уже работает на магов. Но то, что он отказался,

еще не доказывает обратного. Повторяю, я не хочу сказать, что он желает зла лично нам. Может быть, он как раз искренне заботится, чтобы мы не пострадали в процессе смены власти. Но ожидать от него реальной помощи в борьбе против магов по меньшей мере наивно.

Молодые люди молчали, не зная, что возразить.

– Значит, – медленно сказал наконец Артен, – даже если я найду в книгах что-то полезное, я не смогу использовать эльфа, чтобы добыть необходимые ингредиенты.

– Верно, – кивнул Эйрих. – Собственно, с его приходом наше положение только ухудшилось. Мы снова не можем доверять одному из нас.

Йолленгел, однако, не догадывался, что отношение к нему прежних товарищей изменилось. На следующее утро он, посвежевший и полный сил, выразил готовность отправиться в город и сделать, что его попросят. Артен и Элина неловко переглянулись.

– Раздобудьте нам мечи, Йолленгел, – как ни в чем не бывало сказал Эйрих.

– Мечи?

– Ну да, только не эти, с крючьями на конце, они более подходят для стражника, чем для бойца. Поищите другие, прямые обоюдоострые, как те, что были у нас раньше.

– Да где ж я их возьму?

– Мы видели несколько штук на дальних улицах, возле окраины, – соврал Эйрих. – Не могу точно сказать, где именно – нас тогда занимали другие вещи...

– Сейчас оружие на улицах не валяется, – проинформировал его Йолленгел.

– Понятно, маги вооружают своих зомби, – пробормотал Эйрих. – Ну все равно, Нан-Цор – большой город, и вряд ли они успели перерыть его весь. Попробуйте все-таки поискать, Йолленгел, в конце концов, вы сами вызвались нам помочь.

– Вы думаете, мечи помогут вам против магии? – эльф был исполнен скепсиса.

– Я думаю, что лишними они не будут, – непреклонно ответил Эйрих. – В противном случае маги не отобрали бы их у нас.

Не похоже, что Йолленгела это убедило, однако он отправился в путь, вновь покинув дом через окно с задней стороны. Пленники проводили его завистливыми взглядами. Артен не удержался от искушения сунуть в окно руку одновременно с эльфом – и, разумеется, наткнулся на преграду.

– По крайней мере до обеда мы от него избавились, а если повезет, то и до вечера, – удовлетворенно констатировал Эйрих. – Можно идти вниз.

– А я опять тут сиди целый день и зомби в окно разглядывай, – пробурчала графиня.

– Что делать, Элина, сидеть под арестом – вообще не самое веселое занятие. Можете мне поверить, мне доводилось сидеть в куда менее комфортных условиях. Да и Артену тоже.

И обладатели тюремного опыта направились в библиотеку, а Элина, уже исписавшая последний чистый лист, положила подбородок на сплетенные пальцы и зло уставилась в окно.

Йолленгел действительно не пришел обедать и возвратился только к вечеру – как ни удивительно, с добычей. Вид у него, правда, был не особо довольный – ему удалось отыскать лишь один меч, и, конечно, не прямой обоюдоострый, которому неоткуда было здесь взяться, а стандартный с крюком.

– Ну, для начала это, конечно, тоже кое-что, – изрек Эйрих, скептически оглядывая меч; ножен не было, но рукоятка оканчивалась размыкавшимся металлическим кольцом, с помощью которого меч можно было подвесить на пояс.

– Я еще утром говорил, что это пустая затея, – в голосе эльфа послышались нотки раздражения. Хотя он и не принес то, о чем его просили, он надеялся услышать более высокую оценку своим многочасовым поискам под палящим солнцем в угрюмых руинах мертвого города, по улицам которого расхаживали безмолвные трупы его прежних жителей. Невидимость, между прочим, тоже отнимала силы.

– Может, и так, – неожиданно не стал спорить Эйрих. – А вы можете предложить идею лучше?

– Да, могу, – гордо ответил эльф. Он позволил себе выдержать паузу и был вознагражден нетерпеливым возгласом Элины «ну же, не томите!»

– Я говорил вам, что когда-то мой народ умел управлять животными. Если прежние эльфийские свойства вернулись, должно было вернуться и это. Сегодня я видел птицу – очень высоко и далеко, она была едва различимой точкой в небе над горами. Я попытался мысленно дотянуться до нее... по-моему, у меня получилось, хотя я не довел опыт до конца – я просто не смог бы одновременно управлять птицей и удерживать невидимость. Но если бы удалось заловить таким образом птицу, не выходя из дома, думаю, я не только заставил бы ее прилететь сюда, но и смог бы провести ее потом над горами и дальше. Не знаю, насколько далеко – вряд ли до самого Керулума, но до тургунайской территории наверняка.

– Почтовый голубь? Неплохая мысль, – оценил принц.

– Скорее орел, – уточнил Эйрих. – Голуби сюда не залетают, да и орлы разве что по ошибке.

– Есть, правда, опасность, что меня могут засечь из пирамиды, – продолжал эльф. – Это ведь не заклинание невидимости, это нечто противоположное. Но опять-таки – если ничего не заподозрят, то, скорее всего, и не заметят. Можно рискнуть.

– Да, это неплохая идея, – согласился Эйрих, и если бы Элина и Артен не говорили с ним накануне, то решили бы, что он и правда так думает. Впрочем, он, похоже, действительно отнесся к этой идее всерьез – по крайней мере, настолько, чтобы предложить Артену, как принцу Вангейскому, официальному представителю Тирлонда в тургунайско-тирлондской экспедиции, написать письмо хану. Элина смущенно заметила, что у них не осталось бумаги, на что Артен ответил, что бумаги, точно, нет, зато есть листы пергамента, доставшиеся в качестве трофея при разгроме лагеря хурданистанцев – «не думаете же вы, что я мог отправиться в экспедицию без материала для записей?» Принц по возможности лаконично, но точно изложил суть произошедших событий, опустив, по совету Эйриха, лишь линию с хурданистанскими шпионами в Тургунае – ибо кто знал, через чьи руки могло пройти письмо по дороге к хану. Последнее обстоятельство создало проблемы с адресом, который следовало начертать на тыльной стороне свитка: хотя у самого хана, конечно же, имелись переводчики с тарвилонского, но то же самое никак нельзя было сказать о среднем его подданном, даже и грамотном.

– Демоны, я почти совсем не знаю письменного тургунайского, – проворчал Эйрих. – Тургунайское письмо практически воспроизводит древнее ургунское, ибо у тагаев не было своей письменности, но ургунская письменность, насколько я знаю, довольно заметно отличалась от основной средневосточной. Хорошо же будет наше послание, на котором будет начертано что-то вроде «сырочна, сикредно, даставеть ханну» – или вовсе какая-нибудь нелепость, вы же знаете, как одна буква может изменить смысл слова...

– Во всяком случае, как пишется «хан Салымбек», я знаю, – сообщил принц. – Видел на верительных грамотах послов и в договоре.

– Тогда ограничимся этими словами, – решил Эйрих. – И для верности еще нарисуем тургунайский герб с драконом.

Элине, наблюдавшей серьезность этих приготовлений, не терпелось спросить: все-таки верят они эльфу или нет? Когда позже ей представилась такая возможность, Эйрих ответил: «А мы в любом случае окажемся в выигрыше. Если птица, сделав круг, влетит в одно из окон пирамиды, маги узнают лишь то, что они знают и так – что мы по-прежнему остаемся их врагами. При этом они решат, что мы отныне уповаем на помощь извне и оставили мысли о каких-либо самостоятельных действиях – а это нам, как вы понимаете, на руку. С другой

стороны, небольшой шанс, что Йолленгел все же играет на нашей стороне – по крайней мере пока – все-таки есть, и упускать его было бы величайшей глупостью».

В течение следующего дня эльф (невидимый, конечно) сперва слонялся в окрестностях дома, затем поднялся по длинной винтовой лестнице на одну из башен и высматривал птиц оттуда, но все тщетно – небеса мертвой страны были пусты. Та же история повторялась и на следующий день, и в конце концов измученный жарой, уставший и раздосадованный Йолленгел вернулся в дом раньше срока, спрыгнув с подоконника и обретая видимые очертания прямо перед носом вздрогнувшей от неожиданности Элины. Артен и Эйрих, разумеется, находились в библиотеке.

– Еще немного, и у меня будет тепловой удар, – брюзгливо поведал эльф. – Сегодня на улице еще жарче, чем вчера... а в этом городе с его застоявшимся воздухом, кажется, даже тени не приносят прохлады. Думаю, будет лучше, если каждый из нас сядет у окна в разных стенах дома и станет наблюдать отсюда. Где Эйрих?

– Он... кажется, он прилег отдохнуть, – ответила Элина. Воспитанная в рыцарском презрении ко лжи, она никогда не умела врать, а тем более тому, кого, несмотря на все аргументы Эйриха, не могла считать врагом.

– А принц Артен?

– Артен... он вообще-то тоже просил его не беспокоить...

– Понятно, – эльф сделал несколько шагов, повернулся и сел. – Значит, вы не доверяете мне.

– Но, Йолленгел... – совсем растерялась Элина.

– Вы считаете, что раз сам я принадлежу к магической расе, значит, буду на стороне ваших врагов.

– Ну согласитесь, что у нас были некоторые основания для таких подозрений, – Элина прятала неловкость за наступательными нотками.

– Люди есть люди, – вздохнул эльф.

– Вот именно! – графиня окончательно перешла в наступление. – Мы для вас – всего лишь люди, сородичи варваров, истребивших ваш народ. А маги – они, конечно, тоже люди, но другие, под их властью ваша раса процветала...

– А почему вы думаете, что наша раса никогда не хотела свободы? – печально произнес эльф. – Да, маги не были свирепыми сумасбродными тиранами, они стремились к миру и спокойствию на всей земле, для всех рас... но, думаете, так уж здорово тысячелетиями жить пусть и благополучной жизнью, но со знанием, что эту жизнь тебе позволили, что любое отступление от правил будет пресечено – при возможности мягко, а при необходимости и жестко? Жить под властью

чужаков, которые, при всей своей мудрости, не понимают твой народ до конца и попросту навязывают ему свое представление о благе? Конечно же, мы не хотели конца магии, мы понимали, сколь тесно от нее зависим. Но мы хотели конца власти человеческих магов. Увы, оказалось, что одно невозможно без другого... – он немного помолчал и продолжил: – Вообще-то вы были не так уж неправы в своих подозрениях. Если бы был шанс на возрождение моей расы... Но его нет. Та магия, с помощью которой мы управляем животными... у нее есть еще одно применение. Оно называется анэрэт вайи – «братский зов». Эльф, находящийся в беде, мог позвать другого эльфа – того, что находился ближе всех. Это не значило, что тот обязательно придет на помощь, но, по крайней мере, отклик его ощущался всегда. Оказавшись в Зурбестане и чувствуя возвращение магических способностей, я первым делом применил анэрэт вайи – впервые в жизни, ибо в немагическом мире это уже не действовало. Но я не получил никакого ответа. Я надеялся, что виной тому отсутствие навыка, но с другими магическими способностями таких проблем не возникало. Я пробовал снова и снова... бесполезно.

– Может быть, просто слишком велико расстояние, – предположила Элина.

– Анэрэт вайи не имеет ограничений по расстоянию. Точнее, не имел в прежнем мире, и какое-то время я еще надеялся... Но из ваших разговоров я понял, что зурбестанская магия может воздействовать на внешний немагический мир. Так что все это означает только одно – я действительно последний эльф на свете, и со мной наша раса угаснет навсегда.

Он говорил печально, но спокойно; это открытие не стало для него шоком, он давно подозревал, что дело обстоит именно так, а позволять надежде слишком уж увлечь себя он разучился еще в луситском лесу.

– Но здесь есть и положительный момент, – добавил он бодро. – Я несколько раз посылал отсюда свой зов во все стороны света, и маги не засекли его. Конечно, анэрэт вайи обращен к эльфам, и по идее никто другой не должен его слышать... но маги могли бы, если бы, опять-таки, задались такой целью. Но они слишком беспечны, они, как видно, не ожидают магического противодействия внутри Зурбестана – и уж тем более эльфийского... А значит, узконаправленный сигнал, управляющий птицей, тем более останется для них незамеченным.

– А почему вам необходимо увидеть птицу, чтобы получить контроль над ней? – Элина охотно переключилась в практическую плоскость. – Если эльфа можно было позвать, и не видя его, а вы говорите, что тут задействована одна и та же магия...

– Как раз потому, что птица или зверь – существа немагические, и не услышат зов, обращенный просто в пространство, если не направить сигнал прямо на них.

– Ну что ж, значит, нам действительно лучше засесть у окон и смотреть в небо. Жаль, что дома закрывают изрядную часть обзора, особенно эта пирамида... Пойду позову остальных. Надеюсь, что с недоверием наконец покончено.

Эйрих, впрочем, даже и выслушав Элину, не воспылал желанием выдать эльфу тайну подземелья.

– Допустим, все это правда и он полностью на нашей стороне – но что, если маги все-таки засекут его, схватят и допросят? Тот, кто лучше владеет магией, более уязвим для нее, так что им не составит труда вытянуть из него все. Впрочем, не думаю, что они остановятся и перед банальными пытками, если почувствуют, что их замысел под угрозой – о, разумеется, исключительно ради будущего блага всего мира!

– Он уже знает, что в доме есть нечто, что мы скрываем, – возразила Элина, – а узнав это, маги быстро доберутся до истины.

Эйрих нехотя признал этот довод, и Йолленгел был посвящен в тайну, оставившую его, впрочем, достаточно равнодушным – ведь он был неграмотным и ничего не смыслил в науке вообще и в химии в частности.

Артен так и не пожелал подняться из библиотеки, заявив, что для такого дурацкого занятия, как высматривание птиц в окна, троих более чем достаточно. Неизвестно, оказался ли он прав, и занятие действительно было дурацким, или же для успеха не хватило как раз его пары глаз, но в тот день продолжавшиеся до самого заката наблюдения так ничего и не дали.

На следующее утро они снова какое-то время без толку просидели у окон, а затем эльф все-таки вышел наружу. Полтора часа спустя он окликнул от окна Элину.

– Есть! – радостно сообщил он, стоя снаружи и оставаясь невидимым. – Это действительно орел или беркут, я плохо разбираюсь в нелесных птицах. Я поднялся на башню и увидел его в небе...

– Где он? – нетерпеливо перебила графиня.

– Я закрыл его в какой-то глухой комнатушке башни. Давайте письмо.

Графиня позвала Эйриха, который был явно не в восторге от того, что не может привязать письмо сам, и долго объяснял эльфу, как завязать тесемку крепким и надежным узлом, исключающим потерю драгоценного документа. Прошло около сорока минут, прежде чем Йолленгел спрыгнул на пол с подоконника, вновь становясь видимым. Выглядел он совершенно измочаленным – за короткое время ему пришлось дважды подняться по лестнице на высокую башню, да еще бежать всю обратную дорогу, чтобы вышедший из-под контроля на время использования невидимости пернатый посланец не успел улететь слишком далеко. Однако отдыхать Йолленгелу было некогда. Эйрих тут же усадил его за стол, на котором

была разложена карта – Эйрих сам рисовал ее во время перехода через горы. Первым делом эльф восстановил контроль над своим подопечным – теперь, когда он настроился на птицу, на небольшом расстоянии он мог отыскать ее и без визуального контакта. Затем лицо его обрело отрешенное выражение. Нельзя сказать, что он полностью впал в транс – он мог коротко отвечать на задаваемые вопросы, и взгляд его, устремленный куда-то вдаль, периодически опускался к карте – однако бóльшая часть его сознания находилась теперь не здесь, а в небе над Бхиланайскими горами.

Путь крылатому гонцу предстоял неблизкий. Час проходил за часом, а эльф все сидел за столом в той же позе. Люди ушли на обед, затем вернулись с долей Йолленгела; Элине пришлось кормить его с ложки, что ей не слишком понравилось, но она утешила себя мыслью, что это подобно заботе о раненом боевом товарище. Потом Эйрих помассировал эльфу одеревеневшие мышцы плеч и спины. Птице тоже приходилось несладко – один раз Йолленгел позволил ей ненадолго присесть отдохнуть и напиться из горного ручья, но отпустить ее поохотиться он не мог – на таком расстоянии, раз утратив контроль, он уже не сумел бы его восстановить. Для того же, чтобы успешно охотиться под контролем, нужно было бы, чтобы контролирующий сам был птицей, со всеми ее рефлексами и повадками.

Прошел ужин. Солнце скрылось за вершинами гор, и стало быстро темнеть. Эльф сидел очень бледный, и все лицо его было в мелких бисеринках пота. Он не мог спать сам и не мог позволить это птице, ибо, опять же, безвозвратно потерял бы управление. Эйрих и Элина уселись по обе стороны от Йолленгела, чтобы тормошить его и приводить в чувство, едва голова его начинала клониться набок. Им и самим приходилось бороться со сном, хотя нельзя сказать, чтобы такое испытание было для них непривычным. В общем, в эту ночь в доме спал только Артен, и ему снилось, как он читает доклад о Зурбестане на заседании Тирлондского Королевского Научного Общества, а в президиуме сидят анатомированные зомби и одобрительно кивают пришитыми головами.

Утром Йолленгел был уже на грани обморока. Лицо его, уже даже не белое, а какое-то серое, походило на лицо мертвеца даже больше, чем у наполнявших город зомби, пульс был редким и слабым. Эйрих то и дело совал ему под нос какое-то снадобье с резким запахом; он пытался также подбадривать Йолленгела массажем активных точек, но, очевидно, расположение таковых у эльфов отличалось от человеческого. Когда первые лучи солнца пробились в окна комнаты, лицо Йолленгела вдруг напряглось, дыхание участилось – он словно устремился куда-то в последнем рывке. Затем губы расплылись в блаженной улыбке и, что-то промычав, эльф повалился на стол.

Эйриху пришлось провозиться несколько минут, прежде чем он убедился, что Йолленгел вне опасности. Эльф, впрочем, так и не пришел в себя – обморок перешел в глубокий сон. Следом отправились отсыпаться и Элина с Эйрихом; принц едва добудился их к обеду.

Йолленгел проснулся только к вечеру и сообщил, что ему удалось дотянуть до тургунайского разъезда в степи. Птица упала прямо под ноги лошадям – упала, должно быть, уже мертвой. Что ж, теперь оставалось лишь ждать и надеяться.

После того перенапряжения, которое перенес Йолленгел, он еще несколько дней не мог пользоваться магией – а следовательно, и выходить из дома. Но он особенно и не рвался в город раскаленного камня, пыли и мертвецов и с куда большим удовольствием проводил время, беседуя с Элиной, которая, наконец, тоже нашла себе собеседника. Правда, теперь роли их поменялись: если прежде говорил в основном эльф, а графиня конспектировала, то теперь, напротив, она рассказывала Йолленгелу о своей пока еще не длинной, но уже достаточно богатой событиями жизни, об истории и укладе западных королевств и, разумеется, о подвигах своего отца.

Прошло три недели. Несмотря на то, что каждый день Артену и Эйриху открывались все новые поразительные факты, теории и догадки зурбестанских ученых, все это пока что не могло приблизить их к победе над магами. Впрочем, Эйрих заранее распорядился не съедать, а откладывать выдававшиеся пленникам лепешки, дабы у них были сухари на тот случай, если предоставится возможность бежать. Учитывая, что им и так приходилось делить три порции на четверых, они теперь – ну, не сказать чтобы голодали, но, вставая из-за стола, уже не чувствовали себя вполне сытыми.

Периодически Эйрих посылал Йолленгела на разведку в город; тот, хотя и избегал больших скоплений зомби и непосредственных окрестностей пирамиды, сообщал о продолжавшихся в Нан-Цоре работах и приготовлениях. Над трубами мастерских поднимался дым, изнутри доносился грохот и лязг железа. Несколько раз эльф видел, как целая толпа зомби, словно муравьи – гигантского жука, медленно волокла к воротам мастерской тяжелую самоходную машину. Поначалу это всерьез беспокоило людей, которые опасались, что маги разобрались в устройстве машин и собираются отремонтировать их и поставить на службу своей армии; однако Йолленгел ни разу не видел, чтобы какие-либо машины покидали мастерские или передвигались по городу своим ходом. Зато он наблюдал повозку, запряженную лошадью (тоже, очевидно, зомби, по этой причине не нуждавшейся в возничем); эта повозка выехала из ворот мастерской и была доверху загружена новенькими блестящими мечами. «Вот оно, будущее науки при благом правлении мудрейших! – саркастически комментировал Артен. – Разломать машины, чтобы

понаделать из них варварского оружия, о презрении к которому они столько распинались!» Эйрих же, как обычно, мысливший более практически, спросил, не может ли Йолленгел умыкнуть пару готовых мечей. Однако эльф решительно отказался, заявив, что повозки ездят по кишащим зомби улицам, а склады хотя и не охраняются – ибо не от кого, по мнению магов – но, тем не менее, тщательно запираются.

В другие свои вылазки Йолленгелу доводилось наблюдать на улицах и площадях учения зомби, которые маршировали колоннами, разворачивались в цепь, обходили противника с флангов и синхронно лупили друг друга когда тупыми, а когда и острыми мечами – ведь разрубленного снова можно было вернуть к его псевдожизни. Элина высказала здравую мысль, что на самом деле это тренируются вовсе не зомби, которые, не обладая собственным разумом, вовсе в таком не нуждаются – это сами маги учатся ими управлять. Эйриха весьма интересовала общая численность мертвого воинства, но на сей счет эльф затруднялся предоставить точные сведения. Он не мог определить, видит ли он каждый раз одних и тех же зомби или разных, и тем паче не мог поручиться, что в то же самое или в другое время другие подразделения не тренируются в других местах, особенно за городом, где, понятно, было куда больше места для отработки приемов именно большими группами. Эльф не мог даже назвать численность тех отрядов, что видел – хотя со счетом у него обстояло получше, чем с чтением и письмом, но прежде ему не приходилось оценивать количество людей, исчисляющееся тысячами. В результате долгих расспросов Эйрих пришел к выводу, что виденные Йолленгелом отряды насчитывают от пяти до десяти тысяч бойцов.

– Ну это-то, положим, немного, – сказал он. – Но в Зурбестане жило никак не меньше миллиона человек. А может, и два, и пять, и десять. Допустим, маленькие дети и дряхлые старики не годятся в солдаты даже в качестве зомби... но все равно, даже не в самом худшем случае маги могут располагать армией в пару-тройку миллионов. Я не знаю ни одной страны, способной противостоять такой армии. Правда, у меня не вызывают большого уважения солдаты с давным-давно сгнившими мозгами...

– Солдаты, которые не чувствуют боли, страха и усталости, которые всегда беспрекословно выполняют приказ, – возразила Элина. – И их трудно убить – необходимо отрубить или уничтожить голову, и даже в этом случае тело может еще несколько минут махать мечом, правда, уже совсем бестолково.

– Как обезглавленная курица, – кивнул Эйрих. – И все же никакая марионетка не заменит бойца, думающего собственной головой, хотя многие офицеры и придерживаются обратной точки зрения. А офицеров, кстати, у них как раз и нет.

Маги вынуждены управлять всеми своими бойцами непосредственно, поэтому, очевидно, им и приходится ограничиваться тысячами вместо миллионов.

– Это пока, – мрачно заметил Артен. – Придет время – будут у них и офицеры. В нашем мире еще достаточно людей, учившихся магии...

– Не некромантии, – возразила Элина. – Она под запретом.

– Во-первых, мы не знаем, как с этим обстоит на Востоке, во-вторых, подучатся всему, чему надо. Стоит магам одержать пару серьезных побед – и под их знамена побегут. И карьеристы, и искренние идиоты, стосковавшиеся по сказкам о славном и великом прошлом... А мы тут сидим и ничего не можем сделать...

Однако, по прошествии трех недель с небольшим со времени посылки письма, ситуация изменилась.

Эльф уже во время обеда проявлял какое-то беспокойство, а чуть позже решительно заявил, что в городе происходит *нечто*.

– Что-то масштабное, связанное с магией, – только и мог пояснить он. Эйрих, естественно, велел ему прогуляться и посмотреть.

Йолленгел вернулся очень быстро – прошло едва ли больше получаса, хотя его изнывавшим от нетерпения товарищам и это время показалось слишком долгим.

– Зомби уходят из города! – возгласил эльф даже раньше, чем стал видимым. – Уходят большими колоннами, с оружием! Их во много раз больше, чем я видел прежде!

– Началось, – мрачно констатировал принц.

– Подождите, Артен, – отмахнулся Эйрих. – Йолленгел, как они вооружены? Максимально подробно.

Эльф задумался, вызывая в памяти недавние образы – впечатленный общей картиной, он как-то не обратил внимания на детали. Наконец он поведал, что многие зомби с прямыми мечами, круглыми щитами и в доспехах. Странные это были доспехи, состоявшие в основном из шлемов, наплечников, наручей и поножей – зомби не было особой нужды защищать туловище, а вот без руки или без ноги драться было бы уже значительно сложнее. Но немало было и таких, у которых не было ничего, кроме единственного меча. Наконец, часть мертвого войска не была оснащена даже мечами и шла чуть ли не с дубинами, какими-то необработанными ржавыми железяками и даже вовсе с голыми руками.

– Все ясно, – повеселел Эйрих. – Ну, господа, поздравляю! Наше послание получено и воспринято так, как надо. То, что маги двинули свою армию в поход, не успев закончить ее вооружение, свидетельствует только об одном – их враг уже

совсем близко. Вероятно, в эту самую минуту тургунайская армия вступает на территорию Зурбестана!

– Не слишком ли быстро? – усомнилась Элина. – Вряд ли у тургунайцев имеются крупные гарнизоны вблизи гор – ведь с этой стороны им не грозит никакой враг, так, по крайней мере, было до сих пор. А даже ускоренным маршем идти сюда от столицы, учитывая еще переход через горы...

– Вы мыслите западными категориями, измеряя расстояние переходами панцирной пехоты, – возразил Эйрих. – Не забывайте, что в степи основной род войск – кавалерия. Хотя, вероятно, боевых коней им пришлось оставить в предгорьях.

– А если это хурданистанцы? – предположил вдруг Артен.

– Вряд ли, – покачал головой Эйрих. – Небольшой отряд не вызвал бы такого переполоха, а крупную армию им бы не удалось провести незамеченной по южным окраинам Тургуная.

– Я еще не все сказал, – вмешался эльф. – Барьер ослабевает.

– Что? – Эйрих в первую секунду не понял, о каком барьере речь.

– Логично, – отозвалась Элина, – очевидно, сейчас практически вся магическая энергия тратится на управление большой армией зомби...

Эйрих, наконец, осознал смысл слов Йолленгела. В следующий миг он уже был у окна и совал туда руку.

– Такой же прочный, – разочарованно констатировал он, не преуспев.

– Маги не дураки, они же не могут позволить барьеру исчезнуть совсем, – пояснил эльф. – Но сейчас он что-то вроде гнилой стены – на ощупь твердый, но удара не выдержит.

– Вы имеете в виду обычный удар или...

– Магический, – закончил эльф. – Не знаю, смогу ли я открыть дорогу в одиночку, но вдвоем с Элиной мы наверняка справимся.

– Так, – Эйрих коснулся двумя пальцами виска, призывая всех спокойно обдумать ситуацию. – Мы можем бежать сейчас или после ужина. Во втором случае у нас будет бóльшая фора по времени – если, конечно, наш побег не обнаружат раньше очередного визита зомби.

– Могут не обнаружить и после визита, – заметила Элина, – мы ведь не всегда встречаем его в столовой.

– Можно предположить, что чем позже, тем более магам будет не до нас. К тому же, в темноте легче прятаться... но, должно быть, не от магов?

– И не от их слуг тоже, – сообщила Элина. – Насколько я знаю, зомби хорошо видят в темноте.

– Йолленгел, вы можете прикрыть нас невидимостью?

– Увы, – развел руками эльф.

– Я могу, – неожиданно известила графиня. – Точнее, это не столько невидимость, сколько незамечаемость. Находящееся под защитой этого заклинания видят, но не обращают на него внимания. Иногда это срабатывало даже во внешнем мире, правда, редко и ненадежно. Но уж здесь-то должно работать на полную мощность.

– И все же я предлагаю бежать после ужина, – заявил Эйрих. – Тогда зомби, а возможно, что и большинство магов, покинут город. Но бой до этого времени уж точно не кончится – стороны разве что успеют занять позиции. Впрочем, – лукаво усмехнулся он, – мы ведь рассчитываем на то, что и конец боя будет в нашу пользу, не так ли?

– А мы сумеем пробраться через расположение зомби? – усомнился принц.

– Мы не пойдем напрямую. Когда нас хватятся, то, конечно, решат, что мы побежали на север, прямиком к туннелю в горах. А мы побежим на запад и двинемся к выходу в обход, по горам.

– А если до ужина барьер снова усилится? – спросила Элина.

– Я слежу за ним, – заверил ее эльф. – Я успею предупредить вас.

В общем, Эйриху удалось своим авторитетом продавить идею бегства после ужина. Он настоятельно рекомендовал своим товарищам выспаться в оставшиеся часы, однако лишь он сам, да еще эльф, в полной мере последовали этой рекомендации; остальным мешало нетерпеливое нервное возбуждение. Артен пытался вновь углубиться в зурбестанские книги, но не мог сосредоточиться на сложном материале; в конечном счете он набил книгами свою котомку, хотя и рассчитывал вернуться в библиотеку после победы над магами.

И вот, наконец, долгожданный момент для бегства настал. Опасения графини не оправдались – мощность барьера лишь еще снизилась. Они с эльфом встали напротив окна, выходившего на запад, на противоположную от пирамиды сторону.

– Знаете, что делать? – спросил Йолленгел.

– Да. Сконцентрировать энергию и бить в одну точку, стараясь ловить отраженный импульс и вновь направлять его в барьер.

– Тогда начали.

Им потребовалась всего пара минут, чтобы магическая защита поддалась и лопнула. Еще через минуту все четверо были уже снаружи, и Элина поспешно активировала заклинание незаметности, признав, впрочем, что вряд ли оно может служить надежной защитой от магов.

– Будем надеяться, что они слишком поздно спохватятся, – Эйрих, впервые за много дней оказавшись на улице, с удовольствием разминал свое сильное тело,

хотя и в комнатах не должен был страдать от тесноты. – Эх, жаль, что у нас только один меч... Ну, не будем терять времени.

Оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, они перебегали от дома к дому, стараясь оставаться в густой тени высоких домов. Нан-Цор выглядел теперь по-настоящему мертвым и заброшенным; хотя какие-то зомби наверняка остались в городе (например, тот, что приносил пленникам еду), улицы были совершенно пусты. Благодаря немалой высоте зурбестанской столицы над уровнем моря, удушливая дневная жара быстро сменялась прохладой, и все же даже вечерний воздух Нан-Цора оставался душным, пыльным, тяжелым. Воздух города без единого деревца и травинки, воздух даже не смерти, а попросту не-жизни... «Столица мира», – хмыкнула Элина, глядя на пустые глазницы окон.

Они без приключений добрались до западной окраины Нан-Цора, а на закате были уже возле гор. На их счастье, столица Зурбестана лежала не в центре горного кольца, окаймлявшего страну, а была смещена к северо-западу; и все равно им предстояло пробираться по внутренним склонам гор почти всю ночь, если они хотели выйти к туннелю к утру. Они не стали забираться слишком высоко и двигались на высоте около трехсот футов – даже ниже, чем вершина уже далекой отсюда пирамиды; Йолленгел, с его способностью находить дорогу, шел впереди – без него ночью в незнакомых горах им пришлось бы несладко. Впрочем, дорога все равно была не из легких, и около часа пополуночи Эйрих объявил привал; Элина и Артен получили возможность поспать пару часов. Поскольку ночью в горах холодно, а разжигать костер было нельзя, они сидели, прислонясь к большому плоскому камню и тесно прижимаясь друг к другу, зажатые, в свою очередь, между Эйрихом и Йолленгелом. Эльф тоже вскоре задремал, но Эйрих, в голове которого словно находился часовой механизм, в положенный срок растолкал всех троих, и они продолжили свой путь под звездами.

На рассвете они впервые увидели внизу магическое войско.

До туннеля оставалось еще больше двух миль, и в этой части зурбестанская котловина была уже достаточно широкой; тем не менее, развернутые в цепи боевые порядки зомби перегораживали ее всю, растянувшись от гор на востоке до гор на западе по вогнутой в сторону центра котловины дуге. У Элины захватило дух от вида этих бесконечных рядов, застывших в молчаливом ожидании. Войско внизу не походило на обычный лагерь перед боем. Там не стояли палатки, не горели костры, не слышно было звуков оттачиваемого и проверяемого в последний раз перед битвой оружия, не доносилось скабрезных шуток и веселых песен, которыми обычно солдаты подбадривают себя, прежде чем заглянуть в

глаза смерти... Только растянувшиеся на много миль шеренги недвижных безмолвных фигур.

И это была самая большая армия, какую графиня видела за всю свою богатую военными походами биографию.

– Тысяч двести, – мрачно оценил Эйрих. – Может, и больше.

– Надеюсь, тех, кто пришел с севера, не меньше, – проворчал принц.

Эйрих не ответил, но он так не думал. Он понимал, что провести в короткие сроки такую большую армию по сложному горному маршруту, который был единственной дорогой в Зурбестан, более чем затруднительно.

– И отцы-командиры, конечно, тоже здесь, – сказал вместо этого Эйрих, указывая на редкую цепь шатров в тылу основных боевых порядков. Шатров было двенадцать; очевидно, двое магов остались в пирамиде.

– Если надеетесь к ним подобраться, забудьте об этом, – предупредил эльф. – Я отсюда чувствую защиту вокруг каждого шатра. Комар не пролетит незамеченным.

Фланги воинства мертвецов поднимались и в горы – правда, лишь футов на сто, но беглецы на всякий случай вскарабкались еще на три сотни футов вверх и лишь тогда решились миновать линии врага – осторожно, чуть ли не затаив дыхание, чтобы какой-нибудь камушек, сорвавшись вниз и вызвав осыпь, не привлек к ним внимание. Когда армия зомби уже осталась позади, Эйрих вдруг велел остальным ждать его и, осведомившись у эльфа относительно радиуса магической защиты, пополз вниз на разведку. Отсутствовал он долго, почти час; оставшиеся начали уже всерьез волноваться. Но вот Элина заметила его фигуру, неслышно двигавшуюся меж камней подобно большой ящерице.

– Практически безоружных не менее трети, – удовлетворенно сообщил Эйрих. – У вооруженных – только простые мечи, западного и восточного образцов. Ни трубок с едким газом, ни другой экзотики. Трехглазых тоже нет, все зомби – люди, почти исключительно мужчины.

– Маги есть маги, – с усмешкой констатировал Артен. – Косность и консерватизм во всем. Нам очень повезло, что наши враги так боятся всего нового.

– Не говорите «гоп» насчет везения, – проворчал Эйрих.

Беглецы двинулись дальше, постепенно спускаясь – так, чтобы оказаться на плоской земле как раз возле входа в туннель. Вскоре они уже видели впереди солдат противостоявшего магам войска. Оно выглядело намного менее внушительно – от силы пара батальонов разворачивалась в пешем строю на берегу реки – однако это, очевидно, было только начало; из жерла туннеля появлялись все новые и новые воины. Кроме того, тургунайские островерхие шлемы и

кольчуги поблескивали там и сям среди скал на уже освещенном склоне слева (то есть к западу) от туннеля.

Именно по этому склону спускались теперь беглецы. «Как бы нас не зарубили сгоряча, приняв за противника», – пробормотал Эйрих, прыгая с камня на камень (в этих местах Элина уже не тратила силы на магию, да и при столкновении нос к носу от заклинания незаметности было бы мало проку). И буквально тут же навстречу им из-за скалы вышло, сверкая обнаженными мечами, несколько солдат – как оказалось, пятеро, но Элина не обратила внимание на остальных, ибо во все глаза смотрела на первого, явно не принадлежавшего к этническим тургунайцам.

– Редрих? – наконец отважилась вымолвить Элина, все еще не в силах поверить своим глазам. Хотя не верить им было трудно, несмотря даже на глубокий багровый шрам, изуродовавший щеку герцога.

– Рэдрых Ур-Манар, командир первого ферлука полка хардыгар Великого Хана Салымбека Третьего, – подчеркнуто небрежным тоном представился молодой воин. И тут же глаза его сузились в щелочки, сверкнув ледяным презрением: – Я, кажется, вижу перед собой графиню Айзендорг, которая не держит слова?

Элина почувствовала, как краска заливает ей лицо.

– Но, Редрих... – пролепетала она.

– Герцог, – осадил ее Редрих. – Или ферлукер – в нынешних условиях это звание куда более полезно. Право называть меня по имени надо еще заслужить.

– Герцог, мы же пытались вас вытащить! И уже почти вытащили, но тут... Вы понимаете, Эйрих убедил меня, что вы уже фактически мертвы... а нам нужно было спасать Артена...

Редрих стрельнул в Эйриха неприязненным взглядом – он давно подозревал, что этот странный тип хочет от него избавиться! – однако тут же вновь обратил свой колючий взор на Элину.

– Не пытайтесь свалить свою вину на других. Эйрих мне ничего не обещал. Это вы обещали освободить меня. А вместо этого бросили на верную смерть в рабстве.

– Вы не очень похожи на мертвеца, – едко ответствовала Элина. Она была не из тех, кого можно долго и безнаказанно возить физиономией по столу – даже если сознавала свою вину.

– Это исключительно моя заслуга, а не ваша, – отрезал Редрих. – Половина тех, кого покупают для заключительной фазы подготовки хардыгар, гибнет в первом же бою, в лучшем случае – в первый день боев. Хороший боец, если повезет, может продержаться неделю. Очень хороший – две. Я продержался больше трех. Не думайте, что мне это ничего не стоило. Мое лицо вы уже видели, теперь взгляните на руку, – он резко протянул левую кисть ей прямо к глазам, так что

Элина невольно отпрянула. На руке не было половины мизинца и последней фаланги безымянного пальца.

– Под кольчугой есть и другие отметины, – сообщил Редрих. – Тем не менее, утром двадцать третьего дня я был еще жив и даже ни разу не получил по-настоящему тяжелой раны – неспособным стоять на ногах хардыгары перерезают горло, причем это касается не только врагов, но и своих, если те задерживают поход. В то утро я убил своего двенадцатого кандидата в хардыгары. Я бы убил их гораздо больше, если бы ук-хаффам, как они называют рабов для боя, давали хорошее оружие. Восьмерых из двенадцати я убил оружием, отобранным у противника. И вот когда я убил двенадцатого и стоял над его трупом, готовясь отразить атаку еще четверых, они вдруг отступили, салютуя мне мечами. Потом ко мне подошел ир-Берхани, командир хардыгар, и объявил, что я больше не ук-хафф. Ук-хафф, которому удалось убить дюжину кандидатов, занимает их место и сам становится хардыгаром, причем, если знаком с военным делом, то сразу офицером или, как минимум, унтером – сарлыком, по-тургунайски.

– И много таких среди хардыгар? – заинтересованно спросил Эйрих.

– Большинство офицеров и сарлыков – бывшие ук-хаффы. Но сами ук-хаффы не знают об этом, пока не убьют свою дюжину. Ценится лишь тот, кто сражается даже без шансов на спасение, даже зная, что обречен.

– Остроумно, – кивнул Эйрих.

– Но какое же может быть боевое братство между теми, кто некогда пытался убить друг друга? – удивилась Элина. – Как хан может доверять свою безопасность врагам, которых привели в его столицу в цепях и обрекли на смерть?

– Вас же не удивляет, что западные короли доверяют свою безопасность наемникам, – усмехнулся Редрих. – Быть хардыгаром, а тем более офицером хардыгар – высокая честь, дающая к тому же немалые привилегии. И тот, кто некогда был рабом, способен оценить это даже лучше, чем свободный. А кандидаты знают, на что идут, когда поступают в школу хардыгар. Так что все взаимное озлобление остается в прошлом. Можете мне поверить, я сам прошел через это.

– И что, вам нравится быть солдатом хана? – недоверчиво спросила Элина. – Разве вы не хотите вернуться домой, на Запад... герцог? – не без умысла добавила она.

– Что я там не видел, – скривился Редрих. – У меня нет дома, его отняли, когда я был ребенком. Мой титул не дает мне ничего, кроме чести, а она со мной везде, где бы я ни был. Лучше уж быть ферлукером в гвардии хана, чьи владения больше всех королевств Запада, вместе взятых, чем жалким капралом в армии какой-то Пирвадии. («Впрочем, Элина, – добавил он мысленно, – есть одно обстоятельство,

которое заставило бы меня вернуться... да, хоть вы меня и предали, оно все еще есть... демоны!»)

– Кстати, что такое ферлук? – спросил Эйрих.

– Что-то вроде западного батальона, – ответил Редрих. – Четыре сотни. В тургунайской армии основное деление идет на четыре, а не на три, как на Западе. В обычном полку четыре ферлука, но в хардыгарском – пять.

– Ясно. И сколько полков сюда прибыло?

– Хардыгарский полк – только один. Не считая отдельного ферлука личной охраны хана, который, конечно, остался в столице.

– Что?! – товарищи Эйриха редко когда видели столь бурные эмоции на его лице. – Две тысячи мечей? Это – все?! Вы знаете, с кем вам предстоит воевать?!

– Мы получили ваше письмо, – невозмутимо ответил Редрих.

– Там, внизу, двести тысяч зомби! Соотношение один к ста, если вы уже забыли арифметику!

– Один хардыгар стоит десятка просто хороших солдат, – возразил герцог. – А один хороший солдат стоит десятка безмозглых зомби.

– Зато боюсь, что один маг стоит не одного десятка хардыгар, – ядовито изрек Эйрих. – Я имел возможность убедиться в этом лично. А их там – целая дюжина.

– Вряд ли у них хватит сил одновременно управлять зомби и применять какую-то еще сильную магию, – вмешалась Элина. – Или одно, или другое.

– Все равно, – настаивал Эйрих. – Силы слишком неравны. Вы должны немедленно уводить своих людей из Зурбестана и отправляться за подкреплением. Где ваш командир? Я должен объяснить ему ситуацию.

– Я велю солдату проводить вас к нему. Ир-Берхани, конечно, будет интересно узнать ваши разведданные. Но я сильно сомневаюсь, чтобы он отдал приказ об отступлении. Знаете девиз хардыгар? «Хардыгары не боятся смерти. Хардыгары *и есть* смерть.»

– Ваши нынешние противники могли бы сказать о себе то же самое, – усмехнулся Артен, которому надоело молчать.

– Принц Артен, если не ошибаюсь? – соизволил обратить на него внимание Редрих.

– Приветствую вас, герцог, – Артен сделал вид, что не заметил его насмешливого тона, – и благодарю за участие в экспедиции по моему освобождению. Собственно, это уже вторая такая экспедиция...

– У некоторых людей талант попадать в неприятности, – якобы сочувственно кивнул Редрих.

– Кому, как ни вам, это знать, – тут же парировала Элина.

– А на вашем месте я бы помолчал, – окрысился на нее герцог.

– Когда окажетесь на моем месте, тогда и будете решать, что на нем делать. У вас могут быть претензии ко мне, но принца оставьте в покое.

– Ну разумеется, – ответил Редрих с видом «так я и думал».

– Кузина, я вполне способен сам за себя постоять, – улыбнулся Артен.

– Господа! – громко перебил их Эйрих. – Вам не кажется, что у нас есть более насущные проблемы? Берите пример с... кстати, а где Йолленгел?

Эльфа нигде не было.

– Он был с вами? – удивился Редрих. Действительно, в письме Артена об эльфе не говорилось.

– Должно быть, опять стал невидимым, – решила Элина.

– Он и это умеет? – удивление Редриха возрастало.

– Здесь – да, – сообщила графиня. – Здесь и я, между прочим, умею больше, чем во внешнем мире.

– Нас тоже сопровождает маг, – поведал герцог. – Мы готовы к встрече с врагом.

– Не нравится мне, когда идущие со мной внезапно пропадают... – пробормотал Эйрих. – Особенно – здесь... Ну ладно, Редрих, давайте нам своего провожатого. Или идемте с нами.

– Я должен закончить рекогносцировку, – важно ответил Редрих. – Но позже я присоединюсь к вам. Перед боем все ферлукеры соберутся у Берхани.

Он что-то сказал по-тургунайски одному из сопровождавших его солдат, и тот поклонился, принимая приказ.

– Кстати, Редрих, – Эйрих, уже делая шаг за солдатом, обернулся к герцогу, – не умаляя ваших достоинств как бойца, все же хочу спросить, как вы стали ферлукером? Мне прежде не доводилось видеть столь молодых командиров батальонов. («А лично я бы тебе, с твоими страстями, и взвода не доверил», – добавил он мысленно.)

– Ну, по правде говоря, из Керулума я выехал лишь заместителем командира первого ферлука, – признался Редрих. – Его звали Бен-Баадар, а в прошлой жизни – Фенвайдер. Он был западным наемником, подавшимся на восток. В свое время командовал ротой у султана Тагратского, в одном из походов, раненый, попал в плен... в общем, тоже бывший ук-хафф. Ему понравилось, как я дерусь, он спросил, приходилось ли мне командовать солдатами – тут мне и пригодился пирвадийский опыт. Поговорив со мной, он взял меня заместителем. А вчера, когда мы шли по ущелью, случился обвал. Погибло девять человек, включая и Бен-Баадара... Однако, мы теряем время!

– Верно. Ну, до скорой встречи, Редрих, – Эйрих, а за ним и двое других, двинулись по крутой тропинке меж скал.

– Да, графиня, вас там кое-кто дожидается, – небрежно обронил вслед герцог.

– Друг? – сердце Элины забилось быстрее.

– Можно сказать и так, – усмехнулся через плечо Редрих и шагнул вперед, скрываясь за скалой.

Элина, подгоняемая нетерпением, поскакала вниз по камням, обогнав своих спутников и даже провожатого. Полусотней футов ниже она выбежала на широкий уступ, чуть не налетев на того, ради кого так торопилась.

– Элина!

– Папа!

Она протянула графу руку, как рыцарь – рыцарю, но он без церемоний крепко сжал дочь в объятиях. Она с облегчением ответила ему тем же.

– Слава всем силам вселенной! – он, наконец, выпустил ее и отступил на шаг, осматривая Элину с головы до ног. – Ты жива и невредима. И ты повзрослела.

– Зато ты ничуть не постарел, – улыбнулась она. – Такой же непобедимый герой Запада. Кстати, у тебя не найдется лишнего меча?

– Запасного, дочка, запасного, – рассмеялся граф. – Оружие лишним не бывает.

Графиня услышала позади шорох сыплющихся камешков и шаги – очевидно, подходили ее спутники. И вдруг выражение лица Айзендорга изменилось. Веселость исчезла, словно стертая тряпкой; черты окаменели, глаза превратились в грозные бойницы. Элина поспешно оглянулась, думая, что каким-то образом сюда уже подобрался враг – но это был всего лишь Эйрих, за ним, чуть дальше – тургунайский солдат и выше, еще на склоне – непривычный к быстрому перемещению по горам Артен.

– Элина, отойди от этого человека, – процедил граф.

– От какого? Это же Эйрих! – Элина все еще не понимала. Но тут она заметила, что и лицо Эйриха выглядит более суровым, чем обычно, хотя и не столь напряжено, как у графа – скорее печально.

– Вот мы и встретились, граф Айзендорг, – сказал Эйрих, – хотя, право же, я не хотел этого.

Рука Айзендорга уже лежала на рукояти меча; Эйрих еще не схватился за свое оружие, но, похоже, готов был это сделать в любой миг. В этот момент тургунаец, видя, что между двумя белыми, оба из которых были охарактеризованы ему как союзники, назревает ссора, обратился к ним с недоуменным вопросом. Сперва Эйрих ответил ему, а потом граф, очевидно, подтвердил его слова.

– Артен! – крикнул Эйрих подходившему принцу. – Ступайте за солдатом и расскажите Берхани обо всем, что мы видели. Попытайтесь убедить его уводить людей. Надеюсь, при нем найдется толмач... А у меня тут... разговор.

– Граф Айзендорг? – удивленно и обрадованно воскликнул Артен.

– Рад приветствовать вас, принц, но все подробности позже. Поступайте, как сказал этот человек.

– Кузина? – недоуменно спросил принц.

– Все в порядке, Артен, – механическим тоном ответила Элина, хотя была более чем уверена в обратном.

Тургунаец продолжил спуск, и Артен, пару раз удивленно оглянувшись, двинулся вслед за ним.

– Да что здесь происходит?! – воскликнула Элина, стоя между отцом и Эйрихом и переводя взгляд с одного на другого.

– Этот человек – наримати, – сказал граф, внимательно следя за Эйрихом и готовый броситься в атаку при малейшем подозрительном движении.

– Что за чепуха! – искренне возмутилась Элина. – Это Эйрих, он несколько раз спасал меня, он умеет лечить людей, он...

– Это правда, Элина, – спокойно произнес Эйрих.

Девушка почти рефлекторно отпрянула к своему отцу. Эйрих печально усмехнулся.

Наримати! Слово, внушающее ужас, слово из древних легенд, не связанное с магией, но от того не менее жуткое. Наримати, таинственный и непобедимый орден наемных убийц, не знающих пощады и промаха. Простаки рассказывают о них страшные истории темными зимними вечерами; люди просвещенные смеются над этими рассказами, считая наримати просто еще одной суеверной выдумкой, такой же, как никогда не существовавшие вампиры и волколаки; и лишь немногие – в основном из числа сильных мира сего – знают, сколь глупо это «просвещенное» высокомерие. Знают и вздрагивают от страха в своих толстостенных замках и неприступных крепостях, за поднятыми мостами и опущенными решетками, под охраной щитов гвардии и мечей стражи... Ибо для наримати нет преград. Он может идти к цели год, два, десять, но в конце концов отыщет единственную щель в защите и нанесет единственный и смертельный удар.

Однако изначально наримати вовсе не были профессиональными убийцами. Орден наримати, что буквально означает «путь свободных», был основан еще в эпоху магов одним из Отрицающих (как именовали чародеев, не признававших профессиональную этику коллег). Участь Отрицающих была прискорбной – рано или поздно остальные маги (лоялисты), объединившись, уничтожали их; однако не было практически ни одного столетия, в которое не появился бы хоть один Отрицающий. Этими людьми двигали разные мотивы – чаще такие, как властолюбие и тщеславие, но бывало и по-иному. Сэнхаро, основатель ордена наримати, считал, что люди имеют право на свободу выбора и должны быть

освобождены из-под тотального контроля магов; его целью было научить людей скрываться от всевидящего магического ока. Разумеется, обязательным условием для наримати было полное отсутствие каких-либо магических навыков; в орден специально отбирали детей, имевших наименьшие магические способности, и воспитывали их в изоляции от пронизанного магией тогдашнего мира. Однако в те времена и этого было недостаточно. Наримати могли избегать внимания чародеев, пока сидели тихо и ничего не предпринимали; однако, стоило им совершить какое-либо деяние, противоречившее правилам тогдашних владык мира (совсем не обязательно преступление), как те без особого труда брали след, находили и наказывали отступника. (Поэтому, кстати, условием выживания ордена была предельная децентрализация; наримати практически не знали своих собратьев и всегда действовали в одиночку – иначе, схватив одного, маги быстро добрались бы до остальных.) Тем не менее, с точки зрения освобождения человечества и это был прогресс, ибо обычно маги пресекали подобные деяния еще до их осуществления.

Какое-то время Сэнхаро прикрывал своих подопечных собственной магией, однако в конце концов и он разделил участь всех Отрицающих. Лоялисты начали особенно активную охоту за его питомцами; они даже, еще до трагедии Зурбестана, выжгли до основания несколько городов на дальних островах Восточного океана, где располагалась вотчина Сэнхаро – акт слабости и отчаяния, против которого возражали даже многие из числа самих лоялистов. Главное, что он оказался бесполезен – Сэнхаро успел позаботиться о том, чтобы наримати распространились по всему Великому континенту. Долгие столетия они практически ничего не предпринимали, а лишь таились и прятались, передавая из поколения в поколения знания и приемы, как унаследованные от Сэнхаро, так и разработанные позже самими наримати. Однако слухи о загадочных мастерах скрытного действия, способных обмануть бдительность магов, все равно распространялись, и среди людей – и даже среди представителей других рас – все чаще находились желающие воспользоваться их услугами. В те годы, годы сильной магии, принять такое предложение было для человека-наримати и его ближайших сподвижников практически равносильным самоубийству – не обязательно в физическом смысле, маги карали смертью лишь в самых крайних случаях, но превращение в этаких полузомби с промытыми мозгами было почти гарантировано. Однако орден нуждался в деньгах, да и новые наработки надо было испытывать. И отдельные наримати шли на жертву ради ордена, но брались при этом лишь за самые прибыльные заказы – а больше всего, разумеется, заказчики были готовы платить за самые серьезные преступления, в первую очередь – убийства. Впрочем, нельзя сказать, что такой профиль деятельности был

для наримати исключительно чем-то навязанным; они и сами мечтали, совершенствуя свои приемы, добраться до своих главных врагов – магов: сперва низового звена, а потом и самих неуязвимых повелителей мира. И первое им со временем удалось; позже удалось и второе, но уже лишь тогда, когда сила магии стала слабеть. Когда, наконец, чародейские империи стали рушиться, наримати не участвовали в погромах – это был не их стиль, однако кое-где именно они были закулисными инициаторами бунта. Впрочем, к этому времени орден уже претерпел значительные метаморфозы, превратившись из идеологического движения, ведомого «чистой» ненавистью к магам, в коммерческое предприятие, которое берет дорого, но обеспечивает уникальное качество выполнения заказа. С наступлением эпохи меча эта функция наримати стала единственной. Наримати не монополизировали рынок наемных убийств; они не разменивались на мелкую бытовуху и сведение счетов между конкурентами средней руки. Их услуги стоили слишком дорого для ординарных заказчиков, потому и жертвами становились лишь крупные фигуры политики и бизнеса.

Элина смотрела на человека, которого только что считала своим другом, со смесью ужаса и отвращения... и любопытства. Хотя даже после его признания ей трудно было поверить до конца. Да, конечно, он смеялся над рыцарской честью, нередко высказывал вещи, от которых ее коробило, знал много странных вещей и убивал... убивал с большой ловкостью, но все это может делать, например, солдат, выполнявший специальные операции в тылу врага – чем-то вроде этого она его всегда и считала... Эйрих вовсе не выглядел чудовищем. Элина готова была поклясться, что все эти месяцы, что они провели вместе, он честно сражался на ее стороне, это никак не могло быть хитроумной игрой... однако...

– Эйрих, – сказала она почти с мольбой, – может быть, это все же неправда? Может быть, вы были наримати только номинально, а на самом деле никого...

– Положим, сейчас я действительно уже в отставке, но, пока я был действующим наримати, то делал то же, что и другие члены Ордена. То есть убивал. Ну и что вы на меня так смотрите, словно у меня выросли рога? За время нашего совместного путешествия вы убили более тридцати человек.

– Но то были враги... или я, или они... А вы убивали просто потому, что вам за это заплатили!

– Ваш отец двенадцать лет занимался тем же самым. Как и любой наемник. Как и вы в Чекневе.

– То были честные схватки! – не сдавалась Элина. – Лицом к лицу с вооруженным противником, который имел не худшие шансы на победу – все решало боевое искусство. Это не подлое убийство из-за угла!

– Что же по-вашему, у какого-нибудь вельможи, который заперся в своем замке, окружил себя полком охраны, дает пробовать пищу слуге и спит, не снимая кольчуги, шансы хуже, чем у чужака-одиночки, полагающегося лишь на собственное тело, смекалку и некоторые простые приспособления? И исход такого противостояния решает не искусство? А когда войско благодаря ловкому маневру талантливого полководца заходит в тыл неприятелю и внезапно обрушивается на его порядки – это не подлое убийство из-за угла? А хурданистанцы, которых вы резали во сне, сражались с вами лицом к лицу?

– Это вы заставили меня так поступать!

– Я вас не заставлял. Я предложил вам их разбудить. Вы почему-то не захотели.

– Довольно, Эйрих! – властно произнес Айзендорг. – Я хорошо знаю, что вы, наримати – не какие-нибудь тупые мерзавцы с большой дороги. Вы умные и грамотные мерзавцы.

– В современном мире остались лишь две силы, хранящие древнее знание, хотя и разные его области, – невозмутимо заметил Эйрих. – Мы и маги. А со временем останемся только мы. А у тебя, как я вижу, нет других аргументов, кроме брани?

– У меня есть аргументы. Я мог бы объяснить, к примеру, чем сборщик податей отличается от вора...

– Тем, что вор пытается забрать у человека лишь то, что у него есть, а не то, чего у него нет! – хохотнул Эйрих.

– ...но я не собираюсь устраивать с тобой философский диспут, – упрямо продолжал граф, повысив голос. – Лучше блесни-ка своим красноречием, рассказывая моей дочери об обстоятельствах нашего знакомства.

– Готов уступить эту привилегию тебе, – ответил Эйрих. – Впрочем, оставляю за собой право вносить уточнения.

– Я знал, что ты не решишься, – удовлетворенно констатировал граф. – Так вот, Элина. В первый и доселе единственный раз мы встретились с ним двадцать лет назад. Этот человек был послан, чтобы меня убить.

Графиня перевела взгляд на Эйриха.

– Это правда, – ровно признал он.

– Тогда он не признался, кто был его заказчиком, но теперь, думаю, не станет отрицать, что это был регент Урмаранд?

– Не стану, – согласился Эйрих. – Клиент мертв, и договор расторгнут.

– Он настиг меня в Тарпанских горах, – продолжал Айзендорг. – Надеялся решить дело одной стрелой в спину. С одиноким изгнанником ведь намного проще справиться, чем с вельможей, засевшим в замке с охраной. Но он недооценил меня. Урмаранды ведь уже подсылали ко мне убийц попроще, прежде

чем обратиться к наримати, так что я был готов. Пока он целился в спину соломенной куклы, ехавшей в моем плаще на моей лошади, я тем временем подкрадывался сзади к облюбованной им позиции...

– Я недооценил тебя, а ты – меня, – уточнил Эйрих. – Тебе ведь не удалось подобраться незаметно.

– Но обернулся ты в самый последний момент. Итак, мы сцепились. Мы были слишком близко, и мечи так и не были пущены в ход. Вместо этого была долгая борьба, в которой ни один из нас не мог взять верх. В конце концов мы оказались на краю пропасти...

– Мы стояли над обрывом, крепко обнявшись, словно лучшие друзья после долгой разлуки... – насмешливо произнес Эйрих.

– Да, мы простояли так несколько минут, испытывая друг друга на прочность. И наконец я сказал: «Ты видишь, что ни один из нас не может взять вверх. Каждый может столкнуть в пропасть другого, но при этом неминуемо будет увлечен туда сам. Меня такой исход не устраивает, тебя, думаю, тоже.»

– Да, – кивнул Эйрих, – наримати давно уже не фанатики, выполняющие миссию любой ценой. Мы, конечно, рискуем, но все же стараемся остаться в живых.

– «И что же мы будем делать?» – спросил он тогда, – продолжал Айзендорг. – «Заключим соглашение», – предложил я. «Сейчас мы мирно разойдемся, и ты в течение месяца не будешь преследовать меня. Я ведь знаю, что ваши контракты не имеют жесткого ограничения по времени. Но мы дадим друг другу слово, что следующая наша встреча закончится смертью одного из нас.»

– Это была лукавая формулировка, но меня не так-то просто провести, – заметил Эйрих. – «Тогда и ты должен пообещать, что в течение месяца не будешь преследовать меня», – сказал я.

– Считай это лукавством, сколько тебе угодно, раз уж тебе не понять, что аристократу и рыцарю и в голову не придет гоняться за наемным убийцей, – возразил Айзендорг. – Это ниже его достоинства.

– Папа, но как ты вообще мог предлагать соглашение такому человеку? – вмешалась Элина. – Разве ему можно верить на слово?

– Вся жизнь наримати проходит во лжи, это верно... – начал пояснять граф.

– Я предпочитаю термин «под личинами», – возразил Эйрих. – Да, выполняя миссию, нам приходится скрываться под той или иной личиной, и, разумеется, клятвы, даваемые в этом качестве, значат не больше, чем клятвы, произносимые актером по ходу пьесы. Но, сколь бы странным это ни казалось некоторым, у нас тоже есть свой кодекс чести. Слово наримати, данное им от своего собственного

лица, нерушимо. Впрочем, мы даем его крайне редко. Мы стараемся не связывать себя лишними обязательствами.

– Тем не менее, тогда ты согласился.

– Да, я сказал «Не в наших обычаях заключать договоры с жертвами, однако я впервые встречаю бойца, равного мне». Я и теперь уважаю тебя, граф, несмотря на наши... разногласия.

– Готов признать, что ты тоже заслуживаешь уважения – как боец.

– И что было дальше? – поторопила Элина.

– Я дал слово дворянина, а он – слово наримати. После чего мы отошли от пропасти, я подозвал коня, сел в седло и уехал. С тех пор мы не встречались – до сегодняшнего дня.

– Что ж, я готов рассказать, что было дальше, – неспешно произнес Эйрих. – Я, разумеется, сдержал слово и начал вновь разыскивать след графа лишь месяц спустя. Это оказалось непросто – слава героя пришла к графу позже, а в те дни он мог странствовать по всему Западу, не привлекая к себе внимания. Несколько месяцев спустя я узнал, что он служит наемником на севере, но к тому времени, как я добрался до его части, оказалось, что он уже уволился; затем его след отыскался в южных княжествах... Я не особенно беспокоился, понимая, что жизнь наемника полна превратностей, и время работает скорее на меня, чем на него. По нашим условиям, контракт считается выполненным, даже если жертва погибает по независящим от наримати причинам. В противном случае нам пришлось бы оставлять на каждом трупе некую визитную карточку, а нам совершенно ни к чему лишний риск и дешевая реклама; напротив, мы нередко обставляем дело так, чтобы смерть выглядела естественной. И вроде бы все сложилось так, как я и предполагал – до меня дошел слух, что граф убит в сражении под Бьенто. Разумеется, я помнил, что человек мертв лишь тогда, когда ты сам осмотрел его труп, и окончательного вывода не делал, но сведения были достаточно убедительными – я говорил с непосредственными свидетелями его гибели.

– Я был всего лишь тяжело ранен, – сообщил Айзендорг.

– В битве под Бьенто с обеих сторон полегло почти пятнадцать тысяч, и, разумеется, раскапывать братские могилы в поисках тела не было никакой возможности, к тому же многие трупы были сожжены на погребальных кострах, – продолжал Эйрих. – Я решил просто подождать, не объявится ли граф где-нибудь снова. Тем не менее, я считал дело практически решенным...

– Ты снова недооценил меня, – вставил граф.

– ... и наведался к местному представителю Ордена – существуют определенные тайные знаки, по которым мы находим друг друга – поинтересоваться, нет ли еще контрактов. Наши правила не запрещают работать

по нескольким заказам одновременно. Нельзя лишь работать с клиентом напрямую – все контракты заключаются через Орден, который сразу же получает 70% платы в виде аванса. Наримати, обращаясь в представительство Ордена, выбирают себе заказ по вкусу из числа тех, за которые внесен аванс. Таким образом, заказчик никогда не знает исполнителя, но исполнитель знает заказчика – наша лишняя гарантия на случай нечестной игры со стороны последнего. После исполнения выплачиваются остальные 30%, которые достаются уже непосредственно исполнителю. Бóльшая часть этих денег, впрочем, тоже обычно остается на счетах Ордена, который пускает их в оборот через подконтрольные структуры по всему миру; наримати снимает их вместе с процентами, когда уходит в отставку. В тех исключительно редких случаях, когда наримати терпит неудачу – то есть гибнет, в противном случае он должен повторять попытки, пока контракт не будет исполнен – аванс не возвращается: плата за риск. Ну так вот, мне как раз подвернулся выгодный контракт. У одного из местных владетельных князей был племянник, которому, как это обычно бывает, надоело ждать, пока дядюшка освободит трон. Вот он и обратился к помощи Ордена. Дело обещало быть легким – претендент имел широкие полномочия в замке и предпринял необходимые меры, чтобы исполнитель мог без проблем проникнуть, куда надо, и выйти обратно. Я охотно взялся за это. Но когда я крался по тайному ходу к спальне князя, пол под моими ногами внезапно провалился, и я оказался в ловушке, где меня уже поджидали стражники. Меня схватили, заковали в цепи и отвели в глухой каземат глубоко в подземелье. Как оказалось, вся затея с покушением была провокацией, организованной самим старым князем. Он давно подозревал своего племянника, но не имел формального повода обвинить его в измене, поэтому и затеял этот спектакль. Далее, по сценарию, я должен был признаться под пытками – отнюдь не театральными – что подослан племянником, после чего тому рубят голову, а меня казнят каким-нибудь еще менее приятным способом. Конечно, с моей стороны было довольно глупо попасться в такую ловушку, но в свое оправдание могу заметить, что эта история – практически беспрецедентна. Нужно быть редкостным глупцом, чтобы сыграть такую шутку с наримати, не боясь мести Ордена.

Но реальность нарушила планы старого интригана. Дело в том, что племянник действительно готовил переворот и имел в замке верных людей, которые вовремя предупредили его о поимке якобы посланного им убийцы. Не дожидаясь, пока за ним придут, он срочно собрал своих и нанес удар первым. Переворот оказался удачным, но тайные ходы в замке существовали недаром – дядюшка успел бежать. Мне от этого, правда, было не легче – племянник наверняка использовал бы меня в той же роли, хотя и с другим текстом. Однако торжество победителя было

недолгим, и подготовить показательный процесс он не успел – старый князь, желая вернуть власть, призвал в страну иностранные войска. Ну а возглавлявший их генерал, ничтоже сумняшася, сверг всю династию, объявив верховным правителем себя; при этом молодой князь был убит в бою, а старый, посаженный под арест, умер от удара. В общем, в княжестве на долгие годы воцарилась смута, окончившаяся тем, что оно было разделено на две части, отошедшие соседним государствам.

Обо мне же в суматохе попросту забыли. В подземельях любого уважающего себя княжеского замка годами и десятилетиями сидят люди, посаженные «до особого распоряжения»; никто и никогда не заходит в их казематы, кроме стражников, которым запрещено разговаривать с заключенными. Нередко спустя несколько лет такого существования эти люди и сами уже не помнят, кто они и за что сидят. Но психика наримати на редкость устойчива. Прежде, чем мне удалось бежать, я десять лет просидел в крохотной одиночке, в цепях, прикованный за шею к кольцу в стене. Если бы не последнее обстоятельство, я бежал бы раньше. Мы владеем методикой, позволяющей вытаскивать руки и ноги из оков; однако голову через железный ошейник не протащишь. Десять лет и еще несколько месяцев ежедневного труда у меня ушло на то, чтобы выковырять кольцо из стены. Дальнейшее было уже делом техники...

Когда я вышел на волю, то чуть не ослеп от дневного света. Более-менее отъевшись и восстановив физическую форму, я отправился разыскивать представительство Ордена. Там я узнал, что граф Айзендорг жив, и о нем ходят различные героические истории; однако это уже не имело значения, ибо буквально только что в Тарвилоне произошел переворот, в результате которого регент Урмаранд был убит восставшими. Со смертью заказчика контракт аннулируется, как и со смертью исполнителя; таковы наши правила. Другой же должок, связанный со вторым контрактом, выплачивать было, как вы уже знаете, некому – впрочем, не умри старый князь сам, Орден добрался бы до него раньше, чем я вышел на свободу. Месть нечестному заказчику – единственный вид помощи, который Орден оказывает своим членам, не считая, конечно, первоначальной подготовки. В остальном же наше первое правило гласит, что наримати всегда и во всем должен полагаться исключительно на себя.

– Мне казалось, во время нашего путешествия вы полагались и на меня, и даже на Редриха с Йолленгелом, – заметила Элина не без едкости.

– Не забывайте, что я уже в отставке. Я принял это решение почти сразу после того, как узнал все новости. Формально я был чист перед Орденом, но фактически провалил сразу два дела... – Эйриху явно не доставляло удовольствия говорить об этом, но он, как видно, решил «откровенничать, так откровенничать». – И даже не

мог уже отомстить тому, кто упрятал меня в каземат. Вот я и решил уйти. Всякий наримати имеет на это право, после того как заработает Ордену определенную сумму, компенсирующую затраты на его обучение. Я отработал ее уже в 24 года, а когда я угодил в каземат, мне было 29... Меня считали мертвым, и мои деньги отошли Ордену; однако с моим воскрешением я получил право требовать их обратно. Я снял со счетов деньги, хранившиеся на Западе, хотя не вполне представлял себе, что с ними делать. Жизнь наримати – это вечная железная самодисциплина. Воспитание начинается в младенчестве и представляет собой сплошное чередование обучений и испытаний. Раньше существовал специальный критерий отбора младенцев, сейчас берут всех, у кого нет явных физических дефектов. Но дальше, на каждом этапе воспитания, идет отсев. Критерий очень простой – те, кто выжил, обучаются дальше. До десяти лет не доживает примерно половина, дальше испытания ужесточаются. Пятнадцатилетний рубеж преодолевает лишь один из десяти. В шестнадцать наримати отправляется путешествовать; он должен посетить разные страны и научиться везде чувствовать себя, как дома – или, по крайней мере, быстро адаптироваться, ибо неизвестно, куда может завести его выполнение контракта. Конечно, к этому времени он уже знает языки и обычаи разных народов, но тут теория закрепляется практикой. Объехать весь мир – это, разумеется, слишком большая роскошь, но все же путешествия бывают весьма дальними...

– И что, не бывает, чтобы, вырвавшись из вечной муштры в большой мир, молодой наримати просто сбежал? – поинтересовалась Элина.

– Наримати, который психологически не готов и не хочет заниматься своим делом, до этих лет просто не доживает, – покачал головой Эйрих. – Тренировка тела и насыщение разума ничего не стоят без воспитания духа. Вся жизнь наримати подчинена его миссии. У нас нет отечества, нет родных, нам нельзя иметь друзей, даже из числа других наримати – ибо это порождает зависимость, а зависимость делает слабым и уязвимым. По той же причине, кстати, обязателен строгий целибат. Впрочем, не только по той же: совокупление истощает тело, помрачает разум и разрушает волю. Надеюсь, граф, тебя не шокирует, что я говорю о таких вещах в присутствии твоей дочери?

– Не шокирует. Я сам учил ее тому же.

– А кстати, бывают женщины-наримати? – спросила Элина. Она, разумеется, по-прежнему не испытывала симпатии к наемным убийцам, однако чувствовала, что поговорить с девушкой из Ордена было бы намного интереснее, чем с напыщенными и сентиментальными придворными дурами.

– Разумеется, – ответил Эйрих. – Из женщин получаются превосходные убийцы, уже хотя бы потому, что от них этого не ждут.

– Так что было с тобой после отставки? – вернул его к прежней теме Айзендорг.

– Ну... я попробовал отойти от привычных правил. Не то чтобы я об этом мечтал, просто было любопытно попробовать. Купить себе дом на южном побережье, жить в праздности и роскоши... Я попробовал даже разврат, однако нашел его отвратительным. Да и все прочее мне тоже не подошло. Разве что азартные игры в какой-то мере напоминали о тех комбинациях, что я разыгрывал, будучи действующим наримати... Но все равно это было не то, скука и убожество. Я довольно быстро и бестолково спустил свои капиталы, просто потому, что не видел смысла их беречь – я уже понял, что роскошь не для меня. Вновь начал тренироваться, вернул себе форму. Поступил было в армию, но ненадолго, ибо идея действия в коллективе и подчинения командиру мне претит; я могу это делать, когда необходимо, но не более чем. В конечном счете принялся просто путешествовать с места на место, нигде подолгу не задерживаясь. Когда от моих денег осталось совсем немного, собрался ехать на Восток, в Дулпур – там находилась другая часть моих вкладов. И тут как раз в пралецком трактире встретил Элину.

– И что вам все-таки от меня понадобилось? – спросила графиня не слишком приязненным тоном.

– Я ведь уже сказал вам, – улыбнулся Эйрих. – Я увидел девушку, которая была бойцом во всех смыслах – и по духу, и по искусству владения оружием. Гордую и свободную. Уникальный для нашего времени типаж, этого нет даже у женщин-наримати – они слишком подчинены своей миссии... Наверное, такой я бы хотел видеть свою дочь, если бы вообще когда-нибудь думал о том, чтобы иметь детей. И я не хотел, чтобы эта девушка попала в беду из-за незнания или своей молодой бескомпромиссности. Вот и все, Элина. Никаких темных или грязных замыслов на ваш счет у меня не было и нет.

– Как я могу вам верить? – печально произнесла Элина.

– Когда я лгал вам?

– Когда сказали, что не встречались с моим отцом!

– Да. Сами понимаете, я был вынужден. Но это был единственный раз. С вами я не играл под личиной, Эйрих – мое настоящее имя.

– При нашей первой встрече ты не был так сентиментален, – жестко усмехнулся Айзендорг.

– Старею, – согласился Эйрих. – Я уже говорил Элине, что мне пора переквалифицироваться в садовники. Тем не менее, граф, я готов. Как видишь, я даже при мече, хотя, признаться, он хуже твоего.

– Что-то я не слышал, чтобы наримати давали своим противникам возможность выбрать оружие, – ответил Айзендорг. – Логично и вам платить той же монетой. Впрочем, в благодарность за помощь, которую ты оказывал Элине, я готов послать за кривым хардыгарским мечом, если он тебя больше устроит. Прямых западных, к сожалению, больше нет.

– Пошли, – кивнул Эйрих. – Ты не такой боец, чтобы, из глупой гордости, давать тебе фору. Пусть я, как ты говоришь, и стал сентиментальным, но не думай, что я позволю убить себя только потому, что она – твоя дочь.

– Эй, эй, вы что?! – Элина, до которой только сейчас дошло, что они говорят не о грядущей битве с зомби, снова встала между ними. – Эйрих, ведь ваш контракт аннулирован!

– Да, поэтому я не искал встречи с графом. Но раз уж она произошла против моей воли – мы дали друг другу слово, и должны его сдержать.

– Папа! Неужели ты собираешься драться с ним? Драться насмерть? Я тоже не в восторге от того, что он – наримати, и что он покушался на тебя... но ведь это было так давно! Эйрих несколько раз спасал мне жизнь, и даже больше, чем жизнь...

– Даже так, – помрачнел Айзендорг. – Что ж, Эйрих, прими мою благодарность еще раз. Я не держу на тебя зла, но слово есть слово. Если хочешь, обменяемся оружием, это все, что я могу для тебя сделать. Впрочем, обещаю исполнить также твое последнее поручение, если оно не будет противоречить чести рыцаря и закону Тарвилона.

– Папа!!!

– Дочка, разве мне нужно объяснять тебе, что такое слово дворянина? Единственный способ, которым я могу не убить его – это позволить ему убить меня. Ты ведь не этого хочешь?

– Эйрих, вы же всегда смеялись над рыцарской моралью, называли ее предрассудками...

– Над рыцарской моралью, но не над обетами наримати. Рыцарь в плену у социальных стереотипов, его мораль навязана ему извне и принята некритически. Наримати принимают на себя обязательства добровольно и обдуманно. И уж если принимают, то полностью отвечают за принятое решение.

– Но послушайте, вы же дали это слово не кому-то еще, а друг другу! Почему бы вам не освободить друг друга от него?

– Клятва, которую можно взять назад – это не клятва, – возразил граф. – Если, к примеру, один из товарищей возьмет с другого слово, что тот не позволит ему поддаться слабости, а потом как раз в минуту слабости освободит его от этого слова, как это будет выглядеть? А ведь ситуация аналогична. Мы дали слово

относительно нашей второй встречи – и вот она настала. Отказаться от боя сейчас – значит опозорить свое имя.

– Верно, – кивнул Эйрих. – К тому же ни один из нас не обещал умереть за другого. Я еще мог бы освободить человека от обещания умереть за меня, но я не могу освободить его от обещания меня убить.

– Вы оба сошли с ума! – воскликнула Элина, еще не так давно столь активно ратовавшая за условности, именуемые «требованиями чести». – Я просто не позволю вам драться! Так и буду стоять между вами.

Эйрих усмехнулся. Граф покачал головой.

– Эй, что вы тут затеяли? – донеслось откуда-то сверху. Элина обернулась на голос. Редрих в сопровождении своих солдат спускался по склону.

– Герцог, они намерены поубивать друг друга! – в отчаянии крикнула Элина.

– То, что вы здесь слышали – не для чужих ушей, – быстро предупредил ее Эйрих.

– С какой стати? – Редрих быстро сбега́л вниз.

– Они... поссорились двадцать лет назад, – пояснила Элина. – И поклялись свести счеты при следующей встрече.

– Вот что, господа, – объявил Редрих, подходя к графине. – Мне нет дела до ваших личных отношений. Но там, внизу, как справедливо заметил Эйрих, двести тысяч зомби, и у нас каждый меч на счету. Посему оставьте в покое ваше оружие и следуйте за мной. Напоминаю, здесь командует ир-Берхани, а после него – я, так что извольте подчиняться.

Последнюю фразу он произнес с явным удовольствием: приятно было приказывать людям более чем вдвое старше него, один из которых – сам граф Айзендорг. Тем более на глазах у Элины.

– Он прав, – согласился граф, убирая руку с рукояти меча. – Отложим.

– Да, верно, – кивнул Эйрих. – В конце концов, наша вторая встреча еще не закончилась.

Конечно, это были не те слова, которые хотела бы услышать Элина, но все же это было хоть что-то. А дальше видно будет.

– Обещайте, что не нарушите перемирия без предупреждения, – потребовала она.

– Разумеется, – ответил граф. – Я рассматриваю это как дуэль и не намерен нарушать дуэльный кодекс.

– И я обещаю, – подтвердил Эйрих. – Увы, Элина, я не могу сделать большего. Мне жаль, что все так сложилось между мной и вашим отцом, но...

– Если только Берхани не решит отступить, то на время боя мы становимся братьями по оружию, – добавил Айзендорг. – То есть, Эйрих, ты можешь рассчитывать на мой меч, как на свой собственный.

– А ты – на мой, – кивнул Эйрих. – Полагаю, из нас выйдет славный дуэт. Магам не поздоровится. В чем – в чем, а в этом мы сходимся.

Они шагали следом за Редрихом и его людьми. Элина по-прежнему шла между графом и Эйрихом.

– А регент Урмаранд был малый не промах, – заметил вполголоса Эйрих, глядя в спину молодому ферлукеру. – Пристроил сыну в качестве наставника наримати.

– Что? – изумилась Элина. – Телохранитель Редриха, впоследствии заменивший ему отца, был...

– Не так громко. Ему это знать незачем. Да, отставным наримати. Но еще и отступником. Он нарушил обет, передав воспитаннику секреты мастерства, предназначенные лишь для наримати. И в конечном счете поплатился за это.

– Так что же, теперь и Редриху грозит опасность?

– Видимо, было решено, что он узнал недостаточно много, иначе его бы уже не было в живых. Его наставника покарали не столько за реальный вред, нанесенный Ордену, сколько за сам факт нарушения обета.

– Надеюсь, вы не имеете ко всему этому отношения? – Элина вновь посмотрела на Эйриха неприязненно.

– Разумеется, не имею. Я вообще давно в отставке, не забывайте. Что ж теперь, вы будете подозревать меня в каждом убийстве и преступлении?

– Кстати, папа! – обернулась к графу Элина. – Я тоже должна выполнить одно обещание – передать тебе привет от Таба Саберро.

– Да, я слышал об этом еще в Харбаде, а потом мне рассказал Редрих. Ведь этот бандит не причинил тебе вреда? – обеспокоенно спросил Айзендорг.

– Да, он погасил старый долг перед тобой, отпустив невредимой меня и тех, кто плыл на моем корабле. А вот кое-кому из его головорезов пришлось объяснить правила вежливости с помощью меча.

– Если б ты знала, Элина, – вздохнул граф, – сколько раз я проклинал себя за три дня задержки в Роллендале! Целых три дня после твоего отъезда я убеждал себя, что ты уже взрослая, и что я не имею права вмешиваться в твои дела. Прежде чем, наконец, плюнул на все эти рассуждения и поскакал за тобой. Если бы хотя бы на день раньше... Первый раз я почти нагнал тебя в Пралеце, но тут ты как раз встретилась с Эйрихом. Я продолжал наводить справки о путешествующей в одиночку девушке с мечом, а надо было интересоваться юношей, путешествующим в компании мужчины... Пока я в этом разобрался, вы уже снова оторвались. Потом был путь через охваченные междоусобной войной луситские

земли. На пепелище Чекнева я узнал, что оставшиеся в живых западные наемники присоединились к тарсунской армии – нетрудно представить, какими словами поминали вас чекневцы, хотя, собственно, что они хотели от наемников, да еще втянутых в их конфликт случайно? Соответственно, оттуда я пошел по ложному следу – на юг за тарсунцами и добрался, в конечном счете, до самого Крислава, где война была в самом разгаре. Мне удалось разыскать троих наемников, но они заявили, что в последний раз видели вас с Эйрихом в Чекневе и ничего не знают о вашей участи. Можешь себе представить, что я думал и чувствовал... Однако в это время в окрестностях объявились луситы, возвращавшиеся домой из плена у степняков. Тугичанско-перское посольство выкупало только своих, но послы не могли знать каждого пленника в лицо, и некоторые ушлые луситы из других княжеств сумели этим воспользоваться. Их было совсем немного, но больше половины их предпочли тут же вступить в армии, ибо знали, что дома их сожжены, имущество разграблено и возвращаться, по сути, некуда. От них я узнал о западных путешественниках, о которых они, в свою очередь, слышали от участников посольства. Я понял, что, направляясь к Срединному морю, вы почти наверняка побываете в Эль-Хасаре. Там я вас, конечно, уже не застал, однако мне удалось выяснить, что двое путников с Запада отправились с караваном в Харбад. Описание их было довольно смутным, но я надеялся, что один из этих двоих – ты.

– А это был Йолленгел, – вставила Элина. – Ты знаешь о нем?

– Да, Редрих мне рассказывал... В Харбаде я снова почти настиг вас – ваш караван ушел за несколько дней до моего прибытия. Кстати, твоя рана тебя не беспокоит?

– Нет, она, в общем-то, была пустяковая. Хотя и заставила нас задержаться в Харбаде.

– Я понял, что на территории Агабеи догнать караван уже не успею, а соваться одному в Тагратскую пустыню – самоубийство. Пришлось засесть в Харбаде и ждать какого-нибудь транспорта на восток. Нового каравана пришлось бы ожидать еще долго; корабль до Фаррака подвернулся быстрее, но я все равно снова потерял больше трех недель, к тому же в пути нас задержал шторм. Когда я начал собирать информацию в Фарраке, то узнал о недавнем перевороте в Дулпуре, в котором будто бы приняли участие некие странные выходцы с Запада. Дулпур, по этой причине, до сих пор оставался небезопасным местом для белых людей, так что мне пришлось путешествовать в объезд, через княжества к югу и востоку от него. Здесь мне уже было окончательно ясно, что, направляясь в Тургунай, вы двинетесь на север через перешеек между Хадиром и Бхиланаями – другой дороги просто не было, не делать же крюк в две тысячи миль.

– Ты брал проводника, пересекая Шезех-Кум?

– Разумеется. Восточнее Омолы мне постоянно приходилось нанимать не только проводников, но и переводчиков.

– А тебе не предлагал свои услуги замухрышка по имени Хинг?

– Я знаю, что выкинул с вами Хинг, Редрих рассказал мне. Но я ехал через другое селение, оно находится восточнее. Путь через перешеек, собственно, тоже не один. Поэтому я не знал, через какой из пограничных городов пройдет ваш путь...

– Дзэбэх, – сообщила Элина.

– Ясно, я ехал восточнее, и там о вас не слышали. Поэтому я направился прямо в Керулум, рассудив, что, пытаясь выяснить судьбу Артена, вы наверняка прибудете туда. Однако в Керулуме я потерял ваш след окончательно. Был, правда, уже затухающий слух о неких чужеземцах, которых подозревали в похищении и убийстве местного купца...

– Так вы все-таки убили его! – гневно обернулась Элина к Эйриху, так, что даже Редрих, что-то говоривший своим солдатам, оглянулся.

– Вы же знаете – никогда нельзя оставлять за спиной недобитого врага, – невозмутимо ответил Эйрих. – И вы сами не оставили мне другого выхода. Вы называли меня по имени в его присутствии.

– Вы не предупредили!

– Честно говоря, забыл, считая это очевидным. А потом было уже поздно. Впрочем, нас, как видите, все равно заподозрили – должно быть, следствие развязало языки жителям трущоб...

– Элина, так ты участвовала в банальном разбое? – помрачнел граф.

– Не в убийстве! – горячо возразила девушка. – В похищении – да. Но этот купец был рабовладелец, так что заслуживал, чтобы и его самого лишили свободы.

– По законам своей страны он был в своем праве...

– Такие же законники, как он, захватили Редриха, и нам нужны были деньги на выкуп!

– Да, – признал Айзендорг после короткой паузы, – поступок не для героической баллады, но я не берусь тебя осуждать. Вообще, конечно, рабовладение омерзительно. Мне ведь пришлось проверять и эту гипотезу – что ты могла оказаться в Керулуме в том же качестве, что и Редрих, о коем, впрочем, я тогда еще не знал... Посещать рынки рабов, выяснять, какие были распродажи в последнее время... И если бы я узнал, что ты... что тебя... боюсь, хану Салымбеку понадобилась бы новая столица.

За время разговора они спустились на равнину и как раз подходили к порядкам хардыгар. Редрих направлялся туда, где, возле свежепоставленной палатки, с

горизонтального древка свисал в безветренном воздухе полковой штандарт – на черном поле перекрещенные мечи, с которых капала кровь. Лица ханских гвардейцев оставались профессионально бесстрастными, однако их узкие глаза (большинство хардыгар все же принадлежало к восточной расе) следили за необычными спутниками их офицера.

– Собственно, досказать осталось немного, – сказал граф. – Примерно месяц назад я случайно встретил Редриха на улице Керулума. Никогда бы прежде не подумал, что меня так обрадует вид Урмаранда – кажется, он был рад мне несколько меньше... Тем не менее, от него я узнал то, что было известно ему, но это никак не проясняло твоего нынешнего положения. А две недели спустя Редрих сообщил мне о секретном письме, с редкой поспешностью доставленном в ханский дворец и доведенном до сведения хардыгарских офицеров... Он же и добился, чтобы мне разрешили сопровождать полк.

Они подошли к палатке ир-Берхани. Командиру хардыгар было около сорока; он был невысок, но жилист и поджар. Легкая кривоногость выдавала кавалериста, однако хардыгары одинаково хорошо бились и конными, и пешими. Он стоял, разложив на камне карту, в окружении своих офицеров, чью этническую разнородность трудно было не заметить (среди них был даже один негр); здесь же находились принц Артен, толмач, чья смуглая кожа не могла скрыть его принадлежности к западной расе (он был уроженцем одного из срединноморских городов), и пожилой тургунаец в гражданской одежде – как видно, маг, о котором упоминал Редрих.

Коротко поприветствовав хардыгарских офицеров по-тургунайски, Эйрих уточнил, знает ли толмач тарвилонский (тот знал, хотя и говорил с сильным южным акцентом) и перешел на этот язык, понятный представителям Запада. Он коротко повторил то, что ир-Берхани уже знал от Артена, попутно заглядывая в карту (нарисованную только этим утром на основании донесений разведчиков); местность и вражеские позиции были обозначены на ней достаточно точно, и Эйрих это отметил. К этому времени подошли уже все ферлукеры, и Эйрих вновь повторил, что ввязываться в бой при таком соотношении сил – самоубийство.

– Допустим, сейчас их двести тысяч, – спокойно ответил ир-Берхани, – но ир-Фарлади (вежливый наклон головы в сторону мага) говорит, что это далеко не все население Зурбестана. И мобилизационные возможности противника растут с каждым днем. Это так?

– Так, – сказала Элина.

– Видимо, так, – вынужден был согласиться Эйрих.

– Значит, – продолжал командир хардыгар, – если мы сейчас отступим и станем дожидаться подкрепления, то к моменту следующей встречи их может быть уже два миллиона. А может быть, уже и сам Керулум будет лежать в руинах.

– Вашему командованию следовало подумать об этом раньше, – проворчал Эйрих. – Мы же написали вам о зомби! Кто мешал сразу прислать нормальную армию?

– Ты наносишь мне двойное оскорбление, чужеземец, – холодно осадил его ир-Берхани. – Ты подвергаешь сомнению мудрость Великого Хана и доблесть хардыгар.

– Простите его, он не знаком с вашими обычаями, – поспешно вмешалась Элина, опасаясь, что сейчас завяжется еще одна дуэль.

– Я полагаю, ситуация слишком серьезна, чтобы думать о вежливости, – возразил Эйрих. – Я не трус, командир, я всю жизнь имел дело с опасностью. И только потому, что я оценивал ее адекватно, я еще жив.

– С такой опасностью, как эта? – уточнил ир-Берхани.

– Никто из ныне живущих не воевал с зомби, – пожал плечами Эйрих. – Но с возможностями магов я уже познакомился достаточно близко. Они способны легко обездвижить самого сильного воина.

– Они способны и на большее, – спокойно кивнул командир хардыгар. Видимо, ир-Фарлади просветил его на сей счет. – Но у них нет никакого боевого опыта, они попросту штатские, а их бойцы – всего-навсего куклы, к тому же плохо вооруженные. Маги уязвимы. Это знаем мы, но, что еще важней, это знают они сами.

– Не думаю, что они боятся вас, – возразил Артен. – Кто мешал им заблокировать туннель – так же, как это было раньше, или как они заблокировали нас в доме?

– Это не так просто, – ответила Элина. – Рандавани пытался закрыть туннель сразу, как мы прошли по нему, но у него не вышло. То заклятье, что запечатало Зурбестан когда-то, было очень сильным, его обеспечили многие маги древности, не чета нашим... Правда, наши заговорщики уже тоже стали намного сильнее, но когда им пришлось управлять сразу всеми зомби, они не смогли удержать взаперти даже нас, а не то что целую армию, которой помогает собственный маг.

– Дочь ир-Азендора говорит разумно, – согласился ир-Фарлади.

– А по-моему, вы их недооцениваете, – настаивал Артен. – Я не искушен в военном деле, но я хорошо знаю, что такое экспериментальная проверка теории. Прежде, чем отправиться завоевывать весь мир, они хотят поставить опыт в малом масштабе. На вас.

– Должно быть, в этом и заключалась мудрость Великого Хана, – сказал ир-Берхани. – Пусть противник пропустит нас, обманувшись нашей численностью и не зная нашей силы.

– Рандавани знает силу хардыгар, – возразил Артен.

– Не помню, чтобы он когда-либо интересовался армией, – с явным оттенком презрения парировал ир-Берхани.

– Папа, а почему ты ничего не скажешь? – обернулась Элина к графу.

– Я не могу дать определенный ответ, – медленно покачал головой Айзендорг. – В доводах обеих сторон есть резон. А сам я никогда не воевал ни с зомби, ни с магами, и не видел их в бою – то же, кстати, относится и к хардыгарам, так что мне трудно судить. Но я знаю, что порою отвага и натиск способны опрокинуть все построения военной науки.

– Верно, ир-Азендор, – кивнул командир хардыгар. – Мы должны атаковать, и как можно скорее, пока солнце еще невысоко. Зомби не чувствительны к жаре, и днем это даст противнику преимущество. У кого-нибудь из офицеров есть иное мнение?

Иных мнений не было.

– Чем сильнее противник, тем славнее победа, – пробасил негр.

– Если кто-то из не хардыгар не желает драться, он может остаться в тылу, – не без насмешки предложил ир-Берхани.

– Я, в любом случае, не солдат, – сообщил Артен.

– Ну, граф, мы ведь с тобой уже договорились насчет дуэта, – сказал Эйрих. – Как бы я ни относился к самой идее этого боя.

– Элина, – Айзендорг посмотрел на дочь, – мне бы, конечно, не хотелось, чтобы ты рисковала собой, ибо опасность и в самом деле велика, но...

– Ты понимаешь, что все равно меня не отговоришь! – закончила за него графиня.

– Да и не собираюсь, – улыбнулся Айзендорг. – Не для того я воспитал из тебя бойца, чтобы в критическую минуту ты пряталась в тылу. Кстати, Берхани, пусть моей дочери и Эйриху принесут мечи.

Тургунаец не был в восторге от того, что в рядах хардыгар будет сражаться женщина, но привередничать не приходилось. Он отдал распоряжение адъютанту и вновь обратился к офицерам:

– Наш план боя. Зомби как солдаты сами по себе ничего не стоят; они сражаются лишь тогда, когда ими управляют маги. В начале битвы мы должны определить, какой маг какой частью зомби командует. Естественно предположить, что каждый из них командует той группой, которая ближе к нему, но тут нас могут ожидать сюрпризы. Растянутый фронт противника легко прорываем;

каждый ферлук прорывает его на своем направлении и наносит ряд быстрых ударов по тылам, не втягиваясь в длительный бой на одном месте и по возможности не приближаясь к магам. Это должно внести достаточную сумятицу. Далее ферлуки соединяются в тылу противника; с этого момента наша цель – уничтожение магов одного за другим. Третий и четвертый ферлук атакуют ту часть зомби, которой командует выбранный маг, избегая контакта с ним самим; второй и пятый ферлук помогают им и прикрывают их с флангов от соседних частей. В принципе, ваша задача – не столько уничтожать зомби, ибо чем их меньше, тем проще магам управлять, сколько максимально их занять; следует избегать статичного боя и, напротив, совершать быстрые и неожиданные маневры, прорывы, рассечения и тому подобное. Тем не менее, на каждого из наших приходится по сотне зомби, поэтому нет смысла особенно сдерживаться и в смысле уничтожения. Первый ферлук атакует самого мага и тех зомби, что находятся вблизи него; в первую очередь – мага. На данный момент мы исходим из того, что придется целым ферлуком атаковать одного человека, но если окажется, что маги не так круты, как пытаются казаться, третья и четвертая сотня Редрыха присоединяются к третьему и четвертому ферлуку соответственно. Боя с несколькими магами одновременно всячески избегать, при возникновении такой угрозы – быстро отходить и перегруппировываться. Наш ключ к успеху – мобильность и еще раз мобильность. Помните, что, с одной стороны, лишних людей у нас нет, а с другой – гибель одного хардыгара – это гибель одного хардыгара, но гибель одного мага – это гибель одной двенадцатой вражеского войска. И пусть на каждого из хардыгар приходится по сотне зомби, зато на каждого мага приходится полторы с лишним сотни хардыгар. Вперед, и да умножится наша слава!

Подошел солдат, принесший мечи и круглые щиты. Хардыгарские мечи внешне походили на ятаганы, но были легче и имели заточку по обеим сторонам. Пока офицеры доводили диспозицию до своих солдат, Элина сделала несколько упражнений, привыкая к кривому мечу. Граф, конечно, отдал бы ей свой западный, но тот был все же слишком велик и тяжел для девушки.

Полк строился. Элина, граф и Эйрих заняли места в первом ферлуке. Редрих объяснил новым боевым товарищам основные тургунайские команды. Перед строем показался ир-Фарлади, чтобы в последний раз напомнить бойцам об особенностях непривычного противника.

– Изменники пытаются смутить нас, выставив армию из зомби. Но вы хорошо знаете, что зомби – это попросту кукла, ничуть не более страшная, чем кукла из дерева или глины; наоборот, кукла из человеческой плоти даже легче поддается мечу. Однако помните, что зомби надо рубить голову, удары в корпус бесполезны

– даже если зомби после них свалится, его снова можно будет оживить. Есть расхожий предрассудок, будто зомби крайне медлительны и неуклюжи; это неправда, не рассчитывайте на это. Тело зомби ничем не уступает телу человека, которым зомби был при жизни; но это тело, лишенное ума. Кстати говоря, при жизни те, с кем вы сегодня встретитесь в бою, не были солдатами, так что их тела не столь тренированы, как ваши; не смыслят в военном деле и те, кто ими управляет, так что у вас двойное преиму...

Он вдруг пошатнулся, хватаясь за горло. Лицо его потемнело и исказилось мучительной гримасой. Строй заволновался, послышались крики: «Лекаря! Нашему магу плохо!» Ряды расступились, пропуская двоих хардыгар, искусных в медицине; в полку не было штатских врачей, как и вообще каких-либо штатских. Но прежде, чем лекаря успели подбежать к ир-Фарлади, у того обильно хлынула кровь – из носа, из ушей и даже из глаз – и он свалился на песок. Подбежавшим осталось лишь констатировать смерть.

– Он был один против двенадцати, – пробормотала Элина. – Неудивительно, что первый удар они нанесли по нему. Почему тургунайцы не взяли с собой больше магов?

– Думаю, хан испугался, что они могут перейти на сторону врага, – ответил Эйрих.

– Хардыгары! – Берхани выскочил вперед, поднимая руку с мечом. – Враг пытается нас запугать, но у него ничего не выйдет! Маги уязвимы для магии, но мы не маги, и с нами им не удастся проделать ничего подобного. Ничто не остановит гвардию Великого Хана! Помните, от исхода сегодняшней битвы зависит судьба всего мира! Победа покроет вас бессмертной славой! Вперед, хардыгары! Смерть врагу!

– Смерть! Смерть! Смерть! – выдохнули две тысячи глоток. Ферлуки пятью колоннами двинулись вперед.

Вскоре Берхани отдал короткую команду: «Щиты!» И на следующем шаге шедшего в ногу войска две тысячи мечей разом ударили по щитам. Затем снова, и снова, и снова – с каждым шагом хардыгар ритмичный отрывистый грохот разносился на мили вокруг, отражаясь эхом от гор.

Затем последовала новая команда, и ферлуки развернулись в линию, наступая широким фронтом. Впереди уже маячили недвижные шеренги зомби; когда до них осталось меньше полумили, прозвучала очередная команда – «Знамя вперед!» Знаменосец со штандартом на Т-образном древке увеличил шаг и занял позицию примерно в восьмидесяти футах впереди полка.

Хардыгары действительно были превосходными солдатами, однако не брезговали и мелкими хитростями, призванными сбить с толку противника. Этому

служила уже численность полка, в состав которого входил дополнительный ферлук: враг, знающий, что будет иметь дело с тургунайским полком, рассчитывал встретить лишь 1600 бойцов. Причем момент истины обычно откладывался до последнего – как правило, полк наступал четырьмя ферлуками по фронту, а пятый ферлук двигался сзади (или сбоку, при фланговых маневрах) оставаясь невидимым для противника. Сейчас, впрочем – при таком соотношении численности сторон – приуменьшать собственное количество смысла не имело.

Со знаменосцем была связана другая хитрость. На нем были двойные доспехи, настолько тяжелые, что драться он не мог – даже просто идти ему было нелегко, хотя со стороны это и не было заметно. Со стороны солдаты противника видели надвигающегося на них знаменосца под жутким, сулящим смерть знаменем, который идет невредимый под градом стрел впереди своего полка, словно бы обещая, что и остальные хардыгары столь же неуязвимы. Бывало, что одного этого зрелища хватало, чтобы посеять панику в рядах врагов хана. Отсюда брали начало легенды о том, что хардыгары – на самом деле даже и не люди. Если же враг стоял не дрогнув, то на последнем участке пути знаменосец укорачивал шаг, позволяя товарищам догнать себя, и, прикрытый ими, уже врезающимися в строй противника, быстро дергал специально сконструированные застежки и сбрасывал вторую броню наземь, после чего уже мог сражаться в полную силу. Знамя при этом крепилось особыми зажимами к внутренним доспехам, освобождая знаменосцу обе руки для боя.

Со знаменами была связана и еще одна уловка – у хардыгар было несколько разных полковых штандартов. В начале сражения поднимался только один, но потом, в горячке боя, показывались и другие – это должно было создать у противника впечатление, что к хардыгарам подошло подкрепление. Имелись также и дубликаты знамен, на случай, если оригинал будет непоправимо испорчен или даже утрачен; хотя хардыгары весьма дорожили своей честью, им чужда была западная манера превращать знамя в фетиш, без которого полк – не полк; они рассматривали его лишь как опознавательный знак для союзников и угрозу для врагов.

Однако все эти психологические приемы не имели смысла с тем противником, что молча ждал наступавших хардыгар, противником, лишенным самой возможности испытывать страх и колебания. Правда, управлявшие зомби маги все-таки были людьми, но способны ли были обмануть их подобные фокусы? Или они, уничтожившие ир-Фарлади, даже не видя его, тем паче способны были, благодаря своему искусству, раскусить трюки, разыгрываемые в зоне прямой видимости?

До первой линии зомби оставались считанные десятки футов. Хардыгары нагоняли своего знаменосца. Затем последовала новая команда, и они, перестав отбивать ритм по щитам, внезапно перешли с шага на бег, одновременно перестраиваясь из шеренг в расходящиеся клинья. Еще несколько секунд топота бегущих сапог – и пять ферлуков в пяти местах врубились в строй мертвецов.

Как и планировал Берхани, хардыгары легко прорвали фронт. Клинья ферлуков прошли сквозь порядки зомби, словно зубья вил сквозь кучу песка, и оказались в тылу у мертвого воинства, не потеряв ни одного человека убитым – лишь несколько получили легкие ранения. Среди зомби же вечный покой обрело около пяти десятков; это число могло быть и большим, но солдаты помнили свою задачу – не застревать на месте, а поскорее прорваться в тыл противника. Элина успела-таки обновить хардыгарский меч, снеся голову одному из зомби; клинок оказался испачкан какой-то бурой вязкой жижей, больше похожей на слизь, чем на кровь.

С тыла воинство магов представляло собой жалкое зрелище. Почти ни у одного зомби здесь не было даже меча, не говоря уже о доспехах. Зато здесь были маги, уже покинувшие, разумеется, свои шатры и восседавшие на носилках под балдахинами; каждый такой паланкин держала на плечах восьмерка зомби. Замысел Берхани удался как нельзя лучше – оказавшись чуть ли не лицом к лицу с внезапно прорвавшимися хардыгарами, маги рефлекторно потянули своих зомби к себе, спеша отгородиться ими от вражеских солдат. Тут же стало ясно, что каждый из чародеев действительно командовал той частью зомби, что находилась ближе к нему. В сторону магов полетели стрелы, однако все они падали, не достигая цели – и виной тому было отнюдь не неискусство стрелявших. Впрочем, командир хардыгар, после своих консультаций с ир-Фарлади, предполагал, что стрелы будут практически бесполезны – магам было достаточно легко от них защититься, а зомби они почти не могли повредить – и основную ставку делал на более весомые мечи.

Ферлуки маневрировали, нанося быстрые, как бы кусающие удары частям зомби и поспешно отходя, тем самым усиливая сумятицу и неразбериху в стане противника. Маги, пытавшиеся все время разворачивать своих бойцов так, чтобы хардыгарам противостояли хорошо вооруженные зомби, не успевали с должной скоростью манипулировать многотысячными толпами мертвецов, да к тому же еще действовали без должной взаимной согласованности, так что отряды зомби сталкивались флангами, перемешивались и кое-где, кажется, уже и рубили друг друга. Наконец Берхани решил, что хаос достиг своей кульминации, и выбрал первую цель для настоящей атаки – мага, вместе со своими зомби наиболее оторвавшегося от других. Тот, кажется, вообразил, что ему удалось потеснить хардыгар, приняв их маневр за вынужденное отступление, и попытался их

преследовать; преследуемые, однако, быстро обернулись своей противоположностью, атаковав преследователей с фронта и с флангов.

Четыре ферлука с разных сторон вспороли толпу зомби, вгрызаясь в безоружную сердцевину и легко прокладывая в ней кровавые коридоры; по этим коридорам устремились сотни первого ферлука, направляясь прямиком к магу. Лица его еще не было видно; «что, если это Ральтиван?» – подумала Элина. Не дрогнет ли ее рука? «Нет, не дрогнет», – ответила она сама себе, представив эту сцену. Меж тем меч ее вновь и вновь обрушивался на зомби, и почти каждый удар достигал цели. Мертвецы действительно оказались никудышными солдатами – они били сильно, но бестолково, и парировать их удары щитом не составляло труда. Единственным их преимуществом – не считая, конечно, численности – была поразительная живучесть; не так-то просто снести человеку голову или раскроить череп одним ударом, особенно если тот в доспехах, так что нередко зомби приходилось добивать в несколько приемов, и на протяжении всего этого времени они продолжали сопротивляться, хотя головы их уже мотались на полуразрубленных шеях или сочились беловатым желе через проломы в черепах. И все же наибольшее впечатление на Элину произвело не это, а их лица – не искаженные яростью или страхом, как у большинства солдат в бою, не сурово-сосредоточенные, как у самых опытных и хладнокровных бойцов, а пустые и безразличные маски. Зомби не дышали, от них не разило по́том, но запах аммиака, пусть даже и не резкий, едва ли был приятнее.

Айзендорг и Эйрих действительно составили недурной дуэт; они наступали практически на острие первой сотни первого ферлука, лихо орудуя мечами, по всей длине уже влажно блестевшими от вязкой крови зомби. Лицом эти двое не походили друг на друга, но сейчас казались близнецами, легендарными исполинами Запада, возвышающимися, словно два незыблемых утеса, над беснующимся морем восточных полчищ.

Но вот, вместо того чтобы и дальше стремительно прокладывать дорогу к магу, граф начал отклоняться вправо, наступая на зомби; Элина, сражавшаяся правее и сзади, невольно повторила его маневр. В том и состоял замысел Айзендорга – при всей своей храбрости он не хотел лезть на мага в первых рядах и тем паче позволять это своей дочери, ибо имел все основания подозревать, что против такого противника бессильны доблесть и искусство боя – задавить мага можно только количеством, причем первые, кто вступит с ним в бой, обречены. В свою очередь, и Эйрих свернул влево, пропуская хардыгар вперед.

И действительно, едва первые тургунайцы прорвались к магу, как сверкнула вспышка, и загрохотал гром. Атакующих расшвыряло в разные стороны, и большинство из них уже не поднялось с земли. Правда, окрестные зомби при этом

утратили всякие остатки разумности поведения, чем воспользовались воины четырех остальных ферлуков. Но и хардыгары первого ферлука, несмотря на гибель товарищей, вновь с разных сторон бросились к магу. Все они, не только ук-хаффы, в свое время усвоили этот урок – сражаться надо даже тогда, когда все говорит, что шансов на победу нет.

Маг, должно быть, не ожидал такого поворота событий. В эпоху, когда чародеи были сильны, даже и куда более слабое заклинание, не причинявшее серьезного вреда, повергало непокорных (редких в те времена) в ужас. И пусть люди однажды уже перешагнули через свой страх, обагрив руки кровью магов, однако заговорщики рассчитывали, что с возвращением чародейской силы вернется и былой мистический трепет перед хозяевами мира – достаточно лишь продемонстрировать эту силу достаточно наглядно. Что ж, возможно, в отношении многих людей такой расчет был оправдан... но только не в отношении хардыгар. Уже в начале боя заговорщикам следовало понять, что те, кто не испугались зомби, не испугаются и их хозяев. Философию хардыгар исчерпывающе выразил чернокожий ферлукер: чем сильнее враг – тем славнее победа.

Полыхнул огонь, и четырнадцать хардыгар вспыхнули живыми факелами. Те из них, что не погибли сразу, бросились на землю, перекатываясь и пытаясь сбить пламя; однако это пламя невозможно было погасить... Но их товарищи уже бежали вперед, перепрыгивая через горящие тела. Впрочем, пробежать им удалось недалеко: они останавливались, хватались за голову, харкали кровью и валились на землю в агонии.

И, кажется, впервые у атакующих стали возникать колебания. Не то чтобы страх и, тем более, готовность нарушить приказ, но сомнения в уязвимости противника для обычного штурма. Новые хардыгары по-прежнему смыкали кольцо вокруг мага, однако не столь быстро, как их предшественники.

Меж тем остальные маги уже спешили на помощь попавшему в окружение собрату. Бойцы второго и пятого ферлуков с трудом отбивались от навалившейся на них волны зомби, которые, хоть и несли колоссальные потери, но постепенно теснили хардыгар массой. А ведь за зомби двигались и их хозяева... Берхани, получивший доклад о ситуации на флангах, нервничал: еще немного – и придется спешно отступать, так и не уничтожив первого мага и, следовательно, понеся все потери впустую; такой исход ставил под удар всю концепцию боя.

Граф, Эйрих и Элина были уже недалеко от мага, но по-прежнему не очень спешили его атаковать, занимаясь в основном зомби; даже и графиня осознала мудрость своего отца, вовремя отступившего с главного направления атаки, ибо ей вовсе не хотелось сгореть заживо, не успев добежать с мечом до врага. Однако

Редрих повел себя иначе. Видя, что его люди замешкались, он сам бросился вперед, криком увлекая их за собой.

Ему повезло – у мага, утомленного предыдущим управлением зомби, уже не было сил на столь же мощный удар, ему необходима была передышка. Он вынужден был перейти к пассивной обороне; ему удалось остановить хардыгар буквально в нескольких футах от себя, но они продолжали напирать на невидимую стену, и занесенные окровавленные мечи блестели в их руках. Маг дрогнул, попытавшись позвать на помощь своих зомби, и это стало для него роковым. Стена ослабла и была прорвана; маг вывалился на землю из накренившихся носилок...

Слабый вопль старика потонул в торжествующем крике хардыгар. Редрих радостно поднял за волосы отрубленную седобородую голову; Элина, бывшая уже совсем рядом, впервые отчетливо увидела лицо мага. Это был не Зендергаст и не Рандавани; скорее всего, родиной убитого было одно из южных королевств Запада.

Несмотря на победный клич, волною разошедшийся по ферлукам, почивать на лаврах было некогда – необходимо было срочно отступать. Хардыгары поспешно отошли, уже даже не столько рубя, сколько отпихивая в стороны безвольных, потерявших хозяина зомби, лишь немногие из которых еще бесцельно махали мечами. Один из магов, успевший подойти слишком близко и пытавшийся перерезать отступление тургунайцев, сумел шарахнуть молнией по флангу пятого ферлука, убив четверых, но хардыгары не поддались на провокацию и продолжили быстрый отход вглубь зурбестанской территории.

Оторвавшись от преследователей, ферлуки вновь собрались вместе. У них было совсем немного времени для передышки и подведения первых итогов. Первая победа была одержана, но при этом хардыгары потеряли около шестидесяти человек, из которых две трети было убито магией – и это не считая легкораненых. Среди остальных были не только погибшие от мечей, но и затоптанные толпой зомби – такие потери понесли второй и пятый ферлук, пытавшиеся во что бы то ни стало сдержать натиск врага. Убитых зомби никто не считал – их было, как минимум, тысячи три, а скорее всего, и намного больше, но все равно, пока что на фоне их общей численности эти цифры не выглядели особенно внушительными.

– Начало есть, дальше будет проще, – ободрил подчиненных Берхани.

Меж тем маги, при всей своей неопытности в военном деле, извлекли кое-какие уроки. Если в начале сражения их фронт был растянут на несколько миль, то теперь они собирали части вместе, спешно подтягивая фланги, которые, словно хищные клешни, нацеливались на хардыгар слева и справа. Берхани видел, что

полк пытаются охватить с флангов, но его это, казалось, не беспокоило. Он продолжал постепенное отступление; однако, когда фланги воинства магов обогнали полк и начали уже заходить ему в тыл, грозя замкнуть окружение, хардыгары внезапно вновь пошли на прорыв, ударив на сей раз единым клином не по центру, где сосредоточилось наибольшее число магов, а в основание левого фланга, между двумя группами зомби. Маги уже имели возможность убедиться, к какому хаосу приводит столкновение между их подопечными, и поэтому каждый следил, чтобы между его зомби и соседними оставалось расстояние. Расширить такой коридор до подходящего размера и прорваться по нему для хардыгар не составило труда. Маневр был осуществлен настолько молниеносно, что маги не успели сдавить прорывающихся между плотными порядками зомби справа и слева; лишь несколько человек с флангов арьергарда не успели проскочить и были в прямом смысле раздавлены – вместе с парой сотен зомби, многие из которых, впрочем, могли продолжать сражаться и с переломанными костями.

Таким образом, хардыгары вновь оказались в тылу противника. Здесь бродили бесхозные зомби, общим числом в несколько сотен, и еще несколько тысяч их собратьев недвижно стояли поодаль, отогнанные магами; таким образом, версия о том, что заговорщики привели на поле боя максимальное количество мертвецов, каким могли управлять, подтвердилась. Но теперь обеим сторонам было не до ставших лишними зомби. Пока маги ликвидировали давку на левом фланге и в очередной раз разворачивали свои части хорошо вооруженными шеренгами к врагу, Берхани уже обрушился на арьергард «подковы», выбрав очередную цель.

Атака развивалась по прежней схеме. На сей раз строй зомби был более плотным, и через них тяжелее было прорубаться, однако это же обстоятельство мешало магам быстро перестраивать свои силы. Видя, как неудержимо приближаются к нему хардыгары, маг попытался отойти поближе к коллегам сквозь расступившиеся по его команде ряды мертвецов; ему удалось избежать окружения – хардыгары наступали на него лишь с трех сторон – однако дальнейшее отступление ему перекрыла плотная стена чужих зомби. По всей видимости, он успел бы дать знать управлявшему ими соседу, чтобы тот открыл для него проход, но внезапно принял другое решение. Возможно, он переоценил свои силы, или же на него подействовал самоотверженный героизм хардыгар, и он устыдился отступать без боя – но, так или иначе, маг развернулся и двинулся прямо на вражеский штандарт. Зомби отхлынули в стороны, открывая ему прямую дорогу.

Берхани понял, что сейчас произойдет, но не пытался остановить своих бойцов, побежавших навстречу магу по образовавшемуся коридору. Если бы один маг сумел обратить хардыгар вспять, дальнейшее сражение потеряло бы смысл.

И маг ударил – в тот момент, когда первые мечи уже готовы были поразить его. В отличие от своего несчастливого предшественника, державшего круговую оборону, он нанес направленный, а потому более мощный и дальнобойный удар. Знамя, служившее ему ориентиром, разорвало в клочья, но это была далеко не самая серьезная потеря хардыгар. Около сотни их, оказавшиеся на линии удара – как вблизи, так и дальше – были убиты на месте или умерли в течение нескольких минут. В том числе погиб и заместитель командира полка; сам Берхани остался жив, хотя его левая рука бессильно повисла, лишенная чувствительности. Несколько десятков бойцов раскидало в стороны вперемешку с зомби, многих из которых также посбивало с ног. Элина, оглушенная, тоже полетела на песок; однако прежде, чем ее успели затоптать, сильная рука графа Айзендорга ухватила ее за плечо и вздернула на ноги.

– Как ты? – спросил граф, одновременно обрушивая меч на череп ближайшего зомби.

– Нормально, – отозвалась Элина, встряхивая головой и удовлетворенно констатируя, что меч она так и не выпустила.

Маг вложил в удар всю силу и уже не смог защитить себя. В следующий же миг бойцы третьей сотни первого ферлука, пробившиеся к нему справа, изрубили его в куски. Перекрывая шум боя, раздался крик Берхани, приказывавшего немедленно отходить.

Но сделать это было не так уж просто. Один из магов уже, бросив собственных зомби, перехватил управление солдатами погибшего; еще двое других пустили своих зомби бегом, чтобы те успели перекрыть хардыгарам отход. Две многотысячные толпы мертвецов столкнулись; многие полетели наземь, образуя сплошную кучу малу. Часть хардыгар успела проскочить, прежде чем это произошло; другие вынуждены были отпрянуть вспять, чтобы не погибнуть в этой давке (некоторые все же были задавлены). А зомби уже напирали и сзади, оттесняя ферлуки друг от друга. Похоже, маги, наконец, бросили попытки играть по правилам и атаковать вооруженными построениями, осознав, что толпа такого размера представляет собой страшную силу, даже будучи безоружной и почти не организованной. В течение каких-то минут ситуация для хардыгар превратилась из обнадеживающей (несмотря на потери) в критическую.

Элина, ее отец и Редрих оказались в числе тех, чей отход был отрезан сомкнувшейся толпой. Вместе с ними были блокированы около ста восьмидесяти хардыгар первого ферлука; среди них, впрочем, не оказалось ни Берхани, ни Эйриха.

В первый момент положение казалось совсем отчаянным – жалкая горстка людей в центре чудовищного водоворота многотысячной толпы зомби – но затем

граф, благодаря своему высокому росту, увидел через головы мертвецов более крупную группу тургунайцев неподалеку и указал направление прорыва. Через несколько минут яростной работы мечами двум группам удалось соединиться; теперь их было почти два полных ферлука, однако сплошная толпа зомби по-прежнему наседала на них со всех сторон. Впрочем, маги старались все же поддерживать какой-то порядок среди своих подчиненных, иначе сами, вместе со своими носильщиками, превратились бы в игрушку неуправляемой толпы; и именно поэтому натиск зомби не был таким всесокрушающим, каким он мог бы быть.

С появлением Редриха подняли штандарт первого ферлука, оказавшийся у второй группы; штандарт этот, изображавший оскаленный рогатый череп на кроваво-красном фоне, по всем параметрам выглядел как тургунайский полковой, и лишь сами хардыгары знали, что он обозначает всего-навсего ферлук. И буквально через пару минут вдалеке над головами взметнулся новый штандарт с окровавленными мечами – очевидно, командир полка находился там.

– Мы должны пробиваться туда, – заявил Редрих.

– А по-моему, мы должны выбираться наружу, – возразил граф, не переставая работать мечом. – Таков был и последний известный нам приказ Берхани, – добавил он, хотя для него самого это не было аргументом.

– Приказ был – отойти и вновь собраться вместе, – не согласился герцог. – Раз отойти порознь не получилось, мы должны собраться здесь. Может быть, без нашей помощи им не вырваться.

– Мы не можем терять времени! – воскликнул граф. – С каждой минутой маги стягивают вокруг все новых и новых зомби, скоро у нас не останется ни шанса!

– Здесь командуют ферлукеры, – отрезал Редрих. – Кроме меня, с нами еще двое; спросим их.

Один из ферлукеров поддержал графа, другой – Редриха; а поскольку Айзендорг, не будучи хардыгарским офицером, не имел права решающего голоса, было принято решение прорываться к командиру. Графу ничего не оставалось, как подчиниться; не мог же он пробиваться в другую сторону в одиночку или вдвоем с Элиной.

Прокладывать себе путь сквозь плотную толпу зомби было занятием не из легких; трудно было не только продвигаться вперед, но и сдерживать давление на флангах. Однако это давление парадоксальным образом предоставляло шанс: зарубленные зомби валились под ноги своим еще живым – точнее говоря, активным – собратьям, те падали, на них валились следующие, и мигом вырастал копошащийся брустверь, сдерживавший дальнейший натиск. Чтобы такой же завал не образовывался прямо по курсу, приходилось лавировать, сообразуясь с

меняющимся направлением напора толпы. И все же гибли не только зомби; тела даже таких тренированных бойцов, как хардыгары, подвержены усталости, а их противнику эта проблема была неведома, и мечи мертвецов начали все чаще достигать цели...

Когда бойцы преодолели уже около половины пути, они заметили, что полковое знамя тоже движется им навстречу. Что ж, это было вполне разумно; оставалось лишь надеяться, что у Берхани тоже достаточно крупный отряд. Однако действительность опровергла эти надежды. Вскоре встречное продвижение знамени замедлилось и вовсе остановилось, а когда группа, в которой находились граф и Элина, все же пробилась к товарищам, перед ними предстали неполные пять десятков человек, сгрудившихся в кольце трупов вокруг полкового штандарта; многие из них были ранены. Тот из них, к чьим доспехам было прикреплено знамя, двинулся навстречу Редриху и что-то сказал ему по-тургунайски. Лицо молодого ферлукера просияло, словно он услышал, как минимум, об идущей на подмогу армии.

– Что он говорит? – требовательно спросил граф.

– Ир-Берхани убит! А так как его заместитель погиб еще раньше, теперь я, как ферлукер первого ферлука, командую хардыгарами!

Элина смотрела на него, как на сумасшедшего. Он вообще понимает, где он и что происходит? Они уничтожили лишь двух магов из двенадцати, и уже рассечены и окружены со всех сторон неисчислимыми полчищами противника; их всего семь сотен человек, включая раненых, и других групп поблизости не видно, а иной помощи тем более ждать не приходится; речь не идет уже не то что о победе, но даже и шансы на спасение представляются все более призрачными...

Но Редрих был счастлив. Это был его звездный час. О нет, конечно, не тот, о котором он тайно мечтал уже девять лет, с той ужасной ночи бегства из роллендальского дворца, ночи, отнявшей у него все... Но жизнь научила его смирять желания – или, по крайней мере, убеждать себя, что он их смирил. Если отсчитывать от той поры, когда он был без пяти минут наследником престола, то, конечно, и нынешний его взлет значил не так уж много. Но если за точку отсчета взять караван невольников, в котором он шагал, закованный в цепи, под бичом надсмотрщика... на глазах у жителей Тургуная, которые, впрочем, скользили по веренице рабов привычно-равнодушным взглядом... но Элина тоже это видела!.. это было всего каких-нибудь три месяца назад – и вот теперь он, в свои неполные двадцать лет, командует гвардией повелителя одной из величайших империй в мире, может быть, лучшими солдатами на свете! Он понимал, насколько тяжело положение хардыгар, но мысль о смерти не пугала его. Мог ли он пожелать себе смерти более героической, чем погибнуть в великой битве, решающей судьбу

мира, погибнуть с мечом в руке, во главе легендарных бойцов? Сама судьба мира в этот момент мало его волновала. Достойное место в истории было не в пример важней. Он не думал уже и об Элине – разве что о ее отце, ведь прославленный герой Айзендорг тоже находился сейчас у него в подчинении... Для полноты счастья ему не хватало только достойного врага. Не каких-то жалких зомби, а такого, над трупом которого не жаль истечь кровью самому.

И Редрих увидел врага! Хотя маги и пустили теперь вперед исключительно зомби, стараясь самим держаться подальше от окруженных хардыгар, однако прихотливые колебания толпы и сложная траектория прорубавшихся сквозь нее бойцов привели к тому, что один из чародеев оказался слишком близко к хардыгарскому полковому штандарту, качавшемуся в такт ударам меча знаменосца.

Редрих обернулся к своим солдатам; они продолжали самоотверженно рубиться с мертвецами, но на лицах их уже начинала проступать печать обреченности.

– Мехм ур-салла! – закричал Редрих во всю мощь своих легких, одной рукой выхватывая знамя у знаменосца, а другой указуя мечом на зазевавшегося мага. – Ак-ла хардыгар!

Лицо его было страшнее, чем лица демонов из легенд, глаза словно пылали неземным огнем, и огонь этот, казалось, воспламенял всякого, кто встретился с Редрихом взглядом в эти мгновения.

– Ак-лааа!!! – взревели хардыгары, подхватывая свой боевой клич, и с новой силой обрушились на врага.

Наверное, любые бойцы-люди дрогнули бы перед столь яростным натиском; но и зомби, для которых психический фактор не имел значения, не могли сдержать этой неистовой атаки чисто физически. Маг, как видно, занервничал, и, приказывая своим зомби расступиться и открыть ему дорогу к бегству, не рассчитал длины коридора: расступились и многие из тех мертвецов, что находились между ним и рвавшимися к нему хардыгарами. Последние, конечно, не замедлили этим воспользоваться. Редрих под знаменем двигался впереди всех, рубя направо и налево, а когда перед ним, наконец, открылся просвет – бросился к цели бегом, увлекая за собой своих солдат. Элина видела это и сознавала, что какую-нибудь минуту спустя герцог погибнет жуткой смертью (и зомби, вдруг сделавшиеся вялыми, подтверждали, что маг готовит удар), однако не пыталась окликнуть Редриха. Она понимала, что человека в таком состоянии останавливать бесполезно.

И в тот момент, когда Редрих был уже возле носилок мага, занося меч, раздался негромкий хлопок, колыхнувший балдахин. Это было все – не выплеснулось

пламя, не ударил гром, никто не свалился замертво. Меч Редриха, продолжая движение, обрушился на пустой паланкин. Маг исчез.

Собственно, этого следовало ожидать. Если уж маги сумели переместиться в пирамиду Нан-Цора с расстояния в тысячи миль, тем паче они могли проделать подобное внутри Зурбестана. Двое убитых хардыгарами попросту недооценили противника, понадеявшись, что мощных боевых заклятий, уничтожающих сразу десятки человек, будет достаточно; когда же выяснилось, что это не так, спасаться прыжком через пространство было уже поздно – магам нужно было время, чтобы восстановить силу. Теперь, однако, выводы были сделаны. Третий маг даже не попытался отбиваться. Он попросту... нет, даже не сбежал – он передислоцировался. Ибо тем же способом он мог вновь переместиться на поле боя, но уже в иное его место, подальше от хардыгар. И действительно, не прошло и минуты, как он возник рядом с другим магом, намного дальше от места несостоявшейся схватки.

И это означало окончательное и бесповоротное поражение хардыгар. Ибо теперь, даже проявив чудеса героизма и прорубившись через несметные толпы зомби, они все равно не смогли бы выполнить главной задачи – уничтожить магов. Даже хотя бы еще одного мага.

Редрих стоял над разрубленным паланкином с совершенно растерянным видом. Лицо его обрело почти столь же бессмысленное выражение, как и у зомби. И лишь несколько секунд спустя черты его исказились яростью, и он принялся рубить в куски не сопротивлявшихся носильщиков.

– Герцог, – сказал Айзендорг, подходя («возьмите себя в руки!» – означало это обращение по титулу), – нам надо пробиваться к горам.

– А? – Редрих опустил меч, тяжело переводя дух (зомби вокруг все еще оставались вялыми – маги пока не перехватили управление). – А с гор нас не сшибут... какими-нибудь лавинами?

– Могут, – согласился граф, – но горы – наш единственный шанс. На равнине нас в конце концов попросту передавят. Даже если мы сумеем прорваться к туннелю – он слишком узок.

– Может, все-таки попробовать отойти вглубь Зурбестана?

– Думаю, на равнине, куда бы мы не вырвались, нас будут преследовать бегом. Маги уже поняли, что эта тактика эффективна. А зомби не знают усталости.

– Но мы все равно не сможем вечно отсиживаться в горах.

– Не сможем. Но прежде чем строить планы на вечность, надо дожить хотя бы до вечера.

– Пожалуй, – согласился Редрих и выкрикнул новые команды. Как раз в это время зомби вокруг ожили и вновь двинулись на хардыгар; вновь загрохотали

удары мечей по щитам. Редрих вновь передал штандарт знаменосцу и, отбросив щит, поднял с земли второй меч...

Солнце немилосердно палило, в который уже раз за эти тысячелетия наполняя удушливым зноем гигантскую чашу Зурбестанской котловины. День, очевидно, близился к полудню, но Элина потеряла ощущение времени. Остались только жара, мерзкое ощущение пота, текущего под доспехом, пересохший рот, усталость, ноющая свинцовая тяжесть в руках (та, что с мечом, уставала быстрее, и графиня периодически меняла щит и меч местами, но теперь это уже мало помогало), а главное – ощущение бессмысленности и безнадежности. Она и сама уже действовала почти как зомби, автоматически поднимая и опуская меч, автоматически уходя от встречных ударов. Она могла бы уже сто раз сменить хардыгарский меч на прямой западный, какими были вооружены многие зомби, но еще в начале боя убедилась, что утяжеленный на конце кривой клинок, хотя и мало годится для колющих ударов, прекрасно подходит именно для такого стиля боя, где нужно рубить врагам головы и проламывать черепа. Теперь, однако, она с трудом преодолевала искушение бросить свой меч и вооружиться более легким, хотя и менее эффективным, оружием. Воспользоваться магией она не пыталась, помня участь ир-Фарлади.

Когда они начали пробиваться к горам на западе, их было около семи сотен; тогда бойцы имели возможность для отдыха – те, что дрались по периметру, через какое-то время передвигались внутрь отряда, а товарищи занимали их места. Потом их сдавили так, что ни о какой ротации не могло быть и речи; очередь биться доходила до находившихся внутри лишь после гибели сражавшихся снаружи. Тем, что внутри, впрочем, тоже пришлось несладко – они пытались выстроить жесткие ребра из щитов, упертых краями друг в друга, но экипировка привыкших биться на просторе воинов не предусматривала такой тактики, круглые щиты соскальзывали, и многие из хардыгар, находившихся в центре, были задавлены насмерть или покалечены. На счастье Элины и ее отца, они тогда оказались как раз в промежуточном слое – не в центре и не на периметре; позже, по мере сужения периметра, они вновь вступили в бой, прикрыв совсем уже измотанного Редриха. С тех пор у них уже не было возможности для отдыха.

Они все-таки продолжали продвигаться, медленно, но верно, и маги не оставляли попыток их задавить. Вновь начавшийся натиск оказался самым тяжелым. Отряд словно резко сжали гигантскими клещами. Хардыгары пытались обороняться, но были бессильны; множество их погибло в давке, не сумев даже поднять руку с мечом. Но магам так и не удалось стиснуть своих противников равномерно со всех сторон; зомби, смыкавшие кольцо, попросту мешали друг

другу. Когда основная масса обрушилась на центр – арьергард и авангард выдавило в противоположные стороны, где оказалось посвободнее. В авангарде, вместе с Айзендоргами и Редрихом, тогда спаслось чуть больше сотни человек; теперь их осталось уже менее шести десятков.

Хардыгарские мечи поднимались все тяжелее, удары все реже наносили зомби реальный вред. Элина все еще держалась на ногах и дралась, но жара, усталость, давка, духота и ядовитые аммиачные испарения делали свое дело. Графиня понимала, что еще немного – и она попросту потеряет сознание. Она уже видела, как это случается с сильными мужчинами. Участь упавших была очевидной – их затаптывали враги или свои, других вариантов просто не было. Элине и самой в этот день не раз пришлось чувствовать под ногами корчащиеся в агонии тела...

Рядом с ней бился Редрих. Он уже сломал один из мечей, лишился шлема, его лоб был рассечен до кости, и кровь заливала глаза. Когда-то он мечтал о том, чтобы сражаться плечом к плечу с Элиной; вряд ли теперь это доставляло ему удовольствие... Граф, оттесненный от дочери очередным колебанием толпы, рубился несколько поодаль; высокий рост давал ему уже то преимущество, что голова его находилась выше многих, и он меньше страдал от духоты – однако и он чувствовал себя заметно хуже, чем во время своего последнего серьезного боя девять лет назад. «Возраст, демоны бы его сожрали...» – думал он, поднимая и опуская меч, чья превосходная сталь успела уже затупиться и иззубриться за время нынешнего сражения.

Именно благодаря росту граф первый заметил поднявшийся впереди штандарт и громко крикнул об этом.

– Что изображено? – крикнул в ответ Редрих, отбивая очередной удар.

– Сейчас... Вроде рука держит за волосы отрубленную голову!

– Второй ферлук! – понял Редрих. – Хаган, кыр ферлук шанди-ла!

Новость приободрила измотанных бойцов; к тому же впереди вдруг оказалась очередная группа практически невооруженных зомби. Отряд рванулся вперед. Но что ждало его через несколько сотен футов? Может быть, такая же маленькая группка, из последних сил отбивающаяся от наседающего со всех сторон противника?

В какой-то момент среди зомби образовался просвет, и Элина увидела впереди союзников. Это была не группка. Даже и не ферлук. К ним на помощь шло множество хардыгар – наверное, целая тысяча, или даже больше! Видимо, это были те, кому удалось избежать окружения после уничтожения второго мага. И... они просто шли навстречу, ни от кого не отбиваясь – вокруг них не было зомби! Выходит, окруженным удалось-таки пробиться на самый край воинства мертвецов, и от спасения отделяло одно, последнее усилие!

Все эти мысли пронеслись в голове Элины в одно мгновение; в следующий миг брешь в рядах зомби вновь закрылась, но графиня успела разглядеть еще кое-что – точнее, кого. Не узнать фигуру того, кто с поднятым мечом шел во главе хардыгар, было трудно.

– Эйрих! – радостно закричала Элина. – Он жив! И с ним половина полка как минимум! Мы почти выбрались!

В другой обстановке граф заметил бы дочери, что новости следует сообщать в порядке их важности, а не в обратном, но сейчас, конечно, никто не был бы в претензии, даже если бы Элина перепутала порядок слов во фразах. Редрих поспешно перевел ее сообщение на тургунайский.

– Ак-ла! – вновь рявкнули хардыгары, и хотя теперь, когда их осталось всего сорок восемь, этот клич звучал уже не так мощно, как прежде, но угрозы и решимости в нем было не меньше, словно и не было многочасового изматывающего боя, в котором полегло множество их товарищей и сами они уже успели утратить надежду...

Они вспороли рыхлую окраину войска зомби с той же легкостью, с какой в начале боя прорывали растянутый фронт мертвецов, и наконец-то вырвались наружу. Элину, правда, несколько удивило, что хардыгары, шедшие им навстречу, все еще находились в некотором отдалении – по ее прикидкам, они должны были уже врубиться в толпу зомби, спеша на выручку товарищам. Но, должно быть, за тот краткий миг она неверно оценила расстояние. Элина оглянулась, не требуется ли помощь ее отцу и Редриху – но они уже были рядом с ней – и бросилась бежать по песку навстречу Эйриху и остальным. Ее боевые товарищи последовали ее примеру, стремясь как можно скорее оторваться от врага, пока маги не двинули на перехват новые силы.

– Эйрих... – Элина остановилась, тяжело дыша; на последних футах ей пришлось перейти с бега на шаг; она с трудом поборола искушение бросить тяжелый щит... – Если б вы знали... как я рада... все мы...

Эйрих взял ее за руку. Нет, Эйрих *схватил* ее за руку и резко вывернул кисть. Меч графини упал на песок. Она уставилась на своего верного товарища расширенными от изумления и боли глазами.

И только тут поняла, что, хотя от вражеского войска ее отделяет добрых полтораста футов, она по-прежнему чувствует запах аммиака. За эти часы он стал ей таким привычным, что она не обратила на него внимания сразу...

Человек, бывший ей другом на протяжении долгих месяцев опасного путешествия, смотрел на нее равнодушным взглядом глаз-стекляшек. Лицо его выражало тупое безразличие.

– Эйрих... – почти плачущим голосом выдохнула Элина. – Нет...

Такие же лица, разумеется, были и у хардыгар, пришедших вместе с Эйрихом. Теперь, только теперь графиня увидела, что шлемы их побиты, кольчуги разорваны и в крови (кто же мог подумать, что это не кровь врагов?), у многих неестественно вдавлены грудные клетки... В груди знаменосца, стоявшего под штандартом второго ферлука, зияла огромная рана, в которой виднелись два перерубленных ребра. На теле Эйриха не было видно ран – вероятно, он был убит магией.

Рассматривать его дольше Элина не могла. Он выкрутил ей руку за спину, и она вынуждена была повернуться – как раз для того, чтобы бессильно наблюдать гибель последних бойцов, вырвавшихся вместе с ней из окружения. Меньше половины хардыгар все же успели оказать сопротивление, когда на них внезапно набросились бывшие товарищи, но силы были слишком неравны, а контраст между ожидавшимся и действительным – слишком велик. Все было кончено в несколько минут. В живых оставили только троих, схваченных в первый же момент – Элину, графа Айзендорга и Редриха.

Пленникам связали руки за спиной, хотя они были слишком измучены и подавлены, чтобы сопротивляться. Они стояли молча, не зная, что сказать друг другу; лишь граф пробормотал, глядя на Эйриха: «Все и впрямь вышло, как мы договаривались. Наша вторая встреча закончилась смертью одного из нас.» Тот, разумеется, не ответил. Элина вообще ни разу не слышала, чтобы зомби говорили, хотя и знала, что в принципе они на это способны.

Усталость, забывшаяся было в последнем рывке к спасению, навалилась с удвоенной силой; Элина почувствовала, что сейчас упадет. Тяжело и неловко, как всякий человек со связанными сзади руками, она опустилась на песок. Граф и Редрих последовали ее примеру. Зомби не препятствовали.

Они просидели так минут сорок. Потом подвели еще одного пленника – им оказался Артен.

– И вы? Я надеялась, что вы ушли через туннель, – без выражения произнесла Элина.

– Я же предупреждал, что это ловушка, – пожал плечами принц. – Выход оказался перекрыт сразу после начала боя. Может быть, вам и удалось бы взломать барьер, как вчера в Нан-Цоре, но я с этими магическими штучками, сами знаете...

– Кто-нибудь, кроме вас, остался в живых? – перебила Элина.

– Нет, они всех убили. На стоянке и было-то всего несколько человек, в основном раненые во время обвала, в котором погиб командир герцога...

– Выходит, мы им еще для чего-то нужны, – мрачно констатировала графиня.

– Я вообще не солдат, – вновь напомнил Артен. – С какой стати меня убивать?

– А если нас, как солдат, показательно прикончат, вы будете стоять в стороне, смотреть и благодарить магов, сохранивших вам жизнь? – взорвалась вдруг Элина.

– Нет, разумеется, я стану умолять их, чтобы казнили меня первым! – ядовито ответил принц. – Послушайте, кузина, мы все оказались в крайне дрянном положении, но это не повод делать его еще хуже, ссорясь между собой.

– Артен прав, – поддержал его граф. – И вообще, не знаю, что *эти* способны услышать и воспринять, но на всякий случай в их присутствии лучше не говорить лишнего.

Они просидели молча еще около получаса; за это время, надо полагать, маги и их подручные окончательно разделались с последними разрозненными остатками ханской гвардии. Затем толпа мертвецов начала обретать правильные очертания; победоносная армия строилась перед возвращением домой. Зомби подняли пленников на ноги. Элина видела вдали магов на носилках, но ни один из них не удостоил побежденных своим вниманием. «Похоже, игры в добрых правителей закончились», – пробормотал Артен.

Его предположение не замедлило подкрепиться практикой. Пленников, трое из которых, вымотанные боем, едва держались на ногах, погнали пешком через пустыню. Они должны были пройти под конвоем зомби более восьми миль, по жаре, без единого глотка воды, не имея даже свободной руки, чтобы вытереть лоб. Они не знали, что будет, если кто-то из них упадет, но от конвоиров не приходилось ждать ничего хорошего, и они задались целью не проверять. Время от времени, когда кто-то совсем изнемогал, двое других на ходу подпирали его плечами слева и справа – вот вся помощь, которую они могли оказать друг другу...

И все-таки они дошли. Вновь под ноги им легли гладкие плиты мостовых Нан-Цора; их вели тем же путем, каким двое из них впервые проникли в этот город, только теперь на улицах не было ни трупов, ни машин. Точнее, трупы были, но на сей раз они не лежали, а шли победным маршем...

По мере продвижения к центру колонны зомби сворачивали в боковые улицы, очевидно, возвращаясь в свои казармы. Затем свернула и основная колонна, однако бывшие хардыгары вместе с пленными продолжали двигаться прямо, по направлению к пирамиде. Элина уже почти не воспринимала происходящее и очнулась лишь оттого, что сильная рука Эйриха – того, что было некогда Эйрихом – грубо ухватила ее за плечо и вытолкнула из колонны. Граф дернулся было за ней, но его отпихнули обратно. Элина сделала два шага, увидела впереди чьи-то ноги в мягких туфлях и остановилась, поднимая голову. Перед ней стоял Ральтиван Зендергаст.

Элина непременно плюнула бы ему в лицо – обычно герои легенд в подобной ситуации поступали именно так – если бы ее обезвоженный организм мог выработать еще хоть каплю слюны. Вместо этого ей пришлось ограничиться взглядом – как она надеялась, достаточно презрительным.

Маг невесело усмехнулся и шевельнул бровью. Его нынешние слуги не нуждались в словесных указаниях. Крепкие пальцы конвоира развязали веревку на запястьях графини; и хотя Элина, казалось бы, должна была уже вполне привыкнуть к зомби, она вздрогнула от отвращения, когда пальцы мертвеца коснулись ее незащищенной кожи.

– Я очень рад, что ты осталась жива, – сказал Зендергаст.

– Ну конечно... – ответила Элина, еле шевеля пересохшим языком, – надо же вам кого-то мучить... Благодетели...

– Вы заслужили этот урок, – жестко сказал маг. – Мы обошлись с вами ничуть не более жестоко, чем обычно обходятся с пленными в вашем мире. Даже напротив – у вас ничего не отобрали, кроме оружия, а обычно солдаты обдирают пленных, как липку. Впрочем, – добавил маг почти виновато, – это была не моя инициатива. Но таково было решение братьев. Ты, конечно, хочешь пить, – спохватился он. – Сейчас, – он властно протянул руку, и услужливый зомби тут же вложил в нее флягу.

Элина жадно схватила флягу, но, быстро поднеся ее ко рту, вдруг остановилась, так что часть воды выплеснулась ей на подбородок. Вода каким-то чудом была холодной – видимо, именно чудом, без магии тут не обошлось.

– Я не буду пить, пока не развяжут и не напоят остальных, – твердо сказала она, в глубине души радуясь, что вовремя вспомнила об этом и не успела опозориться.

– С ними все будет в порядке.

– Я вам не верю. И вообще... – Элина вспомнила Артена, – не собираюсь вести с вами сепаратные переговоры.

– Элина, ты все еще не понимаешь, – терпеливо произнес маг. – Ситуация не такова, чтобы кто-либо из вас мог ставить нам условия. Но хорошо, раз уж принц Вангейский так для тебя авторитетен, я *велю* его привести, – он подчеркнул «велю», возможно, даже и неосознанно.

Элина молча ждала, сжимая флягу в руке и борясь с искушением облизать губы, на которые попало несколько капель. Всего одно мгновенное движение языком... но маг внимательно наблюдал за ней и, конечно, заметил бы.

Наконец двое зомби (одним из них оказался негр-ферлукер) привели и развязали Артена.

– Пейте, принц, – она протянула ему флягу.

– Благодарю, кузина, – Артен не заставил себя уговаривать и присосался к стальному горлышку. Элина жадно следила за ним, надеясь, что он оставит половину воды ей. Но принцу даже не пришло в голову, что Элина дала ему флягу, не напившись сама. Он выбулькал всю воду на одном дыхании, с удовольствием выдохнул и вернул графине пустую емкость. В глазах мага сверкнули насмешливые искорки.

Артен, до сего момента, по причине недостатка физической подготовки, выглядевший не менее измученным, чем участвовавшие в бою товарищи, теперь несколько воспрял духом.

– Ну что, – язвительным тоном обратился он к Ральтивану, – славное начало благому правлению положено, не так ли? Уничтожено две тысячи человек, цифра, что ни говори, круглая. Правда, все-таки недостаточно солидная. Мой вам совет – запишите сразу в своих летописях, что их было десять тысяч. А лучше – сто...

– Это были солдаты, вторгшиеся на нашу территорию с оружием и враждебными намерениями, – жестко возразил Зендергаст.

– На вашу? – усмехнулся принц. – В соответствии с тургунайско-тирлондским договором, вся территория Зурбестана ныне принадлежит Тургунайскому Ханству. Так что эти солдаты были на своей территории. И были полностью в своем праве, пытаясь очистить ее от банды изменников и узурпаторов.

Элина вспомнила, как мастерски дурачил их Рандавани, притворяясь, что для него действительно важно решить возможные территориальные споры в пользу Тургуная. Впрочем, может, это и не было притворством? Ведь маги до последнего момента не знали, сработает ли их план. И если бы оказалось, что магии в Зурбестане не больше, чем в остальном мире – или, по крайней мере, меньше, чем нужно для их замыслов – Рандавани, как ни в чем не бывало, продолжил бы исполнять свои обязанности ханского советника, и мир так и не узнал бы, какой участи избежал...

– Не слишком-то хорохорьтесь, молодой человек, – холодно изрек Зендергаст. – Эти солдаты вместе с вашими друзьями убили сегодня двух наших братьев. Мне и Рандавани пришлось приложить усилия, чтобы вас четверых согласились оставить в живых – и то лишь в том случае, если удастся взять вас в плен; от гибели в бою страховки не было. Вы знали, на что шли.

Артен хотел в очередной раз напомнить, что он не солдат, но кинул косой взгляд на Элину и вместо этого вновь скривил губы в усмешке:

– Так что же, я должен еще и благодарить вас за то, что меня не зарезали?

– Не меня, – проинформировал его Зендергаст. – Благодарите Рандавани. Моей задачей было отстоять Элину.

– А кто заступился за остальных? – спросила Элина.

– Ты знаешь, что у меня не было никаких оснований симпатизировать графу Айзендоргу, – обернулся к ней маг. – Тем не менее, я спас его. Только потому что он – твой отец.

– А Редрих? – даже в самом скверном состоянии графиня сохраняла способность задавать опасные вопросы.

– Редрих? Редрих твой друг... – Артен немедленно уловил фальшь в этом заявлении, и Элина тоже почувствовала, что истинная причина в другом. В конце концов, Артен был ей куда более давним и близким другом, чем Редрих.

– Эйрих тоже был моим другом, – сказала она вслух.

– Наша снисходительность тоже имеет пределы, – в тоне Зендергаста все явственней звучало раздражение. – Особенно снисходительность к сильным и опасным врагам.

– Вы могли хотя бы просто убить его! – настаивала графиня. – Но то, что вы с ним сделали... это ужасно.

– Зачем уничтожать то, что может принести пользу? – пожал плечами маг. – Он даже мертвый стоит десятерых. Впрочем, не жалей его. Он не страдает. Собственно, его уже просто нет, это, – он кивнул на стоявшего рядом зомби, – всего лишь оболочка.

– Я знаю, – угрюмо подтвердила Элина.

– Тем не менее, ты ведь не хочешь, чтобы с твоим отцом случилось то же самое?

Элина вздрогнула, как от удара. Она знала, что показывает свою слабость, но не могла скрыть своего ужаса перед такой перспективой.

– Значит, ты будешь вести себя хорошо и не станешь делать глупостей, – заключил маг. – Это ведь благодаря тебе вы сбежали вчера?

– Да, – ответила Элина, а на заднем плане уже плясала и корчила магу рожи радостная мысль: «Не знают! Они не знают про Йолленгела!»

– Я знал, я всегда знал, что у тебя способности к магии, – удовлетворенно провозгласил Зендергаст. – Может быть, тебе еще не поздно учиться по-настоящему... – он вдруг почувствовал, что необходимо сгладить впечатление от его предыдущих слов: – Ты пойми, Элина, я тебя не шантажирую. Какими бы ни были мои отношения с графом, пока это зависит от меня, ему не будет причинен вред. Но решения принимают, помимо меня, еще одиннадцать братьев, и они не позволят мне ставить личные симпатии выше долга. Я и сам не могу себе это позволить.

Элина вдруг почувствовала, как тупая боль уходит из ее мышц, как измочаленное тело наливается бодростью и свежестью, как возвращаются силы.

Даже жажда отступила (хотя, впрочем, не исчезла совсем), и изнуряющая жара превратилась в приятное тепло. Она вскинула глаза на мага.

– Да, Элина, – кивнул тот. – Магия может не только разрушать. И ты знаешь, что вовсе не разрушение является ее основной задачей. Мы не желаем вам зла. Мы лишь хотим, чтобы вы извлекли урок из всего, что случилось, и не вынуждали нас отвечать насилием на насилие. А теперь идите в ваш дом, вас проводят.

– Еще один вопрос, – возразила Элина. – Все-таки, скольких ваших мы убили?

Зендергаст удрученно покачал головой, видя, что его призывы пропали впустую.

– Двоих, разве ты не... – начал он сердито и понял: – А, ты имеешь в виду зомби. Мы потеряли что-то около шестидесяти тысяч. Но не приписывай всех их вашим мечам – многие были просто выведены из строя в давке. Однако все эти зомби при жизни были штатскими, не державшими меча в руках. У зомби не сохраняется высшая память, память личности, но остается низшая память, память тела. Поэтому мы вынуждены были убить всех хардыгар. Нам нужны настоящие солдаты. Впрочем, – добавил он, – через какое-то время нам вовсе не понадобится армия. Когда мы достигнем силы магов древности, то сможем, не сходя с места, уничтожать целые города. Но мы, конечно, не будем этим заниматься! – заверил он поспешно. – Максимум – точечные удары с целью вразумить непокорных правителей, для которых собственная власть дороже блага их народов...

– Можно и мне последний вопрос? – вмешался Артен. – Вы убиваете только из необходимости и все такое... Но чего я не могу понять, так это какая необходимость стояла за покушением на меня в Роллендале?

– Почему вы думаете, что это мы? – Зендергаст удивленно вздернул кустистые брови. Принц, разумеется, так не думал, но рассчитывал, застав мага врасплох, выудить какую-нибудь информацию. И его замысел действительно сработал. – Мы, правда, и сами думали, что кто-то может... Но нет, в наших рядах не оказалось столь безумно возгордившегося! Мы провели свое расследование и знаем, кто организовал покушение. Это Ронгольда, Великая герцогиня Штейнельберская.

– Невестка короля Анриха? – в один голос изумились Артен и Элина. Зендергаст важно кивнул – ему явно доставляло удовольствие продемонстрировать, что от магов ничего нельзя скрыть.

– Но зачем? – продолжал недоумевать принц. – У меня не было никаких шансов на престол... и причем тут вообще Штейнельбер?

– Были, – возразил маг. – Только не на тирлондский, а на гриндазийский.

– Каким путем? Гриндазия – маленькое южное княжество, находящееся под сильным влиянием Варсалии... и не имеющее никакого родства с тирлондским правящим домом.

– Путем вашей женитьбы на Марете, единственной дочери князя Рохивани, – разъяснил наконец Зендергаст. – Княжество, как вы верно заметили, действительно не ахти какое, даже по нынешним варварским меркам – для принца, состоящего в ближайшем родстве с королем Тирлонда, предложение не выглядит заманчивым. Но для принца Вангейского, чье родство уже более дальнее, вариант вполне подходящий. А вторым претендентом на руку Мареты был как раз Берхальт, младший сын Великого герцога Штейнельберского и Ронгольды. И для него такая карьера была уже не просто приемлемой, а удачной – хотя и не настолько, конечно, как у его дяди, нынешнего короля Тарвилонского.

– Бред какой! – возмущенно воскликнул Артен. – Я никогда не слышал ни о какой женитьбе!

– Вас не ставили в известность раньше времени, – терпеливо объяснил маг. – На стадии предварительных переговоров ваше участие не требовалось. Впрочем, можете не беспокоиться, – улыбнулся маг, – свадьба Берхальта и Мареты состоялась несколько месяцев назад, и с этой стороны вам ничто не угрожает. Да и вообще, теперь это все уже не имеет значения.

Принц кипел от возмущения. Он всегда понимал, что занимает слишком высокое положение, чтобы вести желаемый образ жизни – то есть заниматься исключительно наукой – и рано или поздно ему придется вступить в какой-нибудь династический брак. Впрочем, утешал себя Артен, династический брак на то и династический, что позволяет ограничиться совместным появлением с супругой на не столь уж частых официальных мероприятиях; ну и еще придется, видимо, зачать наследника – ничего, как-нибудь справится, зато потом можно будет уже не заниматься всякими глупостями. А может, удастся обойтись и без этого – как-никак, если с его старшим братом в ближайшее время ничего не случится, перспектива стать главным в роду ему не грозит. Однако пытаться его женить, даже не поставив его в известность! Какая гнусность! Он им не холоп! И не породистый жеребец! Похоже, эта идея возмутила его даже больше, чем само покушение.

– Какая несусветная глупость! – возмущался он. – И меня же еще из-за этого пытались убить! Да если бы эта дура Ронгольда просто потрудилась узнать мое мнение, она бы убедилась, что ее дурацким планам ничто не препятствует! Мне не нужен престол, тем паче в такой дыре, как Гриндазия, где нет ни одного университета! У меня нет времени на то, чтобы править государством!

– Да, глупость, – сочувственно покивал Зендергаст. – Вполне обычная глупость для варварской эпохи. Ведь Штейнельберу этот брак, по сути, не нужен. У герцогства недостаточно сил, чтобы конкурировать с Варсалией. Берхальт просто вынужден был бы проводить проварсалийскую политику. С точки зрения государственных интересов, Берхальта следовало бы женить на какой-нибудь из младших принцесс могущественного королевства, тогда он смог бы лоббировать интересы герцогства при его дворе. С другой стороны, Тирлонду было бы вполне по силам перетянуть Гриндазию в свою сферу влияния и превратить княжество в свой форпост на границе с Варсалией. Но поди объясни все это вздорной женщине, которая одержима идеей видеть своего ненаглядного сыночка королем или, на худой конец, владетельным князем. Вот что бывает, когда судьбы народов в руках отнюдь не у мудрейших...

– Я только одного не понимаю, зачем понадобилось убивать моего дядю Гарлонга? – перебил принц. – Ведь он отослал меня в экспедицию, и, значит, проблема снялась сама собой.

– Да, у Гарлонга хватило ума понять – не без помощи придворного мага, конечно – что экспедиция сулит более грандиозные перспективы, чем борьба с Варсалией за Гриндазию, а еще одного холостого принца в запасе у него не было... Но его никто не убивал. Он действительно умер сам от сердечного приступа. Такое иногда случается даже с королями.

– Но Лодвинг был в курсе всех планов?

– Да, и чуть не испортил все дело. Он как раз полагал, что заключенный с Тургунаем договор в части, касающейся экспедиции, ущемляет тирлондские интересы. Раз Зурбестан целиком достается Тургунаю, то, дескать, и нет смысла ввязываться в неясную авантюру далеко на востоке – наращивать тирлондское влияние на Западе куда важнее. Уж эти мне владыки эпохи меча, не видящие дальше собственного носа... Мы не смогли перехватить посланного им гонца – тогда наши возможности были куда более ограниченными, даже и Рандавани не мог ему воспрепятствовать в присутствии тирлондских гвардейцев. К счастью, вы приняли правильное решение.

В нынешних обстоятельствах Артен не был в этом уверен.

Меж тем Элина не без удивления слушала, как ловко Зендергаст рассуждает обо всех этих политических хитросплетениях. Она привыкла считать, что старик целиком погружен в размышления о «старых добрых временах» и, хотя и носит формальный чин королевского советника, не слишком разбирается в реалиях современного мира. Впрочем, она уже имела возможность убедиться, насколько сильно ее современники недооценивали магов, казавшихся отмирающим реликтом безвозвратно ушедшей эпохи...

– Ладно, ступайте, – закончил маг. – У вас сегодня был нелегкий день... у нас, впрочем, тоже.

Зомби провели их мимо пирамиды, свернули направо – и в скором времени Элина и Артен уже стояли на пороге того самого дома, который покинули вечером накануне. Принц не мог поверить такой удаче.

Едва за ними захлопнулась дверь, в коридоре показались граф и Редрих. Элина впервые увидела столь отчетливое выражение страха на лице отца; ужасное подозрение владело Айзендоргом с тех самых пор, как конвоиры разлучили их... Но, приблизившись к ней, граф убедился, что перед ним по-прежнему его дочь, а не мертвая кукла, приводимая в движение проклятой магией. Они снова обнялись – во второй раз за этот день и, должно быть, в пятый или шестой за всю жизнь.

– Что им было нужно? – спросил Айзендорг.

– Зендергаст в очередной раз пытался сочетать нравоучения с оправданиями... Папа, мы уложили сегодня шестьдесят тысяч! Не так уж плохо для двухтысячного войска.

– У них в запасе еще несколько миллионов... А ты выглядишь посвежевшей! Неужели проповеди старого паука так поднимают тонус?

– Он помог мне восстановить силы с помощью магии, – нехотя признала Элина. – Но пить я все еще хочу! Надеюсь, у нас есть вода?

– Да, еще полный кувшин. Один выпили мы с Редрихом.

Элина только теперь пригляделась к герцогу и увидела, что на лице его по-прежнему кровь и грязь.

– Редрих, почему вы до сих пор не обработали рану?!

– Неизвестно, когда нам снова дадут воду, – угрюмо ответил тот. – Надо беречь ее для питья.

– Дадут этим же вечером, – отмахнулась Элина. – Сейчас же идите умываться. Мне вполне хватит и половины кувшина, а Артен уже пил.

– Нечего мной командовать... – проворчал Редрих, однако подчинился. Артен был бы не прочь сделать еще несколько глотков – опустошенная им фляга была не так уж велика – однако лишь теперь понял, что пил, и не подумав поделиться с Элиной, и справедливо расценил ее реплику как заслуженную месть.

После того, как Редрих промыл рану на лбу, он, не говоря ни слова, ушел в выбранную им комнату и завалился спать. Остальные – даже и графиня, несмотря на магическую терапию – испытывали аналогичное желание, но все же задержались ненадолго в обеденной зале, где Артен пересказал графу финальную часть разговора с Зендергастом.

– Все это любопытно, но практической пользы не несет, – резюмировал Айзендорг. – Вообще, о западной политике на ближайшее время мы можем

забыть. Единственный и последний шанс – что тургунайцы, не получив вестей от своей гвардии, двинут сюда настоящую армию... может быть, даже все свои войска... и успеют до того, как эти проклятые пауки станут совершенно непобедимы. Но шансов мало, тем паче что ханство сильно, в первую очередь, конницей, а ее через эти горы не протащишь. Опять же, пока они спохватятся...

– Может быть, Йолленгел успеет их предупредить? – предположила Элина. – Раз его нет с нами, значит, он все-таки выбрался... – она замолчала, почти уверенная, что откуда-нибудь из угла вновь раздастся знакомый голос. Но, похоже, на сей раз эльфа здесь действительно не было.

– В принципе он мог набрать съестного в лагере хардыгар, – подтвердил Артен. – И мулы там тоже были. Так что, если ему удалось преодолеть барьер в туннеле... Но я склонен согласиться с опасениями графа – мы не должны больше надеяться на помощь извне. Раз уж наши враги оказались такими глупцами, что вновь поместили нас в тот же самый дом, мы заслужим звание еще больших глупцов, если не найдем, как этим воспользоваться. Нет, право же, я не ждал от них такого подарка! Я, конечно, знал, что косность и консерватизм – их сущность, но не до такой же степени, чтобы, при наличии целого города под рукой, сажать пленников туда, откуда те уже выбрались! Или... – принц изменился в лице и сорвался с места.

– Куда он? – удивился граф.

– Ах да, ты же не знаешь... – Элина рассказала ему про подземелье. Тут как раз вернулся Артен, и уже по его лицу было видно, что все в порядке.

– Разумеется, они так и не удосужились как следует обыскать дом! И они еще собираются править миром...

– В общем-то, ничего удивительного, – заметила Элина. – Если бы вы, расследуя побег, обнаружили выломанную решетку в окне, пришло бы вам в голову искать какие-то тайные ходы? Они сразу же увидели, что пробита магическая защита, и решили, что это сделала я. Никаких других подозрений у них не возникло. Теперь, очевидно, они используют более сильную магию, только и всего.

– Вообще это еще вопрос, не будет ли нынешний режим содержания отличаться от предыдущего... – произнес граф.

– Судя по моему разговору с Зендергастом, скорей всего нет, – ответила Элина. – Они считают, что мы получили достаточный урок. Но если нам удастся снова сбежать, то лучше нам уже не попадать к ним в руки живыми... и мертвыми тоже.

Участники проигранного боя начали просыпаться лишь ближе к ночи, но видя, что кругом уже темно, засыпали снова; так что окончательно из кроватей

выбрались только на рассвете. Все, кроме Редриха. Остальные, обеспокоенные его долгим отсутствием, вошли к нему в комнату.

Герцог лежал на спине, зарывшись головой под подушку и скрестив сверху руки; таким образом он пытался хоть как-то уменьшить невыносимую головную боль, сопровождавшуюся тошнотой. Должно быть, то было последствием солнечного удара, полученного накануне; кроме того, рана на лбу, сама по себе не опасная, воспалилась и жутко багровела на его болезненно бледном лице. На вопросы он отвечал односложно, едва шевеля губами; даже движение глазных яблок причиняло ему боль.

Элина печально вздохнула об Эйрихе, у которого наверняка нашлось бы подходящее снадобье. Правда, граф тоже кое-что смыслил во врачевании – всякий боец и путешественник по диким местам рано или поздно приобретает подобные навыки – но в данном случае он ничем не мог помочь. В распоряжении товарищей Редриха, однако, оставалось еще одно средство – магические навыки Элины.

Графиня с энтузиазмом взялась за дело, полагая, что в пропитанном магией Зурбестане у нее не возникнет проблем. Однако за час усилий она добилась лишь того, что у нее самой заболела голова. Само по себе это не было удивительно – чтобы снять чужую боль, нередко приходится почувствовать ее, как свою собственную – однако Редриху почти не полегчало. Графиня, совершенно выдохшись, вынуждена была оставить бесполезные попытки. «Наверное, вы как-то особенно нечувствительны к магии, – сказала она герцогу извиняющимся тоном. – Моих сил недостаточно.»

Редриха на время оставили одного; все, что они могли для него сделать – положить мокрую тряпку на лоб (воды у них было достаточно – зомби принес накануне вечером, когда они спали). Артен, как обычно, поспешил спуститься вниз; граф тоже пожелал осмотреть подземелье, но, поскольку, как и Элина, не владел древним языком, надолго там не задержался. Таким образом, отец и дочь могли наконец наговориться вволю; Элина рассказывала ему в подробностях о своих приключениях, несколько раз замечая, что при воспоминании об Эйрихе у нее начинает предательски щипать в носу. Она мысленно повторяла себе, что этот человек был наемным убийцей, жертвой которого едва не стал ее отец, но это помогало ненадолго. Если бы они просто расстались, если бы, наконец, Эйрих просто пал в бою – чувства Элины не продвинулись бы дальше тихой печали. Но его ужасная посмертная участь вызывала у графини иррациональные приступы острой жалости – жалости к тому, кто в таковой уже абсолютно не нуждался.

Графиня с трепетом ждала полуденного прихода зомби; она опасалась, что теперь маги приставят к ним в качестве прислуги Эйриха – это было бы очень эффектным напоминанием о необходимости «вести себя хорошо». Но то ли маги

до этого не додумались, то ли были действительно так привержены однажды принятому порядку, как полагал Артен, то ли, наконец, попросту не были настолько жестоки – так или иначе, обед принес все тот же зомби, что и прежде.

Редриху меж тем не становилось лучше. Лишь гордость не позволяла ему мычать от боли. От еды он, конечно, отказался; его по-прежнему тошнило – но не рвало, что могло бы принести облегчение.

– Надо обратиться за помощью к Зендергасту, – решительно заявила графиня.

– Еще чего не хватало! – возмутился Айзендорг.

– Но мы же не можем помочь Редриху! В конце концов, раз уж маги держат нас взаперти, они должны заботиться о нашем здоровье.

– Они позаботятся! – проворчал граф. – Откуда ты знаешь, что может сделать с парнем этот старый паук?

– Если бы они хотели причинить ему зло, они бы сделали это и без нашего согласия, – возразила Элина.

– Господа, ну вы решайте скорее, – поторопил их стоявший в дверях Артен. – Я могу спускаться вниз, или придется сидеть и ждать гостей? Хотя, впрочем, зомби ведь все равно не придет до вечера.

– Я могу обойтись и без записки, – сказала Элина, – позвать Зендергаста с помощью магии. Хотя у меня нет его вещей, на таком расстоянии он должен услышать прямой зов. А у вас, принц, разве нет мнения на сей счет?

– Магия – это не моя область, – равнодушно пожал плечами Артен. – Я не берусь судить о том, в чем некомпетентен. А почему бы не спросить самого герцога?

– Потому что он ответит «нет» исключительно из гордости, – проницательно пояснила Элина. – Папа, мне бы не хотелось делать то, что ты не одобряешь...

– Поступай, как знаешь, – раздраженно ответил граф. – Хочешь звать старого интригана сюда – зови, только избавь меня от необходимости созерцать его довольную рожу.

– Я проведу его прямо к больному, – пообещала девушка. – Но, Артен, на всякий случай оставайтесь все-таки наверху.

Зендергаст явился спустя сорок минут – то ли счел недостаточно солидным для повелителя мира приходить по первому зову, то ли и впрямь был сильно занят. Выслушав Элину, он кивнул, проследовал в комнату Редриха и без особых церемоний выставил графиню за дверь, объявив, что, пока та считает магов своими врагами, он не может доверить ей тайну определенных заклинаний.

Редрих лежал с закрытыми глазами; тряпка скрывала верхнюю часть его лица. Возле низкой кровати стоял кувшин с водой.

– Здравствуйте, герцог, – сказал Зендергаст. Элину он знал с ее восьмилетнего возраста, а Редриха, напротив – до десятилетнего; однако с ним он переходить на «ты» не собирался.

Молодой человек не узнал голоса и сдвинул тряпку, осторожно поворачивая голову.

– Что вам от меня надо? – его голос звучал не настолько твердо, как ему бы хотелось, но все же трудно было не услышать в нем неприязни.

– По-моему, это вы нуждаетесь во мне, – ответил маг. – Я пришел, чтобы помочь вам.

Редрих молчал. Он был слишком измучен, чтобы протестовать.

Зендергаст подошел к кровати и положил ладонь на лоб больного.

– Только не сопротивляйтесь, – предупредил он. – Если вы будете внутренне противиться исцелению, оно может оказаться не столь успешным.

Редриху было не до сопротивления. Он уже готов был принять помощь от кого угодно. И действительно, от прикосновения этой теплой сухой ладони боль начала таять, плавиться, испаряться. Не прошло и пяти минут, как герцог уже почувствовал себя вполне здоровым. Остаточная тошнота еще сохранялась, но и она быстро уходила.

Зендергаст отнял руку, и Редрих испытал мгновенное сожаление: от этой руки исходило такое ощущение покоя и комфорта, какого он не испытывал с самого детства. Да даже и в детстве – мать его больше интересовалась своим положением герцогини и без пяти минут королевы, чем собственным сыном.

– Вам легче?

– Да, – ответил Редрих. – А теперь уходите. Я не собираюсь вас благодарить. В конце концов, это вы виноваты в моей болезни.

Сам того не подозревая, он попал в десятку; Зендергаст даже мысленно вздрогнул, однако понял, что герцог имеет в виду лишь вчерашний переход под конвоем по жаре с непокрытой головой.

– Вы ненавидите нас так же, как и ваши товарищи, – печально покачал головой маг. – Вчера вы пытались нас убить... («И даже малость преуспел в этом», – подумал герцог. Правда, первый маг пал все же не от его руки – его сосед-хардыгар успел ударить первым, так что Редрих отрубил голову уже у мертвого или умирающего. Но все же именно он вздернул эту голову за волосы над толпой, точь-в-точь как на знамени второго ферлука). – А вы никогда не задумывались, почему? – закончил Зендергаст.

Редрих молчал. Он и в самом деле не задумывался об этом. Он отправился на Восток из-за Элины; он стал хардыгаром, потому что это было альтернативой рабству – и потому, что открывало перед ним впечатляющую карьеру бойца; эти

же мотивы привели его в Зурбестан. По большому счету, ему было не так уж важно, как называются те, кто ему противостоит, и какие цели они преследуют; с тем же остервенением он сражался бы против цаньцев или хурданистанцев, если бы таков был приказ хана. Ему нужен был враг, на которого можно обрушить свою ненависть, отлившуюся в узкую стальную полосу меча.

– Да, мы хотим весьма значительно изменить мир, – продолжал Зендергаст, не дождавшись (к вящему своему удовлетворению) ответа. – Но какой вам смысл защищать нынешний мир? Что он дал вам, кроме боли?

– А что можете дать мне вы? – усмехнулся Редрих.

– Многое. Например, тарвилонский трон.

Молодой человек резко сел на кровати, зло глядя на мага:

– Я не собираюсь терпеть ваши насмешки!

– Я серьезно, герцог. Вы ведь не будете отрицать, что у вас имеются некоторые права на престол? Не настолько, конечно, серьезные, чтобы вы могли на что-то рассчитывать в теперешнем мире, но с нашей помощью...

– Разве вы не собираетесь ликвидировать нынешние королевства и править миром самостоятельно?

– По сути – да. Но по форме... Видите ли, герцог, как я уже не раз говорил вашим товарищам, мы хотим избежать лишних жертв. Сделать переход как можно менее болезненным. Кроме того, мы не можем лично управлять каждым городом и деревней. Нам нужны наместники. И желательно такие, которые обладают определенной легитимностью в глазах местного населения.

– Мне не показалось, что в Тарвилоне очень любят Урмарандов, – невесело усмехнулся Редрих.

– О, вы не представляете себе, насколько переменчивы народные симпатии. Нет такого тирана, о котором через несколько лет после его падения не начали бы вспоминать с тоской и умилением. Собственно, и тоска по эпохе магов существует у людей уже давно... – Зендергаст заметил, сколь невыгодную параллель провел, и поправился: – Притом для нее оснований гораздо больше. Так что вы явитесь как выразитель подспудных народных чаяний...

– Я ничего не смыслю в магии, – напомнил Редрих.

– И хорошо! – заверил его Зендергаст. – Иначе мы не обратились бы к вам с таким предложением. У нас нет уверенности, что, соединив в своих руках магию и власть, вы не поддадитесь искушению сделать неверный шаг. Как видите, мы откровенны с вами. Разумеется, среди наместников и прочих администраторов будет немало магов, но будут и обычные люди. Чтобы смягчить переход.

– Значит, вы хотите, чтобы я стал вашей марионеткой, – жестко констатировал Редрих.

– Ну, вы должны будете следовать мудрым советам из Нан-Цора, но в вопросах локального значения у вас будет достаточная самостоятельность. Об абсолютной монархии речи не идет, ее в новом мире просто не будет. Даже среди нас не будет одного абсолютного властителя – мы будем править коллегиально. Зато, опираясь на нашу поддержку, вы сможете не опасаться бунтов и заговоров.

– И в обмен на эти ваши обещания я должен сейчас доносить вам на своих друзей? – ядовито осведомился герцог.

– Вы упорно не понимаете, – ворчливо произнес маг. – Мы не торгуемся, мы теперь слишком сильны, чтобы торговаться. Если бы нам нужно было шпионить за людьми, целиком находящимися в нашей власти, мы бы устроили это и без вашей помощи. Но у нас имеется множество дел поважнее. Да, один раз мы недооценили магические способности Элины, но больше это не повторится. И все, что я вам сказал, я сказал не ради каких-то обещаний, а просто для того, чтобы вы более реалистично представляли себе будущее. Ну а если ваши товарищи – не думаю, что термин «друзья» здесь достаточно точен – все же удумают какую-нибудь авантюру, я надеюсь, вы постараетесь их отговорить. В конце концов, через какое-то время мы и сами их отпустим, и им совершенно незачем подвергать себя бессмысленной опасности.

– Но, конечно же, я не должен рассказывать им об этом разговоре, – продолжал ехидничать Редрих.

– Как вам будет угодно, – пожал плечами маг. – Если вас не смущает, что по крайней мере двое из них считают делом чести хранить верность нынешнему королю Тарвилона, причем у графа с Урмарандами вообще свои счеты – можете, конечно, и рассказать.

– Я не могу сейчас дать вам определенный ответ, – медленно произнес герцог.

– А вас никто и не торопит. Потребуется еще несколько месяцев, прежде чем власть полностью перейдет в наши руки. У вас достаточно времени на обдумывание. Ну а сейчас вам нужно отдохнуть...

– Ну как он? – спросила Элина, когда маг вышел из комнаты герцога.

– С ним все в порядке. Сейчас он спит, и когда проснется, будет полностью здоров, – Зендергаст демонстративно оглядел пустую комнату и коридор, понимая, что остальные предпочли не встречаться с ним, и саркастически изрек: – Вижу, больше здесь помощь никому не нужна, так что я, с вашего позволения, пойду.

В эту минуту в нем проступил прежний Ральтиван, старый ворчун, вечно жаловавшийся на всеобщее пренебрежение, но Элина не улыбнулась. Она даже не поблагодарила его за исцеление Редриха и лишь молча проводила мага взглядом.

Герцог проснулся ближе к вечеру; Элина застала его в обеденной зале, где он с аппетитом уплетал оставленную для него остывшую порцию.

– Зендергаст о чем-нибудь говорил с вами? – требовательно спросил вошедший следом граф.

– Я был не в том состоянии, какое располагает к светским беседам, – ответил он и отодвинул пустую тарелку. – Это все?

Неясно, относился ли вопрос к еде или любопытству графа, но Элина предпочла выбрать более миролюбивую трактовку:

– Скоро зомби принесет ужин. Кстати, надо сходить за Артеном.

– Проголодается – сам придет, – без особого дружелюбия заявил Редрих.

– Дело не в этом, просто мы уже давно решили, что, когда в дом входят представители врага, все должны быть наверху.

– Наверху? – удивился герцог. – Разве мы не на первом этаже?

Элина вспомнила, что он тоже не знает о подземелье, и объяснила ему, не обратив внимания на предупреждающий взгляд, который метнул ее отец. Граф, впрочем, и сам в следующий момент устыдился своей подозрительности. Пусть отец молодого герцога был негодяем, но разве сам Редрих не доказал во вчерашнем бою, на чьей он стороне? Разве не сияло лицо его искренним счастьем, когда он поднимал за волосы голову первого мага и во главе своих солдат рвался к третьему?

Следующий день ознаменовался событием скорее печальным, чем радостным: вернулся Йолленгел. По словам эльфа, барьер в туннеле оказался непреодолим для его скромных магических способностей – по всей видимости, преодолеть его мог бы лишь профессиональный маг высокого уровня. Вообще после боя сила магов заметно возросла; это была одна из самых основательных их тренировок за все время. Два дня Йолленгел отсиживался в горах, опасаясь в таких условиях возвращаться в Нан-Цор; но затем, понимая, что запасы провизии в хардыгарском лагере все равно не вечны, все же рискнул пробраться в город – и, похоже, вновь остался незамеченным. Невидимая стена вокруг дома по-прежнему оставалась для него проницаемой; поскольку магам нужно было, чтобы зомби могли проходить в дом, они сделали стену непроходимой лишь для обычных людей; ставить защиту еще и от эльфов им, разумеется, в голову не пришло. Барьер же в туннеле был непреодолим ни для кого.

Айзендорг был весьма заинтересован возможностью пообщаться с живым эльфом. Йолленгел поначалу чувствовал себя не очень комфортно в обществе незнакомого большого и сильного человека с достаточно суровым лицом, однако

вскоре привык и как-то раз, обмолвившись, назвал его Эйрихом, отчего всем стало неловко.

В течение нескольких дней пленники, не считая, разумеется, не вылезавшего из библиотеки Артена (Редрих тоже не владел древним языком, да и не проявлял интереса к науке), большую часть времени проводили вместе. Граф как будто пытался быть душой компании, пустив для этого в ход рассказы о своих приключениях во времена скитаний за пределами Тарвилона (деликатно не акцентируя внимание на причине этих скитаний), хотя обычно он рассказывал об этом посторонним людям редко и неохотно, и даже Элина знала далеко не все. Делал ли он это лишь для поддержания общего духа, или не хотел, чтобы Элина общалась с Редрихом наедине? Герцог, во всяком случае, немедленно заподозрил второе и почувствовал прилив раздражения, хотя и говорил себе, что вовсе не жаждет с ней общаться.

А на четвертый день за обедом Артен буднично объявил, что ему известно, кем был последний хозяин дома и чем он занимался в лаборатории.

– Его интересовали источники энергии для машин, – пояснил принц. – Первые самоходные машины, созданные зурбестанцами, передвигались силой пара. Демоны, как подумаю, какими идиотами мы были все эти тысячелетия, так просто хочется лупить себя по голове! Из века в век наблюдаем, как пар подбрасывает крышку кастрюли – и никому не пришло в голову, что эту силу можно применить с пользой! Только зурбестанцы и додумались. Но оказалось, что такие машины весьма неэффективны, громоздки и медленны. К тому же в Зурбестане не было угля, да и деревьев не то чтобы очень много. Правда, в те времена страны не были так разобщены, как теперь, но конфронтация с магами внешнего мира уже начиналась, и зурбестанцы понимали необходимость опоры на собственные силы. Начались разные эксперименты с горючими веществами, попутно родилась принципиально новая концепция двигателя – где на поршень давит не пар нагретой воды, а непосредственно продукты сгорания топлива; само топливо при этом должно быть жидким. К сожалению, я пока не нашел чертеж этой конструкции – только упоминание общих принципов работы. Ну и вот. Хозяин дома экспериментировал с различными видами жидкого горючего, пытаясь получить оптимальное. Несколько образцов находятся внизу, в запечатанных жаропрочных емкостях. Как я понимаю, они в основном относятся к двух классам – имеющие в основе нефть и имеющие в основе спирт, причем основные надежды возлагались на последний вариант, благо производить спирт умеем даже мы, а производить нефть не умели даже зурбестанцы. Все это очень интересно для будущего оснащения человечества самоходными машинами, но совершенно бесполезно для нас сейчас. С помощью веществ из лаборатории мы можем

устроить грандиозный пожар и не более чем. Магия, насколько я понимаю, не горит.

– Да, и даже если бы маги сняли барьер, чтобы спасти нас от огня...

– То тут же упрятали бы в такое место, где мы и пальцем не могли бы шевельнуть без их разрешения, – закончил за нее Артен. – Кроме того, не думаете же вы, что я позволю сжечь библиотеку?!

После обеда Элина, стосковавшаяся по новым впечатлениям, выразила желание осмотреть поближе лабораторию; остальные тоже ее поддержали и спустились вслед за принцем. Артен важно, словно настоящий хозяин этого места, продемонстрировал им большой перегонный куб, закопченные горелки, стойки с реактивами, трубки из стекла и гибкого растягивающегося материала, неизвестного на Западе, наконец, большие емкости с экспериментальным топливом, упрятанные для безопасности каждая в свою нишу в стене...

– А это что? – спросила Элина, указывая на укрепленный на стене небольшой прямоугольный металлический кожух.

– Не трогайте! – воскликнул принц. Элина, и так уже предупрежденная, что в лаборатории ни к чему не следует прикасаться, испуганно отдернула руку.

– Да что там такое? – спросила она с ноткой обиды в голосе.

– Это... – замялся принц, – вообще-то я не хотел говорить об этом прежде, чем сам разберусь... Ну ладно, смотрите, только не прикасайтесь.

Он легко открыл кожух, беззвучно повернувшийся вправо на петлях. То, что под ним оказалось, не выглядело особо внушительно. Это была панель из тускло блестевшего металла, высотою примерно шесть и шириной – четыре дюйма; из панели выступали плоские концы толстых круглых штырьков, сделанных из того же металла. Штырьки шли горизонтальными рядами по восемь, и рядов этих тоже было восемь. Сами штырьки – во всяком случае, видимые их части – ничем друг от друга не отличались, однако под каждым из них на панели был выгравирован небольшой символ; Артен пояснил, что это цифры древнего языка, и Элина, видевшая в лифте номера этажей, узнала некоторые из них. В каждом ряду цифры были одинаковые и шли слева направо с убыванием с 7 до 0; кроме того, вдоль самых правых штырьков выстроилась вертикальная колонка тех же цифр, возраставших сверху вниз.

o o o o o o o o 0
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o o 1
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o o 2

7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o o 3
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o o 4
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o o 5
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o o 6
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o o 7
7 6 5 4 3 2 1 0

– И что это может быть, по-вашему? – скептически осведомился Редрих.

– Я полагаю, это кодовое устройство, – ответил Артен. – Если нажать правильные штырьки, то придет в движение какой-то механизм и...

– И что? – нетерпеливо поторопила его Элина.

– Не знаю. Наивно, конечно, надеяться, что сразу сгинут маги, но, может, и произойдет нечто, что продвинет нас в этом направлении.

– Может, откроется проход в конце коридора?

– Не исключено. Но, в любом случае, надо знать, какие штырьки нажимать.

– Вы не пробовали искать записи на сей счет в библиотеке? – Элине не терпелось внести какое-нибудь полезное предположение.

– Вы же видели, какой там беспорядок, – качнул головой Артен. – Найти в этом нагромождении манускриптов клочок бумаги с цифрами, да еще понять, что это те самые цифры...

– Если они вообще где-то записаны, – поддержал его граф. – Единственное место, которому можно доверять хранение секретов – собственная голова.

– Так что от этой штуки на стене нам нет никакой пользы, – не столько спросил, сколько констатировал Редрих.

– Ну почему же? – уязвленно возразил Артен. – У меня появилась кое-какая идея, и я намерен попробовать ее сегодня же. Если мне не будут мешать, – добавил он с нажимом.

– Вы уверены, что вам не понадобится помощь? – осведомился Айзендорг.

– Совершенно уверен. Здесь требуется большая аккуратность, какая может быть лишь у человека, привычного к химическим опытам, – принц хотел добавить «это вам не мечом махать!», но сдержался. Пусть с Редрихом у него с первой минуты сложились натянутые отношения, но граф-то тут был ни при чем.

– Что ж, господа, тогда вернемся наверх и будем ждать вердикта науки, – с легкой усмешкой резюмировал Айзендорг.

Поднявшись наверх, они пытались скоротать время беседой, но, естественно, все мысли крутились вокруг таинственных опытов Артена. Элина уже дважды порывалась спуститься в лабораторию, но граф удерживал ее.

– Там, небось, вообще все давно заржавело и не работает, – добавил герцог.

– Такое впечатление, Редрих, что вы не хотите, чтобы у нас что-то получилось! – не выдержала Элина.

– Просто я реально смотрю на вещи, – брюзгливо ответил тот.

– Только потому, что этим занимается Артен, да? – продолжала графиня. – Вы настолько не хотите его триумфа, что даже забываете о наших общих интересах! Что он вам сделал?

– Ничего, – насупился Редрих. – А вот что он сделал вам, что вы всегда так рьяно встаете на его защиту?

– Артен мой друг!

– Да его ничего не интересует, кроме его науки! Он и вас превратит в материал для опытов, если представится подходящая возможность!

– Молодые люди! – вмешался граф. – Вам не кажется, что наши враги – там (он указал в сторону пирамиды), а вовсе не здесь?

В этот момент дверь отворилась, и на пороге показался тот, кто послужил причиной закипавшей ссоры. Выражение лица его было не сказать чтоб убитым, но и не сияющим. В руке он держал клочок пергамента.

– У вас тут философский диспут? – осведомился он.

Все лица тут же обратились к нему.

– Ну? – требовательно воскликнула Элина.

– Метод сработал, – поведал принц. – Я знаю, какие штырьки входят в код. Но этого недостаточно.

– Вы нашли записи хозяина дома? – граф кивнул на пергамент.

– Нет, это моя собственная зарисовка результата опыта. Вот, смотрите, – он кинул листок на середину стола, и четверо, склонившись над ним, едва не стукнулись головами. Рисунок изображал все те же кружочки пронумерованных штырьков, но на сей раз некоторые из них были закрашены:

o o o o o ● o o 0
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o o ● 1
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o ● o o o 2
7 6 5 4 3 2 1 0
o o o o o o ● o 3

7 6 5 4 3 2 1 0
o o o ● o o o o o 4
7 6 5 4 3 2 1 0
● o o o o o o o 5
7 6 5 4 3 2 1 0
o o ● o o o o o 6
7 6 5 4 3 2 1 0
o ● o o o o o o 7
7 6 5 4 3 2 1 0

– Как известно, кожа человека выделяет определенные вещества, – пояснял принц, усаживаясь во главе стола. – И следы этих веществ должны были остаться на торцах штырьков, на которые часто нажимали. Конечно, с тех пор прошло уже очень много времени, но мы ведь помним, что время в Зурбестане текло не так, как во внешнем мире. Я исходил из того, что кодовым устройством, находящимся в скрытом от посторонних подземелье, пользовался только сам хозяин – то есть он нажимал только на правильные штырьки и, кроме того, ему не нужно было часто менять код. Похоже, оба предположения подтвердились – в итоге у меня получилось по штырьку в каждом ряду, что представляется вполне правдоподобным. Чтобы обнаружить примеси на поверхности металла, я сначала обработал торцы штырьков слабой струей пара – к счастью, они совершенно гладкие, и все это время были защищены кожухом от всякого воздействия извне. Некоторые из них потускнели чуть больше, чем остальные; я отметил их на рисунке. Выждав некоторое время, я использовал другой метод – нагревание пламенем спиртовой горелки через тонкую металлическую пластину, которую нашел тут же, в лаборатории, и, разумеется, предварительно тщательно очистил от возможных примесей. Как вы знаете, под действием высоких температур многие вещества животно-растительного происхождения обугливаются; примерно то же самое, хоть и в гораздо меньших масштабах, произошло и здесь – некоторые из торцов слегка потемнели. Как вы уже догадываетесь, это были те же самые. Но... когда я их нажал, ничего не произошло.

– Вам не следовало нажимать их без нас, – укорил его Айзендорг. – Неизвестно, что произойдет, когда этот загадочный механизм сработает. Это может оказаться опасным.

– Я не мог устоять перед искушением, – признался Артен. – Но все равно ничего не вышло. Прошла где-то минута, после чего утопленные штырьки выщелкнулись обратно. Насколько я могу судить, ни в подземелье, ни наверху ничего не изменилось. По всей видимости, важно не только нажать правильные штырьки, но и сделать это в правильном порядке...

– Почему бы просто не подобрать его? – спросила Элина. – Штырьков всего восемь, вроде не так уж и много вариантов...

– Число вариантов, кузина, равно произведению всех целых от единицы до восьми, – назидательно изрек принц. – Я уже посчитал – это 40320. Если на установку каждой комбинации тратить минуту – а быстрее не получится, надо ведь дожидаться возвращения в исходное состояние при ошибке – то, даже занимаясь этим круглосуточно, мы потеряем четыре недели.

– Это лишь в худшем случае, – попыталась сохранить лицо графиня.

– В среднем – две. Напоминаю, при круглосуточной работе. И еще неизвестно, не блокируется ли система намертво после некоторого количества неверных кодов.

– Если бы я делал подобный механизм, то предусмотрел бы такую возможность, – кивнул граф.

– Так что же, у вас в запасе есть еще какой-нибудь опыт для определения еще и порядка? – Редрих попытался убрать из голоса всю язвительность, но ему это не удалось.

– У меня в запасе есть логика, – невозмутимо ответил Артен. – В принципе, код может быть любым. Но предположим, граф прав, и код нигде не записан в явном виде. Тогда естественно предположить, что хозяин дома, для легкости запоминания, выбрал код, в котором и расположение, и порядок подчинены неким правилам. И в расположении определенная логика просматривается: как видите, в каждом ряду – один и только один штырь, и та же ситуация – в вертикальных колонках. Однако таких комбинаций множество. Если мы поймем, чем замечательна именно эта, то, возможно, поймем и порядок ее ввода. Естественно, я уже попробовал тривиальные варианты – последовательно нажимать штыри слева направо, сверху вниз, справа налево и снизу вверх. Естественно, безрезультатно. Больше вслепую экспериментировать не будем. Будем думать.

За исключением Артена, Элина была единственной в компании, кто получил хорошее, по меркам своей эпохи, общее образование. У графа в юные годы были учителя, однако военное дело уже тогда интересовало Эльберта больше, чем книжная премудрость, и если он и зазубрил в те годы несколько математических теорем, то давно успел их позабыть за ненадобностью; впрочем, он все равно выгодно выделялся на фоне многих аристократов, в том числе и не худшей знатности, умевших в лучшем случае накарябать свое имя. Редрих слишком рано лишился придворных педагогов, и дальнейшее его образование тоже пошло по сугубо практической стезе. Йолленгел был и вовсе неграмотен; но лишь он один остался в стороне от попыток разгадать тайну кода. Остальные, перерисовав кружочки каждый на свой клочок пергамента, рьяно взялись за дело. Не составил

исключения и Редрих, думавший, впрочем, не столько о кодовом устройстве, сколько о возможности утереть нос Артену как раз в той области, которая была для того предметом гордости и превосходства.

– А вы, Йолленгел, чем скучать без дела, прогулялись бы в город, – заметил граф. Эльф поначалу отнекивался, но Элина убедила его, что мощные стены дома столь же прозрачны для магии, как и воздух улицы, и, таким образом, здесь он подвергается не меньшей опасности обнаружения; Йолленгел тяжело вздохнул и вновь отправился на разведку.

Как это нередко бывает, энтузиазм первого часа мозгового штурма начал сменяться разочарованием. В картинке явно проглядывала некая симметрия, хотя и искаженная; казалось, что еще чуть-чуть – и удастся понять общий принцип, после чего искажения окажутся иллюзией, и станет очевидно, что последовательность штырьков строится так и только так. Однако время шло, а разгадка была все так же далека.

Наконец Артен заявил, что, весьма возможно, код строится на основе неких неизвестных им математических правил – в конце концов, не зря же рядом со штырьками стоят цифры – и он вновь отправляется в библиотеку искать что-нибудь о числовых теориях. Энтузиазма остальным это не прибавило, разве что Редрих плотнее обхватил руками голову, словно надеясь выдавить из нее решение.

Затем вернулся Йолленгел. Никаких особых новостей он не принес – разве что ему удалось увидеть учения мертвых хардыгар. Вообще же город жил той же жизнью – если термин «жизнь» здесь вообще уместен – что и прежде; если на темпах программы магов и отразилась гибель двоих из них, то, во всяком случае, со стороны это заметно не было.

После ужина Артен вновь устремился в подземелье и вышел оттуда уже в сумерках. Вид он имел возбужденный и раздосадованный; по его словам, он был уже в двух шагах от разгадки, когда проклятому солнцу вздумалось закатиться. Перелистывая одну из книг, он разглядел рисунок, где под восемью кружочками шла та же последовательность цифр от 7 до 0; однако более мелкий шрифт самой книги ему при меркнущем свете дня разглядеть уже не удалось.

Следует ли пояснять, что на следующее утро Артен вскочил с первыми лучами солнца? Впрочем, ему давно уже пришлось расстаться со своей привычкой ложиться глубокой ночью и вставать заполдень; манеры кабинетного ученого – непозволительная роскошь для путешественника. Но в этот день он даже не чувствовал обычной утренней сонливости: разгадка была рядом! Элина все же не утерпела и спустилась к нему пару часов спустя, чтобы выяснить, что же он такое вычитал.

Принц посмотрел на нее невидящим взглядом – как обычно, когда его отрывали от занимавшей его книги – однако, паче чаяния, не стал отмахиваться и обещать рассказать потом.

– Все наши вчерашние попытки – совершенная чепуха, – заявил он. – Если остальные еще пробуют, скажите им, что это бесполезно. Тут все основано на другом принципе. Это еще одно открытие зурбестанских математиков – двоичное исчисление.

Элина благоразумно промолчала, дав ему выдержать паузу.

– Мы пользуемся десятичной системой счета, – продолжал Артен. – Она кажется нам естественной, но это лишь потому, что у нас десять пальцев. Для математики, сами понимаете, такие случайности значения не имеют. Кстати, в древности были и другие системы – скажем, двенадцатеричная или шестидесятеричная – оттуда дошли до нас понятия «дюжина» или число минут в часе. В принципе, основа системы счета может быть любой – в качестве «десятки» можно использовать любое целое число. При этом количество цифр в системе равно ее основе; так, в десятичной системе 10 цифр – с 0 до 9. В двенадцатеричной их 12, и нам потребовались бы 2 специальных значка для цифр, которые в десятичной системе являются числами 10 и 11. При записи чисел в любой такой системе в самой правой позиции записываются единицы; левее – «десятки»; еще левее – «сотни», или «десятки» в квадрате; еще левее – «тысячи», или «десятки» в кубе, и так далее. Для двенадцатеричной, например, системы, «десяткой» будет десятичное число 12, а «сотней» – 144. Улавливаете, к чему я клоню?

– Пока не совсем, – призналась Элина.

– Ну как же, вспомните, как идут цифры под штырьками! Справа налево, в отличие от привычного нам – и зурбестанцам, пользовавшимся древним единым – порядка, причем нумерация начинается с нуля. Это потому, что зурбестанцы положили считать любое число в нулевой степени равным единице. Насколько я понимаю, просто приняли так для удобства. Таким образом, цифры – это показатели степеней, и они же – номера разрядов числа. Но в какой системе исчисления? В десятичной? Явно нет, ведь штырек не имеет десяти состояний, которым можно было бы сопоставить десять цифр. У него лишь два состояния – торчит и утоплен. Это – двоичная система, где в роли десятки выступает двойка, а цифр всего две – 0 и 1!

– Подождите, если десятка – двойка, то сотня – четыре, тысяча – восемь...

– Именно, кузина! Я всегда знал, что вы способны не только махать мечом.

– По-моему, это очень неудобная система, – заметила Элина. – Чтобы записать по-настоящему большое число – например, тысячу – в смысле, десятичную – понадобится ужасно много цифр.

– Ну не то чтобы ужасно, всего десять. Но вы правы, для человека такая форма записи не слишком удобна. Дело в том, что зурбестанцы специально придумали ее для едва ли не самого грандиозного своего проекта. Увы, они не успели довести его до конца... Они хотели создать считающую машину.

– Неживую вещь, способную считать? Такое даже магам вряд ли под силу, – усомнилась Элина. – Вы уверены, что правильно поняли текст?

– Вообще-то у меня часто возникают затруднения с переводом, – признал Артен. – Столько незнакомых понятий... Но тут я вполне уверен. Почему бы нет? Для того, чтобы считать, совсем не обязательно иметь разум. Правила счета, по сути, просты. А в двоичной системе – предельно просты! 0+0 дают 0. 0+1 дают 1. 1+1 дают 0 и перенос единицы в следующий разряд. А все остальное к этому сводится. А теперь представьте себе, что числа представлены панельками с дырками, через которые пропущены подвижные штырьки. При сложении панельки сдвигаются вместе параллельно друг другу и набору штырьков для третьей панельки. Там, где в разрядах обоих слагаемых нули, ничего не происходит – в сумме остался ноль. Там, где один из разрядов – единица, штырек давит на штырек из набора и загоняет его в дырку – в сумме появится единица. Сложнее всего случай двух единиц. Видимо, два штырька, продвинув третий на двойную глубину, повернут при этом шестеренку, которая, в свою очередь повернет винт, который, подхватив штырек, сделает полный оборот и воткнет его в следующую дырку. В общем, как видите, никакой магии – чистая механика. Из той же серии, что музыкальные машинки – а ведь музыка когда-то тоже считалась исключительно уделом мыслящих существ. Зато представляете, какие перспективы! Ведь никто не заставляет делать панельки только с одним рядом штырьков. Можно сразу со ста или тысячью. И тогда одним движением рычага можно сложить сразу тысячу чисел! И как подумаю, что все это мы могли бы уже иметь несколько тысяч лет назад, если бы не эти дегенераты... – лицо Артена не предвещало для магов ничего хорошего.

– Так, может, эта штука в лаборатории – просто счетное устройство? – вернула его Элина к более практическому вопросу.

– Нет, полагаю, это все же некий кодовый замок, – возразил принц. – Странно представить счетную машину, в которую вводят только один набор чисел. Но в основе кодового механизма – тот же двоичный принцип, это очевидно. Код состоит из восьми чисел в двоичном представлении, которые надо ввести в определенном порядке. Числа наверняка могут быть любыми, но хозяин дома, в

силу естественной лени, выбрал такие, которые можно задать только одним штырьком. Вот смотрите, я их выписал, – рядом со вчерашним рисунком на пергаменте теперь выстроилась колонка чисел:

4
1
8
2
16
128
32
64

– Осталось, все-таки, понять, как отсюда вывести порядок ввода, – заключил принц.

Элина склонилась над пергаментом.

– А почему вы думаете, что утопленный штырек означает единицу? – спросила она. – По-моему, это больше похоже на ноль.

Принц посмотрел на нее долгим взглядом.

– Кузина, я вами горжусь! – провозгласил он. – Мне следовало самому об этом подумать. Конечно, исходное состояние естественно считать нулевым, но кто знает, какой логикой руководствовался хозяин? Сейчас распишем ваш вариант...

После пары минут расчетов рядом с первым столбцом вырос второй:

251
254
247
253
239
127
223
191

Артен с некоторым недоумением окинул взглядом эти цифры. Задача явно проще не стала.

Не прояснилась ситуация и к обеду, и на следующий день.

Постепенно узники забросили попытки разгадать тайну кода. Время от времени кто-нибудь из них еще клал перед собой злополучный рисунок, но вскоре с раздражением вновь прятал его. Артен по-прежнему проводил целые дни в библиотеке, остальные люди кое-как коротали время в обществе друг друга, а

Йолленгел периодически выбирался в город. К концу второй недели со дня гибели ханской гвардии он принес известие о появившихся в Нан-Цоре новых людях.

– Зомби? – уточнил Айзендорг.

– Нет, люди. И с магическими способностями. Не такими сильными, как у главных магов, но заметно сильнее, чем у Элины или у меня. Я видел нескольких из них на улице, двое пытались управлять группой зомби, остальные, похоже, просто осматривали город. Кажется, они тоже живут теперь в пирамиде.

– Какого они возраста? – спросил Артен. – И к каким расам принадлежат?

– Есть и старые, и достаточно молодые. И белые, и желтые.

– Все ясно, – мрачно констатировал принц. – Они перетаскивают сюда своих учеников и новоприсоединившихся коллег. Наверное, с каждым днем будут прибывать все новые. Для магов сейчас самое главное – создание вертикали власти. Или... пирамиды. Да, пирамида – точный образ. Верховные правители наверху, а под ними – расширяющаяся иерархия наместников и чиновников. Даже вершина, точно как у пирамиды Нан-Цора, не сходится в одну точку, к единому диктатору, а образует небольшую горизонтальную площадку – коллегию главных заговорщиков...

– Они не боятся, что новые товарищи захотят потеснить их с вершины? – усмехнулся Редрих.

– Если бы и захотели, не смогли бы, – пояснила Элина. – У главных магов слишком большая фора. Прибыв сюда раньше всех, они успели набраться силы, которой нет ни у кого у новоприбывших, даже если прежде во внешнем мире они и были им равны. Так что это будет в полном смысле пирамида – те, кто выше, будут сильнее не только по статусу, но и фактически.

– Но такое положение не может длиться бесконечно, – смекнул Артен. – Как только исходные заговорщики достигнут максимума своей силы, остальные начнут их догонять.

– Это еще не значит, что догонят, – возразила Элина. – Способности у всех разные. А если самые способные догонят и перегонят, что с того? Наши заговорщики им просто уступят, ведь их цель – не личная власть, а восстановление магической системы правления. Нет, на то, что маги передерутся между собой и перебьют друг друга, надеяться не приходится. В прошлом среди них находились отщепенцы, но такие всегда встречали монолитный отпор остальных. Тем паче что более сильный маг всегда может узнать, что на уме у менее сильного.

– Это в прошлом, – не согласился граф. – Какие бы песни ни пел тебе старый интриган Зендергаст, не очень-то верь в его бескорыстие. Не нужна им личная власть, как же...

– Граф, не мне вас учить военной науке, но, кажется, один из ее азов – не следует недооценивать противника, – возразил принц. – Я согласен с Элиной – нашими врагами движет не личная корысть, а идейные соображения. И это, кстати, много хуже. Альтруисты – самые опасные люди на свете. Эгоиста можно купить или запугать, альтруиста же, уверенного, что он действует во благо, не остановит ничто.

– Их остановим мы, – уверенно заявила графиня.

– Если это вообще возможно, – буркнул Йолленгел.

– Раз они держат нас взаперти, значит, мы все еще для них опасны, – напомнила Элина. – Когда-нибудь, господа, этот стол из обеденной залы еще станет реликвией. «Тот самый стол, за которым был разработан план, сорвавший последний великий заговор магов!»

– Лично я в город больше не пойду, – не вдохновился эльф. – От зомби я еще мог укрываться, но когда улицы начинают кишеть магами...

– Они не будут кишеть! – попыталась переубедить его графиня. – У новоприбывших не будет много свободного времени. Если маги хотят захватить мир побыстрее – а они явно не настроены слишком откладывать – то заставят своих подручных учиться и тренироваться целыми днями.

– А тренироваться можно и за пределами пирамиды, – подхватил Йолленгел. – Нет, господа, мне действительно жаль вас огорчать, я понимаю, что заменить меня некем... но эти вылазки стали слишком опасны. Пусть я трус, но я, собственно, никогда и не набивался в герои.

В общем, в этот день падение боевого духа узников стало заметным, как никогда ранее (исключая разве что моменты первого и второго пленения). Даже Элина своими оптимистическими заявлениями пыталась убедить не столько других, сколько себя. Даже граф, хотя и считал уныние ниже своего достоинства, не нашел ободрительных слов, которые не звучали бы фальшиво. Весь его опыт, сила и храбрость были бесполезны против магии. Более того, ни одному из героев прошлого не удавалось одержать победу над магами, находящимися на вершине силы. В эпоху магов героев просто не было.

На следующий день Элина вынуждена была в очередной раз спуститься в библиотеку, дабы позвать Артена обедать. С тех пор, как не стало Эйриха с его «внутренними часами», это приходилось делать практически ежедневно – причем порою принца нужно было чуть ли не за уши оттаскивать от захватившей его книги. На сей раз принц, похоже, вновь вычитал нечто непонятное и принялся ворошить другие книги в поисках разъяснения; дело, как видно, не ладилось, ибо

манускрипты, фолианты и печатные издания уже громоздились на столе изрядной грудой, а Артен с раздраженным видом листал очередной том.

Когда Элине удалось, наконец, обратить на себя его внимание, принц буркнул «сейчас иду», не прекращая своего занятия. Графиня не уходила.

– Ну что вам еще? – с досадой воскликнул Артен. – Что вообще за идиотская традиция собираться наверху к приходу зомби? Он уже третий месяц приносит нам еду, ставит на стол и уходит. Никогда никаких отклонений от маршрута. В том числе и в те дни, когда мы встречали его не в полном составе. Кто сказал, что он или его хозяева полезут сюда, если я не буду сидеть за столом? Я не собираюсь больше следовать этой глупости, и вообще, я не хочу есть!

– Что вы там такое раскопали? – миролюбиво спросила Элина, подходя поближе и стараясь заглянуть через нагромождение книг. Прежде, чем принц ответил – если он вообще собирался отвечать – графиня случайно зацепила угол неустойчиво лежавшего фолианта, вызвав тем самым величественный обвал всей груды. Несколько книг умудрились удариться о ближайшую полку, где – как, впрочем, и во всей библиотеке – тоже не царил образцовый порядок; оттуда тоже вывалилось несколько второпях всунутых томов. Когда глухой грохот, шелест страниц и хлопанье твердых обложек, наконец, затихли, в воздухе висело густое облако пыли. Элина громко чихнула.

– Это все, что вы можете сказать в свое оправдание? – холодно осведомился Артен.

– Я сейчас все приведу в порядок, – смутилась Элина.

– Да уж, вы приведете! – язвительный тон принца сопровождался широким жестом, указующим на разлетевшиеся по всей библиотеке вывалившиеся страницы. Их было более двух десятков. – Вы даже не в состоянии прочитать, что там написано.

– А кто не захотел меня учить? – возмутилась графиня.

– А что бы вы сказали, если бы я попросил за пару дней обучить меня фехтованию?

Элина проглотила уже крутившийся на языке едкий ответ и безропотно принялась собирать разрозненные листы, передавая их принцу. Один из них она задержала в руках.

– Как интересно, – заметила она, – выходит, эту игру знали уже во времена Зурбестана.

– Какую еще игру? – брюзгливо спросил принц. – Здесь серьезная научная библиотека, а не...

– Это игра, в которой все зависит от ума, а не от удачи, – возразила графиня, показывая Артену страницу рукописной книги, на которой неизвестный копиист с

большим искусством нарисовал 32 фигуры, расставленные на квадратной 64-клеточной доске. Очертаниями фигуры несколько отличались от статуэток, которые графиня и ее спутники видели в тот злосчастный день в Дулпуре, но все же ошибиться было трудно. Рисунок изображал начальную позицию партии; две враждебных армии – белая и черная – выстроились грозными шеренгами друг против друга. «Наверное, изобретатель игры был полководцем», – не без удовольствия подумала Элина.

Артен взял листок в руки и принялся его рассматривать. Элина, при прошлом рассказе о своих приключениях не входившая в такие подробности, теперь поведала принцу, что доска и фигуры были в числе подарков, предназначенных дулпурским раджой варсалийскому королю; но, в силу известных обстоятельств...

– К демонам Дулпур и Варсалию! – нетерпеливо перебил принц. – Вы видите? Здесь 64 клетки! 8 строк и 8 колонок!

Элина застыла, потрясенная.

– Вы думаете... код? – только и сказала она.

– Где эта книга?! Мы должны знать об этой игре все!

Они уселись на пол и принялись листать упавшие книги в поисках других похожих рисунков. Удача улыбнулась им уже через несколько минут.

– «Сочинение об искусстве премудрой шах-и-матной игры, составленное мастером Шарбангом», – прочитал Артен титульный лист. – Кузина, можете пока сходить пообедать, тут, как видите, надолго. И скажите остальным, чтоб меня не беспокоили.

Графине ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Вопреки ее ожиданиям, нежелание принца подниматься наверх не вызвало протестов (лишь Редрих буркнул что-то неразборчивое) – должно быть, все уже понимали, что обычай собираться наверху к появлению зомби – лишняя перестраховка. Действительно, и в этот раз поведение мертвеца ничуть не изменилось. Элина не стала рассказывать остальным о новой идее Артена, боясь очередного разочарования, но граф заметил, как радостно блестят ее глаза. Заметил это и Редрих, но истолковал по-своему.

После обеда Элина, сколько могла, уговаривала себя, что принц сам придет рассказать о результатах, как только они будут, но в конце концов все же не вытерпела и устремилась вниз. Артена в библиотеке не оказалось.

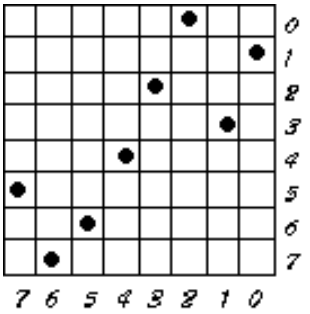
Графиня растерянно оглянулась, а затем заглянула в приоткрытую дверь лаборатории. Принц обнаружился там; он стоял возле кодового устройства и, похоже, собирался вводить код. Раскрытая книга лежала рядом на лабораторном столе.

– Артен! – возмущенно воскликнула Элина. – Опять вы пытаетесь сделать это в одиночку!

– Я же просил не мешать мне! – не менее возмущенно откликнулся принц. Впрочем, он тут же сменил гнев на милость. – Ладно, идите сюда. Заодно проверите, не ошибся ли я где-нибудь на радостях.

– Вы нашли решение? – Элина подошла к нему.

– Даже целых два. Но правильное, очевидно, только одно. Вот взгляните, я перерисовал код по-новому:

– В книге ряды и столбцы нумеруются по-другому, но я оставил те же цифры, что на устройстве, – пояснил принц. – Поскольку важен порядок ввода, логично предположить, что здесь зашифрована не статичная позиция, а последовательность ходов. Так вот, существует только одна фигура, способная последовательно обойти все эти клетки. Эта фигура – «всадник». Он ходит на одну клетку по горизонтали и две – по вертикали, или наоборот. Теперь вы и сами можете определить порядок.

Элина внимательно всмотрелась в рисунок и поводила над ним пальцем, имитируя ходы всадника. Она понимала, что Артен экзаменует не столько ее, сколько себя – свежим взглядом легче заметить случайное упущение.

– Все зависит от того, откуда всадник начинает движение, – заметила она.

– Верно. Но взгляните на исходную расстановку фигур – в начале партии левофланговый всадник белых стоит как раз здесь (он указал на клетку 6 в 7 ряду). Логично предположить, что движение начинается отсюда.

– Тогда... – Элина ненадолго задумалась, – да, вы правы, получается два варианта, – она показала пальцем по рисунку сперва один, потом второй.

– Все сходится, – удовлетворенно кивнул Артен.

– Но в чем особенность такой последовательности? – спросила Элина. – Мы ведь говорили, что в ней должно быть какое-то правило, по которому хозяин

всегда мог ее вспомнить... Только в том, что всадник побывал в каждом ряду и в каждой колонке ровно один раз?

– Да, но таких последовательностей несколько. Перед вашим приходом я нашел еще одну, и еще одну вижу теперь.[2] Я думаю, что хозяин выбрал ту из них, которая, начинаясь на первой горизонтали, заканчивается на последней. Такая, правда, тоже не одна... Не знаю, может, ему понравилось, что при этом расстояние между начальной и конечной вертикалями минимально. Или еще что... Так что я склоняюсь к тому варианту, который заканчивается второй клеткой нулевого ряда. То есть, разумеется, вторым штырьком.

– Выходит, двоичные числа были ни при чем?

– Нет, почему же, – не согласился принц. – Принцип действия самого кодового устройства, несомненно, основан именно на двоичном представлении чисел. Но вот принцип, положенный хозяином в основу конкретного кода, не имеет никакого отношения к математике. Не зная шах-и-матных правил, мы бы в жизни не додумались...

– Сначала нужно проверить, правильно ли все на этот раз, – охладила его пыл Элина.

– Верно, – Артен повернулся к панельке и нажал один за другим штырьки 6-7,7-5,5-6,4-4,3-2,1-3,0-1,2-0.

В стене что-то громко клацнуло, потом послышалось низкое гудение. Через полминуты оно смолкло.

– Сработало! – Элина восторженно захлопала в ладоши.

– Еще бы узнать, что именно, – пробормотал принц и быстрым шагом вышел из лаборатории, чуть не столкнувшись в коридоре с Редрихом.

– Что вы здесь делаете? – холодно осведомился Артен, которому, наконец, надоело изображать дружелюбие в одностороннем порядке.

– Разве это подземелье – ваша собственность? – герцог смерил принца насмешливым взглядом.

– Вообще говоря, да, – спокойно ответил Артен. – Все, что находится в Зурбестане, принадлежит Тирлонду и Тургунаю. А я здесь – единственный официальный представитель этих стран.

– Господа, господа, не ссорьтесь! – Элина вышла следом за Артеном. – Лучше посмотрите туда.

Тупика в конце коридора больше не было. Стена отъехала в сторону, открыв уходивший вдаль проход, освещенный все тем же загадочным способом – пучками непонятно как просочившегося сквозь потолок и толщу земли над ним солнечного света.

---

[2] Всего таких последовательностей 6

Артен устремился туда чуть ли не бегом.

– Постойте, сходим за остальными! – крикнула ему Элина.

– Я лишь хочу убедиться, что сюда не доходит магический барьер! – крикнул Артен уже из свежеоткрывшегося коридора. Пробежав около сотни футов, он повернул назад. Барьера действительно не было.

Естественно, первая экспедиция в подземелья Нан-Цора была организована в течение ближайших минут. Отправились в нее все, включая и эльфа, который не горел особым энтузиазмом – однако его убедили, что он, с его чувствительностью к чужой магии, незаменим. Пока что речь шла лишь об экспедиции, а не о бегстве; Артен находил – и граф был с ним согласен – что прежде всего нужно как следует изучить подземелья, да и бежать не имело смысла, пока магический барьер перегораживал туннель в горах.

Облицованный гладкими гранитными плитами коридор шел с некоторым понижением и где-то в полусотне футов от входа вливался в другой, более широкий. Артен немедленно зафиксировал это обстоятельство – он взял с собой самый большой лист пергамента, чтобы рисовать план. Они осторожно двинулись дальше (граф настаивал на осторожности – раз уж для доступа в подземелья требовался код, здесь могли быть ловушки для непосвященных) и вскоре увидели устье еще одного бокового коридора, который, как выяснилось, был совсем недлинным и заканчивался тупиком, справа от которого на стене висела коробка кодового устройства. Принц не удержался от искушения попробовать прежний код, но тот, разумеется, не подошел. Путешественники вернулись в главный коридор.

– Все ясно, – заявил Артен, – эти подземные ходы связывают дома в центральной части города, где, очевидно, проживала научно-политическая элита Нан-Цора.

– Вряд ли только дома, – заметил граф, – ходить друг к другу в гости они могли бы и поверху. В подземельях должны быть и еще какие-то специфические сооружения.

Предположение графа получило первое подтверждение лишь минут через сорок; до этого подземелья выглядели удручающе однообразно – выложенный плитами квадратный в сечении главный коридор (дважды разветвившийся), в который вливались более узкие ходы – по всей видимости, от таких же частных домов. Но вот, наконец, путешественники увидели впереди металлическую дверь, перед которой, как когда-то в пирамиде, лежал мумифицированный труп охранника. Граф посмотрел на мертвеца недоверчиво: если прежде он был убежден, что бояться покойников могут только суеверные бабы, то за последние недели ему пришлось пересмотреть эту точку зрения. Он почувствовал бы себя

гораздо уверенней, если бы ему было чем отрубить мумии голову. Однако Элина поспешила успокоить его и остальных, объяснив, что состояние трупа как раз доказывает полное отсутствие попыток магического воскрешения и служит лишним доказательством, что маги до сих пор не знают о подземельях. Впрочем, трехглазых охранников маги, по всей видимости, не воскрешали – но, по крайней мере, и не оставляли их валяться на проходе.

Айзендорг не удержался от искушения снять шлем мертвеца – ведь прежде ему не приходилось видеть трехглазых. Но был у него к покойнику и более практический интерес. Первым делом он снял с мумии пояс с четырьмя глубокими кожаными карманами, из которых торчали стальные рукоятки ножей. Граф извлек один из них; узкий клинок с остро отточенным жалом хищно сверкнул в луче падавшего с потолка света. Как видно, стражники подземелий не пользовались крюкастыми мечами, которые, хотя ими и можно было зарубить, предназначались в первую очередь для разгона и растаскивания толпы. В этих же тайных коридорах никакой толпы появиться не могло, а против одиноких злоумышленников метательные ножи (которые, впрочем, могли использоваться и как обычные) были более полезны. Оружие в виде трубки с рукоятью и спусковой скобой у этого охранника тоже было (той же конструкции, что и у охранников внутри пирамиды), но граф, уже зная историю с едким газом, не стал его трогать, хотя и усомнился, что это оружие того же типа: ведь в подземных коридорах газ надолго остался бы в воздухе.

Таким образом, четверо узников – все, кроме Артена – получили ножи, и, хотя в борьбе с магами это было слабым аргументом, все же все они, включая эльфа, почувствовали себя уверенней.

Граф меж тем обшарил одежду мертвеца и, наконец, нашел ключ от двери. Замок был самый обычный, без кодовых устройств. Коротко и неприятно скрипнув, дверь отворилась.

За нею была каменная лестница, достаточно круто уходившая вниз. Она оказалась недлинной: спустившись гуськом футов на двадцать, исследователи подземелий снова оказались в длинном коридоре. Он выглядел похоже на тот, который они только что покинули, однако сюда выходили не узкие проходы от подвалов зданий, а углубленные в ниши массивные одностворчатые двери из окрашенного белой краской металла. Двери шли через неравные, иногда – в несколько сотен футов, расстояния, и были разного размера – от обычных, высотою в восемь футов и шириною в четыре, до достигавших пятнадцати футов в высоту и столько же – в ширину. Перед некоторыми из них также лежали мертвые охранники.

Однако здесь уже никакой обыск не мог помочь. Двери открывались не ключом и не штырьковым кодом; все, что удалось обнаружить на их гладкой, лишенной даже ручек поверхности – это узкие вертикальные щели высотою от полутора до трех дюймов (одна щель у левого края каждой двери). Артен лишь мог предположить, что здесь требуется какой-то особый, плоский ключ; у охранников ничего подобного не было.

– Наверное, здесь их главные лаборатории, – сокрушался принц, – может быть, даже оружие против магов! А мы не можем туда попасть...

Коридор пересекался с другим, подобным ему; тот, в свою очередь, также имел перекрестки... Размеры подземного комплекса были впечатляющими, он занимал почти всю западную часть центрального района города, а отдельные туннели уходили и дальше, в сторону окраин. Однако тяжелые двери, об которые раскрошился бы в щепки любой таран, надежно хранили свои секреты от незваных пришельцев. В конце концов Артен предложил вернуться на верхний подземный уровень и поискать счастья там. Поскольку проходы в жилые дома охранялись явно не столь тщательно, как лаборатории – судя хотя бы по отсутствию стражников – существовал шанс, что хоть какие-то из этих проходов окажутся открытыми.

Поначалу и эти поиски не приносили успеха, но вот, когда узники уже собирались возвращаться в свою тюрьму (чувствуя себя по-идиотски из-за того, что могли пройти под землей полгорода, но не могли нигде выйти на поверхность), им наконец улыбнулась удача. Они поняли это, когда, войдя в очередной проход, увидели мумию человека в белом халате. Гибель Зурбестана застала одного из ученых-магов (впрочем, все ли здешние ученые были магами?) прямо на подземном пороге его дома, по пути в лабораторию или обратно. Проход остался открытым.

Артен готов был броситься вперед бегом, но Айзендорг напомнил об осторожности. Вряд ли нежеланные встречи могли грозить им в подвале – в противном случае маги, скорее всего, знали бы о подземельях – но кто знает, что могло поджидать их в доме. Стараясь ступать беззвучно и вслушиваясь в тишину мертвого здания, они вступили в подвальный полумрак.

К разочарованию принца, здесь никаких лабораторий и библиотек не обнаружилось. Хозяин этого дома использовал подвал самым обывательским образом, для складирования всякого пыльного хлама. Правда, среди рассохшейся мебели, потертых ковров и сложенного в кучи белья обнаружилось нечто, заставившее вздрогнуть даже Редриха, неожиданно наткнувшегося на этот предмет. Это была большая стеклянная банка, заполненная мутной жидкостью; в жидкости этой висел, не доставая до дна, отвратительный белесый уродец, весь

скрюченный, с поджатыми крохотными ручками и ножками и непропорционально большой, вытянутой и словно раздутой головой.

– Гадость какая, – пробормотал герцог, сглатывая ком в горле. – Артен, ваша наука всегда занимается подобными вещами?

– Когда-то вы сами были такой же гадостью, – ответил довольным тоном принц. – Однажды мне довелось присутствовать при анатомировании беременной женщины, умершей от внутреннего отравления; именно так, господа, и выглядит человеческий плод в утробе. Хотя, пожалуй, я наблюдал чуть более позднюю стадию.

Элина разглядывала банку со смесью брезгливости и любопытства.

– Это не человеческий плод, – заметила вдруг она, стирая рукавом пыль со стекла. – Смотрите! У него три глаза.

– Д-да, действительно, – согласился Артен, всматриваясь. – Но на этой стадии он гораздо больше похож на человека, чем взрослые трехглазые. Взгляните, нос вовсе не выглядит как горизонтальная щель...

Редрих демонстративно отошел в сторону и отвернулся. Эльф тоже не испытывал никакого желания смотреть.

– Они делали трехглазых из людей, это очевидно, – сказал граф.

– Видимо, вы правы, – кивнул принц. – Каким-то образом воздействовали на зародыш... Это потрясающе! – в его голосе звучало искреннее восхищение.

– Могу лишь посочувствовать, что вы упустили свой шанс стать трехглазым, – откликнулся через плечо герцог.

– Как знать, возможно, ваши слова не настолько глупы, как вам бы хотелось, – спокойно ответил Артен. – Во всяком случае, в претензии к зурбестанцам трехглазые явно не были, иначе те не доверили бы им оружие. Впрочем, отсюда как раз следует, что эта участь была бы завидной для вас. Трехглазые были воинами, а не учеными.

– Господа, у нас мало времени, а нам надо еще осмотреть дом, – напомнил Айзендорг.

Дом оказался пятиэтажным, высотой около семидесяти футов, классической для Нан-Цора пирамидально-уступчатой формы с балюстрадами по периметру каждого этажа. Он находился примерно в миле к северо-западу от пирамиды; и хотя было маловероятным, чтобы кто-нибудь оттуда в эту минуту рассматривал этот дом, тем паче что большинство окон было зашторено, пленники магов невольно избегали подходить к окнам, выходившим на ту сторону.

То, что после подвальной находки рассчитывал обнаружить Артен, а именно лазарет, оказалось на втором этаже. Здесь в центре находился большой продолговатый зал без окон (освещенный все тем же способом), заставленный

двумя рядами необычно высоких для Зурбестана кроватей. Большинство кроватей были пусты, однако на шести под тонкими покрывалами лежали мумифицированные тела. Принц сдернул одно из покрывал. Мумия была обнажена, и сомневаться в ее принадлежности к женскому полу – равно как и к человеческому виду – не приходилось. Под пергаментной кожей на животе проступали очертания скрюченного детского скелета.

– Кто-нибудь, дайте нож! – Артен требовательно протянул руку. Элина исполнила его просьбу. Принц никогда прежде не делал вскрытия лично – лишь присутствовал при таковых – однако острое лезвие легко разрезало сухую кожу живота. Артен нетерпеливо повернул череп младенца, рассматривая – и разочарованно отнял руку. Череп был вполне человеческий.

– Может, там, внизу, и не настоящий трехглазый, просто случайное уродство... – пробормотал он.

– Вы лучше взрежьте вот эту, – посоветовал Редрих, откидывая покрывало с другой кровати. Артен вскинул на него удивленный взгляд – с чего бы это его недоброжелатель проникся сочувствием к его исследованиям? – однако последовал совету.

И был вознагражден! В иссохшем чреве мумии – так же явно человеческой – лежал практически сформировавшийся трехглазый, с носовой щелью и узкой вдавленной челюстью!

– Как вы догадались? – Артен взглянул на Редриха с невольным уважением, в глубине души надеясь, что их нелепой неприязни пришел конец.

– А вот как, – жестко ответил герцог, указывая на запястье покойницы. Вокруг сустава обвивалась ременная петля, привязывавшая руку к кровати. То же было и с другой рукой.

– Наверное, с ней случился приступ, – сказал принц. – Судороги...

– Ну конечно, – саркастически покивал Редрих. – Ведь всякая женщина будет просто счастлива родить вместо ребенка чудовище. Настолько счастлива, что к ней не потребуется применять насилие. Ну разве совсем чуть-чуть.

Артен досадливо передернул плечами и двинулся к другим кроватям. Однако больше среди женщин привязанных не оказалось. И в утробе у каждой находился обычный младенец (у одной – даже двойня).

– Это ничего не доказывает! – раздраженно заявил принц.

– Конечно-конечно, – усмехнулся Редрих.

– Не забывайте, что они были еще и маги, – напомнила Элина. – Чтобы подчинить кого-то, им не требовалось прибегать к физическому насилию.

– Главная идея зурбестанцев была в том, чтобы научиться обходиться без магии, разве нет? – возразил Редрих. – И свои достижения они передавали и немагам!

– А где Йолленгел? – перебил их граф, оглядываясь.

– Опять! – вздохнула Элина. – Йолленгел!

Они выскочили в соседнюю комнату – и обнаружили эльфа там.

– Если бы я остался там еще на миг, меня бы стошнило! – с вызовом заявил он. – Да и здесь, кажется, немногим лучше.

Это он, впрочем, утрировал: здесь уже не было никаких мумий, а была когда-то сверкавшая белизной, а теперь заросшая пылью операционная. Хотя, конечно, вид разложенных хирургических инструментов, неискушенному глазу скорее напоминавших орудия пыток, мог вызвать определенный неуют.

Однако у них не было времени на подробный осмотр операционной – тем паче что без соответствующих знаний это не имело смысла – и они двинулись дальше. Библиотека, наконец, обнаружилась на третьем этаже, и здесь принц застрял, предложив остальным закончить обследование дома без него. Через какое-то время они вернулись – как показалось Артену, слишком быстро; и впрямь, больше ничего особо оригинального в здании не оказалось, остальные помещения были жилыми или хозяйственными.

Услышав, что пора возвращаться, Артен, у ног которого уже громоздилась кучка в спешке отобранных книг, вдруг направился к выходившему на юг окну и с задумчивым видом подергал штору. Элина подумала, что он хочет оторвать кусок, чтобы завернуть книги, и хотела предложить ему нож. Но вместо этого Артен вдруг, подпрыгнув, повис на занавеске. Раздался треск. На двенадцатифутовой высоте оборвалась одна петля, затем другая... а затем вдруг с хрустом вырвало из стены один из костылей, державших карниз, тот резко крутанулся вниз, словно давая отмашку, принц полетел на пол, оставшиеся петли соскочили, и полотнище шторы плавно накрыло сидящего на полу Артена.

– Вы с ума сошли! – воскликнул граф, помогая ему выбраться. – Хотите, чтобы нас заметили снаружи?

– Маги слишком далеко, а зомби слишком глупы, – беспечно заявил принц.

– Зачем вам понадобилась занавеска? – наседал граф.

– Для того, чтобы сбежать отсюда, – просто ответил Артен.

Надо сказать, что даже Элина в первую минуту подумала, что нервное перенапряжение последних недель сыграло с принцем злую шутку. Однако затем она вспомнила, что несколько часов назад, как раз перед тем, как ее случайная неловкость помогла разрешить тайну кода, Артен что-то сосредоточенно искал в

книгах. Потом код и подземелье заняли все их внимание, и она так и не расспросила его об этом. Теперь настало время восполнить этот пробел.

– Помните, как я удивлялся, что ни один ученый и механик нашего мира не додумался до идеи паровой машины? – начал принц свое объяснение. Они впятером спускались по лестнице; Артен и впрямь замотал книги в занавеску, но она явно была ему нужна не только для этого. – С тех пор я постоянно возвращался к этой мысли. А потом к ней прибавилась еще одна: раз единственный туннель перекрыт магией, а горы неприступны, то что остается?

– Улететь по воздуху, – язвительно ответил Редрих.

– Совершенно верно, – невозмутимо подтвердил Артен. – Вот я и подумал: пар поднимается вверх. Причем сила его такова, что он приводит в движение тяжелые поршни паровой машины. Так почему бы не использовать эту силу, не оседлать пар и не подняться вверх вместе с ним?

Герцог собирался уже заметить, что большей нелепости он в жизни своей не слышал, но вдруг передумал.

– Позже я выяснил, что пар здесь ни при чем, – продолжал принц. – Пар, на самом деле, это мельчайшие капельки воды, поднимаемые вверх горячим воздухом. Вот этот горячий воздух нас и интересует. Если наполнить им достаточно плотный и легкий чехол – думаю, его как раз можно сделать из такой вот шелковой шторы – то можно взлететь.

Граф скептически приподнял угол рта, но продолжал внимательно слушать.

– Мелкие капельки воздух, возможно, и поднимает, но поднимет ли он чехол... да еще нас в придачу? – усомнилась Элина.

– Кузина, вы знакомы с законом плавающих тел?

– Конечно! – в голосе графини прозвучали обиженные нотки: как-никак, ее образованию могли позавидовать многие аристократы-мужчины... если бы, конечно, им пришло в голову завидовать такой странной вещи, как образование. – Тело будет плавать в жидкости, если вес его не больше, чем вес вытесненной им жидкости. Иначе оно утонет.

– Верно, – Артен кивнул, как довольный учеником учитель. – Так вот, этот закон действует не только в жидкости, но и в воздухе. Если воин в тяжелых доспехах наполнит воздухом, который легче воды, пустой мех, то сможет плыть на нем по воде. Аналогично, если наполнить его чем-то, что легче воздуха – то можно плыть по воздуху.

– И вы хотите сказать, что горячий воздух легче холодного? – уловила Элина.

– Именно, поэтому он и поднимается вверх. Не спрашивайте меня, как так может быть: я сам толком не понял, что говорилось об этом в книге. Что-то про движение мельчайших корпускул... хотя какое отношение движение может иметь

к весу, и какие корпускулы в чистом воздухе? Но, так или иначе, у нас нет оснований не верить зурбестанцам. Ибо они, разумеется, и тут нас опередили.

– Они построили летающие мехи? – доселе все эти рассуждения казались Элине слишком фантастичными, но теперь глаза ее загорелись.

– Да, сегодня утром я наткнулся на описание такой конструкции. Впрочем, мы уже видели эту штуку. Помните скелет дракона, как будто запряженный в корабль? Как я и думал, магия тут ни при чем. Это был летающий корабль, как раз такой, как говорилось в книге. Его подвешивали к большому воздушному чехлу продолговатой формы, после чего дракон тянул его по небу к месту назначения, словно простая лошадь. Зурбестанцы хотели разработать двигатель, который позволил бы путешествовать по небу без помощи драконов, но в этом отношении не продвинулись. Их эксперименты с полотняными машущими крыльями, крепящимися по бокам корабля, успеха не дали.

– Но у нас нет ни драконов, ни крыльев, – напомнила Элина.

– Да, поэтому нам нет смысла делать оболочку продолговатой – мы сделаем ее круглой, как у мыльного пузыря, и отдадимся на волю ветра. Куда бы он нас ни понес – все равно за пределы Зурбестана, не так ли?

– А если небо перекрыто точно так же, как и туннель? – вмешался, наконец, Редрих.

– Вряд ли, – возразила графиня. – Маги не ждут никаких неприятностей с неба, у них есть более насущные задачи для приложения своей силы. Они даже наш дом замкнули не сплошным коконом, а лишь стеной на уровне земли, благодаря чему мы здесь и гуляем...

– Вы уже приводили такие аргументы в прошлый раз, – холодно напомнил герцог. – Как раз перед тем, как они закрыли туннель.

– По крайней мере, сейчас небо, судя по всему, ничто не закрывает, – подал вдруг голос Йолленгел. – Я не чувствую ничего вверху. Основная магия сконцентрирована в районе пирамиды. Хотя кто знает, что будет дальше, когда они достигнут максимума силы...

– Тогда и бежать будет бессмысленно, – заметил Артен. – Тогда они сами нас отпустят, ибо ничто уже в нашем мире не сможет им противостоять... Мы должны успеть раньше.

– Погодите, я что-то не припомню, чтобы у того разбитого корабля в пустыне был какой-то большой чехол, – вспомнила вдруг Элина.

– Судя по всему, он сгорел еще в воздухе, – ответил принц менее бодрым тоном, чем прежде. – Тут-то и начинаются проблемы. Дело в том, что зурбестанцы не использовали для полетов горячий воздух. Первые опыты они ставили именно с ним, но потом от этого отказались. Причина очевидна – воздух со временем

остывает. На своих воздушных кораблях они применяли газ, который называли водородом. Как сказано в книге, это самый легкий газ на свете. Правда, у него есть тот недостаток, что он горит...

– Ничего, как-нибудь обойдемся в небе без разведения костра, – нетерпеливо заявила графиня. – Почему бы и нам не использовать водород?

– Потому что мы не знаем, что это такое, – невесело усмехнулся принц. – Не забывайте, что я знаком лишь с общей версией древнего единого языка, а не с зурбестанским вариантом, дополненным множеством специальных терминов и символов. Я даже не могу прочитать их записей химических реакций – они обозначали субстанции отдельными значками, а не словами, как мы. Могу лишь предположить по косвенным признакам, что водород – это газ, получающийся при растворении некоторых металлов в сильных кислотах... но у нас нет этих веществ, тем более в таких количествах, чтобы наполнить летающий чехол. Зато у нас есть горючие смеси из лаборатории, сжигая которые, можно получить много горячего воздуха.

– Тогда в чем же проблемы? – не понимала Элина.

– В том, что мы знаем лишь общий принцип. А для того, чтобы рассчитать параметры воздушного пузыря, нужны конкретные цифры. Их-то я и искал все утро.

– И не нашли? – уточнил граф.

– Как видите, мы занялись другой задачей, – ответил принц. (К этому времени они уже шли по подземному коридору.) – Но рано или поздно я найду. В крайнем случае, сделаю небольшой пузырь из этой шторы и попробую определить нужные параметры опытным путем.

– Мой учитель говорил: «Не отождествляй малое с большим. Взгляни на муравья, который тащит соломинку, и подумай, найдется ли лошадь, способная везти на себе вековое дерево», – скептически изрек Редрих.

– Лоттерхальт Аргиньонский писал: «Тот, кто до конца постигнет каплю воды, постигнет и тайны космоса», – парировал принц. – Впрочем, герцог, если вас не устраивают научные методы, можете оставаться здесь. Мы вам будем только благодарны – для воздушного корабля критичен каждый фунт лишнего веса.

– Принц, вы, кажется, еще не король, чтобы говорить о себе во множественном числе, – внезапно осадила его Элина. Артен состроил мгновенную гримасу, означавшую «подобные пикировки ниже моего достоинства». Редрих посмотрел на графиню удивленным взглядом бродячего пса, которого погладили вместо того, чтобы пнуть. Однако пинок не замедлил последовать: – Вы же старше Редриха и могли бы более снисходительно относиться к... некоторой его задиристости.

Герцог отвернулся, и Элина не успела заметить вспышку бешенства в его глазах. Она считала, что остановила очередную ссору, воздав по справедливости обоим участникам, и осталась довольна собой. Граф за ее спиной неодобрительно качнул головой.

Они успели вернуться почти перед самым приходом зомби. Артен, впрочем, рассудил, что вполне обойдется холодным ужином в темноте, и снова не стал подниматься из библиотеки. Его усилия были вознаграждены найденной формулой, связывавшей массу, объем и разность плотностей газов внутри и снаружи летательной оболочки. Там же были подставлены значения плотностей для воздуха и водорода. Произведя расчет, самым сложным в котором было извлечение корня третьей степени – искусство, которым на Западе владели немногие – принц получил, что, при взлетной массе в тысячу сто фунтов, площадь оболочки пузыря должна составить 3230 квадратных футов – немало, но и не так уж много – штор явно должно было хватить с избытком. Этой новостью он порадовал товарищей на закате, а с рассветом вновь решительно врубился в книжные джунгли в поисках формулы плотности воздуха при разных температурах. Эти поиски заняли у него три дня; Айзендорг настоял, чтобы принц все же поднимался в эти дни к обеду и ужину – если зомби все-таки что-то докладывал хозяевам, те могли счесть регулярное отсутствие Артена подозрительным. Наконец и эта формула была найдена, однако расчет дал абсурдно малое значение. Принц некоторое время смотрел в недоумении на исчирканный пергамент, но затем понял, что ошибочно использовал привычную шкалу температур. Чтобы понять, какую шкалу применяли зурбестанцы, ему пришлось осилить еще сотню страниц; однако, хотя значение вышло не столь уж далеким от предварительного, это было еще не все. В своем расчете он достаточно произвольно выбрал температуру воздуха внутри пузыря и сильно опасался, что в реальности она может заметно отличаться. Еще три дня Артен рылся в книгах в поисках нужной константы; дважды за это время он навещал библиотеку второго ставшего им доступным дома, но там, похоже, не было ни единой книги, связанной с воздухоплаванием. Наконец, когда Артен уже совсем отчаялся, в одном из фолиантов ему попалась таблица различных температур, встречавшихся в зурбестанской технике, где между температурой в котле паровой машины и температурой какой-то реакции с непроизносимым названием значилась – о радость! – и «температура в баллоне теплового воздушного шара». Артен не зря потратил время на ее поиски – она оказалась значительно ниже, чем он полагал, и шар, построенный по его прежним расчетам, не оторвался бы от земли. Теперь же получилось, что, даже если лететь в холодное время суток, необходима оболочка

площадью как минимум в 8280 квадратных футов. Это число его уже не слишком порадовало.[3]

Остальные в эти дни продолжали обследование подземелий, не принесшее, впрочем, сколь-нибудь существенных результатов: всюду их встречали закрытые двери и кодовые замки. Удалось лишь составить достаточно точную карту подземных ходов. Необследованными остались только несколько коридоров верхнего и нижнего ярусов, уводившие в сторону пирамиды и наверняка соединявшиеся с подземными помещениями гигантского дворца; эльф утверждал, что с каждым шагом в том направлении концентрация магии возрастает, и им не удастся пробраться в пирамиду незамеченными. Так ли это было, или Йолленгел сознательно сгущал краски, не желая рисковать – никто, кроме него самого (и даже Элина), сказать не мог, так что приходилось верить на слово, хотя графу и представлялась соблазнительной идея проникнуть во вражеское логово, когда неприятель менее всего того ожидает.

Конечно, теоретически они могли теперь путешествовать не только под землей, но и по поверхности – попросту выйдя на улицу через подъезд второго дома (это название – «второй дом» – так и закрепилось в компании). Но это было слишком опасно. Зомби сновали по улицам не менее активно, чем жители любого из крупных городов, причем их деятельность не прекращалась даже ночью; по словам Йолленгела, с каждым днем росло и число прибывших в Нан-Цор магов – и росло не по единице, иначе эльф бы этого не чувствовал.

---

[3] Для желающих проверить добросовестность автора и просто интересующихся воздухоплаванием привожу формулы в том порядке, в каком они открылись Артену.

Площадь оболочки, если считать ее идеально сферической, ≈

$4.836 \cdot \sqrt[3]{V^2}$

V – объем шара (на самом деле меньше из-за отверстия внизу)

$$V = \frac{M}{\rho_2 - \rho_1}$$

M – взлетная масса; ρ_2, ρ_1 – плотности газов снаружи и внутри соответственно

$$pV = mKT$$

p – давление, m – масса газа, T – температура (в кельвинах), K – коэффициент, для воздуха ≈ 286.69 Дж/(К·кг); соответственно

$$p = \rho K T$$

ρ – плотность; p = 90000 Па (на высоте Зурбестана)

отсюда

$$V = MK\frac{T_1 T_2}{p(T_1 - T_2)}$$

T_1 – температура воздуха в баллоне, T_2 – снаружи

T_2 = 288 K (≈15 °C); T_1 = 373 K (≈100 °C)

Но вот, наконец, Артен объявил остальным результаты расчетов и представил чертеж. В тот же день были проинспектированы все окна второго дома; получалось, что штор должно было хватить, но практически впритык. В чуланах дома отыскались иголки и достаточный для сшивания оболочки запас грубых ниток (кстати говоря, иголки можно было найти и в операционной, но искать там никому не пришло в голову). Оставалась, правда, проблема корзины и веревочной сетки для ее подвешивания, но ею решили заняться параллельно основной работе.

Хотя, за исключением эльфа, вся компания состояла из высокородных аристократов, из пятерых один лишь Артен никогда не держал в руках иголку с ниткой; прочих походная жизнь обучила многим недворянским навыкам. Но принц отнюдь не рвался наверстать упущенное. Он заявил, что, поскольку он единственный, кто может читать зурбестанские книги, то именно этим он и будет заниматься до самого отлета. «Будем смотреть правде в глаза: наше бегство – это еще не поражение магов, – констатировал он. – Предстоит тяжелая борьба, и неизвестно, когда наши ученые вновь получат доступ к библиотекам Зурбестана. Так что было бы преступной глупостью упускать хоть какую-то крупицу знания, которую мы можем унести с собой сейчас.» Остальные вынуждены были с ним согласиться; естественно, с наименьшей охотой это сделал Редрих. Но, в конце концов, именно Артен разработал план бегства и теперь мог диктовать условия.

Принц поставил и еще одно условие, касавшееся, на сей раз, в равной степени всех: хотя они, как и прежде, делились едой с Йолленгелом и переводили хлеб на сухари, отныне им следовало еще сократить пищевой рацион. Артен был абсолютно серьезен, когда говорил о критичности каждого фунта взлетного веса.

Конечно, принц хотел бы «унести крупицы знания» не только в памяти, но и непосредственно в виде книг – однако те весили слишком много, несмотря на то, что в большинстве своем были бумажными, а не пергаментными. Делать шар большего размера Артен не рискнул – могло не хватить, во-первых, материала на оболочку, а во-вторых – топлива для нагрева такого количества воздуха. Но принц надеялся сохранить хотя бы крупицу от крупиц, покрывая мелким, едва различимым почерком со множеством сокращений бумагу из пачки, найденной во втором доме.

С самого начала встал вопрос – где сшивать оболочку шара? В первом доме, под носом у тюремщиков? Или во втором, который находился дальше от пирамиды и вроде не пользовался вниманием магов, но тоже не был застрахован от визитов нежданных гостей? Первый вариант все же выглядел безопаснее – в этом случае угрозу представлял лишь обыск, во втором же опасен был уже простой визит магов, причем как во второй дом, так и в первый, где они не застали

бы своих узников. Так что поначалу занавески сшивались в первом доме, причем работа велась одновременно над несколькими кусками оболочки.

В первый день работ у Элины, воодушевленной планом бегства (да еще столь фантастическим), настроение было превосходным, и она то и дело прыскала, глядя на своего отца и Редриха; в самом деле, забавно было посмотреть, как эти два рыцаря пальцами, загрубевшими от рукояти меча, орудуют иголкой с ниткой, не слишком сноровисто, но прилежно выполняя работу, всегда считавшуюся типично женской. Но и для самой Элины такое занятие было хотя и знакомо, но не слишком привычно, и спустя несколько часов, когда она до крови исколола себе пальцы, ей было уже не до смеха.

Тем не менее, работа продвигалась. Через несколько дней Артен заявил, что вопрос с корзиной и веревкой надо, наконец, решать, и после общих уговоров эльф согласился-таки снова отправиться в город на поиск нужных предметов. Маги, кажется, с каждым днем вызывали у него все больший страх – что неудивительно, ведь он, в отличие от остальных, непосредственно чувствовал их растущую силу – но именно этот аргумент – «дальше будет еще хуже» – и оказался решающим. Было решено, что уходить и приходить он будет через второй дом, и поиски свои вести ближе к окраине.

Несколько дней его экспедиции оставались практически безрезультатными – он отыскал несколько веревок разной толщины, но все они были слишком короткими – в то время как производительность работников иголки и нитки, которых осталось всего трое, естественно, упала. Однако, когда Редрих начал уже в голос ворчать, что вся затея с шаром – нелепая авантюра, эльфу улыбнулась удача. На первом этаже одного из домов на окраине – судя по всему, нежилого (скорее всего, там размещался магазин) – отыскалось несколько бухт превосходной веревки (по крайней мере, Артен счел, что это именно то, что нужно). Более того, эльф сообщил, что подобного рода товары в магазине были уложены в большие металлические контейнеры, самые крупные из которых вполне годились на роль корзины. Артен сперва отмахнулся от этого предложения, заявив, что эти коробки должны быть слишком тяжелыми, однако Йолленгел возразил, что они сделаны из очень легкого металла, намного легче, чем железо.

Если моток веревки эльф еще мог принести на плече, оставаясь при этом, вместе с мотком, невидимым, то контейнер был для этого слишком велик. Оптимальным способом транспортировки было, перевернув его вверх дном, надеть на голову и нести, придерживая изнутри руками. При этом мало того, что не получалось сделать его невидимым, так еще и возникала нужда в поводыре. Таким образом, было решено, что за контейнером эльф пойдет вдвоем с Элиной –

благо в ее арсенале все-таки было заклинание незамечаемости, способное прикрыть ее саму и контейнер.

В путь отправились ночью – хотя зомби и не нуждались во сне, маги нуждались. Правда, их было уже достаточно много, чтобы, при желании, несколько десятков их могло бодрствовать в любое время суток; однако было ли у них это желание? Ведь они считали Зурбестан неприступным, а для выполнения механической работы, не требующей принятия новых решений, зомби не требовались надсмотрщики. Наверное, некоторые из магов все же дежурили в пирамиде по ночам – но на улицах города, да еще не центральных, показывались в это время вряд ли.

Вслед за эльфом, уже ставшим невидимым, графиня вышла в темноту из дверей второго дома и тут же поежилась от холода. В горной стране ночью было холодно даже на пике лета, а теперь последний летний месяц подходил к концу, и, хотя днем еще стояла жара, ночи были уже вполне осенними. Если прежде небо над Зурбестаном почти всегда оставалось идеально ясным – за все время от прибытия Элины в эту страну до проигранной битвы с магами и зомби не выпало ни капли дождя – то теперь все чаще можно было наблюдать проплывавшие в вышине облака и даже тучи, орошавшие порою пышущие жаром стены и пыльные улицы Нан-Цора. Артен, наблюдая за скоростью и направлением движения облаков, удовлетворенно констатировал, что дующие в небе ветры достаточно быстро унесут шар за пределы Зурбестана. Внизу, в окруженной со всех сторон горами стране, ветра практически не было – однако теперь уже и это правило стало сдавать позиции исключениям; сделав лишь несколько шагов по улицам, графиня ощутила холодное и резкое дуновение в лицо. Луна то пряталась за облаками, то вновь показывалась, озаряя призрачным светом белесые стены с черными провалами окон. Хотя Элина старалась ступать неслышно, ей казалось, что звук ее шагов гулко разносится по пустому городу; она даже подумала, не снять ли сапоги, но затем поняла, что становится заложницей собственных обостренных до предела чувств. Будь у нее на боку меч, она чувствовала бы себя гораздо уверенней; защита же в виде заклинания отнюдь не казалась ей надежной. «Налево», – услышала она тихий голос Йолленгела и послушно свернула в переулок. Ей захотелось взять эльфа за руку – это было бы разумно, учитывая, что только он знал дорогу – но она сочла это малодушием.

Затем впереди и впрямь послышались шаги многих ног; Элина прижалась к стене и замерла. По улице шли зомби – много, не меньше двух десятков. Они проходили совсем рядом, графиня могла бы дотронуться до тех, что шагали с краю; запах аммиака щекотал ей ноздри. Элина знала, что они не должны ее заметить, и все же смогла унять колотящийся пульс лишь тогда, когда мертвецы

скрылись за поворотом. Пожалуй, теперь она лучше понимала нежелание Йолленгела ходить по этим улицам...

Им удалось добраться до магазина, избежав новых подобных встреч. Внутри пришлось зажечь факел (в качестве такового использовалась ножка от стола, обмотанная тряпкой, смоченной в горючей жидкости); Элина от души надеялась, что огонь не заметят снаружи. Эльф быстро отыскал большой контейнер, они выволокли из него тяжелые мешки с чем-то сыпучим и отнесли металлический ящик к выходу из здания. По указанию Артена Йолленгел прихватил также хранившиеся здесь же инструменты, необходимые, чтобы просверлить в стенках контейнера отверстия для веревок. Нести контейнер, естественно, предстояло Элине. Он действительно оказался неожиданно легким, словно и не из металла, однако идти в глухой коробке, накрывающей тебя почти до колен, все равно не слишком удобно. Эльфу пришлось бы говорить достаточно громко, чтобы она услышала его в этом коробе, потому они договорились об условных сигналах: на поворотах Йолленгел постукивал по левому или правому боку контейнера, а в случае тревоги – по днищу. Сигнал тревоги на обратном пути пришлось подавать дважды; всякий раз Элина опускалась на корточки, позволяя коробу полностью накрыть себя. Один раз мимо, как и раньше, прошагали пешие зомби, другой – процокали копыта. Заклинание незамечаемости, по всей видимости, работало успешно.

Наконец они внесли контейнер в широкие парадные двери второго дома. В первый дом его решено было не тащить.

На следующий день все пятеро явились опробовать будущую корзину. Артен признал, что ему неизвестен металл или сплав, из которого она изготовлена, однако главное, что вес ее вполне приемлем. Будущий экипаж воздушного шара забрался в короб. Самому рослому из них, графу (впрочем, эльф и принц немногим ему уступали), верхний край едва доставал до пояса; при этом пятеро помещались в контейнере только стоя, вплотную притиснувшись друг к другу – не самые комфортные условия для полета, однако они уже знали от Артена, что путешествие будет недолгим – воздух остынет, и шар опустится. Принц рассчитывал, что им удастся перевалить через окружающее Зурбестан кольцо гор, а дальше придется идти пешком. Путь через Бхиланайские горы без мулов и с минимумом припасов (хорошо, по крайней мере, что маги не забрали у них теплую одежду) обещал быть тяжелым, однако у них уже не было нужды следовать прежним высокогорным маршрутом, замечательным лишь тем, что позволял добраться до туннеля. В библиотеке Артен нашел подробную карту Бхиланаев, где были обозначены и пути, некогда соединявшие Зурбестан с внешним миром. В ту пору те, кто не мог воспользоваться услугами драконов и

воздушных кораблей (не говоря уже о заклинаниях перемещения), конечно, вынуждены были попетлять по ущельям и покарабкаться на перевалы, однако имели возможность благополучно добраться до любой из соседних стран (тогда – провинций). Позже проклятье магов перекрыло эти пути горной стеной – но лишь в самом начале, а не на всем протяжении. Тем не менее, следовало поторопиться, пока снег не закрыл перевалы...

Короб стал первой частью шара, оставленной возле будущего места старта – во втором доме (с самого начала решено было взлетать оттуда, с широкого балкона второго этажа). Впоследствии, когда фрагменты оболочки стали уже достаточно большими, их тоже начали переносить туда. Наконец, когда настал черед финального сшивания фрагментов и связывания сетки, работы целиком переместились во второй дом (а точнее – в лазарет, откуда вынесли кровати и мумии, благо он оказался самым большим помещением). В эти дни, когда Артен сидел в библиотеке, а все остальные – и вовсе в другом здании, риск был максимальным; любой визит Зендергаста и его коллег означал катастрофу. Однако за прошедшее время узники успели увериться, что магам явно не до них. Оставалось лишь догадываться, как далеко чародеи продвинулись в своих планах и не запоздали ли уже все попытки противодействия...

Артен, обеспокоенный сей последней мыслью, решил даже поучаствовать в общей работе, но его трудового энтузиазма хватило лишь на полдня. Элина, не церемонясь, заметила, что от такого неаккуратного шитья больше вреда, чем пользы, и оболочка может просто разойтись в воздухе, после чего принц с чувством исполненного долга вернулся к своим книгам. За это время он вычитал немало интересного и вечерами делился с товарищами то одной, то другой диковиной – к примеру, он узнал, как зурбестанцы освещали свои здания в дневное время: они умудрились сделать из стеклянных волокон гибкие трубки, по которым свет снаружи передавался, словно вода. Еще удивительней был способ, которым зурбестанские жилища освещались ночью: если Артен не ошибся при переводе, выходило, что для этого использовали укрощенную силу молний. Принцу даже удалось зажечь плафон под потолком библиотеки, но радость его была недолгой – уже через час плафон начал тускнеть и вскоре погас. Так Артен узнал, что даже сила молний имеет свойство кончаться.

И вот, наконец, шар был уже практически готов. Четверо в этот день проработали допоздна; уже стемнело настолько, что шить было нельзя, однако они не уходили, пока хватало света, чтобы вязать узлы сетки. Возвращаться по подземным коридорам им пришлось при свете факела. Несмотря на напряженный день, спать никому не хотелось; работы оставалось от силы на полдня, и все были слишком возбуждены предвкушением. Сидя в темноте, строили планы, гадали,

что творится во внешнем мире, не подтягиваются ли уже к Зурбестану с разных сторон многотысячные армии (граф заметил, что вряд ли – времени прошло слишком мало, а человечество слишком отвыкло действовать сообща), припоминали легенды о великих битвах прошлого и собственные приключения. Элина сказала, что сегодня, должно быть, ровно год с тех пор, как она отправилась в путь. Утверждать с уверенностью было трудно – в последнее время они не слишком прилежно следили за календарем – но остальные охотно согласились, что это символично. Наконец, уже заполночь разошлись по своим комнатам.

Прошло около двух часов. В доме было тихо-тихо; прямоугольники лунного света лежали на каменных плитах пола. Затем в тишине вдруг осторожно скрипнула дверь, и в темном проеме комнаты возникла невысокая фигура. Это был Редрих; сапоги он держал в руке. Неслышно, словно призрак, он двинулся по коридору. Возле двери в комнату Элины он остановился и некоторое время стоял, словно в нерешительности; затем на лице его нарисовалась мгновенная раздраженная гримаса, и так же осторожно и беззвучно он направился дальше.

Он спустился в подвал, обулся, нашарил в темноте оставленный здесь факел и долго чиркал кремнем, прежде чем факел загорелся. Отсюда его путь лежал к потайному люку и далее в подземелья Нан-Цора. Проход туда оставался открытым, а если бы его даже и закрыли, Редрих, как и остальные, знал код. Он быстро и решительно шел вперед, его шаги гулко отдавались в пустом подземном коридоре, и багровые отсветы пламени дрожали на стенах, заставляя тень герцога плясать и кривляться. Факел вырывал из абсолютного мрака лишь небольшой клочок пространства, но Редрих не боялся заблудиться и не там свернуть. Он слишком хорошо изучил путь до второго дома.

Вот, наконец, и коридор, ответвляющийся от главного прохода. Мумии в белом халате здесь давно уже не было, ее оттащили далеко в сторону, чтобы не мешалась. Редрих вошел в подвал и увидел, что впереди мерцает какой-то огонек; герцога обдало волной холода, но он тут же понял, что это пламя его факела отражается от стекла банки. С усмешкой он подошел и поднес огонь к банке вплотную; ему было трудно отделаться от ощущения, что маленький уродец вдруг расправит свои скрюченные конечности, медленно поднимет голову и взглянет сквозь спирт тремя немигающими глазами на того, кто нарушил его покой. Редрих заставил себя стоять и смотреть, пока не избавился от этого чувства; затем направился наверх.

Он вошел в лазарет; помещение это было замечательно еще и отсутствием окон, так что никто – точнее даже ничто – не могло заметить его с улицы. Весь пол занимала разложенная оболочка шара. Плод их многодневной работы,

практически подошедшей к концу. Единственная надежда на бегство, единственное, что могло – он, правда, и сам не знал, каким образом – помешать планам магов.

Редрих, держа факел в левой руке, сунул правую за пазуху и извлек предмет, остро и хищно блеснувший в колеблющемся свете.

Нож.

Они уже ничего не смогут поправить. Во-первых, у них нет больше штор. Даже если они решатся использовать шторы первого дома – а доселе они боялись, что это привлечет внимание – им все равно не хватит первых двух этажей. Во-вторых, у них нет больше времени. Никто не знал наверняка, но все чувствовали, что замысел магов близок к завершению; еще немного, и они станут окончательно непобедимы.

Редрих опустился на колени. Не слишком гордая поза, но стоя резать не получится. А почему бы и не факелом? Ему, однако, не хотелось устраивать пожар. Почему-то ему казалось, что в случае пожара они поймут, что это сделал он. А если оболочка будет просто изрезана, можно будет свалить вину на проникших в дом в последний момент зомби...

Вину?

Если он убежден, что действует в своем праве, что они и их мир должны получить по заслугам, то почему он делает это в тайне, исподтишка, как последний трус? Почему он сразу не сделал свой выбор и сразу не объявил о нем? Да, может быть, они и заслужили... этот спесивый самовлюбленный Артен, вообразивший, что умнее него нет никого на свете... граф Айзендорг, враг его отца, ненавидящий уже одно его имя – Урмаранд... делающий все, чтобы оградить от него Элину... и сама эта девчонка, которой наплевать, что он таскается за ней по всему континенту, которая бросила его подыхать в рабстве, потому что спешила к своему красавчику Артену... эльф... ну разве что эльф не вызывал у него неприязни, хотя и украл когда-то его лошадь... но эльфу, в конце концов, все равно, какие люди будут у власти – обычные или маги...

А что, старая лиса Зендергаст – лучше? И его словам насчет «самостоятельности локального значения» можно верить?

Но он делает это не ради Зендергаста. Он прекрасно знает, что оба лагеря стоят друг друга. Как и весь этот ублюдский, ублюдский, ублюдский мир!

Но если он воздаст им бесчестьем и предательством – чем он будет лучше?...

Нет, он отомстит им иначе. Отомстит тем, что окажется выше их!

Редрих поднялся с колен и спрятал нож. Некоторое время он стоял неподвижно, глядя на оболочку шара, распростертую у его ног. Потом повернулся и пошел к выходу.

Как и предполагали готовящиеся к бегству, оболочка и сетка были закончены еще до обеда; тогда же во второй дом перенесли сосуды с горючим. Все было готово; оставалось лишь вытащить шар на балкон и наполнить его горячим воздухом. Однако, сколь бы им ни хотелось поскорее покинуть Зурбестан, все понимали, что взлетать днем, на глазах у всех магов Нан-Цора – дело заведомо обреченное. К тому же подъемная сила тем больше, чем холоднее окружающий воздух. С другой стороны, не следовало лететь и ночью – в темноте трудно выбрать площадку для приземления, а в горах это критично. Конечно, чтобы говорить о выборе площадки, надо иметь возможность управлять летательным аппаратом, но Артен кое-что в этом плане предусмотрел – а именно клапан с веревкой, позволяющий выпустить часть теплого воздуха для быстрого спуска; ну и, на совсем крайний случай, оставалась возможность выкинуть какой-нибудь предмет из кабины для подъема. Поскольку с собой брали лишь самое необходимое, последний вариант можно было использовать лишь тогда, когда альтернативой была верная гибель.

Таким образом, для старта оставалось раннее утро или поздний вечер; но вечер означал, что заночевать придется здесь же, у самой границы Зурбестана – а задерживаться в такой близости от магов явно не следовало. Следовательно, заключил Артен – и остальные с ним согласились – лететь надо непосредственно перед рассветом, так, чтобы первые лучи солнца застали их над горами. Значит, освобождение их откладывалось еще на одну ночь; впрочем, существовало и еще одно условие – достаточный ветер, чтобы не зависнуть в небе над Нан-Цором на радость тюремщикам. Но с ветром вроде бы проблем не ожидалось – облака бежали по небу в западном направлении с радующей резвостью.

К вечеру, однако, за облаками подтянулись серобрюхие тучи, а ночью зарядил дождь. Утром он все еще продолжался, и стало ясно, что побег придется отложить еще как минимум на день; намокший и быстро остужаемый водой шар вряд ли сгодился бы для полета.

Если бы не этот дождь, судьбы мира, скорее всего, сложились бы совсем иначе.

Артен получил еще один день для чтения и намеревался, разумеется, использовать его по максимуму; его не останавливало даже то, что из-за затянутого тучами неба в библиотеке было темновато. Прочие же, в большинстве своем, не находили себе места в ожидании отлета; и дело здесь было не только в нетерпении, но и в естественном для всякого трудного и рискованного дела опасении, что все сорвется в самый последний момент. Поэтому, когда подошло время обеда, Элина в очередной раз спустилась за Артеном – сколь бы мизерна ни

была вероятность, что его отсутствие за столом на что-то повлияет, в этот день никто не хотел испытывать судьбу.

Однако принца в библиотеке не оказалось. Не было его и в лаборатории.

Поначалу Элину это не слишком обеспокоило, ибо она решила, что Артен решил в последний раз проверить шар. Прикинув, что не успеет сходить за ним во второй дом, она вернулась в обеденную залу. Граф согласился, что ее объяснение наиболее вероятно, но новость ему не понравилась. Сразу же после обеда он объявил, что собирается навестить второй дом. Вернулся он быстро – видимо, проделал весь путь чуть ли не бегом. Артена не было и во втором доме.

– Может быть, вы разминулись, – предположила Элина без особой уверенности. – И он сейчас придет...

– Мы всегда ходим во второй дом одним маршрутом, – возразил граф. – Притом самым коротким. С чего бы Артену идти кружным путем? К тому же, это легко проверить. Если он пошел малознакомой дорогой, то должен был взять с собой план подземелья.

План оказался на месте. Элина почувствовала неприятный холодок в животе.

– Не хочу вас огорчать, – мрачно изрек граф, – но ситуация выглядит так. Пока мы сидели наверху, некто или нечто пришло из подземелий, воспользовалось открытым проходом, проникло в библиотеку, похитило Артена и вновь скрылось в подземельях. Следов борьбы в библиотеке нет, хотя в этом кавардаке трудно сказать определенно. Но следов крови нет точно.

– Думаешь, маги нас раскусили? – спросила Элина.

– Может быть. Хотя, по-моему, в этом случае они бы не стали действовать столь таинственно, это не в стиле тюремщиков. Тут есть другая возможность. Несколько месяцев назад я бы рассмеялся в лицо тому, кто предположил бы подобное... но за это время мне пришлось кое в чем изменить свои взгляды. Допустим, все эти фокусы заговорщиков с концентрацией магии в районе пирамиды и массовым оживлением мертвецов привели к результату, который они сами не планировали. И пробудили к жизни нечто древнее, ждавшее своего часа в подземелье под пирамидой...

– Нечто, что сильнее самих магов? – Элина была здорово напугана за Артена, однако не забывала и о том, что у них есть другие враги, помимо гипотетического чудовища.

– Откуда мне знать, – пожал плечами граф. – История утверждает, что человеческие маги были сильнее любых существ, владевших чародейской силой от природы, включая демонов и прочих монстров. Но – это что касается природных рас. Зурбестанцы были магами и учеными одновременно – кто

поручится, что они не создали в своих лабораториях нечто, невиданное в природе? Кстати, Йолленгел, ваша чувствительность вам ничего не подсказывает?

– Нет, – покачал головой эльф, – хотя, если мы спустимся в подземелья...

– Придется спуститься, – кивнул граф. – Мы не можем рассчитывать одолеть эту штуку ножами, но будем надеяться, что Йолленгел сумеет почуять ее издали – если, конечно, она и вправду там. Ножи на всякий случай возьмите, все лучше, чем ничего.

Вооружившись (в первом доме они не носили ножи при себе, помня, что магам не составляет труда обнаружить оружие даже под одеждой), они сошли по лестнице в коридор, отделявший библиотеку от лаборатории. Проход в конце его по-прежнему был открыт, и граф подумал, что, независимо от результатов их краткой разведки, надо будет его закрыть. Они уже подошли к тому месту, где прежде кончался коридор, и тут из глубины его донеслись шаги.

Все посмотрели на эльфа, но он мотнул головой. Да и шаги звучали явно по-человечески. С другой стороны, зомби тоже когда-то были людьми. Бежать наверх было уже поздно, и четверо ограничились лишь тем, что, выставив ножи, молча ждали, кто покажется из прохода.

Несколько секунд спустя из прохода показался принц Артен собственной персоной и в недоумении уставился на ощетинившийся ножами комитет по встрече. У него даже мелькнула на миг кошмарная мысль, что за время его отсутствия его товарищей могли превратить в зомби. Но уже в следующий миг они опустили оружие и облегченно заулыбались.

– Где вы были, принц? – спросил Айзендорг сурово, тут же стерев с лица улыбку. – Мы думали, вас похитили.

– Нет... Я... с утра читал одну рукописную книгу... В общем, идемте наверх. Такие новости надо выслушивать сидя, – подогрев этой фразой любопытство до высшей точки, он направился к лестнице.

Пятеро расселись вокруг овального стола, давно уже служившего им для общих обсуждений. Артен не стал занимать председательское место, как когда-то, в первый день заточения, а сел посередине.

– Теперь я знаю, какой из зурбестанских проектов был самым грандиозным, – объявил он. – Не воздушные корабли, не трехглазые, даже не считающие машины. Нет. Они называли этот проект «селиц фирах» – «небесный огонь», а еще «маннорат сол» – «рукотворное солнце». Удивительно, что на сей раз они воплотили не то, о чем мы даже не помышляли, а то, над чем, напротив, веками бьется наша наука. Я имею в виду заветную мечту химиков о трансмутации.

– Трансмутация металлов в золото? – вздернула брови Элина.

– Да, хотя с практической точки зрения я всегда считал это глупостью. Если золота станет слишком много, оно потеряет свою ценность. Но теоретически это было бы весьма интересно. Ученый мир до сих пор спорит, возможно ли это в принципе.

– Всегда считал, что это чушь, с помощью которой шарлатаны выманивают деньги у доверчивых правителей, – проворчал граф. – И весь исторический опыт это подтверждал. Так что, зурбестанцам это все-таки удалось?

– Во всяком случае, они поняли, как это сделать. Только не спрашивайте меня, как. Я почти ничего не понял, а то, что понял, звучит как бред сумасшедшего. Но это не бред, я сам видел машину... Однако золото зурбестанцев не интересовало. Они хотели осуществить иную трансмутацию – водорода в другой газ, гелиум.

– И чем замечателен этот газ? – спросила Элина. Она пока не понимала, почему этот проект Артен называет самым грандиозным – ладно бы еще речь шла о золоте...

– Сам по себе – ничем, – ответил принц. – Ну то есть им тоже можно наполнить воздушный корабль, но зурбестанцам был нужен не гелиум как таковой. Дело в том, что при трансмутации водорода выделяется огромное количество энергии. Впрочем, огромное – слишком слабое слово. Зурбестанцы полагали, что именно эта энергия заставляет светить солнце и звезды. Отсюда и название проекта.

– Погодите, они что же – хотели создать новое солнце?! – теперь Элина начала понимать.

– Ну, не настоящее солнце, – улыбнулся принц. – Настоящее во много раз больше нашей земли и находится за миллионы миль от нее – так, во всяком случае, утверждают зурбестанские астрономы. Нет, речь шла о совсем крохотном солнышке, способном поместиться в подземной пещере. Но энергии его хватило бы, чтобы питать все машины Зурбестана. Они ведь умели преобразовывать тепло в иные виды энергии и запасать ее...

– Вы говорите, что видели машину, – перебил граф. – Так у них получилось?

– И да, и нет. Они создали машину, способную зажечь солнце, но оказались неспособны его контролировать. Они провели только одно испытание, во время которого реакция пошла вразнос. С большим трудом им удалось заглушить ее. Еще бы несколько секунд – и солнце вспыхнуло бы с такой силой, что выжгло бы весь Зурбестан. Они не ожидали, что будет так. Даже не предполагали, иначе построили бы установку где-нибудь далеко-далеко, а не прямо под Нан-Цором. Похоже, это был самый последний их проект. После описания неудачного эксперимента в книге идут чистые листы. Не исключено, что именно «селиц фирах» стал последней каплей, переполнившей чашу терпения магов внешнего мира.

– И эта машина до сих пор в рабочем состоянии, – граф понял, куда клонит Артен.

– Сами понимаете, я ее не включал, – усмехнулся принц. – И видел, собственно, не ее саму, а место, откуда осуществлялось управление. Хозяин нашего дома тоже участвовал в проекте. Он занимался не просто топливом для машин... вообще источниками энергии. Наверное, он был и автором этой книги... или дневника... В ней я нашел план подземелья с указанием поста управления. И еще там было вложено вот это, – принц извлек из кармана узкую металлическую пластинку, испещренную сложным асимметричным узором мелких отверстий. – Это – ключ, он вставляется в щель в двери.

– Так вы считаете, что этот «селиц фирах» способен уничтожить магов? – Элина, наконец, высказала это вслух.

– Я сильно сомневаюсь, что какая угодно магия в состоянии противостоять энергии такой силы, – ответил Артен. – Но если даже и в состоянии, они просто ничего не успеют сделать. В какую-то долю секунды от них не останется даже пепла.

– И вместе с ними – весь Зурбестан со всеми его книгами и машинами... – печально произнесла графиня.

– Не думайте, что мне это нравится! – резко воскликнул принц. – Я предпочел бы, чтобы погибла моя собственная страна, но сокровища Зурбестана достались бы ученым всего мира. Но маги, к сожалению, собрались в Зурбестане, а не в Тирлонде. И «селиц фирах» – тоже. Если вы знаете иной способ их остановить, я вас с удовольствием выслушаю. Только без этих розовых надежд на мифические армии. Попытку решить проблему с помощью ваших любимых заточенных железяк мы уже видели.

– А что будет с рукотворным солнцем потом? – спросил граф. – Может, оно будет разгораться и дальше и пожжет весь мир?

– Нет, – покачал головой Артен. – В одно мгновение весь запас водорода превратится в гелиум, и реакция прекратится сама собой.

Повисла тягостная пауза.

– Но, как вы понимаете, во всем этом есть еще одна загвоздка, – сказал принц. – Кто-то должен включить машину. И, насколько я понимаю, ни один из нас не обладает навыками, позволяющими использовать для этой цели зомби.

– Мы должны бросить жребий, – твердо сказала Элина.

– Значит, добровольцев нет? – чуть выждав, усмехнулся принц. – Я так и думал. Должен заявить, господа, что я не участвую. Я даже не буду говорить об уникальной ценности моих теперешних знаний для всего человечества, хотя это правда. Демоны вселенной, я просто не хочу умирать, и никто меня не заставит! –

Артен искоса поглядывал на Редриха, ожидая, что тот поддастся на провокацию и не упустит возможности блеснуть геройством на фоне трусости принца Вангейского. Но Редрих молчал.

Молчала и Элина (Артен, впрочем, меньше всего желал бы, чтобы вызвалась она). Это была прекрасная, героическая смерть, которая войдет в баллады на века. Смерть, о которой настоящий рыцарь может только мечтать – погибнуть, спасая мир и унося с собой врагов. Если бы такая возможность предоставилась графине сразу после проигранного боя, она бы ухватилась за нее с радостью. Но теперь... когда спасение было так близко... когда она уже свыклась с мыслью о скором освобождении... Элине было ужасно стыдно, но она отчаянно хотела жить. Безусловно, она была готова подчиниться жребию – но не хотела самой отнимать у судьбы шанс оставить ее в живых. А еще она очень надеялась, что судьба пощадит и ее отца...

– Вы правы, принц, – спокойно сказал граф Айзендорг. – Вы не воин, и не обязаны идти на смерть. Ну, а мы бросим жребий.

– Я участвую! – поспешно сказала Элина.

– Конечно, дочь, – граф положил ей руку на плечо. – Никто не сомневается в твоей рыцарской чести.

Говоря все это, Айзендорг, хоть ему и неловко было в этом признаться, тоже искоса поглядывал на Редриха. Старый и опытный боец, граф был спокоен и готов к смерти. И он уже решил, что возьмет эту миссию на себя, если жребий выпадет Элине. Но если бы это сделал Урмаранд – было бы гораздо лучше. Да, лучше для всех.

Но Редрих молчал.

– Не надо жребия, – раздался вдруг другой голос. – Это сделаю я.

Все взоры обратились на Йолленгела.

– Вы?... – растерянно произнесла Элина. Меньше всего она ждала подобного от эльфа. Конечно, он не был тюфяком и размазней, каким считал его когда-то Эйрих; он в одиночку добрался до них через степи и горы, он много раз ходил на разведку в кишащий зомби и магами Нан-Цор... но все-таки в конце концов отказался от этих разведок, когда счел их слишком опасными, он сам называл себя трусом, его даже по горным тропам пришлось учить ходить, выбивая один страх другим... да, пожалуй, вся его храбрость была такой – храбростью отчаяния, когда альтернатива была еще хуже... И нигде и никогда он не проявлял готовности пойти на верную смерть. Тем более – ради чего? Ведь с его точки зрения противостояние между магами и немагическим миром было лишь внутренним конфликтом чуждой и враждебной ему расы людей... – Вы хорошо подумали, Йолленгел?

– Да, – просто ответил эльф. – Это будет наилучшим выходом для меня. И для всех остальных тоже. Моя раса исчезла с лица земли, и самому мне нигде нет места в этом мире – я проехал тысячи миль и вполне убедился в этом. Я много думал об этом в последние дни. Единственное, ради чего я еще мог бы жить – это ради сохранения памяти о моем народе... но ведь вы, Элина, уже обещали позаботиться об этом. А я... Не считайте это слишком большой жертвой. Я просто устал. Когда-то мы жили сотни лет, но я и за тридцать семь хлебнул достаточно, чтобы не хотеть продолжения. И если я могу уйти так, чтобы помочь единственным людям, которых мог бы назвать... своими друзьями – что ж, я только рад, – закончил он.

– Йолленгел, – серьезно сказал граф, – примите благодарность от имени всего человечества.

– Мне нет дела до человечества, – поморщился эльф.

– Тогда – от нас четверых.

– Это другое дело.

Они помолчали.

– Йолленгел, – сказал Артен, – я должен показать вам дорогу на пост управления и объяснить, как включить машину. Если хотите, пойдем прямо сейчас. Завтра у нас не будет времени.

– Хорошо, – кивнул эльф, поднимаясь.

– Вам, господа, наверное, тоже интересно, – обратился принц к остальным.

– А если сюда заявятся маги? – напомнил граф. – Впрочем, вряд ли. Почему бы и не взглянуть на то, что больше никто не увидит.

– Это не займет много времени, – заверил Артен. Ему хотелось поскорей загладить неприятное впечатление, вызванное его отказом тянуть жребий.

Пост управления реактором действительно находился недалеко; в своих предыдущих исследованиях нижнего подземного яруса они несколько раз проходили мимо этой одинокой двери в длинной стене, перед которой лежали сразу два охранника – лежали они здесь и теперь, принц лишь слегка оттащил их в сторону, освобождая проход. Артен вставил карточку, вошедшую в щель с частым клацаньем; затем что-то загудело, и металлическая дверь толщиною в фут тяжело отъехала в сторону.

За нею оказалось квадратное помещение со стороной около 20 футов; вдоль трех его стен, исключая ту, в которой находился вход, располагались пульты. Разумеется, зрелище это было абсолютно непривычно вошедшим; они стояли кучкой в центре помещения, обоснованно боясь к чему-либо прикасаться, и их непонимающе-любопытные взгляды скользили по рядам блестевших металлом кнопок, отполированным деревянным ручкам тумблеров, большим круглым

циферблатам со стрелками, замершими где у нуля, а где и посередине шкалы. Перед пультами стояли семь невиданных ни на Западе, ни на Востоке одноногих кресел – по два перед боковыми и три перед центральным. Все они были пусты, однако на полу перед центральным пультом лежал мертвец в белом халате, цеплявшийся костяной рукой за ножку кресла.

– Думаю, он вбежал сюда как раз в тот момент, когда маги обрушили свой удар на Зурбестан, – сказал Артен. – Может быть, хотел с отчаяния запустить машину, но не успел... Что ж, вот и пришло время, когда наука нанесет магии ответный удар.

– Я попросил бы вас убрать отсюда все трупы, – сказал Йолленгел.

– Конечно, – поспешно заверил его Артен. Вместе с графом они отволокли в соседний коридор мумию в халате и двух охранников.

Вернувшись, принц принялся, сверяясь с вырванными из рукописного журнала страницами, объяснять эльфу последовательность действий. Самих действий было немного, но между ними полагалось ждать, пока те или иные стрелки займут требуемое положение. Выходило, что нужно около четверти часа, прежде чем установка придет в полную готовность, и можно будет поворачивать главный рубильник.

– Вот он, – Артен с невольным трепетом коснулся большой красной ручки, хотя и знал, что сейчас рубильник неопасен. – Ему в паз впихнули какую-то железку, чтобы нельзя было повернуть... все ногти обломал, пока вытаскивал.

– А если не сработает? – спросил эльф.

– Тогда магам повезет, а нам – нет, – пожал плечами Артен, не особо задумываясь, распространяется ли это «нам» на Йолленгела.

Когда они начали повторять порядок действий во второй раз, граф решил, что остальным стоит вернуться и не искушать судьбу.

Эльф и принц появились в первом доме спустя почти час. Артен хотел твердо убедиться, что эльф, никогда в жизни не имевший дела даже с куда более простой техникой эпохи меча, ничего не напутает; теперь он, наконец, в этом уверился. Чувство дискомфорта, которое испытывали остальные – в особенности Элина и ее отец – с возвращением Йолленгела только усилилось. Им хотелось как-то поддержать эльфа в его последний вечер, но они не знали, как лучше это сделать; любое сочувствие – со-чувствие – идущему на смерть от остающихся жить выглядит фальшиво. Йолленгел, наконец, заметил эти их попытки и улыбнулся:

– Друзья, давайте я вам лучше сыграю.

За все время зурбестанского плена он ни разу не доставал флейты; как-то раз Элина просила его сыграть, но эльф ответил, что не в настроении. Граф вообще никогда не слышал эльфийской музыки. И вот в помещении, где доселе

обсуждались планы бегства и перспективы грядущей борьбы с магами, научные открытия и технические расчеты, виды оружия и тактика боя – полилась прекрасная и печальная мелодия, некогда тронувшая даже суровую душу Эйриха, а теперь заставлявшая сжиматься закаленное в боях сердце Айзендорга.

Йолленгел играл в последний раз в жизни и знал это. Более того, с ним окончательно уходила в небытие вся его раса... Мелодии сменяли одна другую, вспоминая об эпохах величия и славы древнего народа, оплакивая все эти бесчисленные гордые поколения, все эти тысячелетия блистательной истории, становящиеся пеплом, затихающим отзвуком, ничем... повествуя о долгой эпохе упадка и угасания, эпохе унизительной и проигрываемой борьбы за существование, эпохе умерших надежд, еще рождавшей, однако, новые произведения, уже не столь сложно-совершенные, как у древних мастеров, но от того не менее пронзительные... Йолленгел оплакивал и собственную непутевую судьбу, годы, проведенные в вечном страхе, на положении травимой лесной дичи, ужасную смерть от рук мучителей родных и друзей... и даже, наверное, скитания по свету в безумной и бесплодной надежде, месяцы заточения в выжженной солнцем мертвой котловине, за тысячи миль от родных лесов, и утро наступающего дня...

Элина чувствовала, что по щекам ее текут слезы, и, должно быть, впервые в жизни не стыдилась этого. Ее не волновало, что подумают другие, она даже не смотрела на них. А если бы посмотрела – увидела бы бледное, искаженное долго скрывавшейся ненавистью лицо Редриха. Он понимал, о чем пела эта музыка. О, как хорошо он это понимал! И ни при чем тут были какие-то эльфы...

Йолленгел оторвался от флейты, сделал короткую передышку и вдруг заиграл совсем по-другому – радостно, весело, задорно. Видимо, он не хотел, чтобы эльфы остались в памяти людей нытиками и неудачниками, безропотно проигравшими битву с судьбой. А может быть, попросту хотел подбодрить самого себя перед тем, что предстояло ему уже через несколько часов...

Легли в этот вечер сразу после ужина. Всем им предстояло встать еще до рассвета.

На сей раз погода полностью благоприятствовала планам беглецов. Дождя не было, и ветер гнал темные еще силуэты облаков даже быстрее, чем накануне. Небо над горами на востоке еще только начинало светлеть. Беглецы оделись, подхватили собранные еще позавчера тощие котомки и узлы с книгами (набранными, по настоянию Артена, в счет веса Йолленгела) и быстро спустились в подвал. По пути Элина в последний раз окидывала взглядом эти стены, в которых они провели столько не самых лучших часов своей жизни. Казалось бы, у

нее не было оснований сожалеть о них, и все же странно было сознавать, что уже через пару часов от них не останется даже развалин... Графиня перевела взгляд на Йолленгела. Эльф держался молодцом. Может, он и был бледнее обычного, но в свете факелов это трудно было различить.

Прежде, чем вступить в подземный коридор, Редрих замешкался.

– Графиня, – окликнул он ее, – я хочу кое-что сообщить вам.

– Да, герцог? – она остановилась, не ожидая от такого начала ничего хорошего. Остальные пока не заметили их заминки и шли вперед.

– На следующий день после битвы Зендергаст говорил со мной. И предложил мне трон Тарвилона.

У Элины похолодело в животе. Как раз чего-то в этом роде опасался ее отец. Когда-то она уже отнеслась легкомысленно к его недоверию к магам. И вновь повторила ту же ошибку – ведь он говорил, что нельзя доверять Урмарандам! Неужели уже поздно, неужели сейчас маги встретят их с довольной улыбкой?!

– И... что? – холодно спросила она.

– Что? Я так и знал, что вы спросите – «что?»! Что у вас хватит совести задать мне этот вопрос! Знайте же, что вы предали меня, но я не предал вас! – и он быстро пошел вперед, догоняя остальных.

Артен не знал, сколько времени уйдет на заполнение шара теплым воздухом, поэтому эльф должен был присутствовать при этой процедуре, и лишь когда все будет практически готово к отлету, Йолленгелу надлежало вновь спуститься в подземелье и отправиться на пост управления реактором. Это было жестоко – заставлять его смотреть на шар, который вот-вот унесет других к свободе и жизни, шар, в котором было немало и его труда – но другого способа синхронизировать время взрыва с отлетом на безопасное расстояние не было.

Процедура подготовки к взлету давно уже была продумана до мелочей. На роль стартовой площадки предназначался балкон с северной или западной стороны – здесь вплоть до самого подъема шар был бы невиден с пирамиды, заслоненный от нее четырьмя верхними этажами второго дома. С учетом восточного ветра, выбрали западную сторону. Корзину и тщательно сложенную вместе с сеткой оболочку вынесли через широкие двери на балкон. Здесь оболочку частично развернули, а корзину привязали к балюстраде; граф и Редрих, поднявшись на третий этаж пирамидального здания, спустили оттуда пару веревок, которые Элина внизу привязала к сетке шара, и подняли еще пустой воздушный чехол до третьего этажа, а потом, тем же способом – до четвертого. Пирамидальная форма дома была весьма удобна тем, что шару, чья корзина стояла на балконе, было куда раздуваться, он не должен был упираться одним боком в отвесную стену – правда, пирамида была все же ступенчатой, и это условие начинало выполняться лишь на

высоте около тринадцати футов, поэтому шар не был, собственно, шаром – его сшили скорее в форме груши.

Наступил едва ли не самый ответственный момент. Артен, стоявший возле кабины, поставил у ног первый сосуд с горючим, привинтив к его горлу кольчатый металлический шланг с краном и поршнем на конце – это была большая горелка, найденная в лаборатории. Приоткрыв кран, несколькими движениями поршня вперед-назад он подкачал топливо, так что на конце шланга появилась маслянистая капля. Элина поднесла факел. «Пффффф!» – вырвался из шланга длинный язык пламени. Принц предусмотрительно направлял в этот момент шланг в сторону от шара; больше всего он боялся ненароком поджечь оболочку. Лишь убедившись, что с помощью крана и поршня он может надежно регулировать силу пламени, Артен направил огненный язык в растянутую на веревках горловину шара.

Постепенно обвислые стенки оболочки начали расправляться; затем и в верхней части сформировался пока еще дряблый и вялый, но уже способный выдерживать тяжесть сетки пузырь; граф и герцог, державшие сетку на четвертом этаже, выпустили ее, и оболочка, пока еще вся в морщинах и складках, величественно качнулась прочь от балкона, обретая самостоятельное равновесие. У Артена меж тем иссяк запас горючего в первой емкости, и он быстро подсоединил вторую. Не склонный обычно к излишне поэтическим фантазиям, в эту минуту он ощущал себя сказочным демоническим существом, повелителем сразу двух стихий – воздуха и огня.

Элина меж тем считала вслух, отсчитывая время, которое требовалось проплывшему над Нан-Цором облаку, чтобы достичь кольца гор. Эльфу следовало запомнить это время и ритм счета. Артен понимал, что, поднявшись в воздух, они еще отнюдь не окажутся вне досягаемости магов – напротив, привлекут их внимание. Поэтому устраивать взрыв следовало как можно скорее, в идеале – как только шар перевалит через горную стену и опустится ниже ее гребня с той стороны, уже за пределами Зурбестана.

Когда шар был наполнен примерно на две трети, внизу появились зомби.

Принц не исключал такой возможности, хотя и надеялся, что обойдется без этого. Не обошлось. И все же, хотя сердце принца забилось быстро-быстро, когда он услышал предупреждение Элины, внешне он сохранял спокойствие и лишь уменьшил язык пламени, но не погасил его совсем. Все-таки до земли было добрых четырнадцать футов, а зомби слишком глупы, чтобы интересоваться происходящим у них над головой.

Артен продолжал смотреть вверх, в нутро шара, но Элина видела зомби во всех подробностях, насколько позволял утренний полумрак. За лошадью без возницы,

запряженной в груженую деревянными ящиками повозку, шагало полтора десятка мертвецов. Шестеро из них были вооружены мечами. Странно, прежде, кажется, «военные» и «штатские» зомби не ходили вместе. Или в городе уже появились те, от кого необходимо охранять обозы? Не зомби и не маги, а – просто люди, переметнувшиеся на сторону магов, но не заслужившие абсолютного доверия? Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из этих неофитов объявился здесь, поднял голову и кинулся доказывать свою лояльность...

Однако обоз благополучно проследовал мимо и скрылся в полутьме между домами. Никто не посмотрел вверх. Зомби были идеальными слугами – в точности следовали полученным приказаниям – и в этом был их главный недостаток.

Больше ничто не отвлекало беглецов, и к тому моменту, как солнце позолотило гребень горной стены на западе, а у Артена почти иссяк последний сосуд с горючим, шар был практически наполнен.

Настал черед прощания с Йолленгелом. Оно обошлось без лишних слов, на которые к тому же не было времени. Люди по очереди крепко пожали эльфу руку; Элина в очередной раз напомнила о своей рукописи, благодаря которой память о древнем народе не исчезнет – а теперь она допишет и последнюю главу, в которой будет описан подвиг последнего эльфа. Йолленгел грустно улыбнулся, еще раз обвел всех взглядом, а затем быстро повернулся и скрылся во мраке дома.

Шар уже совершенно наполнился и выглядел тугим и надутым; все же Артен, на всякий случай, дожег топливо до конца. Беглецы поспешно заняли места в кабине; вчетвером здесь было просторнее, хотя книги Артена мешались под ногами. Пол кабины подрагивал; шар стремился в небо. Принц и граф перерезали веревки, привязывавшие корзину к балюстраде, металл контейнера проскрежетал по каменным перилам, и шар, поднявшись над балконом, торжественно поплыл ввысь.

Лишь теперь стало ясно, что шар получился не таким совершенным, каким представлялся своим создателям – напротив, он вышел довольно-таки кособоким, и корзина кренилась в воздухе. Но это уже были мелочи, недостойные внимания. Несмотря на все печальные обстоятельства, сопутствовавшие бегству, в первую минуту новоявленных аэронавтов охватило чувство восторга, которое человек, никогда не летавший, может испытать разве что во сне. Особенно счастлив был принц – ведь это он придумал (ну и что, что позже зурбестанцев) и спроектировал этот шар!

– Господа, – торжественно провозгласил Артен, – за тысячи лет мы – первые люди, поднявшиеся в воздух, и притом без всякой магии. Примите мои поздравления!

– Ну вы еще провозгласите небеса собственностью Тирлондской короны! – не удержался Редрих.

Однако граф первый обратил внимание, что шар движется слишком уж торжественно: он медленно поднялся над уровнем крыш и почти завис там, еле заметно дрейфуя в западном направлении.

– Принц, я не специалист по полетам, но, по-моему, такими темпами нам никак не перебраться через горы, – озабоченно заметил Айзендорг.

Артен, с недоумением оглянувшись по сторонам, вынужден был признать очевидное. Торжествующее выражение на его лице сменилось растерянным.

– Может, я недооценил массу оболочки и сетки... – пробормотал он.

– ...или массу собственной самоуверенности, – в тон ему продолжил герцог.

– Редрих! – возмутилась Элина. – Вы что, не понимаете серьезности положения?

– Демоны! Я понял! – воскликнул Артен. – Плотность воздуха падает с высотой! Это же прямо следует из закона плавающих тел!

– Теория потом, – перебил граф. – Если я верно понял принцип, мы должны облегчить шар. Увы, принц, часть ваших книг придется выбросить.

– Нет! – воскликнул Артен, однако и сам уже понимал, что другого выхода нет. Присев на корточки, трясущимися руками он принялся копаться в узлах, выбирая, какими же книгами пожертвовать. Сделать это было непросто – ведь сами эти книги были отобраны им накануне из двух библиотек по принципу «самое-самое»...

– Быстрее, Артен, – жестко сказал граф. – Шар остывает, а Йолленгел, наверное, уже на посту.

Принц понял, что ничего не остается, кроме как довериться случаю. Не глядя, он отправил за борт один узел, потом второй. Шар быстро пошел вверх. Бумажные и пергаментные страницы кружились над городом...

– Выходит, впятером мы бы на вашем шаре никуда не улетели, – обвиняющим тоном констатировала Элина.

– Радуйтесь, что мы улетаем вчетвером, – огрызнулся принц. – Думаете, это легко – делать то, о чем и помыслить не мог никто из современников? И потом, на шар большего размера у нас не хватило бы ни материала, ни топлива...

Шар, наконец, набрал достаточную высоту, чтобы поймать ветер, и теперь довольно резво удалялся от оставшегося внизу города. Беглецы в последний раз смотрели на Нан-Цор, на его громоздкие монументальные здания, казавшиеся отсюда детскими игрушками, на грозную и величественную пирамиду, сделавшуюся не больше муравейника...

Ральтиван Зендергаст и Шииз-Салемах-ир-Рандавани стояли возле окна на четырнадцатом этаже пирамиды и смотрели на поднимавшуюся в небо перевернутую каплю. Нан-Цор еще лежал в тени, но шар уже поднялся достаточно высоко и ярко горел на солнце.

– Вот ведь упрямая девчонка, – проворчал Ральтиван. – Все-таки сбежала!

– Мы можем повернуть ветер и вернуть их, – напомнил Рандавани.

– Не стоит, – покачал головой Зендергаст. – После боя мы ведь держали их здесь главным образом ради их же собственной безопасности. Но мы не можем нянчиться с ними бесконечно. На нас лежит ответственность за весь мир, и мы должны забыть о личных симпатиях.

– А как же твой план использовать Редриха, брат? Сдается мне, что личными симпатиями там и не пахло, – усмехнулся Рандавани.

– Я отказался от этого плана. Да, я с самого начала говорил, что такими, как он, легко управлять, дергая за ниточки страстей, но... сам видишь, брат, – Зендергаст указал в окно. – Страстей там слишком много, а мудрости – слишком мало.

– А как насчет этих летающих шаров? Ты не боишься, что они станут достоянием профанов?

– Мы же не боимся парусных кораблей, – улыбнулся Ральтиван. – Ты ведь знаешь, брат, что в эпоху благого правления люди уже летали по воздуху, и это ничуть не толкало их к бунту – напротив, полеты на драконах целиком зависели от воли магов. То же будет и здесь... летающий шар зависим от ветра, а куда дуть ветру, укажем мы.

– Но со временем наша сила вновь иссякнет, – бесстрастно напомнил Рандавани.

– К тому времени у нас будут достаточно мощные светские институты, чтобы уничтожить все летающие шары, если мы сочтем это нужным.

– Ну как знаешь, брат. Раз уж после боя остальные согласились отдать наших пленников тебе, тебе и решать. И все же, до чего глупо с их стороны было подвергать себя опасностям бегства, если мы прямо говорили, что отпустим их, когда придет время! И собирались сделать это уже на следующей неделе.

– Да, большинство кундийских князей уже присягнуло нам, и наследника шаха Хурданистана вполне убедило то, что стало с дворцом его отца... Сегодня истекает срок ультиматума, предъявленного тургунайскому хану и цаньскому императору, а там дойдет черед и до Запада... Но ведь они, – Зендергаст снова указал в окно, – не знают об этом, а если бы мы им и рассказали – не поверили бы.

– Все профаны – точно малые дети, – сказал Рандавани. – Капризные, неразумные, жестокие. Но родители уже вернулись.

Подъем шара вновь замедлился, и принц, скрепя сердце, расстался с еще одной порцией книг. Оставался последний узел плюс его собственные конспекты.

– Я должен еще кое-что объяснить вам, – мрачно сказал Артен. – Нам грозит не только жар и воздушная волна. В зурбестанских записях указано, что реакция трансмутации порождает невидимые и неосязаемые лучи смерти. Звучит, конечно, глупо и больше похоже на страшилку для неграмотных, чем на описание научного факта... но последняя запись в книге, повествующая о неудачном эксперименте, гласит, что двое, находившиеся поблизости от пещеры маннорат сол, умерли мучительной смертью через несколько часов после испытания. С остальными, однако, ничего не случилось – видимо, лучи смерти слабеют, проходя сквозь плотные преграды. И с расстоянием тоже – будь это не так, солнце и звезды убили бы все живое. Я полагаю, горы полностью защитят нас. Но не стоит пренебрегать и дополнительной защитой стенок этой кабины. Как только перевалим через горы, надо будет сесть на пол и не высовываться.

– Это все, или у вас в запасе еще сюрпризы? – осведомился граф.

– Больше нет. Я не хотел беспокоить вас раньше времени, ибо изменить мы тут все равно ничего не можем.

У Артена вдруг неприятно и болезненно щелкнуло в ушах. С озабоченным видом он потрогал собственное ухо.

– Что-то похожее бывает, когда ныряешь на большую глубину, – просветила его Элина. Она поняла, что его беспокоит, ибо сама чувствовала то же самое.

– Ясно, – догадался принц. – Вода более плотная, чем воздух, а воздух здесь менее плотный, чем внизу.

– А мы все еще не добрались до уровня гребня, – напомнил граф. – Боюсь, что и последние книги...

– Позже, – угрюмо ответил Артен. – Если мы поднимемся выше сейчас, шар быстрее остынет.

Они действительно чувствовали, что воздух вокруг стал заметно холоднее; чего они не чувствовали, так это ветра, ибо двигались с его скоростью – и теперь, когда земля осталась далеко внизу, им казалось, что они висят в воздухе почти неподвижно. Однако достаточно было взглянуть на приближавшуюся с запада стену гор, чтобы развеять эту иллюзию. Нечасто человеку эпохи меча случалось двигаться столь стремительно. Разве что самая быстроногая лошадь, мчащаяся во весь опор, могла бы тягаться с ними – если бы, конечно, лошади умели скакать по воздуху.

Артен начал выкидывать книги по одной – он еще надеялся сохранить хоть что-то. Но в конце концов, видя, что траектория шара все равно неизбежно

упирается в горный склон, с обреченным видом выбросил все. Шар ненадолго поднялся над гребнем, но тут же снова начал снижаться.

– У нас есть еще золото! – вспомнила Элина. – Почти тысяча в тургунайских монетах.

– Там не будет и пары фунтов, а деньги нам еще пригодятся, – засомневался граф.

– Каждый фунт важен. Мертвым деньги не нужны. За борт! – распорядился Артен.

Россыпь золотых монет прощально сверкнула на солнце. Но если это и помогло, то лишь чуть-чуть. Шар остывал и продолжал медленно, но верно терять высоту. Склон кольцевой гряды быстро приближался.

Граф торопливо рылся в вещах, ища, что еще выкинуть. Теплую одежду? Скудный запас сухарей? Без того и другого в безлюдных горах их ждет гибель... А это что?

Граф распрямился, держа в руках плотную пачку мелко исписанных листов. Фунта два она весила.

– Не трогайте! – принц злобно рванул бумагу у него из рук. – Это последнее, что осталось от знаний Зурбестана!

– Мертвым знания не нужны, – скопировал его Айзендорг.

– В конце концов, у Элины рукопись не меньше! – воскликнул Артен. – Пусть выкинет ее!

– Как вам не стыдно! – возмутилась графиня. – Ведь это все, что осталось от Йолленгела и всей расы эльфов!

– Я ценю жертву Йолленгела, но неужели вы думаете, что какие-то древние баллады и обычаи ценнее, чем уникальные знания по физике, механике и математике?! – Артен тянул свои конспекты на себя. – А эльф все равно уже ничего не узнает!

– Мы обязаны Йолленгелу и исполним данное ему обещание, – холодно сообщил граф. – Сожалею, принц, но я вынужден применить силу.

Артен обреченно разжал руки, поняв, что сопротивление бесполезно. Испещренные чертежами, описаниями и формулами листы веером разлетелись в воздухе. В глазах у принца стояли слезы.

Однако это уже ничего не решало. Их несло прямо на каменный склон, покрытый снегом и льдом, и до столкновения оставалось не больше минуты...

И вдруг шар резво пошел вверх. Ветер, стремительно набегая на склон горы (не слишком крутой в этом месте), отражался от него кверху; именно этот поток и подхватил шар, перенося его через гребень кольцевой гряды.

«Элина...» – прозвучал вдруг голос в голове у графини.

«Йолленгел?» – удивилась она, в то же мгновение понимая, что удивляться нечему: ведь они оба владели магией и находились недалеко друг от друга, а сила нервного напряжения вполне компенсировала отсутствие пряди волос... Тут же она упрекнула себя, что не подумала о пряди раньше – тогда с эльфом можно было бы установить надежную связь, а не определять время счетом вслух. Впрочем, Йолленгел, как видно, сам решил эту проблему.

«Я готов, – сообщил он. – У вас все в порядке?»

Шар летел совсем низко над заснеженным гребнем и как раз в этот момент все же зацепился днищем кабины за обледенелый валун. Кабина резко завалилась набок; Артен вскрикнул. Все пассажиры крепко держались за веревки, соединявшие шар с корзиной, и это спасло их; однако вещи не были закреплены, и какие-то из них выбросило на снег. Потеряв таким образом часть веса, шар снова пошел ввысь.

«Что случилось?» – эльф почувствовал ее испуг.

Взгляд Элины метнулся по кабине, и она увидела, что ее котомка – а значит, и рукопись – на месте.

«Все нормально, – ответила она с облегчением. – Мы пересекаем гряду.»

«Скажите, когда будете в безопасности».

«Хорошо, – это были последние секунды его жизни, и ей отчаянно хотелось сказать ему что-то еще, что-то, несказанное ранее... – Йолленгел, я... мы все...»

«Не надо, – оборвал ее эльф. – Просто скажите, когда будет пора.»

Граф обратил внимание на странное выражение лица дочери – она даже шевелила губами – и спросил ее об этом.

– У меня магический контакт с Йолленгелом, – пояснила она.

– Хорошо, – кивнул граф, не удивившись. – Артен отдаст команду.

Под ними в это время распахнулась пропасть. С внешней стороны окружавшие Зурбестан горы были практически отвесными. Здесь, с подветренной стороны, образовалась область более разреженного воздуха, и шар быстро пошел вниз.

– Все – на пол, – скомандовал принц. – Теперь, Элина.

«Пора, Йолленгел.»

«Понял. Прощайте, Элина. Прощайте, все.»

Графиня не знала, как это будет, но предполагала грохот, яркий свет, проникающий даже сквозь сомкнутые веки... Однако ничего не было. Шар продолжал снижаться, одновременно дрейфуя прочь от стены гор. Они, впрочем, не видели этого, ибо сидели, скрючившись, на полу кабины, упираясь коленями друг в друга.

– Что, уже? – спросил недоверчиво Редрих, открывая глаза.

– Непохоже... – пробормотал Артен.

«Элина?» – в голосе эльфа звучало удивление.

«Йолленгел, вы живы?!»

«Я сделал все правильно... Все, как учил меня Артен. Все стрелки в нужных положениях... Но эта штука не сработала.»

Элина сообщила эту новость остальным. Меж тем шар, проскочив область пониженного давления, по прихоти воздушных потоков вновь двигался вверх.

– Что, принц, в ваши расчеты опять вкралась маленькая ошибочка? – Редрих, усмехаясь, поднялся с пола и посмотрел в сторону Зурбестана.

«Вы ведь не думаете, что я не сдержал слово? Я сделал все, как надо. Красная ручка... Она просто не сработала, понимаете?»

Удивление в голосе Йолленгела постепенно сменялось радостью. Он был искренен накануне, когда говорил, что устал от жизни и не видит в ней проку. И, наверное, через полчаса те же мрачные мысли вернулись бы к нему снова. Но сейчас, когда смерть была так близко, на расстоянии протянутой к рубильнику руки – сейчас он был счастлив, что смог избежать ее.

Солнечный свет озарил оболочку шара, доселе остававшуюся в тени гор, и принц понял, что шар, словно утопающий на поверхность воды, в последний раз поднялся на уровень гребня.

– Редрих, на пол! – крикнул он, одновременно со всей силы дергая веревку клапана, выпускавшего теплый воздух.

«Вы понимаете? Она не срабо...»

Ослепительный свет залил небо и землю.

Над Зурбестаном взошло рукотворное солнце.

Все было, как и думала Элина: сияние, проникающее даже сквозь веки, позже – чудовищный гром... Правда, грома они не услышали. Они лишь ощутили болезненный удар по ушам, после которого все звуки исчезли.

Артен сумел-таки выпустить веревку клапана не слишком поздно, и шар, хотя и быстро терял высоту, но все же не падал камнем вниз. Основной удар взрывной волны приняли на себя горы, отразившие ее вверх; но все же кое-какие турбулентные потоки перехлестнулись через гребень. Могучая сила обрушилась на шар, швырнула вниз и в сторону, завертела, перекручивая веревки... Оболочка не выдержала, разошлось сразу несколько швов. Шар неминуемо грянулся бы о камни, но тут снизу пришла другая волна – отголосок первой, отразившийся от земли – затормозила падение и бросила гибнущий воздушный корабль в узкую долину, где он ударился о склон горы – в этом месте крутой, но ниже более пологий. По этому склону, поросшему травой, кабина в конце концов и съехала вниз, и разорванная оболочка плавно накрыла ее.

Прошло, наверное, не так уж мало времени, прежде чем осевшая оболочка вновь зашевелилась, и из-под нее на четвереньках выползла Элина. За ней выбрался ее отец.

Глухота уже прошла; еще в кабине они успели обменяться впечатлениями о собственном самочувствии («Бывало и лучше, но в целом нормально», как сказал граф; то же было применимо и к Элине), и теперь их интересовала судьба остальных.

– Если их выбросило из кабины, вряд ли кто-то остался в живых, – сказал Айзендорг. – Хотя... – он посмотрел вверх по склону, – вон кто-то спускается. Кажется, Артен.

Это действительно был принц. Он хромал и как-то неестественно держал левую руку, но шел сам.

– Кажется, посадка была не слишком удачной, – сообщил он, подходя. – Но есть целых два позитивных результата. Мы живы. А они нет. Жаль, я не сразу понял, что реакции требуется какое-то время, чтобы выйти на критический уровень...

– Дайте-ка я посмотрю вашу руку, – сказал граф. – ...Ничего страшного, простой вывих. Потерпите секунду.

– Ай!!!

– Вот и все.

– Вы не видели Редриха? – спросила Элина.

– Его, должно быть, выкинуло еще раньше, – равнодушно ответил принц. – Вряд ли он жив.

– Отец только что говорил то же самое про вас, – возразила графиня и направилась вверх по склону. Мужчинам ничего не оставалось, как последовать за ней. Попутно они, впрочем, осматривались по сторонам в поисках выпавших из кабины вещей; им удалось подобрать меховую куртку, флягу с водой, котомку графа, затем и котомку Элины (графиня была счастлива обнаружить рукопись невредимой)...

– Посмотрите-ка туда! – воскликнул вдруг Артен.

С этого места открывался хороший вид на горную стену вокруг Зурбестана. Теперь над этой стеной висело огромное черное грибовидное облако, а вокруг него в небе расплывались очертания еще более гигантского кольца.

– М-да, – сказал граф. – Однажды я видел извержение вулкана, но то, что сделали мы, кажется, еще страшнее.

– Человек сильнее природы! – гордо констатировал принц.

– Смотрите! – Элина указывала в другую сторону. Выше по склону в неглубокой ложбинке лежал Редрих.

Он лежал вниз лицом неподвижно, и вначале им и впрямь показалось, что он мертв. Но когда Элина присела рядом с ним и коснулась его плеча, он вдруг резко перевернулся и сел, упираясь руками в землю. Лицо его было ярко-розовым, как у человека, с непривычки долгое время проведшего на жарком солнце.

– А? Кто здесь? – хрипло спросил он.

– Редрих, это же я, – мягко сказала Элина. Двое других стояли рядом.

– Вы? Вы живы? – он схватил ее руку, лежавшую на его плече. – Почему так темно? Мы свалились в какую-то яму?

Элина испуганно переглянулась с остальными. Артен тоже опустился на корточки и несколько раз провел рукой перед лицом герцога. Глазные яблоки со сжавшимися в точку зрачками даже не шевельнулись.

– Здесь не темно, Редрих, – сказал принц.

– Я... я не вижу? – понял герцог. Никто ему не ответил. – Но, может, это сейчас пройдет? – продолжал он. – Ведь пройдет, правда? Я ведь ничего не слышал, а теперь слышу...

– Не надо было вам смотреть на маннорат сол, – сказал принц.

– Нет... Не может быть... Судьба не может подсунуть мне еще и это!

Артен мог бы возразить, что судьба тут ни при чем, просто когда умные люди говорят – сидеть на полу, надо сидеть на полу, но понял, что его нравоучение уже бесполезно.

– Кости целы? – спросил граф. – Идти можете?

– Наверное... – Редрих поднялся. Элина хотела помочь ему, но он оттолкнул ее руку. Сколько раз ему хотелось, чтобы она хотя бы просто взяла его за руку! Но только не теперь. Чтобы она вела его, как беспомощного слепого калеку... только не это.

– Граф, – сказал он, – дайте руку.

Айзендорг помог ему спуститься вниз. Позже, пока Редрих сидел недалеко от останков шара, трое зрячих еще какое-то время обыскивали окрестности, надеясь найти другие уцелевшие вещи. В конечном итоге они недосчитались теплой куртки Элины, котомки Редриха, половины запаса сухарей и одной фляги. Все могло быть и хуже.

Элина меж тем, хотя отделалась лишь ушибами, тоже чувствовала себя так, как будто ей выжгли какой-то орган чувств. Поначалу она думала, что это последствия контузии, но затем поняла, в чем дело. За месяцы, проведенные в Зурбестане, она сама не заметила, как привыкла к высокому уровню магии. Даже несмотря на то, что она практически не пользовалась им и не старалась совершенствоваться в этой сфере, зная, что станет лишь уязвимее для магов-профессионалов – ее чувствительность росла. И вот теперь там, где некогда

маячил, пусть и сквозь дымку, незримый для обычного человека мир, осталась лишь черная мертвая пустота. Замысел Артена удался полностью – последний оплот магии на свете был уничтожен.

Принц расстелил на траве карту – теперь уже воистину последний реликт Зурбестана.

– В принципе отсюда мы можем выйти на два пути, – пояснял он. – Один идет на запад и впоследствии разветвляется, приводя нас либо в пустыню Шезех-Кум – ясно, что во времена Зурбестана пустыни там не было – либо в одно из северокундийских княжеств. Другой путь круто сворачивает на юг и ведет в западные области империи Цань. И именно последний путь нам надлежит избрать. Во-первых, он короче, что при нашей скудости припасов крайне важно. Во-вторых... я не знаю природы облака, которое мы видели, но мне бы не хотелось попасть под идущий из него дождь.

– Интуиция подсказывает мне то же самое, – кивнул граф, – а воин, который не доверяет своей интуиции, не доживает до моих лет.

– Я могу предложить и научное объяснение, – заметил Артен. – В момент трансмутации (время меча не знало взрывчатых веществ и самого слова «взрыв») все в Зурбестане, включая воздух и поднятую в воздух пыль, было пронизано лучами смерти. Может быть, их действие прекратилось с исчезновением самих лучей... а может быть, они превратили в яд все, с чем соприкоснулись. По крайней мере, химический яд нередко делает ядовитым то, с чем взаимодействует. И все это ветер несет на запад. Так что чем скорее мы уберемся отсюда на юг, тем лучше.

– Никто из нас не знает цаньского, у нас нет денег, из оружия – одни ножи, а цаньцы, как я слышал, не любят чужеземцев, – перечислил граф. – И тем не менее, принц, я согласен с вами. Лучше иметь дело с врагами-людьми, чем с... этим, – он указал через плечо в сторону неба над Зурбестаном. – Впрочем, нас могут ждать и другие сюрпризы. Если помните, в момент нашего приземления земля дрожала. В горах могли сойти лавины и образоваться завалы... да и вообще, такое могло случаться неоднократно, учитывая, что этой карте больше тысячи лет. И все равно – другого выхода у нас нет.

– Тогда не будем мешкать, – подытожил Артен.

Они задержались еще ненадолго – граф решил выкроить палатку из оболочки шара, хотя, конечно, шелк был плохой заменой брезенту – а затем отправились в путь.

Редриха по-прежнему вел граф, и, конечно же, это не могло не задерживать их продвижение. В течение этих часов Артен неоднократно с раздражением думал –

и чуть было не высказал вслух – что герцогу было бы гораздо лучше погибнуть, чем ослепнуть. Слыханное ли дело – пробираться по горам со слепым, и добро бы еще слепым от рождения, успевшим уже выработать определенные навыки взамен отсутствующего зрения – так ведь нет, с ослепшим только сегодня и совершенно беспомощным!

Тем не менее, они шли весь день, сделав лишь пару коротких привалов – образ черного ядовитого гриба, выросшего над Зурбестаном, придавал им сил. К вечеру путь им преградило то, чего опасался граф – по-настоящему серьезный каменный завал. Решено было остановиться на ночлег, а утром, со свежими силами, перебираться через нагромождение валунов. Взобравшись на каменный уступ, чтобы лучше осмотреть местность, граф обнаружил небольшую пещеру, которая выглядела весьма удачным местом для ночевки. Поужинав скудной порцией сухарей с несколькими глотками воды (впрочем, судя по карте, далее на маршруте им должны были встретиться ручьи и горные речки), измученные путники завалились спать.

Утром Элина проснулась первой, потому что лежать ей было неудобно. Причиной тому было отсутствие котомки под головой. Графиня с недоумением села, озираясь. Раскрытая котомка валялась в трех шагах от нее, и оттуда неряшливо торчали несколько страниц рукописи. Элина поспешно заглянула внутрь и с облегчением убедилась, что ее сокровище цело. Затем она перевела взгляд дальше и увидела Редриха, лежавшего у самого выхода из пещеры.

– Герцог, – строго произнесла она, – это ваших рук дело? (Строгость, впрочем, тут же была поглощена зевком.) Просыпайтесь, Редрих, уже ут...

Редрих Урмаранд лежал на спине, и первый луч пробившегося в пещеру солнца отражался в его распахнутых слепых глазах. Пальцы правой руки крепко сжимали рукоять ножа, вонзенного точно в сердце. Редрих был хорошим бойцом и не промахнулся даже вслепую.

– Папа, Артен! – крикнула Элина. – Вставайте!

Левая рука герцога прижимала к полу лист из рукописи Элины. Когда граф поднял эту руку, чтобы взять бумагу, то увидел короткий надрез на запястье. Свое последнее послание Редрих писал пальцем, смачиваемым в собственной крови; был ли в том преднамеренный символизм, или ему просто не удалось найти грифель? Удивительно даже и то, что он сумел на ощупь отыскать котомку графини и бумагу внутри, никого при этом не разбудив... Крупные бурые каракули сливались в короткую фразу:

Я НИКОГО НЕ ПРОСТИЛ

Трое стояли перед продолговатым холмиком, сложенным из некрупных камней.

– Бедный Редрих, – сказала Элина. – Конечно, иногда он бывал несносен, но он не заслуживал такого конца.

– Он сделал правильный выбор, – возразил Артен. – Даже если бы он каким-то чудом и добрался до Запада, что дальше? Денег у него не было, воевать он уже не мог, а его титул не стоил и гроша. Что ему оставалось, просить милостыню?

– По-моему, этому парню вообще не стоило появляться на свет, – мрачно заявил граф. – Хотя сам он и не был ни в чем особенном виноват.

Они немного помолчали.

– А Йолленгел умер счастливым, – сказала вдруг Элина.

– Что? – граф отвлекся от своих мыслей. – Ты хочешь сказать, потому, что он совершил подвиг?

– Нет, потому что думал, что избежал смерти, – просто ответила Элина. – А когда оказалось, что это не так – он ведь ничего не успел почувствовать?

– Да, – подтвердил Артен, – это самая мгновенная смерть на свете.

– Ладно, господа, – подвел черту граф, – оставим мертвых прошлому, а нас ждет штурм завала.

В течение нескольких часов они карабкались через валуны, срываясь, обдирая до крови руки, несколько раз рискуя быть погребенными под грудой камней. Однако им все же удалось перебраться на другую сторону, где они сделали передышку.

– Знаете, кузина, – сказал Артен, неодобрительно разглядывая свои ссадины, – наше путешествие домой начинается в куда менее благоприятных условиях, чем наше путешествие сюда... и хотя я очень надеюсь, что доберусь – что все мы доберемся – до Запада живыми, ученый должен рассматривать все варианты. Так вот, я обещаю, что если с вами что-то случится, я доставлю вашу рукопись... и даже если что-то случиться с ней, я ее читал и хоть что-то помню. А все, что осталось от науки Зурбестана, ныне хранится лишь в одном месте, – он коснулся своего виска. – Это неправильно. Давайте я буду рассказывать вам все, что успел прочитать и понять. Тогда, если что-то случится со мной, вы сможете донести эти сведения до ученых. Конечно, это будут лишь жалкие обрывки обрывков, но все-таки лучше, чем ничего.

– Конечно, принц! – обрадовалась она. – Если вы еще не заметили, меня давно уже интересуют не только железки.

– Вот и отлично. Начнем прямо сейчас. Наш мир имеет форму шара диаметром примерно 8000 миль и обращается в пространстве вокруг солнца...

Принц не знал, хватит ли этих крупиц знания, чтобы положить начало превращению времени меча во время науки. И не станет ли наука лишь средством создания более разрушительных мечей... В одном он не сомневался – мир уже не будет прежним. Попытка захвата власти магами в любом случае не могла остаться без последствий. Если первое освобождение человечества от их господства сопровождалось казнями и репрессиями против них, то теперь все повторится едва ли не в большем масштабе. Ведь далеко не все они успели собраться в Нан-Цоре, многие, наверное, до сих пор толком не знают о заговоре... Но все они будут объявлены врагами и изменниками. В нынешнем поколении, конечно, репрессии коснутся лишь профессиональных магов – среди тех, кто, подобно Элине, владеет магией на дилетантском уровне, слишком много людей знатных и влиятельных, учившихся магии по традиции. Но теперь эта традиция будет искоренена, и уже через пару поколений, возможно, за одно лишь подозрение в наличии самых невинных магических навыков будут сжигать на кострах... Со светлым образом торжества разума и науки такая картина не очень-то сочеталась. Но принц надеялся на лучшее.

В тот день они прошли еще десяток миль по ущелью, а затем вновь начали подниматься в горы. Следующее утро застало их на широкой террасе, лежавшей на пути к первому из обозначенных на карте перевалов.

Элина, потягиваясь, вышла из палатки. Принц еще спал, но ее отца в палатке уже не было – как и предполагала графиня, он занимался утренней разминкой. Она составила ему компанию. Побегав по периметру террасы, сделав упражнения на гибкость и на силу, отец и дочь уселись над обрывом, вдыхая свежий утренний воздух и глядя, как разгораются на солнце белые шапки вершин. Элине вспомнился вдруг вчерашний разговор с принцем, и она подумала, что есть еще кое-какая информация, доселе хранившаяся лишь в одной голове.

– Папа, – сказала она, – ты давно уже обещал, что когда-нибудь расскажешь мне о моей матери. По-моему, сейчас самое время.

Брови Айзендорга дрогнули и чуть сдвинулись к переносице.

– Ты уверена, что хочешь это знать?

– Иначе я бы не спрашивала.

– Тебе может не понравиться то, что ты услышишь, – предупредил граф.

– Теперь я тем более не успокоюсь, пока не узнаю все! – логично заявила Элина.

– Ну хорошо... – Айзендорг вновь устремил взгляд в сторону гор. – Тогда слушай и не перебивай. Четырнадцать лет назад я воевал под знаменами герцога Кадельонского. Я был капитаном и командовал ротой наемников. Я всегда вел

войну по законам чести и требовал от своих солдат дисциплины; разумеется, им причиталась их доля добычи, но все же я старался свести ущерб, причиняемый мирному населению, к минимуму. Но вот в одном бою с превосходящими силами противника моя рота понесла большие потери, и мне прислали подкрепление. Буквально на следующий день мы нанесли врагу ответный удар. Скажу без ложной скромности, это была весьма грамотная операция, и я сыграл не последнюю роль в ее планировании и реализации. Мы скрытно перебросили свои силы, обрушились на противника там, где он меньше всего ожидал, отсекли его от крепости, где он пытался укрыть свои части, и довершили их разгром в поле. И вот сразу после боя я проходил по вражеской деревне, взятой одним из моих взводов. Часть домов горела, там и сям валялись убитые с обеих сторон – в общем, победы не бывают без жертв. И вдруг я услышал громкий детский плач. Я свернул во двор дома – это была простая крестьянская изба с соломенной крышей, которая уже пылала. Прямо у ворот в грязи лежал зарубленный крестьянин; в руках он сжимал косу, которой, как видно, пытался защитить свою семью и имущество. Дальше, свесившись с крыльца головой вниз, лежала молодая женщина, его жена – достаточно красивая, чтобы разжечь похоть дворянина, не говоря уже о непритязательных солдатах. Но и она пыталась защитить себя, стоя на крыльце и отбиваясь вилами, поэтому солдат проткнул ее копьем в живот. Девочка лет трех плакала и тормошила тело матери, не понимая, почему та не встает... Я никогда прежде не любил детей, и уж тем более не хотел иметь дочь. Но когда я увидел эту сцену... ведь это сделали мои люди – пусть и не по моему приказу, но я, как командир, отвечал за них. Не то чтобы здесь было что-то уникальное – на войне такие вещи происходят сплошь и рядом, и я знал, что не могу исправить все зло на свете. Но на сей раз это были мои люди! И если бы я как следует накануне промыл мозги новобранцам насчет обращения с мирным населением – может, этого бы и не случилось. Но мои мысли занимала главным образом диспозиция боя... И я решил, что теперь мой долг – позаботиться об этой девочке. Она уже совсем обессилела от крика, когда я взял ее на руки... В тот же день у нее поднялся жар, и несколько дней она металась в горячке. Я уже тогда кое-что смыслил в медицинском искусстве и выхаживал ее. Потом она назвала свое имя – Элина. Красивое, некрестьянское имя. Должно быть, родители слышали его где-нибудь на ярмарке, где заезжие комедианты представляли сценки из жизни господ... Тогда я еще не думал, что удочерю ее, такая мысль вообще была нелепой для боевого офицера в разгар войны. Я планировал, что подыщу для девочки какую-нибудь зажиточную, но бездетную семью. Но сначала было не до этого – а потом я понял, что не расстанусь с тобой... А тем убийцам так ничего и не было. Я, разумеется, устроил допрос своему взводу, но они видели, что я

разгневан, и никто не признался. Да и наверняка многие из них были виновны в подобном – в той деревне был не один двор... Я подал рапорт командованию, но оно, естественно, не нашло ничего неправильного в том, что с вассалами врагов его светлости герцога Кадельонского поступают подобным образом. После этого я перевелся в другой полк... Лишь однажды, пару месяцев спустя, ты вдруг жутко испугалась, увидев вестового, доставившего мне пакет. Должно быть, это был один из убийц... Ну вот, теперь ты все знаешь.

– Выходит, я никакая не графиня? – потрясенно произнесла Элина.

– Ты – законная графиня Айзендорг, что подтверждено королевской грамотой. Но родилась ты простой крестьянкой.

– А мой день рожденья? Это день, когда ты меня нашел?

– Нет, не мог же я делать твоим праздником день гибели твоих родителей. В качестве твоего дня рожденья я выбрал дату одной из славных побед тарвилонской армии...

– Знаю-знаю, битва при Габбентале. А я-то всегда считала, что это символичное совпадение.

– Как видишь, не совсем совпадение. Хоть и символичное.

Повисла короткая пауза.

– Как это здо́рово! – воскликнула вдруг Элина.

– Что здо́рово? – не понял граф. – Что я – не твой отец?

– Да нет же, папа! Конечно, именно ты мой настоящий отец! Мне жаль этих несчастных, что произвели меня на свет, но если бы я осталась их дочерью, что за участь меня бы ждала? Лучше бы мне было тогда вовсе не рождаться! Никто в целом свете не мог бы быть мне лучшим и более достойным отцом, чем ты! И, надеюсь, я ни разу не заставила тебя раскаяться в твоем решении?

– Можешь быть в этом уверена, дочка! – он с огромным облегчением обнял ее за плечи, улыбаясь в усы.

– Я имела в виду вот что, – продолжала объяснять Элина. – У тебя нет сыновей, и, значит, обязанность продолжения графского рода Айзендоргов ложится на меня. Я всегда с ужасом думала, что рано или поздно мне придется выходить замуж... и, более того, рожать детей! – Элину даже передернуло от отвращения при этой мысли. – А теперь я знаю, что проблема легко разрешима без того и другого! Я просто усыновлю какого-нибудь маленького мальчика и воспитаю его настоящим рыцарем, истинным наследником герба и славы Айзендоргов!

– Что ж, почему бы и нет, – рассмеялся граф.

– А кто-то вчера говорил, что интересуется не только железками, – раздался вдруг сзади голос Артена.

Граф и Элина повернулись к нему, и по выражению их лиц принц понял свою оплошность.

– О, кажется, я влез в разговор, не предназначенный для моих ушей. Прошу прощения. В любом случае, могу вас заверить, что слышал только последние фразы Элины.

– Хорошо, принц, усыновлю и воспитаю двоих. Одного – воином, другого – ученым. Вы удовлетворены?

– Вполне, – улыбнулся Артен. – Нам осталось решить лишь одну маленькую проблему – вернуться домой.

– По сравнению с теми проблемами, которые мы уже решили, она действительно не слишком большая, – серьезно ответила Элина. – Так что, принц, если вы уже выспались...

Они собрали свои небогатые пожитки и зашагали в гору.

© Юрий Нестеренко, 1999–2000

Все иллюстрации

(в т.ч. крупные планы, не включенные в данный текст)

Если вам понравилось прочитанное, пожалуйста, поддержите автора любой суммой:

через PayPal
или BMC (разовые пожертвования или постоянное спонсорство)
или Patreon (подписка)
или Zelle (из США) для georgeyright@gmail.com
или Wise (не из США) для:
  Номер счета 7010141420
  Код банка (Routing Number) 031100649
  Банк Discover Bank
  Имя George Right
или криптовалюты:
  BTC 14ozyVuh2myB1Nxqz2wVQ2vfXtgd8mP7ov
  ETH 0x311b5964C36098CCe66885cb373A727D2B7Bd840